

**ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

И.П. Медведев

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА
ВИЗАНТИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ**

СЕРИЯ

**ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ИССЛЕДОВАНИЯ

И. П. МЕДВЕДЕВ

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА
ВИЗАНТИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ**

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Редколлегия серии «Византийская библиотека»:

*Г. Г. Литаврин (председатель), О. Л. Абышко
(сопредседатель), И. А. Савкин (сопредседатель),
С. С. Аверинцев, М. В. Бибииков, С. П. Карпов,
Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева, Я. Н. Любарский,
И. П. Медведев, Г. М. Прохоров, И. С. Чичуров,
А. А. Чекалова, И. И. Шевченко*

И. П. МЕДВЕДЕВ

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА
ВИЗАНТИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ**

Научное издание

**Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2001**

ББК ТЗ(0)4
УДК М44

Игорь Павлович Медведев
М 44 Правовая культура Византийской империи. —
СПб.: Алетейя, 2001. — 576 с. — (Византийская библиотека. Исследования)
ISBN 5-89329-426-2

Византийская империя — государство, создавшее блестящую, передовую во всем Средневековье культуру, важнейшей составной частью которой была правовая культура. В книге И. П. Медведева развивается концепция византинизма как культурной системы, основанной на началах права, причем права цивилизованного, писанного, предполагавшего высокий уровень юридического мышления и общей образованности. Рассмотрены спорные вопросы правовых основ византийской государственности, отдельные этапы в развитии византийского законодательства и юриспруденции, система юридического образования, история византийского судопроизводства, нотариата и т. д. Основу книги составляют ранее опубликованные автором в различного рода изданиях материалы, соответствующим образом дополненные, переработанные и объединенные в единую систему.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся историей права.

ISBN 5-89329-426-2

9 785893 294262

На форзацах: Византийские императоры-законодатели. Слева: Юстиниан и изображение юстиции. Справа: Лев III и Константин V — издатели «Эклоги». Рукопись X в. Марс. гр. 172, ф. 27v.

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2001 г.
© И. П. Медведев, 2001 г.

*Светлой памяти
Елены Эммануиловны Липшиц
посвящается*

Предисловие

Среди исторических цивилизаций прошлого, пожалуй, не было такой, которая бы оставила после себя больше писанных законов, чем Византия. Наш выдающийся историк византийского права Е. Э. Липшиц, памяти которой посвящается эта книга, считала, что «византийское право являлось одной из наиболее ярких сторон византийской культуры, и по силе воздействия на культуру других народов средневекового мира оно может идти в сравнение только с византийским искусством и архитектурой» (Е. Э. Липшиц. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., 1976. С. 3). Соответственно само византийское государство трактовалось как *ἔννομος πολιτεία* — цивилизация, в которой социальные связи регулировались законами и судебными процедурами; контракты заключались в присутствии свидетелей и нотариально заверялись, а составление документов (завещаний, брачных договоров, торговых сделок, всевозможных актов на отчуждение недвижимости и т. д.) входило в компетенцию юристов и нотариев; граждане обращались в суды с исками и жа-

лобами, а судьи основывали свои решения на корпусе писанных текстов или устоявшихся обычаях, «вдохновляясь древним изречением дистрибутивной и эгалитарной юстиции *suum cuique tribuere*», воздавать каждому принадлежащее ему право (см.: *G. Dagron. Lawful Society and Legitimate Power // Law and Society in Byzantium: Ninth-Twelfth Centuries. Washington, 1994. P. 27–51*). Поэтому нам, нынешним, озабоченным поисками правового общества, не может быть безразличным богатейший правовой опыт, накопленный Византией за более чем тысячелетнюю историю своего существования.

Конечно, византийское право — это сложный по своему составу и происхождению комплекс юридических норм и систем, сосуществовавших, взаимодействовавших, но не редко и взаимоисключавших одна другую. Основу этого комплекса составляла обширная сфера норм писаного официального права, унаследованного в значительной своей части от Римской империи, но переработанного и пересмотренного в ходе кодификационных работ византийскими юристами и явно испытывавшего воздействие традиций и обычаев местного эллинистического, а также норм церковного, канонического права. Получив наиболее полное воплощение в четырехчастном своде Юстиниана в VI в. (*Corpus Iuris Civilis*), это право сохраняло свое значение не только на всем протяжении истории Византийского государства, но и в позднейшие времена. Наиболее разработанным при этом было частное, или гражданское, право. Громоздкое, составленное по преимуществу на малодоступном для большей части населения империи латинском языке, отягощенное к тому же грузом вышедших из употребления правовых норм, Юстинианово законодательство имело ограниченное

применение в юридической практике. Поэтому уже при жизни Юстиниана антецессоры создали ряд кратких пособий к огромному своду на греческом языке (парафраз, толкований, этимологических и других разъяснений), игравших гораздо более важную роль в правовой жизни Византии, чем свод самого Юстиниана. Позднее на основе всей этой предварительной работы были созданы первые краткие законодательные своды на греческом языке, среди них исаврийская Эклога VIII в. с ее попыткой корректировки Юстиниановых законов в сторону приспособления их к нуждам эпохи, отказа от юридического формализма, в сторону «большей человечности», с особым вниманием к разработке уголовного права. Будучи дополнена специальным приложением, официальный характер которого, впрочем, подвергается сомнению, Эклога сыграла большую роль в дальнейшем развитии византийского права, послужив базой для целого ряда ее частных переработок и официальных законодательных сборников (Исагога; Прохирон).

Фактически разновидностью официального имперского права было церковное, т. е. совокупность норм, обладавших силой закона и определявших организацию церкви, ее внутреннее устройство, отношения между церковью и государством, а также между церковью и частными лицами — мирянами. Особенно сильно было влияние церковного законодательства в области частного семейного права, осуществляемое через наиболее массовый и демократический вид византийского суда — епископский суд (*audientia episcopalis*).

Если присовокупить сюда текущее законо- и нормотворчество, развивавшееся по пути издания императорских указов-новелл, различного рода частных,

но признававшихся государством юридических компиляций, а также обширную сферу обычного права, включавшую в себя идущие из глубины веков обычаи народностей, населяющих Византию, и новые институты средневекового квази-феодалного права, не отраженные в официальном имперском законодательстве, то мы увидим, что в Византии действовал некий «юридический плюрализм» как сосуществование и взаимодействие многих правовых систем различного происхождения, адекватно отражавший сложную социальную и политическую обстановку в империи.

Разумеется, данная книга не преследует цели отразить историю византийского права во всех его проявлениях. Это сборник работ, в свое время написанных и опубликованных в разных изданиях, а ныне — в духе времени — объединенных под одной обложкой. При этом все они, дополняя друг друга, «выстраиваются» в некую единую по тематике систему, что и делает, мне кажется, их объединение в достаточной степени естественным. В это целое входят, в частности, цикл статей по спорным вопросам публичного права Византии, некоторым правовым аспектам византийской государственности; главы из коллективного многолетнего труда «Культура Византии», позволившие воссоздать основные этапы становления византийского законодательства с учетом последних достижений науки; чисто юридические разделы моей монографии «Очерки византийской дипломатики» (Л.: Наука, 1988), посвященные истории византийского нотариата и судебных процедур; наконец, конкретные разработки отдельных правовых проблем и памятников «правовой письменности» (в разделе «*Varia*»). Сделана попытка дополнить и «осовременить» материалы за счет новой литературы, хотя, надо признаться, не

в той мере, как хотелось бы. Не будучи склонным переоценивать научную значимость представленной уважаемому читателю книги, хотел бы надеяться, что она окажется ему во всяком случае небесполезной: ведь после работ незабвенной Елены Эммануиловны Липшиц у нас в стране не появилось в области «правового византиноведения» почти ничего достойного внимания. Нельзя допустить, чтобы эта, столь традиционная для отечественного византиноведения дисциплина у нас совсем заглохла.

Часть I

Правовые аспекты византийской государственности

Из истории этатизма в средневековой Европе: точка отсчета

Драматические столкновения римского и варварского миров, имевшие место у истоков средневековья, породили в высшей степени своеобразную политическую ситуацию в Европе. В то время как на Востоке Византия сохранила римскую систему ненаследственной централизованной монархии и хотя бы формально обеспечила континуитет римской государственности, на развалинах Западной Римской империи возник чуждый этой государственности и отрицающий ее мир бесчисленного множества аморфных в политическом отношении образований. Доминирующей формой политической организации в Западной Европе в то время было германское королевство, а оно «было почти полной антитезой современному государству, ибо основывалось на личностных отношениях, а не на

отвлеченной концепции государства и не на безличных институтах».¹

Такое выработанное римским публичным правосознанием, как *res publica*, т. е. собственно «публичная вещь» в смысле «публичное, общественное дело», «государство», «государственная власть» (хотя все эти понятия являются неологизмами), а также концепция власти монарха как *ministerium* — «служение» этому «общественному делу», были на многие века преданы забвению. По словам проф. Феду, «на место господства бюрократии, тяжкого, но объединяющего, которое символизировало одновременно традиционную идею *res publica* и торжествующий этатизм, унаследованный от Диоклетиана, заступил режим военной банды». Место публичного римского права заняло патримониальное обычное право варварских «правд», в результате чего произошла как бы приватизация государства, низведение его до ранга *res privata* военного вождя, его родовой собственности и соответственно как бы одомашнивания (доместикации) государственных служб. Частное право заменило публичное, а государство стало пониматься как большая вотчина. И дальше вопросы престолонаследия решались в соответствии с 59-м титулом Салической правды, который, как известно, трактует вопросы наследования недвижимости частными лицами. Стало неопределенным понятие государственной границы и почти сошло на нет понятие столицы государства как места пребывания органов публичной власти: начинается эпоха своеобразного номадизма центральной власти, т. е. короля и его двора.²

---

¹ *Strayer J. R. On the medieval origins of the modern state. Princeton, 1973. P. 13.*

² *Fédou R. L'état au Moyen Age. Paris, 1971.*

Наконец, исчезает само слово для обозначения государства, хотя латинское *status*, от которого и происходит слово «государство» почти во всех западноевропейских языках (*état, state, staat, stato* и др.), уже в позднеантичное время стало как будто употребляться именно в этом его значении, например, Цицероном, Тертуллианом, Орозием.³ Наблюдается также сугубый «персонализм средневековых воззрений на государство, т. е. концентрация внимания на персоне государя как носителя суверенитета, полное отождествление королевства с персоной короля, сам титул которого отредактирован с акцентом на его функцию как военного вождя этнического племени, но никак не государственной территории: *rex Francorum*, но не *rex Franciae*, *dux Bohemorum*, но не *dux Bohemiae*, и т. д.»⁴

Разумеется, в эту схему, ибо это всего лишь принципиальная схема, самый общий слепок с действительности, можно было бы внести немало уточнений. Если, например, повсеместно наблюдавшаяся в европейских княжествах и королевствах *imitatio imperii*, или, как говорят некоторые, «зараженность Римом», способствовала сохранению лишь внешних черт *Imperium Romanum*, то появление идеи *translatio imperii*, т. е. представления о возможности переноса империи во времени и пространстве (в данном случае переноса суверенитета от римлян к германцам), и использование этой идеи для оправдания своей завоевательной политики, скажем, Карлом Великим или Оттонами свидетельствует уже о возросшем уровне политиче-

---

³ *Guenée B.* L'occident aux XIVe et XVe siècles: Les états. Paris, 1971. P. 60–61.

⁴ *Graus F.* Littérature et mentalité médiévales: Le roi et le peuple // *Historica*. 1968. Т. 16. P. 22–25.

ского мышления.⁵ Но в общем и целом вышеприведенная схема верно отражает политическую ситуацию вплоть до XI в. Только в эпоху споров об инвеституре, когда постепенно осознается различие между функцией суверена и его персоной, а также начинают самоопределяться и отделяться друг от друга гражданская и церковная власти, средневековое мышление обретает понемногу понятие государства. Отныне «начинают говорить *populus*, имея в виду управляемую часть государства, корона, имея в виду правящие круги, и *regnum*, имея в виду государственный организм в целом».⁶

В 1204 г. Филипп Август впервые официально присваивает себе титул *rex Franciae*, а в 1205 г. впервые же было употреблено ставшее отныне общепринятым название *Regnum Franciae*. «Франция осознает себя теперь личностью. У нее есть отныне имя. Так же, впрочем, как почти у всех государств Западной Европы с конца XIII в.»⁷

Особое значение приобретают такие термины и формулы, выражающие фундаментальные понятия в образовании государства, как *status regis et status regni*, обозначающие политический организм, включающий в себя одновременно правящих и управляемых.⁸ Появление этих понятий связывается с возникновением

---

⁵ *Goez W.* *Translatio imperii*. Tübingen, 1958.

⁶ *Guenée B.* *L'occident...* P. 62.

⁷ *Ibid.* P. 115.

⁸ *Post G.* 1) «*Status Regis*» // *Studies in Medieval and Renaissance history*. 1964. Vol. 1. P. 1–104; 2) *Studies in medieval legal thought: Public law and the state (1100–1322)*. Princeton, 1964; 3) *Sovereignty and its limitations in the Middle Ages (1150–1350)* // *XIII Intern. Congr. of Hist. Sci.* Moscow, 1970.

в Европе XII–XIV вв. новых государств, новой политической конъюнктуры, новых условий для вызревания идей публичного правосознания и новых знаний, вызванных рецепцией римского права. Вдохновляясь прежде всего зафиксированным Дигестами высказыванием Ульпиана: «Publicum ius est quod ad statum rei Romanae spectat» (кстати, сейчас оно признается византийской интерполяцией VI в., но глоссаторы воспринимали его, естественно, как римское), легисты стали развивать концепцию внутренней компетенции государства, неотчуждаемой публичной власти короля, доктрину государственного интереса, общего блага. Отныне *bonum commune, utilitas communis, bonum publicum* становятся ключевыми понятиями средневекового политического мышления. В статутах, в этих важных правовых документах по конституционной истории Англии, скрупулезному анализу которых много внимания уделил профессор из Принстона Гейнс Пост, эта доктрина выражена понятиями *plena potestas* и *quod omnes tangit*, т. е. то, что касается всех, должно быть и одобряемо всеми. Королевство трактовалось легистами как большая корпоративная община, глава которой, король, был в ней императором, не зная над собой вышестоящего суверена, кроме Бога и права: *Rex in suo regno imperator est*.

На первый взгляд в положении государя мало что изменилось: он по-прежнему остается всемогущим властелином и, пользуясь своим положением верховного правителя, постоянно проявляет тенденцию отождествлять государство со своей персоной (ведь будет еще Людовик XIV с его знаменитым «*l'état c'est moi*» и даже Наполеон, повторивший эту фразу в несколько измененной редакции: «*La chose publique, l'état, ce fut moi*»). В сущности, и в этом государю помогают легисты, находя для этого достаточно основа-

ний в римском праве и в особенности упирая на так называемый царский закон (*lex regia*), зафиксированный Дигестами, положение которого сформулированы следующим образом: *princeps legibus solutus est* (государь не связан законами) и *quot principi placuit legis habet vigorem* (что угодно государю — имеет силу закона). Начиная с Иоанна Солсберийского, который в своем «Поликратике» обосновывал идею *rex imago Dei* (но также и идею тираноубийства),⁹ придворные идеологи стали усиленно культивировать концепцию, согласно которой король выше закона, он сам закон (*lex animata*). Сама система феодально-вассальных отношений, царство сеньории способствовали сохранению пережитков патримониального права, феодально-династической окраски принципов суверенитета и равноправия государств. Так, именно в эпоху позднего средневековья мы наблюдаем, как матримониальная политика, политика личных уний, династические и наследственные неурядицы вызывают переделы государств, отчуждение территорий, перекраивают границы государств, а иногда являются причиной возникновения объединенных королевств, например польско-литовское королевство, возникшее в 1382 г. в результате личной унии Ядвиги и Ладислава Ягеллона.

И тем не менее существенный сдвиг в публичном правосознании налицо. Фактически люди стали понимать под *status regis* и под самим *ius publicum* магистраты, государственные должности. Как глава государства король имел публичное право — прерогативу управлять корпоративным телом королевства для общего

---

⁹ *Guenée B. L'occident... P. 102; Крылова С. Е.* О политических взглядах Иоанна Солсберийского // Проблемы социальной истории и культуры средних веков: Межвузовский сборник. Л., 1987. С. 37.

блага и безопасности. Это высшее право его должности, но не его права как частного лица, ибо оно дано ему не в собственность, но для защиты королевства (*non quoad proprietatem sed quoad protectionem*).¹⁰ Король, отказывавшийся уважать справедливость и закон, рисковал приобрести репутацию тирана и мог встретить противодействие со стороны своих подданных, обладавших правом сопротивления (*ius resistendi*) вплоть до убийства. Как было отмечено, уже Иоанн Солсберийский в XII в. высказал идею тираноубийства. Долгое время голос его оставался одиноким, пока в XIV в. или под воздействием его «Поликратика», или под влиянием высказываний Аристотеля, Цицерона и Сенеки, также оправдывавших тираноубийство, и другие на подхватили эту идею (например, гуманисты с их «культом Брута»). «Нет жертвоприношения более приятного, чем кровь тиранов», — говорит Боккаччо. *Vox populi, vox Dei!* То же, кстати, ожидало монарха, который в общественном мнении приобретал репутацию не способного к управлению, *non idoneus*, даже если он обладал всеми законными правами на занятие трона.

Разумеется, параллельно с процессом эмансипации публичной политической власти шел процесс складывания ее внешних придатков, институтов принуждения, структуры государственной машины, системы сословного представительства, государственного аппарата как такового, появления кадров профессионального чиновничества, в возросшей роли которого видят основную черту государства эпохи Возрождения.¹¹

¹⁰ *Guenée B. L'occident... P. 151–152.*

¹¹ *Люблинская А. Д. Государство эпохи Возрождения в Западной Европе // Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978. С. 7–15.*

С развитием городов все больше вырабатывается понятие столицы государства как места пребывания централизованной администрации (именно такую роль сыграл Париж при Капетингах), уточняется понятие государственной границы в политическом, фискальном и особенно военном смысле, чему способствовал и прогресс в географических знаниях. Констатируется появление флага государства вместо личных хоругвей и стягов князей, королей и крупных сеньоров феодалной эпохи. Наступает эра торжествующего этатизма.

Можно ли Византию называть Византией?

Вопрос не такой уж праздный, как это может показаться на первый взгляд. Ведь в новейшей историографии снова, как когда-то, все более явственным становится «легитимистское» направление с его отождествлением Византийской империи и Римской империи и отрицанием правомочности первого из приведенных названий. Наиболее последовательным адептом этой точки зрения является известный итальянский ученый и историк римского права Пьеранджело Каталано, который считает, что «искусственное и противоречащее историческим источникам» использование слова «византийский» для обозначения одновременно римских и греческих реальностей Ромейской державы на Востоке только вводит в заблуждение и является одним из побочных эффектов «окцидентализма» или «западноевропейизма», отождествляющего Римскую империю с Западной Римской империей, прекратившей свое существование в 476 г., в то время как для восточной ее части пришлось изыскивать

специальное название.¹² Отрицается возможность применения самого понятия «эпоха средневековья» к истории восточной части Римской империи, и поскольку со ссылкой на учение о «вечности империи» (*aeternitas imperii*) и ее *translatio* обосновывается непосредственный континуитет между античным Римом, вторым Римом (Константинополем) и Третьим Римом (Москвой), то оказывается, что и русское государство (причем не только во времена Ивана III и псковского монаха Филофея, провозгласившего знаменитый лозунг: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать», но и позднее — вплоть до Петра Великого и даже еще позднее) — это лишь заключительный этап в истории Римской империи.¹³

---

¹² *Catalano P. Fin de l'Empire Romain?: Un problème juridico-religieux.* Статья опубликована дважды: 1) *Roma Costantinopoli Mosca: Da Roma alla Terza Roma (Studi I).* Napoli, 1983. P. 543–556; 2) *Actes du VIIe Congr. de la Fédération Intern. d'Etudes Classiques.* Budapest, 1983. Vol. 2. P. 123–135; ср.: *Catalano P. Alcuni sviluppi del concetto giuridico di Imperium Populi Romani // Popolo e spazio romano tra diritto e profezia: Da Roma alla Terza Roma (Studi III).* Napoli, 1986. P. 652. С призывом к византинистам отказаться от наименования «Византийская империя» проф. Каталано обратился и на заседании VI международного семинара «От Рима к Третьему Риму» (Москва, май 1986 г.), в связи с чем автору этих строк пришлось вступить с ним в довольно острую дискуссию.

¹³ Необходимо отметить, что цели организаторов международного исторического семинара «От Рима к Третьему Риму» (одним из них является проф. Каталано), направленные на выявление идей солидарности христианских европейских народов, общности их исторических судеб, преодоления этнического партикуляризма и их средневековой разобщенности, заслуживают, безусловно, понимания

Это, по-видимому, правда, что в средние века не существовало Византийского государства как такового, что те, кого мы, современные ученые, по взаимному и, как казалось раньше, не требующему особого обоснования согласию, именуем византийцами, предпочитали называть себя иначе — Ῥωμαῖοι, т. е. собственно готани, римляне, граждане «римского государства», обозначавшегося по-гречески широким спектром не очень-то строгих в техническом отношении словосочетаний — τὸ κράτος Ῥωμαίων (у Михаила Пселла), ἡ τῶν Ῥωμαίων ἀρχή (у Михаила Атталиаты), τὰ τῶν Ῥωμαίων πράγματα (у Никифора Григоры), вообще Ῥωμανία (у Кекавмена), но чаще всего, пожалуй, названием, как бы претендующим на роль официального, — ἡ πολιτεία τῶν Ῥωμαίων.¹⁴

В первом титуле 46-й книги Василик (византийский законодательный свод X в.) утверждается, что «проживающие на римской земле суть римские граждане», а чтобы не было двусмысленности в толковании этого отрывка, схолиаст разъясняет: «Все проживающие

и одобрения, но все же не хотелось бы, чтобы при этом историческая действительность тех времен подгонялась бы под наши нынешние идеологические клише. История Третьего Рима — это все-таки в значительной мере история политической фикции, такого политического призрака.

¹⁴ Beck H. G. *Res Publica Romana: Vom Staatsdenken der Byzantiner* // *Das byzantinische Herrscherbild*. Darmstadt, 1975. S. 379–414; Lounghis T. C. *Some Questions Concerning the Terminology Used in Narrative Sources to Designate the Byzantine State* // *Σύμμεκτα*, 1997. Т. 11. Σ. 11–22. О происхождении понятия «Романия», известного уже с IV в., см. статьи А. Кариле, И. Ирмшера и К. Трипаниса в кн.: *Popolo e spazio romano tra diritto e profezia: Da Roma alla Terza Roma* (Studi III). Napoli, 1986. P. 409–438.

в римском ареале, т. е. обязанные налогами римлянам, даже если они не живут в самом Риме, по закону императора Антонина являются все же римскими гражданами».¹⁵

Имеется в виду, конечно же, знаменитая *constitutio Antoniniana*, по которой римское гражданство жаловалось и жителям провинций. Позднее конституция была подтверждена новеллой 78 Юстиниана, причем если раньше право римского гражданства и другие привилегии жаловались индивидуально, то Юстиниан своей новеллой ввел коллективное гражданство целых народностей, предпосылками которого были обращение в христианство, признание суверенитета императора, принятие на себя всех обязанностей, добавших подданным императора и прежде всего обязанности жить в соответствии с нормами римского права. Та или иная этническая группа, получившая римское гражданство, включалась в административную структуру империи, а ее вождю жаловалась какая-либо имперская должность (патрикия, консула, силенциария и т. д.).¹⁶ *Romanorum genus*, или *Ῥωμαίων*

---

¹⁵ *Basilicorum libri LX. Ser. A (Textus) / Ed. H. J. Scheltema, N. Van der Wal. Groningen, 1969. Vol. 6. P. 2119 (B. 46.1.14 (13) = D. 1.5.17); Ibid. Ser. B. (Scholia) / Ed. H. J. Scheltema, D. Holwerda. Groningen, 1963. Vol. 7. P. 2732–2733.*

¹⁶ *Goria F. Romani, cittadinanza ed estensione della legislazione imperiale nelle costituzioni di Giustiniano // La nozione di «romano» tra cittadinanza e universalità: Da Roma alla Terza Roma (Studi II). Napoli, 1984. P. 301–302. Не рассматривались в качестве *cives romani* те варварские народы (например, Африки и Италии), которые были связаны с империей, но сохранили собственную политическую и юридическую организацию. Эти народы, которых Юстиниан называет «нашими» или «друзьями», — не поддан-*

γένος, таким образом, полностью утратил свою первоначальную этническую квалификацию, приобретая космополитическую, так же, впрочем, как и Ἑλλήνων γένος, ибо отныне термином «эллин», ставшим синонимом понятия «язычник», мог быть назван и действительно назывался и китаец, и сарацин, и древний русич в его дохристианскую эпоху.¹⁷

Византийцы действительно и не без оснований настойчиво возводили свою государственность к римскому корню, оговаривая, однако, и не в последнюю очередь, как остроумно заметил Харальд Фукс, «из духа сопротивления по отношению к Риму», что их Рим — «новый», «второй» (как-то забывается, что сам Константин Великий, основатель нового Рима, не предпринимал никакой *translatio nominis*).¹⁸ Как известно, византийцы унаследовали от первого Рима тенденцию отождествлять империю со всем миром: даже законы Юстиниана, несмотря на то что имели конкретных дестинаторов, адресовались «всему земному шару» — *in omnem orbem terrarum, universis hominibus* — «всем людям», «всем народам», «всей земле, на которую распространяется закон римлян».¹⁹

ные императора как таковые, не ὑπήκοοι, а κατήκοοι — термин, с трудом поддающийся переводу. Речь идет скорее об обозначении режима политической субординации по отношению к империи, чем о юридической принадлежности к ней такого рода народностей (*Ibid.* P. 297–300).

¹⁷ *Nicol D. M.* Byzantium and Greece: Inaugural lecture in the Karaës Chair of modern Greek and Byzantine history, language and literature at University of London King's College. (Oxford), Oct. 1971. P. 6–7.

¹⁸ *Beck H. G.* Konstantinopel — das neue Rom // *Gymnasium*. 1964. Bd. 71. S. 166–174.

¹⁹ *Goria F.* Romani... P. 341.

Средневековое политическое сознание усложнило и обогатило эту тенденцию. На политический универсализм, лежавший в основе той идеологической системы, которую начиная с I в. до н. э. разрабатывал Рим в отношении своей миссии, накладывается идея христианского экуменизма, сопряженная с идеей единого религиозного центра. На *Pax Romana* наслаивается *Pax Christiana*,²⁰ причем весь этот процесс совершается уже в совсем иной этнокультурной, по преимуществу грекоязычной среде, в результате чего латинский язык как государственный оказывается весьма скоро вытесненным, как, впрочем, и другие ценности римской цивилизации, за исключением права. Складывается органическое единство трех основных компонентов — эллинизма как духовной преемственности с культурой античной Греции, романизма как системы государственно-правовых и политических доктрин, унаследованных от римской империи, и христианства как сложного комплекса верований, идущих с Востока, — которое и составляет суть византизма, византийской цивилизации, византийской «таксис». Этот византийский «порядок» совершенно преобразил лицо древней Римской империи. Если, проявляя юридический пуризм, можно, пожалуй, считать, что ранняя Византия *de jure* была Восточной Римской империей, то даже по отношению к ней нельзя не признать, что *de facto* это было совершенно иное государство. В ходе дальнейшего преобразования социально-экономических и политических структур складывается новый исторический тип государства, если даже поли-

---

²⁰ *Zakythinos D. Byzance et les peuples de l'Europe du sud-est: La synthèse byzantine // Actes du I Congr. Intern. des études balkaniques et sud-est européennes. Sofia, 1969. T. 3. P. 10.*

тический режим этого нового государства и облачен еще в одежды прошлого. Одним из наиболее бесспорных достижений мирового византиноведения и является, на наш взгляд то, что византинисты, на дав ввезти себя в заблуждение самоназванием византийцев «ромеи» — «римляне», сорвали с них, по выражению австрийского ученого Петера Пилера, «маску классицизма (я бы добавил — идеологически окрашенного и преследующего великодержавные цели. — И. М.), которая лежит на всех их культурных отправлениях и иной раз лишь позволяет догадываться об исторических модификациях государственных институтов».²¹ Другими словами, именно бездумное следование римской фразеологии и терминологии в применении к византийским государственным, политическим и всяким иным структурам способно затемнить существо дела и ввести в заблуждение.²² Сорвав же эту маску, правда, как видим, далеко не единодушно и в разной степени, ученые окрестили новую цивилизацию (весьма изобретательно и вполне корректно), исходя из ее сути и в соответствии с ее реальным содержанием, византийской — *Rex Byzantina*.

---

²¹ *Pieler P. E. Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen in Byzanz // Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen / Hrsg. von W. Fikenscher, H. Franke, O. Köhler. München, 1981. S. 717–718.*

²² Особенно парадоксальным представляется встречающееся в литературе отождествление с римским правом византийского и включение на этом основании в римское право канонического права христианской церкви, хотя известно, что корпус канонического права формировался во многом как антитеза римскому. В понятие же византийского канонического права, конечно, входит, и к тому же вполне естественно.

Кстати, сами византийцы ощущали необходимость подобной операции, отдавая себе достаточно ясный отчет в том, что государство, гражданами которого они были, — это нечто совсем отличное от языческой рабовладельческой Римской империи. Вот один только пример. Иудеям, которые в дискуссии с Константином Философом (IX в.) поставили перед ним проблему продолжающегося, несмотря на пророчество Христа, существования Римской империи («Если примем, что Он уже пришел, как ты говоришь, по словам пророков и по иным доводам, то как же римское царство до сих пор владевает?»), Константин Философ отвечал: «Не владеет больше, ибо минуло, как и иные (царства), в изображенном (им) образе, ибо наше царство *не римское, а Христово* (курсив наш. — И. М.), как сказал пророк: “Воздвигнет Бог небесный царство, что вовеки не разрушится, и царство Его не достанется другим людям, (Он) сотрет и развеет все (другие) царства, а это останется навеки”. Не христианское ли это царство, что называется ныне именем Христа? Ведь римляне идолам поклонялись, эти же — одни из одного, другие из иного народа и племени царствуют во имя Христа».²³ По мнению итальянского ученого Агостино Пертузи, «в этих словах Константина или его агиографа заключена вся экуменическая, т. е. универсалистская, концепция Византийской империи, какой она была во второй половине IX в., будучи тесно связанной с политико-религиозным видением власти как прямой эманации Бога. В сущности, в уравнении, предложенном Константином (царство Христово = Византийская империя), заключен весь теоретический

---

²³ Житие Константина // *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности. СПб.: Алетей, 2000. С. 157.

фундамент доктрины царской власти и “семьи государей и народов”, во главе которой стоит василевс и византийский народ, под которыми находятся чужеземные короли или государи и народы, расположенные в порядке фиктивной политической иерархии». ²⁴

С этим нельзя, разумеется, не согласиться, но в то же время нельзя и не заметить, что, утверждая этот «теоретический фундамент», автор жития Константина Философа рвет с «римской идеей», выбрасывая за борт один из основных постулатов официальной государственной идеологии. Отражала ли эта позиция взгляды на данную проблему правящих и вообще образованных кругов славянских стран того времени (Великой Моравии, Блатненского княжества, Болгарии), как полагает Г. Г. Литаврин? Ведь в титуле римского отказано византийскому цесарю и в житии Мефодия, и в сказании «О письменах» Черноризца Храбра. Литаврин склонен придавать этому обстоятельству особенно большое значение, «так как эти памятники созданы ближайшими учениками первоучителей славянства, которые находились в тесном общении с учеными представителями и крупными государственными и политическими деятелями западного (латинского) мира, в том числе с папами Николаем I и Иоанном VIII». ²⁵ Представляется все же, что со стороны учеников было бы слишком большой вольностью вкладывать в уста византийца Константина Философа не принадлежав-

---

²⁴ *Pertusi A.* Il pensiero politico e sociale bizantino dalla fine del secolo VI al secolo XIII // *Storia delle idee politiche, economiche e sociali* / Dir. da L. Firpo. Torino, 1983. P. 715.

²⁵ *Литаврин Г. Г.* Представления «варваров» о Византии и византийцах в VI–X вв. // *ВВ.* 1986. Т. 46. С. 105, 106.

шее ему высказывание. Скорее, оно свидетельствует о том, что и византиец Константин Философ в глубине души понимал действительное положение вещей, несколько неосторожно обнаружив это в пылу полемики. Можно даже предположить, что в этом своем понимании он был не одинок.

Да и так ли уж искусственно и так ли уж противоречит источникам издавна принятое в науке название «Византия», «Византийская империя»? Ведь древнее название древней мегарской колонии — Византий никогда не было забыто в средние века и даже по существу не утратило прав гражданства. У византийских авторов, особенно склонных к антиквизации своих произведений, мы встретим его ничуть не реже, чем все прочие официальные наименования и эпитеты царственного города. Например, в «Хронографии» Михаила Пселла из 13 упоминаний столицы империи по названию в 10 случаях она названа Византием и лишь в трех — Константинополем, причем в одном отрывке оба названия употреблены буквально рядом как равнозначные;²⁶ примерно та же картина в «Алексиаде» Анны Комниной, где мы можем встретить и такое обозначение столицы империи, как «царственный город Византий», и т. д.²⁷ А у Никифора Григоры встречается не только название Βυζάντιον и Βυζάντιοι как его жители, но и Βυζαντίς, т. е., собственно говоря, Византия как название страны.²⁸ Впрочем, оно встречается

---

²⁶ Михаил Пселл. Хронография / Пер., ст. и примеч. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 26.

²⁷ К сожалению, до сих пор нет работ, где этот вопрос был бы разработан специально, поэтому приходится опираться лишь на отдельные примеры.

²⁸ Nicephori Gregorae Epistolae / Ed. P. A. M. Leone. Martino, 1982. Vol. 2. P. 103, 104 (ep. 32.6, 27), 215 (ep. 76.5).

в иноязычных источниках. Так, в недавней монографии В. А. Арутюновой-Фиданян приведены богатые и убедительные данные источников о том, что армянские средневековые историки (прежде всего Мовсес Хоренаци, но также и другие) называли столицу государства ромеев преимущественно Византием, даже «царствующим городом Византием», а ее жителей — «византийцами». Особенно интересно то, что в ряде случаев Византий для Мовсеса Хоренаци — не только город, но и государство, а в одном отрывке даже употреблено не привычное для этого историка (V — начало VI в.) наименование Византий (арм. Бюзандион), а «Бизандиа» — Византия. «Иными словами, — говорит В. А. Арутюнова-Фиданян, — перед нами впервые, и не только в армянской, но и вообще средневековой историографии, возникает образ Византии — Византийской империи, то ее именование, изобретение которого мы так прочно связываем с историографией нового времени».²⁹

По существу аналогичным образом обстояло дело с обозначением Византийского государства и в средневековой Западной Европе. Если до коронации Карла Великого в 800 г. правитель Восточной империи выступал в западных источниках просто как «*imperator*», то в источниках IX в. его титул становится все более скромным, локально ограниченным: «*imperator Gre-*

Аналогичное явление обнаружено и у автора VIII–IX вв. Феодора Студита, см.: Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997. С. 129–130.

²⁹ Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.): Результаты взаимодействия культур. М., 1994. С. 147.

corum», «imperator Constantinopolitanus». Начиная с середины 830-х гг. многие авторы вообще зачастую отказывают византийцу в императорском титуле, называя его «princeps Constantinopolitanus», «rex Grecorum», «rex Constantinopolitanus», а также (что для нас особенно интересно) — «rex Bizantinus».³⁰ Нет сомнений в том, считает Г. Г. Литаврин, что, называя византийского императора «императором греков», империю «греческой», а ее жителей «греками», политические деятели Запада сознательно стремились тем самым подчеркнуть отсутствие прав у «василевса греков» на титул «римского», на римский престиж и римское наследство.³¹ Для нас, однако, важно подчеркнуть, что традиция называть эту «греческую империю» византийской имела место на Западе также, вероятно, и в эпоху раннего средневековья. Что же касается славян, то мы не знаем, пользовались ли они названиями Византий-Византия (это совсем не исключено, хотя, кажется, и не зафиксировано источниками), но то, что их позиция в вопросе об обозначении империи ромеев «в наиболее общих чертах сходна с позицией политических деятелей Запада и заключалась, по-видимому, также в непризнании прав византийцев на обладание римским престижем и римским наследством»,³² — вещь как будто доказанная.

---

³⁰ *Ронин В. К.* Византия в системе ранневизантийских представлений раннекаролингских писателей // ВВ. 1986. Т. 47. С. 92.

³¹ *Литаврин Г. Г.* Представления «варваров» о Византии... С. 103.

³² Там же. С. 108; ср.: *Franklin S.* The Empire of the Rhomaioi as viewed from Kievan Russia: Aspects of the Byzantino-Russian cultural relations // Byzantion. 1983. Т. 53. P. 507–537.

Итак, традиция называть Византию Византией и византийцев византийцами — это не выдумка ученых и даже не изобретение Петрарки, который, как считают, впервые употребил термин «византиец» в приложении к гражданину Восточноримской империи; это традиция, идущая из глубины веков, имеющая под собой прочное основание и наиболее адекватно отражающая действительное положение. Другое дело, что сами византийцы, исходя из своих амбиций и комплексов, хотели бы, чтобы мир называл их самих и их государство иначе. Как говорил Ломоносов, «народы от имен не начинаются, но имена народам даются. Иные от самих себя и от соседей единым называются. Иные разумеются у других под званием, самому народу необыкновенным или еще и неизвестным. Нередко новым проименованием старинное помрачается или старинное, перешед домашние пределы, за новое почитается у чужестранных».³³

Была ли в Византии конституция?

Знаменитое византийское самодержавие и конституция! Не оксиморон ли? Ведь в историографии неоднократно подчеркивалась неразработанность именно государственного, публичного права в Византии, которое в условиях авторитарического строя с его мощным идеологическим и пропагандистским прессом не могло получить своего адекватного выражения, не могло эмансипироваться, подменялось культом императора как избранника Божьей милостью. По мнению Бека, *πρώτων ψεύδος* современной византистики в том и заключается, что исследователи склонны смешивать

---

³³ Ломоносов М. В. Избранные произведения. М., 1986. Т. 2. С. 54–55.

так называемую *Kaiseridee* с понятием государственного права (*Staatsrecht*), выводя из комплекса политических идей государственно-правовые нормы, с тем, чтобы тем самым несколько укрепить слабый государственно-правовой фундамент византийской монархии, и не замечая различия между *ius* и *Kaiseridee*, что логически не может не привести к анаколуфу.³⁴

Действительно, в Византии, как, впрочем, и в любом другом средневековом государстве, не было конституционных документов или законов в формальном и точном значении этого слова, т. е. «основного закона государства, закрепляющего основы общественно-экономического строя данной страны, форму правления и форму государственного устройства, правовое положение личности, порядок организации и компетенцию органов власти и управления в центре и на местах, организацию и основные принципы правосудия, избирательной системы».³⁵ «Великая хартия вольностей» или, скажем, «конституции» итальянских городов-государств лишь с большой натяжкой могут претендовать на роль подобного основного закона. Тем не менее ученые считают возможным ставить вопрос о наличии в Византии «неписаной конституции»³⁶ или конституции как «обычного конституционного права» (*Verfassungsgewohnheitsrecht*).³⁷ Пилер, которому

³⁴ *Beck H. G. Res Publica Romana. S. 381.*

³⁵ Юридический энциклопедический словарь // Под ред. А. Я. Сухарева. М., 1984. С. 148 (ст. «Конституция»).

³⁶ *Malafosse J. La monocratie byzantine // La monocratie. Bruxelles. 1969. Vol. 2. P. 48.*

³⁷ *Pieler P. E. 1) Zum Problem der byzantinischen Verfassung // JÖB. 1970. Bd. 19. S. 51–58; 2) Verfassung und Rechtsgrundlagen des byzantinischen Staates // Ibid. 1981. Bd. 31. S. 213–231.*

принадлежит честь специальной разработки вопроса, исходит при этом из определения Еллинека о том, что «система, согласно которой формируется и осуществляется воля государства, определенным органам власти отводятся соответствующие компетенции и регулируется положение граждан государства в нем и по отношению к нему, может характеризоваться как конституция, даже если она не выражена в законах». ³⁸

С этим трудно не согласиться, тем более что неписанные конституции как конгломерат всевозможных парламентских законов, судебных прецедентов и обычаев и по сей день существуют в некоторых буржуазных странах, например в Великобритании. Речь даже не идет, кажется, о νόμος ἄγραφος, как полагает Пилер, ³⁹ ибо понятие νόμος в греческой юридической и политической традиции относится, по-видимому, к сфере положительного законодательства, гражданского и уголовного права. Скорее всего, имеется в виду то, что Платон называл ἄγραφο νόμιμα как θεσμοί πάσης πολιτείας — универсальная система связи всех элементов государственного устройства и основы для действия всех установленных письменно законов, да и тех, которые будут установлены (Leg. 793 В). Даже еще больше — речь может идти о θεσμοί в смысле учреждений и институтов как о чем-то фактически данном и существующем, фактически происходящем, причем существующем и происходящем совершенно независимо от субъективных желаний отдельных лиц, ⁴⁰ будь они даже и императорами (вспомним Монтескье с его тезисом

³⁸ Pieler P. E. Verfassung... S. 225, 226.

³⁹ Ibid. S. 226.

⁴⁰ Вальденберг В. Е. Политическая философия Диона Хризостома // Изв. АН СССР. 1926. №12. С. 1293, 1298.

о том, что империями как бы правит некая невидимая сила, некие «духи» — *Lettres persanes*, СIII).

Любопытно, что Михаил Эфесский (XII в.) вслед за Аристотелем, «*Политику*» которого он комментирует (в данном случае отрывок 4.1.5),⁴¹ подчеркивает фундаментальное отличие позитивных законов государства, посредством которых магистраты управляют обществом и наказывают нарушителей этих законов, от тех норм (как и Аристотель, Михаил Эфесский, однако, не называет их неписаными), которые определяют саму форму государственного устройства (одни — аристократическую, другие — демократическую) и обуславливают в государствах порядок органов власти, их полномочия, характер верховной власти и конечную цель всякого политического общения. Аналогичным образом, вдохновляясь Аристотелем, строит свою концепцию дихотомического правового мира Димитрий Хоматиан, который в 1236 г. так излагает ее перед синодальным судом Охрида по ходу слушания одного судебного дела: «Все гражданское законодательство делится на два рода права, а именно нормы позитивного права (*τὸ δίκαιωτικόν*) и нормы власти (*τὸ ἐξουσιαστικόν*); ибо то является отправлением права (*ἀπονεμητικόν τοῦ δικαίου*) и может быть названо нормами позитивного права, что следует не природной необходимости, а потенциально возможному. Относящиеся к позитивному праву нормы — это те законоположения, которые законодатели, следуя естественному праву и тщательно разобравшись, устанавливали для судебных тяжб, для действительности соглашений или для случающихся фактов, уделяя каждому его соб-

---

⁴¹ *Aristotele. Politica / Rec. O. Immisch. Lipsiae, 1929. P. 310; ср.: Pertusi A. Il pensiero politico e sociale... P. 757, 758.*

ственное право и разрешая возникающие спорные вопросы, с тем, чтобы никто не получил необоснованно то, что подобает другому, и чтобы тот, у кого отнято его собственное, не претерпел несправедливого ущерба. И напротив — те нормы, которые касаются власти, нам не время сейчас рассматривать: их познание — дело юристов. Во всяком случае, император явно находится выше законов, трактующих вопросы власти, ибо он сам — во главе власти и обладает правом говорить и действовать от лица этой власти».⁴²

Как видим, в отличие от Михаила Эфесского Димитрий Хоматиан не абстрагируется от реальной политической жизни своего времени, претворяя в практику византийского государства аристотелевские положения, однако и он уклоняется от специального рассмотрения второго члена «дихотомического правового мира» — τὸ ἐξουσιαστικόν, выводя к тому же за его пределы вопрос о правовом характере императорской власти. Остается пожалеть, что как Михаил Эфесский, так и Димитрий Хоматиан упустили прекрасную воз-

---

⁴² *Pitra J. B. Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata. Farnborough, 1967. Vol. 6. Col. 458-459.* Д. Зимон, уделивший этому отрывку особое внимание, считает, что источником рассуждения Димитрия Хоматиана послужила гл. 5 кн. V «Никомаховой этики» Аристотеля, с его дихотомией социальной справедливости на τὸ διαμετρικόν δίκαιον (пропорционально делящаяся справедливость, осуществляемая при распределении почестей и общественных богатств) и τὸ διорδορικόν δίκαιον (арифметически уравниваемая справедливость, выступающая при договорных обязательствах) — см.: *Simon D. Princeps legibus solutus: Die Stellung des byzantinischen Kaisers zum Gesetz // Gedächtnisschr. für Wolfgang Kunkel. Frankfurt a/M., 1984. S. 456.*

возможность изложить основы византийской конституции. Конституция Византии, могли бы они сказать нам, — это комплекс весьма аморфных и по большей части неписанных (ибо некоторые компоненты конституции, например основные принципы правосудия, были все же закреплены и письменно — вспомним только судебную реформу Палеологов), не закрепленных законодательством представлений и обычаев, определявших общественное и государственное устройство империи, основные принципы деятельности органов государственной власти и управления (императорская власть, провозглашение и смещение императора, соправительство, регенство, функции консистория, сената, государственно-бюрократического аппарата), системы народного представительства (цирковые партии, димархии, народные собрания — силенции, еkkлeсии), роль армии и церкви. Ясно, что эти представления и обычаи формировались в значительной мере под воздействием официальной идеологической пропаганды, выражали волю господствующего класса феодалов-землевладельцев, освящались церковью и фактически не оставляли места для гражданских прав и свобод.

Возникает законный вопрос: каким образом, какими источниками пользуясь, исследователь может воссоздать эту неписанную конституцию, осуществить ее реконструкцию, да и возможно ли такое? Тем более что, следуя вышеизложенному рецепту Бека, мы должны исключить из круга источников такой богатый пласт византийской политической литературы, как панегирическая и паренетическая литература, всевозможные «княжеские зеркала» — жанр, восходящий ко второй речи Исократу к Никоклесу и нашедший в Византии таких адептов, как Синесий Киренский, Ага-

пит, Псевдо-Василий I, Кекавмен, Феофилакт Охридский, Алексей I Комнин, Никифор Влеммид, Фома Магистр, Феодор II Ласкарис, Мануил II Палеолог, Димитрий Хрисолора и многие другие, — в которых авторы, выражая свой политический идеал в форме биографии или очерка деятельности какого-либо суверена, причем неважно, историческая ли эта личность или выдуманная, допускали риторическое преувеличение, идеализацию своих героев.⁴³

Сам Бек продемонстрировал нам, как из обычных нарративных исторических источников можно вычленять и собирать по крупицам данные о публичном правосознании, народном суверенитете, проявления которого существовали помимо *Kaiseridee* и в скрытом соревновании с ней, ставя всякий раз под вопрос любую попытку придать общезначимый характер императорскому «государство — это я». Показательна в этом отношении позиция историка XII в. Иоанна Зонары: он объявил действия императора Романа IV Диогена, раздававшего ссуды должникам с целью привлечения к себе сторонников, незаконными, так как казна, из которой выплачивались денежные суммы, принадлежала не императору, но государству, и критиковал

---

⁴³ *Hunger H.* Die Hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 157-165; *Byzantinische Fürstenspiegel: Agapetos, Theophylact von Ochrid, Thomas Magister.* Stuttgart, 1981; *Letsion D. G.* “Ἐκθεσις Κεφαλαίων παραινετικῶν” τοῦ Διακόνου Ἀγαπητοῦ: Μία σύνοψη τῆς ἰδεολογίας τῆς ἐποχῆς τοῦ Ἰουστινιανοῦ γιὰ τὸ αὐτοκρατορικὸ ἀξίωμα // Δωδώνη, 1985. Τ. 14 (1), Σ. 175-210; *Romano A.* Retorica e cultura a Bizantio: Due Fürstenspiegel a confronto // Vichiana, 1985. Τ. 14. Ρ. 299-316; *Hunger H., Ševčenko I.* Des Nikephoros Blemmydes Βασιλικὸς Ἀνδρίας und dessen Metaphrase von Georgios Galesiotes und Georgios Oinaiotes. Wien, 1986.

императора Алексея I Комнина за то, что тот «вел государственные дела так, как если бы это были его частные дела, т. е. не как их управляющий, но как их господин, и все, что принадлежало обществу и фиску, рассматривал как свою собственность». А priori представляется невероятным, чтобы в государстве, которое было как бы олицетворением самодержавия и в то же время «грешило постоянными революциями, не было места стремлению к теоретическому обоснованию революции, к разработке комплекса идей, которые могли не вязаться с абсолютистскими притязаниями императора». ⁴⁴

Однако именно поэтому не стоило пренебрегать некоторыми памятниками панегиристики и паренетики, где среди нравственных или политических заповедей, от которых самих по себе до правосознания, конечно, не один шаг, мы можем встретить не только отвлеченные идеи политической философии, но и рассмотрение, зачастую критическое, конкретных вопросов правового аспекта деятельности императоров. ⁴⁵ Так, например, воспринимается как подлинный политический трактат панегирик Прокопия Газского императору Анастасию (писан между 512 и 515 г.), в котором автор развивает основы императорской власти. ⁴⁶ В знаменитом «Наставлении» диакона Агапита, содержащем популярную политическую мораль, из-

⁴⁴ *Beck H. G. Res Publica Romana. S. 385. ср.: S. 388–389.*

⁴⁵ По-видимому, опытом такого рода можно считать статью И.С. Чичурова : *Čičurov I. S. Gesetz und Gerechtigkeit in den byzantinischen Fürstenspiegeln des 6–9. Jahrhunderts // Gupido legum. Frankfurt a/M., 1985. S. 33–45.*

⁴⁶ *Minniti Colonna M. Prolegomena a una nuova edizione del Panegirico per l'imperatore Anastasio di Procopio di Caza // 'Avtíðopov: Hommage à M. Geerard pour célébrer l'achè-*

ложенную поэтическим, образным языком, в коротеньких, легко усваиваемых главах содержится скрытая полемика с Юстинианом, особенно в гл. 10, в которой проводится мысль, что царь должен действовать так, как если бы он был обязан кому-нибудь отчетом — ὡς μεγάλας ὑφέξων εὐθύνας. «Слово εὐθύνη, — говорит по этому поводу Вальденберг, — имеет совершенно определенное терминологическое значение, а именно — значение должностного отчета. Отсюда оживленно обсуждавшийся в греческой литературе вопрос — является ли царская власть ὑπεύθυνος или ἀνευεύθυνος — получает окраску практического, реального значения, и то, что Агапит пользуется именно этим словом, придает его мысли особый оттенок».⁴⁷ Обращают на себя внимание «Поучительные главы сыну Льву» императора Василия I⁴⁸ хотя бы потому, что истинным автором их был, как предполагают, патриарх Фотий, весьма оппозиционно державший себя по отношению к императорской власти, и «Царское воспитание» Феофилакта,

---

vement de la clavis Patrum Graecorum. Wetteren, 1984. Vol. 1. P. 89–99.

⁴⁷ Вальденберг В. Е. Печатные переводы Агапита // Докл. АН СССР. 1928. С. 289. Об Агапите см.: Frohne R. Agapetus Diaconus: Untersuchungen zu den Quellen und zur Wirkungsgeschichte der ersten byzantinischen Fürstenspiegels. Tübingen, 1985.

⁴⁸ Emminger K. Studien zu den Fürstenspiegeln. München, 1913. S. 50–73; ср.: Pertusi A. Il Pensiero politico e sociale... P. 710–712; Чичуров И. С. 1) Традиция и новаторство в политической мысли Византии конца IX в.: (Место «Поучительных глав» Василия I в истории жанра) // ВВ. 1986. Т. 47. С. 95–100; 2) Теория и практика византийской императорской пропаганды: Поучение Василия I и эпитафия Льва VI // Там же. 1989. Т. 50. С. 106–115.

архиепископа Охридского, написанное для Константина Дуки, сына Михаила VII и Марии Аланской. В последнем развивается любопытный тезис о законном и мирном характере восхождения на царский трон, предпосылкой чего объявляется «благоволение множества, благоразумное участие народа». ⁴⁹ И так далее.

Конечно, среди византийской политической литературной продукции особый интерес с точки зрения воссоздания принципов политического устройства общества представляют специальные теоретические разработки византийских «политологов», пусть даже и весьма немногочисленные. Так, важное место среди них принадлежит трактату VI в. «О политической науке», дошедшему до нас во фрагментах (сохранилось 2/5 всего текста) в единственной рукописи (палимпсест Vat. gr. 1298 первой четверти X в.), написанному в форме диалога. ⁵⁰ Наряду с традиционными и почерпнутыми из античной политической мысли идеями о «науке управлять» автор пользуется фразеологией Сократа, цитирует Платона, Ксенофонта, Аристотеля — в трактате воспроизводятся и некоторые исторические черты византийского государства того времени, а также серия фундаментальных законов монархического государства — νόμοι περὶ τῆς βασιλείας κείμενοι, действительно своего рода конституция. Им указаны пять зако-

---

⁴⁹ Patrologia graeca. Vol. 126. Col. 273 C; ср.: *Pertusi A. Il pensiero politico e sociale...* P. 759–761.

⁵⁰ *Menae patricii cum Thoma referendario De scientia politica dialogus*/ Ed. C. M. Mazzucchi. Milano, 1982. О литературе, посвященной этому труду и о спорных вопросах авторства см. в статье: *Досталова Р.* Напряженность социальной обстановки в Византии V–VI вв. в отражении анонимного трактата «Περὶ πολιτικῆς ἐπιστήμης»// ВВ. 1990 (1991). Т. 51. С. 45–57.

нов: о выборах императора, о сенате, о взаимоотношениях церкви и государства, о высших государственных органах, о правосудии.⁵¹ Опять же остается пожалеть, что фрагментарный характер текста не позволяет воссоздать в полном объеме политическую систему, обрисованную автором.

Не меньшее значение для нашей темы имеет весь V раздел «Советов и рассказов» Кекавмена (конец 70-х гг. XI в.)⁵² — «Советы василевсу», — раньше необоснованно приписывавшийся Никулице Дельфину как самостоятельный политический трактат.⁵³ Представления Кекавмена о государственном механизме империи — это представления человека «средней культуры». Он не философ и не мыслитель, но военный, человек действия, не обремененный непосредственным знакомством с византийской и тем более античной литературой; единственный автор, которого он цитирует, — это Дион Кассий. Тем он и интересен. Его идеи — это отражение общественного сознания, причем как в его традиционных проявлениях (общие места в устах Кекавмена также не лишены значения, ибо позволяют заключить, что та или иная идея — не собственность автора), так и проявлениях иного рода, носящих печать индивидуальности и свидетельствующих о существовании в византийском обществе XI в. новых тенденций.

---

⁵¹ *Valdenberg V. Les idées politiques dans les fragments attribués à Pierre le Patrice // Byzantion. 1926. T.2. P. 65.*

⁵² *Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI в. / Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1972. С. 275–307.*

⁵³ Там же. С. 566, примеч. 1086; ср.: *Valdenberg V. Nikulitza et les historiens byzantins contemporains // Byzantion. 1926. T. 3. P. 95–121.*

Наконец, еще один пример «теоретической разработки» темы — трактат «О присяге» византийского ученого Мануила Мосхопула (1305–1306), в котором автор развивает интереснейшую договорную теорию происхождения государства и права в духе гоббсовского *сoнvenant*, исходным пунктом которой ему послужила, очевидно, «Полития» Платона. По мысли Мосхопула, совместное существование людей, их *συνοικία*, обусловлено невозможностью человека в одиночку справляться со всеми многообразными задачами, которые ставит жизнь. Находясь в зависимости друг от друга, люди добровольно объединились, чтобы каждый мог извлекать пользу из знаний другого. Мосхопул называет это объединение людей *κοινόν*, т. е. пользуясь термином, которым византийцы обозначали свою государственность. Поскольку такое объединение по природе своей чревато раздорами и соперничеством, требуется особый орган, своего рода третьей инстанция, которому Мосхопул дает название *κριτής*, т. е. собственно «судья». Причем здесь имеется альтернатива, ибо этот орган может быть или коллективным — и тогда речь идет о допущении аристократии, которая, правда, определяется не по знатности, но по качествам, — или индивидуальным — и тогда речь идет о допущении монархии. Мосхопул предпочитает, естественно, второе, так как при допущении аристократии опять всплывает та же самая проблема споров и соперничества. Самое важное во всем этом, что здесь уже нет и речи о божественном происхождении власти монарха. В практическом же плане этот византийский «общественный договор», по мысли Мануила Мосхопула, должен выражаться в культивировании двойной клятвы верности — *ὄρκος πολιτικός* и *ὄρκος βασιλικός*, связывающий императора и его под-

данных в некое единое целое, пронизанное взаимными обязательствами.⁵⁴

Кстати, и в рассуждениях других византийских мыслителей о государстве не так уж редко звучат отголоски идеи общественного договора. Так, автор уже известного нам трактата «О политической науке» касается старого философского вопроса: государство существует φύσει ἢ θέσει? И он не одинок в этом, ибо в VI в. проблема, чувствуется, живо обсуждалась. Мы встречаем ее, например, в сочинении Иоанна Филопона «О сотворении мира», в котором автор, намечая в духе Аристотеля параллель между государствами и животными обществами, говорит, что только у животных власть устанавливается «по природе», тогда как власть над людьми существует не в силу естественного порядка, но в силу свободного решения или «по взаимному соглашению людей» — θέσει δὲ μόνῃ καὶ βουλαῖς ἀνθρώπων, т. е., собственно говоря, в силу общественного договора: это, впрочем, не всегда бывает разумным и справедливым. Важно подчеркнуть, что, доводя свою мысль до логического конца, Филопон вообще отрицает теократическую идею как фундамент государства, отрицает возможность применения к власти понятия εἰκὼν θεοῦ.⁵⁵

Мы встречаем отголоски идеи общественного договора даже у Агапита, когда он в гл. 35 своего «Наставления» высказывает мысль, что царь только тогда может

---

⁵⁴ *Levi L.* Cinque lettere inedite di Emmanuele Moscopulo // *Studi Ital. Filol. Class.* 1902. Vol. 10. P. 64–68; *Beck H. G.* *Res Publica Romana.* P. 391–394.

⁵⁵ *Joannis Philoponi De opificio mundi / Rec. G. Reichardt.* Lipsiae, 1897. P. 263–264; *Valdenberg V.* *Les idées politiques.* P. 59.

считать себя в безопасности, когда он управляет по воле согласившихся добровольно ему подчиняться людей. В этом агапитовском *ῥῶτα ἐκόντων ἀνάσσης τῶν ἀνδράνων* нельзя не узнать платоновское *ἐκόντων ἀρχή*, сформулированное в «Законах» (690 с) и являющееся по существу фундаментом идеи общественного договора⁵⁶. Но, пожалуй, еще любопытнее то, что подобного рода идеи проникли и в законодательные памятники. Так, в знаменитой Исагоге IX в., авторство которой приписывается патриарху Фотию и которая является единственным из византийских законодательных сводов, содержащим положения об императорской власти и об отношении последней к закону, дается следующее определение закона: «Закон — это общезначимое распоряжение, решение мудрых мужей, общий договор граждан государства (*πόλεως συνθήκη κοινή*)»⁵⁷. Разумеется, отсюда еще бесконечно далеко до учения об общественном договоре как таковом, но сама идея, пусть даже в зародышевой форме, уже высказана, причем высказана не в каком-нибудь «зерцале» или ином риторическом сочинении, а в официальном законодательном своде. Можно отметить также, что в XIV в. это положение «Исагоги» было экс-

---

⁵⁶ *Медведев И. П.* Идея общественного договора в эпоху Ренессанса и ее античные корни (в связи с книгой Пьера Брюнеля) // *Античное наследие в культуре Возрождения*. М., 1984. С. 138.

⁵⁷ *Zepos J. et P.* *Jus Graeco-Romanum*. Athenis, 1931. Vol. 2. P. 240. До недавнего времени памятник был известен в науке под названием «Эпанагога». Пересмотр этого и многих других вопросов, связанных с характером памятника, см.: *Schminck A.* *Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern*. Frankfurt a/M., 1986. S. 1–15.

церпировано Константином Арменопулом в его Шестикнижи⁵⁸. Общий демократический характер данного определения еще больше усиливается оттого, что, как оказалось, оно целиком заимствовано из речи «Против Аристокитона» (1, 16) Демосфена, этого идеолога радикальной демократии⁵⁹.

Был ли в Византии закон о престолонаследии?

Отсутствие закона о престолонаследии, регулирующего правильную смену правителей на троне, Диль считал тяжким конституционным пороком, которым, как и Римская, долго страдала Византийская империя⁶⁰. По мнению другого авторитетного исследователя, династическая наследственность в Византии исключалась, и любой человек православной веры мог рассчитывать на трон, если только он не страдал каким-либо физическим недостатком⁶¹. Понятие легитимности в деле восхождения на византийский трон неопределенно — говорит Бек⁶² и многие другие авторы. И действительно, в Византии, унаследовавшей римскую традицию выборности императора, как будто

---

⁵⁸ Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Πρόχειρον Νόμων ἢ Ἐξάβιβλος / Ἐπιμ. Κ. Γ. Πιτσάκη. Ἀθήνα, 1971. Σ. 16 (1.13).

⁵⁹ Интересные соображения о путях проникновения демосфеновского высказывания в Исагогу см.: *Simon D. Princes legibus solutus*. S. 467–469.

⁶⁰ Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 62.

⁶¹ *Karayannopoulos I. E.* Ἡ πολιτικὴ θεωρία τῶν Βυζαντινῶν // Βυζαντινά. 1970. Т. 2. Σ. 50.

⁶² *Beck H. G.* Senat und Volk von Konstantinopel // Ders. Ideen und Realitaeten in Byzanz. London, 1972. Art. XII. S. 51.

не выработалось идеи императорской фамилии, императорской крови, а ее история полна примеров восхождения на вершину власти выходцев «из ниоткуда» — факт, поражающий уже в те времена иноземцев. В «Житие» апостола славян Константина Философа, например, рассказывается, что когда он прибыл в Хазарию (вероятно, в Семендер), то хазары послали на встречу с ним «мужа лукавого и коварного», который между прочим сказал ему во время беседы и такое: «Какой у вас (т. е. византийцев. — *И. М.*) злой обычай, что ставите вместо одного цесаря иного, из другого рода. Мы же берем из одного рода», на что ему Философ весьма невразумительно ответил: «И Бог вместо Саула, что не делал ничего угодного Ему, избрал Давида, угрождавшего Ему, и род его».⁶³ Выразительнейшим образом осуждает отсутствие династического принципа в Византии Аристакес Ластивертцы (XI в.): «Перестали существовать царства с золотой гривой, с серебряными плечами и руками, медной спиной и боками, которые представились Даниилу в его пророческом видении, — говорит он. — А царство с ногами из железа, смешанного с глиной, — это ромейская империя. И управляют ею не так, как у других народов правит либо царь, либо царский сын. Железо олицетворяет того, кто наследовал царство от отцов и дедов, глина — пришельца, не принадлежащего царскому роду».⁶⁴ Наконец, на отсутствие закона о престолонаследии в Византии как на прецедент ссылались узурпаторы российского

---

⁶³ Житие Константина // *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности. СПб.: Алетейя, 2000. С. 150.

⁶⁴ Повествование варталепа Аристакеса Ластивертцы / Пер. с др.-арм., вступит. ст., коммент. и прил. К. Н. Юзбашяна. М., 1968. С. 74.

трона, например Борис Годунов в начале XVII в., в грамоте на царство которого тщательно подобраны все случаи прихода к власти в Византии лиц «не из царского рода». Так, внимание годуновских идеологов привлекли имена императоров Константина (324–337) и Феодосия Великого (379–395), который «не от царского роду, но от изящных синклит предъизбран»; Маркиана (450–457) и Михаила Рангаве (811–813), который, как сказано, «на царство возведен бысть от всех народ»; особенно интересен «Василей Македонянин, царев конюшен» (прозрачный намек на аналогию «конюшенному боярину Борису Федоровичу»).⁶⁵

Вопрос только в том, стоит ли нам, современным историкам, квалифицировать византийскую практику выборности императора как «дурной обычай», «тяжкий конституционный порок», «страшную болезнь пурпура» (Ш. Диль)? Ведь мы знаем, что именно среди подобных «выскачек», шагнувших на византийский трон с крестьянского двора или из-за мясного прилавка, было немало выдающихся политических деятелей, выдающихся как раз глубоким пониманием стоявших перед государством проблем и умением решать эти проблемы, в то время как многие представители позднее сложившихся «законных» династий были слабыми политиками и подобно Иоанну V Палеологу десятилетиями дремали на троне в силу легитимистской инерции. Очевидно, именно эта система при всех ее издержках и человеческих трагедиях обеспечивала

---

⁶⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою комиссиею Имп. Академии наук. СПб., 1832. Т. 2. С. 15–16. Ср.: *Медведев И. П.* Византийская модель престолонаследия и ее использование в борьбе за престол московских государей в XVII в. (в печати).

приток новых и свежих жизненных сил, способствовавших усилению государства. К тому же сами византийцы отнюдь не склонны были отождествлять сменяемость и выборность императоров с хаосом, анархией, всякий раз при описании провозглашения императоров подчеркивая, что все это совершается не случайно, а по установленному порядку (*κατὰ τάξιν, κατὰ τὸ σῆμα*), в соответствии с обычаем (*κατὰ τὸ ἔθος*).⁶⁶ Согласно Прокопию, избрание Анастасия состоялось вполне по правилам, буквально — «законным голосованием» (*ψήφῳ δικάϊα*); якобы он получил свою власть «надлежащим образом» (*πρὸς ἰκόντως*).⁶⁷

Возникает вопрос: что сие значит — *ἡ ψήφος δικάια*, какие выборы императора можно считать законными и в чем состоял сам механизм выборности? Не очень-то помогает, как кажется, определение законного возведения на престол (*ἔννομος ἀνάρρησις*) автором уже упоминавшегося трактата «О политической науке», который, ставя этот закон на первое место среди фундаментальных законов империи, мыслит его таким образом, что кандидат на царское звание, безусловно достойный его, получает его от Бога по предложению граждан.⁶⁸ Очевидно, в основе подобного рода представлений лежит убеждение в том, что простое занятие трона даже после избрания или провозглашения той или иной группой населения не может само по себе рассматриваться как достаточное с точки зрения неписаного, обычного права, надо еще соблюсти некоторые

---

⁶⁶ De caerimoniis aulae byzantinae. Bonnae, 1829. Vol. I. Col. 412, 415, 416, 422, 433.

⁶⁷ Valdenberg V. Le idee politiche di Procopio di Gaza e di Menandro Protettore // Studi bizantini e neoellenici. 1935. Vol. 4. P. 75.

⁶⁸ Valdenberg V. Les idées politiques... P. 67.

освященные обычаем и принятые общественным мнением процедурные формы.⁶⁹

Обращает на себя внимание и тот факт, что в вопросе об обосновании выборной императорской власти византийская концепция знаменует отход от римской: в то время как в «Институциях» Юстиниана, отразивших римское классическое право в наиболее чистом виде, мы совсем не находим теократического обоснования власти и все полномочия императора здесь объясняются переносом на него власти, принадлежащей народу (*populus ei et in eum omne imperium suum et potestatem concessit* — *Inst. 1. 16*),⁷⁰ византийцы, также отдавая дань этой точке зрения и даже нередко, как мы видели, трактуя этот вопрос в духе идеи общественного договора, все же мыслили выборную императорскую власть как полученную от Бога.⁷¹ По мнению некоторых исследователей, здесь налицо противоестественное сочетание двух взаимоисключающих принципов —

---

⁶⁹ *Valdenberg V. Les idées politiques... P. 68.*

⁷⁰ Еще сильнее демократический принцип выражен в греческой парафразе «Институций», где из всех источников права (в смысле правотворящих сил) основным и главным признается народ (*Theoph. Inst. 1.4: κορυφαίωτατος ὁ δῆμος ἐστὶ τῶν νομοθετῶν*); император получает свою власть от народа, который его избрал и дал ему власть; ср.: *Вальденберг В. Е. Речь Юстина II к Тиверии // Изв. АН СССР. 1928. № 2. С. 121.*

⁷¹ Так, например, в эдикте Юстиниана 530 г. о составлении Дигест говорится, с одной стороны (совсем как по рецепту, данному автором трактата «О политической науке»), что *imperium nobis a coelesti maiestate traditum est*, а с другой — признается, что *lege antiqua omne ius omnisque potestas populi Romani in imperatoriam translata sunt potestatem* (С. 1.17.1.7).

теократического и демократического.⁷² На самом же деле, как кажется, уже здесь мы имеем дело со свойственным всему средневековью топосом мышления: божественное происхождение власти понимается в том смысле, что Бог вдохновляет народ, что народ — это инструмент Бога в вопросе об избранности носителя власти; политическая власть опосредованно исходит от Бога, но непосредственно — от граждан государства.⁷³

Остается, правда, открытым вопрос о том, мыслилась ли эта передача власти — перенос суверенитета — императору окончательной или временной. В первом случае было бы естественным ожидать теоретического обоснования переноса суверенитета от императора к императору по династическому принципу. Поскольку попыток такого рода обоснований нам неизвестно и поскольку в области реальной политической жизни Византии династический принцип долгое время не мог привиться, можно, на наш взгляд, предположить, что такой перенос суверенитета мыслился как временный, на срок жизни императора, а реальный суверенитет оставался за народом, который мог проявить инициативу в случае вакантности трона или немощи монарха, что, впрочем, хорошо иллюстрируется и примерами из жизненной практики Византии: к трону часто приходят в результате «революций», которые отнюдь не рассматриваются византийцами как что-то чрезвычайное, как свершившийся факт, но, скорее, как акт, имеющий конституционное значение.⁷⁴

Византия, однако, не была бы Византией, т. е. средневековым государством феодального типа, если бы

---

⁷² *Valdenberg V. Les idées politiques... P. 69; Pertusi A. Il pensiero politico e sociale... P. 737.*

⁷³ *Guenée B. L'occident... P. 152–153.*

⁷⁴ *Beck H. G. Senat und Volk von Konstantinopel. S. 51.*

в ней в конце концов на смену римской традиции выборности императора не пришло понятие феодальной κληρονομία, которое разрешает соправительство и наследование трона с династической точки зрения.⁷⁵ По мнению Пертузи, византийская нумизматика свидетельствует, что уже начиная с Тиверия II пробивает себе дорогу иная, нежели римская, идея — династической преемственности: на лицевой стороне некоторых бронзовых монет Маврикия (582–602) представлен император в рост, сбоку от него императрица Константа, а на обороте сын Феодосий, причем все с коронами, нимбами и скипетрами; еще более характерны столичные и провинциальные золотые и серебряные монеты Ираклия (610–614), на лицевой стороне которых изображены император в центре, сын Ираклий справа и сын Ираклеон слева (или же сын Константин справа и императрица Мартина слева) с коронами и державами, увенчанными крестами. Речь здесь может идти не столько об идее династии, или династической преемственности, ясно символизированной в атрибуции крестоносных скипетров и держав, сколько об идее приобщения к власти, участия изображенных членов царствующей фамилии в «святости императора» или в почестях, которые ему подобают. Другими словами, речь идет о членах царствующей фамилии, которые могли наследовать в порядке, установленном волей императора, царскую власть.⁷⁶

Династическая идея, зародившись, по-видимому, еще раньше, уже в IV в., заглохла, однако, к середине VII в., когда многочисленные «военные провозглашения» возродили римскую идею выборности, но в то же

---

⁷⁵ *Mauromatis L.* Storia del pensiero politico // La civiltà bizantina dal XII al XI secolo. Roma, 1982. P. 79.

⁷⁶ *Pertusi A.* Il pensiero politico e sociale... P. 672.

время она и не была полностью забыта, в частности, иконоборческими императорами, которые часто заставляли изображать рядом с собой своего сына-преемника (Константин V и Лев IV, Лев IV и Константин VI и т. д.) или же себя на лицевой стороне монеты, а сына — на оборотной (Лев III и Константин V).⁷⁷ Много было сделано для ее укрепления Василием I Македонянином (876–886), который, по свидетельству автора его жизнеописания, «возвел в царское достоинство своих старших по возрасту сыновей — Константина и Льва, взращенных и воспитанных уже по царски и блещущих всеми доблестями, свойственными государственным мужам; тем самым он (Василий I) как бы придал власти большее количество более могучих корней, выведя на ней благородные ветви царской династии» (думаю, именно в этом значении употреблено здесь понятие βασιλεία).⁷⁸

С тех пор существует императорская фамилия, члены которой именуются «багрянородными», складываются династии, из которых Македонская династия правила 189 лет, династия Комнинов — 104 года, Палеологов — 192 года. Династическая идея настолько укоренилась в умах людей, что, например, панегирист Иоанна II Комнина (1118–1143) Михаил Италик определяет императора как «провозглашенного в соответствии с законами наследника»,⁷⁹⁻⁸⁰ хотя ясно, что во времена Алексея I Комнина не существовало никако-

---

⁷⁷ *Pertusi A. Il pensiero politico e sociale... P. 673.*

⁷⁸ *Theophanes Continuatus / Ex recognitione I. Bekkeri. Воннае, 1838. P. 264, l. 3–8. Ср.: Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. Я. Н. Любарского. СПб., 1992. С. 113.*

⁷⁹⁻⁸⁰ *Fusco J. Il panegirico di Michele Italico per Giovanni Comneno // 'Ελετηρὴς Ἐτ. Βυζ. Σπουδῶν, 1970. Τ. 37. Σ. 169.*

го писаного закона, который определял бы линию наследования трона. По-видимому, имелось в виду вошедшее в обиход неписаное правило, согласно которому предпочтение отдавалось первородству по мужской линии. Впрочем, и это правило не было обязательным, и тому же Иоанну II Комнину, вернее, его партии, пришлось выдержать борьбу с первородной принцессой Анной, сделавшей попытку, правда неудачную, решить вопрос о праве наследования в пользу своего мужа Никифора Вриенния.⁸¹

В ситуации, когда все мы, византилисты, уже свыклись с мыслью о том, что Византия не знала писаного закона о престолонаследии, громом среди ясного неба показалось высказанное Пертузи мнение, что такого рода закон существовал-таки и здесь.⁸² Удивительнее всего то, что при этом имелся в виду документ, давным-давно введенный в научный оборот, но никогда, как кажется, не привлекавший в этом качестве внимания исследователей — синодальное постановление от 24 марта 1171 г.⁸³ Стоит поподробнее остановиться

---

⁸¹ Судя по всему, идея первородства по абсолютной линии, мужской или женской, пустила корни уже во времена Пселла, который говорит о Зое как «первой царице... имеющей в высшей степени законно право наследования империей», а о Феодоре (второрожденной) как о «второй царской крови»: *Michel Psellos. Chronographie / Ed. E. Renauld. Paris, 1926. Т. I. P. 102, 108.* (Рус. пер.: Михаил Пселл. Хронография. С. 61, 64).

⁸² *Pertusi A. 1) Il pensiero politico e sociale... P. 768, 786–787; 2) Storia del pensiero politico // La civiltà bizantina dal XII al XV secolo. Roma, 1982. P. 40–41.*

⁸³ Документ публиковался дважды: 1) *Павлов А.* Синодальный акт константинопольского патриарха Михаила Анхиала 1171 г. о приводе архиереев к присяге на верность

на этом и в самом деле уникальном документе, с тем чтобы правильно оценить его значение.

После пространной преамбулы, в которой высказываются традиционные идеи уподобления суверенитета василевса на земле суверенитету Бога на небесах и делается заявление в том смысле, что лицо, отрекшееся от своей клятвы на верность императору, подобно человеку, отрекшемуся от своей религиозной веры, и поэтому заслуживает изгнания из общины верующих, — после всего этого синод под председательством вселенского патриарха Михаила постановляет, что все церковные иерархи, от патриарха до епископа, должны дать клятву верности императору Мануилу I Комнину в следующей редакции (переводим эту часть документа полностью): «Признаю настоящим письменным актом, что буду хранить по отношению к тебе, могущественному и святому моему самодержцу, царю и порфирородному господину Мануилу Комнину, безупречную верность и преданность, как обязанный делать это по естественному и законному долгу; что буду подчиняться приказу, воле и повелению твоей святой царственности (и выступлю) против любого человека, противящегося настоящей клятве. Если же случится тебе отдать (последний) долг, свойственный всем людям (т. е. умереть. — *И. М.*), то (я признаю), что с этого момента без какого бы то ни было колебания и необходимости в другой клятве я

императору Мануилу Комнину и его новорожденному сыну Алексею, с формой самой присяги // ВВ. 1895. Т. 2. С. 388–393; 2) *Papadopoulos-Kerameus A. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας. Ἐν Πετρούπολει, 1897. Ρ. 109–113; ср.: Grumel V. Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople. Paris, 1947. Vol. I. Fasc. Ρ. 150–151 (N 1120).*

буду считать возлюбленного сына твоей святой царственности, славнейшего порфирородного царя господина Алексея царем-самодержцем вместо тебя и сохраню и по отношению к нему безупречную верность и преданность. Если случится, что в момент твоей смерти этот возлюбленный сын твоей царственности господин Алексей окажется еще несовершеннолетним, т. е. не достигшим 16-летнего возраста, то и тогда я сохраню по отношению к нему безупречную верность и преданность, но сохранив по отношению к нему верность и мою преданность, а также честь твоей царственности, (я признаю), что буду повиноваться воле и повелению возлюбленной августы твоей святой царственности госпожи Марии, если только она наденет монашескую одежду, пострижется затем в соответствии с канонами и будет хранить честь твоей царственности и твоего сына, пока он не достигнет 16-летнего возраста. Если же этот сын твоей царственности еще при жизни твоей царственности или после этого умрет бездетным и если у твоей царственности будет еще одно дитя мужского рода, то я буду считать его царем-автократором, хотя бы оно еще и не было короновано, и постараюсь привести его к короне сего царства ромеев, и сохраню равным образом и по отношению к нему сию подлинную верность и преданность, с расстановкой тех же акцентов (μετὰ τῆς αὐτῆς διαστίξεως) относительно упомянутой августы твоей святой царственности и его матери. Если же и этой возлюбленной августы твоей святой царственности не будет в то время в живых или же она не будет себя вести подобающим образом, то тогда я должен быть свободен от обязанности повиноваться ее воле и повелениям, с тем чтобы хранить верность и безупречную преданность по отношению к самому ее сыну и повиноваться решениям и воле людей твоей царственности, которым

твоя царственность намерена поручить попечение и воспитание упомянутого славнейшего порфирородного (принца). Если и их не будет в живых, то я буду подчиняться решениям и воле других людей, которые в то время будут отобраны общим решением (сената?) для замещения места вышеназванных, и постараюсь во всем и всячески (действовать) в интересах чести твоего возлюбленного сына и Романии, согласно писаному и устному указу, воле и предписанию твоей царственности. Если же случится, что в момент твоей смерти в живых не будет ни твоего сына — царя, славнейшего порфирородного господина Алексея, ни другого ребенка мужского рода твоей царственности, я подчинюсь указу, воле и предписанию твоей царственности и поступлю так, как назначит, письменно или устно, твоя царственность или в отношении твоей возлюбленной дочери, славнейшей госпожи Марии, ныне здравствующей, и того, кто вознамерится сочетаться с ней законным браком (если только он намерен быть с нею и блюсти римскую державу и церковную жизнь, как и твоя царственность), или в отношении другой дочери твоей царственности, если она у тебя будет, или же в отношении какого-либо иного руководства, назначенного твоей царственностью. Если при ком-либо из объявленных глав у меня возникнет какое бы то ни было сомнение или колебание, то тогда постараюсь заявить об этом и таким образом препроводить себя расследованию этого и указу твоей царственности и поступлю в соответствии с ними. И так как я буду хранить все то, что признаю настоящим моим письменным актом, целым и невредимым, без обмана, всяческой подозрительности и какого-либо превратного толкования, то да будет мне за это божественная милость».

Несмотря на субъективно-личностный характер документа (он «привязан» к конкретным персонам им-

ператора и его наследников), фактически мы и в самом деле имеем перед собой закон о престолонаследии, согласно которому к трону призываются мужчины мужских линий, в порядке первородства и последовательного заступления линий, то есть престол переходит в боковую линию лишь по пресечении всех прямых нисходящих линий. В случае пресечения всех мужских линий престол переходит в женскую линию, наиболее близкую (по счету линий, а не степеней) к последнеяцарствующему агнату.

То, что закон о престолонаследии выражен в виде присяги личностного характера, и то, что он исходит не от государственной власти, а от синода, не должно нас особенно смущать. Ведь и на феодальном Западе законы наследования были весьма неясными, не были изжиты до конца традиции выборности («кровь предназначала для короны не одну какую-то персону, но всех членов фамилии, среди которых и происходили выборы, не имея никакой, впрочем, связи с нашей современной арифметикой»⁸⁴), а во французской монархии, где принцип наследования первородным принцем окончательно восторжествовал только с приходом к власти династии Валуа, он «был введен исподтишка, силой привычки, — введен, но никогда не провозглашен».⁸⁵

То же самое мы наблюдаем в Византии. Может быть, именно принципиальная невозможность для византийского императора издать закон о престолонаследии как таковой, так как это было бы откровенным вызовом вековым официальным устоям и полным разрывом с римской идеей, заставила Мануила I Комнина искать обходный маневр и действовать через синод,

⁸⁴ *Guenée B. L'occident... P. 134.*

⁸⁵ *Fédou R. L'état au Moyen Age. P. 37.*

т. е. добиваться того же самого, но не от своего имени. Традиция, таким образом, формально не была нарушена, но и закон о престолонаследии фактически введен «исподтишка», создан прецедент, который мог служить и, по-видимому, действительно служил ориентиром (*come bussola di orientamente*, по определению Пертузи) для последующих династий. Правда, в официальных источниках ссылок на этот прецедент мы не находим, но тот факт, что юрист Константин Арменопул в XIV в. в самый разгар мятежа Иоанна Кантакузина против законного, т. е. наследственного, императора включил этот «томос» в качестве приложения в состав своего Шестикнижия, особо отметив меру возмездия (высшую меру церковного наказания — анафему) за «мятеж или посягательство» на законную власть, с полным правом расценивается исследователями как грозное предостережение узурпатору, а последовавшее затем опровержение этого текста ярким кантакузинистом патриархом Филофеем Коккиносом лишь еще больше подчеркивает действенность этого предостережения.⁸⁶ Не потому ли Иоанн Кантакузин не решился на открытую узурпацию власти, обычно сопровождавшуюся физическим устранением малолетнего наследника престола, закамуфлировав ее опекунством, установлением родственных отношений с законным наследником и соправительством?

Возвращаясь к нашему документу, следует отметить, что никакие присяги не спасли юного наследника от другого претендента на императорский трон: Алексей Комнин, оставшийся после смерти отца (1180) де-

---

⁸⁶ См. об этом: *Pitsakes C. G.* Γρηγορίου Ἀκινδύνου Ἀνέκδοτη πραγματεία περί (Κωνσταντίνου;) Ἀρμενοπούλου (Ἀνάτοπον). Ἐν Ἀθήναις, 1974. Σ. 116.

сятилетним мальчиком, на третьем году номинального царствования был задушен своим двоюродным дядей Андроником Комнином,⁸⁷ хотя и этот узурпатор давал покойному Мануилу присягу на верность его наследнику, а позднее повторил ее и самому юному императору. Что делать! Такое было время и таковы были нравы, которые, впрочем, — нужно с сожалением признать — не так уж сильно отличаются от нынешних.

И еще одно. Была ли подобного рода реформа задумана и осуществлена Мануилом I Комнином под влиянием западноевропейской модели, явившись еще одним проявлением его политики окцидентализации государственных структур, как полагает Пертузи? Вполне возможно, хотя предпосылки для этого, как мы видели, уже давно созрели в Византии независимо ни от какого Запада.

Власть, закон и «право на сопротивление»

Идея правопорядка, строгой законности — это, можно сказать, *idée fixe*, общее место византийского законодательства, всей византийской политической литературы, с явной тенденцией быть возведенной в ранг некоего конституционного принципа. Так, например, для автора трактата «О политической науке» охрана законов — *ἡ τῶν νόμων φυλακή* — это пятый из фундаментальных законов империи; тему законности развивают в целом ряде глав законодательные памятники VIII–IX вв. (Эклога, Исагога, Прохирон); немало официальных заявлений в этом роде содержится также

---

⁸⁷ Bourdara K. A. Τὸ ἐγκλημα καθοσίωσης στὴν ἐποχὴ τῶν Κομνηνῶν (1081–1185) // Ἀφιέρωμα στὸν Νίκο Σβόρωνο. Ρεθύμνο, 1986. Τ. I. Σ. 221.

в новеллах Юстиниана и других императоров. Концепцией «дихотомического правового мира», которой, следуя за Аристотелем, придерживались византийские правоведы, предусматривалось, как мы видели, особое право для «высших эшелонов власти» и особое — для остальной, управляемой части общества, хотя вместе нерасторжимая аристотелевская пара $\alpha\rho\chi\omicron\varsigma$ — $\alpha\rho\chi\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ и у византийцев составляла основу политической общности. Право второго члена данного уравнения основывалось хотя бы теоретически на принципе равенства всех граждан перед законом как в его коммутативной интерпретации, согласно которой социальная справедливость должна означать равенство всех независимо от социального положения каждого, так и в дистрибутивной, когда социальная справедливость должна быть надлежащим образом соразмеренной в распределении вознаграждений и наказаний в соответствии с заслугами или поступками каждого: каждому воздается именно ему принадлежащее право, которое совсем необязательно должно быть тождественным праву другого, — и это тоже равенство, причем равенство подлинное.⁸⁸ Что же касается первого члена уравнения — верховной власти, то ее право не столь однозначно и нуждается здесь в разъяснении.

Задача эта облегчается для нас Димитрием Хоматианом, который в постановлении суда охридской архиепископии 1236 г. приводит относящиеся к делу правовые тексты: «Император, — говорит он, — явно находится выше законов, трактующих вопросы власти. Ибо он сам — во главе власти и обладает правом говорить и действовать от лица это власти. И поэтому законы отдали его авторитету правовую норму, гласящую,

---

⁸⁸ См. об этом подробнее ниже.

что “император не подвластен законам” (имеется в виду все тот же царский закон, знаменитая цитата, перешедшая из комментария Ульпиана к *Lex Iulia* в *Дигесты*: *princeps legibus solutus est* — D. 1.3.31, которая на языке антецессоров звучит так: ὁ βασιλεὺς τοῖς νόμοις οὐχ ὑπόκειται — В. 2.6.1. — *И. М.*)». Законы, продолжает Хоматиан, легализовали принцип, согласно которому «то, что ему, императору, угодно, имеет силу закона (ср.: D. 1.4.1pr.: *quod principi placuit, legis habet vigorem* = В. 2.6.2: “Ὅπερ ἀρέσει τῷ βασιλεῖ νόμος ἐστίν. — *И. М.*). Что же касается (обычных?) правовых норм, то они (законы) установили, что он (император) должен следовать им, а чтобы он не уклонялся с их пути, они недвусмысленно провозгласили: «И по отношению к императору пусть сохраняют свою силу общие законы» (ср.: С. 1.14.1 = В. 2.6.9. — *И. М.*); «всякий идущий вразрез с законами рескрипт (императора) должен быть отклонен» (В. 2.6.9); «ничто из того, что сделано вопреки смыслу законов, не должно иметь силы, но пусть будет ненужным, даже если законодатель и не оговорил это специально» (С. 1.14.5 = В. 2.6.10. — *И. М.*). Это-то и есть та поговорка, которая гласит, что «император должен управлять государством в соответствии с законами».⁸⁹

Как видим, перед нами конгломерат правовых норм действительно неоднозначных и чреватых как возможностью абсолютистского толкования царской власти в ее отношении к праву, так и возможностью ее конституционного ограничения. Византийцев безусловно беспокоило наличие царского закона, и все их усилия были направлены на то, чтобы путем некоторых софистических ухищрений смягчить жесткость

---

⁸⁹ *Pitra J. Analecta sacra... Col. 459; Simon D. Princeps legibus solutus. P. 450–451.*

содержащейся в нем постановки вопроса. «Когда некоторые заявляют, — пишет, например, Кекавмен, — что василевс не подвластен закону, а сам является законом, то то же самое говорю и я, — но при условии, что все, что он делает, и все те законы, которые он устанавливает, — дело хорошее: тогда мы ему повинемся. Если же он скажет: “выпей яду” — ты не сделаешь это ни в коем случае, а если он скажет: “войди в море и пересеки его вплавь!” — ты тоже не сможешь этого сделать. Признай поэтому, что василевс, будучи человеком, подвластен благочестивым законам».⁹⁰

«Благочестивые законы» — это, конечно же, божественные законы, под которыми при желании можно было понимать как естественные законы (не их ли в данном случае и имеет в виду Кекавмен?), так и, по мнению Вальденберга, «не только евангельские заповеди, но и постулаты церковного позитивного права».⁹¹ Очевидно, именно это имел в виду и Пселл, говоря о Василии II, которого он считал одним из наиболее мудрых императоров, так как тот «управлял не по писаным законам, а по неписаным установлениям своей необыкновенно одаренной от природы души».⁹² В рассуждении Кекавмена обращает на себя внимание то, что его автор выбрасывает за борт (сознательно ли?) не только вторую половину царского закона с формулой «то, что угодно василевсу, имеет силу закона», но и все те регламентирующие законодательную деятельность императора статьи, которые позднее процитирует Димитрий Хоматиан, но которые в принципе должен был бы знать и Кекавмен. «Ясно, — говорит в этой связи Пертузи, — что мысль Кекавмена отража-

⁹⁰ Советы и рассказы Кекавмена. С. 274.

⁹¹ *Valdenberg V. Nikoulitza...* P. 100.

⁹² *Михаил Пселл. Хронография.* С. 14, гл. 29.

ет какие-то споры в вопросе о том, до какого предела простиралась законодательная власть василевса, причем демаркационная линия между законным и незаконным не была столь отчетливой, поскольку “делать хорошо” и “поступать правильно” не могло быть юридически значимой мерой; мера эта — моральная». ⁹³

Возможно, что именно осознанием всего этого объясняется позиция патриарха Фотия, который при составлении «Исагоги» вообще опустил царский закон, сконцентрировав внимание на тех нормах, в которых акцент делается не на правах императора, а на его обязанностях. Титул II «О василевсе» открывается определением василевса как «законной власти» (ἔννομος ἐπίστασία), общего для всех подданных блага, власти, которая не наказывает из личной антипатии и не благодетельствует из чувства симпатии, но подобно какому-нибудь агонотету (судье на состязаниях) распределяет заслуженные награды (§ 1).⁹⁴ Назначением императорской власти провозглашается обеспечение защиты и безопасности существующих (у государства?) сил, неусыпное бдение по восстановлению уже утраченных, мудрость и справедливость в приобретении тех, которых еще нет (§ 2); целью — творить добро, ибо с ослаблением стремления к благодеянию печать царственности кажется, согласно древним, фальшивой (§ 3). Василевс обязан защищать и охранять прежде всего все записанное в Св. Писании, затем все

⁹³ Pertusi A. Il pensiero politico e sociale... P. 746.

⁹⁴ По мнению Сп. Трояноса, само понятие ἔννομος ἐπίστασία заимствовано Фотием у Исидора Пилусиота (IV в.), воздействие идей которого на творца Исагоги вообще просматривается весьма отчетливо, см.: Troianos S. N. Ὁ Μέγας Φώτιος καὶ οἱ διατάξεις τῆς Εἰσαγωγῆς // Ἐκκλησία καὶ Θεολογία, 1991. Т. 10. Σ. 495.

установленное в качестве догматов на семи святых соборах, наконец, отобранные римские законы (§ 4); он должен отличаться приверженностью православию, благочестием и другими христианскими добродетелями (§ 5). Но если вышеизложенные положения носят оригинальный характер, то следующий за ними раздел с перечислением полномочий василевса в области законодательства целиком заимствован из Дигест, а именно — его долг толковать узаконения древних и исключать из них то, что вышло из употребления (§ 6 = D. 1.3.11.12); при толковании законов принимать во внимание обычай города и не допускать введения того, что противоречит канонам (§ 7 = D. 1.3.37.14); василевс обязан разъяснять законы благожелательно, а в сомнительных случаях предпочитать толкование, отличающееся тонкостью вкуса (§ 8 = D. 1.3.23); в делах, в отношении которых нет писаного закона, следует руководствоваться привычкой и обычаем, а если нет и этого — следовать нормам, регулирующим сходные казусы (§ 10 = D. 1.3.32); в зависимости от того, установлен ли закон письменно или без письменного оформления, и отмена его также осуществляется письменно или без, т. е. путем неупотребления (§ 11 = D. 1.3.32.2); обычаем какого-либо города или провинции можно воспользоваться тогда, когда он, будучи подвергнут сомнению, может быть подтвержден в суде, причем установления, проверенные долгим обычаем и сохраняющиеся на протяжении многих лет, действуют не хуже писаных законов (§ 12 = D. 1.3.34.35).

Уже давно было замечено, что представления Фотия о строгом разграничении полномочий императорской власти и власти патриарха имеют нонконформистскую направленность. Особенно это относится к ясно

выраженному стремлению Фотия ограничить власть императора рамками βασιλεία с задачей способствовать миру и счастью подданных, оградить от ее посягательств церковную сферу, находящуюся в компетенции патриарха, возвысить и эмансипировать власть последнего, придать ему своего рода папский статус. Здесь нет и следа доктрины об уподоблении императора Богу, о божественном происхождении императорской власти, или, вернее, она переносится на более высокий уровень — на уровень закона. Уже в предисловии к Исагоге, которое воспринимается как своеобразный гимн закону и законности, провозглашается, что закон — от Бога, это истинный василевс, он выше самих василевсов, причем василевсов не каких-нибудь (явный намек на императоров-иконоборцев!), но весьма почитаемых и воспеваемых из-за приверженности православию и правосудию.⁹⁵ Правда, против переоценки оригинальности и нонконформизма во взглядах Фотия выступает Зимон, полагающий, что Фотий в данном случае просто эксцерпировал из какой-то одной суммы две небольшие и взаимосвязанные массы текста («Соблазнительное замечание Бека, — говорит он, — о том, что другие определения Дигест (скажем, D. 1.4.1 pr.) были намеренно выброшены

---

⁹⁵ *Schminck A. Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern. S. 6. Z. 42–46.* О понятии ὁ νόμος βασιλεὺς у Фотия и его возможных античных образцах см.: *Schminck A. 'Απὸ τὸν «νόμο» στὸν «νόμο»: 'Ο Φώτιος καὶ ἡ ἐννοια τοῦ νόμου στὴν ἀρχαιότητα // Συμβολές στὴν ἐρευνα τοῦ ἀρχαίου ἐλληνικοῦ καὶ ἐλληνιστικοῦ δικαίου. Ἀθήνα, 1994. Σ. 61–72.* О предисловии к «Исагоге» в целом см.: *Simon D. Legislation as Both a World Order and a Legal Order // Law and Society in Byzantium: Ninth-Twelfth Centuries / Ed. by A. E. Laiou and D. Simon. Washington, 1994. P. 17–18.*

под стол, вряд ли оправдано с учетом такого фона... а констатация того, что кажется поразительным, что в титуле *perì νόμων* (Исагоги) закон определяется без всякой ссылки на императора как источник закона, — это чистейший постулат *e silentio*; его незначительная действенность еще больше ослабляется при взгляде на традицию Дигест (D. 1.3. de legibus) и Василик (B. 2.1.): и там ни единым словом не оговаривается императорская прерогатива в области права или свобода от связанности им». Тем не менее Зимон вынужден признать, что «естественно, остается вопрос, почему Фотий предпочел эти, а не другие фрагменты» (*Simon D. Princeps legibus solutus*. P. 468), но этот заданный им самому себе вопрос лишает силы все его рассуждение.

Следует, впрочем, отдать должное и самой императорской власти: многие ее носители также осознавали (возможно, из чувства самосохранения) необходимость каким-то образом смягчить жесткость «царского закона». Типичным в этом смысле и ставшим на многие столетия путеводной нитью для византийских императоров было высказывание Северов, которые, согласно «Институциям», «очень часто» замечали в своих рескриптах: «Хотя мы и не связаны законами, но живем тем не менее по законам» (*Inst.* 2.17.8), а Феофил, излагая в своей парафразе это латинское изречение Северов на греческом языке, добавляет, что речь идет о достойном восхищения и постоянного цитирования божественном изречении (*Theoph. Inst.* 2.17.8).⁹⁶ Нередки в новеллах предписания императоров не принимать во внимание их указы, идущие вразрез с существующим законодательством. Например, в новел-

---

⁹⁶ *Simon D. Princeps legibus solutus*. P. 464.

ле Мануила Комнина от 1158 г. сказано: «Если во время нашего самодержавного правления моей царственностью будет предписано устно или письменно что-либо, противоречащее праву или смыслу законов, то пусть оно будет недействительным и во всех отношениях бездейственным». ⁹⁷ На исходе византийской эры эта позиция наиболее отчетливо обозначена императором Андроником II Палеологом. Излагая в своем пространном хрисовуле принципы судебной реформы, целью которой провозглашалось «благосостояние государства», «достижение справедливости», он оговаривается: «Хотя василевс стоит выше закона и всякого принуждения, и ему позволительно делать все, подобно тому как василевсы предшествующего времени считали единственным и самым сильным законом лишь свою волю», он, Андроник, «презрел такое властительство, признававшееся справедливым как в силу обычая, так и по многочисленности примеров, и поставил правду выше своей власти». ⁹⁸

---

⁹⁷ *Zepos J. et P. Ius graeco-romanum. Athenis, 1931. Vol. 1. P. 385 sq.* Любопытно отметить, что именно Мануил Комнин в одном своем питтакие сетует — редчайший случай! — на отсутствие у него, императора, достаточной юридической компетентности, специальных знаний в области канонического и гражданского права из-за постоянной загруженности государственными делами, которые отвлекают его от чтения и изучения Св. Писания и гражданских законов. Впрочем, говорит он, это и не является профессией императора; недостаток юридической компетентности восполняется у него собственным разумением и жизненным опытом — знанием обычаев других стран и т. д. (*Darrouzès J. Questions de droit matrimonial: 1172–1175 // REB. 1977. T. 35. P. 123, 1. 15–P. 125, 1. 29).*

⁹⁸ *Zepos J. et P. Jus graeco-romanum. Vol. 1. P. 558 sqq.*

Не правда ли, налицо снова некий добровольный либерализм императоров, их сознательное самоограничение, подаваемое как милость по отношению к подданным, царская добродетель, некий моралистский *progrium imperii*,⁹⁹ весьма далекий от того, чтобы служить эквивалентной заменой праву и закону. Тем более что отнюдь не все царствующие особы, прежде всего особы с ясно выраженным «нероновским комплексом», были склонны соблюдать правила игры в либерализм — и тогда опять «упоеание властью», пошное нагнетание культа царствующей персоны, которое приобретало порою анекдотические черты. Можно было бы, например, принять за выдумку сообщение кременского епископа Лиутпранда, наблюдавшего торжественный выход императора Никифора II Фоки 7 июня 968 г. в Константинополе, о том, что специально подготовленные для этого «псалты» или «кракты», т. е. попросту крикуны, наряду с обычным «полихронионом» и другими аккламациями выкрикивали в адрес императора и такое: «Вот восходит утренняя звезда, поднимается заря, затмевает взглядом своим лучи солнца, бледная смерть сарацинов, Никифор, вождь — повелитель». Но дотошный австрийский исследователь Крестен установил по источникам совершенно точно достоверность этих эпитетов.¹⁰⁰ В наиболее серьезных случаях все это выливалось в вакханалию политических преследований, казней и убийств, как, например, в случае с «красным императором» Андроником Комнином, по подсказке которого его люди

⁹⁹ *Simon D. Princeps legibus solutus. P. 464.*

¹⁰⁰ *Kresten O. Pallida Mors Sarracenorum: zur Wanderung eines literarischen Topos von Liudprand von Cremona bis Otto von Freising und zu seiner byzantinischen Vorlage // Römische Historische Mitteilungen. 1975. N 17. S. 23–75.*

составляли списки подлежащих уничтожению потенциальных врагов с указанием для каждого способа исполнения смертной казни.¹⁰¹ В общем все так, как это и происходит в подобных случаях во все времена и у всех народов: ἀναγινώσκων νοεῖτω!

Ясно, что византийская «общественность» вряд ли могла безоговорочно удовлетвориться таким положением дел. Она и не удовлетворялась им, постаравшись, что называется, явочным порядком выработать свою систему квазиправовых гарантий от произвола властей, систему, с которой императорам волей-неволей приходилось считаться.

Особый интерес в этой связи представляют клятвы императоров, вернее, будущих императоров, так как их скрепленные клятвами обещания рассматривались в качестве предпосылки коронования и имели, по-видимому, конституционное значение.¹⁰² К сожалению, о них мало что известно, и это понятно: ведь, придя к власти, императоры всеми силами старались изгладить из памяти подданных данные им обещания. В этом отношении едва ли не уникальным эпизодом в истории церемониала интронизации является клятва, данная

---

¹⁰¹ Bourdara K. A. Τὸ ἐγκλημα καθοσιώσεως στὴν ἐποχὴ τῶν Κομνηνῶν (1081–1185). Σ. 225–226. Характерно и то, что Андроник, утверждая смертные приговоры, заявлял о своем сострадании к судьбам несчастных и, прослезившись, добавлял, что тем не менее «строгость и авторитет законов сильнее его собственных побуждений и благих намерений, а приговор судей — выше его воли» (Nicetae Choniatae Historia / Ed. I. A. van Dieten. Berlin: New York, 1975. P. 295, 50–54).

¹⁰² Pertusi A. Il pensiero politico e sociale... P. 690–691; Troianos S. N. Συμβολὴ εἰς τὴν ἐρευνὰν τῶν ὑπὸ τῶν βυζαντινῶν αὐτοκρατόρων παρεχομένων ἐνόρκων ἐγγυήσεων (Ἀνάτυπον). Ἐν Ἀθήναις, 1968.

в 491 г. Анастасием архонтам и сенаторам, — с обещанием сохранить им должности и звания, не выступить против них, править «с правильным сознанием»;¹⁰³ впрочем, подобные клятвы давались при восшествии на престол Ираклеоном, Феодосием III, Львом III. Пожалуй, более известна практика предоставления молодыми императорами гарантий для церкви, так называемого исповедания веры (*ὁμολογία πίστεως*), клятвы на верность православию, которая с IX в. приобрела форму некоего *credo*, сходного с никейским символом, но с добавкой о признании апостольских заветов, определений и канонов вселенских соборов, привилегий церкви, с обещанием быть верным рабом и защитником церкви, и которая в поздневизантийское время давалась в письменной форме. Образец такого акта исповедания веры сохранен Псевдо-Кодином.¹⁰⁴ По мнению некоторых исследователей, патриарх, требуя от восходящего на трон императора клятвы на верность православию, действовал, таким образом, не как глава церкви, но как первый из граждан, а констатация приверженности нового императора православию была требованием не только церкви, но и всего народа.¹⁰⁵

---

¹⁰³ *Constantin VII Porphyrogénète. Le livre des cérémonies* / Ed. A. Vogt. Paris, 1940. Т. 2. P. 422.

¹⁰⁴ *Pseudo-Kodinos. Traité des offices* / Ed. J. Verpeaux. Paris, 1966. P. 253–254.

¹⁰⁵ *Troianos S. N. Συμβολή εις την έρευνάν. Σ. 156.* О политической ортодоксии, при которой верность православию была идеологической и политической нормой для всей империи от простого подданного до императора и при которой православие императора имело не столько религиозно-богословский, сколько политический смысл, см.: *Beck H. G. Das byzantinische Jahrtausend. München, 1978. S. 89ff.*

Едва ли большей гарантией, находившейся в распоряжении подданных, было их право на сопротивление вплоть до убийства властителя, не оправдавшего их доверия и приобретшего в общественном мнении репутацию тирана. О том, что такое право существовало, свидетельствует социальная практика, прежде всего личная судьба «равноапостольных». Подсчитано, что с 323 по 1453 гг. из 88 государей, занимавших трон Византии, только 37 умерли своей собственной смертью, 8 погибли на войне или стали жертвами случая; остальные отреклись, добровольно или уступая насилию, или же были отравлены, заколоты кинжалом, удушены, искалечены,¹⁰⁶ причем эта статистика отражает лишь успешно осуществленное «право на сопротивление».¹⁰⁷ Количество же всех, и удавшихся и не удавшихся, выступлений против царской власти — всевозможных заговоров, мятежей, покушений, измен, попыток свержения царствующих императоров и захвата власти, не считая при этом чисто социальных, народных движений, — только для периода с 865

---

¹⁰⁶ *Guilland R.* La destinée des empereurs de Byzance // *Idem.* Etudes byzantines. P. 1959. P. 1–32. Cf.: *Patlagean E.* Le Basileus assassiné et la sainteté impériale // *Media in Francia: Recueil de mélanges offerts à Karl Ferdinand Werner.* Paris, 1989. P. 345–359; *Marcopoulos A.* Αίμα στο παλάτι // *Ἐγκλήμα καὶ τιμωρία στὸ Βυζάντιο.* Ἀθήνα, 1997. Σ. 257–272.

¹⁰⁷ О социальной подоплеке всевозможных политических переворотов и узурпаций, в основе которых всегда была реакция определенных общественных групп на кризисные ситуации, преодоление которых иным путем казалось невозможным, см.: *Elbern S.* Usurpationen im spatrömischen Reich. Bonn, 1984. S. 41, 53, 144 (ср. также рец. А. С. Козлова на кн. Эльберна в: ВВ. 1990. Т. 51); *Cheyne J.-Cl.* Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210). Paris, 1990.

по 1185 г. составляет, по данным новейших исследований, около 140 случаев.¹⁰⁸

Встречаются и теоретические обоснования «права на сопротивление». Согласно патриарху Николаю Мистику (X в.), неповиновение императору допустимо, если он предписывает нечто, внушенное ему дьяволом и идущее вразрез с божественным законом, например, когда он повелевает клеветать и убивать обманом, нарушать супружеские связи, несправедливо разорять чужие владения и т. д. «Василевс, — говорит он, — неписаный закон, но не потому, что он нарушает закон и делает все, что ему вздумается, а потому, что является таковым, т. е. неписаным законом, который проявляется в своих актах, как раз и составляющих неписаный закон. Если василевс — враг закона, то кто же будет бояться закона? Если первым его нарушает правитель, то ничто не помешает тому, чтобы его затем стали нарушать подданные... Хороший правитель должен отвергать тиранию, ибо такая форма власти, высокомерная и насильственная, ненавистна Богу и людям; тиран — противоположность хорошему правителю, он неверен, вероломен, развратен, несправедлив, не признает божественного провидения, правит делами по своей прихоти и доверяется только собственному безумию власти. Он в сущности отрицает свое божественное происхождение... Государь должен довольствоваться своей властью и не переступать границ, намеченных ему Богом».¹⁰⁹

---

¹⁰⁸ Bourdara K. A. 1) Καθοσίωσις καὶ τυραννίς κατὰ τοὺς μέσους βυζαντινοὺς χρόνους: Μακεδονικὴ δυναστεία (867–1056). Ἀθήναι, 1981; 2) Καθοσίωσις καὶ τυραννίς κατὰ τοὺς μέσους βυζαντινοὺς χρόνους: 1056–1081. Ἀθήνα, 1982; 3) Τὸ ἐγκλημα καθοσίωσεως στὴν ἐποχὴ τῶν Κομνηνῶν (1081–1185). Σ. 211–229.

¹⁰⁹ Цит. по: Pertusi A. Il pensiero politico e sociale... P. 716–717.

Имперское законодательство стремилось, естественно, оградить царствующую персону и его окружение от посягательств на власть извне, подводя такого рода попытки под понятие *καδοσίωσις*, «оскорбления величества» (некий византийский эквивалент римскому *crimen maiestatis*), или *τυραννίς*, т. е. государственного преступления, связанного с попыткой ниспровержения «законной власти», и угрожая виновным в таких преступлениях смертной казнью. При дознаваниях по такого рода делам применялись особые приемы доказательства виновности: показания могли давать лица, которым в обычных условиях было запрещено выступать в суде, — рабы против хозяев, жены против мужей, сыновья против отцов и т. д.; широко применялись пытки, причем как к обвиняемым, так и к обвинителям, а также к свидетелям, даже если они не достигли 14 лет. Жизненная практика, однако, расходилась здесь с законодательством: смертная казнь была относительно редким явлением, будучи заменяемой чаще всего ослеплением, членовредительством, телесными наказаниями, ссылкой, пострижением в монахи и т. д.¹¹⁰ Порой все вообще заканчивалось амнистией, т. е. частичным или полным освобождением от наказания и его правовых последствий чаще всего именно тех категорий правонарушителей, которые совершили преступления против императора. В Византии право амнистии принадлежало исключительно императору и сопровождалось дачей письменных гарантий с его стороны.¹¹¹ И дело

---

¹¹⁰ См. все только что указанные работы Бурдары, но особенно: *Bourdara K. A. Καδοσίωσις καὶ τυραννίς...* (867–1056). Σ. 137–187.

¹¹¹ *Troianos S. N. Συμβολή εἰς τὴν ἐρευνάν.* Σ. 134–147.

здесь, думается, не в каких-то личных гуманных качествах отдельных императоров, а в «обычном правосознании» византийцев, которое иногда оказывалось сильнее писаного официального права. Последнее (впрочем, как и все уголовные кодексы мира) вообще проявляло удивительную непоследовательность в отношении преступлений, касавшихся ниспровержения законной государственной власти: судят ведь за неосуществленное преступление, за неудачную попытку, которая чаще всего квалифицируется как государственная измена; за удавшееся же преступление судить бессмысленно, ибо в этом случае, по выражению Михаила Пселла, «тирания становилась законной властью» (ἡ τυραννὶς τέως εἰς ἔννομον μετελοεῖτο ἀρχήν).¹¹²

Номос и канон

Еще один немаловажный аспект правовых основ византийской государственности — взаимоотношения светского государственного и церковного законодательств, которые, конечно же, являлись отражением всего комплекса сложных, запутанных взаимоотношений церкви и государства, т. е. земной, видимой части «царства Отца, Сына и Св. Духа» и царства кесарева — этих двух неслиянных, но и нераздельных организмов, связанных между собой некими метафизическими узами в некое единство.

«Я знаю, — говорит император Иоанн Цимиский (969–976) в своей речи перед епископами и сенатом, — лишь одну власть, наивысшую и первенствующую, которая из ничего создает все то, что видимо и не види-

---

¹¹² Цит. по: Bourdara K. A. Καθοσίωσις καὶ τυραννίς... (1056–1081). Σ. 88.

мо в мире. Но мне известно также, что в этой жизни в насущном земном пространстве, есть две власти: священство (ιερωσύνη) и царство (βασιλεία); одной из них создатель доверил заботу о душах, а другой — руководство телами людей, с тем чтобы ни та, ни другая стороны не понесли ущерба, но чтобы обе сохранялись целыми и невредимыми». ¹¹³

Высказывание интересно тем, что резюмирует (или, скорее, контаминирует) два правовых источника: предисловие к шестой новелле Юстиниана, где дается формула взаимоотношений светской и церковной власти, ¹¹⁴ и уже известный нам пассаж из Исагоги, в котором сделана попытка кодифицировать учение о разделении двух властей, определить в юридических нормах позиции василевса и патриарха и их полномочия в рамках государства, подвести юридическую базу под взаимоотношения церкви и государства. ¹¹⁵ Не менее интересно и то, что, признав фактически идею разделения двух относительно автономных властей, император тут же нарушает ее, заявив, что он возводит на освободившийся после смерти патриарха Полиевкта церковный престол инока с горы Олимп Василия Скамандрина, да еще на том основании, что тот предсказал ему, Иоанну Цимисхию, что он станет

---

¹¹³ Leonis Diaconi Caloënsis Historiae. Bonnae, 1828. P. 101 (Рус. пер.: Лев Диакон. История / Под ред. Г. Г. Литаврина. М., 1988. С. 55).

¹¹⁴ Nov. Just. 6 pr.; ср.: Karayannopoulos I. E. Ἡ πολιτική θεωρία τῶν Βυζαντινῶν. Θεσσαλονίκη, 1988. Σ. 59.

¹¹⁵ Pertusi A. Il pensiero politico e sociale... P. 693–697. Уподобление «священства» и «царства» у Фотия в «Исагоге» с душой и телом Сп. Троянос также выводит из Исидора Пилусиота (IV в.), см.: Troianos S. N. Ὁ Μέγας Φώτιος καὶ διατάξεις τῆς «Εἰσαγωγῆς». Σ. 492.

василевсом, а значит, располагает «всевидящим оком, которое распознает дела человеческие еще до того, как они задуманы». ¹¹⁶

В данном эпизоде, как в капле воды, отразилась вся гамма взаимоотношений церкви и государства: их как будто всеми признававшаяся и даже, как мы видели, юридически закрепленная самостоятельность, их равноправное партнерство, не исключавшие, впрочем, отношений тесного сотрудничества, солидарности и даже взаимозависимости: ведь все государственные чиновники, да и сам император — члены церкви и, наоборот, все верующие, включая патриарха, — граждане государства, а органы церкви — носители публичной власти, с одной стороны; и практически полнейшая зависимость церкви от государства, «иго светской власти», ¹¹⁷ — с другой. Император — «служитель Великого Царя», представитель Христа на земле до пришествия Божественного Судии — таков постулат имперской идеологии, впервые, впрочем, вышедший «не из православных уст», ¹¹⁸ будучи сформулирован арианом Евсевием. И поэтому император считал себя вправе вмешиваться в дела церкви и действительно вмешивался, принимая живое участие в теологических спорах по вопросам догматики, председательствуя на церковных соборах, подписывая соборные постановления, определяя границы епархий, назначения и выборы епископов, митрополитов, самого патриарха, издавая указы догматического содержания. Византийские императоры и после Юстиниана продолжали выпускать конституции и указы религиозно-

---

¹¹⁶ *Лев Диакон. История. С. 55; ср.: Pertusi A. Il pensiero politico e sociale. P. 728.*

¹¹⁷ *Karayannopoulos I. E. Ἡ πολιτικὴ θεωρία. Σ. 63.*

¹¹⁸ *Ibid. P. 62.*

го содержания: Юстин II опубликовал новеллу о несанкционированном смещении епископов; Ираклий — четыре новеллы о клире, а также моноэнергистскую «Ἐκθεσις»; Константин IV Погонат на созванном им Константинопольском соборе 680–681 гг., каноны которого были отредактированы «под диктовку» императора, санкционировал определения, которые ликвидировали монофелитский вопрос и восстановили связь с Римом, и своим указом вернул равеннскую церковь римскому престолу; Юстиниан II созвал в 692 г. так называемый пято-шестой Константинопольский собор, постановления которого он пытался навязать и Риму; а чего стоит 17-я новелла Льва VI, адресованная патриарху Стефану I и трактующая вопрос о возможности крещения и участия в таинстве святой ехаристии женщин во время родов.¹¹⁹ Борьба с ересями и еретиками, казалось бы, дело церкви, велась в Византии всегда императорскими войсками и императорским судом.¹²⁰ Более того, были императоры, открыто претендовавшие на священничество и главенство в церкви, давая тем самым повод говорить о цезаропапизме в Византии.¹²¹ Так, Феодосий Великий

---

¹¹⁹ *Parayanni E., Troianos Sp.* Ἡ νεαρά 17 Λέοντος τοῦ Σοφοῦ καὶ μία ἐπιτομή της // Βυζαντινὰ Μελέται, 1988. Τ. I. Σ. 3–22.

¹²⁰ *Ahrweiler H.* L'idéologie politique de l'Empire Byzantin. Paris, 1975. P. 143; *Beck H. G.* Actus fidei: Wege zum Autodafé. München, 1987.

¹²¹ К этой, как будто уже преодоленной концепции (см.: *Ahrweiler H.* L'idéologie politique... P. 130) в последнее время снова обращается Жильбер Дагрон, см.: *Dagron G.* Empereur et prêtre: Étude sur le «césaropapisme» byzantin. Paris, 1996; *Дагрон Ж.* «Восточный цезаропапизм» (история и критика одной концепции) // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ: К 70-летию акад. Г. Г. Литаврина. М., 1999. С. 80–99.

настаивал на праве императора находиться внутри алтаря церкви во время литургии,¹²² а в преамбуле к Эклоге излагается целая теория о том, что «Господь и создатель всего» не только вручил императорам власть над империей, но и повелел им, «по словам главы апостолов Петра, пасти самое верное стадо».¹²³ Таким образом, подчеркнуто, что Бог вверил василевсам власть над *sacerdotium* не на основе доктрины подражания Богу, что было бы более привычным для византийской топики, а на основе завета, данного Христом Петру, главе апостолов: «Паси мое стадо» (I Petr. 5. 2). То, что в данном случае имелось в виду притязание императора на двойственность своей власти — быть одновременно и василевсом и священником, — особенно ясно видно из переписки папы Григория II с Львом III. Отвечая на письмо последнего, в котором император в соответствии с принципами, изложенными в Эклоге, обосновывал формулу: «Я одновременно и василевс и священник», папа Григорий II отстаивает тезис о независимости *sacerdotium* от *imperium*, отрицает возможность отождествления обеих властей в одном лице и полагает, что догматы — дело не василевсов, но епископов, отмеченных духом Христовым.¹²⁴

Отпор получило и притязание Феодосия, которому решительно воспротивился св. Амвросий. Он выразил идею, ставшую официальной доктриной церкви: «Пурпур делает императорами, но не священниками».¹²⁵

---

¹²² *Ahrweiler H.* L'idéologie politique... P. 131.

¹²³ *Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos'V / Hrsg. von L. Burgmann.* Frankfurt a/M., 1983. S. 160. Z. 21–24.

¹²⁴ *Dagron G.* Empereur et prêtre. P. 171–172.

¹²⁵ *Ahrweiler H.* L'idéologie politique. P. 131.

Конечно же, аналогичные голоса раздавались и в центре империи, в Константинополе. Иоанн Дамаскин в своих двух речах «Об образах», прямо намекая на законодательство Льва III и на его политическую идеологию, изложенную в преамбуле «Эклоги», пишет: «Эти вопросы — компетенция соборов, а не василевсов...; императорам подобает доброе и справедливое руководство общественными делами, пастырям и учителям, напротив, — установление церкви...; мы подчинимся тебе, василевс, в том, что касается мирских дел, т. е. податей, налогов, дарений, которые мы получаем, и всего того, для чего тебе вверено управление нами; но в том, что касается церковного устройства, у нас есть наши пастыри, которые говорят нам свое слово и издают церковное законодательство. Давайте не будем перемещать границ вечных, установленных нашими отцами, сохраним традиции такими, какими их получили... Я не могу допустить, чтобы василевс узурпировал тираническим образом священство. У василевсов не было власти соединять и расторгать... Ничуть не уверен, что церковь должна направляться императорскими распоряжениями, но только учениями отцов, писаными и неписаными».¹²⁶

Великий реформатор византийского монашества Феодор Студит в беседе с императором говорил то же самое: «Что касается церкви, то это компетенция священников и учителей; василевсу, напротив, подобает руководство делами внецерковными. Это то, что предписывает апостол: “Бог помещает в церкви прежде всего апостолов, во-вторых, пророков, в-третьих, учителей”.

---

¹²⁶ PG. Vol. 94. Col. 1284B, 1296C–D, 1301D–1304A; ср.: *Pertusi A. Il pensiero politico e sociale... P. 684–685; Karayannopoulos I. E. Η πολιτική θεωρία. Σ. 66–67.*

Он отнюдь не упомянул василевсов. Ведь это те, которые должны выпускать законы о догматах и о вере; ты же должен следовать им и не узурпировать их место». ¹²⁷ Подлинность мысли Феодора Студита, впрочем, почти дословно совпадающей с высказыванием Иоанна Дамаскина, подтверждается, как правильно подметил А. Пертузи, его письмом к сакелларию Льву, в котором он отказывается обсуждать с императором вопрос об иконопочитании: «Речь ведь не о житейских делах и не о плотских, о которых василевс имеет право судить, но о божественных и небесных догматах, которые не доверены никому другому, кроме как тем, кому сам Бог-Слово сказал: “Все, что вы соедините на земле, будет соединено и на небе; и все, что вы расторгнете на земле, будет расторгнуто и на небе”. Кто суть те, кому он дал этот завет? Апостолы и их преемники. А кто эти преемники? Это тот, кто занимает первопрестол в Риме, тот, кто держит второй престол в Константинополе, и затем те, что в Александрии, Антиохии и Иерусалиме. Это пятиглавая власть церкви. Им доверено право судить о божественных догматах; василевсам же и правителям дано лишь содействовать подтверждению того, что было решено, и примирять разногласия. Недопустимо, государь, уравнивать божественный суд с житейским». ¹²⁸

Не умножая других высказываний в этом же роде (например, патриархов Никифора, Фотия), авторы которых лично поплатились за их оппозицию всемогуществу императоров, и не приводя здесь «других голосов», иногда весьма авторитетных (например, патри-

---

¹²⁷ PG. Vol. 99. Col. 181D–184A.

¹²⁸ PG. Vol. 99. Col. 1417C–D, 1420A, 1600D–1601A; ср.: *Pertusi A. Il pensiero politico e sociale... P. 685; Karayannopoulos I. E. Η πολιτική θεωρία. Σ. 63–64.*

архов Афанасия, Константина, Павла, Феодора и т. д.), которые, напротив, способствовали выработке позиции отдельных императоров в религиозной сфере,¹²⁹ подведем некоторый итог: отношения между церковью и императорами, представлявшими государство, оставались в Византии в силу отсутствия четкой политической и правовой теории плохо выясненными, что давало возможность различных толкований.¹³⁰ Вся византийская история свидетельствует о попытках и той и другой стороны нарушить достаточно хрупкое равновесие данной диархической системы. Тем не менее эти попытки — дело отдельных лиц, а не результат действия институтов.¹³¹

На фоне общих принципов взаимодействия церкви и государства отнюдь не становится яснее отношение между корпусом светских законов и каноническим корпусом церковного права, который был официально провозглашен вселенским Трулльским (691/92 г.) собором.¹³² Во втором каноне собор указал состав корпуса, который включает в себя каноны вселенских соборов, так называемые апостольские каноны местных, не всегда точно датированных соборов IV в., серию посланий знаменитых отцов церкви IV и V вв.; к этой официальной коллекции добавились, естественно, каноны самого Трулльского собора. Собор запретил всякие попытки подделывать каноны, включать в состав корпуса «какие-то другие каноны, ложно составленные

---

¹²⁹ *Pertusi A.* Il pensiero politico e sociale. P. 686.

¹³⁰ *Karayannopoulos I. E.* Ἡ πολιτικὴ θεωρία . Σ. 67.

¹³¹ *Ahrweiler H.* L'idéologie politique. P. 131.

¹³² *Joannou P.* Discipline générale antique. Grottaferrata, 1962–1964. Т. 1–2; ср.: *Schwartz E.* Die Kanonensammlungen der alten Reichskirche // Ders. Gesammelte Schriften. Berlin, 1960. Bd. 4. S. 159–275.

людьми, стремящимися торговать истиной». По мнению Х.-Г. Бека, речь идет о запрете несанкционированного каким-либо вселенским собором расширения состава корпуса. Немецкий ученый также считает, что, учредив «гетерогенный» корпус канонического права, собор исключил всякие возможности для византийской канонистики создать подлинный «*Codex juris canonici*» с логически обоснованным распределением материала.¹³³ Возникает, таким образом, проблема согласования весьма противоречивых канонов и законов.

Впрочем, такая проблема возникла значительно раньше введения официального корпуса канонического права. Так, под нажимом церковников (участников IV вселенского собора) императоры Валентиниан и Маркиан издают 12 ноября 451 г. конституцию, согласно которой все законы (*pragmaticae sanctiones*), изданные в нарушение церковных канонов (*contra canones ecclesiasticos interventu gratiae ambitionis electae sunt*), признаются недействительными (*robore suo et firmitate vacuatae* — С. 1.2.12); в конституции от октября 530 г. уже содержится фраза о том, что «божественные каноны имеют силу не меньшую, чем законы» (С. 1.3.44.1), — положение, которое в наиболее развернутом виде встречается в знаменитой 131-й новелле Юстиниана от 545 г., гласящей: «Предписываем, чтобы священные церковные каноны, изданные или подтвержденные четырьмя святыми соборами, а именно — Никейским, Константинопольским, Эфесским и Халкидонским, имели ранг законов; ибо догматы четырех вышеназванных соборов мы признаем наподобие святых писаний,

---

¹³³ *Beck H. G. Nomos, Kanon und Staatsraison in Byzanz. Wien, 1981. S. 5, 7.*

а их каноны храним, как законы» (Nov. Just. 131.1).¹³⁴ Причем если у Юстиниана это естественным образом относилось к материалу, который имелся в наличии в его время и практически заканчивался канонами Халкидонского собора (451 г.), то Василики, воспроизводя новеллу Юстиниана, уже расширяют ее вплоть до II Никейского собора включительно — 787 г. (В. 5.3.2.).

Но в чем все же смысл подобного уравниения двух, казалось бы, столь различных категорий правовых актов? По убедительному мнению Спироса Трояноса, в этом вряд ли следует усматривать особую заботу светской власти об укреплении авторитета церковных канонов, расширении поля их применения и придании им большей нормативной силы. Мотивы здесь несколько иные: речь, скорее всего, идет о включении всей совокупности норм канонического права в общую законодательную систему государства, о распространении на эту специфическую часть законодательства компетенции императора как универсального и абсолютного законодателя (в одной схолии к Номоканону XIV титулов прямо говорится о том, что каноны издаются сообща василевсами и святыми отцами).¹³⁵ Соответственно император *legibus solutus* должен быть также император *canonibus solutus*.

Долгое время в источниках не удавалось найти официальных заявлений императора о том, что он стоит выше канонов, не связан ими. Обычно по этому поводу

---

¹³⁴ *Beck H. G. Nomos, Kanon und Staatsraison in Byzanz. Wien, 1981. S. 8; Troianos Sp. «Θεσπίζομεν τοίνυν, τάξιν νόμων ἐπέχειν τοὺς ἁγίους ἐκκλησιαστικὸς κανόνας...» // Βυζαντινά, 1985. Τ. 13. Σ. 1193–1200.*

¹³⁵ *Troianos Sp. «Θεσπίζομεν...» Σ. 1193, 1198–1199; Rhalles G., Potles M. Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων. Αθήνησιν. 1852. Τ. I. Σ. 38.*

цитируется высказывание императора Констанция II: «То, что мне угодно, — это и есть канон», сделанное якобы на Миланском соборе 355 г., но, как справедливо заметил Х. Г. Бек, во-первых, это известно из в высшей степени тенденциозного сочинения Афанасия Александрийского, злейшего врага императора Констанция, который к тому же не мог сам этого слышать; во-вторых, слово «канон» здесь употреблено не в техническом смысле и вполне может быть переведено словом *Leitsatz* или ему подобным.¹³⁶ Но вот недавно Людвиг Бургман опубликовал (по рукописи из Заворды) текст загадочной анонимной императорской новеллы (издатель затрудняется ответить, идет ли речь о подлинном тексте или о подделке), которая гласит следующее: «Мы предписываем настоящей нашей божественной новеллой, что наш дворец и казна (очевидно, дворец и казна символизируют здесь институт царской власти как таковой. — *И. М.*) не подлежат ведению так называемых канонических законов *вимы* (под *вимой*, т. е., собственно говоря, алтарем, здесь подразумевается церковь и церковная иерархия вообще. — *И. М.*), ибо для любого закона и для любого божественного канона (императорский) дворец — это как глава и корень. Ведь немислимо и нелогично, если то, из чего вышли законы и каноны, будет определяться законами и канонами; разве что в культе — упаси Боже! — появится какое-то новшество и принципы нашей православной веры придут в замешательство, и тогда на соборе при участии множества (лиц) из священного списка и многих архиереев, но также при председательстве василевсов исправляется то, что хромает в вере; причем тем, кто выдвигает правильное

---

¹³⁶ *Beck H. G. Nomos, Kanon und Staatsraison... S. 14. Anm. 22.*

мнение, помогает сам Христос Законодатель, Бог наш. Так что патриарху, согласно нашим священным предписаниям, не позволено накладывать канонические узы на какую бы то ни было церковь, основанную во дворцах этого царственного города. Более того, он не должен отстранять от божественного жертвоприношения и отлучать от алтаря тех, кто относится к клиру этих церквей. Если же он осмелится на нечто подобное, то пусть его избавит (от греха) как бы десница василевса, а он сам тем, что вышел за пределы божественных границ и не повинуется законам, навлечет на себя смех немалый. Но и всем резиденциям провинций или преториям высокочтимых дук, а также находящимся под их началом церквям мы жалуем права нашей божественной казны и дворца, так что никому из митрополитов, архиепископов и епископов не позволяется вмешиваться в эти собрания, как будто те находятся под их начальством, или предпринимать отлучения и таким образом порождать беспорядки». ¹³⁷

Как видим, налицо радикальная попытка (интересно — чья?) вывести из-под церковной юрисдикции и действия церковных канонов весь комплекс центральной и провинциальной имперской администрации, включая обслуживающие ее кадры священнослужителей и сами места культа. Действительно, *imperator canonibus solutus!* И не этот ли текст имеют в виду юристы, да и канонисты, когда тоже делают как будто аналогичный вывод. Например, знаменитый Вальсамон в одном месте цитирует без особых комментариев фразу о том, что «василевс не подчиняется ни законам, ни канонам», не находя, очевидно, в ней ничего

---

¹³⁷ *Burgmann L. Palatium canonibus solutum: Vier Texte zum byzantinischen Kirchen und Verfassungsrecht // Cupido legum. Frankfurt a/M., 1985. S. 20.*

особенного, а несколькими строками ниже высказывает собственное мнение: «Василевс не обязан следовать канонам». ¹³⁸ Впрочем, это не означает — повторим это вместе с Г. Х. Беком еще раз, — что и в византийской церкви не раздавалось достаточно мужественных голо-сов, которые отклоняли и опровергали такой вывод: «Случаи, когда патриархи и епископы вынуждены безропотно или лишь тихо ворча терпеть императорский произвол, соседствуют с другими, когда они оказывают энергичное сопротивление». ¹³⁹ Таким образом, тема отношений номоса и канона, как и вообще государства и церкви, в Византии отличается исключительной сложностью и, несмотря на богатейшую библиографию, вряд ли может считаться хорошо изученной, не говоря уже о том, чтобы быть закрытой. Разумеется, не можем претендовать на это и мы. Возможно, что однозначного ответа здесь вообще не может быть, как не было его и у самих византийцев.

И наконец, хотелось бы привести еще одно высказывание авторитетного специалиста в области изучения византийской государственности, с которым, на наш взгляд, трудно не согласиться: «византийская “конституция” во многом была несовершенна, а ее организация не во всем рациональна, но у нее было одно величайшее и существеннейшее преимущество: она была в состоянии функционировать. И она действительно функционировала несмотря на все свои несовершенства на протяжении более 1000 лет». ¹⁴⁰

---

¹³⁸ *Rhalles G., Potles M. Σύνταγμα...* Т. 3. Σ. 349, 350; ср.: *Beck H. G. Nomos, Kanon und Staatsraison...* S. 14. Anm. 23.

¹³⁹ *Beck H. G. Nomos, Kanon und Staatsraison...* S. 14–15; ср.: *Michel E. Die Kaisermacht in der Ostkirche. Darmstadt, 1959.*

¹⁴⁰ *Karayannopoulos I. E. Ἡ πολιτικὴ θεωρία...* Σ. 67–68, 87.

Равенство перед законом: миф или реальность?

Известно, что любое государство, оставаясь основным орудием политической власти в классовом обществе, в более широком смысле понимается как политическая форма организации жизни общества, как результат выделения и функционирования публичной власти — особой управляющей системы. В этом своем качестве государство не может не осуществлять и общесоциальную функцию, призванную поддерживать необходимые условия существования цивилизованного человеческого общежития, так сказать (по Аристотелю) условия «коллективного бытия». Именно этот элемент общинности, корпоративности государственного организма, «общего дела» особо подчеркивался как первичный древними теоретиками, которые настаивали на том, что закон должен иметь в виду интересы не той или иной социальной группы, но всего общества в целом (пифагорейцы, Платон, Цицерон, Дион Хрисостом и т. д.).

Все эти античные по своему происхождению идеи были унаследованы политической мыслью византийцев, оказали влияние на формирование их правосознания и общих задач монархии в социальной сфере. Правовая система Византии была ориентирована на то, чтобы внедрить в общественное сознание идею справедливости, на которой якобы основаны все социальные отношения. «Закон получил наименование от справедливости; справедливость же есть твердая и постоянная воля воздавать каждому принадлежащее ему право», — утверждают Василики,¹⁴¹ а вслед за

---

¹⁴¹ Bas. 2.1.10 = D. 1.1.10. — Об ульпиановском положении *summi suique* и его греческом эквиваленте *ἐκίστω τὸ*

ними и другие памятники византийского права — гражданского и церковного.

В новеллах императоров неоднократно постулируется благополучие подданных в качестве самостоятельной задачи государственной власти, причем античная идея справедливости и равенства объединяется здесь с восточной — христианской идеей эвергетизма и филантропии (ср. также официальное титулование императоров: *εὐεργέτης* и *μέγιστος εὐεργέτης*¹⁴²). Так, в новеллах Юстиниана и его преемников постоянным рефреном звучит мысль об «общей благотворительности», которую император поставил себе целью, о неуспынных заботах о благе народа, «днем и ночью» терзающих императора.¹⁴³ В новелле императора Тиверия от 575 г. главными принципами законодательства объявляются *δικαιοσύνη* и *φιλανθρωπία*, причем определяется и их содержание: «справедливость» — это свойство закона «воздавать каждому равное и не стремить-

---

ἴδιον, ставшем аксиомой всей византийской концепции социальной справедливости, см.: *Simon D. Princeps legibus solutus: Die Stellung des byzantinischen Kaisers zum Gesetz // Gedächtnisschrift für Wolfgang Kunkel. Frankfurt a/M., 1984. S. 451, 456–457.*

¹⁴² *Hunger H. Prooimion: Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964. S. 157 ff.; Rösch G. Ὄνομα βασιλείας: Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in Spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien, 1978. S. 48, 109, 139, 169–171. Anh. 2 (Liste der Titelwörter).*

¹⁴³ Указание источников см.: *Köpstein H. Zu einigen Aspekten der Agrarverhältnisse im 7. Jahrhundert in Byzanz: Probleme der Herausbildung des Feudalismus. B., 1976. S. 25; Karayannopoulos I. E. Ἡ πολιτικὴ θεωρία τῶν Βυζαντινῶν. Θεσσαλονίκη, 1988. Σ. 27. καὶ σμ. 98.*

ся ни к чему иному»; «человеколюбие» — это его же свойство испытывать сострадание и освобождать испытывающих нужду от трудностей. Далее прямо говорится, что правительство ставит себе задачей «обеспечить подданным все, в чем они нуждаются, устранить нужду и вообще прийти им на помощь».¹⁴⁴

Все свидетельствует о том, что идея «равенства» в ее основных и традиционных (во всяком случае, у всех народов греко-римской и европейской культуры) ипостасях как равенства имущественного, правового и естественного, в число которых с распространением христианства включился и четвертый элемент — равенство перед Богом, глубоко укоренилась в сознании византийцев, причем всякий раз на первый план выдвигался то один, то другой аспект этого понятия. В гл. 16 своего «наставления» Агапит высказывает в высшей степени радикальную мысль о том, что слишком большое богатство такое же зло, как и крайняя бедность, и советует Юстиниану отнять излишки у одних и отдать другим и на место неравенства установить равенство (πρὸς ἰσότητά τὴν ἀνισότητά μετενεκτέον).¹⁴⁵ Аналогичная мысль содержится в речи Юстина II к Тиверии, где говорится о том, что власть не должна быть орудием в руках высших сословий, что на ней лежит важная социальная задача — содействовать равномерному распределению материальных благ между общественными классами, правда, с оговорками, о которых нам еще

---

¹⁴⁴ *Zachariae a Lingenthal C. E. Ius graeco-romanum. Lipsiae, 1857. Ps. 3. P. 21 sq.*

¹⁴⁵ Об Агапите см.: *Frohne R. Agapetus Diaconus: Untersuchungen zu den Quellen und zur Wirkungsgeschichte der ersten byzantinischen Fürstenspiegels: Diss. Tübingen, 1985.*

предстоит сказать.¹⁴⁶ Автор трактата VI в. «О политической науке» также развивает свою точку зрения на роль господствующего класса в государстве (или, точнее, представителей этого класса, «лучших людей», которые назначены на должности архонтов) в том смысле, что они должны не замыкаться в кругу своих классовых интересов (*ἰδιokratteiv*), а работать на общее благо и играть в государстве ту же роль, которую на рынке играют агораномы и торговые инспекторы — «эпопты». Держась на почве закона и справедливости, они должны защищать народ и не позволять «сильным» действовать в ущерб закону.¹⁴⁷

Справедливость и принципиальное равенство всех граждан перед законом и судом как краеугольный камень всей концепции права того времени декларирует византийский законодательный свод VIII в. Эклога, предписывавшая всем тем, кто поставлен исполнять законы, «воздерживаться от всяких человеческих страстей и выносить решения исходя из здравого суждения по истинной справедливости; не презирать бедняка, не оставлять без преследования несправедливо поступающего могущественного (человека) и не

---

¹⁴⁶ *Вальденберг В.* Речь Юстина II к Тиверию // Изв. АН СССР. 1928. № 2. С. 125.

¹⁴⁷ *Valdenberg V.* Les idées politiques dans les fragments attribués à Pierre le Patrice // *Byz.* 1926. Т. 2. Р. 75. Издатель трактата Анджело Май приписал его авторство известному юристу юстиниановского времени Петру Патрикию, и под этим именем трактат вошел с тех пор в науку, но в последнее время авторство Петра Патрикия отрицается. См.: *Mazzucchi C. M.* Per una rilettura del palinsesto Vaticano contenente il dialogo «Sulla scienza politica» del tempo di Giustiniano // *L'imperatore di Giustiniano: storia e mito.* Milano, 1978. Р. 237–247.

высказывать в преувеличенной форме на словах восхищения справедливостью и равенством, на деле же отдавая предпочтение как более выгодному несправедливости и лихоимству; а если судятся две стороны: одна — обладающая большим состоянием, и другая — малоимущая, ставить их в равное положение друг к другу и отнимать у имущего настолько больше, насколько они найдут обиженным ущемленного». ¹⁴⁸ Повидимому, не без влияния Эклоги сформировались и «эгалитаристские и либеральные идеи» Льва VI Мудрого, мысль о равенстве всех граждан (и из правящих слоев общества, и из управляемых) перед законом, едином для всех членов общества благе от законов (см., например, его новеллы 27 и 40, трактат о тактике). ¹⁴⁹

Именно с точки зрения приверженности (или отсутствия таковой) принципу равенства всех граждан перед законом оценивает Михаил Пселл деятельность императоров, критикуя, например, Константина VIII за то, что он, умея благодетельствовать подданных лучше любого другого императора, не соблюдал, однако, в милостях своих «баланса справедливости» (τῆς δικαιοσύνης ἰσότητα — «справедливого равенства», согласно переводу Я. Н. Любарского) и близким своим оказывал благодеяния без всяких границ, раздавал им золото, как песок, а в отношении людей от него далеких проявлял эту добродетель в меньшей мере; зато о Константине X Пселл отзывался одобрительно именно

---

¹⁴⁸ Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V / Hrsg. von L. Burgmann. Frankfurt a/M., 1983. S. 164. Z. 52–60.

¹⁴⁹ *Michaélidès-Nouaros G. Les idées philosophiques de Léon le Sage sur les limites du pouvoir législatif et son attitude envers les coutumes // Mnémosynon P. Bizoukidès. Thessalonique, 1960. P. 34–35.*

потому, что тот, вступив на престол, почел своим первым долгом установить равенство и благозаконие (ἰσότης καὶ εὐνομία), искоренить корыстолюбие и ввести умеренность и справедливость.¹⁵⁰ Точно так же Михаил Ритор хвалит Мануила Комнина за то, что тот, согласно ему, постиг истинную суть справедливости, заключающуюся в равенстве всех перед законом (ἰσότης, ἰσονομία), и поэтому обращался со всеми одинаково, как с людьми наиболее приближенными к нему и окружавшими царский трон, так и с людьми самого презренного сословия («или и не с людьми даже, а, скорее, с червями»).¹⁵¹ Чувства равенства и благозакония свойственны были, согласно Атталиате, и Михаилу V, находя свое выражение в его стремлении одинаково удовлетворять запросы и высшего, senatorского сословия, и всех других его подданных.¹⁵² Но, пожалуй, наиболее развернуто представление об ἰσότης как принципе социальной справедливости изложено у Кекавмена.

В своих «советах василевсу» Кекавмен, называя императора «земным богом» (θεὸς ἐπίγειος), который, по установившемуся мнению, «не подчиняется законам», тем не менее требует от него равного и справедливого отношения ко всем, особенно в распределении налоговых тягот. «Смотри на всех, — говорит он, — и поступай одинаково (ἐν ἴσῳ ὀφθαλμῷ, т. е. буквально “равным глазом” или, согласно переводу Г. Г. Литав-

---

¹⁵⁰ *Michel Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1007) / Ed. E. Renauld. P., 1926. T. 1. P. 21, 233. См. также рус. пер.: Михаил Пселл. Хронография / Пер., ст. и примеч. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 19, 168.*

¹⁵¹ *Regel W. Fontes rerum byzantinorum. Petropoli, 1917. Vol. 1. P. 187. Ср.: Valdenberg V. Nikoulitza et les historiens byzantins contemporains // Byz. 1927. T. 3. P. 114.*

¹⁵² *Michaelis Attaliothae Historia. Bonnae, 1853. P. 11.*

рина, “беспристрастно”) со всеми, и с сановниками, и с прочими, чтобы не обидеть зря одних и не облагодетельствовать без истинного основания других, но чтобы равенство было для всех (ισότης ἔστω πρὸς πάντας).¹⁵³ И пусть совершивший проступок понесет наказание, пропорциональное своей вине; если же ты ему выразишь сострадание и простишь ему грехи, то это дело божеское и царское. Но ты, конечно, не причинишь горя ни в чем перед тобой не провинившемуся, а, наоборот, если тебе будет угодно, сотворишь ему благо; ибо не провинившийся перед тобой заслуживает предпочтения перед провинившимся». ¹⁵⁴

Еще более интересно то место в советах Кекавмена василевсу, где он предстает прямо-таки «радикальным демократом» (выражение Вальденберга, который, однако, применял его к Никулице, а не к Кекавмену¹⁵⁵) при изложении своих взглядов на природное равенство «всех людей», ибо они — и василевсы и архонты, и зарабатывающие хлеб своим трудом — не что иное, как дети одного человека — Адама. Кекавмен рассказывает, что какой-то негодный старец дал императору Василию II совет держать народ в бедности (πλώχευε λαόν),¹⁵⁶ — совет, который показался Кекавмену

---

¹⁵³ Перевод Г. Г. Литавриным этих слов фразой «будь нелицеприятен со всеми», может быть, и глаже в стилистическом отношении, но нам важно было сохранить и само слово, и понятие *ισότης*.

¹⁵⁴ Советы и рассказы Кекавмена: сочинение византийского полководца XI века. Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1972. С. 274 (Далее: Кекавм.).

¹⁵⁵ *Valdenberg V. Nikoulitza*. P. 108.

¹⁵⁶ Принимая отождествление Г. Г. Литавриным «негодного старца» с Вардой Склиром, о встрече которого с Василием II и о его «коварном» совете императору подорвать ма-

коварным, ибо такая политика может возбудить народ против власти и подтолкнуть его к восстанию. Кекавмен советует рассматривать народ не как стадо животных (*ἄλογα*), с которыми можно делать все что угодно, но как объединение людей разумных, мыслящих и отлично понимающих, хорошо или плохо с ними поступают. Поэтому он рекомендует обращаться с народом осторожно, «со страхом божьим», заботиться о материальном благосостоянии военной и сановной аристократии («стратиотов и синклитиков») так же, как и простых граждан (*οἱ πολῖται*).¹⁵⁷

Такая политика, свободная от классового духа, должна была, по мнению Кекавмена, стать предпосылкой единства империи и привести к полному союзу правительств и народа. «Тогда каждый делом своим, как было искони установлено, будет служить тебе без ропота», — говорит он, советуя также в налогообложении придерживаться обычая и не вводить новых налогов, а в судопроизводстве внедрять принципы справедливости. Император должен был сделать так, считает

териальную основу войска рассказывает Пселл, мы, тем не менее, не считаем удачной интерпритацию слова *λαόν* у Кекавмена (*Кекавм.* С. 598–600, примеч. 1198). Весь контекст этого отрывка у Кекавмена, который к тому же, как признает сам Г. Г. Литаврин, «говорит о конкретном случае, не ведая деталей этого происшествия» (Там же. С. 598), требует понимания слова *λαόν* в его обычном значении — «народ».

¹⁵⁷ *Кекавм.* С. 284. Стремление Г. Г. Литаврина и в этом случае конкретизировать смысл текста, видеть в этих *πολίται* «горожан», жителей столицы, и даже не всех константинопольцев, а лишь тех из них, которые несли службу в государственных учреждениях, имели право на получение определенной платы, но занимая более низкое положение, не входили в разряд синклитиков (Там же. С. 601, примеч. 1201), не представляется нам вполне оправданным.

Кекавмен, чтобы его родственники и вообще приближенные не злоупотребляли своим положением и не выгораживали «дурных людей и врагов истины», а, напротив, если придет к ним человек обиженный, то заступались бы за него.¹⁵⁸ Он советует императору не засиживаться в Константинополе, как в некоем узилище, а чаще посещать подвластные ему страны, и восточные и западные, с тем чтобы узнавать о несправедливостях, которые терпят бедные, и защищать их, в частности, от неумеренных appetitов сборщиков налогов.¹⁵⁹

Как видим, именно византийская публицистика со всей отчетливостью поставила проблему отношений между классом богатых и классом бедных, и эта традиция была продолжена на последнем этапе существования империи в творчестве таких публицистов, как Фома Магистр, Николай Кавасила, Димитрий Кидонис,¹⁶⁰ но прежде всего в «Диалоге богатых и бедных» Алексея Макремволита (XIV в.), подлинном манифесте «бедных» в их борьбе против социальной несправедливости и эксплуатации.¹⁶¹ Обвиняя «богатых» в монополии на богатство, которое на самом деле принадлежит всем, «бедные» подчеркивают свое природное равенство с ними («мы все благородного происхождения в равной степени»), «мы отличаемся от вас по состоянию,

---

¹⁵⁸ Кекавм. С. 286.

¹⁵⁹ Там же. С. 296.

¹⁶⁰ Поляковская М.А. Общественно-политическая мысль Византии (40–60-е годы XIV в.). Свердловск, 1981; Pertusi A. Storia del pensiero politico // La civiltà bizantina dal XII al XV secolo. Roma, 1982. P. 26–62; Mavromatis L. Storia del pensiero politico // Ibid. P. 63–108.

¹⁶¹ Ševčenko I. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between the Rich and the Poor» // ЗРВИ. 1960. Кн. 6. С. 187–202.

а не по природе», «земля — общая для всех мать»), противоположность неравномерного распределения богатства, их равные права на него, тем более что именно они, «бедные», своим трудом создают его, и в конечном счете оказывается, что «богатые» (а с ними все общество) не могут обойтись без труда «бедных». «Ведь из нашей среды, — говорят они, — выходят пахари, строители домов и грузовых кораблей, ремесленники, на которых держатся все города. А кто выходит из вашей среды? Придется сказать, хоть это и неприятно вам: азартные игроки и сибариты, люди, приносящие общие бедствия своей алчностью, приводящие к смуте города и увеличивающие нужду. Правитель государства, чтобы не осквернить и себя этой грязью, должен был бы принять решение, угодное Богу, и изгнать из правительственного дворца тех, кто не заботится о своих подданных».¹⁶²

Призывая «богатых» быть милосердными и делиться излишками своих богатств с «бедными», автор диалога предлагает такой забавный способ решения социальных проблем, как матримониальный, ибо бедная девушка, выйдя замуж за богатого жениха, тем самым покончила бы со своей унижительной бедностью и наоборот. «Благодаря этому исчезла бы бедность, которая, по-моему, вызывается к жизни не какой-то иной причиной, а именно бракосочетанием с себе подобными. Смещением же противоположностей можно было бы избежать этих крайностей и достичь необычайно целительной середины».¹⁶³

---

¹⁶² *Алексей Макремволит. Разговор богатых и бедных // Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов: Три очерка. Изд. 2-е. СПб., 1998. С. 260.*

¹⁶³ Там же. С. 257.

Конечно, в устах оппозиционно настроенного публициста апелляция к принципу социальной справедливости, имущественного и правового равенства вполне естественна, но, как мы видели, подобного рода декларации исходили и от представителей господствующего класса, будучи закреплены даже и в законодательстве. На исходе византийской истории они еще раз и вполне недвусмысленно были изложены в нормативных актах по реорганизации имперского суда в ходе знаменитой судебной реформы, осуществленной Андрониками II и III Палеологами и приведшей к образованию института «вселенских судей ромеев». Целью реформы провозглашались «благосостояние государства», «достижение справедливости», а основой суда — такие фундаментальные принципы, как равенство сторон перед законом, ибо «этот суд во всем имеет силу и к нему будут обращаться все, даже против своей воли, малые и великие, более высокие по своему положению и низшие, находящиеся на самой высокой и первой ступени и все вообще, причем все имеют равное основание с доверием относиться к царским повелениям и никто не должен оставлять без внимания ни одного из постановлений судей о выступающих в судебных процессах»; компетентность судей, ибо император «избрал судьями лиц, прекрасно понимающих начала справедливости, так что подлежащие суду не должны беспокоиться относительно причинения им какой-либо несправедливости, как это бывает с несведущими судьями»; беспристрастность и неподкупность судей, ибо «они в равной мере будут судить как великого, так и малого, не должны принимать дара (т. е. взятки. — *И. М.*), не взирать на лица, не угождать дружбе и ничего не ставить выше справедливости — это они прекрасно гарантируют своей клятвой».

Подчеркивается, что эти принципы отнюдь не были новшеством в византийском законодательстве и судопроизводстве, что император «не создает ничего нового» и только «возобновляет древний обычай».¹⁶⁴

Спрашивается, как следует отнестись ко всей этой фразеологии? Ведь мы же прекрасно знаем, что византийское право и законодательство носили ярко выраженный классовый характер, что за одни и те же преступления несли совершенно различные наказания богатые и бедняки, свободные и «рабы» (см., помимо конкретных правовых норм, и общий принцип, зафиксированный в Василиках: «За преступление рабы и лица, лишённые прав, наказываются более жестоко. — Вас. 60.51.26»), что социальное неравенство сказывалось и в отборе свидетелей (в византийском законодательстве с самого начала проводилась политика определения надёжности свидетелей и их показаний по социальному признаку) и т. д.¹⁶⁵

Существует возможность двух крайних одинаково опасных в своей прямолинейности подходов, которых нам хотелось бы здесь избежать: 1) следуя буквальному пониманию этих деклараций и игнорируя социальную практику, усматривать в Византии некое царство всеобщей социальной справедливости (что не

---

¹⁶⁴ *Zepos J. et P. Ius graeco-romanum. Athenes, 1931. Vol. 1. P. 558–568; Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reichs von 565–1453. München; B., 1960. T. 4. N 2188.*

¹⁶⁵ *Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., 1976. С. 187, 188; Она же. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Л., 1981. С. 101; Tourtoglou M. Κοινωνικά τινες ἐπιδράσεις ἐπὶ τὸ βυζαντινὸν δίκαιον // Ἐπετ. Κέντρου Ἐρεῦνης Ἰστ. Ἑλλήν. Δικαίου Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν. 1965. T. 12. Σ. 168–198.*

так уж редко и делается, стоит в этой связи лишь вспомнить весьма забавную книгу некоего Герхарда Херма о Константинополе, в которой Византия характеризуется как государство с социалистическими чертами, где наличествовали «и прогрессивные исторические силы, и мечта о социальной гармонии», почему, собственно говоря, история этого государства и «почитается немалым числом марксистских историков и писателей»);¹⁶⁶ 2) видеть в них (особенно, когда они исходят от представителей господствующего класса) некий род социальной демагогии, призванной затушевать классовую сущность внутренней политики византийского правительства (видимо, именно так расценивает это греческая исследовательница Каллиопа Бурдара, заявляя о том, что ни о каком принципе равенства граждан перед законом в Византии не может быть и речи).¹⁶⁷

Разумеется, *ισότης* византийцев — это один из тех многочисленных социальных мифов, выгодных правящему классу, которые порождает буквально любое общество и которые, как об этом хорошо сказал известный американский философ Берроуз Данэм, «держатся отнюдь не на одних лишь словесных аргументах, на их кажущейся доказанности: они продолжают свое существование за счет повторения, за счет того, что их принимают во внимание, в них верят; изпод них можно выбить мнимую интеллектуальную основу, а они будут продолжать жить».¹⁶⁸ В нашем

---

¹⁶⁶ *Herm G.* Das zweite Rom, Konstantinopel: Drehscheibe zwischen Ost und West. Düsseldorf; Wien, 1968. S. 259–261.

¹⁶⁷ *Bourdara K. A.* Καθολίωσις καὶ τυραννίς κατὰ τοὺς μέσους βυζαντινοὺς χρόνους, 1056–1081. Ἀθήνα, 1984. Σ. 79–80.

¹⁶⁸ *Данэм Б.* Гигант в цепях. М., 1984. С. 7.

случае вопрос еще и в том, какой смысл вкладывали византийцы в понятие *ισότης*. Подобно тому как древние (например, Исократ, Платон) выступали против механического равенства и развивали скорее концепцию «геометрического» равенства как подлинного, согласно которому каждый получает то, что он заслуживает, византийцы также считают (в литературе это отмечено в отношении уже изложенных нами взглядов Кекавмена,¹⁶⁹ но может быть распространено, мне кажется, и на других авторов), что справедливость должна быть коммутативной, т. е. должна означать равенство всех независимо от социального положения каждого, но что в то же время она должна быть дистрибутивной, т. е. должным образом соразмеренной в распределении вознаграждений и наказаний в соответствии с заслугами или проступками каждого. Транспонированные в социальную сферу, эти принципы означают (вспомним еще раз Василики), что каждому воздается именно ему принадлежащее право, которое совсем необязательно должно быть тождественным праву другого,¹⁷⁰ — и это тоже равенство, причем равенство подлинное. В свете такого понимания справедливости и равенства оказывается кажущимся проти-

---

¹⁶⁹ *Valdenberg V. Nikoulitza. P. 98; Pertusi A. Il pensiero politico e sociale bizantino dalla fine del secolo VI al secolo XIII // Storia delle idee politiche, economiche e sociali / Diretta da L. Firpo. Torino, 1983. P. 746.*

¹⁷⁰ Ср., например, мнение Димитрия Хоматиана (1236 г.), который трактует ульпиановский тезис «каждому — его собственное право» как разрешение возникающих спорных вопросов таким образом, чтобы «никто не получал необоснованно то, что подобает другому, и чтобы тот, у кого отнято его собственное, не претерпел несправедливо ущерба». Цит. по: *Simon D. Princeps legibus solutus. S. 450.*

воречие между идеей *aequitas* — равенства, официально провозглашенной краеугольным камнем всей концепции права, и реальным, недвусмысленно классовым характером конкретных юридических норм — противоречие, которое так поражает исследователей. Классовая природа византийского государства остается, таким образом, непоколебленной.

Даже у тех авторов, которые высказывались за более равномерное распределение собственности между общественными классами (Агапит, Макремволит), речь не идет, по-видимому, об «уровнировке». В этом смысле интересно проследить судьбу имеющего к нашей теме непосредственное отношение положения, содержащегося в уже известной нам речи Юстиана II к Тиверии, которое в изложении Феофилакты Симокатты звучит так: «Имеющие состояния пусть пользуются ими, а не имеющим — даруй ты сам» (*οἱ ἔχοντες οὐσίας ἀπολαύετωσαν αὐτῶν· τοῖς δὲ μὴ ἔχουσι δῶρησαι*).¹⁷¹ Смысл этого завета умирающего императора своему преемнику на троне заключается, согласно убедительной трактовке Вальденберга, в том, что правительство должно было создать такой порядок, при котором на чужую собственность, каковы бы ни были ее размеры, нельзя было смотреть как на удобное средство для обогащения (при этом могут иметься в виду одинаково и посягательства частных лиц, и самой казны — в виде конфискаций, чрезмерных налогов и т. д.). В отличие

---

¹⁷¹ Theophylacti Simocattae Historiae / Ed. C. De Boor. Leipzig, 1887. P. 133. l. 9–11. Ср. у З. В. Удальцовой: «при мудром правителе имеющие богатство пусть спокойно им наслаждаются, а бедняков император должен щедро одаривать» (Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974. С. 282. Примеч. 38).

от Агапита у Юстина не было даже и мысли о перераспределении собственности. Последняя признается приобретенным правом, которое не подлежит пересмотру. Что же касается положения неимущих классов, то Юстин предлагает улучшить его не за счет имущих, а за счет самого государства, применяя в данном случае, стало быть, не начала справедливости, а начала милосердия, — не δικαιοσύνη, а φιλανθρωπία.¹⁷²

Как известно, редакция Феофилакта Симокатты речи Юстина II была буквально заимствована Феофаном в его «Хронографии»,¹⁷³ а та, в свою очередь, послужила материалом для новых исторических компиляций (Георгия Монаха, Льва Грамматика, Кедрина, Зонары и др.),¹⁷⁴ причем именно вышеприведенное положение речи стало предметом осмысления и приспособления к их собственным взглядам. Так, Лев Грам-

¹⁷² Вальденберг В. Е. Речь Юстина II к Тиверии. С. 125.

¹⁷³ Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. Vol. 1. Lipsiae, 1883. P. 249. Ср.: Чичуров И. С. Феофан — компилятор Феофилакта Симокатты // АДСВ. 1973. Сб. 10. С. 205.

¹⁷⁴ Нам несколько непонятен упрек И. С. Чичурова в адрес В. Е. Вальденберга, от внимания которого якобы «ускользнуло то примечательное обстоятельство, что из двух речей “Истории” Симокатты византийской историографией благодаря Феофану была усвоена именно речь Юстина II» и что «в этом смысле не автор Феофилакт, а Феофан оказал решающее влияние на последующую традицию». См.: Чичуров И. С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV – начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1981 год. М., 1983. С. 69, примеч. 11. Напротив, Вальденберг именно это и утверждает в своей замечательной статье, вполне отдавая себе отчет во всех этих текстологических проблемах. См., например: Вальденберг В. Е. Указ. соч. С. 130, 131.

матик (XI в.) вставляет во вторую часть фразы, касающуюся бедняков («а неимущим — даруй»), важную оговорку: «если они хорошие» (εἰ ἀγαθοί).¹⁷⁵ Нравственный характер этой оговорки, комментирует В. Е. Вальденберг, очевиден. Бедность при этом перестает быть явлением, которое само по себе заслуживает сочувствия и помощи со стороны государственной власти. Нужно еще оценить нравственное достоинство бедного человека, может быть — выяснить причины, приведшие его к бедности. Помогать следует только достойному, а недостойного — предоставить его судьбе.¹⁷⁶

Но еще более любопытное развитие (как по стилю, так и по смыслу) идея получает у Зонары (XII в.), который вкладывает в уста Юстина совет «предоставить состоятельным возможность пользоваться их богатствами, но не возбуждая зависти в бедных (ἀνεπιφθόνως), неимущим же помогать в пределах возможности (ὡς δύναμις)». ¹⁷⁷ Здесь, таким образом, обязанность государства приходить на помощь неимущим классам сведена до минимума, а в одном из списков хроники Георгия Амартола (список датируется XII в. и содержит речь Юстина, списанную целиком с сочинения Льва Грамматика) эта социальная задача как будто вообще снимается с государства и перекладывается на плечи имущего класса: τοῖς μὴ ἔχουσιν οἱ ἔχοντες χορηγήσωσαν.

По мнению Вальденберга, проблема тем самым переносится из области политики в область частной благотворительности, которая с точки зрения права ни для кого не обязательна. «Автор поправки не заметил, —

---

¹⁷⁵ *Leonis Grammatici. Chronographia* / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1832. P. 136.

¹⁷⁶ Вальденберг В. Е. Указ. соч. С. 134.

¹⁷⁷ PG. 134. Col. 1257.

говорит он, — что в таком виде эта фраза совершенно неуместна в наставлении кесарю, потому что при такой постановке вопроса положение неимущих совсем не касается правительства». ¹⁷⁸ Думается, однако, что этот отрывок можно понять и иначе, а именно в духе приводившегося выше высказывания Агапита о более равномерном распределении материальных благ между общественными классами. Не будучи отчетливо высказанной, эта общесоциальная функция византийского государства подразумевается и здесь, ничуть не колебля его классовых основ.

Из истории юридического образования в Византии

«Ведь написано: нельзя ромею не знать законов, а то же самое сказать — и канонов» ¹⁷⁹. В этих словах знаменитого византийского канониста XII в. Феодора Вальсамона, которые можно было бы сопоставить с аналогичными высказываниями других византийских идеологов, например, авторов преамбулы к Прохирону — подлинному гимну «всеобщему правовому образованию» (ἡ τῶν νόμων διδασκαλία τοῖς πᾶσιν ἀναγκαῖα), — выражена целая концепция византизма как культурной системы, основанной на началах права, причем права цивилизованного, писаного, предполагающего высокий уровень юридического мышления и общей образованности.

Говоря о «юридическом мышлении» византийцев, следует, однако, подчеркнуть, что в первую очередь

¹⁷⁸ Вальденберг В. Е. Указ. соч. С. 137.

¹⁷⁹ Rhallis G. A., Potlis M. Σύσταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων. Ἀθήναι, 1854. Т. 4, Σ. 554.

имеются в виду городские слои византийского общества, которым прежде всего и адресовано законодательство. Об этом недвусмысленно заявляет сам Юстиниан в новелле 73: «Мы желаем, чтобы все это (т. е. его распоряжения о правилах заключения соглашений и оформления документов, но можно понять и расширительно — вообще писаное право. — *И. М.*) было действительным для городов. В деревнях же, где все гораздо проще (*ἔνθα πολλὰ τὰ τῆς ἀπλότητός ἐστι*) и где ощущается острая нехватка в умеющих писать и могущих свидетельствовать, пусть и сейчас остаются непоколебимыми те правила (т. е. неписаное обычное право. — *И. М.*), которые в них были действительными до сего времени». ¹⁸⁰

Законодатель, таким образом, обосновывает данное ограничение действия законодательства различием в уровнях культуры города и деревни. И это в общем понятно: города как культурные очаги и центры образованности всегда противопоставлялись сельской местности — неизбежное следствие второго общественного разделения труда, — в том числе и в Византии, в этой средневековой «стране городов», в которой, несмотря на периоды относительной «аграризации», никогда не затихала городская жизнь. ¹⁸¹ Византийская городская культура — это культура по преимуществу письмен-

---

¹⁸⁰ *Novellae Iustiniani* / Ed. R. Schöll, G. Kroll. Berolini, 1959. Vol. 3. P. 369, 19–25.

¹⁸¹ См. коллективный доклад наших историков «Город и деревня в Византии в IV–XII вв.» // *Actes du XIIe Congr. Intern. d'études byzantines*. Beograd, 1963. Т. 1. P. 1–44. Специальная секция по теме «Городской характер Византийской империи» была включена в программу XVII Международного конгресса по византиноведению, который состоялся в Вашингтоне в 1986 г.

ная и книжная, для которой характерны относительно широкое распространение грамотности среди горожан, достаточно обширный круг читателей, который отнюдь не ограничивался аристократической элитой, сосредоточение книг в городах, образование публичных городских библиотек, начиная с первой публичной библиотеки в Константинополе — *σοφίας δημόσιον πλοῦτον*, созданной Констанцием II, распространение частных библиотек, иметь каковые было делом чести для всякого образованного византийца (Никифору Мосхопулу в 1305 г. понадобилось четыре повозки, чтобы вывезти свою домашнюю библиотеку из Константинополя), и как результат образование у горожан специфического «книжного мышления».¹⁸²

Значительную часть этого культурного багажа составляла правовая литература, которая оседала по преимуществу в частных библиотеках горожан. Так, в последнее время хорошо изучена юридическая библиотека ученого Михаила Пселла (1018–1078), выходца из средних городских слоев — *οἱ μέσοι* (не исключено, что отец Пселла был константинопольским ремесленником), ставшего в результате главным образом самостоятельных занятий крупнейшим ученым и видным юристом своего времени. Согласно осуществленной реконструкции состава этой частной библиотеки, в ней наличествовало более 30 юридических сочинений, среди которых экземпляр *Василик*, но не полный текст, а лишь флорилегиум, имеющий очень большое сходство с известным *Florilegium Ambrosianum*, схолии к ним (старые и новые, часть которых ныне уте-

---

¹⁸² *Cavallo G.* Il libro come oggetto d'uso nel mondo bizantino // *Akten des XVI. Intern. Byzantinistenkongr. Wien*, 1981. Bd. 1. S. 395–423.

ряна), Парафраза Феофила к Институциям Юстиниана (со схолиями?), сборник императорских новелл, трактат о сроках, трактаты об исках, об обязательствах, номоконы, юридические лексиконы и т. д.¹⁸³ В этой связи представляется любопытным, но и нуждается в проверке наблюдение Вайса о том, что нет ни одной рукописи, содержащей памятники гражданского права, которая бы происходила из монастырских архивов и которую можно было бы с уверенностью датировать временем ранее XIV в.¹⁸⁴

Однако подобной констатации подготовленности византийского горожанина к восприятию правовых знаний, на наш взгляд, явно недостаточно, для того чтобы объяснить «зараженность» византийцев, как они любили выражаться, «авсонийскими» или «италийскими» законами (или еще у Пселла — «италийской музой»), т. е. римским правом, итальянское происхождение которого, таким образом, хорошо осознавалось. Здесь важно отметить, что римско-византийское право с его детальной регламентацией отношений товарного производства, связанных с правом собственности, что, естественно, и делало его «классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность»,¹⁸⁵ уже по своему характеру было прежде всего предназначено для горожан, для бюргерства, послужив позднее основой и для буржуазного права. Очевидно, не является случайностью в Византии и то, что реформа в области юридического образования

---

¹⁸³ Weiss G. Die juristische Bibliothek des Michael Psellos // JÖB. 1977. Bd. 26. S. 79–102.

¹⁸⁴ Ibid. S. 80–81.

¹⁸⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 412.

в середине XI в., о которой еще будет идти речь ниже, совпала с подъемом в развитии византийского города и городского сословия.¹⁸⁶

В то же время обширная сфера поземельных отношений и норм, источник которых следует усматривать в обычном праве, а арену проявления — в деревне, не отражена в законодательстве (скажем, сфера рентного права и т. д.). Нормы гражданских отношений, бытовавшие в среде византийского крестьянства и определявшие повседневную жизнь деревенской общины, какой мы ее знаем, например, по Земледельческому закону,¹⁸⁷ также далеко не во всем совпадали с нормами действовавшего законодательства, хотя автор (или авторы) Земледельческого закона и был, безусловно, знаком с кодексом Юстиниана и даже пытался исходить из него при составлении памятника. Писанные законы были непонятны для сельского жителя, да по существу и излишни. Это, вероятно, и имели в виду издатели Эклоги, подчеркнув в преамбуле, «что ... законоположения, изданные прежними императорами, записаны во многих книгах и что одни (люди) могут постигнуть их смысл лишь с трудом, другим же, особенно живущим за пределами этого богохранимого города (можно понять — города вообще. — И. М.),

---

¹⁸⁶ *Wolska-Conus W.* Les écoles de Psellos et de Xiphilin sous Constantin IX Monomaque // *TM.* 1976. Т. 6. Р. 223. О подъеме городской жизни в Византии, начавшемся во второй половине IX и достигшем своего апогея в X и XI столетиях, см. также: *Наследова Р. А.* О некоторых вопросах развития византийского города в X–XII вв. // *Résumés der Kurzbeiträge des XVI. Intern. Byzantinistenkongr.* Wien, 1981. [S. P.].

¹⁸⁷ Византийский Земледельческий закон / Под ред. И. П. Медведева. Л., 1984. 280 с.

смысл их и вовсе недоступен». ¹⁸⁸ И еще один любопытный и весьма показательный, хотя и очень поздний, совсем из другой эпохи факт: в письме Михаила Гликиса из Янины, адресованном его отцу, известному венецианскому издателю Николаю Гликису, дается список книг, запрашиваемых автором письма для распродажи на сельской торговой ярмарке, проводившейся в Мосхолури (деревне близ Триккалы в Западной Фессалии); в списке, насчитывавшем 1635 экземпляров (40 названий), 279 экземпляров (17%) приходится на книги церковно-религиозного содержания, 1051 экземпляр (64%) — на школьные пособия и учебники, 305 (19%) — на книги народной литературы для чтения и ни одной (ни одной!) книги по праву, не исключая и столь популярного Шестикнижия Константина Арменопула. ¹⁸⁹ А ведь книготорговец, должно быть, хорошо представлял себе спрос сельской округи на книги, тем более что аналогичный запрос он сделал и в следующем году для сельской ярмарки в Элассоне, расположенной в том же районе.

Но вернемся все же к собственно византийским юристам тех ранних времен, когда юридическая деятельность в Византии была наиболее оживленной. Знаем мы о них, к сожалению, очень мало, главным образом уже по результатам их деятельности, запечатленным в огромном количестве пространных томов анонимных или изданных от лица царствующих особ правовых сводов, сборников, компиляций и сохраненным

---

¹⁸⁸ Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V / Hrsg. von L. Burgmann. Frankfurt a/M., 1983. S. 162. Z. 36–40 (цит. по переводу: Эклога, византийский законодательный свод VIII века. М., 1965. С. 42).

¹⁸⁹ *Vranoussis L.* L'hellénisme postbyzantin et l'Europe: Manuscrits, livres, imprimeries. Athènes, 1981. P. 38.

рукописной традицией. Это прежде всего так называемые герои, поколение доюстиниановых профессоров права, создавших почву для Юстиниана, которых, судя по новелле Феодосия II от 15 февраля 438 г., узнавали по «бледности лиц после ночного изучения римского права», т. е. «огромного количества ученых трактатов, разнообразия мнений о действительности тех или иных видов исков, трудности юридических казусов и необъятной груды императорских постановлений, которые встают как непроницаемая стена тумана перед всеми попытками человеческой мысли овладеть ими».¹⁹⁰ Это, далее, юристы Юстиниана во главе с Трибонианом, осуществившие в короткий срок грандиозные по масштабу кодификационные работы. До сих пор ученые ломают голову над решением проблемы подготовки Дигестов. Выполнение огромного объема работ (извлечения сделаны из 1525 книг и обработано около трех миллионов строк, т. е. более 2700 печатных листов) в столь сжатый срок (530–533) кажется невероятным. В предисловии к Дигестам поименованы члены комиссии, издавшей их. В ее состав входили сановники, четыре профессора юридических школ Бейрута и Константинополя, адвокаты — всего 17 человек. Если считать, что в работе в равной мере участвовали все члены комиссии, то, по подсчету одного из специалистов, выходит, что им приходилось все дни без отдыха работать по 25 часов в сутки. Предлагались и предлагаются всевозможные теории для разгадки этого несоответствия — теория предполагаемого существования «предигестов», теория «масс», определяющая порядок фрагментов в каждом из титулов, и т. д., производятся всевозможные статисти-

---

¹⁹⁰ Codex Theodosianus / Ed. Th. Mommsen. P. M. Meyer. Berolini, 1954. Т. 2. Р. 3.

ческие подсчеты, и все же загадка так и остается пока неразрешенной.¹⁹¹

Далее идут антецессоры, разработавшие целый ряд кратких пособий к огромному Юстинианову своду на греческом языке, более доступному для массы населения Византии, чем латинский (все эти перифразы, толкования, этимологические и другие разъяснения играли порой гораздо более важную роль в правовой жизни, чем свод самого Юстиниана); затем поколение юристов, на основе всей этой предварительной работы создавшее первые краткие законодательные своды на греческом языке, а позднее осуществившее грандиозную программу «очищения», т. е. пересмотра всего правового наследия, и его «эксэллинизацию» — перевод в греческую языковую систему, — завершившиеся созданием «греческого Юстиниана» — много-томного свода *Василик* (см. об этом ниже).

Правда, если объем проделанной византийскими юристами работы впечатляет, качество ее с точки зрения развития права оставляет желать большего: специальной научной обработки правового материала ожидать не приходится, ученая традиция двигалась скорее по пути преодоления лингвистических трудностей, чем юридических. Так, замена римско-латинской терминологии греческими эквивалентами (эксэллинизмы), заимствованными из аттического юридического языка, не вызвала, казалось бы неизбежного при этом,

---

¹⁹¹ *Wenger L.* Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953. S. 576–600; *Guarino A.* La compilazione dei «Digesta Iustiniani» // *Atti dell'Accademia di scienze morali et politiche*, 1968. Vol. 79. P. 527–563; *Honoré A., Rodger A.* How the Digest commissioners worked? // *Zeitschr. der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung*. 1971. Bd. 87. S. 246–313.

глубокого смыслового преобразования трактуемых правовых текстов, хотя и не следует думать, что так называемая реставрация старых норм, как обычно характеризуется законодательство Македонской династии, была простым повторением этих норм: взятые из свода Юстиниана нормы передавались в сильно сокращенном виде, причем урезывание текста, пропуски, вставки, часто неточная передача по-гречески содержания латинского оригинала приводили подчас к серьезным нормативным изменениям.¹⁹² Впрочем, и те русла, по которым двигалась византийская юридическая мысль (систематизация и кодификация правового материала, его эпитомирование, схолирование и глоссирование), были типичными для эпохи средневековья.¹⁹³ Какими бы несовершенными не казались первые шаги византийских юристов по отношению к их античным предшественникам, шаги эти шли в новом направлении — направлении созидания средневековой культуры, развивавшейся в условиях, глубоко отличных от тех, в которых работали римские античные юристы.

Откуда же брались кадры византийских юристов, какой была система их образования и существовала ли она вообще? В результате кропотливой исследовательской работы историков, собравших, главным образом в последние годы, по крупицам разрозненные данные источников, картина понемногу проясняется. Обнаруживается, что с самого начала существования Византийского государства императоры уделяли в законо-

---

¹⁹² *Липшиц Е. Э.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Л., 1981. С. 193.

¹⁹³ *Виноградов П. Г.* Римское право в средневековой Европе. М., 1910. С. 20–21.

дательстве значительное внимание проблемам образования и, в частности, обучения праву. Уже в III в. начала действовать юридическая школа в Бейруте, которая в IV–V вв. приобрела репутацию одного из наиболее прославленных центров юридического образования в Византии.¹⁹⁴ С ней была связана деятельность ряда известных юристов старшего поколения — «героев», причем некоторые из них совмещали преподавание с работами по подготовке императорских конституций и участвовали в кодификационных комиссиях.

С организацией в 425 г. юридической школы, с выделением этой школе особой аудитории на Капитолии и с назначением для преподавания в ней двух профессоров права¹⁹⁵ новым центром юридического образования стал Константинополь. Столичная школа стала главной цитаделью юридической науки в империи, она контролировала и направляла деятельность местных школ. Очевидно, именно на этой школе (если отождествить *auditorium Capitolii* с базиликой *ἔν Βυζαντίῳ*) красовалась надпись, сохраненная антологией греческих эпиграмм: «Здесь, в Византии, в базилике училищ, — место, посвященное законам; для всех здесь бьет обильный, неиссякаемый источник законов авсонийских, а для молодежи, собирающейся здесь, он отдает все свое течение».¹⁹⁶

---

¹⁹⁴ Collinet P. Histoire de l'école de droit de Beyrouth. Paris, 1925. 333 p.

¹⁹⁵ C. Th. 14.9.31 = C. 11.19.1.4.

¹⁹⁶ Anthol. Gr. IX, 660; есть основания датировать эту эпиграмму серединой VI в. По-видимому, именно в этих «училищах базилики» и вели свои курсы по праву антецессоры Юстиниана (см.: Wolska-Conus W. Les termes *νομῆ* et *παιδοδιδάσκαλος νομικός* du «Livre de l'Épargne» // TM. 1981. T. 8. P. 536).

Несомненно, что существовали школы и в других городах империи (в Афинах, Александрии, Антиохии, Никомидии, Кизике, Анкире, Пергаме, Кесарии, Эфесе и др.), в которых наряду с философией, риторикой, грамматикой преподавалось и право;¹⁹⁷ однако Юстиниан ограничил его преподавание школами Бейрута и Константинополя, увеличив зато число антецессоров, которым разрешалось преподавать, — примерно половина из восьми константинопольских антецессоров, к которым обращена одна из вводных конституций к Дигестам в 533 г., располагала этим правом; подобным же образом, по всей вероятности, обстояло дело и в Бейруте. Хорошо известна и программа занятий, рассчитанная на 5 лет: на первом курсе учащиеся изучали Институты Юстиниана¹⁹⁸ и *лрôта* Дигестов (т. е. книги 1–4); на втором — либо раздел Дигестов о судах (книги 5–11), либо о вещах (книги 12–19), а также иногда книги 23, 26, 28, 30; на третьем — оставшиеся неизученными части о судах и вещах, а также книги 20–22 Дигестов; на четвертом году обучения студенты работали над 4-й и 5-й частями Дигестов (книги 24, 25, 29, 31–36);¹⁹⁹ на-

---

¹⁹⁷ *Schulz F. Geschichte der römischen Rechtswissenschaft. Weimar, 1961. S. 143, 146, 344–345; Липшиц Е. Э. Юридические школы и правовая наука // Культура Византии (IV – первая половина VII в.). М., 1984. С. 360.*

¹⁹⁸ О карьере одного такого интерпретатора институций — Феофила см.: *Lokin J. H. A. Die Karriere des Theophilus Antecessor: Rang und Titel im Zeitalter Justinians // Subseciva Groningana, 1984. Vol. 1. P. 43–68.*

¹⁹⁹ Есть мнение, что знаменитый флорентийский кодекс Дигестов (*Littera Florentina*) как раз и является официальной копией Дигестов, предназначавшейся для преподавания в константинопольской школе права. См. об этом: *Stolte B. H. The Partes of the Digest in the Codex Florentinus // Subseciva*

конец, на последнем курсе изучался Кодекс Юстиниана, причем если на первом — третьем курсах было обязательным посещение школы, то на четвертом и пятом предусматривались и самостоятельные занятия студентов. Правда, по мнению Схильтема, методы преподавания не претерпели существенного изменения: по-прежнему тот или иной профессор не ограничивался прохождением какого-то одного раздела права, но читал весь курс целиком, используя давно сложившиеся приемы разъяснения изучаемого материала в виде примеров (*ὑπαπομοί*), указаний на параллельные или сходные законоположения (*παράτιτλα*), вопросов и ответов (*ἑρωταποκρίσεις*), свидетельствующих о том, что преподавание носило сугубо устный характер.²⁰⁰ При этом много хлопот доставляли чисто лингвистические проблемы, так как знание латинского языка, на котором и было изложено римское право, в грекоязычных районах империи было очень слабым. По-видимому, лишь позднее, с завоеванием Италии и с притоком латиноязычных студентов, высшая школа права в Константинополе приобрела билингвический характер, результатом чего явились созданные в 556–557 гг. латинские *Epitome Novellarum* Юлиана и знаменитый *Authenticum*.²⁰¹ И тем не менее следует признать, что здесь

Groningana, 1984. Vol. 1. P. 69–91. См. также критическое издание трех византийских трактатов о преподавании антecessерами делений Дигестов — *partes: Fögen M. Th. Zur Einteilung der Digesten: Drei byzantinische Traktate // FM. 1982. Bd. 5. S. 1–26.*

²⁰⁰ *Scheltema H. J. L'enseignement de droit des antecessers. Leiden, 1970. P. 8–10.*

²⁰¹ *Ibid. P. 13; Лушниц Е. Э. Юридические школы. С. 363.* Именно Юлиану атрибуируется обнаруженная не столь давно в четырех греческих рукописях серия из 75 фрагментов

впервые в истории государство обратило внимание на школьную программу, детально регламентировало учебный процесс, определило не только круг проблем, но и круг учебников, которыми должны были пользоваться студенты.

Спорным является вопрос о преподавании права в государственных «вузах» в послеюстиниановскую эпоху. Некоторые исследователи склоняются к признанию определенного континуитета в системе высшего образования в Византии даже с учетом факта исчезновения правовых школ Бейрута и Константинополя и закрытия «высшей школы» в Халкопратиях Львом III в 726 г. Так, еще Скабаланович, которого можно считать пионером в изучении византийской системы высшего образования, обосновал тезис о существовании более или менее постоянной (правда, временами приходившей в упадок, но вновь возрождавшейся) «византийской академии, имевшей характер правительственной школы и получавшей содержание от императорских щедрот... академии в собственном смысле как учебного заведения с целой корпорацией преподавателей, а не как школы, имеющей одного только учителя».²⁰² Основанная в 425 г.

обработки новелл — см.: *Simon D., Troianos Sp., Weiss G. Zum griechischen Novellenindex des Antecessor Julian // FM. 1977. Bd. 2. S. 1–29.*

²⁰² *Скабаланович Н. Византийская наука и школы в XI веке // Христианское чтение. 1884. ч. 1. С. 352–353. Ср.: Самодурова З. Г. Школы и образование // Культура Византии (IV — первая половина VII в.) М., 1984. С. 478–503; Она же. Школы и образование // Культура Византии (вторая половина VII–XII в.). М., 1989, с. 366–400; Гуква С. Н. Школа и образование в поздней Византии // Культура Византии (XIII — первая половина XV в.). М., 1991. С. 395–411.*

Феодосием II при церкви в Халкопратиях (район Константинополя) со штатом из 28 учителей, она, по мнению Скабалановича, существовала до времени Фоки (602–610); была закрыта и вскоре вновь открыта Ираклием; ко времени прихода к власти исаврийской династии помещалась все еще в Халкопратиях при так называемой царской цистерне, имела 12 учителей и ректора; была снова в 726 г. закрыта Львом III Исавром, восстановлена частично в виде «публичной школы» во главе с Львом Математиком императором Феофилом при храме Сорока мучеников и полностью в 843 г. кесарем Вардой в Магнаврском дворце; пришла, по-видимому, в упадок в царствование Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия и Василия Болгаробойцы и была восстановлена Константином IX Мономахом (в 1043 г. по новейшей датировке), учредившим для каждой науки кафедру, которая замещалась особым маистором (название, которое надо отличать от магистра, — чиновный ранг). Кафедру философии занял Михаил Пселл с титулом ипата философов, кафедру юриспруденции — Иоанн Ксифилин с титулом номофилакса, кафедру риторики — Никита с титулом магистра риториков и какую-то кафедру Иоанн Мавропод; местопребыванием «академии» стал храм Св. Георгия Тропеофора (Победоносца) при Манганском монастыре.²⁰³

---

²⁰³ На самом деле в Манганах размещалась, по-видимому, лишь школа права. Сохранилась речь Иоанна Мавропода об освящении (в апреле 1047 г.) церкви Св. Георгия и школы, из которой «выйдут справедливость и закон... и прежде всего исполнение закона в судебной практике» (см.: *Lefort J. Rhétorique et politique: trois discours de Jean Mauropous en 1047* // ТМ. 1976. Т. 6. Р. 265–303).

Однако все ученые последующего времени, фактически исходя из тех же данных, что и Скабаланович, дружно отказались от употребления термина «византийская академия», предпочтя ему название «Константинопольский университет».²⁰⁴ Но и в отношении правомочности его применения в последнее время высказываются сомнения. Не без оснований считается, что в Византии никогда не было университетов в том смысле, как они понимаются в отношении западноевропейского средневековья, т. е. «как свободных корпоративных объединений учителей и учеников для научной работы и профессионального обучения», располагавших «корпоративной автономией по отношению к церковным и государственным институтам». Как раз этот основополагающий признак, по мнению Вайса, полностью отсутствует у императорских учебных заведений Византии, которые прежде всего являются школами

---

²⁰⁴ *Fuchs F.* Die höheren Schulen von Konstantinopol im Mittelalter. Leipzig; Berlin, 1926. S. 31 (впрочем, Фукс пользуется и понятием «академия». — *Ibid.* S. 29); *Bréhier L.* Notes sur l'histoire de l'enseignement supérieur à Constantinople: La légende de Léon l'Isaurien incendiaire de l'Université // *Byzantion.* 1927–1928. T. 4. P. 13–28; *Impellizzeri S.* L'umanesimo bizantino del IX secolo e La genesi della «Biblioteca» di Fozio // *Studi in onore di Gabriele Pepe.* Bari, 1969. P. 29; *Lemerle P.* Le premier humanisme byzantin: Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. Paris, 1971. 327 p.; *Kyriakis M. J.* The University: Origin and early phases in Constantinople // *Byzantion.* 1971. T. 41. P. 161–182; *Speck P.* Die Kaiserliche Universität von Konstantinopol. München, 1974. 120 S.; *Anastasi R.* L'università a Bizanzio nell'XI secolo // *Siculor. Gymn., N. S.,* 1979. Vol. 32. P. 351–378; *Browning R.* Enlightenment and repression in Byzantium in the eleventh and twelfth centuries // *Past and Present.* 1975. Vol. 1. P. 7.

для обучения кадров государственно-чиновничьего аппарата (*Funktionersschule*).²⁰⁵ Следуя за Вайсом, и Вольска-Конюс полагает неверным называть созданные в XI в. школы права и философии «факультетами» «Константинопольского университета».²⁰⁶

С несколько иных позиций рассматривает вопрос Шпек, который вообще не считает возможным говорить по отношению к Византии о «государственной политике в области образования»: все перечисленные выше факты об открытии или учреждении «государственных» учебных заведений — это, по его мнению, лишь «частное меценатство» со стороны императоров; определяющим все школьное дело началом он считает частную инициативу, признавая в то же время наличие цеховой организации школ и учителей, и хотя сам пользуется термином «университет», но лишь, по его выражению, с «существенными оговорками».²⁰⁷

Для нас этот спор о статусе учрежденных императорами школ представляет второстепенный интерес (ясно, что термины «академия», «университет», а равно и «кафедра», «факультет» в приложении к Византии достаточно условны), так как, кажется, в их программе отсутствовало преподавание права.

Есть, правда, предположение, что в открытой или восстановленной в X в. императором Константином VII Багрянородным школе (кстати, именно она больше всего подходит для наименования «университет», ибо в рамках единого учреждения, субсидируемого из госу-

---

²⁰⁵ *Weiss G.* Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos. München, 1973. S. 65.

²⁰⁶ *Wolska-Conus W.* Les écoles de Psellos et de Xiphilin. P. 223.

²⁰⁷ *Speck P.* Die Kaiserliche Universität. S. 1, 8, 27, 28, 49, 50, 54 u. A.

дарственной казны, действовали четыре независимых подразделения — риторики, геометрии, астрономии и философии, каждое со своим особым профессором во главе) отделение риторики выпускало юристов.²⁰⁸ Действительно, отметив, что потребность в кадрах практиков император удовлетворял с помощью риторического искусства, продолжатель Феофана — главный источник о данном императорском учреждении — дает некоторое основание для такого предположения, тем более что тесная связь правового образования с риторическим засвидетельствована и другими источниками, которые приведены в статье Вольской-Конюс:²⁰⁹ «ритор» как синоним «синигорос», т. е. юрист-адвокат, который может быть назван также «схоластикос», встречается уже с римской эпохи;²¹⁰ в «Житии Севира Антиохийского» говорится, что тот, закончив занятия правом в Бейруте, готовился вернуться в родной город Созополь в Писиде, с тем чтобы устроиться там в качестве ритора и исполнять обязанности адвоката;²¹¹ при определении «ритора» в Лексиконе Зонары указывается на его компетенцию выступать с речью в суде или вести адвокатскую практику.²¹² По мнению Пселла, хорошему юристу вообще достаточно основательного изучения риторики.²¹³ Говоря о Кон-

---

²⁰⁸ *Wolska-Conus W.* L'école de droit et l'enseignement du droit à Byzance au XIe siècle: Xiphilin et Psellos // ТМ. 1979. Т. 7. P. 9.

²⁰⁹ *Wolska-Conus W.* Les termes. P. 540. N. 54.

²¹⁰ *Seidl E.* Synegoros // *Paulys Realenzyklopädie*, 1932. Bd. 4 (A 2). Col. 1354–1357.

²¹¹ *Patrologia Orientalis*. 1903. Vol. 2. P. 91–92.

²¹² *Ioannis Zonarae. Lexicon* / Ed. J. A. H. Tittmann. Amsterdam, 1967. Vol. 2. P. 1610.

²¹³ *Pieler E. P.* Entstehung und Wandel. S. 705.

стантине Лихуде, который после грамматики изучал риторику, а после риторики право, Пселл подчеркивает, что последнее образует с риторикой счастливейший союз.²¹⁴

И все-таки предположение остается предположением. Если даже какая-то часть государственных служащих получала правовое образование в государственном учебном заведении, то основная масса подвизавшихся на юридическом поприще или просто интересовавшихся правом приобретала это образование иными путями. Какими же?

С исчезновением еще в VI в. Константинопольской и Бейрутской школ права преподавание последнего, обеспечивавшееся до этого антецессорами, переходит в руки схоластиков-адвокатов. Соответственно и характер преподавания изменился: на место сугубо учебного, усложненного преподавания права профессорами-антецессорами приходит преподавание его практиками-адвокатами в упрощенной, приближенной к практическим нуждам форме. По мнению Схильтема, речь идет фактически о профессиональной подготовке типа той, которую получали табулярии, согласно Книге Эпарха.²¹⁵

Изменились и организационные формы получения юридического образования. Скорее всего в этот постюстиниановский период в Византии вообще не было школ и школьного преподавания в собственном смысле, что юристы-нотарии получали образование по воле

---

²¹⁴ *Sathas C. N. Bibliotheca graeca. Athenae, 1874. Vol. 4. P. 394. 18 sq.* Впрочем, в другом своем сочинении Пселл обосновывает тезис (φιλοσοφίας μέτοχος ἢ νομικῆ ἐπιστήμη), согласно которому правовая наука сопричастна философии (см.: *Weiss G. Oströmische Beamte. S. 283*).

²¹⁵ *Scheltema H. J. L'enseignement de droit. P. 62.*

случая или самостоятельно (ταῖς παρ'ἑαυτοῦ σπουδαῖς), как сказано про Платона Студита.²¹⁶ Это подтверждается и наблюдениями Вайса, в книге которого собраны хоть и не столь богатые, но красноречивые данные источников.²¹⁷ Так, у Михаила Атталиаты вызывает гнев тот факт, что широкие слои городского населения занимаются тонкостями юридической экзегезы;²¹⁸ в небольшом сатирическом памфлете Пселл также высмеивает одного трактирщика за то, что тот имеет дерзость заниматься законами с целью предоставления своих скудных познаний в праве за определенное вознаграждение другим людям;²¹⁹ сам Пселл в молодые годы приобщился к праву также довольно-таки случайно, находясь на службе в канцелярии одного судьи фемы Месопотамия, причем это обучение носило далеко не идиллический характер: «Многие вводили меня в италийскую премудрость (πρὸς τὴν ἰταλικὴν σοφίαν) не только словами, но и кулаками», — говорит он;²²⁰ автодидактом был, по

---

²¹⁶ *Patrologia graeca*. Vol. 99. Col. 808 A (ср.: *Wolska-Conus W.* Les termes. P. 540).

²¹⁷ *Weiss G.* Oströmische Beamte. S. 22, 25–26.

²¹⁸ *Michael Attaliothae*. Historia / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1853. P. 76, 6–12.

²¹⁹ *Kurtz E., Drexel F.* Michaelis Pselli scripta minora: Orationes et dissertationes. Mediolani, 1936. Vol. 1. P. 71, 17–18.

²²⁰ *Sathas C. N.* Bibliotheca graeca. Athenae, 1876. Vol. 5. P. 60, 10–11. Сам Пселл придерживался в преподавании права «гуманистической концепции», создав для своего ученика, юного императора Михаила VII Дуки, особый тип учебного пособия — персональный учебник по византийскому праву в стихах (Σύνοψις τῶν νόμων): *Weiss G.* Die «Synopsis legum» des Michael Psellos // *FM*. 1977. Т. 2. P. 147–214. См. об этом любопытное диссертационное исследование: *Сокурова Н. И.* Гуманистическая концепция образования

видимому, Константин Лихуд, о котором Пселл сообщает, что «он не обрушивался на законы аки лев, не обхватывал их алчно и не терзал их, не кромсал зубами, не рвал ногтями, но к теории присоединил практику, ибо чем для риторики являются жанры речи и заданные темы, тем для парадигм являются процессы, и как всякую риторическую тему можно возвести к одному из жанров публичной речи, так и любой из заданных правовых случаев можно возвести к одному из процессов».²²¹

О «демократизации» правовых знаний говорит и состояние адвокатуры, которая перестает быть делом юристов-профессионалов. В этом отношении ценные сведения дает документ о конфликте патриарха Луки Хрисоверга (1157–1169/70) с одним диаконом, которому запретили защищать дело в императорском суде, очевидно, со ссылкой на каноны (такой запрет действительно существовал со времени патриаршества Ксифилина). Дьякон стал оправдываться, утверждая, что теперь каноны уже не запрещают представителям клира выступать в суде, поскольку адвокаты (*οἱ συνυποδυντες*) исполняют свое дело как некую свободную профессию (*ἐλευθέριον τι σπούδασι*) и не подлежат правилам того времени, когда адвокатура была светским институтом (*ὀφφίκιον κοσμικόν*) и когда адвокаты подчинялись примикирию. При этом дьякон ссылался на последние главы титула I книги 8 Василик, а также на распоряжения Книги Эпарха касательно адвокатов,

---

Михаила Пселла (опыт историко-педагогического анализа энциридия «Обозрение законов»). Автореферат на соискание степени кандидата педагогических наук. Екатеринбург, 2000. 23 с. (указано 10 публикаций автора по данной теме).

²²¹ *Sathas C. N. Bibliotheca graeca. Athenae, 1874. Vol. 4. P. 395, 11–19.*

в которых якобы объясняется, что адвокаты образуют корпорацию (σύνταγμα) и утверждаются эпархом в своей должности.²²²

Действительно, весь первый титул (περὶ συνήθρων) книги 8 в Василиках и их схолиях, воспроизводящих, правда, древние римские законы, посвящен тому, что в принципе любой свободный и совершеннолетний гражданин, в том числе и должностное лицо, не имеющих каких-либо телесных недостатков, может выступать перед судом в качестве присяжного поверенного (συνήγορεῖν).²²³ Что касается Книги Эпарха (сборник уставов константинопольских цехов X в.),²²⁴ то в том виде, в каком мы имеем ее сейчас, она не содержит никаких данных о корпорации адвокатов. Очевидно, правы те исследователи, которые полагают, что до нас просто не дошла соответствующая часть Книги Эпарха.²²⁵

О том, что частное преподавание права и мелкие частные школы права, организованные по принципу «одна школа — один учитель»²²⁶ существовали все же

---

²²² Rhallis G. A., Potlis M. Σύνταγμα. 1852. Т. 1. Σ. 159–16 (ср.: Wolska-Conus W. L'école de droit. P. 7. N. 28).

²²³ Basilicorum libri LX, ser. A (Textus). P. 403–413; Basilicorum libri LX, ser. B (Scholia) / Ed. H. J. Scheltema, D. Holwerda. Groningen, 1953. Vol. 1. P. 54. N. 7. (ср.: Weiss G. Oströmische Beamte. S. 25).

²²⁴ Византийская книга Эпарха / Вступ. статья, пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962. 294 с. Критическое издание: Das Eparchenbuch Leons des Weisen / Hrsg. von J. Koder. Wien, 1991.

²²⁵ Vryonis S. Byzantine Δημοκρατία et the guilds in the eleventh century // DOP. 1963. Vol. 17. P. 297. N. 96; Weiss G. Oströmische Beamte. S. 26; Wolska-Conus W. L'école de droit. P. 7, n. 28.

²²⁶ Speck P. Die Kaiserliche Universität. S. 18 ff.

в Византии и в постюстиниановский период, можно судить по упоминаемым у Христофора Митиленского процессиям учеников-нотариев, проходившим 25 октября, в день праздника святых нотариев Маркиана и Мартирия,²²⁷ а также по постоянным запретам церковными властями всевозможных игр, сценических представлений и демонстраций, устраиваемых студентами-юристами.²²⁸ Об этом же свидетельствует и Книга Эпарха, из которой мы узнаем о специальных учителях по праву (*παιδοδιδάσκαλοι νομικοί*), занимавшихся подготовкой будущих табуляриев (нотариев) и входивших в корпорацию этих последних. Согласно § 43 Книги Эпарха, учитель права, желавший, очевидно, открыть свою школу, должен был быть сначала принят в корпорацию голосованием на общем собрании членов корпорации (табуляриев, примикирия, учителей права и учителей по общеобразовательным дисциплинам), сделать соответствующий взнос и только тогда он приказом эпарха назначался на вакантную должность; § 15 угрожает педодидаскалу-номику битьем и лишением должности за намерение без разрешения эпарха и соответствующих испытаний нотариев писать документы; наконец, § 16 также стремится предупредить конкуренцию среди учителей права и учителей вообще, запрещая им принимать детей, проходящих из «другой школы», т. е., очевидно, из школ друг друга.²²⁹

---

²²⁷ Kurtz E. Die Gedichte des Christophoros Mitylenaios. Leipzig, 1903. S. 91–98.

²²⁸ Указание источников см.: Wolska-Conus W. L'école de droit. P. 6–7.

²²⁹ Имеется в виду, вероятно, именно конкуренция между учителями по праву и учителями по общеобразователь-

Конечно, объединение в одной корпорации учителей права, учителей общеобразовательных предметов (имеется в виду общее начальное образование — ἐγκύκλιος παιδεία) с нотариями выглядит довольно-таки странным, но, может быть, это станет более понятным, если принять во внимание требования, предъявлявшиеся к табуляриям, этим представителям самого массового отряда юристов-практиков, из которого черпались кадры и в другие звенья административно-государственного аппарата:²³⁰ они должны были обладать необходимыми познаниями в законах, в частности, знать досконально 40 титулов Прохирона и 60 книг Василик, а также «пройти курс энциклопедического образования (τὴν ἐγκύκλιον παιδείουσι, т. е. собственно, получить общее начальное образование. — И. М.), чтобы не делать ошибок при составлении документов и не допускать при произнесении речей не принятых выражений».²³¹ Не следует ли предположить, что в корпорацию табуляриев входили не все учителя права и общеобразовательных предметов, но только те которые «обслуживали» цех нотариев?

Ценные сведения в этом отношении содержатся в некоторых сочинениях Пселла, от которого мы узна-

---

ным предметам, а не конкуренция дидаскалов между собой вне зависимости от профессионализации. Ведь аналогичное явление наблюдалось и позднее, когда Пселл (преподаватель-«энциклопедист») и Ксифилин (преподаватель права) переманивали студентов друг у друга (см.: *Wolska-Conus W. Les écoles de Psellos et de Xiphilin. P. 225–226*).

²³⁰ О том, что именно из нотариата выходили фемные судьи и другие чиновники, см.: *Weiss G. Oströmische Beamte. S. 25*.

²³¹ *Das Eparchenbuch. S. 74, § 2. Византийская книга Эпарха. С. 73. § 2.*

ем о положении с преподаванием права накануне главного события в культурной жизни Византии XI в. — основания Константином IX Мономахом в 1043 г. юридического училища, а также об обстоятельствах, которые этому предшествовали. Правда, из некоторых его слов можно сделать вывод о полном упадке школьного образования в первой половине XI в. Так, в панегирике Иоанну Ксифилину он говорит: «Некогда в нашем городе (т. е. Константинополе. — *И. М.*) были училища (*διδασκαλεία*) и школы (*παιδευτήρια*) наук и искусств, существовали почтенные кафедры не только пиитики, но и риторики и философии; что же касается юриспруденции, то о ней толпа заботилась мало. Но времена и обстоятельства изменились к худшему и светочи наук почти погасли. Общественные зрелища (*θέατρα*), правда, еще процветают, судья игр председательствует на них, искусные существуют борцы, а арены (*ἀγῶνες*) наук не оправдывают своего названия и лишь тайком некоторые нашептывают свои речи; танцоров много, но нет корифея».²³² Однако правы те исследователи, которые считают, что тут Пселл сгустил краски, допустил риторическое преувеличение, желая возвеличить затем свои собственные заслуги и заслуги своего друга как подвижников науки.

Но все же другие его сведения представляют интерес. Из них явствует, что был период, когда Михаил Пселл и Иоанн Ксифилин определяли интеллектуальный климат в столице, причем если первый считался главным авторитетом в области риторики и философии, то второй — в области юридических штудий. Весь цвет столичной молодежи («фаланги интеллектуалов», по терминологии Пселла) разделился надвое:

²³² *Sathas C. N. Bibliotheca graeca. Vol. 4. P. 433. l. 2–10.*

«те, которые избрали своим поприщем общественную службу, желая слиться с толпой, выдвинули в качестве своего стратига Иоанна, тогда как любители более благородных наук, образуя раскол, повернулись ко мне». ²³³ Обращающее на себя внимание принижение юриспруденции по отношению к другим наукам проявляется у Пселла и в других местах. Например, он пишет, что, вопреки Ксифилину, начавшему свое обучение с изучения права и прибавившему затем к нему риторику и философию, он (Пселл) начал с риторики и философии, а уж затем погрузился в юридическую науку, «идя, таким образом, от лучшего к худшему» ²³⁴. Ему, видимо, важно было отметить демократический и прикладной характер этой науки, благодаря которой выходцы из городского сословия устраивали себе карьеру на поприще государственных служащих, судей, нотариев и т. д. Тем не менее среди учеников Ксифилина фигурирует и сам император, которого тот «посвящал в юридические науки, как в тайны Элевсина». ²³⁵

Действительно, Константин IX Мономах, который, по свидетельству Пселла, «строил из себя» этакого византийского Марка Аврелия и подобно ему являлся с тетрадкой в руках к учителю, обратил внимание на двух молодых людей и, желая использовать их для осуществления своей программы «демократизации» государственного аппарата, ²³⁶ для начала привлек од-

---

²³³ *Sathas C. N. Bibliotheca graeca. Vol. 4. P. 433. l. 11–24.*

²³⁴ *Ibid. P. 427. l. 26.*

²³⁵ *Ibid. P. 434. l. 24.*

²³⁶ Так оценивает смысл реформ Константина IX Мономаха Лемерль (*Lemerle P. Cinq études sur le XIe siècle byzantin. Paris, 1977. P. 206.*)

ного из них (Пселла) к работе в имперской канцелярии, а другого (Ксифилина) — к работе в суде, а позднее создал для них специальные учебные заведения по праву и по философии, поставив во главе первого Ксифилина с титулом номофилакса (хранителя законов) и во главе второго — Пселла с титулом ипата философов.²³⁷ Мыслились ли эти отдельные учебные заведения, расположенные в разных местах, в качестве подразделений-кафедр некоего единого организма университетского типа, остается, как мы видели, спорным.²³⁸ Нас в данном случае больше всего интересует основанное Константином IX Мономахом юридическое училище (διδασκαλείον νόμων), которое в источниках называлось также и школой (σχολή, παιδευτήριον), а у Михаила Атталиаты риторически «музеем законоведения» (μουσεῖον τῆς νομοθετικῆς).²³⁹

Назначение нового юридического «вуза» и его характер достаточно четко прослеживаются, благодаря тому что, к счастью, до нас дошел текст специальной новеллы Константина IX Мономаха (составил ее, однако, Иоанн Мавропод) об учреждении училища и должности

---

²³⁷ *Michael Attalioae. Historia.* P. 21. l. 15–22.

²³⁸ К вышеприведенным скептическим точкам зрения добавим и мнение Лемерля, который считает, что «было бы серьезной ошибкой говорить об этой школе права как об учреждении университетского типа» (*Lemerle P. Cinq études.* P. 210).

²³⁹ Свою философскую школу Михаил Пселл также называет то μουσεῖον, то γυμνάσιον (*Michael Psellus. De operatione daemonum / Ed. J. F. Boissonade. Nürnberg, 1838.* P. 142, 143, 145). По мнению Вольской-Конюс, все эти термины — лишь антикизирующие синонимы для σχολή, παιδευτήριον и διδασκαλείον (*Wolska-Conus W. Les écoles de Psellos et de Xiphilin.* P. 233, n. 73).

номофилакса.²⁴⁰ В ней подводятся итоги работе, проделанной в области законодательства предшественниками, причем современного исследователя не может не поразить степень осознанности объема и характера этой работы, заключавшейся, по мнению автора новеллы, в сокращении и прояснении огромной массы древнего законодательства, в переводе его с латинского языка на греческий, наконец, в «очищении» его (в третьем параграфе новеллы фактически резюмированы все основные этапы деятельности византийских юристов, о которых мы говорили выше). В то же время отмечается, что предшествующие императоры, которые «заботились о законах не меньше, чем об оружии», необъяснимым образом пренебрегали их преподаванием, не занимались вопросом о назначении лиц, в ведении которых находилось бы преподавание и передача знания законов, не выделяли для этого помещения и соответствующих выплат, словом, не делали всего того, что обычно является необходимым для нормального функционирования школы (§ 4). В результате молодежь, желавшая изучить юридическую науку, за неимением компетентного учителя, назначаемого по указу императора, обращается к первому встречному дидаскалу, даже если тот и обладает лишь весьма несовершенной практикой преподавания, доверчиво усваивает то, что он сказал, а затем вносит

---

²⁴⁰ *Novella Constitutio saec. XI medii qual est de schola iuris Constantinopoli constituenda et legum custode creando (Textus breves graeci et latini, 1) / Ed. A. Salač. Praegae, 1954. 62 p. Об атрибуции ее Иоанну Мавроподу см.: Follieri E. Sulla Novella promulgata da Costantino IX Monomaco per la restaurazione della facoltà giuridica a Costantinopoli (sec. XI med.) // Studi in onore di Edoardo Volterra. Roma, 1971. Vol. 2. P. 647–664.*

в судебные дела и решения путаницу и неразбериху (§ 5).²⁴¹ Для устранения этого недостатка в помещении Георгиевского монастыря открывается кафедра (διδασκαλὸς θρόνος), которая будет именоваться юридическим училищем (διδασκαλεῖον νόμων), а учитель на этой кафедре — номофилаксом, он будет также хранителем библиотеки, и библиотекарь беспрепятственно должен выдавать ему книги по праву (§10).²⁴² По своему статусу номофилакс причисляется к сановным сенаторам (μεγαλοδόξοις συγκλητικοίς), на торжественных царских выходах ему предписывается занимать место вслед за министром юстиции (ὁ ἐπὶ τῶν κρίσεων), он имеет право доступа к императору, как и министр юстиции, и в те же самые дни; ежегодно он получает жалованье (ругу) в четыре литры, шелковую одежду, пасхальный подарок и хлебное (§ 11). Номофилакс должен посвятить свою жизнь обнаружению смысла законов, проводя ночи в поисках его, а дни — в преподавании его молодежи (§ 13), от него требуется знание двух языков — латинского и греческого, основательные

---

²⁴¹ Очевидно, и в этой преамбуле не обошлось без того, чтобы не сгустить краски. Тем не менее, считает Лемерль, картина в основном соответствует действительности. Интересно, что здесь нет и намека на существование частных профессиональных школ, находившихся, как это можно заключить на основании данных Книги Эпарха, в ведении корпорации нотариев. Может быть, прав Лемерль, полагающий, что если подобного рода школа и существовала, то к этому времени она уже исчезла (*Lemerle P. Cinq études*. P. 208).

²⁴² Вопреки Лемерлю (*Lemerle P. Cinq études*. P. 209. N. 34) полагаем: из этого отрывка отнюдь нельзя вывести, что наличие такой специализированной библиотеки при учебном заведении — дело новое, скорее, наоборот.

теоретические и практические познания в праве (§ 16). Он будет занимать должность свою пожизненно, преподавать законы безвозмездно (§ 14), читать лекции ежедневно, за исключением воскресных и праздничных дней. Все желающие заниматься практической юриспруденцией, быть адвокатами и ходатаями по делам должны, прежде чем вписаться в соответствующую корпорацию (синигоров, табуляриев), изучить у номофилакса законы, выдержать у него экзамен и получить удостоверение — ἐπιμαρτύρησις (§ 20);²⁴³ если же кто-нибудь в обход этого правила вступит в синигоры или табулярии, то будет исключен, «дабы он знал, что теперь уже не недавнее небрежение, но старинная точность законов царствует в общественных делах» (§ 21). В этой же новелле сказано, что (первым) номофилаксом, «экзегетом и дидаскалом законов» назначается муж испытанного ума, доказавший свои юридические познания, судья на ипподроме и экзактор Иоанн Ксифилин (§ 8).

Представляется весьма интересным наблюдение Лемерля о том, что § 22 новеллы «звучит, почти как заключение», а все, что за ним следует, т. е. § 23–27, воспринимается как обращение императора к студен-

---

²⁴³ Следует ли на основании этого интереснейшего свидетельства заключить, что выпускник училища получал документ об окончании его, письменное удостоверение? Лемерль не сомневается в этом, утверждая, что мы здесь узнаем о существовании в Византии практики выдачи диплома об окончании учебного заведения (*diplôme de fin d'études*), в данном случае выдаваемого номофилаксом и являющегося, следовательно, *diplôme d'État* — «государственным дипломом» (*Lemerle P. Cinq études. P. 210*). Стоит, однако, подчеркнуть, что данное свидетельство является уникальным, и до нас не дошло ни одного такого документа.

там училища.²⁴⁴ Действительно это так, и нет ничего невероятного в том, что речь была произнесена императором на открытии училища и добавлена позднее к тексту новеллы. Обращаясь к учителям и ученикам, император пожелал им успехов в овладении юридической наукой, отметил, что если некогда с такой целью нужно было ехать в Рим или Бейрут, то теперь молодые люди могут сделать это в собственном городе (§ 24), что их прилежание будет щедро вознаграждено, ибо императоры будут отдавать им предпочтение при назначении на государственные должности (§ 25), и что сама задача овладения правом сейчас облегчается: «Вы не попадете больше, — говорит он, — как ваши предшественники, в сети загадок, лишенных всякого объяснения, — я имею в виду юридические термины; вы не услышите больше лекций по праву, подобных оракулам с двойным смыслом, для понимания которых требуется еще один прорицатель; вы не будете больше теряться в догадках, вызванных их двусмысленностью, не доверяя самим себе, не то что другим, даже в вопросах, которые вам кажутся понятными; напротив, благодаря совершенно ясному, точному и надежному объяснению, изложенному на открытом языке, вы научитесь понимать логику законов; более того, вы не станете придерживаться только мертвой буквы книг, но и услышите живой голос законов, которому наша светлость позволила раздаться среди вас, закрыв, с одной стороны, все боковые двери и, с другой, — широко распахнув одну-единственную дверь — имперскую; входите и выходите через нее беспрепятственно, по вашей воле, и находите приют, которого вы желали, — в законах, у почтенного и святого монастыря Георгия Победоносца» (§ 23).

---

²⁴⁴ *Lemerle P. Cinq études. P. 211.*

Оптимизм императора, однако, оказался не совсем оправданным. Изучение деятельности Иоанна Ксифилина на посту номофилакса (удалось доказать его авторство в отношении 63 схолий к Василикам из числа «новых», двух трактатов — «О пекулиях» и «О кредитах», а также «Рассуждения о голых договорах») показало, что метод интерпретации права, которым пользовался Ксифилин, — это метод теоретика, отягощенный школьной традицией и «мало открытой проблематике повседневной практики», метод возврата к латинской терминологии, к букве древнего законодательства, ложный пафос эрудиции, обнаруживающийся в стремлении выйти за пределы чересчур лапидарного текста Василик за счет обращения непосредственно к латинскому тексту римских законов (так называемому *τὸ ῥητόν*) и к буквальным (подстрочным) переводам Юстинианова кодекса (так называемым *τὸ κατὰ λόβας*), а также в стремлении постичь «точный смысл» законов с помощью некоторых понятий аристотелевской логики, разработанных еще в древности в школах Бейрута и Константинополя.²⁴⁵ Так что обещанный «живой голос законов» прозвучал весьма глухо и невразумительно. «Константинопольская школа права XI в., — говорит Вольска-Конюс, — это поле последней (и проигранной) битвы за сохранение традиций римского права в его древнейшей форме, а не питомник молодых юристов, готовящих себя к блестящей карьере государственных кадровых служащих».²⁴⁶

Действительно, с исчезновением и этого последнего юридического учебного заведения в Византии уже до самого конца ее существования не наблюдалось больше попыток наладить преподавание права, во

²⁴⁵ *Wolska-Conus W.* L'école de droit. P. 18–22, 101.

²⁴⁶ *Ibid.* P. 103.

вновь основанных «высших учебных заведениях» поздней Византии, таких как «академия» Георгия Акрополита и Βασιλικὸν σχολεῖον, учрежденное императором Андроником II Палеологом, юридический факультет не упоминается среди факультетов (τῶν σχολῶν), входящих в их структуру. Думается, однако, что юридическая традиция не прервалась в Византии полностью, она жила в той форме, которая всегда была свойственна Византии, а в ее последний период фактически стала основной и единственной, — в форме αὐτοδιδασκαλία, самостоятельного изучения права, его систематизации и классификации, практического применения, его материальной передачи путем переписывания юридических текстов. Иначе нам трудно будет объяснить, скажем, появление в XIV в. таких ярких юридических авторитетов, как Матфей Властарь и Константин Арменопул, при которых центром юридической жизни стал второй по величине город империи — Фессалоники.²⁴⁷ И в этот поздний период занятия правом остаются существенным компонентом городской культуры Византии, а город в свою очередь до конца выполнил роль творца юридической науки, права и правовой культуры, своего рода кузницы кадров юристов.

²⁴⁷ Не исключается, что в Фессалонике в XIV в. существовала и какая-то юридическая школа, см., например: *Canivet P., Oikonomides N.* [Jean Argyropoulos] *La comédie de Katablattas: invective byzantine du XVe siècle // Δίπτυχα. 1982–1983. Т. 3. Р. 11.*

Часть II

Из истории византийского законодательства

Эпоха правового новаторства

В период «темных веков» (конец VII – первая половина IX в.) византийское право и законодательство разделили судьбы византийской культуры, взятой в целом: после грандиозных кодификационных работ, осуществленных правоведами юстиниановской эпохи, после хорошо налаженной государственной системы юридического образования, которая имела место, правовая жизнь империи в данное время выглядит как период упадка. В упадок приходит не только императорское правотворчество, но и наука права. С исчезновением в середине VI в. профессоров-антецессоров преподавание права и юридическая наука переходят в руки схоластиков-адвокатов. И если в конце VI – начале VII в. правоведческая мысль еще продолжала теплиться, если главным объектом внимания юристов по-прежнему был Юстинианов *Corpus Juris Civilis* (но уже не в его подлинном латинском варианте, а в различного рода греческих переложениях — суммах, буквальных или катаподических переводах,

греческих «индексах», унаследованных от эпохи антецессоров) и до нас дошли некоторые их сочинения, то от второй половины и конца VII в. мы, в сущности, не можем назвать ничего достойного внимания.¹

Ничего неизвестно и об организационных формах получения юридического образования. По мнению Вольской-Конюс, в этот постюстиниановский период в Византии вообще не было школ и школьного преподавания в собственном смысле, что юристы-нотарии получали образование «по воле случая» или самостоятельно, ταῖς παρ' ἑαυτοῦ σπουδαῖς, как было сказано про Платона Студита², — мнение, возможно, несколько преувеличенное, принимая во внимание данные источников об открытии Ираклием «высшей школы», которая ко времени прихода к власти исаврийской династии помещалась в Халкопратиях при так называемой царской цистерне, имела 12 учителей и ректора (ὁ οἰκουμηνικὸς διδάσκαλος) и снова в 726 г. была закрыта Львом III Исавром. Но преподавалось ли в ней право — неизвестно. Во всяком случае, характер преподавания безусловно изменился: на место сугубо учебного, усложненного преподавания права антецессорами приходит преподавание его практиками-адвокатами в упрощенной, приближенной к практическим

---

¹ Мне не совсем ясна фраза Звороноса о том, что «было бы слишком долго перечислять названия всех этих трудов, сочиненных с VI по VIII в.» (*Svoronos N. Storia del diritto et delle istituzioni // La civiltà bizantina del IV al IX secolo. Bari, 1977. P. 179.* Те памятники, на которые он указывает (парафраза Феофила, Σύνομος κώδιξ и т. д.), датируются именно VI — началом VII в.

² PG. Vol. 99. Col. 808 A. Cf.: *Wolska-Conus W. Les termes νομῆ et παιδοδιδάσκαλος νομικὸς du «Livre de l'Éparque» // TM. 1981. T. 8. P. 540.*

нуждам форме, фактически сводящееся к натаскиванию в процессуальной риторике.³

Единственным, пожалуй, заметным событием правовой жизни империи конца VII в. была законодательская деятельность Трулльского собора, который осенью 691 г. собрался в зале «τοῦ Τρούλλου» Константинопольского дворца по созыву императора Юстиниана II, с целью искоренить языческие и иудейские пережитки в учении и культовой практике церкви.⁴ Вопреки тому, что собор рассматривался как продолжение предыдущих соборов (именно поэтому он назывался в византийских источниках «шестым» или даже «пятошестым»), почти всеми его канонами (а всего их было 102) вводилось «совершенно новое право»⁵. Так, со-

---

³ *Scheltema H. J. L'enseignement de droit des antécédents. Leiden, 1970. P. 62; Pieler P. E. Byzantinische Rechtsliteratur // Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. S. 429.*

⁴ Издание актов: *Joannou P. Discipline générale antique. Roma, 1962. T. 1. P. 101–241. Ср.: Ohme H. Das Concilium Quinisextum: Neue Einsichten zu einem umstrittenen Konzil // OChP. 1992. T. 58. P. 367–400 (на с. 386 автор пишет, что 102 канона «образуют собственный труд этого собора и в известной мере завершение канонического права древней церкви: до сего дня они являются неотъемлемой составной частью православно-церковного права»). См. также сл. примеч.*

⁵ *Troianos S. N. Ἡ πενθέκτη οἰκουμένη συνόδος καὶ τὸ νομοθετικὸ τῆς ἔργου. Ἀθήνα, 1992. Σ. 9.* Определив во многих случаях сроки действия норм («отныне», «с настоящего времени» или же с указанием конкретного срока), собор ввел в обиход юридическое понятие, согласно которому закон не имеет обратной силы. См. об этом: *Troianos S. N. Ἡ μὴ ἀναδρομικότητα ποινικῶν διατάξεων στοὺς κανόνες τῆς Πενθέκτης Συνόδου // Βυζαντικά. 1994. T. 14. Σ. 83–93* (отметив основательную юридическую образованность и развитое правосо-

бором официально провозглашался принцип «пентархии» в церковной ойкумене, причем с акцентом на равные прерогативы римского и константинопольского патриархов (кан. 36); осуждался католический целибат и подтверждалось право православных клириков (пресвитеров, диаконов и иподиаконов) на законный брак (кан. 13); предусматривалась процедура возвращения еретиков в православие через повторное крещение (кан. 95); осуждались все виды магии, приемы предсказания будущего, праздники и обряды, имевшие языческое происхождение, в частности, запрещалось студентам-юристам пользоваться языческими обрядами при начале и окончании занятий (кан. 60–62, 65, 71, 94); запрещалось христианам, клирикам и мирянам, не только вкушать иудейские опресноки, но и вообще обращаться с евреями, прибегать к услугам еврейских врачей (за нарушение запрета — отлучение: кан. 11); предписывалось «отныне образ Агнца, внемлющего грехи мира, Христа Бога нашего, на иконах представлять по человеческому естеству, вместо ветхого агнца» (кан. 82)⁶; запрещалось

знание составителя канонов Трулльского собора, автор данного исследования высказал гипотезу, что им мог быть патриарх Павел, который пришел к патриаршему трону с императорской службы в должности асикрита. — *Αὐτόβι, σελ. 93*).

⁶ Любопытно отметить, что канон 82 Трулльского собора был почти полностью воспроизведен в известном сочинении патриарха Мефодия «Слово о святых иконах» (гл. 7), но в недавнем издании «Слова» по московскому синодальному списку (ГИМ 412) именно этот отрывок содержит не замеченную издателем глубокую порчу текста (*Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847)*. М. 1997. С. 186), хотя перевод текста на русский язык правилен, будучи, очевидно, ориентирован на какое-то другое, добротное издание (Там же. С. 192), чем я и не преминул воспользоваться.

уничтожать рукописи, содержащие текст Св. Писания или сочинений отцов церкви (кан. 68); и т. д. Но больше всего известно торжественное провозглашение вселенским Трулльским собором официального корпуса источников канонического права. Как сообщалось выше, указав в своем втором каноне эти источники (они включают каноны вселенских соборов, так называемые апостольские в себя каноны, каноны местных, не всегда точно датируемых соборов IV в., серию посланий знаменитых отцов церкви IV и V вв.; к этой официальной коллекции добавились, естественно, каноны самого Трулльского собора), собор запретил всякие попытки подделывать (*παράχαρτέειν*) каноны, включать в состав этого корпуса «какие-то другие каноны, ложно составленные людьми, стремившимися торговать истиной». По-видимому, речь идет о запрете несанкционированного каким-либо вселенским собором расширения состава корпуса. Считается, что, учредив «гетерогенный» корпус канонического права, собор исключил всякие возможности для византийской канонистики создать подлинный «*Codex juris canonici*» с логически обоснованным распределением материала.⁷

Такова была (приблизительно) историко-правовая ситуация накануне промугуляции, по-видимому, в 741 г. первого после Юстинианова корпуса официального законодательного свода — исаврийской Эклоги,⁸ призванной сыграть выдающуюся роль в истории ви-

---

⁷ *Beck H.-G. Nomos, Kanon und Staatsraison in Byzanz.* Wien, 1981. S. 5, 7.

⁸ Критическое издание памятника: *Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos' V / Hrsg. von L. Burgmann.* Frankfurt a/M., 1983 (перевод на русский язык с исследованием и комментарием выполнен по старому изданию Е. Э. Липшиц: *Эклога, византийский законода-*

зантийского права. Возможно, что именно плачевное состояние правоведческих знаний подтолкнуло Льва III к идее создания законодательного сборника и обусловило его особенности: чрезмерную лапидарность и явную неполноту юридического материала; оригинальность и самостоятельность структуры памятника, вызванные отсутствием подходящего образца («изнужды, таким образом, составители сделали добродетель» — считает издатель)⁹; простоту и лаконичность стиля и языка; и т. д. По всем этим «параметрам» Эклога знаменует собой радикальный отход от правовых воззрений юристов Юстиниана и их непосредственных последователей. Эклога, основными

тельный свод VIII в. М., 1965). К сожалению, даже отныне полное обозрение рукописной традиции памятника не позволило Бургману решить все проблемы, связанные с его происхождением, и прежде всего проблему датировки Эклоги, и понадобилось специальное и весьма изощренное исследование О. Крестена, чтобы обосновать датировку 741 г. См.: *Kresten O. Datierungsprobleme «isavrischer» Eherechtsnovellen // FM. 1981. Bd. 4. S. 52; Idem. Die Datierung der Ecloga: Urkundenformeln und theologische Spekulation in Byzanz während des Bilderstreites* (работа известна нам в рукописи, любезно присланной автором).

⁹ *Ecloga. P. 7.* Есть, впрочем, мнение, что авторы взяли за образец некоторые предшествующие эпитомы, составленные юристами для нужд судебной практики, в частности, эпитому Афанасия из Эмесы (ок. 572 г.), см.: *Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., 1976; Svoronos N. Storia del diritto. P. 180.* Вопрос нуждается в специальном исследовании. Литературу об Афанасии Эмесском см.: *Медведев И. П. Византийское право: обзор современной зарубежной историографии // Византиноведение в СССР: Состояние и перспективы исследований. М., 1991. С. 299.*

исполнителями которой были, конечно же, не императоры, от имени которых она издана, и даже не те высокопоставленные официальные лица из числа членов учрежденной комиссии, которые были перечислены в преамбуле (квестор, патрикии, ипаты), но именно безымянные юристы-схоластики, скрывавшиеся за безличным «и другие богобоязненные люди»,¹⁰ — эта Эклога мыслилась ее создателями как «сокращенная выборка законов... из Институций, Дигест, Кодекса и Новелл — конституций великого Юстиниана с внесенными в них исправлениями в духе большего человеколюбия».

Не только в заглавии, но и в преамбуле специально обращено внимание на реформаторский характер сборника. Указано, что реформа коснулась прежде всего процессуального права. Была введена система выдачи жалованья из казны квестору, антиграфевсам и всему судебному персоналу; установлена безвозмездность суда для лиц, участвующих в судебных тяжбах; провозглашался принцип равенства всех перед судом, независимо от степени имущественной обеспеченности.

По своей структуре труд делился на 18 небольших титулов, охватывающих вопросы семейного и брачного права (титулы 1–3), дарений (4), наследственного права (5–6), опеки и попечительства (7), положения рабов (8), купли-продажи (9), займа (10), заклада (11), эмфитевсиса (12), найма (13), свидетелей (14), ми-

---

¹⁰ Интересно, что в синайском списке частной Распространенной Эклоги выражение *καὶ λοιποὺς τῶν τοῦ Θεοῦ φόβου ἔχοντες* передано именно словами *τοὺς λογιωτάτους σχολαστικοὺς*. См.: *Ecloga privata aucta Sinaitica / Hrsg. von D. Simon und Sp. Troianos // FM. 1979. Bd. 3. S. 174*. Бургман склонен именно это чтение считать подлинным (*Ecloga. P. 3*).

ровых сделок (15), имущественных отношений стра-тиотов и других должностных лиц (16), наказаний за преступления (17), наконец, вопросы военного права, впервые вводимого здесь в официальное византийское законодательство (18). Уже в этом расположении материала усматривается отход от классификации частного права согласно прежнему формальному принципу (право личное, вещное, раздел об исках) и его замена другим, более конкретным и упрощенным принципом, согласно которому факты располагаются так, как они представлены в жизнедеятельности человека, начиная с обручения и вступления в брак, где можно найти элементы всех перечисленных прав (личного, вещного, искового)¹¹.

Совершенно новым и наиболее оригинальным разделом явился знаменитый 17-й («пенальный») титул Эклоги. Будучи лишь одним из восемнадцати, из которых состоит сборник, этот титул тем не менее занимает 1/5 часть всего объема и 1/3 часть общего количества глав.¹²

Предложенная Эклогой пенитенциарная система во многом отлична от той, которая действовала в прежнем законодательстве. Она предусматривает для различных категорий уголовных преступлений, связанных, например, с нарушением святости алтаря и права церковного убежища, с клятвопреступлением, вероотступничеством, разграблением и осквернением могил, подделкой монет, с похищением и обещанием, прелюбодеянием и т. д., телесные и членовредительские наказания (битье палками или плетью,

¹¹ *Svoronos N.* Storia del diritto. P. 180.

¹² *Troianos S. N.* Η διαμόρφωση του ποινικού δικαίου στη μεταβατική περίοδο μεταξύ Ἰσαυρῶν καὶ Μακεδονῶν // Βυζαντικά, 1982. Т. 2. Σ. 87.

отрезание носа, вырывание языка, отсечение рук, ослепление, бритье головы, выжигание волос и др.). И хотя сами по себе такого рода наказания не были, по-видимому, новшеством (см., например, гл. 13 новеллы 134 Юстиниана, из которой явствует, что в ходу была даже такая зверская форма увечья, как отсечение у преступника всех четырех конечностей), то масштабы и широта спектра их применимости — это характерная черта именно Эклоги.

Скорее всего, в уголовном праве исаврийцев отразилось обычное народное право, согласно которому преступник должен наказываться потерей той части тела, при помощи которой он совершил преступление.¹³ Несмотря на всю свою варварскую жестокость, подобные наказания вполне могли рассматриваться законодателями в качестве провозглашенных «исправлений в духе большего человеколюбия»: ведь они, как правило, были заменой смертной казни. В некоторых случаях, правда, они были введены вместо денежных штрафов, предусмотренных в соответствующих казусах законодательством Юстиниана. И даже в тех случаях, когда за те или иные правонарушения в Эклоге сохраняется смертная казнь (например, за кровосмешение между близкими родственниками, гомосексуализм, умышленный поджог, отравление с летальным исходом, волшебство, убийство, разбой, а также за некоторые ереси), мы наблюдаем тенденцию к отказу от особо жестоких способов казни, а именно распятия, сожжения и т. д. Лишь при умышленном поджоге внутри города и разбое сохранялась казнь через сожжение или соответственно повешение, с тем, вероятно, чтобы повысить устрашающее воздействие

---

¹³ *Troianos S. Bemerkungen zum Strafrecht der Ecloga // 'Αφιέρωμα στὸν Νίκο Σβόρωνο. Ρεθύμνο, 1986. Τ. 1. Σ. 106.*

наказания. В целом же Эклога представляет собою первый законодательный памятник, пенитенциарная система которого ясно и недвусмысленно предусматривала обе основные цели наказания — служить средством возмездия за причиненный вред или искупления вины и средством устрашения (превентивная функция наказания).¹⁴

Этот новый дух имперского законодательства, проявившийся в попытках унифицировать право, приспособить римское право к нуждам эпохи, отойти от юридического формализма, или еще — в тенденции к «криминализации» частноправовых деликтов,¹⁵ коснулся и трактуемых в сборнике вопросов гражданского права, хотя, может быть, и не столь явно, как это мы наблюдаем в отношении права уголовного. Так, следуя при рассмотрении вопросов семейно-имущественного права в целом Юстинианову праву, Эклога тем не менее в деталях развивает и модифицирует старые законы: обручение, например, которое как обещание будущего вступления в брак раньше не облакалось в какие-либо торжественные формы и не создавало каких-либо юридических обязательств, вытекающих из него, становится, согласно Эклоге, соглашением, являющимся законной подготовительной стадией к браку, и расторжение его допускалось только по серьезным мотивам с уплатой неустойки нарушавшей соглашение стороной; брак по Эклоге представляет собой союз мужа и жены, пользующихся равными имущественными

---

¹⁴ Troianos S. Bemerkungen zum Strafrecht der Ecloga // 'Αφιέρωμα στὸν Νίκο Σβόρωφο. Ῥεθύμνο, 1986. Τ. 1. Σ. 100.

¹⁵ Pieler P. E. Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen in Byzanz // Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen / Hrsg. von W. Firentscher, H. Franke u. O. Köhler. München, 1980. S. 702.

правами; в Эклоге впервые было детально разработано брачное христианское право; гораздо дальше, чем законодательство Юстиниана и каноны Трулльского собора, идет Эклога по пути запрета браков между близкими родственниками; в ней значительно сужены законные поводы к разводу.

Изменения могут быть констатированы и в других разделах гражданского права, например, в установлении формы, требуемой Эклогой при дарениях, в изложении правил привлечения наследников при наследовании по закону, в трактовке вопросов опеки и попечительства.

Оба эти института приобретают еще в большей степени, чем раньше, характер учреждений, контролируемых государством.

Результаты работы юристов («ученейших схоластиков»), подготовивших издание Эклоги, по всей вероятности, отвечали потребностям того времени, но они вряд ли отражали все стороны правовой жизни Византии. Так, Эклога вообще не касается вопросов аграрного законодательства, правового статуса крестьян и ремесленников, которым уделено большое внимание в Своде Юстиниана; в ней ничего не говорится о формах и способах защиты прав, о путях приобретения и потери собственности, об институте давности и т. д. Трудно представить себе, что эти стороны правовой жизни на практике утратили свое значение в Византии VIII в. В науке высказывается поэтому предположение, что наличие Эклоги не исключало возможности использования судьями законодательства Юстиниана и его преемников для решения и разъяснения дел.¹⁶ Думается, однако, что доступ судей к по-

---

¹⁶ *Липшиц Е. Э.* Право и суд. С. 197; ср.: *Svoronos N.* Storia del diritto. P. 181.

следнему был затруднен, в связи с чем сразу же после промюльгации Эклоги перед юристами-схоластиками встала задача составления специального дополнения к Эклоге с целью покрыть выявившиеся в ней лакуны, собрать тексты, регулирующие те группы правоотношений, которые по соображениям краткости не были охвачены Эклогой.

К середине VIII в. такое приложение было составлено.¹⁷ Условно названный его первым издателем «Приложением к Эклоге», памятник не имеет собственно го заглавия, представляет собой частную компиляцию или собрание около ста правовых норм, делящихся на 14 более или менее устойчивых и компактных по тематике и рукописной традиции групп. По-видимому, Приложение не было создано как единое произведение одним автором, но складывалось постепенно на базе эксцерпирования юристами-схоластиками из различных источников, восходящих к Юстинианову законодательству.¹⁸ По своему содержанию большая часть норм относится к сфере уголовного права и касается главным образом двух тем: преступления, связанные с покушением на жизнь человека, и преступления против веры. Если учесть уже отмеченную роль «Аппендикса» как чисто дополнительную по отношению к Эклоге, то такого рода тематический отбор норм станет вполне понятным.

---

¹⁷ Критическое издание памятника: *Appendix Eclogae / Hrsg. von L. Burgmann und Sp. Troianos // FM, 1979. Vol. 3. P. 24–125.*

¹⁸ *Troianos S. N.* Ἡ διαμόρφωσις. Σ. 88. Бургман и Троянос в своем издании «Аппендикса» убедительно показали ошибочность взглядов Цахариз фон Лингентала и следующих за ним Мортрейля и Монферратоса о происхождении почти всех статей памятника из эпитомы Юстинианова Кодекса предшественника Стефана (*Appendix Eclogae. P. 24 sq.*).

В статьях 45–49 титула 17 Эклоги, правда, рассматриваются различные формы преступлений, связанных с убийством человека. Иногда Эклога в этих вопросах следует за Юстиниановым законодательством, карая, например, преступника, виновного в убийстве, смертной казнью мечом (Е. 17.42, 45). Но вместе с тем в явном стремлении дать более точную оценку объективной и субъективной природы преступления, дифференцировать наказания в соответствии с вводимыми различиями степени виновности и тем самым ограничить свободу судьи в оценке доказательств и в определении меры наказания она существенно отклоняется от соответствующих норм Юстинианова законодательства, содержащихся в частности, в Дигестах (D. 48.8) и Кодексе (C. 9, 16).

К тому же относительно небольшое число норм Эклоги, направленных на предотвращение убийств и телесных повреждений, не могло исчерпать всего разнообразия частных проблем, встававших в ходе исследований подобного рода преступлений, например, степени виновности, соучастия и т. д.¹⁹

Еще более ощутимой была нехватка в Эклоге норм, карающих за преступления против веры (вероотступничество, ересь, магия и т. д.), которым она посвятила всего-навсего 4 статьи (Е. 17.6, 43, 44, 52) «пенального» титула.²⁰ Правда, еретики (монтанисты и манихеи) караются Эклогой даже строже, чем по Юстинианову законодательству, — «смертной казнью мечом»

---

¹⁹ Troianos S. N. Ἡ διαμόρφωση. Σ. 89; *Idem.* Ὁ «Ποινάλιος» τοῦ Ἐκλογαδίου. Frankfurt a/M., 1980. Σ. 6.

²⁰ О преступлениях против веры и о наказаниях за них по византийскому праву см. специальное исследование: Troianos S. N. Τὰ περὶ τὴν θρησκείαν ἐγκλήματα εἰς τὰ νομοθετικά κείμενα τῶν μεσῶν βυζαντινῶν χρόνων // Δίπτυχα. 1979. Τ. Σ. 168–194.

(Е. 17.52; ср. С. 1.5.11–12, где для монтанистов предусматривались лишь имущественные санкции и ссылка). Принимая во внимание конкретную историческую обстановку в Византии VIII в., это вполне объяснимо: ведь еретики, являвшие собою активную и мощную оппозиционную по отношению к правительству силу, представляли реальную опасность для византийского государства. Поэтому Эклога имела основания привлекать их к ответственности, причем не только к церковному суду, но и светскому.²¹ Но если даже видеть под «монтанистами и манихеями» Эклоги всю совокупность еретических учений, имевших распространение в то время в Византии²² (по мнению Е. Э. Липшиц, под манихеями подразумевались, вероятно, павликиане²³), то и тогда придется признать, что византийским судьям было в высшей степени затруднительно вести на основе Эклоги процессы, вызванные преступлениями против веры и вообще религии. Поэтому составители Приложения к Эклоге включили в него большую часть предписаний Юстинианова Кодекса о еретиках, позаимствовав их из первой книги сборника VI в., известного под названием *Collectio Tripartita*, где эти предписания препарированы и изложены уже на греческом языке.²⁴

²¹ Ср. аналогичное мнение Е. Э. Липшиц в ее комментарии к Эклоге: Эклога. С. 166.

²² Ср. точку зрения Сп. Трояноса: *Troianos S. N. Tà peri tìn θρησκείαν ἐκλήματα*. Σ. 172.

²³ Эклога. С. 166.

²⁴ Appendix Eclogae, III. 1–4, 6–7, 9–11, 13–Coll. Trip. I. 5. 1–5, 14, 16–17, 20; I. 7,6 (нумерация статей Трипартиты тождественна нумерации их в Юстиниановом Кодексе). О Coll. Trip. см.: *Stolte B. H. The Digest Summa of the Anonymus and the Collectio Tripartita, or the Case of the Elusive Anonymi // Subseciva Groningana*. 1985. Vol. 2. P. 57–69;

Характерно, что среди этих предписаний отсутствуют отрывки из Кодекса (С. 1.5.11–12), т. е. тексты, на основе которых было составлено предписание Эклоги о манихеях и монтанистах (Е. 17.52), что лишний раз и весьма наглядно свидетельствует о дополняющей роли Приложения.

Говоря о Приложении к Эклоге, следует остановиться еще на одном: помимо уже отмеченных 100 статей, разбитых на 14 групп, в его состав, как правило, включались еще четыре относительно крупных и достаточно самостоятельных (поэтому издатели «Апендикса» и исключили их из своего издания) памятника, четыре «закона» — Земледельческий, Военный, Морской и Моисеев. Независимо от чрезвычайно сложного и дискуссионного вопроса о времени возникновения этих памятников, мы вправе предположить, что они мыслились юристами того времени как дополнение к Эклоге, учитывались составителями Эклоги, а при включении их в состав Приложения претерпели, возможно, какие-то редакционные модификации в духе приспособления к Эклоге. Во всяком случае вышеназванные «законы», как и Эклога, являются новым, уже не специально научным типом правовой литературы, творением того поколения юристов, которое ориентируется не на классические *exempla*, а на удовлетворение острой потребности населения в упрощенных, кратких и понятных каждому неспециалисту правовых сборниках.²⁵

Сказанное особенно относится к Земледельческому закону (*Νόμος γεωργικός*), который представляет со-

---

Idem. The Collectio Tripartita and the Epitome Athanasii: Problems for an editor // *Ibid.* 1990. Vol. 4. P. 221–231.

²⁵ *Pieler P. E.* Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen in Byzanz. S. 702–703.

бой свод юридических норм, регулировавших жизнь сельской общины, и являлся, очевидно, частной, но признаваемой государством компиляцией, основанной на сочетании обычного эллинистического и варварского права с нормами действовавшего римско-византийского (т. е. Юстинианова) законодательства.²⁶ Адекватно отражая социально-экономические отношения в крестьянской общине, закон давал ответ на наиболее типичные конфликтные ситуации, возникавшие в этой среде, и таким образом заполнял лакуну, которая была оставлена более ранними законодательными памятниками, в том числе и Эклогой, вообще не касавшейся вопросов аграрного строя, деревни. Близость обоих памятников видна не только при сопоставлении языковых форм и синтаксических оборотов, не только из разительного стилистического сходства и сходства в системе наказаний, на что обращали внимание уже ученые XIX столетия, но и тем, что Эклога и Земледельческий закон воспринимались как нечто единое еще в средние века. Так, редактор одной из переработок Эклоги, известной под названием «Эклоги, измененной по Прохирону» (*Ecloga ad Prochiron mutata*), сделал попытку добиться полного слияния с нею Земледельческого закона. Он исключил вообще из текста памятника целый ряд одних глав, рассеял некоторые другие по разным титулам Эклоги, измененной по Прохирону, а в оставшуюся от первоначального текста Земледельческого закона часть ввел целый ряд интерполяций различного происхождения, разбил весь этот юридический материал

---

²⁶ Критическое издание памятника: Византийский Земледельческий закон / Текст, исследование, комментарий подготовили Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская. Под ред. И. П. Медведева. Л., 1984.

на две группы, образовав из них титулы 25-й и 26-й Эклоги, измененной по Прохирону.²⁷

Значительно менее интересны и оригинальны два других закона — Морской и Военный. Что касается первого из них (*Nomos nautikos*)²⁸, то он представляет собой, по-видимому, частную запись обычного морского права, составленную между 600 и 800 гг., признаваемую государством, несмотря на некоторые отличия от Юстинианова права (см. D. 14.2.9: *De lege Rhodia de iactu*). Возникновение особого Морского закона как плода деятельности какого-то юриста могло быть связано с потребностями возросшей в те времена морской торговли и товариществ, связанных с нею.²⁹

Сводом норм права, регулирующих наказания военнослужащих, совершивших уголовные преступления или дисциплинарные проступки, является Военный закон (*Νόμος στρατιωτικός*),³⁰ который состоит из

---

²⁷ *Медведев И. П.* Предварительные заметки о рукописной традиции Земледельческого закона // ВВ. 1981. Т. 42. С. 58–59.

²⁸ *Ashburner W.* The Rhodian Sea Law. Oxford, 1909. См. комментированный перевод: *Сюзюмов М. Я.* Морской закон // АДСВ. 1969. Т. 6. С. 3–54, а также обобщающее исследование: *Letsios D. G.* Das Seegesetz der Rhodier: Untersuchungen zu Seerecht und Handelsschiffahrt in Byzanz. Rhodes, 1996.

²⁹ *Липшиц Е. Э.* Право и суд. С. 202 (мы, однако, не считаем возможным предполагать, подобно Эшбернеру и следующей за ним Е. Э. Липшиц, что закон мог с самого начала предназначаться для включения в позднейший свод Василика, хотя он, в конце концов, действительно закрепился в 53-й книге).

³⁰ *Кучма В. В.* *Νόμος στρατιωτικός* // ВВ. 1971. Т. 32. С. 276–284; *Kolias T. G.* *Τὰ στρατιωτικὰ ἐγκλήματα κατὰ τοὺς βυζαντινοὺς χρόνους* // *Ἐγκλημα καὶ τιμωρία στὸ Βυζάντιο*. Ἀθήνα, 1997. Σ. 317–336.

41 статьи и распадается по источникам заимствованного материала на три части: первая содержит статьи, аналогичные 6–8 главам книги I Стратегикона Маврикия, в то время как вторая и третья части содержат переработанные нормы Дигест и Кодекса, а также нормы, которые соответствуют некоторым статьям Эклоги и таким позднейшим законодательным сводам, как Прохирон и Василики.³¹

И наконец, несколько отличающийся от предыдущих «законов» так называемый Моисеев закон (*Nomos Mosaikos*, подлинное греческое заглавие 'Εκλογὴ τοῦ παρὰ Θεοῦ διὰ τοῦ Μωϋσέως δοθέντος νόμου τοῖς Ἰσραηλίταις),³² представляющий собой не что иное, как собрание 70 эксцерптов из Септуагинты (из Пятикнижия) и включающий в себя сформулированные в Ветхом Завете морально-религиозные предписания и нормы социального поведения, включая и знаменитые 10 заповедей, собственноручно начертанные богом Яхве на каменных скрижалях и врученных им Моисею на горе Синай. Все эти отрывки (они происходят из следующих книг Пентатевха: 21 отрывок — из Исхода, 29 — из Левита, 3 — из Чисел, 18 — из Второзакония) являются почти дословными извлечениями из текста Септуагинты, лишь слегка подвергнутого купюрам, перефразировке или стилистическому редактирова-

---

³¹ Этим последним обстоятельством, по-видимому, и вызваны попытки поздних датировок памятника (даже X в.). Но ведь картина может быть и обратной: именно из Военного закона нормы могли попасть в позднейшие своды, а не наоборот.

³² Критическое издание памятника: *Nomos Mosaikos / Hrsg. von L. Burgmann und S. Troianos // FM. 1979. Т. 3. Р. 126–167* (ср. также: *Медведев И. П.* По поводу нового издания так называемого Моисеева закона // *ВВ. 1982. Т. 43. С. 257–259*).

нию. Они сгруппированы в 50 «глав», которые состоят из одного или нескольких тематически связанных текстов и снабжены рубриками, дающими сведения о содержании и происходящими, очевидно, от самого компилятора. Компилятор, а также современные ему и более поздние составители юридических сборников явно рассматривали эти заповеди и предписания в качестве юридических норм³³, а сам «закон» в качестве юридического памятника, о чем свидетельствует и тот факт, что он встречается исключительно в юридических и канонических рукописях, а в титуле 39 уже упоминавшейся «Эклоги, измененной по Прохирону» содержится большое количество статей, заимствованных из этого памятника.

Таким образом, взаимно дополняя друг друга, все рассмотренные нами памятники — Эклога, Приложение к Эклоге, законы Земледельческий, Морской, Военный и Моисеев — образуют некий единый и своеобразный «Корпус» светского права, которое действовало на протяжении VIII–IX вв., вплоть до появления Македонского законодательства, будучи более или менее компактно представленным и в рукописной традиции. Впрочем, единство этого «Корпуса» было весьма относительным: во-первых, части «Корпуса» очень слабо связаны между собой, весьма различны по уровню нормативности (в сущности, по настоящему нормативным актом была лишь Эклога, а все прочие дополнения к ней были порождены частной инициативой, хотя и признаваемой государством³⁴); во-вторых,

---

³³ О влиянии Ветхого Завета на юридическую мысль византийцев вообще см.: *Pieler P. E. Ἡ Παλαιὰ Διαθήκη στή νομικὴ σκέψη τῶν Βυζαντινῶν // Βυζαντιναὶ Μελέται. 1992. Т. 4. С. 15–29.*

³⁴ Вряд ли прав Понтазопулос, считающий Земледельческий закон официальным законодательным памятником

эти части были плохо согласованы между собой и поэтому содержали иногда нормы, идущие вразрез с аналогичными предписаниями других частей. Так, например, два правовых института, нашедших отражение в Земледельческом законе, а именно *ἀντιτομία* (владение поверхностью) и *δενδροκτησία* (владение деревьями), будучи издавна приняты греческим правом, не были никогда признаны римским (и, стало быть, Юстиниановым) правом, так как обе эти правовые системы имели совершенно различные концепции в отношении земли: согласно «горизонтальной» концепции греческого (и вообще восточного) права, могло существовать два различных права на один и тот же участок земли, независимых один от другого, — право собственника земли и право собственника того, что находится на поверхности земли (например, дома или дерева); напротив, согласно римскому принципу *superficies solo cedit* все то, что находится на поверхности земли (постройки, деревья, насаждения), принадлежит не тому, кто строил или насаждал их, но собственнику земли (D. 43.17.3.7; Inst. 2.1.30). С одной стороны, Земледельческий закон упразднил римский принцип *superficies solo cedit*³⁵, с другой же — один из основных источников, в котором сформулирован римский принцип *superficies solo cedit* (а именно отрывок Inst. 2.1.30), тоже был еще жив, не отменен,

---

исаврийской династии, который вместе с Эклогой и двумя другими законодательными сводами исаврийцев — Военным законом и Морским законом — знаменует начало широкой законодательной реформы, «к несчастью», оставшейся неоконченной: *Pantazopoulos N. J. Peculiar institutions of byzantine law in the Georgikos Nomos // RESEE. 1971. Т. 9. P. 547.*

³⁵ Ibid. P. 543.

более того, — включен в состав Приложения к Эклоге³⁶, а позднее и вообще интерполирован в состав Земледельческого закона³⁷, создавая, очевидно, немыслимую апорию для любого судьи — на какой же текст тот должен был ориентироваться в спорных случаях?!

Разношерстность, гетерогенность, противоречивость и неполнота вышеобозначенного «Корпуса» безусловно осознавалась византийскими юристами. Отсюда постоянные попытки писцов (а ими могли быть и сами юристы-практики) при переписывании привнести что-то новое, что-то изменить, «подогнать» тексты друг к другу, причем (и это поразительно!) не путем приспособления «дополнительных» текстов к главному нормативному памятнику — Эклоге, а наоборот, — путем переработки именно этого последнего памятника в духе большего соответствия Юстинианову праву, иногда же — путем прямого возврата к нормам последнего. Видимо, допущенный авторами Эклоги отход от принципов Юстинианова законодательства обеспокоил византийских идеологов и правоведов, в связи с чем и стали предприниматься попытки корректировки законов. О характере этой корректировки мы можем судить по дошедшим до нас переработкам Эклоги, известным под названиями *Ecloga aucta* (*Eclogadion*), *Ecloga privata*, *Ecloga privata aucta*.³⁸

Первым из этих сборников по времени (датируется предположительно самым началом IX в., временем

---

³⁶ Appendix *Eclogae*. P. 99 (II. 6).

³⁷ Византийский Земледельческий закон. С. 131 (интерполяция II. 7).

³⁸ Бургман не считает вполне корректными эти обозначения, данные переработкам Эклоги Цахариз фон Лингенталем, но «из практических соображений» продолжает пользоваться ими.

царствования императора Никифора I, 802–811 гг.)³⁹ является именно Эклогадий, текст которого во фрагментарном состоянии дошел до нас в единственном списке XIV в. — *Vindobonensis iur. gr. 2, foll. 6–20v, 386*,⁴⁰ сам по себе был известен ученым уже в XIX в. (Сахаризэ фон Лингенталь считал его одним из вариантов Частной Распространенной Эклоги), но лишь недавно оценен по достоинству и издан⁴¹. Эклогадий представляет собой выполненный каким-то опытным юристом, прекрасным знатоком Юстинианова права, единый систематический труд, который (по крайней мере, в той части, где он содержит уголовное право, причем именно «пенальный» титул сохранился в венской рукописи полностью) не обнаруживает черт, свойственных частным, составленным для сугубо практических целей компиляциям, но, напротив, по своей внешней форме и по последовательности проведенных в нем принципов производит впечатление официального законодательного свода, рассчитанного на нормативное действие.⁴²

Из всех 43 статей «пенального» титула Эклогадия 18 дают санкции, совершенно идентичные или сходные

³⁹ *Troianos S. N.* Ἡ διαμόρφωσις. Σ. 88, 92.

⁴⁰ О рукописи в целом см.: *Repertorium der Handschriften des byzantinischen Rechts / Hrsg. von L. Burgmann, M. Th. Fögen, A. Schminck, D. Simon. Frankfurt a/M., 1995. Th. 1. S. 354–356. № 309* (в рукописи наш памятник сопоставлен с соответствующими разделами Эклоги, в результате чего получился своеобразный компендиум, некая параллельная компиляция из двух памятников, которую, может быть, в таком виде и следовало издать).

⁴¹ *Eklogadion und Ecloga privata aucta / Hrsg. von D. Simon und Sp. Troianos // FM, 1977. Vol. 2. P. 45–86* (текст самого памятника на с. 58–74).

⁴² *Troianos S. N.* Ἡ διαμόρφωσις. Σ. 90; *Idem.* Ὁ «Ποινάλιος». Σ. 120–121.

с теми, которые содержатся в соответствующих статьях 17-го титула Эклоги. Речь при этом идет о преступлениях, связанных с посягательством на собственность граждан (разбойничество, воровство, поджог, фальшивомонетничество и т. д.), о преступлениях против веры (вынужденное отступничество, ересь) и против нравственности (сводничество, педерастия, скотоложество, двоеженство, прелюбодеяния в различных формах, клевета, осквернение могил) и т. д. 5 других статей вообще не находят соответствующих предписаний в Эклоге и являются, стало быть, новыми (шпионаж, оскорбление действием, добровольное отступничество, оскорбление величества посредством издания какого-либо анонимного пасквиля, совращение своей же невесты).⁴³ Однако наибольший интерес вызывают те статьи пенального титула Эклогадия (а их большинство), которые имеют соответствующие статьи в Эклоге, от них исходят, но дают иное регулирование рассматриваемых в них вопросов. Сопоставление способа регулирования их в Эклоге и Эклогадие в контексте римско-византийского права в целом позволяет сделать убедительные выводы относительно общей идейной направленности Эклогадия, которую можно было бы выразить в двух словах: «назад — к Юстиниану».

Так, общей чертой уголовного кодекса по Эклогадию являются отказ от введенной в Эклоге системы членовредительских наказаний и реабилитация смертной казни (например, за такие преступления, как нарушение права убежища, похищение, государствен-

---

⁴³ Из них выделяется такой деликт, как оскорбление действием (ἡ βίασπραγία), целая серия санкций для борьбы с которым содержится в Приложении к Эклоге (II, 8–10), — явно с целью компенсировать полное отсутствие их в Эклоге (ср. *Troianos S. N. Ἡ διαβόρφοσφ. Σ. 90*).

ная измена,⁴⁴ угон скота,⁴⁵ кровосмешение, святотатство, и др.), правда, с ограничением свободы судьи в выборе способа совершения казни: предписывается исключительно «смерть от меча», т. е. обезглавливание. Но даже и в тех случаях, когда Эклогадий сохраняет введенную Эклогой санкцию (например, при рассмотрении таких деликтов, как вытравление плода, отравление), он не следует буквально тексту Эклоги, всякий раз смещая акценты в трактовке объективной и субъективной сущности правонарушения в сторону ужесточения санкции.

Показательна в этом отношении трактовка такого преступления, как убийство.⁴⁶ В Эклогадие число норм об убийстве сокращено до двух (ЕА. 17.22; 17.3), против тех пяти, что содержатся в Эклоге (Е. 17.45–49), причем акцент в нем ставится на дихотомии понятий «предумышленного» и «непредумышленного» убий-

---

⁴⁴ Кстати, именно Эклогадий вводит для определения государственной измены как крайней формы предательства в высшей степени интересный и содержательный термин *καδοσίωσις*, наглядно выражающий представление о божественном происхождении императорской власти. См. об этом: *Troianos S. N.* 'Ο «Ποινάλιος». Σ. 11; *Bourdara K. A.* *Καδοσίωσις καὶ τυραννίς*. Ἀθήναι. 1981.

⁴⁵ В отличие от Эклоги, каравшей за угон скота битьем, ссылкой или отсечением руки, а также от Эклогадия, наказывавшего за это же ссылкой, отсечением руки или обезглавливанием, Земледельческий закон вводит совсем иную кару — распятие на вилах (гл. 47). По мнению Трояноса, различие это объясняется тем, что в Эклоге и Эклогадие речь идет о свободных правонарушителях, в то время как в Земледельческом законе — о рабах. См.: *Troianos S. N.* 'Ο «Ποινάλιος» τοῦ Ἐκλογαδίου. Σ. 28. Жаль, что в комментарии Е. Э. Липшиц эта интереснейшая глава Земледельческого закона не получила должного освещения.

⁴⁶ См. об этом: *Troianos S. N.* 'Ο «Ποινάλιος». Σ. 6–10.

ства. Эта дихотомия, не имеющая терминологической опоры в юстиниановом законодательстве, сближает текст Эклогадия с текстом Эклоги, которая также различает предумышленные и непредумышленные убийства, но в то же время и отдаляет от нее, так как упраздняет промежуточные ступени, наличествующие в Эклоге. Поэтому не следует отождествлять по содержанию понятие «предумышленное убийство» Эклогадия с одноименным понятием Эклоги. Последняя следует в этом принципе, выраженному в *lex Cornelia de sicariis et veneficis*, которому подлежали все совершающие убийство преднамеренно,⁴⁷ с тем лишь различием, что Эклога подводи́ла убийство в состоянии аффекта под особую санкцию (Е. 17.46), в то время как римское право рассматривало его (благодаря наличию в нем элемента *animus occidendi*) как подпадающего под распоряжения *lex Cornelia*. Что же касается Эклогадия, то нет сомнения, что понятие «предумышленное убийство» охватывает здесь все совершаемые преднамеренно (ἐκ δόλου) убийства, включая и совершаемые в состоянии аффекта. Наказания за убийство человека в Эклогадии суровее, чем в Эклоге, так как, введя неизвестное Юстинианову праву деление убийств на предумышленные и непредумышленные, он в то же время отверг примененный Эклогой принцип более снисходительного отношения к убийствам, совершаемым в состоянии аффекта (а также в драке), и таким образом возвратился к основным положениям *lex Cornelia*, к тому же явно усмотрев наличие элемента *animus eventualis*, т. е. фактически включив в понятие убийства, совершаемого из явного или потенциального умысла, покушение на убийство.⁴⁸

⁴⁷ См., например: *Mommsen Th. Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899. S. 626.*

⁴⁸ *Troianos S. N. 'Ο «Ποινάλιος» τοῦ Ἐκλογαδίου. Σ. 9.*

Судя по состоянию рукописной традиции, Эклогадий не имел большого распространения сам по себе. Но зато в соединении с Эклогой он послужил основой для создания нового юридического сборника — Частной Распространенной Эклоги,⁴⁹ возникшей, возможно, в период с 829 по 870 г. в Южной Италии.⁵⁰ Вдумчивый анализ первых трех титулов компиляции (об обручении, о браке и о приданом), осуществленный Ф. Гориа в его исследовании,⁵¹ пенального 17-го титула — в книге С. Трояноса,⁵² наконец, наблюдение Е. Э. Липшиц, сопоставившей нормы Частной Распространенной Эклоги с соответствующими нормами Эклоги,⁵³ позволяют составить о ней впечатление как о новом типе частного юридического руководства, автор которого пытался согласовать Эклогу и Эклогадий, но с явным предпочтением последнего, его общей идейной направленности. Выявилось желание анонимного автора избавиться от повторов и устаревших норм, тенденция к уточнению и упразднению неясностей, собственных Эклоге, стремление вернуться к Юстиниану, модифицируя соответствующие нормы Эклоги. Такое стремление ясно видно, например, в трактовке вопроса о расторжении обручения, но как раз оно показывает,

---

⁴⁹ *Ecloga Privata Aucta* / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal // *Ius graeco-romanum*, 1865. Vol. 4.

⁵⁰ *Goria F.* Sulla data e l'origine dell'Ecloga privata aucta // *Studi Parmensi*, 1977. Т. 20. Р. 312 ss., 320 ss. К тезису о возможном южно-итальянском происхождении компиляции скептически отнесся Л. Бургман (см.: *Ecloga*. Р. 23).

⁵¹ *Goria F.* Tradizione romana e innovazioni bizantine nel diritto privato dell'Ecloga privata aucta: Diritto matrimoniale. Frankfurt a/M., 1980.

⁵² *Troianos S. N.* 'Ο «Ποινάλιος» τοῦ Ἐκλογαδίου, *passim*.

⁵³ *Липшиц Е. Э.* Законодательство и юриспруденция в IX–XI вв. Л., 1981. С. 7–42.

что речь не идет о пассивном воспроизведении юстициановых законоположений, но скорее — об уточнении и переосмыслении, о которых, по мнению Гориа, трудно сказать, восходят ли они к юристам VI–VII вв. или же являются плодом личных размышлений автора компиляции; поскольку они явно испытали влияние Эклоги, то могут быть атрибутированы автору Частной Распространенной Эклоги; другие же из них находят более или менее точные соответствия в переводах и комментариях юристов VI–VII вв. и, видимо, взяты автором компиляции в тех источниках, которыми он пользовался. Во всяком случае бесспорно, что автор Частной Распространенной Эклоги создал свой собственный труд.⁵⁴

Особый интерес представляют те нормы Частной Распространенной Эклоги, которые отсутствуют в Эклоге исаврийской. Так, новыми по отношению к Эклоге являются: статья о браках, заключаемых посредством письменного договора (ЕРА 2.10), которая, по видимому, является фрагментом какой-то утраченной новеллы Льва III;⁵⁵ статья, носящая название «О наследстве сирот» (ЕРА 2.13) и содержащая законоположение, по которому предписывается, чтобы наследство детей-сирот, умерших в малолетнем возрасте, не переходило к их матери, ибо доля, причитающаяся на ребенка, переходит к братьям умершего по отцу;⁵⁶ нов-

⁵⁴ *Goria F.* Tradizione romana e innovazioni bizantine. P. 47.

⁵⁵ *Matsis N. P.* Ἀνάλεκτα ἐκ τῆς Ἐκλογῆς τῶν Ἰσαύρων // *ΕΕΒΣ*, 1958. Т. 28. Σ. 267 ἐλ.; *Goria F.* Tradizione romana e innovazioni bizantine. P. 63–65.

⁵⁶ В качестве источника этого распоряжения со времен Цахариз указывается обычно высказывание Модестина (D. 26.6.2.1–2), см., например: *Липшиц Е. Э.* Законодательство. С. 15. Однако Гориа указывает более непосред-

шеством по отношению к Эклоге являются и две статьи об уходе в монастырь как причине расторжения брака, заключенного по устному соглашению (ЕРА 2.16) или по письменному (ЕРА 2.19)⁵⁷ и об имущественных последствиях этого акта для супругов, наследников и монастыря, причем явное и благожелательное внимание автора компиляции к вступлению в монастырь как причине расторжения обручения и брака обнаруживает в нем, по словам Гориа, «скорее иконопочитателя, чем иконоборца» и служит знаком того, что автор создавал свое произведение после восстановления иконопочитания;⁵⁸ статья о даче денег под проценты с определением максимально допустимого процента (ЕРА 3. 14), основанная на Институциях Юстиниана и фактически легализовавшая ростовщичество. О проценте идет речь и в некоторых статьях 11-го титула, например, ЕРА 11.6, основанная на конституции Юстиниана (С. 4.32.27) и определяющая принципы расчета при превышении установленного законом процента для различных категорий населения; ЕРА 11.7 — о «морской ссуде» под процент, причем источником статьи является не D. 22.2.3 или

ственный источник — Nov. 22, 40 (*Goria F. Tradizione romana e innovazioni bizantine. P. 72. N. 62*).

⁵⁷ Собственно говоря, в издании памятника и эта статья (2, 19) трактует вопрос о браке, заключенном по устному соглашению (*ἀγράφως*), однако уже Матсис предложил конъектуру (*ἐγγράφως*), тем более обоснованную, что она подкрепляется правильным рукописным чтением в Cod. Bodl. 3399. F. 44 v., где данный текст присутствует в эпитоме новеллы 117, 15. См.: *Matsis N. P. Διορθώσεις εἰς τὴν Νύξημένην Ἰδιωτικὴν Ἐκλογὴν* // *EEBS. 1964. T. 33. Σ. 156; FM. 1977. Vol. 2. P. 84.*

⁵⁸ *Goria F. Tradizione romana e innovazioni bizantine. P. 92-93.*

С. 4.32.26.1 которые обычно фигурируют в литературе,⁵⁹ а Nov. 106;⁶⁰ ЕРА 11.13 — о запрете заимодавцу брать землю в ипотеку при займе крестьянами денег, статья основана на 32-й новелле Юстиниана, но через посредство схолии Феодора Гермипольского.⁶¹

Дело в том, что ипотека как форма кредита, денежной или вещной ссуды, представлявшейся под залог недвижимого имущества (главным образом, земли) была широко распространенным в Византии явлением. Согласно Дигестам (D. 13.7.9.2), при ипотеке должник формально сохранял право собственности на землю, отдаваемую под залог, но фактически он находился на положении арендатора, выплачивая кредитору арендную плату в форме процентов (норма годового процента была установлена 32-й новеллой Юстиниана и равнялась одной восьмой части модия при займе плодов и одного кератия с номисмы при денежном займе). Неуплата процентов по ипотечной задолженности в срок влекла за собой продажу залога со стороны кредитора после трехкратных требований выкупа и предварительной «казенной оценки в письменной форме, заверенной табулярием или экдиком» (Эклога 10.1-2), причем если раньше давалась отсрочка в 2 года между требованием о выкупе и продажей, то Эклога разрешает продажу залога без установления отсрочки.⁶² При уплате же долга залог (в том числе и земельный) должен был быть возвращен крестьянам.

Вопреки этой практике, санкционированной, в частности, и гл. 67 Земледельческого закона, 32-я но-

⁵⁹ См., например: *Липшиц Е. Э.* Законодательство. С. 31.

⁶⁰ *Matsis N. P.* Ζητήματα βυζαντινοῦ δικαίου. Ἐκδ. Β'. 1976. Σ. 9–11.

⁶¹ *Липшиц Е. Э.* Законодательство. С. 33.

⁶² *Matsis N. P.* Ἡ πώλησις τοῦ ἐνεχύρου κατὰ τὴν Ἐκλογὴν τῶν Ἰσαύρων // *ΕΕΒΣ*. 1968. Τ. 36. Σ. 37–44.

велла Юстиниана (которая, впрочем, не упоминает ипотеки, но подразумевает ее) и статья 11.13 Частной Распространенной Эклоги (которая, кстати, иногда интерполировалась в состав Земледельческого закона⁶³ явно с намерением противопоставить ее главе 67) вообще запрещают взятие земли в ипотеку, и это создает трудности с их интерпретацией. Ван дер Валь, комментируя текст новеллы, отмечает, что хотя по ее смыслу закон предписывал реституцию земли крестьянам после возврата ими долга, юристы VI в. толковали закон иначе, а именно в том смысле, что кредитор не мог получить крестьянскую землю в залог долга (*obtenir en gage*).⁶⁴ По мнению Е. Э. Липшиц, формулировка статьи Частной Распространенной Эклоги идет в том же направлении, что и толкование юристов, на которое указал Ван дер Валь. «Если здесь перед нами, — говорит она, — не точное или не непонятое автором употребление юридических терминов, а сознательное изменение смысла закона в связи с изменившимися за три столетия условиями, которые заставили полностью запретить займы под залог земли на условиях ипотеки, то этот факт заслуживает внимания и специального анализа в истории аграрных отношений Византии IX в.»⁶⁵

Не углубляясь в дальнейшую характеристику всех новшеств Частной Распространенной Эклоги по отношению к Эклоге, отметим лишь, что сопоставление норм 17-го пенального титула во всех трех компиляциях (Эклоге, Эклогадие и Частной Распространенной

---

⁶³ Византийский Земледельческий закон. С. 136 (интерполяция VI, 2).

⁶⁴ *Wal van der N. Manuale novellarum Iustiniani. Groningen. Amsterdam, 1964. P. 88.*

⁶⁵ *Липшиц Е. Э. Законодательство. С. 33–34.*

Эклоге) позволяет сделать вывод о большой самостоятельности автора этой последней в подборе дополнительных к Эклоге, но о большой зависимости его от Эклогадия. Поскольку Эклогадий сохранился не полностью, то мы не можем быть уверены, что и в прочих титулах Частной Распространенной Эклоги, которые воспринимаются ныне как весьма самостоятельные по отношению к Эклоге, автор не воспроизводит законоположение Эклогадия.

В заключение несколько слов о «текущем» имперском законодательстве, об издании императорских новелл, в форме которых византийские императоры прежде всего и осуществляли свое монопольное право законодательной инициативы. Пользовались этим правом императоры и в рассматриваемый бурный период истории Византии, хотя состояние источников не дает возможности охарактеризовать подлинные масштабы этой деятельности. Так, сохранились косвенные свидетельства об издании нескольких новелл императором-иконоборцем Львом III Исавром, которые, к сожалению, не дошли до нас.⁶⁶ Зато сохранился текст новелл императрицы Ирины,⁶⁷ одна из которых вопреки общественной и юридической практике Византии и со ссылкой на Евангелие вводит запрет на применение клятвы как одного из видов доказательства в византийском

---

⁶⁶ Мы уже упоминали текст одной из статей Частной Распространенной Эклоги (2. 10), которая считается фрагментом новеллы Льва III. В преамбуле и в некоторых статьях Эклоги содержатся как будто ссылки на собственные новеллы (см., например, Е. 2. 8, 1: *κατὰ τὰ παρ' ἡμῶν ἀρτίως εἰσεβῶς νομοθετοῦμενα*), хотя Бургман не исключает того, что здесь имеется в виду сама Эклога (С. 6).

⁶⁷ Критическое издание: *Die Novellen der Kaiserin Eirene* / Hrsg. von L. Burgmann // FM. 1981. Vol. 4. P. 1–36.

судопроизводстве⁶⁸ и регламентацию заключения и письменного оформления всевозможных юридических сделок, составления табеллионатного документа; другая же — вводит запрет на браки между свободными и рабами, а также на третий и более брак вообще, решая, таким образом, традиционную для византийского гражданского и церковного права тему — тему полигамии. Как известно, в Эклоге этот вопрос трактуется исключительно с точки зрения имущественного и наследственного права, в ней не высказано ясного и недвусмысленного осуждения и запрещения практики многократного вступления в брак, хотя и говорится о «второбрачии», о «втором браке», о «предыдущих браках» (Еcloга, 2 rubr.; 2.7, 10, 11). О том, что подобная позиция авторов Эклоги должна была вызвать отрицательную реакцию византийских юристов, свидетельствует уже рукописная традиция Эклоги;⁶⁹ в лице же императрицы Ирины мы имеем дело с оригинальной точкой зрения на эту проблему.

Стоит, наконец, упомянуть и ту, ставшую в свое время предметом пристального внимания исследователей

---

⁶⁸ О широком распространении клятвы в общественной и юридической практике Византии см.: *Seidl E.* Der Eid im römischägyptischen Provinzialrecht. München, 1933. Bd. 1; *Dölger F.* Der Beweis im byzantinischen Gerichtsverfahren // *La Preuve.* 1965. Т. 16; *Saradi H.* Ὁ ὄρκος στὰ βυζαντινὰ συμβόλαια (9 ος–15 ος) // Τόμος τιμητικὸς Κ. Ν. Τριανταφύλλου. Πάτραι, 1990. Σ. 385–397; *Eadem.* Cursing in the Byzantine Notarial Acts: A Form of Warranty // *Βυζαντινά.* 1994. Т. 17. Σ. 441–533.

⁶⁹ Как отмечает Бургман, некоторые писцы исправляли, например, слова πρότεροι γάμοι на πρότερος γάμος; в некоторых рукописях ко второму титулу Эклоги добавлен 50-й канон Василия, запрещающий третий брак; и т. д. (см.: *Die Novellen der Kaiserin Eirene.* S. 35. Anm. 86).

новеллу «христолюбивых императоров Льва и Константина» (Coll. 1, 26 — согласно ее месту в издании Цахариз фон Лингентала),⁷⁰ которую раньше атрибутировали то Льву IV и Константину VI и датировали 776–780 гг. (Цахариз фон Лингенталь и многие другие⁷¹), то Льву III и Константину V, с датировкой 726–727 гг. (Зимон), а в последнее время с весьма серьезными основаниями относят к Льву V Армянину и его соправителю Константину-Смбату с датировкой 819–820 гг.⁷² Пространная и весьма сложная в юридическом отношении, эта новелла трактует вопрос о консенсуальном расторжении брака по причине духовного родства супругов, которые, желая добиться развода, искусственно создавали это духовное родство тем, что при крещении своих собственных детей выступали их восприемниками, что противоречило 53-му канону Трулльского собора (собор распространил существовавший со времен Юстиниана запрет брака между крестным отцом и крестницей, души которых, согласно С. 5.4.26, соединены *deo mediante* на бракосочетание между крестным отцом и матерью крестницы) и превращало их брак в незаконное сожитительство (*παράνορον συνοικέσιον*). Предусматривались соответствующие наказания для совершивших подобный грех (для состоятельных — имущественные санкции, для несостоятельных — телесное наказание), проводилась де-

---

⁷⁰ Критическое издание новеллы см.: *Simon D. Zur Ehegesetzgebung der Isaurier* // FM. 1976. Т. 1. Р. 16–43 (текст новеллы — Р. 21–29).

⁷¹ В нашей историографии старую атрибуцию Цахариз воспроизводит Е. Э. Липшиц, которая как будто не знает о новом издании новеллы (см.: *Липшиц Е. Э. Законодательство*. С. 15).

⁷² *Kresten O. Datierungsprobleme «isaurischer» Ehrechtsnovellen: I. Coll. I. 26* // FM. 1981. Т. 4. Р. 37–106.

тальная регламентация имущественных последствий развода как для супругов, так и для всех прочих наследников. Восприняв положения 53-го канона Трулльского собора, новелла, в свою очередь, распространила запрет на браки по родству от второй и до четвертой степени (т. е. между братом крестного отца и матерью крестника или крестницы), внося свой вклад в развитие этого сюжета и введя его в имперское законодательство.⁷³

Таким образом, византийское право конца VII – первой половины IX в. не стояло на месте, оно развивалось, но тенденции этого развития были крайне противоречивыми. Дальнейшая вульгаризация права и приспособление его к практическим повседневным нуждам, криминализация частноправовых отношений и христианизация права — вот те наиболее типичные черты, которые отличают данный этап в истории византийского права.

Программа «очищения древних законов»

С восшествием в IX в. на византийский престол императоров Македонской династии начинается новый период в истории византийского права, получивший

---

⁷³ Интересно, что подобного решения проблемы еще не знает знаменитая анонимная гомилия из сборника Клоца, которую Папастатис склонен рассматривать как оригинальное произведение, созданное в ходе кирилло-мефодиевской миссии в Великой Моравии (скорее всего Мефодием), как часть единого корпуса источников, предназначенного для славянских народов. См.: *Papastathes Ch. K. Το νομοθετικὸν ἔργον τῆς κυρίλλου μεθοδιανῆς ἱεραποστολῆς ἐν Μεγάλη Μοραβίᾳ. Θεσσαλονίκη, 1978.*

в историографии название «классицистического»,⁷⁴ эпоха подлинной акмэ в его развитии, широкомасштабных законодательных реформ и кодификационных мероприятий, расцвета юридической мысли, своеобразного «правового бума», ознаменовавшегося появлением целого ряда законодательных сводов, юридических сборников, справочников и пособий, исагогических трактатов. Есть, правда, основания полагать, что как идея подобного рода реформ зародилась задолго до 867 г., так и подготовительные работы для ее осуществления уже были проведены скорее всего в кругах юристов, тяготевших к Фотию, и в стенах основанного Феоктистом и Вардой «университета», ректором и профессором которого Фотий был.⁷⁵ Заслуга императоров Македонской династии лишь в том, что они поняли насущность задачи, восприняли идею правовой реформы и освятили все это авторитетом имперской власти, удостоившись ореола императоров-законодателей, равных Юстиниану.

Юристами была задумана и разработана грандиозная программа «очищения древних законов» (*ἀνακάθαρσις τῶν παλαιῶν νόμων*), суть которой отнюдь не сводилась к «очищению» права от наслоений исаврийской эпохи, как иногда полагают.⁷⁶ Она была значительно

---

⁷⁴ Pieler P. E. Byzantinische Rechtsliteratur // Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 2. S. 445–472.

⁷⁵ Ср. аналогичное мнение: Svoronos N. Storia del diritto e delle istituzioni // La civiltà bizantina dal IV al IX secolo. Bari, 1977. P. 182, 195.

⁷⁶ См., например: Луншиц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в IX–XI в. Л., 1981. С. 60, 85; Pieler P. E. Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen in Byzanz // Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen. München, 1981.

шире и заключалась в пересмотре и классификации всего писаного правового наследия, прежде всего содержащегося в *Corpus Iuris Civilis*, с точки зрения его применимости в новых исторических условиях, отмены устарелых законов и устранения противоречий в законах, остающихся в силе, «эллинизации» юстиниановых законов, т. е. их перевода в греческую языковую систему и окончательного упразднения всех остатков латинской юридической терминологии. Речь фактически шла о замене латинского юстиниановского корпуса греческим корпусом законов, о создании «греческого Юстиниана».

Сопоставляя все достаточно противоречивые данные источников, но не входя в детали связанных с этим источниковедческих проблем, можно, на наш взгляд, следующим образом представить обобщенную картину хода реализации этой программы: предусматривались своего рода «программа-максимум» и «программа-минимум». Первая из них была рассчитана на создание универсального свода действующих законов (*τὸ πλάτος*), своеобразной энциклопедии права, — план, который в конце концов привел к созданию *Василик* (*τὰ Βασιλικά*, sc. νόμια), шести- или четырехтомного (по делению материала в новейшем критическом издании — восьмитомного) собрания законов в 60 книгах, полностью завершено только при Льве VI Мудром, а еще позднее обогащенного несколькими томами «старых» и «новых» схолий.⁷⁷ Именно поэтапным

S. 682; *Idem*. Ἀνακάθαρσις τῶν παλαιῶν νόμων und makedonische Renaissance // *Subseciva Groningana*. 1989. Vol. III. P. 61–77.

⁷⁷ *Basilicorum libri LX: Series A (Textus)*. Groningen, 1953–1988. Vol. I–VIII; *Series B (Scholia)*. Groningen, 1953–1985. Vol. I–IX / Ed. H. J. Scheltema, N. Van der Wal, D. Hol-

складыванием этого «платоса» (в настоящее время господствует теория о трех «изданиях» или редакциях памятника) объясняется тот смущающий исследователей факт, что уже в ходе работы над ним о нем сообщалось (например, в предисловии к Исагоге) как о завершенном и состоящем не из 60, а из 40 книг. Далее всякий раз оказывалось, что работа нуждалась в продолжении.

За основу свода Василик (как с точки зрения его структуры, так и по источникам) взят юстинианов *Corpus Iuris Civilis*, но не непосредственно, а опять же через использование существовавших уже греческих

---

werda. Завершившееся в 1988 г. опубликованием последнего тома новое фундаментальное 17-томное издание Василик явилось одним из наиболее значительных научных проектов в нынешнем правовом византиноведении. Разумеется, работа над сводом продолжается и сейчас: проблемы восстановления утраченных разделов занимают Ван дер Валя и М. Т. Фэген, проблемы датировки — А. Шминка, проблемы работы схолиастов над Василиками — Л. Бургмана и Б. Штольте (см.: *Van der Wal N. Probleme bei der Restitution verlorener Basilikenbücher // Subseciva Groningana. 1989. Vol. 3 [Proceedings of the Symposium on the Occasion of the Completion of a New Edition of the Basilica, Groningen. 1–4 June, 1988]. P. 143–154; Fögen M. Th. Legislation und Kodifikation des Kaisers Leon VI // Ibid. P. 23–35; Schminck A. «Frömmigkeit ziere das Werk»: Zur Datierung der 60 Bücher Leons VI // Ibid. P. 79–114; Burgmann L. Kalokyros «Sextos»: Anmerkungen zu einem Basilikenscholiasten // Ibid. P. 11–21; Stolte B. N. Balsamon and Basilica // Ibid. P. 115–125). Об издании см. также: *Lokin J. H. A. Habent sua fata Basilica: On the Occasion of the Completion of the Groningen Basilica Edition // Ibid. P. 1–10; Медведев И. П. К завершению нового издания Василик // ВВ. 1991. Т. 52. С. 273–274.**

обработок и комментариев. Так, Институции были использованы через посредство Парафразы Феофила (следует, правда отметить, что из Институций, назначение которых было скорее служить школе, чем юридической практике, редакторами Василик было заимствовано совсем немного⁷⁸); Дигесты — через посредство Эпитомы Анонима, которого отождествляют с Энантиофаном, автором схолий к Василикам и первой редакции Номоканона в XIV титулах⁷⁹ (те места Дигест, которые пропущены у Анонима, взяты редакторами Василик у других комментаторов Дигест, в частности у Кирилла, Дорофея и Стефана); Кодекс — через посредство главным образом комментария Фалелея (в некоторых случаях использовался комментарий Анатолия), греческие же конституции Кодекса вошли в Василики в их подлинном виде, хотя и не полностью: опущены многие конституции по церковному, семейному и наследственному праву как измененные и отмененные позднейшими новеллами Юстиниана, а также все конституции, относившиеся к отдельным провинциям, уже не принадлежавшим Византийской империи во времена императоров Македонской династии. Так же обстояло дело с греческими новеллами, которые заимствовались из сборника 168 новелл; что же касается латинских новелл, то они включались в Василики в сокращениях Феодора или Афанасия.⁸⁰

---

⁷⁸ *Азаревич Д.* История византийского права. Ярославль, 1877. Т. 2. С. 72–73.

⁷⁹ *Svoronos N.* Storia del diritto. P. 185.

⁸⁰ Результаты работы выдающихся юристов прошлого по выявлению источников Василик хорошо отражены в книге: *Азаревич Д.* История византийского права. С. 68–83. См. также: *Wal van der N.* Der Basilikentext und die griechische Kommentare des VI Jahrhunderts // *Sunteleia V.* Arangio-Ruiz. Napoli, 1964. S. 1158–1165.

Налицо, таким образом, сознательный и продуманный отбор и обработка материала, в результате чего из книг Юстинианова законодательства возникло новое, составленное по единому плану, самостоятельное произведение. Конечно, это не простое повторение Юстинианова права: «Василики вдохновляются им, но демонстрируют право обработанное, которое они пытаются, насколько это возможно, приспособить к эпохе, отличной от эпохи Юстиниана».⁸¹

Оригинальность и своеобразие нового свода состояли в особом способе эксцерпирования старого законодательства, изменяемого путем всякого рода интерполяций, сокращений и дополнений, в упразднении всех остатков латинской юридической терминологии, которой были испещрены использованные редакторами Василик сочинения антецессоров, и в ее замене греческими эквивалентами,⁸² — дело совсем не столь уж легкое, как может показаться на первый взгляд, к тому же совсем еще не изученное и не оцененное в должной мере.

Что же касается тематического распределения материала в этом обширном «платосе», то вначале (после книги первой, посвященной св. Троице и православию) идут общие теоретические принципы права (кн. 2); затем — каноническое право, касающееся организации Церкви и устройства церковных дел (кн. 3–5); право, регулирующее функционирование государственных институтов, организацию и деятельность судов, право процессуальное и исковое (кн. 6–8); далее следует наиболее крупный раздел — частное пра-

⁸¹ *Svoronos N. Storia del diritto.* P. 185.

⁸² *Луншиц Е. Э. Законодательство.* С. 193; *Pieler P. E. Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen in Byzanz.* S. 683–684.

во (кн. 10–53), трактуемое в духе Эклоги и удаления от юридического формализма (обручения, брака и т. д.); военное право (кн. 54–57), после которого составители снова возвращаются к праву гражданскому, уделяв внимание правовому регулированию сервитутов (кн. 58), смерти и захоронений (кн. 59); завершается свод разделом уголовного права, аналогичным Эклоге (кн. 60).

Старый и явно затянувшийся спор ученых о том, для каких целей был предназначен свод Василик (для школьного образования и научной интерпретации законов или для использования в текущей юридической практике)⁸³ представляется нам не лишенным известной схоластичности. Как универсальный свод действующего права, как энциклопедия права, Василики могли и должны были отвечать и той и другой цели. Конечно, платос давал прекрасные возможности для юридической экзегезы, предоставляя в распоряжение юристов всю совокупность унифицированного права. Как и всякая кодификация такого масштаба, Василики, несмотря на произведенный отбор материала, имели свою «историческую» часть, содержащую древние законы и аналогичную Дигестам. Разобраться в том, какие аспекты того или иного закона выходят из употребления и какие остаются в силе, по возможности снять те мнимые и реальные противоречия, которые

---

⁸³ *Липшиц Е. Э.* Законодательство. С. 67. О дискуссии по этому поводу в советской историографии см.: *Липшиц Е. Э.* Несколько замечаний о Василиках как источнике // ВВ. 1958. Т. 14; *Сюзюмов М. Я.* Василики как источник для внутренней истории Византии // Там же. Из современных зарубежных исследователей, отрицающих практическое значение Василик, можно назвать Звороноса (*Svoronos N.* Storia del diritto. P. 184) и Пилера (*Pieler P. E.* Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen in Byzanz. S. 684).

все же в достаточном количестве имелись в Василиках, — все это входило в компетенцию юриспруденции.⁸⁴ Доказывается эта функция Василек еще и тем фактом, что уже вскоре после своего обнародования они обросли катенами — «старыми» и «новыми» схолиями. И если старые, представляя собой извлечения из творений юристов эпохи Юстиниана, вообще, пожалуй, не могут считаться схолиями в собственном смысле слова, ибо были составлены совсем не к тому тексту, при котором находятся и к которому присоединены (возможно, по указанию Константина VII Порфирородного или по крайней мере во время его правления) спустя почти 300 лет после их возникновения,⁸⁵ то новые действительно являются продуктом осмысления текста Василек юристами XI–XII вв. (среди составителей новых схолий встречаются имена таких известных юристов, как Иоанн Номофилак-Ксифилин, Константин Никейский, Гарида, Евстафий, Калокир Секст, Патцис, Григорий Доксопатр, Агиофеодорит).

Но в то же время Василики содержали позитивное право, включающее в себя законы бесспорно действующие и имеющие императивный характер. Проделанная Е. Э. Липшиц работа по анализу большого числа сведений, которые содержатся в описании судебной практики члена Высшего суда Константинополя магистра Евстафия Ромея, убеждает в том, что Василики наряду с Прохионом и новеллами IX–XI вв. были основным авторитетным законодательным источником.⁸⁶ Впрочем, в сборнике описаний его судебных про-

---

⁸⁴ Ср.: *Svoronos N. Storia del diritto*. P. 200–201.

⁸⁵ *Pieler P. E. Byzantinische Rechtsliteratur*. S. 463. Anm. 186.

⁸⁶ *Липшиц Е. Э. Законодательство*. С. 121–173.

цессов и постановлений, известном под названием «Пира» (Опыт), этот юрист прямо и недвусмысленно утверждает, что все законы, содержащиеся в Василиках, действительны и применимы на практике, даже те, которые кажутся противоречащими друг другу, и «ничто из того, что содержится в текстах Василик, не было отменено» (οὐδὲν γὰρ τῶν κεκμένων ἐν τοῖς Βασιλικαῖς εἶναι τῶν ἀνηρημένων).⁸⁷

Конечно, необъятность платоса была серьезным препятствием на пути использования Василик в широкой юридической практике, их «тиражирования» (до нас ведь, в сущности, не дошло ни одной рукописи с полным, в 60 книгах, текстом Василик), поиска в них нужного материала. Именно с целью преодолеть эту трудность и облегчить практическое применение Василик стали создаваться справочные пособия типа синопсисов, т. е. обзоры содержания Василик, построенные в алфавитном порядке по предметному принципу (см., например, так называемый «Большой синопсис» X в.)⁸⁸, а также указатели к Василикам, в частности, составленный в конце XI в. судьей Патцисом

---

⁸⁷ Peira // *Ius Graeco-romanum* / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856. Vol. 1. P. 244 (51,16).

⁸⁸ *Synopsis Maior Basilicorum* // *Ibid.* Lipsiae. 1869. Vol. 5. См. исследование: *Svoronos N. G. La Synopsis Maior des Basiliques et ses Appendices*. Paris, 1964. Памятник назван издателями «Большим» по отношению к другому аналогичному синопсису — *Synopsis Minor*, XIII в., в котором, как теперь доказано Ст. Перентидисом, на 3/4 использован в качестве источника юридический труд Михаила Атталиата, а не Василики, как думали раньше см.: *Perentidis St. Recherches sur le texte de la Synopsis minor* // *FM*. 1984. Vol. VI. P. 219–273; *Idem. L'empereur né le jour de Pâque: Michel IX Paléologue et la date de la Synopsis minor* // *Ibid.* 1986. Vol. VII. P. 253–257.

указатель под заглавием «Типукейтос», т. е. «что где находится»,⁸⁹ и обширный по объему анонимный памятник (так называемая «Эклога Василик»), который представляет собой снабженные интереснейшими схождениями неизвестного византийского юриста выдержки из первых десяти книг Василик.⁹⁰

И все же более радикально и более естественно эта проблема решалась в ходе выполнения тех намеченных мероприятий, которые мы назвали «программой-минимум». Имелось в виду (параллельно с реализацией растянувшейся на десятилетия «программы-максимум») создание в срочном порядке компактного и общедоступного законодательного сборника, в котором было бы сосредоточено все самое необходимое для отправления правосудия.

В результате предпринятого в недавнее время пересмотра ранее господствовавших в историографии весьма противоречивых и ошибочных представлений о проведении в жизнь этого плана⁹¹, картина рисуется следующей. В 885 или даже, скорее всего в 886 г. комиссией, возглавляемой патриархом Фотием, был разработан сборник, названный Исагогой (Ἰσαγωγή), то есть, собственно говоря, «Введением» (в истории науки он, впрочем, долгое время по недоразумению числился «Эпанагогой»), и опубликованный от лица царствовавших «всеблагих и миротворящих императоров» Васи-

---

⁸⁹ Tipukeitos sive librorum LX Basilicorum summarium / Ed. C. Ferrini, G. Mercati, F. Dölger, S. Hoermann, E. Seidl (Studi e testi, NN 25, 51, 107, 179, 193). Città del Vaticano, 1914–1957. Vol. I–V.

⁹⁰ Критическое издание: *Ecloga Basilicorum* // Hrsg. von L. Burgmann. Frankfurt a/M., 1988. 622 S.

⁹¹ *Schminck A. Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern*. Frankfurt a/M., 1986. XXXV. 152 S.

лия, Льва и Александра.⁹² Материал в сборнике подразделяется на 40 титулов (в соответствии с числом книг «платоса», подчеркнуто в предисловии) и имеет следующий порядок расположения: сначала речь идет об основах права и правосудия (тит. 1); затем излагается учение об императоре, патриархе и высших чинах административной иерархии (эпархе города, квесторе и др. — тит. 2–7); о назначении и рукоположении епископов и других чинов церковной иерархии (тит. 8–10); о судах, свидетелях и документах (тит. 11–13); о помолвке и браке (тит. 14–17, 21); о приданом и дарениях между мужем и женой (тит. 18–20); о типах юридических сделок (тит. 22–28); о завещаниях (тит. 29–33); о строительстве и соседском праве (тит. 39); о преступлениях и наказаниях (тит. 40).

Таким образом, содержание сборника в общем и целом традиционно, включая процессуальное, частное (имущественное, брачно-семейное, наследственное), обязательственное и уголовное право, но за одним фундаментальным исключением: сборник содержит единственный в своем роде и не находящий соответствия ни в древних источниках, ни в византийской правовой традиции публично-правовой раздел, касающийся власти светской и духовной и ее представителей — императора и патриарха (см. выше). Ясно, что из-за отмеченного нами «нонконформизма» всех этих идей Фотия с его явным стремлением ограничить власть императора, оградить от ее посягательств церковную сферу, находившуюся в компетенции патриарха, возвысить и эмансипировать власть последнего,⁹³ у Исагоги

⁹² Epanagoge (corrigendum: Eisagoge!) Basilii, Leonis et Alexandri / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1852.

⁹³ Troianos S. N. 'Ο Μέγας Φώτιος καὶ οἱ διατάξεις τῆς «Εἰσαγωγῆς» // Ἐκκλησία καὶ Θεολογία. 1989–1991. Τ. 10. Σ. 489–504.

с самого начала не было шансов получить прочный статус официального законодательного сборника, пользующегося поддержкой государственной власти, а в лице императора Льва VI Исагога вообще получила своего безжалостного ревизора и цензора. Последней каплей, переполнившей чашу терпения императора, оказалась оппозиция церковников его намерению вступить в четвертый брак, причем они не только воспротивились этому, но и вынудили императора дать обещание издать закон, запрещающий четвертый брак и как бы осуждающий его собственное поведение. Решив использовать случай, Лев VI, однако, не стал издавать отдельной новеллы, которая неизбежно заострила бы внимание общественности на проблеме и воочию показала бы всем, что своим вступлением в четвертый брак император продемонстрировал свое пренебрежение как церковными канонами, так и самим им введенными светскими законами. Он поручил (вероятнее всего в феврале 907 г.) какому-то своему сподвижнику-юристу (возможно, будущему компилятору Эпитомы) подготовить проект нового законодательного сборника, в котором можно было бы «утопить» новый закон с запретом четвертого брака, удовлетворив тем самым церковников, но в то же время путем коренной переработки Исагоги (а именно элиминации всех принадлежащих Фотию и ущемляющих права императора предписаний) ограничить влияние церкви на светское право. У опытного юриста такого рода работа не потребовала много времени и могла быть легко выполнена за несколько месяцев в течение 907 г. А вскоре после составления 40 титулов нового сборника (самое позднее в начале 908 г.) самим Львом VI была написана (несомненно, под влиянием «проимия» к Эклоге) преамбула к нему, причем в интитуляцию ее с упоминанием имен императоров, от лица которых сборник

был опубликован, наряду с царствовавшими тогда Константином и самим Львом был для придания большего авторитета включен (причем, на первом месте!) и уже покойный император Василий I⁹⁴.

Так, согласно новейшей интерпретации⁹⁵, появился знаменитый в истории всей византийской правовой литературы Прохирон — фактическое творение Льва VI, в котором церковное влияние сведено до минимума, — компиляция, свободная от всех тех «недостатков» (с точки зрения императорского суверенитета), которыми изобиловала Исагога.

В своем предисловии Лев VI, воздав должное законности («великой для людей пользе от законов») и отметив накопленное к его времени бесконечное множество писанных законов («а отсюда и труд по их изучению внушает многим страх») и необходимость всеобщего правового образования, так формулирует свою задачу: искоренить из сознания людей страх перед законами, сделать усвоение законов более доступным, для чего рассмотреть всю совокупность писанных законов и «из каждой книги избрать самое необходимое, наиболее полезное и чаще отыскиваемое и все это по главам письменно изложить в данной ручной книге законов, почти ничего не опустив из того, что должно быть закреплено в знании многих». Следует краткое, но точное изложение объема и характера проделанной с этой целью работы: «Мы привели свод законов к соразмерности, переложили сочетания латинских терминов на язык

---

⁹⁴ Поскольку новый законодательный сборник (= Прохирон) по существу был лишь новой редакцией Исагоги, то и Василий I рассматривался как его «соавтор». К тому же упоминание его имени в инскрипции диктовалось требованиями тринитарной теологии (см.: *Schminck A. Studien*. S. 103).

⁹⁵ *Schminck A. Studien*. S. 100–103.

Эллады, учинили восстановление нарушенных законов, а некоторые из нуждающихся в исправлении с пользой исправили, а также позаботились сделать новые узаконения о том, о чем не было издано закона, чтобы кроме ясного, краткого и правильного плана (в расположении материала) не ускользнуло от нас и пропущенное в законах. Собравши этот материал в целом в 40 титулах, мы осуществили санкцию этого законодательства. Если же написанное нами все же содержит какой-либо пропуск (ибо невозможно в таком сокращенном издании охватить все содержание множества книг), то лицам особенно прилежным следует черпать знание искомого в своде законов, только что подвергнутом нами очищению»⁹⁶.

Интересны те строки предисловия (ст. 65 сл.), в которых затронут вопрос об отношении к Исагоге (раньше они считались относящимися к исаврийской Эклоге), разумеется, в духе ее резкого осуждения. «Так как нечто подобное было уже предпринято неким (т. е. Фотием? — *И. М.*) и для наших предшественников, — говорится в предисловии, — могут, пожалуй, сказать, зачем, мол, мы, не довольствуясь тем сокращенным изданием (т. е. Исагой. — *И. М.*), приступаем к данной второй выборке. Должно, однако, знать, что этот так называемый энхиридий по воле его составителя оказался скорее не выборкой, а извращением»⁹⁷ пре-

---

⁹⁶ См. критическое издание предисловия к Прохирону: *Schminck A. Studien. S. 56–60.*

⁹⁷ Именно эти выражения — «δευτέρα ἐκλογή» и «οὐκ ἐκλογή μᾶλλον ἢ ἀντροπή» — вводили долгое время исследователей в заблуждение, заставляя предполагать, что речь здесь идет об исаврийской Эклоге и Прохироне как «второй Эклоге». Эклогами, т. е. «выборками» (из юстиниановых законов) назывались, однако, наряду с исаврийской

красно установленных законов. Каковой для государства бесполезно и неразумно сохранять... Поэтому прежний энхиридий был отменен уже нашими предшественниками, хотя и не весь целиком, но насколько то было нужно». Налицо принципиальный отказ от Исагоги, означавший и ее официальную отмену. Парадокс, однако, в том, что как сама Исагога (правда, обросшая схолиями, содержащими ее резкую критику и добавленными позднее, с учетом нововведений Прохирона, которые рассматривались схолиастом как предписания «нашего императора», т. е. Льва VI), так и ее многочисленные частные переработки получили широкое распространение и послужили правовым источником для позднейших юридических компиляций.

Что касается Прохирона, то его составителю при пересмотре Исагоги пришлось постоянно соотноситься с текстом всех 60 книг Василия, а также с текстом Эклоги. В сборник вошли новые законоположения Василия I, некоторые другие материалы. Общее же содержание, заключавшее в себе не только светское право (законы гражданские, уголовные, отчасти процессуальные), но и церковное, распределялось по 40 титулам в следующем порядке: о браке⁹⁸ и приданом (тит. 1–11), об обязательствах (тит. 12–20), о наследственном праве по преимуществу (тит. 20–37), о частных и публичных

Эклогой и многие другие памятники, в частности Эпитома, Большой синопсис Василия, сами Василики, Земледельческий закон и т. д. (*Schminck A. Studien. S. 64*).

⁹⁸ Помещение в самом начале сборника разделов, посвященных брачному праву, известное уже Эклоге, специально обосновано заключительной фразой предисловия к Прохирону: «Начало же настоящей книги положено тем, откуда и наша природа ведет свое начало» (*Ibid. S. 60. Z. 82–83*).

постройках (тит. 38), о преступлениях и наказаниях (тит. 39), о военной добыче (тит. 40). По полноте и всесторонности юридического материала Прохирон, таким образом, явно превосходит Эклогу, хотя в трактовке некоторых вопросов брачного имущественного права (отмечается, например, вновь введенное Прохионом различие между опекой и попечительством, бывшее уже анахронизмом в VI в., а также другие изменения, связанные с отменой более прогрессивных норм, установленных Эклогой) он сделал «большой шаг назад» по сравнению с ней.

Неким побочным продуктом реализации «программы-максимум» очищения древних законов был еще один весьма интересный и своеобразный, но, к сожалению, не дошедший до нас в своем подлинном виде памятник, а именно тот «том» (τεῦχος), о котором сообщается в предисловии к Прохиону⁹⁹; в нем было заключено «все отвергнутое», т. е. законоположения, в ходе ревизии старого законодательства по тем или иным причинам признанные устарелыми, отмененными и потому исключенными из свода действующих законов, а для наглядности — сведенными в единый особый корпус, «дабы для всех была ясно и отчетливо видна их бесполезность». Безусловно, имелась в виду «бесполезность» с точки зрения их применимости в юридической практике данного времени, с исторической же точки зрения этот памятник должен был представлять значительный интерес. Наличие такого «тевхоса» не было лишено смысла и в практическом отношении, так как владелец какой-либо рукописи «старых» законов при его помощи мог проверить, была ли еще действующей та или иная норма.¹⁰⁰

⁹⁹ Schminck A. Studien. S. 60. Z. 78–79.

¹⁰⁰ Pieler P. E. Byzantinische Rechtsliteratur. S. 453.

Загадочно и исчезновение «тевхоса». Возможно, эта книга устарелых законов растворилась в сборнике Новелл Льва VI Мудрого,¹⁰¹ который подверг ее ревизии и на ее основе издал собственную книгу «исправительных декретов». Ведь подобным же образом и те части «платоса», которые вполне оформились уже при Василии I Македоняnine, не дошли до нас, да и не могли прийти, так как растворились в окончательной редакции Василия VI, не получив самостоятельного бытия в рукописной традиции.

Казалось бы, выдающаяся роль Льва VI Мудрого в проведении правовой реформы в Византии бесспорна, тем более, что пристальное внимание исследователей привлекли и его новеллы. Помимо уже отмеченных работ Шминка, интереснейшие наблюдения о соотношении новелл Льва VI с Василиками сделала М. Т. Фэген, согласно которой по крайней мере некоторые новеллы (числом до 20–29) были изданы не после кодификации, как считается, а до нее, о чем свидетельствуют и «следы» их влияния на Василики,¹⁰² представляя собой своего рода дополнительное средство в создании Василия.

Сборник из 113 новелл Льва VI охватывает широкий круг вопросов, касающихся церковного¹⁰³ и брач-

---

¹⁰¹ А. Шминк, как известно, вообще склонен отождествить эти два памятника (*Schminck A. Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern*. S. 66), но я понимаю Ж. Даргона, который усомнился в этом: *Dagron G. Lawful Society and Legitimate Power: ἔννομος πολιτεία, ἔννομος ἀρχή // Law and Society in Byzantium: Ninth-Twelfth Centures*. Washington, 1994. P. 42. N. 68.

¹⁰² *Fögen M. Th. Legislation und Kodifikation des Kaisers Leon VI // Subseciva Groningana*. 1989. Vol. 3. P. 23–35.

¹⁰³ См., например: *Parayanni E., Troianos S. Ἡ νεὰρὰ 17 Λέοντος τοῦ Σοφοῦ καὶ μία ἐπιτομή της // Βυζαντινὰ Μελέται*. 1988. Τ. 1. Σ. 3–22 (о возможности участия в таинстве евхарис-

ного права, семейно-имущественных отношений¹⁰⁴, наследственного, обязательственного, процессуального и уголовного права, регламентации городского строительства. Широкую известность снискали новеллы, содержащие «рабское законодательство», с их общей тенденцией уменьшения замкнутости рабского состояния, расширения путей выхода из рабства, смягчения различий в статусе между рабами и близкими к ним по своему положению угнетенными, но юридически свободными людьми, хотя рабство как институт оставалось для Льва VI нерушимым¹⁰⁵. Характерной чертой сборника новелл Льва VI признается господство в них критического отношения к старому и вообще писаному официальному праву, мысль о постоянно меняющихся условиях жизни и необходимости приближения старого законодательства к новым условиям, акцентирование внимания законодателя на расхождении официального императорского законо-

---

тии женщин во время родов и крещения младенцев на восьмой день после рождения; подчеркивается, что «новелла 17 составляет образец прогрессивных и реалистических воззрений Льва VI». Там же. С. 20); *Troianos S. N.* Ἡ νεαρά 54 Λέοντος τοῦ Σοφοῦ γιὰ τὴν ἀργία τῆς κυριακῆς καὶ οἱ πηγές της // Τόμος τιμητικὸς Κ. Ν. Τριανταφύλλου. Πάτριαι, 1990. Σ. 119–127 (об источниках, использованных Львом VI в его новелле о воскресении как дне выходном).

¹⁰⁴ *Fögen M. Th.* Leon liest Theophilos: Eine Exegese der Novellen 24–27 des Kaisers Leon VI // *Subseciva Groningana*. 1990. Vol. 4. P. 83–97 (проницательный анализ четырех новелл Льва VI, трактующих отношения между родителями и детьми — усыновление, запрет на брак между усыновленными детьми и своими собственными, *patria potestas*).

¹⁰⁵ *Липшиц Е. Э.* Законодательство и юриспруденция. С. 104.

дательства с обычным правом и столь необычное для консервативной Византии (особенно в устах императора) признание за обычаем его преобладающей в сравнении с писанным законодательством роли в общественной и частной сферах жизни византийского гражданина, признание, особенно отчетливо сформулированное Львом VI в предисловии к сборнику, в новелле 18, и подкрепленное в ходе рассмотрения конкретных правовых вопросов (из 21 случая расхождения писаного закона с обычаем в 16 отдано предпочтение обычаю и только в 5 или 6 — закону)¹⁰⁶, — словом, все то, что делает, казалось бы, оправданным вывод исследователей о Лье VI как «не консерваторе, а новаторе»¹⁰⁷.

Тем более неожиданен приговор, вынесенный Льву VI в последнее время весьма компетентной в его творчестве Марией-Терезой Фэген, как «совершеннейшему лентяю» в области текущего законодательства¹⁰⁸, который к тому же, настаивая, что контрактам не обязательна пенальная клаузула и что они действительны,

---

¹⁰⁶ *Michaelidès-Nouaros G.* Les idées philosophiques de Léon le Sage et son attitude envers les coutumes // *Mnemosynon P. Bizoukides.* Athènes, 1960. P. 33, 43, 45 sq.; *Idem.* Quelques remarques sur le pluralisme juridique en Byzance // *Βυζαντινά*, 1977. Т. 9. P. 427, 429; *Lokin J. H. A.* The Significance of Law and Legislation in the Law Books of the Ninth to Eleventh Centuries // *Law and Society in Byzantium.* P. 84–90.

¹⁰⁷ *Сюзюмов М. Я.* Экономические воззрения Льва VI // *ВВ.* 1958. Т. 14.

¹⁰⁸ *Fögen M.* Th. Gesetz und Gesetzgebung in Byzanz // *Ius Commune.* 1987. Vol. 14. P. 151 (оставшаяся мне недоступной, эта работа цитируется в: *Simon D.* Legislation as Both a World and Legal Order // *Law and Society in Byzantium.* P. 22).

если снабжены постановкой святого креста (символическая подпись сторон), тем самым «демонстрирует свое заведомое незнание доктрины римского права, будучи не сведущим в том, кто контракты, писанные или неписанные, с крестом или без него, действительны в силу консенсуса сторон».¹⁰⁹ Может быть, и здесь (как и в случае с Львом III) «из необходимости рождается добродетель» (незнание законов побуждает к собственному законотворчеству)? Вопрос, по-видимому, остается спорным.

Как бы то ни было, законодательство императоров Македонской династии означало последнюю широкомасштабную правительственную инициативу в области права, а Василики — последнюю официально обнародованную кодификацию византийцев. В дальнейшем византийская правовая мысль двигалась главным образом в русле частной инициативы, систематизации материала и его эпитомирования, схолирования и глоссирования. Именно так в изучаемый период возникло большинство частных правовых сборников типа *Epitome legum* (выборки из более древней Эпитомы, которую автор скомбинировал с Прохионом)¹¹⁰, *Leges fiscales* (компиляции норм фискального и соседского права, заимствованных из сочинений антецесоров), старых и новых схолий к Василикам, выборок из Василик и синопсисов к ним, бесчисленных перера-

---

¹⁰⁹ *Fögen M. Th. Legislation in Byzantium: A Political and a Bureaucratic Technique // Law and Society in Byzantium. P. 66.*

¹¹⁰ О новейших датировках этого памятника, из которых наиболее убедительной представляется датировка С. Трояноса (913/914 г.), см.: *Troianos S. N. Η προβληματική της νομικής γραμματείας την εποχή του Πορφυρογέννητου κατά τη νεώτατη έρευνα // Κωνσταντίνος Ζ΄ ο Πορφυρογέννητος και η Έποχή Του. Αθήνα, 1989. Σ. 99–101.*

боток Эклоги, Прохирона и Исагоги (или же комбинаций из этих трех сборников), анонимных трактатов («о голых договорах», «о пекулиях», «о кредитах»), «Синописа законов», и других юридических сочинений Михаила Пселла (его исагогических трактатов о новеллах Юстиниана, об отношении юриспруденции к философии, о возникновении обязательств, о делении исков и т. д.), основательного юридического труда Михаила Атталиаты, составленного по поручению Михаила VII и обнаруживающего солидные познания автора о праве Василик и новелл, а также об историческом развитии права и государства со времен римской республики и вплоть до Василик, — расцветшая пышным цветом юриспруденция, но все это на уровне более или менее широкой эрудиции, без достаточно глубокой и самостоятельной научной обработки правового материала.

Право в эпоху латинского владычества

Захват Константинополя в 1204 г., распад империи и образование на ее обломках целого конгломерата латинских государств (Латинская империя, Кипрское королевство, Ахейское княжество, Афинское герцогство, герцогство Архипелага и др.), а также государств греческих (Никейская и Трапезундская империи, Эпирское княжество) породили чрезвычайно сложную и своеобразную социально-политическую и культурно-идеологическую обстановку.

Дело в том, что завоеватели отнюдь не принесли с собой в завоеванные земли каких-либо прогрессивных форм социальной организации общества или ведения экономики. Рыцари Шампани, Бургундии, Франш-Конте, Ломбардии, Тосканы повсюду насаждали феодализм западноевропейского толка, образовав достаточно примитивно организованную, замкнутую в себе

систему господствующего класса, изолированную от автохтонного населения. Не отставали в этом отношении от рыцарей и завоеватели «городского происхождения» — венецианцы, каталаны, генуэзцы, внедрявшие на завоеванных территориях некий род «городского феодализма». ¹¹¹ Так, отпрыски знатных венецианских фамилий (Гизи, Санудо и др.) основали герцогство на островах Эгейского моря, организованное на феодальной основе. При этом лишь в некоторых местах (прежде всего во Франкской Морее) наблюдалась относительная интеграция византийской знати (архонтов и архонтопулов) в составе латинской социальной элиты, но и здесь подлинного слияния не произошло. ¹¹²

С особой силой «психологическая несовместимость» завоевателей и завоеванных проявилась именно в области права, и это естественно, если принять во внимание исторически сложившиеся различия в концепциях права и государства в Западной Европе и в Византии. В начале XIII в. западноевропейские рыцари-крестоносцы явились на Левант, конечно же, носителями совершенно чуждого византийцам сознания и мышления, точно так же, как мышление последних с их приверженностью к казуистике частного римского права

---

¹¹¹ *Jacoby D. Les Etats latins en Romanie: phénomènes sociaux et économiques (1204–1350) // XVe Congrès Intern. d'Etudes byzantines, Rapports, I. Athènes, 1976. P. 19, 23.*

¹¹² Главный итог XV Международного конгресса византистов (Афины, 1976 г.) в том между прочим и состоит, что было убедительно доказано отсутствие какого бы то ни было «латино-греческого симбиоза», особенно в политической и культурной сферах. См., например: *Литаврин Г. Г. Проблема симбиоза в латинских государствах, образованных на территории Византии // Actes du XVe Congrès International d'Etudes byzantines. Rapports, II. Athènes, 1976.*

не могло быть не чуждым феодалам Запада. И совершенно логичным с их стороны было то, что они, «не мудрствуя лукаво», почти повсеместно стали создавать свои своды феодальных законов, взяв за основу появившийся еще раньше (при Годфруа) в Иерусалимском королевстве свод феодальных законов, известный под названием «Иерусалимские ассизы».

Правда, в отношении Латинской империи этот тезис в последнее время пересматривается. Не без основания считаются недостоверными сведения, содержащиеся в «Ассизах Романии» и в «Морейской хронике» (памятники XIV в.), о том, что обычаи империи Балдуин получил из Иерусалима (в «Ассизах Романии» даже сообщается, что после захвата Константинополя император Балдуин, венецианский дож Энрико Дандоло, Бонифаций Монферратский и другие бароны якобы отправили посольство к королю и патриарху Иерусалима с просьбой прислать их обычаи и ассизы, что последние были присланы и зачитаны в присутствии баронов, и что было постановлено руководствоваться ими при управлении завоеванными землями в Романии).¹¹³ На самом же деле, как это убедительно показал Хендрикс¹¹⁴, в империи Балдуина не было издано никакого законодательного кодекса, и правовая жизнь Латинской империи определялась в основном мартовским 1204 г. Договором, документально оформленным, подписанным всеми вождями 4-го крестового похода и зачитанным перед всем «парламентом».

---

¹¹³ *Recura G.* Les Assises de Romanie. P., 1930. P. 150. Cf. *Schmitt J.* The Chronicle of Morea. London, 1904. V. 2591–2514.

¹¹⁴ *Hendrickx B.* Οι πολιτικοί και στρατιωτικοί θεσμοί της Λατινικής Αυτοκρατορίας της Κωνσταντινουπόλεως κατά τους πρώτους χρόνους της ύπαρξέως της. Θεσσαλονίκη, 1970. Σ. 42–46.

Этот действительно весьма интересный для истории Средневековья документ, который (по мнению исследователей) отнимает у «Великой хартии вольностей» необоснованно приписываемые ей лавры «первой конституции в истории Европы», и явился «основным законом» Латинской империи, простым уточнением, конкретизацией и практическим применением которого были другие законодательные акты, в том числе знаменитая *Partitio Romaniae*¹¹⁵, соглашение от октября 1205 г., и др. Ни в одном современном этой эпохе источнике, ни в одном дипломатическом или юридическом документе, исходившем от Балдуина или его преемников, от Дандоло, Зено или Бонифация Монферратского, наконец, от папы, в переписке которого с латинскими императорами и патриархами много говорится об упомянутых выше соглашениях, нет ни малейшего намека на издание в это время в Латинской империи какого-то иного единого законодательного свода, в том числе и основанного на иерусалимских ассизах.¹¹⁶

Что же это был за документ — мартовская 1204 г. «конституция»?¹¹⁷ Составленный на латинском языке текст содержит 13 статей, в которых сформулиро-

---

¹¹⁵ *Carile A. Partitio terrarum imperii Romaniae // Studi Veneziani, 1965. Vol. 7. P. 125–305. Cf.: Oikonomidès N. La décomposition de l'empire byzantin à la veille de 1204 et les origines de l'empire de Nicée: à propos de la «Partitio Romaniae» // XVe Congrès International d'Etudes byzantines. Rapports, I. Athènes, 1976.*

¹¹⁶ *Hendrickx B. Οι πολιτικοὶ καὶ στρατιωτικοὶ θεσμοί. Σ. 46.*

¹¹⁷ Текст см.: *Prevenier W. De Oorkonden der graven van Vlaanderen (1191–1206). II. Uitgabe. Bruxelles, 1964. N. 267.* О других изданиях, переводах и литературе см.: *Hendrickx B. Οι πολιτικοὶ καὶ στρατιωτικοὶ θεσμοί. Σ. 28. Σημ. 3.*

ваны задачи ниспровержения Византии и дележа добычи, но наряду с этим также наиболее общие, фундаментальные принципы устройства государства, которое еще предстояло основать. Договор начинался такими внушительными словами: «Прежде всего мы, призвав имя Христа, должны вооруженной рукой завоевать город». Главные пункты договора были следующие: 1) во взятом городе надлежит создать латинское правительство и передать все в распоряжение тех лиц, которых назначат вожди войска; 2) вся захваченная добыча должна быть доставлена в установленное место, при этом три четверти должны быть отданы венецианцам в качестве компенсации за тот долг, который обещал им выплатить византийский император Алексей IV, а последнюю четверть надлежит отдать франкам, чтобы все были удовлетворены в равной степени; 3) если все же окажется какой-то остаток, то его необходимо разделить поровну между венецианцами и франками, а если еще и всей добычи окажется недостаточно, чтобы рассчитаться за долг Алексея перед венецианцами, раздел произойдет так, как предписывает статья 2; продовольствие же будет разделено поровну; 4) все привилегии и владения, которые имели венецианцы до захвата Константинополя, будут сохранены и после захвата его; 5) необходимо назначить 6 венецианцев и 6 франков с тем, чтобы сообща избрать латинского императора из числа кандидатов от войска, наиболее пригодных, по мнению комиссии, решать проблемы управления страной «во славу Бога, святой Римской церкви и империи», причем избрать надлежит единогласно или большинством голосов, а в случае равного количества голосов император будет определен с помощью жребия; 6) император получит 1/4 территории Империи и дворцы Влахернский и Буколеон, остальное же будет поровну поделено между франками и венецианцами; 7) клирики,

принадлежащие к стороне, от которой не будет выбран император, получают привилегию составить духовенство храмов, перешедших к франкам; то же будет и с венецианским клиром в отношении храмов венецианской сферы влияния (из сокровищ храмов клирикам будет выделено, чтобы жить с честью, храмам же — достаточно для содержания, остальное будет поделено, как сказано в вышеизложенной статье; 8) все крестоносцы должны присягнуть, что будут оставаться на службе императора в течение всего года, начиная с последнего дня марта. Все те, кто сохранит свое прежнее положение в империи, должны присягнуть на верность императору в соответствии с феодальными обычаями; 9) комиссия из 12 венецианцев и 12 франков распределит феоды и почетные должности и определит обязанности феодалов и должностных лиц перед императором и империей, при этом вассалы могут завещать по своему желанию их феоды. Право наследования принадлежит в одинаковой мере обоим полам. Вассал будет иметь полное право делать в своем феоде все, что пожелает, за исключением того, что противоречит законам и его обязательствам по отношению к императору и империи. Кроме обязательств, которыми облечены держатели феодов и почетных должностей, существуют и обязательства по отношению к империи, которые должен выполнять император; 10) в случае войны между Венецией и какой-либо страной ни один гражданин враждебной страны не может вступить в пределы Латинской империи до конца этой войны; 11) венецианцы и франки обязываются преследовать всех, кто воспротивится настоящему договору; 12) император должен поклясться, что будет уважать распределение феодов и почетных должностей, которое осуществит комиссия из 24 «распределителей»; только дож и маркиз Монферратский

с шестью советниками могут добавить что-либо каждому из них или отнять; 13) дож освобождается от вассальной присяги императору, но его представители обязаны присягнуть в соответствии с правилами.

Как видим, «конституционный» уровень документа не столь уж высок, ибо он, в сущности, являет собою не столько «конституцию» нового государства, сколько договор о разделе старого между крестоносцами и Венецией, причем именно рука Дандоло в редактировании текста ощущается более всего. Венеция постаралась обеспечить себе максимум выгод от задуманного предприятия и до минимума свести реальную власть императора, и эта политика обособления венецианцев от франков в юридической сфере, создания собственного законодательства для «Венецианской Романии» была продолжена при преемниках Дандоло, в частности при венецианском подесте Марино Зено, который, правда, торжественно подтвердил мартовский договор, но в то же время издал ряд распоряжений, идущих вразрез с ним, в том числе очень важный закон о том, что венецианский феодал под угрозой штрафа или аннулирования дарения не может уступать свой феодал никому, кроме как венецианцу¹¹⁸.

К сказанному о мартовском договоре следует еще добавить, что как «конституционный» документ он страдал тяжким пороком: он совершенно игнорирует проблему автохтонного населения завоеванной страны, его социальной организации, его взаимоотношений с завоевателями и т. д. В отличие от «Великой хартии вольностей»¹¹⁹ документ не только не гаран-

---

¹¹⁸ *Tafel G. L. F., Thomas G. M. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. Wien, 1856. Bd 1. S. 558.*

¹¹⁹ *Holt J. C. Magna Carta. Cambridge, 1965.*

тирует каких-либо свобод и привилегий для горожан, но не упоминает даже и о греческой знати, как будто ее и не было. И все же (по крайней мере на первых порах) договор сыграл свою роль «основного закона», так как, хотя и в самом общем виде, предусматривал решение основного вопроса — о власти, о принципах политического устройства нового государства, о правах и обязанностях императора, о его взаимоотношении с вассалами, с церковью, о порядке его избрания. Конечно, для реальной жизни всего этого было недостаточно, с течением времени сформировались новые обычаи, появились новые феодальные своды типа «Ассиз Романии», в которых действительно ощущается воздействие иерусалимских законов, но, разумеется, не непосредственно (ибо Иерусалим давным-давно уже был потерян для крестоносцев), а через Кипр, куда они были принесены из Сирии Лузиньянами.

«Иерусалимские ассизы» — классический памятник феодального права,¹²⁰ свод, складывавшийся на протяжении длительного времени (конец XII–XIII в.). Первоначальная редакция свода, составленная на старофранцузском языке, записанная, если верить изданию, «на хартии большими круглыми буквами, с золотыми инициалами и красными заголовками» и положенная в храм св. Гроба (отсюда ее название — «Lettre de Saint Sepulcre», «Писания из храма св. Гроба»), не сохранилась. Более того, уже давно высказывались весьма серьезные сомнения¹²¹ в реальности пре-

---

¹²⁰ *Луцицкая С. И.* «Иерусалимские ассизы» — памятник средневекового права // Из истории социально-политической и культурной жизни античного мира и средневековья. М., 1985. С. 79–95.

¹²¹ В нашей литературе см., например: *Добиаш-Рождественская О. А.* Эпоха крестовых походов: Запад в кресто-

дания, в возможности столь ранней кодификации феодального права, которое на Западе еще больше века будет ждать своей записи.

Возможно, в «Писаниях из Храма св. Гроба», погибших, согласно преданию, при вступлении Саладина в Иерусалим в 1187 г., следует видеть архив владельческих актов на полученные феодалы и перечисление принятых за них вассальных обязательств.

Текст ассиз дошел до нас в одной венецианской рукописи уже в той редакции, которую они приняли после их записи на французском языке кипрскими юристами XIII в. Филиппом Новарским и Жаном д'Ибелином, нередко вносившими в их изложение собственное истолкование обычаев и даже их теоретическое осмысление.¹²² Эти «Ассизы Иерусалима и Кипра» включают в себя так называемую «Книгу королю» (наиболее ранний памятник, датируемый 1197–1205 гг.), ассизы Высшего суда (*Assises de la Haute Cour*) и свод законов горожан (*Assises de la Basse Cour, de la Cour des Bourgeois*), содержащий изложение действовавшего в нем судопроизводства и называемый также *Livre de*

носном движении. Пг., 1918. С. 55. В целом проблема рассмотрена в работе: *Лучицкая С. И.* Источниковедческие особенности «Иерусалимских ассиз» в средневековой истории XIX–XX вв. // *СВ.* 1988. Т. 51. С. 153–166.

¹²² *Assises de Jérusalem* / Ed. par A. Beugnot. P., 1841–1843. Vol. 1–2 (Бенью называл Филиппа «Наваррским», ибо связывал его происхождение с Наваррой; позднее было доказано, что этот юрист был выходцем из города Новары в северной Италии). См.: *Paris G.* Philippe de Novare // *Romania*, 1890. Т. XIX. N 73. P. 99–102. Cf.: *Grandclaude M.* Etude critique sur les Livres des Assises de Jérusalem. P., 1923; *Lamonte J. L.* Three Questions concerning the Assizes of Jérusalem // *Byzantina-Metabyzantina*, 1946. Vol. 1. P. 201–211.

playdoier. Последний из этих двух сборников был переведен (по всей вероятности, в XIV в.) неизвестным лицом (греком, знавшим французский, или французом, знавшим греческий) на греческий язык.¹²³ Объясняется это, по-видимому, возросшим практическим значением ассиз суда горожан по сравнению с ассизами Высшего суда, перевод которых на греческий язык отнюдь не вызывался необходимостью, так как они касались конфликтов, возникавших только среди завоевателей-франков.¹²⁴

Действительно, ассизы Высшего суда регулировали почти исключительно отношения между королем и его вассалами, а также взаимоотношения феодалов, порядок феодальной службы, права и обязанности сеньоров и вассалов, прерогативы королевской власти. Одним из наиболее важных институтов, зафиксированных ассизами Высшего суда, было предоставление феода сеньору на сохранение, получившее широкое распространение в сравнении с Западом на завоеванном крестоносцами Востоке.¹²⁵ В феодальных крестоносных колониях, живших в условиях почти постоянных войн с враждебным окружением, вассалы были обязаны служить своим сеньорам не 40 дней в году, как во многих княжествах Западной Европы, а целый

---

¹²³ Ἀσσιζαὶ τοῦ βασιλείου τῶν Ἱεροσολύμων καὶ τῆς Κύπρου // *Sathas K. N.* Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη. Ἐν Βενετίᾳ, 1877. Τόμ. 6. Σ. 3–497.

¹²⁴ *Zepos P. J.* Droit et institutions du royaume de Chypre // XVe Congrès International d'Etudes byzantines. Rapports. Athènes. 1976. P. 5.

¹²⁵ *Дмитриев Г.* Предоставление феода сеньору на сохранение по сводам феодального законодательства на завоеванном крестоносцами Востоке // ПС. 1966. Т. 15 (78). С. 155–171.

год (по «Иерусалимским ассизам»¹²⁶) или 8 месяцев (по «Ассизам Романии»¹²⁷). Поэтому, тогда как во многих западноевропейских княжествах вассал мог без труда отлучиться из своего замка на весьма продолжительное время, в завоеванных странах это было значительно труднее или совсем невозможно, и вассалы должны были добиваться согласия сеньора на отъезд. В этих условиях и возник институт передачи феода сеньору на сохранение на год и один день (по «Ассизам Романии» — на 2 года и 2 дня), причем только по истечении этого срока препоручивший феодал мог вернуть его себе. Практика передачи феода сеньору на срок была, по-видимому, выражением и проявлением происходившего в определенных пределах разложения отношений развитого феодализма в завоеванных странах.¹²⁸

Что касается ассиз суда горожан, то они содержали распоряжения частного и уголовного городского права, т. е. регламентировали по преимуществу конфликты между греками или другими этническими группами населения острова (сирийцами, армянами, и т. д.). И хотя в основе своей этот сборник также содержал «франкское право», будучи составленным по образу соответствующих западноевропейских сборников, влияние византийского права (или «коррозия», по терминологии Зепоса¹²⁹), с которым это «франкское право» по необходимости находилось в тесном контакте, здесь обнаруживается совершенно отчетливо.

---

¹²⁶ Livre de Jean d'Ibelin. Ch. CCXVII. P. 345 sq.; La clef des assises de la Haute Cour, CCLXVIII. Assises de Jérusalem. T. I. P. 598.

¹²⁷ Assises de Romanie. P. 109–210.

¹²⁸ Думитриев Г. Предоставление феодала... С. 157.

¹²⁹ Zepos P. J. Droit et institutions. P. 5.

Полагают, что редактор ассиз использовал Прохирон, Синописис Василик или же какие-то другие византийские юридические сборники;¹³⁰ по мнению других ученых, это были новеллы Юстиниана, исаврийская Эклога, но прежде всего так называемый «Сирийский законник» (компиляция V в., переведенная, по всей вероятности, в VIII в. с греческого на сирийский), в котором римско-византийское императорское право обогащено за счет усвоения многочисленных элементов живого народного восточного права.¹³¹ Лишь будущие углубленные исследования (ибо и сейчас еще приходится констатировать, что кипрское греческое право скорее известно, чем изучено) смогут дать ответ на этот вопрос.

Как бы то ни было, целый ряд правовых институтов и юридических норм, зафиксированных ассизами, явно и непосредственно заимствован из области римско-византийского права. Так, в области патримониального права можно отметить функционирование задатка при заключении юридических сделок на продажу (утрата задатка продавцом и уплата в двойном размере в том случае, если он передумает), признание права предпочтительной покупки (протимисис) за родственниками и за соседями продавца, приобретение права владения проданной вещью после установленного срока, признание недействительным акта продажи из-за обнаружившихся дефектов вещи и т. д. В области семейного права привлекают внимание такие нормы, как скрепление брачного союза посредством церковного акта, признание особого значения поцелуя жениха со всеми последствиями, зафиксированными в греко-римском праве (*osculo interveniente*), санкция

¹³⁰ *Sathas K. N. Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη. Σ. ξα'.*

¹³¹ *Zepos P. J. Droit et institution. P. 7.*

за нарушение срока вдовства жены и за второе замужество, признание приданого наряду с институтом общности имущества и регламентация приданого после расторжения брака, недействительность обмена дарениями между живущими супругами, признание в качестве причины развода проказы или какой-либо другой серьезной болезни и т. д.¹³²

Наконец, в наследственном праве влияние византийского права (в частности, новелл 118 и 115 Юстиниана, исаврийской Эклоги и т. д.) ощутимо, когда речь идет о многочисленных распоряжениях, относящихся к наследованию без завещания, по завещанию, в случаях поражения в правах наследования и т. д.

Представляется необходимым подробнее коснуться вопроса об уже неоднократно упоминавшихся «ассизах Романии» — памятнике морейского права эпохи латинского владычества. В свете новых исследований¹³³ история его предстает в следующем виде: это сборник феодальных обычаев Морейского княжества, возникший (как и знаменитая «Морейская хроника») в франкоязычной рыцарской среде на французском языке и отредактированный (в своем окончательном варианте) между 1333 и 1349 гг. каким-то частным лицом, вернее всего французским феодалом, приближенным ко двору морейского князя. Сборник отнюдь не был официальной кодификацией морейского права. Лишь по аналогии с иерусалимско-кипрским законодательством он получил название «ассиз» (в Морею этот термин, очевидно, не употреблялся или же употреблялся в заимствованных из иерусалимско-кипрского законо-

¹³² *Zepos P. J. Droit et institution. P. 6–7.*

¹³³ *Jacoby D. La féodalité en Grèce médiévale: Les «Assises de Romanie», sources, application et diffusion. Paris, La Haye, 1971.*

дательства юридических текстах¹³⁴) и имеет все признаки частной компиляции, которая «в качестве практического руководства должна была служить нуждам класса феодалов». ¹³⁵ Позднее (уже в XV в.) по просьбе жителей Негропонта этот свод был объявлен официальным законодательством в левантийских владениях Венеции, для чего он был переведен на венецианский диалект, воспроизведен в нескольких списках («официальным изданием» являлся тот венецианский экземпляр, который был отправлен в 1453 г. в Негропонт, где он и погиб во время захвата города турками) и в таком виде дошел до нас, в то время как франкоязычная первоначальная редакция «Ассиз Романии» не сохранилась.

По своему составу «Ассизы Романии» распадаются на четыре тематические части: наиболее значительная из них (по числу статей) содержит ассизы, имеющие дело с вассальными отношениями (условия пожалования фьефа вассалу; отношение фьеф — служба; юрисдикция, в сфере которой решаются эти и аналогичные им сюжеты); вторая часть включает в себя ассизы, трактующие вопросы прерогатив князя и его придворных чинов и имеющие тенденцию к смешению с ассизами первой категории, далее — значительное число ассиз, относящихся к статусу вилланов или греческих париков, хотя эти ассизы и не составляют особого единого корпуса, будучи распылены по всему сборнику, да и вообще не занимаются вилланами как таковыми. Скорее всего, они рассматривают вилланов с сеньориальной

---

¹³⁴ Так, главы 1 и 2 исторического пролога «Ассиз Романии» включают в себя формулу *usanze et assise*, но это только потому, что они обе воспроизводят пролог «Книги высшего суда» Жана д'Ибелина: *Jacoby D. La féodalité*. P. 62.

¹³⁵ *Ibid.* P. 87.

точки зрения, с точки зрения прав, прерогатив или интересов сеньора виллана.¹³⁶ Наконец, последнюю группу составляют ассизы, трактующие различные сюжеты: имущества горожан (§ 38), цензивы (§ 142, 192), правила составления завещаний (§ 37, 149) и других актов (§ 150, 170). Если к этому еще добавить несколько ассиз относительно торгового права (§ 204), то это будет все, что можно в «Ассизах Романии» найти о горожанах или городах: в Морее не существовало эквивалента «Книги ассиз горожан», составленной в Иерусалимском королевстве между 1240 и 1244 гг., и вопреки тому, что утверждал Рекура, нет никаких следов использования здесь этой «Книги».¹³⁷

Обращают также на себя внимание четыре статьи (71, 138, 178 и 194), трактующие вопрос о праве греческих архонтов Морей и специально изученные в другой известной работе Якоби.¹³⁸ Дело в том, что содержащееся в «Морейской хронике» сведение об обещании Жоффруа Виллардуэна уважать обычай и закон ромеев (τὸν νόμον τῶν Ῥωμαίων)¹³⁹ было расценено как свидетельство инкорпорирования в феодальное право франкской Греции права византийских проний.¹⁴⁰ Однако Морейская хроника, редакцию которой от описываемых в ней событий, связанных с франкским завоеванием, отделяет по крайней мере полтора столетия, не может

---

¹³⁶ *Jacoby D.* La féodalité. P. 88.

¹³⁷ *Ibid.* P. 89.

¹³⁸ *Jacoby D.* Les archontes grecs et la féodalité en Morée franque // *TM.* 1967. Т. 2. P. 421–482.

¹³⁹ *The Chronicle of Morea* / Ed. J. Schmitt. London, 1904. V. 2091–2095.

¹⁴⁰ *Zepos P. J.* Τὸ δίκαιον εἰς τὸ Χρονικὸν τοῦ Μορέως // *EEBS.* 1948. Т. 17. Σ. 202–220; *Idem.* Quelques remarques sur les rapports entre le droit byzantin et le droit des Latins en Orient // *Festschrift Hans Lewald.* Basel, 1953. P. 209–215.

считаться достоверным источником по данному вопросу.¹⁴¹ Не могут помочь здесь и четыре названных статьи о греческих архонтах, так как в них не чувствуется никаких следов проний. Напротив, анализ этих ассиз (и особенно § 138 о разделе фьефа умершего архонта при наследовании на равные части между его сыновьями или дочерьми) показывает, что упоминаемые в них фьефы греческих архонтов как будто не чисто феодальные, во всяком случае ленные владения, так как не имеют характера условного держания, не подлежат 40-дневному сроку феодальной инвеституры, не обременены ясно оговоренной обязанностью нести военную службу; скорее они являлись обычной частной земельной собственностью, правила наследования которой регулировались (как и в случае с крестьянскими стасями) нормами римско-византийского частного права, вероятнее всего новеллой 118 Юстиниана, которая в случае наследования *ab intestat* предусматривает раздел на равные доли между всеми наследниками без различия пола. Правда, при наследовании имуществом архонтов и вилланов все-таки отдавалось предпочтение наследникам мужского пола (женщины допускались к наследованию при отсутствии мужчин), но аналогичными были правила наследования недвижимых имуществ византийских париков, как это явствует из византийских практиконов. Не исключено, что нужды византийского фиска еще до XIII в. потребовали предпочтения для наследников мужского пола, и эта практика получила свое продолжение в франкской Морее.¹⁴²

---

¹⁴¹ Дискуссию по этой проблеме см.: *Медведев И. П.* К вопросу о социальной терминологии Морейской хроники // *ВО.* 1977. С. 138–148.

¹⁴² *Jacoby D.* La féodalité en Crèce médiévale. P. 35–36; *Idem.* Les archontes grecs. P. 451–456.

Следует также отметить, что и другие институты византийского права отразились в «Ассизах Романии», например, 30-летний срок пребывания виллана на земле чужого сеньора, делающий его вилланом землевладельца (§ 182); право арендатора на часть улучшений (βελτιώσεις), осуществленных им на арендованной земле, в то время как последняя остается собственностью концессионера; денежный штраф (πρόβιτον) в 25 иперпиров за попытку расторгнуть контракт после того, как уплачен задаток (§ 204), и т. д. Но в то же время в ассизах наблюдается и оппозиция римско-византийскому и каноническому праву, которое явно не изучалось в франкской Морее. Так, морейское право вообще не предполагает ни представления в суд письменных документов, ни «адвоката, который говорит, читая или ссылаясь на законы (имеется в виду византийское право. — И. М.) или каноны» (§ 145), и не считает обязательным при составлении завещания присутствие публичного нотариуса, подчеркивая достаточность двух или трех свидетелей с тем, чтобы завещание считалось законным (§ 146).¹⁴³

Что же касается источников, которыми располагал редактор, составляя компиляцию, то, с одной стороны, это были официальные источники законодательного характера или, проще говоря, те предписания, которые исходили от княжеской власти или извлекались из судебных решений и которые, будучи записанными и отредактированными в виде некоей коллекции ассиз, отложились в 1276 г. в княжеской канцелярии (юристы-практики того времени, создавая свои частные компиляции, обращались прежде всего именно к этой коллекции, как, впрочем, и к другим источникам тоже; наличие многочисленных повторов

¹⁴³ *Jacoby D. La féodalité en Crète médiévale. P. 90.*

в «Ассизах Романии» тоже расценивается как указание на множество письменных текстов, которыми пользовался редактор при составлении сборника). С другой же стороны — это собрание действующих феодальных обычаев (*usanze, costume*), дошедших до редактора «Ассиз Романии» в устной традиции.

Но как же все-таки обстояло дело с правом в тех областях Византийской империи, которые остались греческими? Ответить на этот вопрос трудно, так как источники хранят в этом отношении молчание. Впрочем, молчание источников — тоже показатель, в данном случае, очевидно, показатель того, что ничего достойного внимания в области права в этот период, например в Трапезунде или в Никее, не происходило. Единственный, пожалуй, юридический памятник, а именно *Synopsis Minor*, который до недавнего времени традиционно выводился из Никей XIII в., и тот при ближайшем рассмотрении оказалось невозможным относить ни к Никее, ни к никейской эпохе.¹⁴⁴

Самой выдающейся фигурой в культурной жизни Никейской империи был, безусловно, Никифор Влеммид (ок. 1197–1272), но среди многочисленных сочинений разнообразного содержания, которые он оставил, не значится ни одного по праву, а в его автобиографии, знакомящей нас не только с жизнью самого автора, с его занятиями у различных учителей всевозможными науками, но и с обстоятельствами и людьми его эпохи, ничего не говорится о занятиях правом.¹⁴⁵

---

¹⁴⁴ *Perentidis St. Recherches sur le texte de la Synopsis minor // FM. 1984. Т. 6. P. 219–273; Idem. L'empereur né le jour de Pâques: Michel IX Paléologue et la date de la Synopsis minor // FM. 1986. Т. 7. P. 253–257.*

¹⁴⁵ *Heisenberg A. Nicephori Blemmydae curriculum vitae et carmina. Leipzig, 1896. P. 1–92. Cf.: Guillou A. Le poids*

И тем не менее практическое использование унаследованного от предшествующих эпох права продолжало сохраняться на достаточно высоком уровне, о чем свидетельствуют, например, юридические акты, дошедшие в картуляриях XIII в. монастырей Макринитиссы и Новой Петры близ залива Боло в Фессалии (бывший Cod. Taurin. 237, к сожалению, сгоревший в 1904 г.),¹⁴⁶ Вазелонского монастыря близ Трапезунда и Лемвиотиссы близ Смирны (нынешний Cod. Vindob. hist. gr. 125),¹⁴⁷ а также греческие рукописи юридического содержания. Так, наиболее типичными экземплярами составлявшихся в XIII в. (и, очевидно, в самой Никейской империи) юридических и канонических сборников считаются некоторыми исследователями рукописи Sinaiticus 1117 и Parisinus 1234, содержащие между прочим документы комниновской эпохи, в которых, в частности, излагается интереснейшая дискуссия по вопросам матримониального права (различные точки зрения на брак в шестой степени родства, и т. д.).¹⁴⁸ Сама по себе эта дискуссия принадлежит XII в. (точнее — 1172–1175 гг.), но интерес к ней в Никейской империи XIII в. (если указанные рукописи действительно принадлежат этому времени)¹⁴⁹ весьма показателен:

---

des conditions matérielles sociales et économiques sur la production culturelle à Byzance de 1071 à 1261 // XVe Congrès Intern. d'Etudes byz., Rapports. Athènes, 1976.

¹⁴⁶ MM. 1871. Vol. 4. P. 330–430.

¹⁴⁷ Ibid. P. 1–289.

¹⁴⁸ *Darrouzès J.* Questions de droit matrimonial: 1172–1175 // REB. 1977. T. 35. P. 107–157.

¹⁴⁹ По крайней мере, в отношении Cod. Sinait. 1117 это не бесспорно: новейшие исследования «реабilitируют» датировку рукописи XIV в., предложенную еще В. Н. Бенешевичем. См., например: *Tiftixoglu V.* Zur Genese der Kommentare des Theodoros Balsamon, mit einem Exkurs

мы знаем, что и здешним патриархам Михаилу IV Авториану (1208–1214) и Герману II (1223–1240) приходилось решать аналогичные вопросы.¹⁵⁰ В целом этот интерес свидетельствует о том, что канонический кодекс церковного права как совокупность канонов, авторитет которых был установлен самой церковью на соборах или же «мэтрами» богословия, начинает утрачивать свою монополию.

Были, однако, в это время и попытки преодолеть все более намечавшийся разрыв между юридической практикой и наукой. Именно в XIII в. монах Филофеева монастыря на Афоне Арсений, ранее ошибочно отождествлявшийся с патриархом Арсением Авторианом (1254–1260; 1261–1264), составил сокращенную компиляцию канонов (σύνοψις τῶν θεῶν κανόνων), состоящую из 141 главы.¹⁵¹ В каждой главе этого труда сопоставляются канонические положения различных

über die unbekanntenen Kommentare des Sinaiticus gr. 1117 // *Tò Βυζάντιο κατὰ τὸν 12-ο αἰῶνα* / 'Εκδ. Ν Οἰκονομίδης. Ἀθήνα, 1991. Σ. 496; *Tiftixoglu V., Troianos Sp. Unbekannte Kaiserurkunden und Basilikentestimonien aus dem Sinaiticus 1117* // *FM. 1993. T. 9. P. 137.*

¹⁵⁰ *Schminck A. Eine gnomi des Patriarchen Michael Autorianos* // *FM. 1977. T. 2. P. 255–261; Idem. Drei Patriarchalschreiben aus ersten Hälfte des 13. Jahrhunderts* // *FM. 1982. T. 5. P. 193–214.*

¹⁵¹ *Editio princeps atque unica: Voelli G., Justelli. Bibliotheca iuris canonici veteris. Parisiis, 1661. Vol. 2. P. 749–784.* Критическое издание памятника планировал когда-то подготовить В. Н. Бенешевич. См.: *Медведев И. П. О несуществующем проекте В. Н. Бенешевича по изданию корпуса источников византийского права (по неопубликованным данным)* // *ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 253; См. также: Troianos S. N. Οἱ πηγές τοῦ βυζαντινοῦ δικαίου.* Ἀθήνα-Κομοτηνή, 1986. Σ. 168.

соборов и канонических посланий одного и того же содержания. В конце глав приводится указатель соборов, касающихся данного вопроса, и в большинстве случаев под заглавием *воиκὰ κεφάλαια* даются ссылки на аналогичные положения гражданского права. В канонической части своего труда Арсений следовал общепринятому, начиная с Фотия, каноническому сборнику (исключением является лишь первая глава, в которой цитируются некоторые сочинения, не входившие в канонический кодекс церкви); в гражданской — сборнику в 87 глав Иоанна Схоластика.

Именно к нему относятся цифры, следующие за словами *воиκὸν κεφάλαιον*. По мнению Мортрейля, этот факт бесспорно доказывает, что в руках греческих церковников в то время имелось много рукописей с *Collectio 87 capitulorum*, а также с другими каноническими текстами, предназначенными для возможно более полного изучения церковной юриспруденции.¹⁵²

И наконец — Эпир, этот второй эллинский центр, возникший на развалинах Византийской империи в западной части Балканского полуострова. Здесь юридической деятельностью занимались такие выдающиеся представители византийской образованности XIII столетия, как митрополит Навпактский Иоанн Апокавк (ок. 1155–1233 г.)¹⁵³, но особенно рукоположенный им архиепископ охридский Димитрий Хоматиан (город Охрид, или Ахрида, в Западной Македонии входил

---

¹⁵² *Mortreuil J.-A.-B. Histoire du droit byzantin. Paris, 1846. Т. 3. Р. 457.*

¹⁵³ См., например: *Troianos S. N. Οι λόγοι διαζυγίου στὸ νομολογιακὸ ἔργο τοῦ Ἰωάννου Ἀποκαύκου // Βυζαντινά. 1991. Т. 16. Σ. 43–63. Об Иоанне Апокавке см. также: *Lambropulos K. Ἰωάννης Ἀπόκαυκος: Συμβολὴ στὴν ἔρευνα τοῦ βίου καὶ τοῦ συγγραφικοῦ ἔργου του. Ἀθήνα, 1988.**

в первой половине XIII в. в состав Эпирского царства), о котором прежде всего и пойдет речь. Этот знаменитый греческий иерарх и канонист первой половины XIII в. получил в молодые годы (по-видимому, в Константинополе) прекрасное общее и специальное юридическое образование и затем, сделавшись сначала хартофилаком в Охриде при архиепископе Иоанне Каматире, а позднее (благодаря содействию Иоанна Навпактского) и архиепископом (ок. 1216–1234), принял деятельное участие в политической, общественной и церковной жизни не только Эпирского княжества, но по существу и всего северобалканского греко-славянского региона. Это он короновал Феодора Ангела императором в Фессалонике, это к нему как к верховному судье обращались по самым различным вопросам митрополиты, епископы и экзархи, а также светские правители (например, король сербский Стефан, адресовавший ему 14 вопросов из области литургии) и люди всех сословий.

Сохраненные мюнхенской рукописью XVI в. (*Monacensis gr. 62*)¹⁵⁴, изданные, но еще далеко недостаточно изученные многочисленные сочинения Хоматиана (а именно письма, в которых разбирались различные юридические и церковные вопросы, разные канонические послания и ответы на более чем 220 вопросов, судебные решения, соборные деяния и т. п.) имеют первостепенное значение для истории византийского права вообще и канонического права в частности. В них он предстает скорее не как духовный пастырь, но как светский судья, стоящий на страже закона и утверждающий это право в борьбе с силой.

---

¹⁵⁴ *Pitra J. B. Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata. Romae, 1891. Vol. VI. (Критическое издание сочинений Хоматиана готовит Г. Принцинг.)*

Так, рассмотрев иск жителей одного острова против дуки, который, злоупотребляя своей властью, купил владение некоего Михаила Серриота в нарушение права предпочтения родственников и соседей продавшего, Димитрий Хоматиан формулирует (со ссылкой на соответствующие места Василик и новеллы Романа Лакапина о протимисисе) принципиальное положение о должностном злоупотреблении, о запрете должностному лицу (будь то архонт или военачальник) покупать недвижимость в пределах подведомственной ему территории, чтобы наиболее эффективно гарантировать добросовестность подобного рода сделок.¹⁵⁵ Ибо основа всякой собственности, говорит он, это ее добросовестное приобретение; если же bona fides отсутствует, то ни приобретший что-либо в свою собственность недобросовестным путем, ни его наследники не могут рассчитывать на длительное владение, так как это не столько владение, сколько «продолженное насилие» и рано или поздно справедливость будет восстановлена. Как судья, а не иерей выступает Хоматиан и там, где он запрещает отцу лишать наследства своих детей с целью подарить свое имущество монастырю: в этом отношении он может располагать лишь четвертью своего наследства.

Все заставляет думать, что Хоматиан в своей деятельности совершенно отчетливо осознавал себя преемником упраздненного Константинопольского патриархата, хранителем имперских традиций и чистоты имперского права. При этом главным и основным источником права для него были Василики и их Синописис, на которые он постоянно ссылается и часто цитирует с большой точностью. Несомненно, он досконально

---

¹⁵⁵ Pitra J. B. *Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata*. Romae, 1891. Vol. VI. Col. 307–314.

знал этот законодательный свод и, вероятно, имел в своем распоряжении его полный экземпляр, хотя чаще пользовался все же Синописисом.¹⁵⁶ Но наряду с Василиками он ссылается также на новеллы императоров (Льва VI, Алексея I Комнина и особенно часто на новеллу Романа Лакапина о протимисисе), цитирует схолиастов Василик (например, Фалелея), Пиру Евстафия Ромея, «великую славу» которого в области права он особо подчеркивает¹⁵⁷, широко использует церковное законодательство, в частности, в комментариях Иоанна Зонары и Феодора Вальсамона, и т. д. «Божественные и благочестивые законы, божественные предписания отцов церкви и священные каноны» для него — «оружие, взятое из арсенала правовых пластин, которые выковыывает Фемида, дающая могучий щит обиженным». Свою задачу Хоматиан усматривает именно в том, чтобы в условиях варварского окружения и латинского завоевания хранить чистоту этого оружия. Так, он напоминает епископу Янины о недопущении испытания каленым железом, ибо это варварский обычай, которого «нет в державе ромеев, и он совершенно не известен не только церковным, но и гражданским законам»¹⁵⁸, он против участия латинян в священных церемониях вместе с греками и т. д.

Однако провести последовательно в жизнь свою концепцию Хоматиан все же не в силах; сам того, очевидно, не замечая, он усваивает некоторые институты местного, скорее всего славянского, права. Это на-

---

¹⁵⁶ *Mátσης Ν. Π.* Νομικὰ ζητήματα ἐκ τῶν ἔργων Δημητρίου Χωματιανοῦ. Ἀθήναι, 1961. Σ. 21.

¹⁵⁷ *Pitra J. B.* Analecta. Col. 159, 190.

¹⁵⁸ *Ibid.* Col. 389–391; *Fögen M. Th.* Ein heisses Eisen // *R.J.* 1983. Bd. 2. S. 85–98.

шло отражение, на наш взгляд, в его распоряжениях относительно права взаимного наследования супругов (ἀλλήλοκληρονομία¹⁵⁹) и в его разъяснении относительно того, что и не оформленное документально волеизъявление имеет силу завещания, если заслушаны свидетели, которые подтверждают это письменно и скрепляют подписями и клятвой¹⁶⁰, и т. д.

В высшей степени интересны данные, содержащиеся в «досье» Хоматиана (как, впрочем, и в «досье» Иоанна Навпактского), об институте конкубината и причинах развода. Признанный юстиниановым правом и Номоканоном XIV титулов, а также фактически Василиками в качестве легальной формы внебрачного союза, но формально отмененный новеллами Льва VI, конкубинат продолжал существовать в Эпире XIII в., регулируясь, по-видимому, нормами обычного местного права. Во всяком случае, у Хоматиана зафиксировано 11 дел о конкубинате (παλλακή) среди различных слоев населения (подобную форму сожительства практиковали, например, славянский священник, диакон, ремесленник и т. д.), и во всех них конкубинат, даже отягощенный адюльтером, рассматривался и самими участниками спора, и Хоматианом в качестве связи, создающей определенные права и обязанности, в частности права наследования отцовского имущества детьми, рожденными в конкубинате. Насколько укоренившимися были такие представления, показывает судебный процесс, когда некий Хрисос, незаконнорожденный сын диакона Михаила, потребовал отдать ему отцовское имущество, которым

---

¹⁵⁹ *Pitra J. B. Analecta. Col. 253–256, 267–271; Emilia A. Tre apophaseis di Demetrio Chomatianos in materia d'alli-loklironomia // RSNB. 1964. T. II. P. 103–120.*

¹⁶⁰ *Pitra J. B. Analecta. Col. 154.*

владел законный, хотя и по боковой линии, наследник — племянник диакона Михаила Константин (законных детей, как кажется, у Михаила не было). Правда, Хрисос при этом ссылался на завещание отца, которым тот якобы оставил ему свои владения, но он не смог предъявить документ суду — обстоятельство, позволившее Хоматиану рассматривать этот случай как дело о наследстве *ab intestat* и постановить, что рожденный в конкубинате сын и его мать-конкубина имеют право лишь на 1/6 собственности умершего, тогда как остальное отходило законным наследникам по боковой линии¹⁶¹. Хоматиан, таким образом, в принципе не считая конкубинат законной формой связи и даже, напротив, стремясь установить различие между законными и незаконными союзами, вынужден был тем не менее признать конкубинат, основываясь на *Василиках*¹⁶² и игнорируя запретительные новеллы Льва VI.

Немало правовой самостоятельности Иоанн Навпактский и Димитрий Хоматиан проявили в сфере бракоразводных процессов, весьма распространенных в самых различных кругах эфирского общества и в большинстве случаев завершавшихся расторжением брака. При этом наряду с классическими для римско-византийского права причинами расторжения брака (такими, как импотенция мужа, прелюбодеяние жены, которое, впрочем, здесь почти никак не наказывается; посягательство на жизнь супруга; так называемый *ἐξώκοιτος*, когда жена не ночует дома без позволения мужа; выявившееся в процессе совместной жизни кровное родство супругов и т. д.) юридическая прак-

---

¹⁶¹ *Pitra J. B. Analecta. N 33; Laiou A. E. Contribution à l'étude de l'institution familiale en Epire au XIIIe siècle // FM. 1984. T. 6. P. 296.*

¹⁶² См.: В. 32.2.1; 45.2.9; SMB. II. 1.; С. 15.2.

тика Эпира изобилует разнообразием бракоразводных процессов по причинам, не предусмотренным законодательством: обвинение женой своего мужа в половых извращениях (содомии) и отказ жить с ним¹⁶³; предосудительное поведение мужа (вернее, зятя, так как возбудителем дела о разводе был отец жены, обвинивший зятя — молодого человека, хорошего собой и живого ума, — в том, что он отказывался обрабатывать землю, как все добропорядочные люди, вел бродяжнический образ жизни, нанимаясь в качестве слуги то в один дом, то в другой, не чужд был воровству и т. д.); признание супруга отсутствующим в течение пяти лет; «биологическая несовместимость» супругов (как в разбиравшемся Иоанном Навпактским случае с забавной четой, когда маленький и тщедушный 16-летний муж не мог удовлетворить запросы своей зрелой и значительно превосходящей его возрастом жены, с которой он был помолвлен, еще будучи малолетним)¹⁶⁴; заключение брака вопреки воле одной из сторон (как в том живописном эпизоде, когда землевладелица Феодора из деревни Малайна решила женить своего человека, 18-летнего парня Иоанна, на старой влашке Руссе, «годящейся ему по возрасту в бабушки, почти беззубой, подобно новорожденным,

---

¹⁶³ Поскольку свидетелей такого греха не могло быть, то эта женщина предложила принести присягу «или из тех, что предусмотрены гражданским кодексом законов, или из тех, что вне закона и называются варварскими» (*Pitra J. B. Op. cit. Col. 72*). Под «варварской присягой» здесь имелась в виду, вероятно, присяга посредством прикосновения к раскаленному железу (*Laiou A. E. Contribution. P. 306, n. 116*).

¹⁶⁴ *Fögen M. Th, Rechtsprechung mit Aristophanes // RJ. 1982. Bd. I, S. 81; Laiou A. E. Op. cit. P. 308.*

варварке, почти не говорящей по-гречески»; чтобы сломить сопротивление Иоанна, Феодора посадила его в тюрьму, вызвала из другой деревни священника, так как местные отказались совершить обряд бракосочетания, но когда после церемонии гости праздновали свадьбу, а «молодые» отправились спать, Иоанн сбежал и отправился в Навпакт, где и нашел справедливость: заключенный против воли одной из сторон брак был признан недействительным)¹⁶⁵.

Однако самой интересной с точки зрения истории семейно-брачного права причиной развода была «непреодолимая ненависть» супругов (взаимная или одного из них), о которой материалы юридической практики Иоанна Навпактского и Димитрия Хоматиана содержат богатые, красочные и порой весьма драматические данные. Сопровождавшиеся, как правило, угрозой самоубийства такого рода заявления о ненависти и отращении к супругу и просьбы о расторжения брака обычно принимались судом к производству и считались достаточными для расторжения брака.

Важно отметить, что почти во всех этих случаях судьи (Иоанн Навпактский, Димитрий Хоматиан) вполне отдавали себе отчет в том, что выдвинутые истцами основания для развода не были предусмотрены нормами действовавшего римско-византийского права, оговаривали это в своих постановлениях, иногда даже напоминали истцам о неправомочности их иска и тем не менее, руководствуясь здравым смыслом и принципом «экономии» и проявляя правовую инициативу, почти всегда шли навстречу истцам, признавали дальнейшую

---

¹⁶⁵ *Bees N. A. Unedierte Schriftstücke aus der Kanzlei des Johannes Apokaukos des Metropolitens von Naupaktos (in Anatolien) // BNJ. 1976. Bd. 21. S. 80; Laiou A. E. Contribution. P. 308–309.*

совместную жизнь супругов и сохранение семьи невозможным и расторгали подобного рода браки. Видимо, при этом делалась уступка и местным, в том числе и славянским, правовым обычаям.

Обозревая картину права в целом в эпоху латинского завоевания, следует, таким образом, сделать вывод, что «юридический плюрализм» как сосуществование многих правовых систем различного происхождения¹⁶⁶ именно в данное время достиг в Византии своего апогея, являясь адекватным отражением сложной социальной и политической обстановки. В этот период получают особое развитие местное право, обычное право, феодальное право латинских княжеств, которые, взаимодействуя сложным образом с нормами римско-византийского права, порождают в высшей степени своеобразную правовую обстановку в районе Восточного Средиземноморья, чреватую импульсами нового развития.

Юриспруденция накануне падения империи

Византийская юриспруденция на заключительном этапе своей истории несомненно отставала от темпов общего культурного развития, лишь в незначительной мере внося свой вклад в дело Палеологовского ренессанса.¹⁶⁷

Более того, среди специалистов по византийскому праву преобладает мнение о полном упадке его: навсегда ушли в прошлое времена грандиозных кодификаций,

---

¹⁶⁶ *Michaelidès-Nouaros G.* Quelques remarques sur le pluralisme juridique en Byzance // *Byzantina*. 1977. Т. 9. P. 421–446.

¹⁶⁷ О последнем см.: *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997.

и лавры Юстиниана не тревожат больше воображения ни византийских василевсов, ни их энкомиастов; эпизодическими становятся издания каких-либо распоряжений нормативного характера, в развитие какого-либо положения из области гражданского или канонического права. Как уже отмечалось, у нас нет никаких сведений о том, как велось преподавание и подготовка юристов, нужда в которых, казалось бы, должна была ощущаться всегда. «Впервые в государстве ромеев право рассматривается как не заслуживающая внимания область знаний», — повторим здесь эти пронзительные слова одного из лучших знатоков истории византийского права в рассматриваемое время.¹⁶⁸

Вряд ли, однако, следует оценивать положение дел столь пессимистически. Во-первых, именно от этой эпохи до нас дошло большое число всевозможных документов (частных актов, завещаний, дарений, судебных решений и т. п.), которые свидетельствуют о хорошем знании законов и умении практически их применить. Сохранился подлинный патриарший регистр (Cod. Vindob. 47 et 48), содержащий около 700 актов от 1315 по 1402 г.¹⁶⁹, значительная часть которых относится к судейской деятельности патриархата и синода и дает любопытные образцы трактовки вопросов семейного, наследственного и брачного права (например, признанная церковным судом новая причина развода — ἀκατάλακτον μίσος, непримиримая ненависть супругов, представляющая много сходства

---

¹⁶⁸ Pitsakes K. G. Τὸ δίκαιο στὸ Βυζάντιο τοῦ 14 οὐ αἰῶνα // Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Πρόχειρον Νόμων ἢ Ἐξάβιβλος. Ἀθήναι, 1971. Σ. ζ'.

¹⁶⁹ Das Register des Patriarchats von Konstantinopel / Hrsg. von H. Hunger u. O. Kresten. Wien, 1981. T. 1; 1995. T. 2.

с современным понятием объективного потрясения брачного союза);¹⁷⁰ обращают на себя внимание получившая широкий отзвук «новелла» патриарха Афанасия I (1304 г.) и подтверждающая ее новелла Андроника II Палеолога (1306 г.), в которых вопреки прежней практике узаконяется трехчастное разделение имущества умершего бездетного парика (или жены парика); одну часть получает господин умершего или умершей, вторая часть идет на поминование души их, а последняя (третья) часть остается пережившему супругу (τὸ ζῶν μέρος). «Если же и он умрет, то его часть отойдет к его отцу, матери, брату, сестре или такому лицу, которое закон признает его наследником; в том же случае, когда ни одно из вышепоименованных лиц не переживет умершего или умершую, половина имущества отойдет к фиску (или господину?), а другая половина будет посвящена отправлению религиозных служб».¹⁷¹

---

¹⁷⁰ *Matses N. P.* Τὸ οἰκογενειακὸν δίκαιον κατὰ τὴν νομολογίαν τοῦ Πατριαρχείου Κωνσταντινουπόλεως τῶν ἐτῶν 1315–1401. Ἀθήναι, 1962; *Pieler P. E.* Die Entscheidungen des Patriarchalgerichts von Konstantinopel in Zivilrechtlichen Streitfällen und das System der Quellen des byzantinischen Rechts // Österr. Landesreferate zum VIII. Internat. Kongreß für Rechtsvergleichung in Pescara. 1970. S. 7–16; *Hunger H.* Byzantinisches Eherecht im 14. Jahrhundert: Theorie und Praxis // ЗРВИ. 1973. Т. 14/15, S. 65–79.

¹⁷¹ *Matses N. P.* Ἡ νεαρά τοῦ πατριάρχου Ἀθανασίου περὶ τριμοιρίας // BNJb. 1971. Т. 21. Σ. 177–192; *Laurent V.* Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople. Paris, 1971. Vol. I. Fasc. IV. N 1607; *Nakos G.* Προβλήματα βυζαντινοῦ κληρονομικοῦ δικαίου ἐπὶ Παλαιολόγων // Χριστιανικὴ Θεσσαλονίκη: Παλαιολόγιος ἐποχὴ. Θεσσαλονίκη, 1989. Σ. 259–337; *Perentidis St.* Le terme «néara» sous les premiers Paléologues // Subseciva Groningana. 1990. Vol. 4. P. 166–168.

Не может остаться неотмеченным и тот факт, что от XIV–XV вв. дошло огромное количество греческих рукописей юридического содержания, то есть юридических сборников, содержащих памятники или церковного, или официального гражданского права, но немало было и таких, в состав которых входили тексты *utriusque* (рукописи смешанного содержания). Как правило, составителями сборников были практикующие юристы, чаще всего судьи, которые сами подбирали материал и составляли сборники для себя, включая в них нередко и памятники местного права (например, так называемые «кипрские законы» в *Parisinus graecus 1391*¹⁷²). В Византии не было сборников постоянного состава, ни один из них, пожалуй, не был копией другого, хотя, конечно же, основной фонд источников права, которым мог располагать византийский юрист в XIV–XV вв., был более или менее устойчивым, и в этом отношении можно говорить о наиболее типичных рукописях. Вот так, например, выглядит состав уже упоминавшейся юридической рукописи № 2 из венского собрания (XIV в.), которую некогда приобрел в Константинополе Авгерий Бузбекский: фрагменты Воинского закона (*Nóμος στρατιωτικός*, который однако часто передается целиком и в вариантах); эксцерпты о присяге, свидетелях, опеке; фрагменты исаврийской Эклоги и одной из ее переработок (*Ecloga aucta*); вторая новелла Романа I Лакапина о протимисисе; анонимное собрание 194 мелких юридических текстов, многие из которых происходят из Приложения к Эклоге; анонимный латинско-греческий юридический лексикон; эксцерпты Феодора Гер-

---

¹⁷² *Simon D. Zypriische Prozeßprogramme. München, 1973; Maruhn J. Eine zyprische Fassungeherechtlicher Titel der Epitome // FM. 1981. Т. 4. Р. 218–255.*

миупольского из кодекса Юстиниана; трактат «О сроках»; Большой синопсис Василик; сокращенный вариант Эпитомы; выдержки из Исагоги и Прохирона (которые в других рукописях можно встретить и целиком, в переработках); Земледельческий закон (здесь в его первоначальной редакции, наряду с которой в это время получает широкое распространение и более пространная арменопуловская редакция); новеллы 24 и 38 Алексея I Комнина о браках; юридическое сочинение Михаила Атталиата с эксцерптами из новелл разных императоров; снова главы Воинского закона; II новелла Константина VII Багрянородного; уже известная нам «новелла» патриарха Афанасия I; выдержки из Шестикнижия Константина Арменопула (которое однако существует целиком и с приложениями в большом количестве списков, древнейшим из которых является Ottbonianus 440 – январь 1345 г.); 114-я новелла Льва VI; послание болгарского архиепископа Григория I Охридского к епископу Феодосию Пелагонийскому, касающееся вопроса о степенях родства; и другие тексты.¹⁷³

Данная рукопись выбрана как типичная не только потому, что ее состав воспроизводится и другими рукописями (например, тот же комплекс юридических текстов и в том же порядке расположенных содержит рукопись XIV в. Parisinus graecus 625, хотя она не является копией Vindobonensis jurid. Gr. 2), но прежде всего потому, что она отражает объективное положение

---

¹⁷³ *Hunger H., Kresten O. Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. 2. Teil: codices juridici et medici. Wien, 1969. S. 3–6; Repertorium der Handschriften des byzantinischen Rechts / Hrsg. von L. Burgmann, Fögen M. Th., Schminck A., Simon D. Frankfurt a/M., 1995. T. 1. S. 354–356.*

вещей. Так, из употребления выходит не только Корпус Юстиниана, но и (как целостный законодательный свод) Василики, и в этом отношении сообщение, например, Димитрия Кантемира (1673–1723) о том, что молдавский князь Александр I (1401–1433), прозванный Добрым, одновременно с короной, полученной из Византии, «принял греческие законы, содержащиеся в книгах Василик, и из пространных этих книг выбрал составляющие ныне законы Молдавии», не выдерживает проверки источниками.¹⁷⁴ Василики, которые в свое время явились в известной мере возвращением к юстиниановой системе права после периода новшеств, внесенных императорами-иконоборцами в Эклогу VIII в., по своему объему и сложности своих постановлений оказались мало доступными, возникла необходимость в составлении сокращенных сборников, синопсисов, в форме которых они по преимуществу и были известны византийским юристам рассматриваемого времени (особенно сокращение Василик, известное под названием *Synopsis Maior Basilicorum*¹⁷⁵). Показательным в этом отношении является тот факт, что византийский писец XIV в. смыл с пергамена текст Василик (15–18 книги), чтобы освободить место для издания сборника Арменопула.¹⁷⁶ Зато продолжают интенсивно использоваться и переписываться в чистом виде или в различного рода переработках и эксцерптах как исаврийская Эклога, так и заменившие ее в свое время Исагога, Прохирон и Но-

---

¹⁷⁴ *Kacco J. A.* Византийское право в Бессарабии. М., 1907. С. 16.

¹⁷⁵ *Svoronos N. G.* La Synopsis Major des Basiliques et ses appendices. P., 1964.

¹⁷⁶ *Zachariä K. E.* Reise in den Orient in den Jahren 1837–1839 (1840).

веллы Льва VI, то есть те кодификации македонских императоров, которые появились еще до Василик, причем каждая из них в рукописных сборниках получает (как правило) в качестве приложения унаследованный от Эклоги комплекс юридических текстов, составлявший ее «Аппендикс».

Но дело даже не в количестве и доступности юридического материала, а в том, что развитие права в это время пошло по несколько иному пути по сравнению с предыдущими периодами. Ощутимый толчок в этом направлении сделала знаменитая судебная реформа, осуществленная Андрониками II и III Палеологами и приведшая к образованию института «вселенских судей ромеев» (οἱ καθολικοὶ κριταὶ τῶν Ῥωμαίων).¹⁷⁷ Поскольку почти все наиболее значительные достижения византийской юриспруденции XIV в. так или иначе связаны с этой реформой, представляется необходимым подробнее познакомиться с ее содержанием, принципами и историей.

Из рассказа Пахимера известно, что в 1296 г. император Андроник II, выступив на ипподроме перед

---

¹⁷⁷ Соколов И. И. Вселенские судьи в Византии. Казань, 1915 (в этой почти забытой ныне работе детально проанализированы основные документы, относящиеся к указанной судебной реформе). См. также: *Schilbach E.* Die Hypotyposis der καθολικοὶ κριταὶ τῶν Ῥωμαίων vom Juni 1398 (?) // *BZ.* 1968. Bd. 61. S. 44–70; *Lemerle P.* Le monde de Byzance: Vie et institutions. London, 1978 (в томе собраны все многочисленные, ранее опубликованные статьи автора по данной теме); *Sevcenko I.* Léon Bardalès et les juges généraux ou la corruption des incorruptibles // *Idem.* Society and intellectual Life in Late Byzantium. London, 1981; *Fögen M. Th.* Zeugnisse byzantinischer Rechtspraxis im 14. Jahrhundert // *FM.* 1982. T. 5. P. 214–280; *Perentidis St.* Le terme «néara». P. 174–175.

народом с большой речью, дал обещание издать царскую грамоту (хрисовул) о суде и «избрать судей из архиереев или вообще лиц священного звания и из членов сената, так чтобы всех было числом двенадцать (по числу апостолов. — *И. М.*), и чтобы когда они принесут присягу, суд действительно стал выносить приговоры неподкупно и нелицеприятно (*ἀδωροδοκῆτως καὶ ἀπροσωπολήπτως*), даже если придется (это делать) в отношении его (императора) матери и государыни (супруги императора), а также его самого, и тогда он, пожалуй, будет иметь во дворце верных судей». Спустя несколько дней хрисовул был составлен и оглашен на специальной ассамблее во дворце императрицы «где в то время располагался государь»; была принесена присяга судьями, избранными из членов сената и «лиц отличавшихся опытностью в законах и рассудительностью... И суд, — заключает Пахимер свой рассказ, — сделался страшным (*φοβερόν*), вынося равные приговоры великому и малому».¹⁷⁸

Дошли до нас и фрагменты (только введение, без диспозиции, подписи и даты) текста этого пространного хрисовула императора Андроника II (в составе *Cod. Paris. gr. 1853*), благодаря чему у нас есть возможность детальнее ознакомиться с принципами судебной реформы. Целью ее провозглашалось благосостояние государства, достижение справедливости, ибо «хотя царь стоит выше закона и всякого принуждения и ему было позволительно все делать, подобно тому как цари предшествующего времени лишь свою волю считали единственным и самым сильным законом», Андроник «презрел такое властительство, признававшееся спра-

---

¹⁷⁸ *Georgii Pachymeris. Historia. Bonnae, 1835. T. 2. P. 236–237; Cf.: Karayannopoulos I. E. 'H βυζαντινὴ ἱστορία ἀπὸ τὰς πηγᾶς. Θεσσαλονίκη, 1974. Σ. 149–150.*

ведливым как в силу обычая, так и по многочисленности примеров... и поставил правду выше своей власти». Именно «стремясь к торжеству правды во всех делах и к возбуждению ревности о правде среди народа, причем не путем принуждения, но посредством образцов и примеров», император пришел к мысли «учредить суд, поставить судей, покровителей правды, и дать силу законам, прекрасно установленным в древности». Характерны фундаментальные принципы, провозглашенные основой суда: равенство сторон перед законом, ибо «этот суд во всем имеет силу и к нему будут обращаться все, даже против своей воли, малые и великие, более высокие по своему положению и низшие, находящиеся на самой высокой и первой ступени и все вообще, причем все имеют равное основание с доверием относиться к царским повелениям и никто не должен оставлять без внимания ни одного из постановлений судей о выступающих в судебных процессах»; компетентность судей, ибо император «избрал судьями лиц, прекрасно понимающих начала справедливости, так что подлежащие суду не должны беспокоиться относительно причинения им какой-либо несправедливости, как это бывает с несведущими судьями»; беспристрастность и неподкупность судей, ибо «они в равной мере будут судить как великого, так и малого, не должны принимать взятки, не взирать на лица, не угождать дружбе и ничего не ставить выше справедливости, — это они прекрасно гарантируют своей клятвой».¹⁷⁹

---

¹⁷⁹ *Zepos J. et P. Ius graeco-romanum. Athenes, 1931. Vol. 1. P. 558–568; Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453. München und Berlin, 1960. T. 4. N 2188.*

Как уже отмечалось, такого рода принципы отнюдь не были новшеством в византийском законодательстве и судопроизводстве, и император сознавал это, неоднократно подчеркивая, что он «не создает ничего нового» и только «возобновляет древний обычай». Однако в целом институт «вселенских судей ромеев», сосредоточивший в своих руках функции императорского суда высшей и низшей инстанции (с резиденцией в императорском дворце), был новым учреждением, сменившим существовавший еще со времен Юстиниана, но прекративший свое существование в начале XIII в. императорский суд на Ипподроме, состоявший (правда, по не вполне достоверным сведениям) также из 12 «божественных судей», которые имели свои «камеры» на Ипподроме и составляли высший правительственный трибунал (с XI в. они стали называться «судьями вила на Ипподроме»).¹⁸⁰ Другое дело, что (по свидетельству все того же Георгия Пахимера) вновь созданное учреждение просуществовало недолго, ибо этот суд, назначенный рассматривать гражданские процессы в пределах всей Византийской империи, не справился со своей задачей и «мало-помалу, подобно звукам музыкальных струн, стал слабеть и замер».¹⁸¹

Более жизнеспособным оказалось детище строптливому внуку Андроника II, как известно, весьма непочтительно обошедшегося со своим дедом — императором Андроником III (1328–1341). Из сообщения Никифора Григоры, а также из сохранившегося текста «клятвенного указа» (*πρόσταγμα ὀρκωμοτικόν*) импера-

---

¹⁸⁰ Скабаланович Н. А. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884. С. 349–350.

¹⁸¹ *Georgii Pachymeris. Historia. T. 2. P. 237.*

тора и двух его дополнительных простагм¹⁸², мы знаем, что в 1329 г. Андроник III учредил новый состав «вселенского суда» — института, которому предстояло стать гарантом правопорядка в империи вплоть до ее заката. Во время официальной церемонии назначения судей, состоявшейся после торжественного патриаршего богослужения в храме Св. Софии, император, «избравши четырех мужей (о которых он сам рассудил, что они будут достойно служить гражданским судам), из которых один был епископом, среди божественного храма вручил власть судить, передав им божественное и священное Евангелие¹⁸³, а также царский меч (βασιλική σπάθη — символ полученных от императора полномочий и права наказания. — И. М.), и вместе с тем потребовав от них самых страшных клятв относительно того, чтобы они производили суды нелицеприятно и неподкупно; он поставит их в положение бесспорного осуждения, если они будут уличены в этом (т. е. в неисполнении клятв. — И. М.), так

---

¹⁸² *Nicephori Gregorae. Historia Byzantina. Bonnae, 1829. Т. 1. Р. 436–438; Zepos J. et P. Ius graeco-romanum. Vol. 1. Р. 580–583; Dölger F. Regesten. 4. Teil. N 2747, 2805, 2806; Bosch U. V. Kaiser Andronicus III. Palaiologus: Versuch einer Darstellung der byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321–1341. Amsterdam, 1965. S. 168–170.*

¹⁸³ Акт вручения судье Евангелия, по свидетельству Симеона архиепископа Фессалоникского (ум. в 1429 г.), указывает на его долг судить по справедливости и без лицемерия, «помня страшное слово Господа: каким судом судите, таким будете судимы» (Матф. 7, 2). См.: PG. Т. 155. Col. 465. На этот же обычай указано и в *Synopsis Minor* (Δ, σγ'): Οἱ δικασταὶ τῶν ἁγίων Εὐαγγελίων προκειμένων ὀφείλουσιν (*Zachariae von Lingenthal C. E. Ius graeco-romanum. Lipsiae, 1856. Vol. 2. Р. 73; Ср.: Соколов И. И. Вселенские судьи. С. 26. Сн. I).*

как дал им поместья, вполне достаточные для годового содержания». ¹⁸⁴

О широте полномочий нового органа свидетельствуют те места названных указов Андроника, в которых говорится о подсудности «вселенским судьям» самого императора («если уличат и обвинят в неправде»), близких к нему лиц, лиц, находящихся на службе при императорском дворе, правителей областей, прочих архонтов высших и низших, стратиотов и вообще лиц любого другого сословия (ἐτέρας τινὸς τάξεως). «А если кто-либо из них осмелится не повиноваться вселенским судьям ромеев и нисколько не будет защищать то дело, о котором они скажут, — кто бы ни были осужденные ими, какой бы степени не достигли, хотя бы находились в родстве и свойстве с императором, — то если оказавший неповиновение будет правителем области или окажется облеченным другой должностью, вселенские судьи должны посредством предъявления настоящего указа тотчас отстранить его от должности. Если же у того, кто осмелится не повиноваться (будет ли он из приближенных к императору архонтов, или из прочих высших и низших архонтов империи, или другого какого-либо сословия), не окажется административной должности, то судьи имеют полное право захватить его дом и хозяйство (οἰκονομίαν) и подвернуть его другому наказанию и осуждению, какое они назначат. ¹⁸⁵ Судьи также обязаны судить и тех

---

¹⁸⁴ Эти слова Григоры (см. примеч. 182) цит. в пер. И. И. Соколова (Вселенские судьи. С. 22).

¹⁸⁵ О том, что это не пустая угроза, известно из социальной практики в Византии. В одном из своих писем, например, Михаил Гавра сообщает, что его дом подобно крепости, осажденной врагами, подвергся нашествию солдат, присланных правителем Вифинии с целью выкола-

лиц, которые находятся во главе управления и против которых будут со стороны подчиненных возбуждены жалобы, и принимать то решение, какое признают справедливым, а равно они должны совершать и исполнять и относительно всех прочих ромеев то, что на них возложено и определено».¹⁸⁶

Таким образом, юрисдикция вселенских судей распространялась на всех ромеев без различия звания и общественного положения, а также на всю территорию империи, — и это отнюдь не было пустой фразой: источники довольно подробно информируют нас о последующей деятельности вселенских судей не только в Константинополе, но и в провинции (в Фессалонике, Мистре, Серрах, Трапезунде, на Лемносе и т. д.). Известен даже самый первый состав суда 1329 г., в который вошли четыре человека: уже упомянутые митрополит Апроса Иосиф, дикеофилак и диакон Григорий Клида, великий диикит Глава и Николай Матаранг, а также дошел подлинный документ, составленный ими.¹⁸⁷

Важной особенностью института «вселенских судей», делавшей его «страшным» для всех, было декларирование права суппликации (*δέησις*) византийских граждан, когда любой византиец, добивавшийся правды, мог непосредственно обращаться к суду «вселенских судей», минуя все инстанции ординарного суда.¹⁸⁸

чивания неуплаченных налогов. См.: *Fatouros G. Die Briefe des Michael Gabras (ca. 1290-nach 1350). Wien, 1973. T. 2. N 295. 5–15.*

¹⁸⁶ *Zepos J. et P. Ius graeco-romanum. Vol. I. P. 581–582. Cf.: Karayannopoulos I. E. Ἡ βυζαντινὴ ἱστορία ἀπὸ τὰς πηγὰς, σελ. 150–151.*

¹⁸⁷ *Actes d'Esphigménou / Ed. J. Lefort. P., 1973. P. 133–134. № 19; Pl. XXV.*

¹⁸⁸ *Соколов И. И. Вселенские судьи. С. 52–53.*

Разумеется, при этом возникает вопрос о позиции самого императора. По мнению некоторых ученых, она заключалась в том, чтобы «покончить с коррупцией и (что для социальной структуры империи еще важнее) нанести удар по иммунитетным правам крупных феодалов; фразеологизмы простагм не оставляют в этом сомнения и не могут скрыть антиаристократическую тенденцию».¹⁸⁹ Думается, что речь должна идти в более широком плане о борьбе с «феодальной» раздробленностью, о попытках правительства ограничить политическую независимость провинциальной аристократии, о централизации (которая столь характерна для внутренней политики не только Андроника III Палеолога, но и его деда, а затем и Иоанна Кантакузина), о стремлении противодействовать усиливающимся центробежным тенденциям в государстве. Последовательной такая политика не могла быть уже вследствие дуалистического характера императорской власти: как βασιλεὺς τῶν ρωμαίων, император был обязан заботиться о централизации, о борьбе с проявлениями сепаратистских тенденций; вместе с тем он как представитель знати, сам крупнейший землевладелец, не мог не проводить в жизнь ее политику, не выражать ее интересы. В этом отношении реформа вряд ли оправдала те надежды, которые возлагались на нее: все ее прекрасные декларации остались на бумаге.

Есть еще один чрезвычайно существенный аспект рассмотренной выше судебной реформы: институт «вселенских судей» учреждался при совместном участии церкви и императорской власти, о чем свидетельствуют как смешанный состав «вселенских судей», так и прямое указание одной из простагм Андроника III, в которой сказано, что «вселенские судьи ромеев из-

---

¹⁸⁹ *Bosch U. V. Kaiser Andronikos III. Palaiologos. S. 168.*

браны и поставлены святою Церковью Божией и моей царственностью». По мнению Соколова, это «обуславливалось традиционным взаимоотношением церкви и государства в Византии, опиравшимся на принцип симфонии».¹⁹⁰ Следует однако подчеркнуть, что именно в последние века существования империи эта «симфония» достигает своего наивысшего развития, приводя по существу даже к слиянию, «сращиванию» функций императорской и патриаршей администрации, к переносу функций императорской канцелярии, которая фактически сворачивает свою работу, на патриаршую, и т. д.¹⁹¹ Объясняется это, очевидно, все более возрастающим бессилием, капитуляцией императорской администрации перед лицом жгучих проблем современности и усилением роли церкви в общественно-политической жизни государства. И хотя в данном случае позицию императора можно расценить как его субъективное желание заручиться санкцией церкви для усиления действенности реформы, объективно это означало, что церковь, сохраняя все значение своего духовного суда (*audientia episcopalis*), «прибирает к рукам» и бывший доселе исключительно светским орган верховной судебной власти в империи. Недаром и местом заседаний нового суда стал храм Божий — Св. София.

---

¹⁹⁰ Соколов И. И. Вселенские судьи. С. 26. Ср. также: Соколов И. И. Избрание патриархов в Византии с половины IX до половины XV века (843–1453 гг.): Исторический очерк. СПб., 1907. С. 3.

¹⁹¹ Медведев И. П. Ревизия византийских документов на Руси в конце XIV в. // ВИД. 1976. Т. 7. С. 290–291, 295; Ср. также: *Hunger H. Das Patriarchatsregister von Konstantinopel als Spiegel byzantinischer Verhältnisse im 14. Jahrhundert // Anzeiger der österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Kl., 1979. Bd. 115. Nr. 1. S. 118–120.*

Все большее слияние двух самостоятельных властей в Византии — гражданской и церковной — отразилось и в праве данного времени, в юриспруденции как таковой, в активизации деятельности византийских юристов по составлению юридических сборников, в которых попеременно представлены (в эксцерптах или полностью) памятники гражданского и церковного законодательства. Тенденция состояла именно в том, чтобы объединить в пределах одного сборника источники гражданского и канонического права. И хотя составители подобных сборников никогда механически не копировали тексты, а подбирали их всегда с определенной целью, неизбежное при этом сосредоточение разнородных правовых источников в рамках таких сборников не всегда удовлетворяло византийских юристов. Некоторые из них задаются целью (поскольку центральная власть отказалась от мысли взять на себя бремя такой работы) создать такие юридические сборники, в которых оба законодательства — гражданское и церковное — должны были получить свое гармоничное и по возможности органичное соединение.

Указанная тенденция проявилась уже в работе анонимного автора любопытной и еще малоизученной компиляции, известной под названием *Пространного Прохирона* (*Prochiron auctum*),¹⁹² хотя она возникла, по-видимому, еще до судебной реформы Палеологов: первый издатель компиляции Цахариз фон Лингенталь после некоторых колебаний счел возможным датировать ее концом XIII — началом XIV в.¹⁹³ В основа-

¹⁹² *Zepos J. et P. Ius graeco-romanum. Vol. 7. P. 1–361.*

¹⁹³ *Zachariae a Lingenthal C. E. Ius graeco-romanum. Lipsiae. Vol. 6. 1870.* На полях некоторых рукописей, содержащих *Пространный Прохирон*, есть любопытные пометы: *Ἐγράφη ἀπὸ παλαιῶ βιβλίου* («списано с древней книги»),

ние Пространного Прохирона положен был, естественно, Прохирон Василия, Константина и Льва (те же 40 титулов, в общем та же система, те же рубрики, то же предисловие, хотя и в несколько сокращенном виде),¹⁹⁴ однако текст памятника «обогащен» (выражение Цахариэ фон Лингенталя) множеством смысловых изменений, которые еще подлежат изучению, и заимствований из других источников как гражданского, так и канонического права. К заимствованиям гражданского права относятся многочисленные фрагменты из Василик (наиболее обширным из них является первый титул 22-й книги Василик со схолиями, который почти в полном виде вошел в титул 27 «de testibus»), из Исагоги со схолиями, из *Epitome legum* X в. (титул 21 Пространного Прохирона, начиная с главы 30, целиком заимствован из 11 титула Эпитомы), из юридического сочинения Михаила Атталиата (XI в.), наконец, рассеянные по всем 40 титулам фрагменты новелл императоров из Большого синопсиса Василик. Что же касается канонического права, то в титулах о браках автор Пространного Прохирона много заимствовал из комментария Феодора Вальсамона к синтагме канонов и Номоканону Фотия (см., например, главы 23–26 титула I), а также из канонических мнений

---

¹⁹⁴ Έκ τοῦ τῆς ἐκκλησίας πύξίου («с книжной полки церкви»), что, по мнению Мортрейля, указывает на то, что автор имел в своем распоряжении библиотеку какой-то церкви. См.: *Mortreuil J.-A.-B. Histoire du droit byzantin. Paris, 1846. Т. 3. Р. 288, note (c); Troianos S. N. Οἱ πηγές τοῦ βυζαντινοῦ δικαίου. Ἀθήνα, Κομοτηνῆ. 1986. Σ. 159* (датирует памятник «ок. 1300 г.»).

¹⁹⁴ Правда, заглавие его здесь почему-то скорее напоминает заглавие Эклоги, чем Прохирона. См.: *Troianos S. N. Οἱ πηγές. Σ. 159.*

других церковных писателей. Так, главы 28 и 29 этого же титула содержат «вопросы» архиепископа Диррахия Константина Кавасилы, а главы 30 и 31 — «ответы» на них Иоанна, епископа Китрского;¹⁹⁵ главы 32 и 33 содержат «ответ» митрополита Критского Ильи на «вопрос» монарха Дионисия и т. д. В компиляции имеются также заимствования из исаврийской Эклоги и из Синописиса Василик, но оба эти сочинения, по всей вероятности, попали в руки автору Пространного Прохирона после оформления всех 40 титулов, поэтому фрагменты из этих титулов вошли не в титулы Прохирона, а в так называемые *Tà parátitla*, составившие (в числе 32) приложение к этим титулам.¹⁹⁶

Важно при этом отметить, что многие рукописи, содержащие Пространный Прохирон, включают в себя в то же время и выше разобранные императорские «клятвенные указы», относившиеся к учреждению института «вселенских судей»: парижские рукописи 1343 (XVI в.), 1351 А (XIV в.) и 1356 (XIV в.) помещают их после «паратитлов»; ватиканская 856 и марчанская 180 (XV в.) — в качестве паратитлов 34 и 35; парижская

¹⁹⁵ Долгое время после статьи А. С. Павлова «Кому принадлежат канонические ответы, автором которых считался Иоанн, епископ Китрский?» (ВВ. 1894. Т. 1. С. 493–502) сочинения Иоанна Китрского приписывались архиепископу Охридскому Димитрию Хоматиану, но в последнее время предпринята серьезная попытка восстановить авторство Иоанна Китрского, а самого его отождествить с упомянутым среди патриарших чиновников логофетом Иоанном Хоматианом, который, возможно, был родственником Димитрия Хоматиана. См.: *Darrouzès J. Recherches sur les officia de l'Eglise byzantine*. P., 1970. P. 172–174; *Idem. Les réponses canoniques de Jean de Kitros // REB*. 1973. Т. 31. P. 319–334.

¹⁹⁶ *Mortreuil J.-A.-B. Histoire*. P. 292.

1368 (XV в.) и туринская 300 (XV в.), например, помещают их в начале текста Пространного Прохирона. По мнению Мортрейля, который и приводит эти данные в своем труде, «из этой неупорядоченности вытекает, что указы никогда не были частью данного сборника, и что они являются позднейшим добавлением, сделанным, без сомнения, во времена Андроника Палеолога».¹⁹⁷ Но даже если это и так, даже если Пространный Прохирон действительно был создан ранее судебной реформы Палеологов, то и тогда данный факт (наличие большого количества рукописей XIV–XV вв., содержащих текст Пространного Прохирона, а также включение в их состав императорских простагм, касающихся «вселенских судей») свидетельствует о том, что этот сборник интенсивно использовался вселенскими судьями в их судейской практике.

Богатая практика составления подборок юридических текстов («рукописей юридического содержания»), сопровождавшаяся иногда переделкой некоторых юридических памятников, приспособлением их к новым историческим условиям (например, Земледельческого закона, который в рукописях XIV–XV вв. часто фигурирует в переработанном по сравнению с древнейшей редакцией виде, с измененным порядком статей, с предисловием и заглавиями групп статей, с рядом дополнений и т. д.), наконец, опыт составления Пространного Прохирона позволили перейти к разработке более совершенного и более отвечающего потребностям византийских юристов правового пособия. Так появилось в 1345 г. знаменитое арменопуловское Шестикнижие (ἡ Ἑξάβιβλος) — «Ручная книга законов (Πρόχειρον Νόμων), выборочно собранная отовсюду и сокращенно составленная достопочтенным номофилак-

---

¹⁹⁷ *Mortreuil J.-A.-B. Histoire. P. 293.*

сом и судьей Фессалоники, господином Константином Арменопулом», юридическая компиляция, получившая широчайшее распространение как в оригинальном виде, так и в переводах на латинский, немецкий, русский, молдавско-румынский, болгарский, английский, новогреческий языки, на протяжении 500 лет сохранявшая на Балканах значение основного правового источника и судебного руководства, а после провозглашения независимости Греции получившая там силу закона. С введением в новой Греции Шестикнижия в качестве официального законодательства отпала необходимость планировавшейся сначала кодификации гражданского права путем перевода на греческий язык французского наполеоновского кодекса или германского уложения.¹⁹⁸

Теперь об авторе Шестикнижия. Если отбросить подробнейшую, но могущую представить интерес лишь для специалиста по психологии фальсификаторства псевдобιοграфию Арменопула, принадлежащую перу известного историка, уроженца Крита и позднее греческого эмигранта в Италии Николая Комнина Пападопулоса (1655–1740),¹⁹⁹ то окажется, что мы

---

¹⁹⁸ *Pitsakes K. G. Oí túχes tής 'Eξαβίβλου // Κωνσταντίνου 'Αρμενοπούλου Πρόχειρον Νόμων ή 'Eξαβίβλος. 'Αθήναι, 1971. Σ. πγ'; Papasthatis Ch. K. Zur Verbreitung der «Hexabiblos» des Harmenopoulos im slawischen Raum // Balkan Studies. 1976. T. 17. P. 67–78.*

¹⁹⁹ *Nicolai Comneni Papadopoli. Praenotiones mystagogicae ex jure canonico sive responsa sex. Neapoli, 1695 (перездание: Patavii, 1697). P. 143–144 (помимо «биографии» Арменопула, в этом сочинении автор выдумывает еще немало фантастических биографий, в частности, никогда не существовавшего византийского юриста Типукейта). О других фальсифицированных биографических сведениях об Арменопуле, то объявляющих его «начальником*

мало что знаем о жизни знаменитого византийского компилятора. Нам не известны ни точные даты жизни Константина Арменопула,²⁰⁰ ни место его рождения, ни его семья. Из той сводки данных источников об Арменопуле и его труде, которой располагает современный исследователь и которая наиболее обстоятельно в последнее время проанализирована в исследовании Питцакиса, предваряющем его новейшее издание Шестикнижия, с большей или меньшей долей уверенности можно сказать о нем следующее: в 1345 г., т. е. в году, когда была составлена древнейшая из дошедших до нас и представляющая к тому же уже второе (дополненное) издание Шестикнижия рукопись, *Ottobonianus 440* (датируется январем 1345 г.),²⁰¹ Константин Арменопул действует как судья (*κριτής*) Фессалоники, севаст и *οἰκεῖος* (или *δοῦλος*) императора (Иоанна V Палеолога или Иоанна VI Кантакузина — неизвестно); в 1349 г. он сочетает эти должности и титулы с титулом номофилакса и судьи «непорочного царского секрета», что само по себе, очевидно, предполагало его причастность к институту епархиальных «вселенских судей», т. е. «кафолических судей» без приставки *τῶν Ῥωμαίων* (именно это звание Арменопула

судей», то «первым архонтом Фессалоники», то даже патриархом Константинополя, см.: *Pitsakes K. G. Οἱ τύχες*.

²⁰⁰ Содержащиеся в справочнике годы жизни Арменопула (1320–1383) заимствованы, несомненно, из указанного сочинения Николая Комнина Пападопулоса. См.: *Karajannopoulos I. E. Πηγαὶ τῆς βυζαντινῆς ἱστορίας. Β' ἔκδοσις. Θεσσαλονίκη. 1971. Σ. 362.*

²⁰¹ По-видимому, в окончательном своем виде издание было осуществлено Арменопулом в промежуток между сентябрем 1344 г. и августом 1345 г. См.: *Fögen M. Th. Die Scholien zur Hexabiblos im Codex vetustissimus Vaticanus Ottobonianus gr. 440 // FM. 1981. Т. 4. P. 268.*

засвидетельствовано «Опровержением» патриарха Филофея, которое предположительно датируется 1353 или 1354 г.²⁰²); помимо Шестикнижия является автором серии работ по юридическим, историческим, грамматическим и теологическим вопросам: «Эпитама божественных и священных канонов»; «О ересьях»; «Слово на праздник св. Димитрия-Миропомазанника, празднуемый в храме пресвятой Богородицы Нерукотворной»; неизданный лексикографический труд Арменопула, содержащийся во многих рукописях и состоящий из «Алфавитного лексикона, содержащего синонимы глаголов» и «Алфавитного лексикона, содержащего общеупотребительные глаголы, в котором показывается, какие из них непереходные, а какие переходные»; табель о рангах при императорском дворе и при патриаршестве; и другие.²⁰³

Трудно сказать, где именно находился Арменопул во время восстания зилотов (1342–1349) и каким было его отношение как к этому восстанию, так и к исихастским спорам, современником которых он был. Все попытки историков представить его сторонником зи-

---

²⁰² *Darrouzès J. Les registes des actes du Patriarcat de Constantinople. Paris, 1977. Vol. I. Fasc. V. N. 2351. P. 288–289.* (Рукопись Verolin. 266, содержащая этот текст на л. 28, датируется декабрем 1353 г., но сама эта запись сделана другим почерком и, очевидно, несколько позднее.)

²⁰³ Сводный список трудов Арменопула, опубликованный Питцакисом (*Pitsakes K. G. Oi túxes. Σ. κζ'. Σημ. 48*), насчитывает 12 названий, включая Земледельческий закон и ряд других сочинений, приписываемых Арменопулу. Об авторстве Арменопула в отношении позднейшей редакции Земледельческого закона см.: *Медведев И. П. Был ли Константин Арменопул автором «арменопуловской» версии Земледельческого закона? // Византийские очерки. М., 1982. С. 216–233.*

лотов, одним из тех судей, которые были выбраны восставшим народом, или же, напротив, их противником, бежавшим из мятежного города в 1345 г., сторонником паламитов или, в свою очередь, их противником, представителем или «православной» партии, или «латинствующей», — не более, чем гипотезы, плохо или никак не обоснованные. Лично нам кажется более вероятной точка зрения (ее в свое время высказывал Триандафиллопулос, а последним — К. Г. Питцакис) о том, что Арменопул, подобно Димитрию Кидонису, не принял активного участия в социально-политической и идеологической борьбе своего времени, остался вне основных враждующих лагерей, за что его, кстати, и упрекал Григорий Акиндин, обвиняя в том, что тот, пленяясь иным мнением, стремится составить третью партию (τρίτην μοίραν συνιστάναι σπουδάξει), враждебную и исихастам, и варлаамитам, а также Церкви.²⁰⁴ По-видимому, Григорий Акиндин имеет здесь в виду какое-то не сохранившееся или остающееся неизвестным сочинение Арменопула.

Однако вернемся к основному юридическом труду Арменопула — к Шестикнижию. То, что оно мыслилось автором как практическое руководство судьям, видно из наставления судьям (Κριτῶν προκατάστασις), которое предваряет сборник. Этот *opus rhetoricum*, в котором Арменопул продемонстрировал свое умение пользоваться аттическим стилем, наполнен абстрактными рассуждениями автора о высоком назначении судьи, рыцаря справедливости, о его ответственности перед высшим судьей, т. е. Богом, о его беспристрастности и непорочности, о профессиональной обязанности

---

²⁰⁴ *Pitsakes K. G.* Οἱ τύχες. Σ. κζ'; *Idem.* Γρηγορίου Ἀκινδίνου Ἀνέκδοτη πραγματεία περὶ (Κωνσταντίνου;) Ἀρμενοπούλου. Ἐν Ἀθήναις, 1974. Σ. 203.

всегда изучать законы, причем не столько слова и формулировки, сколько их смысл и значение. Все эти положения обильно уснащены цитатами из Ветхого и Нового Заветов, апофтегмами отцов церкви, выдержками из древних авторов. Уже здесь Арменопул подчеркивает компилятивный характер своего труда, составленного из собранных отовсюду и изложенных кратко положений, «подобно тому, как если бы кто-нибудь, придя на покрытый цветами луг, сорвал самые приятные из цветов и свел их в единый букет — воплощение красоты и наслаждения».²⁰⁵

Наиболее отчетливо свое намерение и свои мотивы, которыми он руководствовался при создании Шестикнижия, Арменопул изложил в особом предисловии (Προῤῥῶρια), которое заслуживает быть приведенным полностью, тем более, что оно отсутствует в русском переводе Шестикнижия: «Некогда юристами из окружения благочестивейших императоров Василия, Константина и Льва была создана Книга законов, так называемый Прохирон, излагающий в сокращенном виде предписания законов. Случайно сейчас натолкнувшись на него, мы еще до его прочтения были изумлены многими обещаниями (его редакторов). Ибо они утверждают, что собрали из каждой книги законов необходимые, полезные и постоянно требующиеся распоряжения и записали их в сокращенном виде в этой ручной книге законов, почти ничего не упустив из того, что вправе знать многие. Так, по крайней мере, (эта книга) говорит во введении и дает такого рода обещания. Однако, читая книгу, мы заметили, что она далека от поставленной цели и данных обещаний, так как в ней и самое необходимое упущено,

---

²⁰⁵ Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Πρόχειρον Νόμων ἢ Ἐξάβιβλος. Σ. 5, 14–15.

многие из этих положений высказаны чересчур суммарно (ἐνδεῶς εἴρηται), да к тому же и столь сопротивно цели и обычаю, что мы, очень удивившись, сочли себя обязанными восполнить в ней недостающее, добавить надлежащее и создать законченное сокращенное издание. Именно поэтому мы и склонились над всем сводом законов (πλάτος τῶν νόμων), одни из которых установлены издревле, другие, которых по обычаю называют новеллами, придуманы позднее божественнейшими императорами²⁰⁶; вместе с ними и так называемые τὰ Ῥωμαϊκὰ Магистра, и указы Эпарха, и наиболее ценные из пособий (τῶν προχείρων τὰ κάλλιστα). Собрав из всех тех материалов самое ценное и самое необходимое и соединив все это с распоряжениями Прохирона (одно — вперемежку, другое — отдельно, как каждому подобало), и к тем сорока титулам, из которых состояла книга Прохирона, добавив другие, такие же по объему или даже большие, ради ясности и ради того, чтобы не казалось, что не хватает чего-то из необходимого, мы создали единое целое и разделили на шесть книг, изложив вкратце весь материал книг 60 законов и новелл, “Ромаиков”, указов Эпарха и руководств, назвав (это единое целое) Прохирон или Шестикнижие». ²⁰⁷

Таким образом, Арменопул сам указал основные источники, которыми он пользовался, и работа, проделанная учеными по отождествлению этих источников, показывает, что указал он их в основном правильно (особенно обращает внимание скрупулезность и добросовестность компилятора, оговорившего во введении и последовательно применявшего в тексте систему

---

²⁰⁶ См. об этом: *Perentidis St. Le terme «néara» sous les premiers Paléologues // Subseciva Groningana. 1990. Т. 4. Р. 163–176.*

²⁰⁷ Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου <...> Ἐξάβιβλος, Σ. 7, 14–15.

символов и ссылок — «знак Солнца» для обозначения добавлений к Прохируну и «знак Крона» для обозначения древнего текста — с тем, чтобы желающий мог всегда обратиться к подлинникам, εἰς τὰ πρωτότυλα τούτων). Действительно, Прохирон в 40 титулах целиком вошел в Шестикнижие, составив его основу. Использованы также Исагога, из которой эксцерпирована большая часть 4-го титула «приложений»; Василики, которые, как теперь доказано, были известны Арменопулу почти исключительно по Большому синопсису (*Synopsis Major Basilicorum*) и (в том, что касается схолий) по так называемой Эклоге Василик (компиляция XII в.)²⁰⁸. Использованы в Шестикнижии новеллы императоров, из которых наиболее интенсивно представлены новеллы Льва VI, заимствованные из так называемой *Ecloga Novellarum Leonis*, но также новеллы Константина VII Багрянородного, Романа II, Никифора Фоки, Василия II, Алексея I Комнина и Мануила, причем все эти новеллы, включая новеллы Льва, заимствованы Арменопулом из «приложения» к Синопсису; патриаршие и синодальные решения, также называемые в Шестикнижии новеллами (например, «новеллы» патриархов Сисиния, Ксифилина, Афанасия), причем именно в своих отсылках к источникам канонического права Арменопул демонстрирует наибольшую точность, обнаруживая в себе тем самым «скорее богослова, чем юриста» (выражение

---

²⁰⁸ *Matses N. P.* Τα σχόλια εἰς τὴν ἐξάβιβλον τοῦ Ἀρμενοπούλου καὶ ἡ ἐκλογή ἐκ τῶν 10 πρώτων βιβλίων τῶν βασιλικῶν (*Ecloga librorum I–X Basilicorum*) // BNJb. 1971. Bd. 21. S. 169–176. Cf.: *Pitsakes K. G.* Κριτικὲς παρατηρήσεις στὸ κείμενο τῆς Ἐξαβίβλου. Ἐν Ἀθήναις, 1973. Критическое издание памятника: *Ecloga Basilicorum* / Hrsg. von. L. Burgmann. Frankfurt a/M., 1988.

Питцакиса). Неплохо послужили ему трактат «О сроках» (компиляция VII в., взятая Арменопулом также из «приложения» к Синописису и использованная главным образом в 3 титуле «приложения» к Шестикнижью); Пира — сборник судебных решений из практики судьи XI в. Евстафия Ромея (или Романа), которую так долго не могли распознать под загадочным названием τὰ Ῥωμαϊκὰ τοῦ Μαγίστρου λεγόμενα (Евстафий, впрочем, действительно имел титул Магистра); уже упомянутый сборник уставов константинопольских цехов X в., известный под названием «Книги Эпарха» (II, 5, 8; III, 40–43; VI, 12–16), и трактат Юлиана Аскалонита о градостроительстве, составивший большую часть 4 титула второй книги Шестикнижия; наконец, прочие источники указаны Арменопулом как «наилучшие из руководств» (τῶν προχείρων τὰ κάλλιστα), в числе которых, очевидно, в первую очередь имелся в виду так называемый Малый синописис, алфавитная компиляция XIII в., составленная из материалов Михаила Атталиата (X в.). Именно из Малого синописиса, широко использованного в Шестикнижии, Арменопул узнал о сочинении Михаила Атталиата, из которого заимствована вся историческая часть Шестикнижия (I титул I книги, § 1–8), со всеми его вопиющими неточностями вроде того, что «Юстиниан составил три кодекса: Григорианский, Гермогенианский и Феодосиев».

Как уже было отмечено, весь собранный материал Арменопул расположил в шести книгах. В первой из них (18 титулов) рассматриваются общие принципы имущественного права, вопросы гражданского состояния, судопроизводства, реституции и т. д.; вторая книга (11 титулов) говорит о владении, собственности, морском и домостроительном праве; третья (11 титулов) — об отчуждении, договорном и залоговом праве, найме,

товариществе и т. д.; четвертая книга (15 титулов) трактует вопросы брачного и семейного права; пятая (13 титулов) — темы наследственного права (наследование по завещанию, обязательные наследники, фалькидий, законная доля, не завещанное наследование, отказ от наследования и др.), а также опеки; шестая (15 титулов) содержит положения уголовного права.

Как юридический памятник труд Арменопула сугубо компилятивен. Выясняется, что в нем (если исключить введение и некоторые схолии) «нет ни одной фразы, которую нельзя было бы найти в тех источниках, которыми пользовался Арменопул, или которая свидетельствовала хотя бы о какой-то более или менее значительной переработке»²⁰⁹. Не подтверждается и мнение тех ученых, которые считают, что Арменопул стремился «осовременить» право путем исключения устаревших и бесполезных распоряжений²¹⁰: в Шестикнижии присутствует немало распоряжений, явно устаревших для XIV в. (примеры у Питцакиса); в нем не наблюдается даже стремления компилятора ни к приспособлению языка источников к нормам современного ему греческого языка, ни к унификации терминологии, ни даже к улучшению и исправлению испорченного текста некоторых распоряжений. Последние переносятся в Шестикнижие, как правило, в той форме, которую они имеют в использованных Арменопулом источниках, но только в сильно сокращенном и упрощенном, освобожденном от всякой

---

²⁰⁹ *Pitsakes K. G.* // Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Πρόχειρον Νόμων ἢ Ἐξάβιβλος. Σ. μ'.

²¹⁰ См., например: *Pantazopoulos N. I.* Κωνσταντίνος Ἀρμενόπουλος, νομοφύλαξ καὶ κριτὴς Θεσσαλονίκης // Τόμος Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου, ἐπὶ τῇ ἐξακοσιετηρίδι τῆς Ἐξαβιβλου αὐτοῦ (1345–1945). Θεσσαλονίκη, 1952. Σ. 518.

риторики виде. Эта лаконичность и точность выражения, абстрактность мысли, заключенной в расположении, его повелительный тон сближают, по мнению некоторых ученых,²¹¹ Шестикнижие с юридическими гражданскими кодексами современности, делают его их предшественником. Сказанное еще в большей мере относится к отмеченной выше системе расположения материала, которая не похожа ни на один прежний законодательный сборник. «Освободившись здесь от всякой зависимости от его источников, и в частности от основы своего труда — от Прохирона, Арменопул становится предшественником системы, которую предстояло выработать юридической науке Запада спустя пять веков, — системы пятичастной классификации гражданского права (общие принципы, имущественное право, обязательственное право, семейное право и право наследственное)»²¹².

Очевидно, именно в этом прежде всего ключ необычайной популярности Шестикнижия на протяжении веков у разных народов, хотя несомненно были и другие причины: компактность, удобство, ясность, доступность в сочетании с достаточной полнотой юридического материала обусловили жизнеспособность арменопуловского труда, отвечая, по-видимому, каким-то новым явлениям и веяниям реальной жизни.

---

²¹¹ *Maridakes G. S.* 'Ο 'Αρμενόπουλος καὶ ἡ τεχνικὴ τοῦ δικαίου // Τόμος Κωνσταντίνου 'Αρμενοπούλου . Σ. 101.

²¹² *Pitsakes K. G.* Op. cit. Σ. μγ'; Cf.: *Maridakes G. S.* Op. cit. P. 101; *Pantazopoulos N. I.* Op. cit. P. 519. Зворонос, напротив, говорит о «трехчастной концепции права, которую Константин Арменопул («отец современных романистов») разработал и которую использовали юристы новейшего времени. См.: *Svoronos N.* Storia del diritto e delle istituzioni // La civiltà bizantina del XII al XV secolo. Roma, 1982. P. 200.

Но с чем решительно нельзя согласиться, так это с утверждением о том, что в труде Арменопула «гражданское частное право отделено от канонического»²¹³. Вселенский судья Константин Арменопул не мог ставить перед собой такой цели. Его задача была как раз противоположной и заключалась в соединении двух законодательств, а не в разъединении их. Наличие в тексте компиляции специального титула «О завещании епископов и монахов» (V, 4), титула «О рукоположении епископов и пресвитеров» (4 титул «Приложения»), целиком относившихся к чисто каноническим вопросам, а также других распоряжений церковно-правового происхождения, говорит именно об этом.

Конечно же, не в каждом своем сочинении Арменопул ставил перед собой вышеизложенную задачу, и в этой связи представляется необходимым подробнее осветить вопрос о другом значительном юридическом труде Арменопула, традиционно остающемся в тени Шестикнижия, — о его «Эпитоме божественных и священных канонов». Труд сугубо канонический, благодаря которому его автор заслужил данную ему патриархом Филофеем характеристику продолжателя дела Вальсамона. Но и здесь Арменопул отходит от глоссирования как чисто средневекового метода в интерпретации текстов и предлагает свой опыт кодификации канонов.²¹⁴ Как и Шестикнижие, «Эпитома» состоит из

²¹³ *Pitsakes K. G.* Op. cit. Σ. μβ'—μγ'.

²¹⁴ *Archontones B. Ch.* Περί τήν κωδικοποίησιν τῶν ἱερῶν κανόνων καὶ τῶν κανονικῶν διατάξεων ἐν τῇ ὀρθοδόξῃ Ἐκκλησίᾳ. Θεσσαλονίκη, 1970; *Pitsakes K. G.* Γύρω ἀπὸ τις πηγὲς «Ἐπιτομῆς κανόνων» τοῦ Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου: τὰ σχόλια. Ἐν Ἀθῆναις, 1978; Edition critique et commentaire de l'Épitomé des saints canons de Constantin Harménopoulos / Texte établi,

шести разделов, в свою очередь делящихся на титулы. Первый из этих разделов трактует вопросы избрания и поставления епископов (6 титулов), второй — об избрании и поставлении пресвитеров, диаконов и иподиаконов (6 титулов), третий — о прочих чинах клира (5 титулов), четвертый — о монахах и монастырях (3 титула), пятый — о мирянах-мужчинах (5 титулов) и шестой — о мирянах-женщинах (1 титул). Как и Шестикнижие, «Эпитома» была снабжена особым предисловием, *Προεῳρία*, но в отличие от Шестикнижия, где Арменопул указывает непосредственно использованные источники, в «Эпитоме» он этого не делает, ограничившись ссылкой на основные источники канонического права (каноны синодов, «апостольские» каноны, каноны отцов церкви). Метод работы по отбору и «эпитомированию» материала тот же самый, что и в Шестикнижии, о чем свидетельствуют так называемые *Locī gemīni* в том и другом сочинении: за некоторыми незначительными исключениями текст подвергнутых эпитомированию правил буквально совпадает с теми местами, откуда он заимствован.

Вскоре после его издания сборник был снабжен большим количеством схолий, выяснение происхождения которых затрудняется тем, что только некоторые из них снабжены указаниями на источник. Например, часть схолий принадлежит патриарху Филофею, хартофилаку Великой Церкви Петру Вальсамону, а также «блаженному Иоанну», которого до недавнего времени

---

traduit et commenté par Stavros Perentidis [Thèse pour le doctorat de troisième cycle présentée et soutenue le 13 janvier 1981 à l'Université de Paris-Sorbonne]. Paris, 1980–1981 (машинопись; ксерокопия этой, до сих пор неизданной, диссертации любезно предоставлена автором в наше распоряжение).

отождествляли с патриархом Иоанном XIV Калекой; на самом же деле, как оказалось, схолии под именем «блаженного Иоанна» принадлежат Илье Критскому²¹⁵. Часть схолий приходит через Властаря из «Каноникона» псевдо-Иоанна Постника, хотя их источник обозначен просто «Иоанн Постник», а все прочие, упомянутые в тексте схолий источники (новеллы Юстиниана, других живших после него императоров, патриаршие и синодальные решения и т. д.) — это лишь косвенные источники, известные редактору схолий лишь по упоминанию их византийскими глоссаторами и Властарем, откуда он их и заимствует. Что же касается вопроса о том, в какой мере следует приписывать самому Арменопулу включение схолий в «Эпитому», то Питцакис, которому здесь принадлежит главное слово, считает возможным ответить на него положительно, так как большинство схолий «черпает» материал из тех же источников, которые использованы и для основного текста «Эпитомы». Некоторые сомнения, по его мнению, возникают лишь в отношении тех схолий, которые «не кажутся связанными непосредственно, а иногда и опосредованно, с тем местом или темой, под которые они подведены».²¹⁶

В отличие от светского законодательства и светской юриспруденции, которые, как мы убедились, многое утратили в ходе общего исторического развития, каноническое право и на заключительном этапе истории Византии предстает в более или менее целостном виде, и если мы возьмем наугад ну хотя бы такие рукописи канонического содержания, как *Vaticanus gr. 844* или

---

²¹⁵ См. об этом: *Pitsakis C. G. Un problème mineur de prosopographie juridique byzantine: Le «bienheureux Jean» de l'Épitome Canonum // Βυζαντινά. 1989. Т. 15. Р. 385–399.*

²¹⁶ *Pitsakis K. G. Γύρω από τις πηγές. Σ. 87, σημ. 3.*

Sinaiticus gr. 1185 (обе XIV в.), то мы обнаружим в них весь корпус древнейших источников официального канонического права, «ратифицированный» на Трулльском соборе 692 г. Разумеется, и более поздние сборники-номоканы (такие как «Номоканон Фотия» и др.) продолжают усиленно переписываться и использоваться для последующего канонического «правотворчества».

От XIV–XV вв. дошли несколько таких попыток собственного «правотворчества» в области канонического права. Так, митрополит Родосский Нил Диасоренос (в миру Никита Мирсиниот), выходец с о. Хиоса, паламит по убеждениям, сосланный за это патриархом Каллистом на о. Родос, митрополичью кафедру которого он занимал с 1357 г., известен прежде всего своей литературной деятельностью (ему, в частности, принадлежит очерк о вселенских соборах, замечательный тем, что автор квалифицирует как вселенские не только Фотиев собор 879/80 г., но и паламитские соборы 1341 г.). Но, оказывается, он был еще и высокообразованным юристом, специалистом по церковному праву. В своих «Ответах» (числом 21) монаху Ионе он разъясняет вопросы, касающиеся богослужения, причастия, крещения, покаяния, елеосвящения, поминовения, поста, — словом вопросы почти исключительно из литургической сферы.²¹⁷ Среди ответов привлекает внимание один — о причащении младенцев. На вопрос «А что должно делать относительно крещеного латинянинами?» Нил отвечает: «Миром мажет и только молитвы произносит»,²¹⁸ т. е. автор обосновывает свое

---

²¹⁷ Алмазов А. И. Неизданные канонические ответы Константинопольского патриарха Луки Хризверга и митрополита Родосского Нила. Одесса, 1903.

²¹⁸ Там же. № 9. С. 61.

положительное решение, очевидно адресуя его католической церкви, в которой вопрос о причащении младенцев решается отрицательно. По-видимому, вопрос монаха Ионы был вызван современным Нилу положением его митрополии, когда обосновавшиеся на Родосе крестоносцы-рыцари, а с ними и деятели по пропаганде католичества миссионерствовали в пользу католической церкви не безуспешно, и во времена Нила бывали случаи, когда они крестили детей, которые должны были бы быть крещены православными священниками.²¹⁹ Это довольно-таки редкий для данного периода случай соприкосновения права православной церкви и латинского права, чаще же приходится констатировать почти полное отсутствие контактов между ними.

Еще один памятник канонического права этого времени — 54 канонических «Ответа» митрополита Эфесского Иоасафа (ум. в 1437 г.) на вопросы пресвитера Георгия Драсина, также касающиеся различных аспектов совершения литургии, великой вечери, исповеди, причастия, таинства брака, погребения, поминовения, водоосвящения, монашества, значения храма и т. д.²²⁰ По разнообразию затронутых в них вопросов они представляют редкий канонический документ в ряду подобных ему по характеру происхождения памятника. Любопытен, например, ответ 44, где среди тех умерших нераскаившимися грешников,

---

²¹⁹ Алмазов А. И. Неизданные канонические ответы Константинопольского патриарха Луки Хризверга и митрополита Родосского Нила. Одесса, 1903. № 9. С. 62.

²²⁰ Алмазов А. И. Канонические ответы Иоасафа митрополита Эфесского. Одесса, 1903. Есть новое издание, мне оказавшееся недоступным: Korakidis A. 'Ιωάσαφ 'Εφέσου ('Ιωάννης Βλαδίντερος): Βίος, Ἔργα, Διδασκαλία. Ἀθήνα, 1992.

о которых запрещалось молиться, упоминаются «берущие проценты и умирающие вместе с ними», а также подверженные постоянному пьянству.²²¹

Своего апогея, однако, поздневизантийское каноническое право достигло (и это бесспорно) в деятельности знаменитого византийского канониста Матфея Властаря, творившего в Фессалонике в то же время, что и Константин Арменопул. Главный труд Властаря — «Алфавитная синтагма»,²²² написанная в 1335 г., т. е. еще до Шестикнижия,²²³ получила широчайшее распространение и практическое применение как в византийское время, так и в период турецкого владычества, соперничая по популярности с Шестикнижием, а переводы Синтагмы на славянские языки (на сербский вскоре после ее появления, на болгарский в XVI в. и на русский в XVII в.) свидетельствуют о том, что Синтагма оказала большое влияние на правовую жизнь славянских народов.²²⁴

О самом Матфее Властаре мы, как и об Арменопуле, знаем очень мало. Неизвестны ни годы его жизни, ни «социальное происхождение». Несомненно то, что

²²¹ Алмазов А. И. Канонические ответы Иоасафа... С. 35.

²²² *Rhalles G. A. et Potles M. Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων. Ἀθήναι, 1859. Τόμ. 6. Σ. 1–518.*

²²³ По недоразумению, в одной статье Алфавитная синтагма датируется более поздним временем — 1355 г. (*Theocharides G. J. Ὁ Ματθαῖος Βλαστάρις καὶ ἡ μονὴ τοῦ Κύρ Ἰσαὰκ ἐν Θεσσαλονίκῃ // Byzantion. 1970. Т. 40. Р. 437, 441–442*); См. об этом: *Medvedev I. P. La date du Syntagma de Mathieu Blastarès // Byzantion. 1980. Т. 50. Р. 338–339.*

²²⁴ *Cront G. Le syntagme de Matthieu Blastarès dans les Pays Roumaines // Xenion: Festschrift für P. J. Zepos. Athen-Freiburg-Köln, 1973. Bd. 1. S. 447–454; Rodopoulos P. Τὸ Σύνταγμα τοῦ Ματθαίου Βλάσταρη καὶ ἡ ἐπίδρασή του στὸν σλαβικὸ κόσμον // Τοῦ ἴδιου. Μελέται. Α΄. Θεσσαλονίκη, 1993, 279–288.*

он был иеромонахом; возможно, подвизался в фессалоникском монастыре Перивлепты, где его духовным отцом был основатель этого монастыря Исаак, бывший в 1295–1315 гг. митрополитом Фессалоники под именем Иакова. В исихастском споре принял участие на стороне исихастов, выступив с такими сочинениями, как «О божественной милости или О божественном свете» (в котором отстаивал исихастскую идею о несотворенном свете Господнем) и «Против Варлаама». Матфей был, кроме того, поэтом, перу которого принадлежит целый ряд гимнографических литургических произведений,²²⁵ а также изложенный политическими стихами трактат о званиях и должностях константинопольского двора и церкви. Властарь является автором целого ряда синопсисов — риторического синопсиса, синопсиса номоканона псевдо-Иоанна Постника, синопсиса ответов Никиты Ираклийского на вопросы епископа Константина, канонов патриарха Никифора и др.²²⁶

Что касается «Алфавитной Синтагмы», то, как уже отмечалось в литературе,²²⁷ ее возникновение также было связано с проводившейся Палеологами судебной реформой, было непосредственным откликом на нее. Объединяя в рамках Синтагмы гражданское и церковное законодательство, автор решает именно ту задачу, которая ставилась перед такого рода компиляциями.

Кстати говоря, именно Матфею Властарю принадлежит положение о *συμφωνία ἐν τῶσιν* как принципе,

---

²²⁵ *Paschos P. B.* Ὁ Ματθαῖος Βλάσταρης καὶ τὸ ὑμνογραφικὸν ἔργον τοῦ Θεσσαλονίκῃ, 1978.

²²⁶ Список трудов Матфея Властаря см.: *Theocharides G. J.* Op. cit. P. 442, note 1.

²²⁷ *Soloviev A.* L'oeuvre juridique de Matthieu Blastarés // *Studi bizantini e neoellenici.* 1939. Vol. 5. P. 699–701.

на котором были основаны взаимоотношения государства и церкви, и этот принцип был сформулирован им как раз в «Алфавитной Синтагме». ²²⁸ Разумеется, в отличие от Пространного Прохирона и Шестикнижия, авторами которых были светские юристы, а посему и центр тяжести компиляций приходится на гражданское законодательство, автор Синтагмы — духовное лицо, и это сказалось на характере компиляции, которая имеет ясно выраженные черты номоканона. По словам самого Властаря, сказанным в предисловии, его целью при составлении Синтагмы было дать краткое практическое руководство по действовавшему в то время церковному праву, причем к соответствующим главам канонов он «счел полезным присоединить нечто малое и сокращенное из светского законодательства, помогающее священным канонам, с ними согласующееся и сообщающее им крепость».

В предисловии, которое как и в Шестикнижии, названо Προεῳρία, излагаются в хронологическом порядке различные источники, составляющие канонический кодекс православной церкви до собора 879 г. при Фотии (в этом порядке, правда, есть и нарушения, которые проникли и в нашу печатную Кормчую, а также встречаются ошибки при указании числа правил соборов и отцов церкви), и очерк истории римско-византийского права (νόμοι πολιτικοί), вплоть до опубликования Василик. Это обозрение, по мнению ученых, представляет большое сходство с предисловием к «Синописису» Атталиата. Самый же труд начинается прологом «О православной вере» подобно «Синописису Василик», который, по всей вероятности, и зародил у Властаря мысль составить Синтагму в алфавитном порядке. Последняя состоит из 303 глав в 24 титулах,

---

²²⁸ *Rhalles G. A. et Potles M. Σύνταγμα. Τ. 6. Σ. 429.*

расположенных в соответствии с греческим алфавитом и обозначенных буквами от «альфы» до «эмеги», так что различные сюжеты церковного права размещены под теми буквами, с которых начинаются их названия. Как правило, главы начинаются изложением канонических постановлений, относящихся к содержанию титула, и заканчиваются рубрикой νόμοι πολιτικοί, в которой собраны более или менее значительные извлечения из гражданского законодательства. Однако в Синтагме есть немало глав, часть которых составлена исключительно из распоряжений канонического права (таких 79), другие — только из распоряжений гражданского права (их 31), причем, как правило, без указания источника.²²⁹

Каноническая часть синтагмы содержит в себе сокращенное изложение «апостольских» канонов, канонов соборов и отцов церкви (за исключением 7-го канона антиохийского собора, 15-го и 58-го лаодикийского, 19-го сардикского, 39 канонов карфагенского, 1-го канона собора в храме Св. Софии, 9 канонов Петра Александрийского, 16, 16 и 53 Василия Великого, 16, 17 и 18 Тимофея Александрийского, нескольких правил Феофила и Кирилла Александрийского), постановлений патриархов («тома» Николая Мистика, Сисиния, Сергия, Иоанна Ксифилина, Николая Грамматика, Льва Стипиота, Феодота, Константина Хлиорена, Луки Хрисоверга, Михаила Анхиала, Арсения Авториана, Афанасия), двух правил из номоканона псевдо-Иоанна Постника, мнений отцов церкви (Дио-

---

²²⁹ Детальное указание источников труда Матфея Властаря см.: *Matses N. P. Περί τὴν κριτικὴν τοῦ Συντάγματος τοῦ Ματθαίου Βλάσταρη. Ἀθήναι, 1979–1980. Т. 1–2; Troianos Sp. Περί τὰς νομικὰς πηγὰς τοῦ Ματθαίου Βλάσταρη // ΕΕΒΣ. 1979–1980. Т. 44. Σ. 305–322.*

нисия Ареопагита, Дионисия Александрийского, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Епифания Кипрского, Исидора Пелусиота, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина, аввы Дорофея, патриарха Фотия и Феодора Студиата). Считается, что весь этот материал (или, по крайней мере, 9/10 его) взят Властарем у Зонары и особенно у Вальсамона. Лишь около 30 толкований приписывается самому Властарю, да и то, может быть, только потому, что источники их еще не обнаружены.

Что же касается светских законов (*νόμοι πολιτικοί*), то они приводятся в Синтагме или с указанием имени императора, издавшего закон, или без всякого указания. К первым относится знаменитая фальшивка-дарение Константина Великого папе Сильвестру; две новеллы Ираклия; новеллы Юстиниана, известные, очевидно, автору по сборнику 168 новелл; 24 новеллы Льва Мудрого; 31-я новелла Константина Порфирородного, анафематствующая заговорщиков и мятежников; новелла 14-я Никифора Вотаниата; хрисовул Исаака Комнина; несколько новелл Алексея и Мануила Комнинов, одна новелла Исаака Ангела. Помимо Вальсамона и Зонары, из толкований которых по преимуществу заимствован и материал «светской части» Синтагмы (исследователи, впрочем, признают, что Властарь имел при этом и подлинный текст тех законов, на которые приводит толкование), немало взято из Прохирона, Исагоги, Эклоги, а также из «Синописа Василик».

Таким образом, творчество Матфея Властаря, Константина Арменопула и их коллег знаменует собою последнюю веку ученой византийской юридической традиции. Нельзя при этом не отметить выдающуюся роль Фессалоники как крупнейшего очага юридической науки. Византийское право на заключительном этапе его развития характеризуется приближением

его к практическим нуждам юристов, определяется принципами судебной реформы, оказавшей решающее влияние на правовую жизнь Империи последних двух веков ее существования. Следует, очевидно, признать поспешным вывод об упадке (да еще полном упадке!) юриспруденции. Речь скорее должна идти об изменившемся характере последней: время грандиозных «правительственных» кодификаций, столь типичных для эпохи расцвета империи, а также время глоссаторов, безвозвратно ушло в прошлое; наступило время систематизаторов права.

Часть III

Византийский нотариат*

Законодательство о нотариате

Понятие «нотариат», будучи этимологически связано с латинским словом «нотарий» (*notarius*, в греческой транскрипции *notáριος*), на самом деле первоначально не имело с ним ничего общего. Последнее в классическое время означало протоколиста, ведущего запись бесед и прений сторон, стенографа (*ταχύγραφος*) или учителя стенографии, т. е. не было связано ни с какой нотариальной функцией.¹ Зародыш нотариата как правового института усматривают в деятельности

---

* По данной теме теперь существует специальная монография (*Saradi H. Le notariat byzantin du IXe au XVe siècle. Athènes, 1991. 312 p.*), которая, полагаем, не «отменяет» и нашего исследования: совпадая во многом, мы все же говорим об этом каждый на «своем собственном языке».

¹ См. о них: *Ляпидевский Н.* История нотариата. М., 1875. С. 12–20; *PWRE.* 1940. Suppl. VII. S. 586; *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. Т. 2. P. 306; *Amelotti M., Costamagna G.* Alle origini del notariato italiano. Roma, 1975. P. 5, 10, 20; *Saradi H.* Le notariat byzantin du IXe au XVe siècle. P. 31–33.

определенной категории лиц — профессионалов с техническим названием *tabelliones* (от *tabella*, т. е. дощечка, традиционный материал римского документа), которые, не состоя на государственной службе, но под контролем государства занимались в виде свободного промысла составлением юридических актов и служебных бумаг, т. е. облечением юридических сделок в документальную форму, получая за это установленное законом вознаграждение (например, в эдикте Диоклетиана устанавливалась такса вознаграждения табеллиона за составление бумаг и документов по числу строк — 10 динаров за 100 строк).² Именно в этом учреждении усматривают зародыш того громадного института, который, «получив в Италии широкую организацию со стороны законодательства и новое имя “нотариат”, вместе с римским правом (но в его византийской переработке. — *И. М.*) акцептирован и ассимилирован новыми европейскими народами».³

Впервые табеллионы упоминаются в начале III в. Ульпианом (D. 48. 19. 9. 4–7), причем в одном ряду с юристами (*iuris studiosi*) и поверенными (*advocati*).⁴ Указаны их функции (*instrumenta formare, libellos*

---

² *Diokletians Preisedict / Hrsg. von. S. Lauffer. Berlin, 1971. S. 120 (7, 41).*

³ *Ляпидевский Н.* История нотариата. С. 21; ср.: *Tardy M.* Les tabellions romains depuis leur origine jusqu'au X-ème siècle. Angoulême, 1901. P. 139 sq.; *Durando E.* Il tabellionato o notariato nelle leggi romane, nelle leggi medioevali italiane e nelle posteriori specialmente piemontesi. Torino, 1897; *Gallo-Orsi G., Grino G.* Notariato // *Novissimo digesto italiano.* 1965. XI. P. 257–387; *Amelotti M., Costamagna G.* Alle origini del notariato. P. 15; *Saradi H.* Op. cit. P. 33–41.

⁴ В тексте упомянуты еще *pragmatici*, но это сейчас признается глоссой: *Amelotti M., Costamagna G.* Alle origini del notariato... P. 15.

concipere, testationes consignare, testamenta ordinare vel scribere vel signare), а также места их деятельности. Но поскольку эти указания относятся ко всем трем категориям лиц, упомянутых Ульпианом, то неясно, что приходится на долю собственно табеллионов. Маловероятным, в частности, представляется то, что они осуществляли свою деятельность в архиве или грамматофилакиуме, т. е. публичных учреждениях, в которых, по свидетельству самого Ульпиана, сдавались в депозит документы (eo loci... quo in publico instrumenta deponuntur, archivo forte vel grammatophylacio). Возможно, что и тогда уже табеллионы работали в своих расположенных в публичных местах конторах (stationes), о которых мы знаем из более поздних источников.⁵ Общая же эволюция этого института совершалась в направлении приобретения деятельностью табеллионов и табеллионатным документом как таковым все большей публичности, хотя ни сам табеллион не стал государственным служащим, ни табеллионатный документ не приобрел в полной мере значения публичного акта. В то время как на Западе после лангобардского нашествия слово «табеллион» вообще исчезло из сферы документоведения (за исключением тех областей, которые остались под византийским господством), по каким-то не совсем выясненным причинам будучи замененным на слово *notarius*,⁶ в Византии институт табеллионов распространился повсеместно, вытеснив постепенно все другие античные системы нотариата, причем табеллионы стали обозначаться здесь

---

⁵ N. 44.1-2; C. 8.11.12 (a. 440); D. 42.4.7.13; 47.10.15.7; Cf.: *Sachers E.* *Tabellio* // PWRE. Stuttgart, 1932. Bd. IV. S. 1849.

⁶ *Amelotti M., Costamagna G.* *Alle origini del notariato...* P. 153.

(наряду с просто греческой транскрипцией — ταβελλίωv) многими, более или менее синонимичными терминами — συμβολαιογράφος, νομικός, ταβουλάριος, но иногда — νοτάριος.

В таком примерно виде позднеимперский нотариат и был унаследован Византией. Именно ему, по мнению Миттайса, было суждено в эллинистическую и ранневизантийскую эпохи стать фактором, больше всего способствовавшим рецепции римского права на Востоке, именно ему «надлежало направлять юридические отношения на пути нового права и создать в зыбкой бесформенности эллинистического права прочный базис, на основе которого только римский (читай: «византийский». — *И. М.*) судья и был склонен признать правоотношение».⁷ Но чтобы выполнить эту свою функцию, нотариату самому нужно было избавиться от «зыбкости и бесформенности». безусловно присущей ему на ранней стадии его истории. Это и явилось делом Юстиниана, издавшего ряд фундаментальных законов, которые послужили основой всего византийского законодательства о нотариате и частном письменном акте. Речь при этом прежде всего идет об одной конституции Юстиниана от 1 июня 528 г., во фрагментарном состоянии включенной затем в кодекс (С. 4.21.17),⁸ и о трех его новеллах (соответственно от августа 537 г., 31 августа 537 г. и 4 июня 538 г. = N. 44, 47, 73). К ним

⁷ *Mitteis L. Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs. Leipzig, 1891. S. 171.*

⁸ По мнению Галло, дошедший текст, вероятно, эксцерпирован из более пространной конституции, из которой компиляторы *Codex repetitae praelectionis* использовали и другие фрагменты — С. 4.2.17; 4.20.18; 4.30.14 (cfr. 10.22.5; 1.4.21); 4.30.15 (?); 5.15.3. См.: *Gallo F. Riflessioni sulla funzione della scriptura in C. 4.21.17 // Studi in onore di Biondo Biondi. Milano, 1965. Vol. 2. P. 413, n. 1.*

присоединяются и ранее изданные императорами законы (например, ряд конституций Льва, воспрещавших табеллионам оформлять письменно сделки евнухов, отчуждения церковных имуществ, уступки владений с целью приобретения их патроном,⁹ или конституция Анастасия, в которой табеллиону вменялось в обязанность контролировать правильность заключения частных сделок и особенно регистрацию актов в соответствии с законом¹⁰), так как, будучи включенными в кодекс, они приобретали нормативное значение и входили составной частью в Юстинианову доктрину табеллионата.¹¹

Итак, текст знаменитой конституции С. 4.21.17,¹² столь часто воспроизводящейся в разного рода работах, гласит: сделки на продажу или обмен, или дарения, которые необязательно должны быть зарегистрированы (*quas intimari non est necessarium*), а также сделки, касающиеся дачи задатков или чего-либо другого, стало быть, те соглашения, в отношении которых было желательно, чтобы они совершались письменно (*quos in scriptis fieri placuit*), а также сделки, которым надлежит быть зафиксированными документом (*quas instrumento recipi convenit*), — все они должны иметь силу (*vires habere*) не иначе, как через посредство переписанных набело и скрепленных подписями сторон документов (*instrumenta in mundum recepta*

⁹ С. 4.42.2; 1.2.16.6 (3); 11.54 (53), 1 pr.

¹⁰ С. 8.53 (54).32.

¹¹ На практике более употребительными были все же кодекс и новеллы, нормы которых стали в конце концов превалировать над всеми остальными. Что же касается дигест и конституций, то они больше использовались с учебными целями. См.: *Archi G. G. Giustiniano legislatore*. Bologna, 1970.

¹² С. I. С. Vol. 2: *Codex Iustinianus*. Berolini, 1959.

subscriptionibusque partium confirmata), а в случае, если последние составляются табеллионом, то также совершенных им самим (ab ipso completa) и в конце концов «отпущенных» сторонам (partibus absoluta),¹³ и чтобы никому не было позволено, прежде чем так случится, присваивать себе на основании такого рода контракта или сделки какое-либо право, предъявляя составленный проект акта (a scheda conscripta), пусть даже содержащий подпись одной стороны или обеих, или же самый акт, который и не совершен, и не отпущен (vel ab ipso mundo, quod necdum est impletum et absolutum).

Из этого весьма краткого текста вытекают, однако, важные следствия. По мнению Дэльгера,¹⁴ здесь речь идет о двух категориях документов: 1) о документах, которые составляются самими сторонами («документы сторон»), переписываются начисто и подписываются ими;¹⁵ 2) о документах, которые по поручению сторон

¹³ В аналогичных терминах и с явной ссылкой на конституцию в Inst. 3. 23 pr. (там, где говорится о табеллионатных документах купли-продажи) также запрещается совершать сделки, nisi et complationes acceperint et fuerint partibus absoluta. Фраза буквально переведена одним из крупнейших юристов VI в. Феофилом в его парафразе: εἰ μὴ καὶ complationes παρακολουθήσωσιν... καὶ ἀπολυθῆ τὰ συμβόλαια τοῖς μέρεσιν // Institutionum graeca paraphrasis Theophilo antecessori... / Ed. C. Ferrini. Berolini, 1884–1897. P. 352.

¹⁴ Döger F. Zur mittelalterlichen Privaturkunden // Dölgger F. Byzantinische Diplomatie. Ettal, 1956. S. 339–340; Cf.: Zepos P. J. Ἡ παράδοσις δι' ἐγγράφου ἐν τῷ βυζαντινῷ καὶ τῷ μεταβυζαντινῷ δικαίῳ // Τόμος ἐπὶ ἑξακοσιετοῦ Ἀρμενοπούλου. Θεσσαλονίκη, 1952. Σ. 216–217.

¹⁵ Т. е. полагает Зепос, речь идет о развитии греческого античного хирографа, который, «несмотря на все трудности, сохранился в римскую эпоху» (Zepos P. J. Ἡ παράδοσις... Σ. 216, прим. 49). По мнению Бруннера, требование подписи свидетельствует о том, что имеются в виду только те до-

составляются табеллионом, затем «совершаются» им и вручаются сторонам, причем характерными конститивными элементами табеллионатного документа были *completio* и *absolutio*, правильное понимание которых само по себе выливается в проблему, к которой нам еще предстоит вернуться.

Если конституция С. 4. 21. 17 касалась в основном форм и типов документов, то новелла 44, изданная позднее конституции, но логически как бы предвещающая последнюю, трактует вопросы внешней организации службы табеллиона, и поскольку эта новелла ни разу не приводилась в более или менее цельном виде, считаем полезным перевести ее целиком:¹⁶ «Нам стало известно об одной тяжбе, — говорит император в предисловии к новелле, — которая и дала повод для издания настоящего закона, а именно: от лица некоей женщины был предъявлен акт, не имеющий ее собственноручной подписи (ибо она была не сведуща в грамоте), но совершенный табеллионом,¹⁷ содержащий

кументы, «контекст» которых был аллографичен, т. е. писан чужой рукой (*Brunner H. Zur Rechtsgeschichte der römischen und germanischen Urkunde. Berlin, 1880. I. S. 58–59*), но Дэльгер считает, что привлеченные Бруннером места из Кодекса и Институций можно понять так, что письменное соглашение, правда, могло быть написано чужой рукой, но затем должно было быть подписано лицом, от которого документ исходит, или же должно было быть целиком написанным им (и, стало быть, подписанным), чтобы иметь законную силу. См.: *Dölger F. Zur mittelalterlichen Privaturkunden. S. 349. Anm. 1.*

¹⁶ С. I. C. Vol. 3: Novelle. P. 273–277.

¹⁷ В греческом тексте, с которого мы делаем перевод, употребляется повсюду термин *σφραγματογράφος*, но мы используем термин «табеллион», содержащийся в латинском *Authenticum*.

ее подпись, сделанную с помощью руки табулярия (т. е. за неграмотную расписался табулярий¹⁸), и отмечающий присутствие свидетелей. И поскольку затем в отношении документа возникло некоторое сомнение (так как женщина заявила, что ее волеизъявление совсем не соответствует тому, что говорилось в письменном акте), то слушавший дело пожелал узнать правду от табеллиона, с какой целью и вызвал его. Тот сказал, что признает письмо формулы совершения акта, но ничего не знает, что за этим (т. е. процедурой “совершения”) последовало, ибо разбор начальной стадии (составления акта) он не взял на себя, а поручил это кому-то из своих помощников, да и позднее не присутствовал при совершении, но снова поручил это еще одному помощнику. Явился в суд и участвовавший в совершении, который, однако, сказал, что и ему ничего о деле неизвестно, так как не он был писцом документа; он знает только то, что в его присутствии акт был “отпущен” (*ἀπολέλεται, dimissum est*). Того же, кому было поручено начало составления акта, не удалось найти. И если бы судье не удалось с помощью свидетелей распутать дело, то явно возникла бы опасность, что он ничего и не будет знать, а это заслуживает компетентного рассмотрения и оценки.

Поэтому, — говорит Юстиниан, начиная главу I закона, — мы сочли нужным помочь каждому и издать для всех общий закон с тем, чтобы табеллионы, стоящие во главе службы, любым способом лично сами занимались составлением акта¹⁹ и присутствовали,

---

¹⁸ Здесь табулярий выступает в значении «писец», который еще не достиг ранга нотариуса, совершающего акты. Ср.: *Amelotti M., Costamagna G. Alle origini del notariato...* P. 82. N. 14.

¹⁹ В позднейшем Синописе новелл Юстиниана это распоряжение резюмируется так: *πᾶς συμβολαιογράφος αὐτὸς δι*

когда последний “отпускается” (ήνίκα ἀπολύοιτο, *dum dimittitur*), и чтобы не иначе осуществлялось совершение акта (πλήρωσις, *completio*),²⁰ как с соблюдением следующих правил: они сами должны иметь представление о деле с тем, чтобы в случае, если спросят судьи, могли узнать и ответить, что случилось впоследствии, особенно когда сделавшие волеизъявление неграмотны, ибо им легко отказаться от того, что изложено в документе: это не поддается проверке. Так вот (1), чтобы предотвратить все это, мы и пишем настоящий закон, и хотим, чтобы он всячески соблюдался табеллионами и в этом благословеннейшем городе (т. е. Константинополе), и в провинциях. Пусть они знают, что если что-либо сделают вразрез с ним, то будут полностью отстранены от так называемых станций (ἐκλεισούνται πάντως καλούμένων στατιόνων),²¹ а тот, кто будет делегиро-

---

ἐαυτοῦ συνταττέτω τὸ συμβόλαιον: *Schminck A., Simon D. Eine Synopsis der Novellen Justinians // FM. 1981. 4. S. 157 (679).*

²⁰ Ван дер Валь, резюмировавший это место фразой «*completio* нотариуса должна следовать за *absolutio* сторон», считает, что здесь Юстиниан противоречит своему же распоряжению (С. 4. 21. 17), предписывавшему как раз противоположное (*Wal van der N. Manuale novellarum Justiniani. Groningen; Amsterdam, 1964. P. 15 et n. 5*). Кажется, однако, что у Юстиниана вообще нет речи о чередовании *completio* и *absolutio*, но только об обязанностях табеллиона в целом.

²¹ Здесь особенно видно, что «станция» (*statio*) — это техническое обозначение нотариальной конторы, которое сохранится до самых позднейших времен (еще в XIII в. оно встречается у Димитрия Хоматиана именно в этом значении: *Pitra J. B. Analecta sacra et classica specilegio Solesmensi parata. Romae, 1891. Vol. 6. № 87. Col. 389*). Любопытно, что авторы греческого текста колеблются в определении рода этого термина: он употребляется то с женским, то

ван ими или для выполнения обязанностей по составлению документов, или для того, чтобы присутствовать, сам станет хозяином концессии на станцию (αὐτὸς κύριος τῆς ἐπὶ τῆς στατίου αὐθεντίας ἔσται).²² И все переменится: этот отныне займет то положение на станции, которое имел в отношении ее ее прежний начальник (ὁ κατ' αὐτὴν πρωτεύων), а тот или покинет ее, или станет одним из рядовых писцов, обслуживающих нового начальника (εἷς τῶν ὑπογραφόντων ἐκείνῳ, unus ministrantium illi). Если же и он откажется делать то, что ему поручено, а другой сделает то же по воле этого, то и мы назначим для них такое наказание, чтобы из страха перед ним они старались быть справедливыми и более осторожными при обращении с документами, а из-за своего стремления к покою и наслаждению не разрушали чужие жизни. Если же (2) этот табеллион случайно окажется неспособным взять на себя руководство (τὴν ἐξουσίαν) станцией, составляя акты вопреки установленным нами настоящим законом правилам, то пусть будет совсем отстранен от этого,

---

с мужским артиклем. Что касается структуры таких «станций», то она, как мы увидим, не столь уж примитивна, и вряд ли можно (вместе с Ван дер Валем) переводить их словом «лавочки» (boutiques). Ср.: *Wal van der N. Manuale...* P. 15. N. 3.

²² Здесь впервые, хотя и в имплицитной форме, признается факт авторизации деятельности нотарииев со стороны государства, и «хотя новелла может произвести впечатление, что всегда нужна была концессия государства, чтобы исполнять должность нотариия, однако именно данный закон ввел эту концессию» (*Wal van der N. Manuale...* P. 15. N. 3). Термины ἡ αὐθεντία в греческом тексте и auctoritas в латинском Authenticum в данном контексте лучше всего переводить именно словами «концессия» или «авторизация», а не «власть» или «авторитет».

а другой вместо него пусть будет выдвинут, причем от этого не должен нести никакого ущерба собственник станции (*ὁ τοῦ σταθίουος κύριος*, *stationis dominus*), если им окажется кто-либо из посторонних лиц, а не сам табеллион; он не должен терять ничего из доходов, получаемых от станции. Но только один табеллион, выдумавший такие вещи и отказавшийся исполнять свою работу, отстраняется от заведования, в то время как все другие права на станцию сохраняются неприкосновенными за ее собственниками, в отличие от табеллионов, допустивших такого рода ошибки. И пусть (3) не сочиняют табеллионы отговорок, ссылаясь на болезни или занятость, ибо им можно, если что-либо подобное произойдет, пригласить к себе заключающих сделку и самим совершить акт. Такого рода заключающиеся изредка сделки не станут, пожалуй, ни для кого препятствием, так как ничто у людей не бывает столь бесспорным, как то, что они (люди) не могут допустить и тени какого-либо сомнения, даже если речь идет о чем-то в высшей степени справедливым. Но и уменьшение доходов у них из-за (недостаточно) посещения контрагентов пусть не выдвигают в качестве предлога, ибо лучше немногие сделки оформлять надежно, чем рисковать, беря на себя многие. Однако (4), чтобы закон не показался им слишком суровым, мы, приняв в расчет человеческую природу, устанавливаем наши законы в соответствии с последней. Так, именно из-за их такого рода колебаний мы даем табеллионам разрешение (*ἄδειαν*, *licentiam*) каждому выдвинуть для этого одного (себе заместителя, зарегистрировав его) в введущемся в соответствии с обычаем регистре у светлейшего магистра ценза благословенного города и дать ему (заместителю) право составлять в его (табеллиона) станции документы для заключающих соглашения и присутствовать при отпуске этих

документов. И никому другому из пребывающих в станции не разрешается ни брать на себя начальный этап составления документа, ни присутствовать при их отпуске, но только самому табеллиону, имеющему концессию, или предложенному им для этого его заместителю. Если же что-либо, вопреки этому, случится и дело будет поручено кому-то другому, то пусть будет подвергнут ранее определенному нами наказанию табеллион, имеющий концессию, а сами документы в интересах контрагентов (*διὰ τὸ χρήσιμον τῶν συμβαλλόντων, propter utilitatem contrahentium*) пусть остаются в силе (*οὐκ ἀκυροῦμένων*). Выражаем уверенность, что из страха перед законом табеллионы отныне будут соблюдать установленные нами правила и документы будут находиться под охраной».

Не менее интересна и глава II новеллы, которая уже непосредственно посвящена самому документу. «К настоящему закону, — говорит император, — мы добавляем еще то, что табеллионы должны писать акт не на какой-нибудь другой чистой бумаге, а только на той, которая вначале содержит так называемый протокол, указывающий имя находящегося в этот момент при должности славнейшего комита священных наших щедрот и время изготовления бумаги,²³ каковые (т. е. имя и время) на такого рода документах пишутся на верхней части листа (*προγράφεται*). Этот протокол не сле-

---

²³ Речь идет о своего рода гербовой бумаге, которую табеллионы были обязаны употреблять при переписке документа набело. Обозначение имени комита священных щедрот (*comes sacrorum largitionum*), по мнению Куяция, объясняется тем, что под его непосредственным надзором находились бумажные фабрики — *chartariae*. См.: *Ляпидевский Н.* История нотариата. С. 74; Ср.: *Zingale L. M.* In margine a nov. Iust. 44.2: τὸ καλούμενον πρωτόκολλον // *Studi in onore di Arnaldo Biscardi*. Milano, 1983. Vol. 4. P. 151–175.

дует отрезать, но оставлять вставленным (ἐυκείμενον, insertum). Ведь нам известно немало подделок среди документов (παρалоιήσεις, falsitates), уличавшихся и ранее, и сейчас. Так что если появится какой-либо письменный акт, имеющий не по правилам записанный протокол, но какую-либо иного рода надпись (ἄλλην τινὰ γραφήν) содержащий, то пусть не принимают его (к рассмотрению) как поддельный и непригодный для такого дела. Только на такой бумаге, о которой мы говорили, пусть пишут акты. Мы желаем, чтобы эти определенные нами правила, касающиеся качества листов бумаги и отрезания так называемых протоколов, были действительны только для этого благословенного города,²⁴ где, с одной стороны, заключается очень большое количество всевозможных сделок, а с другой — имеется значительный запас бумаги и можно законным образом использовать обстояательства, а не давать повода кому-либо грешить подделыванием, ответственность за которое будут нести и сами табеллионы, если осмелятся совершить что-либо вопреки этому».

Эти распоряжения органично дополняются изданной спустя несколько дней (31 августа 537 г.) новеллой 47, касающейся способа датировки актов.²⁵ Юсти-

---

²⁴ Т. е. Константинополя. Таким образом, император ограничивает действие этого распоряжения столицей, но, как показывают египетские папирусы и папирусы Нессаны, в провинциях также использовали протокол, как, впрочем, и злоупотребляли отрезанием его от подлинного документа, чтобы прикрепить к поддельному (*Amelotti M., Costamagna G. Alle origini del notariato... P. 40, 53*). Образец такого протокола (неизданный папирус из Флоренции) с его крупным, странным загадочным письмом воспроизводит Амелотти (*Ibid. Tav. V*).

²⁵ С. I. C. Vol. 3: Novellae. P. 283–285.

иан предписывает (гл. 1) «тем лицам, которые ведут регистры (*gesta*) в судах или везде, где составляются акты (*πράξεις*, *acta*), табеллионам и вообще пишущим документы по какой бы то ни было форме в этом великом городе или у других народов, быть во главе которых дал нам Бог, так редактировать начало документов: “В царствование такого-то божественнейшего августя и императора, в год такой-то”, а затем указывать имя ипата (консула), в тот год находящегося при должности, на третьем месте — индикт (т. е. 15-годовой цикл, заимствованный из практики фиска. — *И. М.*), за которым следуют месяц и день.²⁶ Ибо таким образом время сохранится навсегда, да и упоминание о царствовании, порядок консулатов и прочие наблюдения, включенные в документы, будут весьма способствовать тому, что последние не смогут быть подделаны. Если же (§ 1) у жителей Востока или у других людей сохраняется обычай исчисления времени от основания городов, не будем этому препятствовать, но пусть сначала ставится царствование, за ним следуют, как уже сказано, ипат (консул), индикт, месяц и день, в который совершается и записывается происходящее (*πράττεται καὶ γράφεται τὰ γινόμενα*, *geruntur et scribuntur quae aguntur*),²⁷ и уж потом пусть приводится и год с основания

---

²⁶ Действительно, папирусы византийского времени, составленные позднее этого закона, уже приспособляются к этим правилам, хотя Юстиниан сам нарушает свое предписание, ибо, как заметил Ван дер Валь, и в этой новелле, и в более поздних день и месяц предваряют год царствования и другие компоненты датировки (*Wal van der N. Manuale... P. 14. N. 2*).

²⁷ Следует ли это рассматривать как требование совпадения во времени юридического акта и «документального акта»? К этому вопросу, тесно связанному с проблемой «дис-

города. Ибо мы ничего не упраздняем из того что было раньше, но императорской прибавкой возвеличиваем дело». Во II главе новеллы предписывается судебным чиновникам проставлять даты актов на греческом или латинском языке в зависимости от того, на каком языке писан «контекст» (τάξις, ordo).

Наконец, новелла 73 от 4 июня 538 г., чрезвычайно важная, поскольку в ней затрагивается фундаментальная проблема юридической действительности документа в зависимости от способа его засвидетельствования.²⁸ Дело в том, что до Юстиниана в целях сообщения частному письменному акту доверия (*impositio fidei*) широко применялся в судопроизводстве метод сравнения почерков (σύγκρισις τῶν γραμμάτων, *comparatio litterarum*). Юстиниан на материале практики судов показывает несовершенство этого метода и вменяет в обязанность составлять документ, подписанный по меньшей мере тремя свидетелями, а еще лучше — совершенный табеллионом. Поводом к изданию закона послужил «парадоксальный» случай, происшедший в Армении, когда суду был предъявлен акт об обмене (τὸ ἀμείψεως συμβόλαιον), почерк подписей свидетелей которого был признан «непохожим» и, значит, подписи

позитивности» акта, нам еще предстоит обратиться. О соотношении этих понятий см.: *Dumas Au. La diplomatie et la forme des actes // Moyen-Âge. 1932. Т. 42. P. 5 sq.*

²⁸ С. I. С. Vol. 3: *Novellae*. P. 363–370. Поскольку новелла 73 имела особое значение для процессуального права, то именно в этом своем качестве она не раз привлекала внимание исследователей. См., например: *Zilletti U. Studi sul processo civile giustiniano*. Milano, 1965. P. 258 e n. 62; *Kaser M. Das römische Zivilprozessrecht*. München, 1966. S. 489 ff.; *Simon D. Untersuchungen zum justinianischen Zivilprozess*. München, 1969. S. 294–298; *Amelotti M., Costamagna G. Alle origini del notariato...* P. 41–43.

недостовверными. Однако сами свидетели, позднее разысканные, опознали свои подписи, и акт «получил доверие». Этот случай побудил Юстиниана к весьма скептической оценке метода сравнения почерков: с одной стороны, он способствует появлению эпидемии подделок, ибо «у подделывателей один предмет увлечений — как можно больше упражняться в подражании почеркам; ведь подделка — это не что иное, как подражание истине, и в эти времена мы встречаемся с бесчисленным количеством подделок (*μυρίαὶ παραποιήσεις*) в судебных процессах»; с другой — весьма неустойчива сама природа почерка, ибо «часто причиной непохожести его является время (ведь неодинаково, пожалуй, будет писать кто-либо, пребывая в молодом возрасте, в зрелом, постарев, а возможно, и дожив до самого дряхлого возраста), а зачастую и болезнь на это влияет; да что мы вообще говорим об этом, когда даже простая смена пера и чернил полностью уничтожает тождественность почерка» (*praef.*). Поэтому (гл. I), если, скажем, есть желание надежно поместить в депозит, пусть «не доверяют одним только распискам принимающего на хранение (именно этот случай был предметом рассмотрения в суде: ведь тот, о котором говорили, что это он писал документ, не опознал своего почерка, чем произвел большое смятение; его заставили написать другой текст, почерк которого показался довольно похожим, но не совсем тождественным, и то, что касалось почерка, так и осталось невыясненным). Тот, кто отдает в депозит, пусть вызывает свидетелей, по возможности честных и достойных доверия, числом не менее трех, чтобы мы уже не зависели только от почерков и их сличения и чтобы судьям была помощь и от свидетелей. Ибо мы допускаем и такого рода свидетельства, когда свидетели, придя, говорят, что в их присутствии подписало до-

кумент лицо, совершившее его, и что они это знают. И если мы узнаем, что свидетелей было не меньше трех и они достойны доверия, мы не станем противиться такого рода доверию: мы ведь устанавливаем закон не для того, чтобы сокращать доказательства, но чтобы они были, и были надежными. Но если (гл. II) кто-либо будет составлять акт о займе или какой-либо другой сделке и не пожелает его совершить публично (ἐν ἄγορᾷ συνθεῖναι),²⁹ то пусть документ, который оформляется письменно, считается имеющим доверие не сам по себе (αὐτόθεν, ex ipso), но только от присутствия достойных доверия свидетелей, числом не менее трех, так чтобы или они лично присутствовали и свидетельствовали своими собственными подписями, или другие за них свидетельствовали, что именно в их присутствии составлен документ; и дело получит доверие и от того и от другого (т. е. от сличения почерка и свидетелей. — И. М.), так как и рассмотрение почерков не является полностью негодным, но лишь недостаточным, нуждающимся в подкреплении свидетелями. Если же (гл. III) случится нечто подобное тому, что произошло в Армении, и сличение почерков скажет одно, а показания свидетелей другое, тогда мы полагаем, что то, что говорится живым голосом (τὰ παρὰ ζῶης λεγόμενα φωνῆς) и подкрепляется клятвами, более достойно доверия, чем письменный документ сам по себе.

---

²⁹ Эта фраза, тождественная латинской *publice confici*, является техническим выражением для деятельности символеографа. Соответственно табеллионатный документ называется *συμβόλαιον ἀγορείον* = *instrumentum forense vel publice confectum*. Встречающееся один раз в кодексе Юстиниана выражение *tunc enim (instrumenta) quasi publice confecta accipiuntur* (С. 8.17.11.1 от 472 г.) на самом деле является интерполяцией и в дальнейшем не употребляется. См.: *Simon D. Untersuchungen...* S. 296. Anm. 112.

В противном случае пусть от пронизательности и боголюбия судьи зависит то, что доверие оказывается более истинным свидетельством, чем эти.³⁰ Если же кто-либо сдающий в депозит или дающий заем, или как-либо иначе заключающий сделку удовлетворится одной только распиской того, с кем он вступает в соглашение, то он сам должен отдавать отчет в том, что он все дело поставил в зависимость от доверия к тому человеку. И постольку же доверие на основании письма (ἐκ τῆς γραφῆς) покажется, пожалуй (в соответствии с нашим законом), недостаточным, чтобы быть оказанным документу; если же присутствие свидетелей, при которых сделка происходила, или, может быть, последнее прибежище дела (скажем, клятва) помогут ему, то мы не объявим происшедшее недействительным. Ибо, остерегаясь подделок и подражаний и не доверяя тем сделкам, которые являются “голыми” (γυμναῖς οὖσαι αὐταῖς), мы придаем делу такого рода строгую точность не для того, чтобы лишить доверчивых их доверия по отношению к друзьям, но чтобы, насколько это возможно, всеми способами изобличить обман и запирательство. Но и акты (гл. V), совершаемые публично, даже если они содержат *completio* табеллионов, пусть перед формулой совершения (πρὸ τοῦ τελέσματος) сделают письменное указание на присутствии, как сказано, свидетелей. Нужно, однако (гл. VI), чтобы судьи, если они найдут какие-либо пометы, записанные на документах, разобрали их и попытались прочесть (мы ведь знаем, что многое и из них обнару-

---

³⁰ Т. е. когда все способы исчерпаны, судье остается выбрать, какой результат рассмотрения он желает принять за истину. Зимон верно заметил, что такое решение законодателя практически означало капитуляцию его «регламентации». См.: *Simon D. Untersuchungen... S. 296.*

живается), и нелегко доверие к почеркам допустить на основании сличения их с другими по вышеуказанным нами причинам. Если же (гл. VII) все свидетели умрут или случайно будут отсутствовать, или по какой-либо другой причине будет нелегко придать доверие на основании подписей свидетелей, ни табеллион, совершивший документ (если тот будет совершен публично), не уцелел, чтобы в совершенном им деле выступить в качестве свидетеля, или его нет в городе, а совершенно необходимо произвести сличение почерков формул совершения, или нет тех, которые подписали документ, тогда следует пойти на сличение (мы ведь не запрещаем его совсем). Приступив к делу со всей тщательностью и в любом случае, если будет сочтено, что нужно оказать ему доверие, привести также к присяге предъявившего документ, который должен поклясться, что он, ничего плохого не зная в отношении предъявляемого им документа и не приготовив никакой уловки в отношении сличения, которое должно состояться, так им пользуется, чтобы и не было что-либо уничтожено совсем и чтобы в делах была всегда надежность. Относительно же (§ 1) документов, совершаемых публично, дело обстоит так: если придет табеллион и станет свидетельствовать клятвенно, то если он написал документ не лично, а через кого-то из своих помощников, пусть придет и тот, если он жив или если вообще возможно, чтобы он пришел и никакая причина не мешает его появлению (скажем, тяжкая болезнь или какое-либо из иного рода обстоятельств, которые встречаются у людей); а если акт указывает и счетчика (*ἀριθμητήν*, *adnumeratorem*³¹), то и тот пусть присутствует, чтобы три было свидетеля,

---

³¹ Из всех существующих объяснений функции этого параграфа нам представляется самым убедительным то, кото-

а не один. Если же и счетчик не был указан, а весь документ табеллион самолично и написал, и совершил, или же тот, кто его написал, отсутствует или по иной какой-то причине не может присутствовать, а табеллион сам клятвенно свидетельствует собственной формуле совершения (τῷ οἰκεῖῳ τελέσρατι), чтобы не было места сличению, то пусть и в этом случае будут достойны доверия документы. Ибо свидетельство, происходящее посредством голоса совершившего документ и подкрепленное клятвой, придаст, пожалуй, некоторый дополнительный вес делу. Если же (§ 2) табеллион умер и его формула совершения будет засвидетельствована путем сличения с другими, если с другой стороны будет жив и составитель акта, и счетчик тоже, пусть явятся и те, если они находятся в городе, и пусть имеет грамота доверие, основанное на сличении формул совершения, и доверие, основанное на свидетельских показаниях. Если же никого из тех лиц не будет, тогда пусть осуществляется сличение формул совершения. Однако пусть одного этого будет недостаточно для такого дела, но пусть будут подвергнуты рассмотрению почерка и подписавших акт или контрагентов, чтобы на основании многочисленных сличений и формулы совершения, и почерков под-

---

рое выдвинул Зимон, полагающий, что речь здесь, должно быть, идет о лице, принадлежавшем к персоналу табеллиона, вероятнее всего о «служащем, который считал строки изготавливаемого документа и в соответствии с этим начислял пошлину. Если он делал соответствующую помету на документе, то его значение в процессе *impositio fidei* понятно» (*Simon D. Untersuchungen... S. 297. Anm. 115*). Ср. также мнение Амелотти, который считает этого ἀριθμητήс своего рода бухгалтером, помощь которого была необходима ввиду особой природы контракта (*Amelotti M., Costamagna G. Alle origini del notariato... P. 83. N. 25*).

писавших или также контрагентов свести отовсюду единое доверие и завершить его. Если (§ 3) ничего другого не будет найдено, кроме сличения документов, то до сих пор господствовавшее правило пусть имеет преимущество перед тем, что предъявляющий документ для разбирательства сличения приносит торжественную клятву. Чтобы дело вообще приняло какое-то прибавление для большего доверия к нему, пусть к тому же присягнет и сам проситель того, чтобы это осуществилось, а именно — что, не располагая иным доверием, он пришел на разбирательство сличения актов, что он в отношении его (сличения) не сделал никаких уловок и ничего такого, что могло бы, естественно, скрыть истину. От всего этого позволено быть свободными контрагентам, если они (и та и другая сторона) пожелают прийти к тому, чтобы зарегистрировать документы (ἐμφανῆ ποιεῖσθαι, ut insinuent),³² и сами контрагенты внесут в регистры, чтобы гарантировать от обмана, порчи и подделываний, и всяческие другие злокозны исправляя, мы устанавливаем настоящий закон. Те документы, которые уже санкционированы

---

³² Имеется в виду, что в результате этой операции документы становятся *instrumenta publica* и тем самым приобретают *fides publica*, ибо, следуя разъяснению схолиаста Василия Феодора, не могут быть отклоненными в случае судебного разбирательства (γάρ κατατεθέντα σμβόλαια ἀρνεῖσθαι ἀδύνατον): В. S. P. 1403, 29; Cf.: *Wal van der N. Manuale...* P. 138. N. 4; *Simon D. Untersuchungen...* S. 297. О процедуре *insinuatio* (ἐμφάνισις) по римскому праву (в VI в. она исчезает вместе с исчезновением городских архивов и других муниципальных институтов), см.: *Saradi H. Le notariat byzantin du IXe au XVe siècle.* P. 39; *Saradi-Mendelovici H. L'enregistrement des actes privés (insinuatio) et la disparition des institutions municipales au VIe siècle // Cahiers des études anciennes,* 1988. T. 21. P. 117–130.

нами на основании происшедшего сличения почерков с привлечением собственноручных текстов, остаются в силе. Разумеется, и те документы, которые исходят от лиц, не сведущих в грамоте, и которые уже приняты в судах, пусть сохраняют свою силу, так как такие документы получили подобающее рассмотрение в судебном порядке. Когда же (гл. VIII) речь идет о контрагентах, не сведущих в грамоте, должны быть привлечены два табулярия³³ и свидетели в тех местах, где имеются табулярии, но особенно свидетели, незнакомые контрагентам. Все это для того, чтобы одни (т. е. табулярии. — И. М.) писали за неграмотного или малограмотного, а другие — свидетельствовали, что в их присутствии это проходило и они знают об этом, и таким образом доверие к такого рода актам будет гарантировано. Ясно, что для такого рода сделок должно быть привлечено не менее пяти свидетелей, в числе которых будет и пишущий за контрагента, причем пишущий или весь документ целиком, или только то, что следует за несколькими пометами, поставленными контрагентом, и таким образом будет соблюдена строжайшая точность. Это (§ 1) мы утверждаем в отношении письменных актов. Если же кто-либо пожелает заключить какую-либо сделку без письменного оформ-

---

³³ Ван дер Валь полагает, что греческий текст в этом месте, по всей вероятности, испорчен, так как и *Authenticum*, и схолиасты новелл (Юлиан, Афанасий, Феодор) говорят об одном табулярии. См.: *Wal van der N. Manuale...* P. 17. N. 1. Амелотти также считает указание в греческом тексте двух табуляриев вставкой (*insiticia*): *Amelotti M., Costamagna G. Alle origini del notariato...* P. 83. N. 24. Отметим со своей стороны, что Синописис новелл также содержит указание на двух табуляриев: *Schminck A. — Simon D. Eine Synopsis...* S. 168.

ления (*ἀγράφως πρᾶξι οἰονδήποτε συνάλλαγμα*³⁴), то совершенно ясно, что это получит доверие или через свидетелей, или через клятвы, причем истец приводит свидетелей, а ответчик — присягает или отвергает присягу, в зависимости от того, как судья поставит вопрос, чтобы ничто и ни у кого из них не осталось непроверенным. Хорошо (§ 2), однако, к закону и то добавить, что при сделках до 1 литра золотом (=72 солида, см. С. 10.72.5) такое требование не должно предъявляться, а дело должно происходить в соответствии с тем, что до сих пор имело права гражданства, чтобы из-за малых дел люди не претерпевали большого разорения. И наконец (гл. IX), мы желаем, чтобы все сказанное было действительно для городов. В деревнях же, где гораздо проще и где ощущается большая нужда в умеющих писать и могущих свидетельствовать, те правила, которые в них до сего времени были действительными, пусть и сейчас остаются непоколебимыми. Ибо это уже санкционировано нами и в отношении самих завещаний, о которых мы особенно заботимся. Так пусть же господствует закон во всех документах и приглашениях, которые будут после этого совершаться; ибо зачем узаконять то, что уже минуло».

С изданием новеллы 73 складывание византийской доктрины нотариата было в основных чертах завершено. Главным ее элементом, как видим, была фигура

---

³⁴ Итак, здесь Юстиниан впервые *expressis verbis* легализовал наряду с письменным актом устный акт — правило, которое будет воспроизводиться и в позднейших византийских законодательных текстах, например, в исаврийской Эклоге (Е. 3.1; 4.2; 9.1; 10.1; 13.3 и др.), Исагоге (Eis. 13.1), новелле Ирины, новелле 72 Льва, «Распространенной Эпанагоге» (Ер. А. 11.1), Эпитоме (Epit. 11.6), Атталиате (Att. 5.1), в Шестикнижии Арменопула (Hexabiblos, 1.9.4) и т. д.

символеографа-табеллиона, в контору которого («станцию») должны были обращаться лица, желавшие совершить документ. На основании устного сообщения сторон о свойстве сделки табеллион составлял проект акта (так наз. *scheda*), цель которого заключалась в том, чтобы выяснить характер юридического отношения, в которое вступают стороны, и желание их относительно взаимных правоопределений, как это делается нотариусами в наше время. С этого *scheda* писался самый акт (*mundum*), но, вероятно, не раньше, чем *scheda* прочитывался контрагентам и утверждался их согласием.³⁵ Для написания акта употреблялся род гербовой бумаги — «протокол». Переписанный акт еще раз прочитывался контрагентам в присутствии свидетелей, приводимых ими (причем соблюдался принцип «*unus testis nullus testis*»), подписывался теми и другими, после чего подписывался табеллион, используя стереотипную формулу, содержащую *completio* и *absolutio*.

Но что, собственно говоря, такое *completio* и *absolutio*? В старой историко-юридической литературе превалировала точка зрения (она резюмирована у Ляпидевского), согласно которой *completio* состоит в написании проекта акта, т. е. выяснении как свойства сделки, так и взаимных правоопределений сторон, и в приготовлении на основании этого проекта *mundum*, т. е. настоящего документа; *absolutio* есть акт, состоящий в прочтении документа (*mundum*) сторонам и свидетелям и в утверждении его подписями как тех и других, так и табеллиона.³⁶ Но сейчас вопрос об этих (ключевых для средневекового нотариата) понятиях стоит в науке иначе. Что касается первого из них

---

³⁵ Ляпидевский Н. История нотариата. С. 42.

³⁶ Там же. С. 44.

(*completio*, которую греческие источники передают терминами *πλήρωσις*, *τελείωσις* или же соответствующими глаголами), то здесь среди ученых существует относительное согласие: «С точки зрения субстанциальной, — пишет Амелотти, — *completio* состоит в прочтении документа нотарием сторонам и в его обращенном к ним вопросе, соответствует ли он (документ) их воле, т. е. точно ли поняты и выражены их волеизъявления при составлении проекта акта (*scheda*) и при переводе его *in mundum*; с точки же зрения формальной *completio* заключается в заявлении нотариуса в конце акта о том, что он, нотариус, только что осуществил *completio*. Делая это, табеллион берет на себя ответственность перед сторонами за форму и содержание акта».³⁷

Мнения расходятся, когда речь заходит об *absolutio* (или *ἀπόλυσις*, ее греческом эквиваленте). Казалось бы, бесспорно то, что этот термин означает «отпуск», выдачу документа, а согласно наиболее естественной интерпретации слова *partibus* в конституции С. 4.21.17 (или соответственно *μέρεσιν* в упомянутой парафразе Феофила) как дательного падежа — заключительное действие нотариуса, который обязан передать документ, снабженный его *completio*, сторонам.³⁸ Именно в этом значении, очевидно, фигурирует *absolutio* в западноевропейских юридических актах (начиная с равенских папирусов), которые упоминают ее вместе с *completio* в финальной фразе табеллиона: *complevi et absolvi*. Однако такое понимание затрудняется собственно византийской практикой, так как в византийских юридических актах *ἀπόλυσις* встречается в конце корробо-

---

³⁷ *Amelotti M., Costamagna G. Alle origini del notariato...*
Р. 35.

³⁸ *Ibid.*

рационной клаузулы или в разделе подписей контрагентов и собственно интерпретируется как действие сторон, как передача документа выпускающей стороной контрастороне.³⁹ Это и побудило Бруннера еще в прошлом веке выступить со своей знаменитой теорией, согласно которой в С. 4.21.17 и в других текстах вышеупомянутые *partibus* или *μέρεισιν* следует понимать как *dativus agentis*. Следовательно, *absolvere* — это деятельность сторон, таким образом, налицо полное совпадение между предписаниями Юстиниана и византийской юридической практикой. Напротив, считает Бруннер, западноевропейская практика неверно понимает конституцию и относит *absolvere* к нотарию как его последнее действие, в то время как действия сторон уже раскрывались ранее в *traditio cartae*, т. е. в акте передачи, который имеет смысл не только материального вручения документа, но и его совершения: он выражается в переходе несовершенного документа из рук выпускающего контрагента в руки дестинатора, которому этот документ передается (по выражению *Cartularium Langobardicum*) *ad proprium*. Но пока он не передан, он не есть *carta* в юридическом значении слова и не имеет никакой силы по отношению к контракту, о котором в нем говорится. Он не может быть средством доказательства, так как и сам этот контракт без *traditio* не получает юридической силы. Но после того как *traditio* совершена, следуют *subscriptiones* свидетелей, и документ переходит в руки табеллиона, который прилагает *completio* и отдает документ совершенным дестинатору, выполняя тем самым *absolutio*.⁴⁰

---

³⁹ *Amelotti M., Costamagna G. Alle origini del notariato...* P. 36.

⁴⁰ *Brunner H. Zur Rechtsgeschichte...* S. 74 ff., 86 f.

Концепция Бруннера в отношении *traditio cartae* подверглась весьма энергичной критике.⁴¹ Согласно Амелотти, дело обстояло как раз наоборот по сравнению с тем, как это понимал Бруннер, а именно: Запад совершенно адекватно понял распоряжение Юстиниана, без колебаний отнеся *absolutio* к действию табеллиона, в то время как в Византии (или «на Востоке», как предпочитает выражаться Амелотти) в соответствии с древней восточной юридической традицией («принцип инкорпорации права в документе») данное распоряжение Юстиниана не привилось. И до него, и во время его царствования, и после него этот вопрос здесь решался несколько иначе. Так, тот факт, что в договорных документах ἀπόλυσις (присутствует ли она в конце удостоверительных клаузул или в разделе подписей сторон), как правило, следует за стипуляционной клаузулой, очевидно, означает, что контрагент, который подтверждает свое обязательство формулой ἐπερωτηθεὶς ἀπολόγησα, желает еще больше усилить ее объявлением о выдаче документа. По мнению Амелотти, этому не противоречит и то, что, будучи последним, кто подписывал акт, на практике именно табеллион вручал совершенный документ заинтересованной стороне. Юстиниан, выпуская свою конституцию, как раз и попытался сделать нотарию ответственным за акт передачи, но и он не был последовательным в этом своем намерении, так как в новелле 44 говорится об *absolutio* в присутствии табеллиона.⁴²

Наиболее последовательно вопрос рассмотрен Зепосом как в его старей, уже цитировавшейся нами ста-

---

⁴¹ Литература указана в кн.: *Amelotti M., Costamagna G. Alle origini del notariato...* P. 81. N. 9; Cf.: *Zepos P. J. Ἡ παράδοσις...* Σ. 218, σημ. 58.

⁴² *Amelotti M., Costamagna G. Alle origini del notariato...* P. 37, 38.

тье,⁴³ так и в позднее опубликованной.⁴⁴ По его мнению, под влиянием «всегда живых» древнегреческих и эллинистических воззрений и постепенно возрастающей роли клириков в составлении нотариальных актов предписывавшаяся Юстиниановыми нормами ἀπόλυσις = absolutio утратила свое первоначальное значение и фактически растворилась в процедуре «совершения» (τελείωσις = completio) акта нотарием, в то время как нотариальный акт сам по себе приобрел самодовлеющее диспозитивное значение и по существу поглотил функцию частного акта. Результатом подобной контаминации правовых воззрений было то, что нотариальный акт совершался окончательно путем чистовой его записи и присоединения completio нотарию, а вручение его правопреемнику не было строго обязательным с процедурной точки зрения и с точки зрения законности акта. Другими словами, выдача документа в руки правопреемнику, если она оговаривалась в нем специальной клаузулой, совершалась naturaliter для большей надежности и уверенности правопреемника, которому необходимо было иметь средство доказательства его благоприобретенных прав против потенциальных оспариваний их в будущем.⁴⁵

---

⁴³ В этой статье Зепос, следуя, очевидно, Бруннеру, трактует содержащееся в С. 4. 21. 17 слово partibus как dativus agentis. Он даже, воспроизводя это место, употребляет выражение a partibus, хотя предлог «a» отсутствует в подлиннике (*Zepos P. J. Ἡ παράδοσις... Σ. 217*).

⁴⁴ *Zepos P. J. Παράδοσις ἐγγράφου ἢ δι' ἐγγράφου εἰς τὸ βυζαντινὸν καὶ τὸ μεταβυζαντινὸν δίκαιον // Μνήμη Γ. Α. Πετροπούλου. Ἀθήνα, 1984. Τ. 1. Σ. 87–98.*

⁴⁵ С некоторыми уточнениями эта точка зрения Зепоса получила признание в историографии. Пожалуй, только Петропулос, издавая поствизантийские акты о-ва Сифнос, допускал, что по крайней мере на Сифносе при передаче

Важно в этой связи отметить, что в более поздних византийских законодательных текстах (Василики, Книга Эпарха Льва VI, Исагога и др.) при определении прав и обязанностей нотариев, связанных с составлением актов, речь идет только о *completio*. Особенно показательным, что Василики, воспроизводя в греческой редакции конституцию Юстиниана С. 4.21.17 (= В. 22.1.76), упоминают только *τέλεσμα* нотариия и вообще опускают *ἀπόλυσις* — факт, который отразился и в схолии Гариды (XI в.) к этому месту в Василиках. Согласно схолии, письменный акт, фиксирующий продажу собственности, «не иначе получает совершение, чем если будет записан, переписан начисто и подписан сторонами; если же письменный акт составляется табеллионом, он получит *τέλεσμα* или *κομπλάτιονα*, т. е. формулу о том, что совершил такой-то». ⁴⁶ Правда, тут же приводится схолия 6 к В. 22.1.76, которая цитирует видного юриста Юстиниановской эпохи Фалелея, полагавшего, что контракт не может считаться законным, если «номик не совершил документ или, если тот был совершен, стороны взаимно не выпустили его друг другу» ⁴⁷ (следовательно, *absolutio* недвусмысленно названа здесь как *ἡ παρὰ τῶν μερῶν ἀπόλυσις*). ⁴⁸ Менее ясна мысль Феодора в схолии 1 к В. 22.1.76, для которого контракт незаконен, если документ не был исполнен (очевидно, как набросок), переписан набело, выдан и не получил *completio* нотариия: *εἰ μὴ πληρωθῆ καὶ καθαρογραφεῖ καὶ ἀπολυθῆ καὶ σχῆ*

прав на недвижимость действовала скорее «смешанная система», сочетавшая *traditio per cartam* с *traditio cartae*: *Petropoulos G. A. Νομικὰ ἐγγράφα Σίφνου. Ἀθήναι, 1956. Τ. 1. Σ. 27–43, 463–467.*

⁴⁶ В. S. P. 1364.

⁴⁷ *Ibid.*; Cf.: P. 398, 440 (ad B. 11.2.22).

⁴⁸ *Amelotti M., Costamagna G. Alle origini del notariato... P. 82. N. 12.*

τοῦ ταβελλίωνα κομπλατίωνα.⁴⁹ На кого здесь возлагается обязанность ἀπολύειν, сказать трудно, хотя думается, что не на табеллиона.

Не желая опережать результаты нашего исследования, мы воздержимся здесь от высказывания собственного мнения. Отметим лишь, что, как бы там ни было, но письменный акт становился если и не единственным, то все же преимущественным, а на практике и господствующим способом заключения соглашений, особенно в сфере купли-продажи. Таким он предстает и в позднейшем византийском законодательстве. Правда, Эклога уделила мало внимания документам (пожалуй, лишь раздел о свидетелях в ней представлен богато), но зато это с лихвой восполняет новелла императрицы Ирины (797–802)⁵⁰. «Мы предписываем, — говорится в ней, — чтобы всякий судебный процесс и тяжба, для разрешения который требуется письменное или устное свидетельство, проходили как положено: все сделки в нашем царственном городе, а именно — помолвки, договоры о приданом, все возможные виды эмфитевтической аренды (ἐμφυτευτικὰ ἐμπερίγραφα παντοῖα), описи имущества сирот, всякого рода соглашения, расторжения, дарения, сделки купли и продажи, займы, залоги, завещания, отпуска на свободу и прочее в том же роде — с привлечением семи или пяти (только при завещаниях и отпусках на свободу достаточно и трех) достойных доверия свидетелей, а именно священников, архонтов, лиц военного и гражданского состояния, имеющих соответствующее имущественное положение и занятие, живущих, разумеется, благочестиво и в благоприличии, — так вот, нужно, чтобы

⁴⁹ В. S. P. 1383.

⁵⁰ *Burgmann L. Die Novellen der Kaiserin Eirene // FM., 1981. Vol. 4. P. 16–24.*

все эти контракты и всевозможные соглашения, а также (оформляющие их) письменные документы совершались в их присутствии. И если автор документа (ὁ τὸ ἔγγραφον ποιῶν) в состоянии сам написать (его), пусть пишет весь документ целиком (γραφέτω τὸ πᾶν) и пусть будут указаны и свидетели.⁵¹ Исключением из этого являются сделки о приданом и всевозможные срочные аренды, ибо при них пусть пишут, как принято, и табулярии, и номики, и свидетели, причем пусть подписываются такие свидетели, о которых мы только что сказали. И всякий раз, когда в совершенных таким образом сделках какой-либо стороной будет возбужден спор, следует вызвать свидетелей и принести документы, и спросить их относительно документов, подлинны ли они. И если они, призвав в свидетели Бога, единодушно признают, что представленные документы подлинны, пусть судебное разбирательство будет пре-

---

⁵¹ Слова «*пусть будут указаны и свидетели*» соответствуют изданию новеллы Бургманом, которое в данном случае опирается на ту группу рукописей, которые дают чтение ὑπογράφειν καὶ τῶν μαρτύρων. Прежние издания основывались на рукописях, дающих в этом месте, казалось бы, более правильное, с точки зрения греческого языка, чтение ὑπογράφοντων (т. е. тогда надо переводить «*пусть подписываются и свидетели*»). Бургман, сознавая некоторую необычность оборота ὑπογράφειν («*во-первых, из-за синтаксической связи, во-вторых, из-за времени партиципа, но прежде всего из-за необычного пассивного употребления слова ὑπογράφειν*»), отдает тем не менее предпочтение именно ему, и я думаю, что он прав. Из контекста новеллы явствует, что речь здесь идет о типичном хирографе, не требующем вмешательства в процесс изготовления документа никого, кроме самого автора документа. К тому же чуть далее перечисляются исключения из этого распоряжения, при которых предписывается подписываться и свидетелям.

кращено, а вчинивший иск пусть будет подвергнут судьей штрафу, предусмотренному представленным документом, и выплатит его своему противнику (по процессу). Если же судебный иск будет вчинен после смерти названных в представляемом документе свидетелей, то и в этом случае процесс пусть будет прекращен без расследования.

Но если тот, кому вменяется в обязанность изготовлять акт в ранее названных случаях, неграмотен или по причине болезни не в состоянии писать этот акт, то пусть он проставит (πρωτάσσειν αὐτόν) честной крест, а остальное пусть пишется табулярием, номиком или другими клерками; и если необходимо, чтобы свидетели подписали его, — быть посему; если же не необходимо, то пусть они становятся известными путем обозначения их имен.

Устные же соглашения должны совершаться таким образом: когда привлечены, как было сказано, семь или пять достойных доверия свидетелей (ибо только при завещаниях и отпусках на свободу достаточно и трех), все контракты и всевозможные соглашения должны совершаться в их присутствии. И если случится, что одна из сторон будет оспаривать соглашение, пусть будут опрошены отысканные свидетели. И если они, спрошенные дважды и трижды судьями, будут в согласии с возбудившим дело, пусть собственноручно изготовят документы (ποιεῖτωσαν ἑγγράφα ἐξ ἰδιοχείρου) и сдадут их в церковь (καὶ τιθέτωσαν αὐτὰ ἐπ' ἐκκλησιάς). Если же они неграмотны, пусть поставят честные кресты, а остальное пусть пишут через клерков буквально в таких выражениях: “Такой-то и такой-то, род занятий или звания. Свидетель — господь Бог и это святое место, в котором находимся и сдаем документы. Мы засвидетельствовали истину и ни в чем не солгали, и с этим нашим свидетельством мы предстанем перед страшным (судейским)

алтарем Христа, Бога нашего. И да воздастся нам и детям нашим и ныне и во веки веков согласно нашему свидетельству. И если когда-либо в какой-то момент или год мы окажемся лжесвидетелями, то да возместим потерпевшему причиненный нашим свидетельством ущерб, и пусть мы подвергнемся каре, предусмотренной для лжесвидетелей, согласно поговорке, гласящей: "...лживый свидетель не останется безнаказанным за свои злодеяния" (Рагоет. 19.5; 19.9)". Если же свидетели противоречат друг другу или обе стороны приводят своих свидетелей, пусть судьями будет произведен отбор (γενέσθω ἐκλογή) свидетелей, и те, которых больше и которые более достойны доверия, пусть изготовят, как было сказано, собственноручные акты (ιδιόχειρα), и процесс, таким образом, завершен. Это имеет силу и в иноземных городах (ἐν ταῖς ἔξω πόλεσι), и провинциях, за исключением, правда, тех случаев, когда речь идет о границах (τῶν ὁρίσεσιων); ибо мы предписываем, чтобы споры в отношении границ решались так, чтобы размежевывающие свидетели держали в руках Св. Евангелие или честной крест, как и вплоть доныне было в обычае (καθὼς καὶ ἕως τοῦ νῦν ἐκράτησεν ἡ συνήθεια), причем они, хотя и не приносят присяги, все же надежно удостоверяют документы, как уже было сказано выше».

Как отмечено уже Бургманом в его комментарии к изданию новеллы,⁵² последняя в некоторых своих пунктах близка к Эклоге, что «понятно из-за исторической близости» памятников: тот же (при различии в порядке перечисления и отдельных особенностях) каталог юридических сделок,⁵³ почти те же, хотя и несколько

⁵² *Burgmann L. Die Novellen... S. 28–31.*

⁵³ Особенно показательно появление в новелле термина ἐμπερίγραφα, который вне новеллы и в своем юридически

расширены, квалификации «достойных доверия» свидетелей, введенные еще Юстинианом (в новелле 90.1 он требует для них τὸ τῆς ἀξίας ἢ στρατείας ἢ εὐπορίας ἢ ἐπιτηδεύσεως ἀναμφισβήτητον)⁵⁴ и принятые почти дословно в Эклоге (14.1: Οἱ μάρτυρες ἢ ἀξίαν ἢ στρατείαν ἢ ἐπιτηδεύμα ἢ εὐπορίαν ἔχοντες κατὰ πρόληψιν δεκταῖοι τυγχάνουσιν);⁵⁵ Та же фразеология новеллы, которая отчетливо показывает, что тот же самый ход процесса предполагается как общепринятый и в Эклоге (ср. 14.5), и т. д. Но зато резко завышено как по сравнению с Эклогой, так и по сравнению с Юстиниановыми предписаниями число свидетелей;⁵⁶ ничего не

техническом значении встречается только в 12-м титуле Эклоги, где ἐμφυτεύσεις ἐμπερίγραφοι противопоставлены ἐμφυτεύσεις διηκεεῖς (E. S. 208–212, Z. 570–622). Вслед за Цахаризэ (*Zachariae von Lingenthal K. E. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Aalen, 1955. S. 291. Anm. 965*) Бургман склонен трактовать этот термин как один из видов эмпитевтической аренды (*Burgmann L. Die Novellen... S. 29. Anm. 64*). Нет ли здесь какой-то связи с появлением такого вида долгосрочной аренды, как ἀνάκαμψις? (См.: *Medvedev I. P. Une espèce mal étudiée du bail à long terme byzantin: ἀνάκαμψις // BYZANTIAKA. 1990. Т. 10. Σ. 103–113*). Во всяком случае выражение ἐλανακαίνιζειν τὸ ἐμπερίγραφον ἐμφύτευμα (E. 12.5) весьма напоминает выражение πάλιν ἐλανακάμπτειν анакамптических документов как по своей этимологии, так и контекстом, в котором они употреблены (возобновление контракта).

⁵⁴ C. I. C. Vol. 3: Novellae. P. 446.

⁵⁵ E. S. 214, Z. 636, 637.

⁵⁶ Там, где вообще в ней упоминается засвидетельствование, Эклога требует трех свидетелей при составлении писаного брачного контракта (2.3) и писаной мировой (15.1), «пять или три» свидетеля при составлении дарственной (4.1–4) и при отпуске на свободу (8.1.1), семь сви-

говорится о присяге сторон, которую все еще предусматривает Эклога (17.2); нет в новелле речи и об опечатывании документов, хотя в Эклоге (5.2) оно предписывается при завещаниях.⁵⁷ В целом новелла Ирины также свидетельствует о повышении значимости документального доказательства, что особенно отчетливо видно в определении, что тогда, когда уже нет в живых свидетелей, процесс после изготовления документов должен быть завершен *ἀνευ ζητήσεως*⁵⁸.

Обращает на себя внимание тот факт, что в новелле Ирины вообще не встречается упоминание табеллиона-символеографа; говорится только о табуляриях и номиках, участие которых в сделках о приданом и *ἐπιτερίγραφα* предусматривается и как обязательное, и как общепринятое. По мнению Бургмана, здесь имеется в виду изготовление именно табеллионатных документов,⁵⁹ хотя, как мы видели, раньше табулярии участвовали в составлении документов в качестве писцов (в частности, пишущих вместо неграмотных контрагентов сделки). Конечно, не исключается и то, что в новелле Ирины под табуляриями имелись в виду табеллионы, являя типичный пример смешения названий в позднеримском и ранневизантийском праве.⁶⁰

детелей при составлении письменного завещания (5.2–3), однако в исключительных случаях она считает достаточными пять, три или даже два свидетеля (5.4 и 8). Ср.: *Burgmann L. Die Novellen...* S. 30. Anm. 65.

⁵⁷ E. S. 188, Z. 360.

⁵⁸ *Burgmann L. Die Novellen...* S. 31.

⁵⁹ *Ibid.* S. 30.

⁶⁰ *Ляпидевский Н.* История нотариата. С. 23. По мнению Паоли, в обыденном языке оба слова смешивались, отождествлялись, скорее, из-за созвучия, чем из-за этимологического родства, см.: *Paoli C. Programma scolastico di paleografia latina.* Firenze, 1888. Vol. 3. P. 76.

Скорее всего, в послеюстиниановское время табулярии и табеллионы вообще слились в одно учреждение, будучи облечены одними и теми же функциями, причем наиболее употребительным их названием становится именно табулярии (а также символеограф, номик и другие, т. е. те более или менее синонимичные названия, о которых уже говорилось).⁶¹

Наиболее отчетливо статус и круг полномочий табуляриев предстают перед нами в памятнике X в. — в сборнике уставов константинопольских цехов, собранных и обработанных в 912 г. самим Львом VI Мудрым под названием «Книга Эпарха». ⁶² Действительно, первый титул книги — «О табуляриях», состоящий из 26 статей, текстуально совпадает с соответствующей (115-й) «новеллой» этого законодателя⁶³ и может

---

⁶¹ Это не означает, что слово «табеллион» было забыто. В византийских юридических сборниках (от Прохирина и Исагоги до Шестикнижия Константина Арменопула) постоянно говорится о *ταβελλίον*, а в византийской энциклопедии X в. (т. е. в эпоху, когда табуляриат, казалось, господствовал), известной под названием «Лексикон Суды», дается даже определение табеллиона: «Табеллион — это тот, кто пишет в городе акты, кого многие называют номиком, кто совершает все договоры граждан, каждый из них скрепляя собственными письменами» (*ἕκαστον αὐτῶν οἰκειοῖς ἐπισφραγίζων γράμμασι*): *Adler A. Lexicographi graeci. Stuttgartiae, 1971. Vol. 1, 4. P. 494.*

⁶² *Das Eparchenbuch Leons des Weisen / Hrsg. von J. Koder. Wien, 1991. См.: Медведев И. П. По поводу нового издания «Книги Эпарха» // ВВ. 1993. Т. 54. С. 183–187.* Для нас не утрачивает своего значения и русское издание памятника, главным образом из-за перевода и обширного комментария: *Византийская Книга Эпарха / Вступ. ст., перевод и комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962.*

⁶³ Впрочем, как показал А. Шминк, так называемая «новелла 115» Льва Мудрого на самом деле является простой

восприниматься как своеобразный нотариальный регламент, регулирующий организацию нотариальной службы в Константинополе и профессиональную подготовку нотариев. Из Книги Эпарха мы узнаем, что составление всяких актов, соглашений и прочих письменных документов — *πρῶσεις* (запродажных актов), *προκῆφα συμβόλαια* (брачных контрактов), *διαθήκαι* (завещаний), *συμβιβάσεις* (договоров) и т. д. — было монополией лиц, избранных и принятых в корпорацию табуляриев-символеографов во главе с примикирием, причем даже младшим чинам этой корпорации — учителям права⁶⁴ — не разрешалось составлять документы.⁶⁵ Избрание нового члена корпорации (как «преподавателя законов», так и «учителя традиционных дисциплин»⁶⁶) происходило на общем собрании (*σὺλλόγωϕ*)

выпиской из Книги Эпарха и отнюдь не представляет собою отдельно выпущенной, самостоятельной новеллы. См.: *Schminck A.* «*Novellae extravagantes*» Leons VI // *Subseciva Groningana*. 1990. Vol. 4. P. 201–209.

⁶⁴ Собственно, «преподаватели законов», *παιδοδιδάσκαλοι νομικῆ*. Имеется в виду, по интерпретации М. Я. Сюзюмова, категория лиц, занимавшихся подготовкой будущих табуляриев (Византийская Книга Эпарха. С. 120).

⁶⁵ М. Я. Сюзюмов считает, что исключение делалось только для учреждений и ведомств, которые имели собственных табуляриев, например ведомства сакеллия, государственных имуществ, военного, патриаршего двора и т. д. (Византийская Книга Эпарха. С. 122–123). Однако этих табуляриев, находившихся на государственной службе, нельзя даже сравнивать с табуляриями-нотариями, так как они не были носителями нотариальных функций. Тем более нельзя квалифицировать в качестве «штата нотариусов» корпорацию *τῶν πατριαρχικῶν νοταρίων*.

⁶⁶ Так я, ничтоже сумняшеся, перевожу злополучное (*ὁ διδάσκαλος*) *ἐν νομῆ ἀρχαίᾳ* (*Das Eparchenbuch*. S. 80, § 13). Ср.: *Saradi H.* *Le notariat byzantin*. P. 92: *professeur de*

членов корпорации, в торжественной обстановке и завершалось угощением, которое устраивал членам корпорации вновь принятый (или зачисленный на должность примикирия). Избирался желавший быть принятым в число табуляриев голосованием, пройдя к тому же испытания (*διάγνωσις*) со стороны примикирия и подчиненных ему табуляриев на предмет того, «обладает ли он необходимыми познаниями в законах, владеет ли он искусством письма в большей мере, чем другие, к тому же не болтлив ли он, не заносчив ли, не ведет ли распутную жизнь. Требуется, чтобы он был также благочестивым по нраву, чистым в помышлениях, образованным, рассудительным, владел правильной речью и умел точно выражать мысли, чтобы, таким образом, он мог легко отличить подлоги в документах (*τὰς τῶν φαισευμάτων γραφάς*) и двусмысленные выражения, вводимые в текст соглашений с целью обмана». ⁶⁷ Еще более существен второй параграф титу-

---

«*sciences humaines*». Выражение это с трудом поддается объяснению. В переводе М. Я. Сюзюмова (Византийская Книга Эпарха. С. 48) оно передано словами «согласно древней привилегии», а в комментарии — «в старинной должности» (Там же. С. 121). М. В. Левченко, как и прочие переводчики, полагал, что *νομή* — кафедра (*sedes vetus*, по переводу Николая), а В. Вольска-Конюс — как «старинное помещение» (для преподавания права, ибо речь в § 13 идет именно о преподавателях по праву). См.: *Wolska-Conus W. Les termes νομή et παιδοδιδάσκαλος νομικὸς du «Livre de l'Éparchie» // TM. T. 8. P. 531–541. Наконец, по мнению Д. Зимона, речь идет о «прежнем, ныне освободившемся, т. е. вакантном месте» (*Simon D. Hermeneutische Gymnastik // RJ., 1982. Bd. 1. S. 39–42*). Что касается И. Кодера, то он вообще оставляет это выражение без перевода (*Das Eparchenbuch. S. 81. § 1.13*).*

⁶⁷ *Das Eparchenbuch. S. 74. § 1.*

ла, в котором желавшему стать табулярием вменялось в обязанности знать досконально (ἐπί στόματος) 40 титулов Прохирона и 60 книг Василик,⁶⁸ а также «пройти курс энциклопедического образования (τὴν ἐγκύκλιον παιδείαν), чтобы не делать ошибок при составлении документов и чтобы не допускать при произнесении речей непринятых выражений. Он должен быть в достаточно зрелом возрасте, чтобы быть развитым и умственно, и физически. На общем собрании (табуляриев) он должен оформить собственноручно документ (с обязательством) не допускать в своей деятельности ничего противозаконного, ибо в противном случае он будет лишен должности».⁶⁹ Общее число табуляриев—членов корпорации—не должно было превышать 24, так как оно соответствовало числу районных нотариальных контор в Константинополе—«станций» (§ 23: ὅσαι στατίονες, τοσοῦτοι καὶ συμβολαιογράφοι) — со штатной единицей в каждой из таких станций одного писца, которого табулярий также не мог нанять, не представив его общему собранию и примикирию и не засвидетельствовав, что тот достоин быть принятым на эту должность.⁷⁰

Что же касается непосредственных обязанностей табуляриев, связанных с оформлением юридических актов, то они были следующие: σημειοῦν τὴν ὑπόθεσιν

---

⁶⁸ Das Eparchenbuch. S. 74. § 2. Некоторые исследователи (например, И. Кодер, Э. Саради) считают, что выражение ἐπί στόματος ἔχειν означает «знать наизусть», но нам кажется, что более прав М. Я. Сюзюмов, переводя его словами «твердо знать» (Византийская Книга Эпарха. С. 46, § 2); так же у Г. Вайса (*Weiss G. Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos. München, 1973. S. 175. Anm. 85.*)

⁶⁹ Das Eparchenbuch. S. 74, § 1. 2. Цит. в переводе М. Я. Сюзюмова: Византийская Книга Эпарха. С. 46.

⁷⁰ Das Eparchenbuch. S. 82. § 1. 23.

(§ 8), т. е. «обозначить существо вопроса» или же, полагаем, на основании устного сообщения сторон выяснить характер сделки и таким образом составить проект акта;⁷¹ ἐκθέσθαι χαρτίου γραφήν (§ 6) или συμβόλαιον ἐργάζεσθαι (§ 7), т. е. в общем значении оформить документ; τὴν κόμπλαν ἐπιτιθέναι κατὰ τὸν νόμον (§ 12) или ἐν τοῖς συμβολαίοις τὴν κόμπλαν ποιεῖν (§ 18), т. е. в специальном значении — совершить акт, прибавив к нему в соответствии с законом формулу *completio* или так называемую «комблу»; τὸ συμβόλαιον ἐκπληροῦν (§ 12), что, по мнению Штекле, соответствует латинскому *instrumentum supplere* (ср. латинский *Authenticum* в новелле 73. 5 Юстиниана), т. е. означает «заключить доку-

⁷¹ Именно так и совершенно верно понял эту фразу М. В. Левченко (см.: Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 200). Напротив, не прав М. Я. Сюзюмов, который в полемике с Левченко переводит фразу: «Составит основной текст документа» (Византийская Книга Эпарха. С. 47, 117; Ср.: *Koder. Das Eparchenbuch. S. 79, § 1.8*). Против такого понимания свидетельствует весь контекст параграфа, в котором говорится в сущности о том, что если будет вызван табулярий и начнет дело (здесь σημειώσεται τὴν ὑπόθεσιν означает ту начальную стадию — τὴν ἀρχήν — достаточно длительного по времени и сложного по структуре процесса изготовления и совершения документа, о которой говорилось еще в новелле 44 Юстиниана), а затем будет вызван другой и, начав снова с самого начала, завершит дело, и т. д. Подтверждает это и ἡ ὑπόθεσις τῆς γραφῆς в § 25, ясно показывающая, что речь идет не о самом документе, а о сути сделки, выраженной здесь в денежной стоимости, ее, так сказать, правовой материи (ср. перевод Николая: *si contractus materia centum aureis constat.* — Τὸ ἐπαρχικὸν βιβλίον: the Book of the Eparch, with an introduction by I. Dujčev. L., 1970. P. 21).

мент» и, стало быть, равно *completio*.⁷² Разумеется (и на это уже обращено внимание⁷³), что и здесь «блистает своим отсутствием» обязанность табулярия ἀλλόλειν документ (*contractum absolvere*), предписанная его предшественнику — табеллиону конституцией С. 4.21.17 Юстиниана. Полагаю, что слова § 12 Книги Эпарха о том, что нотариий должен совершать акт, прибавляя к нему комблу «в соответствии с законом» (κατὰ τὸν νόμον), имеют конкретное значение и отсылают к распоряжению Василик (В. 22.1.76), которое, как уже говорилось, воспроизводит в греческой редакции конституцию С. 4.21.17 Юстиниана, но без упоминания обязанности нотариуса *contractum absolvere*. Не забудем, что Василики были сводом, издателем которого был тот же Лев VI и знание которого было непременным условием профессиональной пригодности табулярия.

Показателен, кроме того, и характер оплаты труда табуляриев. Занимаясь составлением и совершением документов по поручению частных лиц, табулярии ими же и оплачивались, получая за свои услуги гонорар по твердо установленному государством тарифу. Так, в § 25 титула говорится, что «табулярии при оформлении документа должны получать плату (ὕπερ μισθοῦ) из следующего расчета: если договор на сумму

---

⁷² *Stöckle A.* Spätrömische und byzantinische Zünfte // *Klio*. Leipzig, 1911. Beiheft 9. S. 17.

⁷³ *Ibid.*; Cf.: *Pfaff J.* Tabellio und Tabullarius: Ein Beitrag zur Lehre von den römischen Urkundenpersonen. Wien und Mainz, 1905. S. 43. То, что М. Я. Сюзюмов в числе греческих эквивалентов к *completio* наряду с πλήρωσις и κόμπλα (он мог бы еще добавить τέλεσμα) упоминает и ἀπόλωσις (см.: Византийская Книга Эпарха. С. 120), следует признать недоразумением.

сто номисм и ниже, сколько бы ни было, он получает 12 кератиев; если еще на столько же (т. е. на 200 номисм) — одну номисму, если еще выше — две номисмы. И пусть не пытаются повысить плату и не делают разницы в отношении отдельного лица и в зависимости от характера акта, т. е. запродажных актов, брачных, дарственных, соглашений. Кто же будет уличен в попытке получить больше, тот пусть будет лишен кафедры и облагоразумлен епархом путем телесного наказания. Если же без всякого требования или вымогательства (табулярий) будет почтен кем-либо подарком из добровольной признательности (κατὰ προαίρεσιν), он может принять подобный подарок, не неся за это ответственности. Ведь из-за высокой платы за нотариальные услуги (τῶ βάρει γὰρ τῶν νοδῶν) клиенты, отказываясь от получения своих документов, оставляют их у символеографов. Проходит время, о документах забывают, и вследствие этого среди граждан возникают распри и столкновения». ⁷⁴ Что касается оплаты писца, помогающего табулярию, то он, согласно § 19, получает из гонорара табулярия по 2 кератия на каждую номисму. ⁷⁵ Штекле обращает внимание на мизерность вознаграждения табулярия, но (как это справедливо уже отметил М. Я. Сюзюмов) на деле табулярии брали много больше под видом «добровольных подношений», которые были, согласно § 25, вполне легальными. ⁷⁶

Таким образом, по своему статусу и по характеру своего труда табулярии, как они предстают перед нами

---

⁷⁴ Das Eparchenbuch. S. 82. § 25. Цит. в пер. М. Я. Сюзюмова: Византийская Книга Епарха. С. 49–50 (перевод нами здесь несколько уточнен).

⁷⁵ Das Eparchenbuch. S. 82. § 19.

⁷⁶ Византийская Книга Епарха. С. 127.

в Книге Эпарха, не отличаются в сущности от своих предшественников — табеллионов, продолжая оставаться частными лицами, свободными ремесленниками, которые, не будучи на государственной службе, но, получив от государства концессию, занимались в виде промысла составлением юридических актов и судебных бумаг (под контролем государства) для всякого нуждающегося в них за установленное законом вознаграждение.

Что касается дальнейших судеб византийского официального законодательства о письменном частном акте, то они заключались в рецепции отдельных положений уже разобранных нами Юстинианова законодательства, но, разумеется, не непосредственно, а прежде всего через Василики (или, скорее, их синопсисы) и другие греческие юридические сборники. В 22-й и 60-й книгах Василик,⁷⁷ помимо уже упоминавшегося воспроизведения конституции Юстиниана (С. 4.21.17 = В. 22.1.76) и соответствующих схолий, содержатся и другие заимствования из Юстинианова законодательства, из которых обращает на себя внимание заимствованное из сентенций Павла (D. 22.4.2 = В. 22.1.31) положение о том, что суду должны представляться не копии и не черновики документов, а только подлинники (οὐκ ἀπὸ ἰσοτύπων ἢ ἰνδίκων, ἀλλ' ἐκ τῶν αὐθεντικῶν ὁ δημόσιος ἐνάγει).⁷⁸ Этому мнению схолиаст

---

⁷⁷ Содержащиеся в 60-й книге Василик многочисленные отрывки из законодательства о подделках, о санкциях против фальсификаторов документов и о квалификации самого этого деликта будут детально рассмотрены далее. Пока отсылаем к работе: *Troianos Sp.* Περὶ τοῦ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας ἐν τῷ βυζαντινῷ δικαίῳ // *EEBS*. 1972–1973. Т. 39–40. С. 181–200.

⁷⁸ Ср.: *Ecl. B.* 256. 19–22, а также схолию 1 к этому месту Василик, согласно которой суд может рассматривать

противопоставляет несохранившееся распоряжение Алексея I Комнина (1081—1118), согласно которому при утере записи в регистре (κώδιξ) суду могли быть предъявлены две идентичные копии или минуты.⁷⁹ В отличие от этого положения, не нашедшего отражения в позднейших сборниках, другие эксцерпты постоянно воспроизводились в них вплоть до Шестикнижия Константина Арменопула (1345), где эти разрозненные отрывки приведены в относительную систему, будучи сгруппированы в специальный (8-й) титул книги 1, озаглавленный «О документах» и включающий в себя 15 отрывков.⁸⁰ Правда, здесь «блистает своим отсутствием» конституция Юстиниана (С. 4.21.17 = В. 22.1.76), хотя она рецепировалась Исагогой (Eis. 13.2) и так называемым «Пространным Прохионом» (17.69),⁸¹ которые, несомненно, были известны Арменопулу. Но еще более необъяснимым является то, что источником Арменопула в данном случае был Большой синопсис Василик, а он тоже содержит указанное распоряжение Юстиниана (SMB. Σ. VII).

Раздел «О документах» своего Шестикнижия Арменопул логично начинает восходящим к Дигестам (D. 22.4.1 = В. 22.1.30) определением документа, согласно которому «документом является памятная за-

---

дело кого-либо не иначе, как если тот предъявит подлинный документ (εἰ μὴ τὸ ἀληθὲς ἰνστρούμεντον προφέρῃ), а также схолию 3, гласящую: πρωτότυπον, φησιν, ὀφείλει καὶ ὁ φίσκος προφέρειν, οὐκ ἴσον ἢ ἰδικὸν ἦτοι σχεδάριον // В. S. P. 1355; Cf.: *Dölger F. Der Beweis im byzantinischen Gerichtsverfahren* // *La Preuve (Antiquité)*. 1965. № 16. S. 608–609.

⁷⁹ В. S. P. 1355. № 3 (finis); Cf.: IGR (Zach.). Lipsiae, 1857. Vol. 3. P. 426 (№ XLIII).

⁸⁰ Hexabiblos. P. 59–60.

⁸¹ IGR (Zach.). Vol. 6 (Prochiron auctum). Lipsiae, 1870. P. 157.

пись (ὁλόμνημα ἢτοι καταγραφὴ) соглашений и договоров, заключенных между обеими договаривающимися сторонами, ибо соединение волеизъявлений и договаривающихся лиц называется сделкой (συμβολή), а письменное установление об этом именуется актом (τὸ ἀπὸ ταύτης ἔγγραφον σύνταγμα συμβόλαιον ὀνομάζεται).⁸² Все же прочие отрывки касаются главным образом проблемы использования документов в качестве средства доказательства в гражданском судебном процессе. Констатируется, что в контрактах должна прежде всего приниматься во внимание истина дела (ἢ τῶν πραγμάτων ἀλήθεια), а уж потом то, что написано;⁸³ воспроизводится распоряжение новеллы 73 (гл. I. 8) Юстиниана о том, что в документе, чтобы он был действительным и неподверженным всякому оспариванию и наговору, должны быть указаны три свидетеля; приводится положение Василик (В. 60.41.58=С. 9.22.24) о том, что при возникновении подозрения в подлинности любого документа надобно требовать доказательств сперва от предъявившего документ, а уж потом от того, кто утверждает, что документ поддельный;⁸⁴ распоряжение новеллы 119 (гл. 3) Юстиниана (ср. D. 22.4.2 = В. 22.1.31) о том, что «если кто-либо упомянет в каком-либо документе о другом документе, то по этому упоминанию не может быть никакого требования, если не будет предъявлен в подлиннике тот другой документ, о котором упомянуто во втором, или в соответствии с законами не будет иным образом доказано,

⁸² Hexasiblos. I. 8.1.

⁸³ Ibid. I. 8.2; Cf.: С. 4.22.1 = В. 22.1.81 (т. е. здесь ясно постулируется приоритет юридического акта перед документальным и таким образом как будто отвергается тезис о диспозитивности письменного акта).

⁸⁴ Hexasiblos. I. 8.4. О смысле этого распоряжения см.: Troianos Sp. Περί τοῦ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας... Σ. 198.

что сумма, о которой упомянуто, в самом деле является долгом»,⁸⁵ положения о том, что обещавший письменно не пользоваться документом уже не может его употребить в качестве средства доказательства (ср. С. 4.21.3 = В. 22.1.62), что утрата документов не лишает права иска, когда можно другим способом доказать истину (ср.: С. 4.21.1 = В. 22.1.60; Eis. 13.3; Proch. auct. 17.72), и что никто не может выводить достойное доверия доказательство долга на основании собственноручно изготовленных (и, очевидно, не заверенных нотариально) актов (ср. С. 4.19.5 = В. 22.1.39).⁸⁶ Далее следует отрывок, в котором в духе гл. 2 новеллы 49 Юстиниана (ср. С. 4.21.20) говорится, что «в собственноручно изготовленных (сторонами) документах не требуется никакого сличения почерка (разве что хирографы не имеют подписи трех свидетелей, а сами свидетели признают, что они подписали, или же, отказываясь признать свою руку, будут изобличены путем сличения других их грамот), но только в публичных (ἐκ μόνων τῶν ἀγοραίων). Если же и противная сторона представит грамоты той же самой руки, тогда не будут отвергнуты; ибо то, чему истец доверяет и что он сам предъявил ранее, и на чем он основывает собственные права — это он, пожалуй, не отвергнет. А то, что предъявляется из публичных актов, и то, что, являясь собственноручно изготовленным, имеет публичное свидетельство — это, мы полагаем, может приниматься для сличения»,⁸⁷ уточняется (в соответствии с новеллой 73 Юстиниана), что при отсутствии свидетелей «собственноручные» акты (τὰ αὐτόχειρα) получают доверие от присяги, что при «бесписьменных» контрактах (ἐπὶ τῶν ἀγράφων συναλλαγμάτων) доверие приобрета-

⁸⁵ Hexabiblos. I. 8.5.

⁸⁶ Ibid. I. 8.8; Cf.: I. 8.9.

⁸⁷ Ibid. I. 8.9; Cf.: Eis. 13.8; Proch. auct. 17.71.

ется или посредством свидетелей, или посредством присяги, причем истец представляет свидетелей, а ответчик или присягает, или требует от истца присяги, в зависимости от того, как решит судья.⁸⁸ Наконец, вслед за новеллой 18 (ср.: Proch. 16.12; Eis. 28.13; Proch. auct. 17.9) определяются санкции отказывающемуся признать свою расписку, по-которой был сделан какой-либо платеж.⁸⁹

Как видим, все эти эксцерпты из древнего законодательства довольно-таки бессвязны, а будучи лишенными своего контекста, порою и невразумительны. Подбор их достаточно случаен (пожалуй, большей популярностью пользовалась 73-я новелла Юстиниана⁹⁰). В сущности после Юстиниана мы вообще не наблюдаем в Византии попыток серьезного и самостоятельного осмысления роли документа в оформлении юридических сделок и теоретической разработки проблем нотариата. Это, конечно, не означает, что в ней не существовало иных способов удовлетворения потребности в документальном оформлении сделок, кроме тех, которые были выработаны Юстинианом. Более того, все, что последним было в этом отношении предписано, — лишь сухая теория, «принципиальная схема», которая (как это явствует из актового материала) бесконечно варьируется в зависимости от местных условий. И здесь прежде всего следует отметить, что тот византийский нотариат, который демонстрируют нам византийские частнопровольные акты, — это почти исключительно церковный нотариат, в значительной мере подменивший и вытеснивший (почти

---

⁸⁸ Hexabiblos. I. 8.13.

⁸⁹ Ibid. I. 8.14.

⁹⁰ Уже цитированный синопсис новелл Юстиниана также содержит эксцерпты преимущественно этой новеллы. См.: Schminck A. — Simon D. Eine Synopsis... S. 167–169.

повсеместно) гражданский нотариат. Зепос, очевидно, прав, когда говорит, что «клирик-нотарий, который составлял частные письменные акты в поздневизантийскую эпоху, не мог быть тесно связанным с распоряжениями о нотариатах официального юстиниановского и постюстиниановского византийского права: он чувствовал себя более свободным в своей деятельности, удовлетворяя нужды в оформлении контрактов в соответствии с традициями живого народного (по происхождению греческого) права. Номик — духовное лицо, исполняя обязанности нотариуса, был более любого другого близок как к живой традиции греческого права с диспозитивным характером частного акта, так и к каноническим правилам, которые также насаждали обязательство на основе письменного изложения *ὁμολογίας* и *ὑπογραφήs*» (ссылка на 13-й канон Карфагенского собора).⁹¹

Показателен в этом отношении и вопрос о назначении табуляриев и главы их корпорации (примикирия, экзарха), как он решался в поздневизантийскую эпоху. Вот перед нами формуляр императорской простатемы как раз о назначении «экзарха табуляриев димархии» (т. е. городского квартала),⁹² который «обязан

⁹¹ Zepos P. J. Ἡ παράδοσις... Σ. 223, καὶ σφμ. 74.

⁹² О синонимии терминов *δημαρχία*, *γείτονία* и *ἐνορία* для обозначения городских кварталов (как с точки зрения церковного административного деления, так и гражданского) см.: Matschke K.-P. Rolle und Aufgabe der Demarchen in der spätbyzantinischen Hauptstadt // Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. 1977. 1. S. 214, 228. Пожалуй, только термин *ἐξαρχία* сохранил значение городского церковного округа (впрочем, также совпадавшего с гитонией), получив свое название от тех экзархов, которых специальным указом учредил для каждой гитонии патриарх Каллист I в 1350 г. с тем, полагает Матчке, чтобы «центра-

составлять купчие, дарственные, брачные договоры и прочие гражданские акты (τὰλλα πολιτικὰ συμβόλαια) по точному смыслу законов, по господствующему благословенному и древнему обычаю и согласно образцу, указанному ему вселенскими судьями ромеев; обязан он также следить, исправлять и скреплять собственноручными подписями акты, писанные в любой такого рода димархии другими табуляриями, которые в свою очередь должны приходить к нему как к своему экзарху и советоваться о своих делах, показывать составленные ими документы и просить об исправлении всего того, что было неправильно (μὴ καλῶς) ими написано или сделано, с тем чтобы подписанные самим экзархом и каждым табулярием акты были верными и надежными (βεβαίως ἔχειν καὶ ἀσφαλῶς) и чтобы ни один из этих актов не имел законной силы (τὸ κῦρος) без подписи самого экзарха и других лиц, назначенных для этого указом моей царственности. И пусть делает и пишет все означенный (экзарх) без какого-либо умысла и злодейства, воздерживается от подлога и не допускает ничего вопреки точному смыслу законов и выданных ему образцов. Уличенный же в подобного рода деяниях, пишет ли он сам или подписывает написанное другим табулярием, сначала отстраняется от нотариальной службы, а затем наказывается по закону, будучи обязан дать отчет секрету моей царственности не только за то, что делает и пишет сам, но и за то, что писано другим, но скреплено его собственноручными подписями». ⁹³

лизовать и сделать более эффективной церковную администрацию города» (Ibid. S. 228. Anm. 92; Cf.: Darrouzès J. Les registes des actes du Patriarcat de Constantinople. Paris, 1977. Vol. 5. № 2319. P. 261–262).

⁹³ Sathas C. H. Τύποι βυζαντινῶν συμβολαίων // Idem. Bibliotheca graeca. 1877. Vol. 6. P. 645–646.

Издатель датирует сборник образцов, среди которых и дошел до нас формуляр императорской простагмы, XII в.,⁹⁴ но уже Шильбах справедливо отметил, что по крайней мере этот формуляр (№ 7) не мог возникнуть раньше 1329 г., так как именно в этом году был введен институт «вселенских судей ромеев» (καθολικοί κριταὶ τῶν Ῥωμαίων), о которых упомянуто в простагме.⁹⁵ Конечно, формуляр — это еще не документ, но то, что это и не выдумка какого-нибудь нотариуса, показывает изданный Шильбахом в цитируемой работе так называемый «Ипотипосис» императора Мануила II Палеолога (датируется издателем предположительно 1398 г.), т. е. служебный регламент для все тех же вселенских судей ромеев.⁹⁶ Среди 25 параграфов, на которые условно расчленен издателем текст документа и которые регламентируют деятельность судей, нас в данном случае интересует § 20, трактующий вопрос о взаимоотношении судей и табуляриев и выдержанный в тех же тонах (и по содержанию, и по терминологии), что и формуляр простагмы.⁹⁷ Он предписывает, чтобы «табулярии находились под вашим (т. е. вселенских судей. — *И. М.*) надзором, и ни один табулярий не может считаться таковым и писать гражданский акт (πολιτικὸν συμβόλαιον), если у него нет простагмы святого моего властителя и императора, покойного блаженной памяти отца моей царственности, или же простагмы моей царственности, за исключением

⁹⁴ Ibid. P. 100 sq.

⁹⁵ *Schilbach E.* Die Hypotyposis der καθολικοί κριταὶ τῶν Ῥωμαίων vom Juni 1398 (?) // *BZ.* 1963. 61. S. 64. Anm. 70a; о судебной реформе при Палеологах и введении института «вселенских судей ромеев» см. выше.

⁹⁶ *Schilbach E.* Die Hypotyposis... S. 44–70.

⁹⁷ Ibid. S. 53. Z. 15–27.

архонтов патриархата; но и последние пусть все соблюдают регламент и принятый у табуляриев порядок (τὴν τάξιν τῶν ταβουλλαρίων),⁹⁸ с одобрения и по указу (κατὰ τὴν ἀποδοχὴν καὶ τὸν ὀρισμὸν) моей царственности,⁹⁹ в противном случае составленные ими грамоты будут недействительны, а сами они — отстранены от такого рода службы. Если же понадобится и наказать их за какой-либо проступок, то вы открыто доложите об этом моей царственности, и будет так, как она решит. Это относится к табуляриям, назначенным простагмой. Что же касается церковных архонтов, то если кто-то из них допустит подобный проступок, пусть его грамота будет недействительной, а вы об этом доложите моей царственности, и она отдаст соответствующее ее воле распоряжение».

Мы, таким образом, сразу получаем массу уникальных сведений относительно нотариата в эту позднюю эпоху византийской истории: он и сейчас еще суще-

---

⁹⁸ Шильбах склонен как будто рассматривать это выражение в качестве обозначения цеха табуляриев (Ibid. S. 65), что нам кажется сомнительным: ни сам термин *τάξις* не зафиксирован нигде в этом значении (предпочитаются термины *ὀσθηα* и *σφαταεῖον*, см. об этом: *Медведев И. П.* Был ли цех хартуляриев в Византии? // ПС. 1971. Вып. 23 (86). С. 64), ни контекст не требует подобного толкования.

⁹⁹ Существовал, таким образом, еще один документ — орисмос Мануила II Палеолога, специально адресованный табуляриям, возможно, аналогичный тому служебному регламенту — ипотипосису, который он адресовал вселенским судьям, и нам остается только пожалеть, что он не дошел до нас. Шильбах полагает, что этим орисмосом император подтвердил предписания прежних императоров в адрес табуляриев (в сноске указаны 44-я новелла Юстиниана, 115-я новелла Льва VI и Книга Эпарха), но об этом можно только гадать (Ср.: *Schilbach E.* Die Hypotyposis... S. 65).

ствуует в своих двух главных ипостасях — как светский и церковный; и тот и другой подлежат государственному контролю, причем даже более строгому, чем прежде; если право назначения светского табулярия в IX–X вв. принадлежало главе корпорации (Книга Эпарха), а с 1043 г. — номофилаку, ректору высшей юридической школы в Константинополе¹⁰⁰ (правда, Шильбах полагает, что и в этих случаях назначение табуляриев могло совершаться также императорским кодициллом и только на практике производилось при микирием табуляриев или номофилаком от имени императора),¹⁰¹ то теперь это — прерогатива самого императора, назначавшего императорской простагмой не только экзарха табуляриев, но и каждого табулярия персонально.

Отождествляя этих табуляриев с принадлежавшими, начиная с царствования Михаила VIII Палеолога, к штату императорской канцелярии «императорскими нотариями», которые к тому же (явно по западноевропейскому образцу) с 1406 г. используют формулу «императорской властью» (*βασιλικὸς νοτάριος βασιλικῆ ἐξουσίᾳ* = *imperiali auctoritate notarius*), Икономидис считает, что речь идет о создании в Византии в XIV в. «собственно имперского нотариата».¹⁰² Однако такое отождествление представляется нам весь-

---

¹⁰⁰ *Novella Constitutio saec. XI medii qual est schola iuris Constantinopoli constituenda et legem custode creando* / Ed. A. Salač. Praegae, 1954. § 20 (предписывается всем желающим заняться практической юриспруденцией, прежде чем записаться в корпорацию адвокатов или табуляриев, изучить у номофилака законы, выдержать у него экзамен и получить соответствующее удостоверение — ἐπιμαρτύρησις).

¹⁰¹ *Schilbach E.* Die Hypotyposis... S. 64.

¹⁰² *Oikonomidès N.* La chancellerie impériale de Byzance du 13e au 15e siècle // REB. 1985. T. 43. P. 172, 173.

ма проблематичным прежде всего потому, что упомянутые «императорские нотариии» участвовали в качестве секретарей в составлении публичных императорских документов (скажем, договоров с Венецией и Генуей), но ни в чем не проявили себя как лица, которым было бы доверено совершать частноправовые акты. Если их и можно было бы сравнить с западноевропейскими нотарииями *ad acta*, составлявшими главным образом тексты публичных актов, то с нотарииями *ad instrumenta*, занимавшимися составлением текстов всевозможных частных документов, вряд ли.¹⁰³ К тому же, будучи служащими императорской канцелярии и имея в этом качестве свое собственное «начальство» (согласно Псевдо-Кодину, во главе императорской канцелярии были два высших чина империи — великий логофет и месадзон; непосредственно же «нотариями» — секретарями руководил протонотарий),¹⁰⁴ «императорские нотариии» вряд ли подлежали контролю «вселенских судей ромеев». Нет, все же думается, что системы публичного, государственного нотариата так и не было создано в Византии, хотя попытки усилить контроль государства над деятельностью лиц, совершавших частноправовые акты, «имели место».

Нотариат по данным частных актов

Соответствовала ли теоретическая модель нотариата, которую дают законодательные источники, повседневной византийской практике? Впрочем, назвав эту

---

¹⁰³ О нотарииях *ad acta* и *ad instrumenta* см.: Акты Падуи конца XIII–XIV в. в собрании АН СССР / Подг. текстов Е. Ч. Скржинской, А. М. Кононенко и В. И. Мажуги; под. ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1987. С. 9.

¹⁰⁴ *Oikonomidès N. La chancellerie impériale...* P. 168–172 (здесь же указана соответствующая литература).

модель «теоретической», мы, пожалуй, несколько сгустили краски, так как и законодатели, формулируя свои предписания, «отталкивались» от реальной жизни (особенно это характерно для Юстиниана, исходным пунктом конституций которого всегда был какой-то конкретный случай), да и такие документы, как устав константинопольской корпорации табуляриев, который находим в Книге Эпарха, и «Ипотипосис» Мануила II Палеолога, в котором затронут вопрос о назначении нотариев и контроле за их деятельностью, не могли, очевидно, не отражать реального положения, по крайней мере в столице, давая нам образ светского константинопольского табуляриата, находившегося под строгим контролем светских властей. Другое дело, что мы почти не в состоянии проверить и подтвердить эти сведения данными документального материала. С одной стороны, большинство рассмотренных законодательных памятников как раз приходится на период «темных веков» — период, от которого вообще не сохранилось документов. Тем самым у нас нет возможности уловить тот момент, когда последний греко-египетский папирус превратился в первый собственно византийский, написанный на пергамене частный акт. С другой стороны, хотя основная масса актовых источников по времени появления и относится к последним векам истории Византийской империи — XI–XV вв. и, казалось бы, можно сопоставить эти данные с пожеланиями императорской простагмы о назначении экзарха табуляриев и «Ипотипосиса» Мануила II Палеолога, но именно столица империи, к которой эти положения прежде всего относятся, прямо-таки «зияет отсутствием» актового материала даже в эту позднюю эпоху.

До нас дошли лишь единичные акты из Константинополя. Так, в константинопольском патриархате

был составлен написанный в 987 г. «экзархом табуляриев» Михаилом Энгоном (Εγγονος) гарантийный акт по обмену имуществом между монастырями Лампония и Св. Павла на горе Латрос (близ Милета), сохраненный картулярием монастыря Св. Павла (акт составлен от лица одной из сторон — представителя монастыря Лампония монаха Варфоломея, который в своей пространной подписи пишет, что «собственноручно проέταξα καὶ ὑπέταξα», но тут же отмечает, что его ὑλοταγή писана «табулярием Михаилом, написавшим и весь текст документа»; подпись самого Михаила Энгона отсутствует, и сведения о нем содержатся лишь в формуле корроборации и подписи монаха Варфоломея).¹⁰⁵ В 1081 г. аналогичный акт,¹⁰⁶ по которому игумен и монахи столичного монастыря Космидион гарантировали игумену и монахам монастыря амальфитанов владение ранее проданной им местностью Платанос, был составлен в Константинополе (где конкретно, неизвестно), по-видимому, теми двумя нотариями, которые в одном месте упомянуты как «табулярии», в присутствии которых была передана «из рук в руки» условленная сумма (р. 233. 12), а в другом — как «табеллионы», по приглашению авторов акта зачитавшие им текст документа и разъяснившие каждое слово (р. 234. 41: ἀνερμήνευσαν κατὰ ρῆμα); в конце акта, на месте, где обычно указывается нотариий, упомянут еще βασιλικὸς κληρικὸς καὶ νοτάριος монастыря Влахерны Иоанн, но был ли он одним из вышеназванных табуляриев — табеллионов (при тех странностях формуляра, выпренности стиля и смешении терминов, которые демонстрирует акт, это

¹⁰⁵ ММ. Vol. 4. № 9. Р. 308–312. О структуре и формулах частнопроводного акта см.: *Медведев И. П.* Очерки византийской дипломатики (частнопроводной акт). Л.: Наука, 1988. С. 44–99.

¹⁰⁶ Actes de Lavra. Т. 1. № 42. Р. 233–236.

вполне возможно) и какова его роль в составлении документа, остается неясным (в качестве свидетелей акт подписали и другие представители Влахернского монастыря, бывшего соседом монастырю Космидион, но не все их подписи сохранены копией XII в., в которой дошел до нас акт, многие из них не были списаны копиистом, «будучи стерты временем», как он сам отметил). К Константинополю относится и акт, составленный в 1094 г. нотарием и табулярием Перама Иоанном и подписанный протопапасом и экономом церкви Св. Ирины τοῦ Περῶνατος Николаем, другими клириками той же церкви и двумя спафарокандидатами, а также нотарием Иоанном Агиогеоргием и Евлампием Агиоиринитом, судьей и табулярием, который, хотя и не был клириком, должен был каким-то образом быть связанным с церковью Св. Ирины, по поручению которой он исполнял свою должность.¹⁰⁷

Все прочие акты константинопольского происхождения относятся уже к позднему времени — к XIV–XV вв. Так, например, оба сохранившихся в копии «великого сакелария, дидаскала дидаскалов и архидиакона» Феодора Мелитениота и изданных Шрайнером акта (купчая 1388 г. и акт приема супругом приданого от 1387 г.)¹⁰⁸ были составлены грамотно и (что редко) почти без орфографических ошибок (не результат ли это обработки оригинального текста высокообразованным копиистом, принадлежавшим к ученой

---

¹⁰⁷ MM. Vol. 6. № 29. P. 90–94; Cf.: *Janin R. La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. T. 1: Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique.* Paris, 1969. P. 107; *Falkenhausen V. von, Amelotti M. Notariato e documento nell'Italia Meridionale greca (X–XV secolo).* Roma, 1982. P. 26.

¹⁰⁸ *Schreiner P. Zwei Urkunden aus der Theodoros Meliteniotes (1387–1388) // OChA. 1977. Vol. 204. S. 187–199.*

элите Константинополя во второй половине XIV в.?), в них нет никаких указаний на писца и нотарию (правда, все подписи в копиях опущены, но ведь для этого существует еще формула корроборации!). То же самое можно было бы сказать о дарственной 1394 г. из Константинополя, которой монахиня Евгения дарит своему сыну, иеромонаху Феофану, виноградник.¹⁰⁹ В ней также нет упоминаний о писце и нотарию, но здесь вырывает то, что это подлинный документ (есть свидетельские подписи, очень индивидуализированные) и что на основании сличения почерка, которым писан документ, и почерка скрепившего на обороте своей подписью акт «великого сакелария святейшей божьей Великой церкви (т. е. Св. Софии) диакона» Димитрия Гемиста можно заключить, что как раз последний и был писцом текста дарственной.¹¹⁰ То, что столь высоко-

---

¹⁰⁹ *Hunger H.* Zwei Urkunden des späten Palaiologenzeit Österreichischen Nationalbibliothek // *Idem.* Byzantinische Grundlagenforschung. London, 1973. Art. VI. № 2. S. 304–308 und Taf. IV.

¹¹⁰ Считаю в высшей степени вероятным, что этот Димитрий Гемист тождествен нотарию Димитрию Гемисту, составившему в 1368 г. патриарший акт (ММ. Vol. 1. P. 497), а также протонотарию «Великой Церкви» Димитрию Гемисту, автору литургических сочинений, и, следовательно, является отцом выдающегося деятеля поздневизантийской культуры Георгия Гемиста Плифона (ср.: *Masai F. Pléthon et le platonisme de Mistra.* Paris, 1956. P. 53). Из двух патриарших актов, хранящихся в архиве Кутлумушского монастыря на Афоне, которые Даррузес также по почерку приписывает руке нашего Димитрия Гемиста (№ 38 — акт патриарха Нила от 1386 г. и № 40 — акт патриарха Антония от 1393 г.; См.: *Actes de Kutlumus, Album, pl. LVI et LIX; Cf.: Darrouzès J.* Recherches sur les offikia de l'église byzantine. Paris, 1970. P. 312, note), я бы с уверенностью

поставленное в церковной иерархии лицо снисходит до собственноручного писания акта для какой-то монахини, как мы увидим далее, — не редкость. Пока что укажем еще на один аналогичный факт из константинопольской практики, но теперь уже из XV в. Имеются в виду две дарственные из архива Лавры, составленные в Константинополе в 1445 и 1447 гг., об одном и том же предмете — дарении мирянином Феодором Ватацем афонскому монастырю Всех Святых зданий мастерской в столице.¹¹¹ Из анализа их содержания и их палеографических особенностей (обе дарственные писаны на одном куске плохого пергамена) видно следующее: в октябре 1445 г. игумен и основатель монастыря Всех Святых Мелетий явился в столицу, чтобы получить необходимые для его существования пожертвования (впрочем, об этом известно еще из простагмы Иоанна VIII Палеолога от октября 1445 г., который жалует монастырю Всех Святых ежегодный взнос зерном и сухофруктами из доходов Лемноса¹¹²); Феодор Ватац также дарит ему здание мастерской по утерянному ныне акту 1445 г., сведения о котором узнаем из копии (наш первый документ — А), изготовленной и подписанной в 1447 г. «номофилаком и диаконом» Львом Атрапесом, деятелем, весьма известным в историографии.¹¹³ В тексте дарственная на-

---

признал принадлежащим его руке лишь акт № 38; в отношении акта № 40 у меня нет такой уверенности (см., например, несколько иное написание буквы «ню» и т. д.), хотя принадлежность обоих почерков одной школе несомненна.

¹¹¹ Acte de Lavra. Т. 3. № 170. Р. 190–191; Album, pl. ССХII, ССХVIII.

¹¹² Ibid. № 169. Р. 187.

¹¹³ В марте 1426 г. Лев Атрапес был еще «папасом и диаконом» и преподавал в Константинополе риторику, как это можно заключить из записи его ученика в демосфеновском

звана самим дарителем «моя настоящая собственноручная грамота» (τὸ παρὸν οἰκεῖόχειρον μου γράμμα), не упомянуты ни писец, ни нотариус, а, напротив, подчеркнуто самим дарителем, что он, «собственноручно написав, подписал». Оригинал дарственной, следовательно, не был официальным нотариальным актом, это был чистой воды хирограф. Списав его, номофилак воспроизвел и подпись Феодора Ватаца, а также датировку месяцем и индиктом. После этого в копии следует запись Атрапеса о том, что документ «содержит собственноручное благочестивое дарение архонта Ватаца, которое, будучи (им самим) написано на пергамене, и подписано им, а после этого пергамен содержит и следующее», далее списывается дополнительная клаузула, которая рукой Ватаца была добавлена внизу основного текста оригинала дарственной на том же куске пергамена, не будучи датированной, но явно сделанной вскоре после 15 октября 1445 г., ибо, как об этом правильно замечают издатели,¹¹⁴ в противном случае была бы обозначена новая дата. Этот документ — оригинал, который в обеих своих частях оформляет дарение *post mortem*, как уже отмечалось, утерян. Но в июне 1447 г. он еще существовал, так как номофилак

кодексе Ceasen. D. XXVII 1, f. 16 v (*Mioni E. Catalogo di manoscritti greci esistenti nelle biblioteche italiane. Roma, 1964. Vol. 1. P. 57; Harlfinger D. Specimina griechischer Kopisten der Renaissance. Berlin, 1974. Bd. 1. S. 17*). Известен Лев Атрапес и как писец греческих рукописей (им писаны рукописи венецианской Библиотеки св. Марка. — *Cod. Marc. gr. Z. 37 и Z. 440, греческая рукопись № 535 в ГПБ и др.*). Образцы почерка Льва Атрапеса опубликованы: *Медведев И. П. Две поправки к каталогу греческих рукописей ленинградских хранилищ // ВВ. 1984. Т. 45. С. 215–217 и рис. 3–4; Harlfinger D. Specimina... Taf. 13.*

¹¹⁴ *Actes de Lavra. Т. 3. P. 190.*

Лев Атрапес, списав и вторую часть, известную нам по другим источникам формулу о сличении копии с оригиналом, об идентичности текстов, о дате записи (июнь 1447 г.), помимо своей подписи, дал подписаться (причем первому) дарителю Феодору Ватацу, который, следовательно, присутствовал при снятии копии.

Издатели наших документов считают, что «имя номофилака и диакона Льва Атрапеса, который, должно быть, руководил всей этой операцией, фигурирует в конце документа А, но не как подпись, а как вписанное рукой того (не его ли?), кто писал текст».¹¹⁵ Своим восклицанием «не его ли?» издатели показывают, что у них мелькнула мысль о принадлежности текста документа руке Льва Атрапеса, но, не будучи «в курсе» его известных теперь автографов, они и не продвинулись в правильном направлении; не способствовал этому и тот факт, что эта подпись Льва Атрапеса была сделана не монокондиллом, как на втором документе, а его обычным почерком, которым написан и весь текст документа. И все же это подпись, ибо принадлежит она самому Льву Атрапесу, как и вся копия. К тому же издатели упустили из виду, что в формуле аутентификации копии сказано, что копия «подписана нами» (παρ' ἡμῶν), т. е. самим дарителем и номофилаком, а не «мною» (παρ' ἐμοῦ). Конечно, немного странно давать на подпись автору документа копию последнего (ведь тем самым копия превращается в оригинал!), но это объясняется особенностями дела, которые становятся яснее, если рассмотреть второй документ — В.

В июне 1447 г., неясно, по каким причинам (возможно, не без основания полагают издатели,¹¹⁶ по настоянию игумена монастыря Всех Святых Мелетия,

¹¹⁵ Actes de Lavra. Т. 3. Р. 190.

¹¹⁶ Ibid.

который уже смог добиться прибавки арендной платы к дарению *post mortem* и теперь, в приближении срока ее выплаты — 1 сентября 1447 г., смог добиться еще большего — (превращения дарения *post mortem* в немедленное и окончательное), Феодор Ватац решил вместо дарения *post mortem* сделать дар немедленно и с этой целью обратился к номофилаку Льву Атрапесу, чтобы переоформить дар, причем составить новый документ в двух экземплярах (*ἀντίγραφα*),¹¹⁷ что и было осуществлено, как это явствует из документа В, также писанного и подписанного (но теперь уже монокондиллом) номофилаком Львом Атрапесом. Последний дал акт также на подпись самому дарителю Феодору Ватацу (сразу после даты) и, кроме того, зачем-то (по мнению издателей, для возможных свидетельских подписей или же для возможной нотариальной записи, которые отсутствуют¹¹⁸) оставил много пустого

---

¹¹⁷ «Несомненно для двух заинтересованных сторон — его самого и Мелетия», — считают издатели (*Actes de Lavra*. Т. 3. Р. 190), что, впрочем, нам кажется не бесспорным. Ведь финальная клаузула документа В свидетельствует, что «настоящая дарственная грамота была выдана монастырю в двух экземплярах» (*Ibid.* Р. 191. l. 16: *ἐλεδόθη τῇ μονῇ ταύτῃ ἐν δύοῖν ἀντίγραφοῖς*), да и обычная практика не предполагала при изготовлении дарственной грамоты экземпляра для самого дарителя. Может быть, в данном случае речь идет о документе А и о том, что наряду с официальным документом по просьбе Мелетия была сделана еще официальная копия? А может быть, еще проще — речь идет о документе В, писанных на одном и том же куске пергамента? По каким-то причинам монастырю захотелось, заполучая документ о немедленном дарении, сохранить и, казалось бы, отмененный им документ о дарении *post mortem*, возможно, в качестве своеобразной *narratio* настоящей сделки.

¹¹⁸ *Ibid.* Р. 190.

места между подписью дарителя и своей. Нам остается лишь добавить, что в составленных номофилаком актах много своеобразного, я бы даже сказал «непрофессионального», писаны они по простому сокращенному формуляру, может быть, даже без всяких образцов.

Таковы известные нам скудные данные о практике константинопольского нотариата. Невольно начинаешь думать, уж не перевелись ли совсем в столице профессиональные нотариусы — табулярии, если таким крупным церковным чинам, как великому сакеларию патриархата и номофилаку (впрочем, по мнению Даррузеса, номофилак занимал с XI в. промежуточное место между церковью и государством: титул и должность — светские по своему происхождению, но они часто отдаются церковникам¹¹⁹), приходится самим братья за перо. Надо думать, что дело все же обстояло не так. Ведь еще в 1357 г. среди собранных экзархами подписей всех священников и диаконов столицы под декретом патриарха Каллиста I содержатся имена 32 табуляриев (все иереи).¹²⁰ Некоторые из них исполняют по совместительству пресвитерскую должность экдика и катихита, но среди них нет ни одного «табулярия Великой церкви», титула, который связывал бы их с центральной церковной администрацией. Стало быть, все эти табулярии были членами приходского духовенства, рассеянного по всем кварталам

---

¹¹⁹ *Darrouzès J. Recherches sur les offikia... P. 314 (Cf.: P. 79, 82, 134, 287).*

¹²⁰ *Ibid. P. 392; Darrouzès J. 1) Le registre synodal du Patriarcat byzantin au XIVe siècle: Etude paléographique et diplomatique. Paris, 1971. P. 107–109, pl. 17–23 et 40; 2) Les registes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. V. № 2402. P. 332–333.*

столицы, и по-прежнему трудились в нотариальных конторах — «станциях», образуя корпорацию во главе со специальным экзархом и обслуживая население столицы. Вот имена лишь некоторых из них, зафиксированные весьма неудовлетворительным в этой части изданием Миклошича и Мюллера¹²¹ (полный список табуляриев выверен по рукописи Даррузесом, но пока не опубликован): экдик и катихит Великой церкви экзарх и табулярий Михаил Вальсамон; экдик и катихит Великой церкви, экзарх и табулярий Иоанн Пелиот; экдик и катихит Великой церкви, экзарх и табулярий Михаил Кутариот; от царского клира Влахернского дворца эконоом, табулярий и экзарх Патриот; иерей, экзарх и табулярий Георгий Комиан; экдик и катихит Великой церкви, табулярий и экзарх Феодор Апостол; экдик, экзарх и табулярий Иоанн Афиат; табулярий Хрисоверг; экдик, катихит и табулярий Иоанн Пунк; пресвитер Великой церкви и табулярий Христул; референдарий Великой церкви и табулярий Михаил Панарет; от царского клира св. апостолов иерей и табулярий Иоанн Старас.

Но как же все-таки обстояло дело на всей территории империи? Несмотря на относительно большое число греческих письменных частнопроводных актов из разных областей и провинций империи, в нашем распоряжении и здесь имеются лишь весьма скудные сведения о византийском (и об итало-греческом как его разновидности) нотариате этого периода. Благодаря тому, что господствующим типом византийского частнопроводного акта был табеллионатный документ, в корроборационной клаузуле которого содержится упоминание о «писце» документа (т. е. о его составителе) или о нотари, «совершившем» документ (часто и о том,

---

¹²¹ ММ. Vol. 1. № 167. P. 369–375.

и о другом), а также из подписи¹²² выявляется множество имен нотариев и других лиц, занимавшихся со-

---

¹²² Среди византийских частных актов провинциально-го происхождения есть, однако, многочисленная группа таких, которые, будучи явно подлинными, не содержат никаких сведений о писце и нотариусе, ни их подписей: Actes de Lavra. Т. 2. № 78. Р. 44–45 (дарственная 1285 г., подписана самим дарителем); Т. 3. № 130. Р. 45 (дарственная 1350 г., подписана самим дарителем, очень своеобразен формуляр, интересна финальная клаузула с заявлением дарителя о том, что он «написал акт своим ртом», т. е. продиктовал его писцу, см. р. 45. l. 30: *ἔγραψα μετὰ τοῦ στόματός μου*); № 143. Р. 91–92 (купчая 1365 г., подписана тремя свидетелями); № 148. Р. 110–112 (акт об отказе от эксцепций 1377 г., подписан авторами, членами клира Серрской митрополии); № 153. Р. 126–128 (дарственная 1392 г., подписана самим дарителем, очень грамотно составленный и написанный акт); № 154. Р. 130 (дарственная 1395 г., подписана дарителем, но не собственноручно, а «рукой прота»); № 169. Р. 184–185 (арендный договор 1445 г., с сигноном арендатора и подписью протонотария Фессалоники, оставлены места для трех свидетельских подписей, которые, однако, отсутствуют, стоят только кресты); № 174. Р. 199 (дарственная 1496 г., подписана восьмью свидетелями); Actes de Docheiariou. № 47. Р. 251–252 (дарственная 1381 г., подписана тремя свидетелями); Actes de Chilandar. № 24. Р. 52–53 (купчая 1307 г. скреплена подписью епископа); № 154. Р. 324–326 (мировая 1374 г., подписана десятью церковными и светскими савонниками); ММ. Vol. 4. № 12. Р. 52–54 (дарственная 1237 г., подписана дарителем и четырьмя свидетелями); № 35. Р. 91–92 (дарственная 1261 г., подписана дарителем); № 58. Р. 125–126 (завещание, не датировано); № 88. Р. 161–163 (дарственная 1268 г., подписана тремя свидетелями); № 146. Р. 232–236 (пять дарственных 1253 г., подписаны дарительницей); № 168. Р. 263–265 (недатированная дарственная, подписана самим дарителем) и т. д.

ставлением частнопрововых актов, но из этого множества не вырисовывается достаточно ясной картины организации нотариата. Неизвестно, например, каковы были критерии отбора кадров для нотариата, каким было их «базовое образование» в условиях исчезновения светских ремесленных корпораций, в том числе и константинопольской светской корпорации табуляриев, находившейся под контролем епарха столицы,¹²³ каким было социальное происхождение нотариев¹²⁴ и т. д. Мы не знаем даже и можем лишь догадываться о том, где именно составлен тот или иной акт, поскольку византийский формуляр частного акта не предполагал никаких *data loci*, столь характерных для латинского западноевропейского документа (см., например, «Акты Падуи», в которых не только указаны сам город Падуя, другие населенные пункты Падуанского дистрикта, но и то или иное официальное

---

¹²³ Об исчезновении ремесленных корпораций в поздней Византии см.: *Francès E. La disparition des corporations byzantines // Actes du XIIe Congrès International d'Etudes Byzantines, II. Beograd, 1964* (русский вариант статьи Франчеса см.: ВВ. 1969. 30. С. 38–47.)

¹²⁴ Так, например, среди множества известных нам по актам писцов и нотариев нам не встретилось (да, я полагаю, и не могло встретиться) ни одного, который бы отрекомендовался рабом, хотя о рабах, сведующих в нотариальном искусстве, немало говорится в письмах Пселла, ради приработка готовившего и продававшего таковых (см.: *Weiss G. Oströmische Beamte... S. 118–125*). По-видимому, речь у Пселла идет все же о нотариях — писцах государственных канцелярий, не имевших дела с документальным оформлением частных юридических сделок. Но если это предположение верно, то Вайсу не следовало привлекать для характеристики их статуса данные о корпорации табуляриев, содержащиеся в Книге Эпарха (*Ibid. S. 121*).

или неофициальное место: дворец коммуны — док. 4, епископский дворец — док. 33, монастырь — док. 34, кафедральная церковь — док. 48, зал городского совета — док. 56, часто дом одного из участников сделки или портик жилища нотариуса — док. 25 и др.¹²⁵), а те немногие исключения из этого правила, которые все же имеют место (например, в купчей 897 г. из архива Лавры указано место составления документа: «в этом блестящем и прославленном городе фессалоникийцев»,¹²⁶ в купчей 1259 г. из Вазелонского монастыря указано, что документ составлялся в самом монастыре: ἐγγράφει ἐν τῇ μονῆ;¹²⁷ дарственная 1375 г. из архива Лавры «писана в городе Янине»;¹²⁸ и т. д.), свидетельствуют лишь о том, что составители этих актов или сознательно нарушали формуляр, или делали это по незнанию, возможно, находясь под влиянием латинской практики.¹²⁹ Во всяком случае даже единственно-

¹²⁵ Акты Падуи... С. 8–9. См. также акты из архива монастыря Св. Михаила Архангела в Брондоло, подавляющее большинство которых составлено в Падуе: SS. Trinità e S. Michele Arcangelo di Brondolo / A cura di Bianca Lanfranchi Strina. Venezia, 1987.

¹²⁶ Actes de Lavra. Т. 1. № 1. Р. 89. л. 5.

¹²⁷ Вазелонские акты. № 64. С. 39.

¹²⁸ Actes de Lavra. Т. 3. № 146. Р. 103–104.

¹²⁹ Отметив присутствие формулы о месте составления издаваемого ею арендного договора XIII в. из Мессины («писан в городе Мессине»), Е. Ч. Скржинская также считает, что это «признак нерешительности в умении применять греческие формулы и влияния латинских образцов». Любопытно и ее замечание о том, что в начале XIII в., напротив, встречается обратное явление: латинская канцелярия, еще не совсем окрепнув, составляла свои акты, руководствуясь греческим формуляром, и часто опускала *data loci* (*Skržinskaja E. Esame e datazione del contratto di Messina conservato nel codice Sinaitico // SBNE. 1935. Vol. 4. P. 149*).

го упоминания Димитрием Хоматианом в XIII в. нотариальной конторы (τῆς ταβουλαρικῆς στατίωνος) в г. Яни-не, принадлежавшей некоему табулярию-диакону,¹³⁰ достаточно, чтобы заключить, что и в эту позднюю эпоху деятельность нотарииев протекала в стенах такого рода контор, где, следовательно, и могли составляться акты, но часто также и с выездом писца и нотариия на место заключения сделки (например, в монастырь, в церковь, в митрополию и т. д.), «по приглашению» сторон.

И тем не менее совокупность изученных нами документальных материалов позволяет высказать некоторые наблюдения, имеющие определенное значение для воссоздания системы византийского нотариата. Прежде всего создается впечатление, что каждый город и каждое местечко (даже деревня) должны были в принципе иметь своих собственных нотарииев (или своего собственного нотариия), назначавшихся на неопределенный срок (далее мы увидим, что некоторые табулярии подвизались на этом поприще в течение десятилетий).¹³¹ Если же таковые по каким-то причинам

---

¹³⁰ *Pitra J. B. Analecta sacra et classica Specilegio Solesmensi parata. № 87. Col. 389.*

¹³¹ Выражение «Такой-то κατὰ τὴν ἡμέραν (или κατὰ τὸν καιρόν) табулярий (или номик)», иногда встречающееся в подписях нотарииев, указывает не на временный характер такого рода занятий и не на тот факт замещения отсутствующего в данный момент «титулярного» нотариия, как можно было бы подумать, а лишь на то, что во время заключения сделки и составления акта нотариием в данном местечке был «такой-то». По мнению Феррари, это выражение следует интерпретировать не как πρὸς καιρόν, а как κατὰ τοσοῦτον τὸν καιρόν, см.: *Ferrari G. I documenti greci medioevali di diritto privato dell'Italia meridionale. Leipzig, 1910. P. 11–12; Cf.: Falkenhausen V. von, Amelotti M. Notariato e documento... P. 16. N. 11.*

отсутствовали, то их замена каким-то должностным лицом могла оговариваться в акте: так, акт жителей Дрианувены 1271 г. и купчая 1271 г. из картулярия Макринитиссы писаны «по приглашению» сторон рукой архиерея Димитриады и Альмироса протосинкелла Михаила «по причине отсутствия табулярия во всей хоре Димитриады». ¹³² Показательно, что в это же самое время в Альмиросе активно действует на нотариальном поприще анагност и табулярий Константин Рангаве, ¹³³ которым, однако, не сочли возможным воспользоваться жители соседней Димитриады. По-видимому, анагност и табулярий города Альмироса (как и все прочие его собратья по профессии) не имел права исполнять свою работу за пределами очерченной для него территории, и это как раз то, что дает нам возможность локализовать места изготовления того или иного документа, пользуясь топонимами, часто сопровождавшими обозначение нотариа.

Второе впечатление от знакомства с документальным материалом: тот византийский нотариат, который демонстрируют нам византийские частнопровые акты, — это почти исключительно церковный нотариат, в значительной мере подменивший и вытеснивший (почти повсеместно) гражданский нотариат. Несмотря на то что в актах иногда встречаются и нотариии-миряне (например, номик деревни Геникон и Неохорион

---

¹³² ММ. Vol. 4. № 26–27. Р. 391–396. По этой же причине, очевидно, писана рукой хартофилакса епископии Димитриады (имя не указано) еще одна купчая 1271 г., хотя отсутствие табулярия здесь не оговорено (Ibid. № 28. Р. 396–399). В 1271 г. купчую составлял архиерей протосинкелл Михаил Панарет (Ibid. № 32. Р. 407–409).

¹³³ Известны три купчие, составленные им в этом году (ММ. Vol. 4. № 29–31. Р. 399–407).

Константин Асканис¹³⁴), подавляющее число нотариев, фигурирующих в актах, — это клирики разных рангов, которые, вопреки платоническим запретам канонического права, не только активно участвуют в совершении различных сделок, но по существу и монополизируют их документально-правовое оформление. Можно было бы подумать, что древние каноны св. апостолов (6, 81, 63), четвертого Халкидонского (3, 7), седьмого Никейского (10), первого и второго Константинопольских (11) соборов уже устарели для того времени, которым мы занимаемся, но нет — «Завещание» патриарха Матфея (1407 г.) снова и в категорической форме воспрещает монахам принимать участие в процессах, заключать торговые сделки, быть опекуном или куратором, выступать в суде в качестве свидетеля и т. д.¹³⁵ Правда, профессия нотариия при этом не упоминается и, может быть, не случайно: возможно, она и не подпадала под запрет тех канонов, которые закрывали клирикам доступ к светским должностям, так как само это занятие было, скорее, свободной профессией, чем светской государственной должностью.¹³⁶

¹³⁴ ММ. Vol. 4. № 169. P. 265–266 (s. d.).

¹³⁵ Konidares I. M., Manaphes K. A. 'Επιτελεύτιος βούλησις καὶ διδασκαλία τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου Ματθαίου Α' (1397–1410) // ΕΕΒΣ, 1981–1982 (έκδ. 1983). Τ. 45. Σ. 504–505.

¹³⁶ Нечто подобное было и с адвокатурой, о чем свидетельствует конфликт патриарха Луки Хрисоверга (1157–1169/70) с одним диаконом, которому запретили защищать дело в императорском суде, очевидно, со ссылкой на каноны. Дьякон стал оправдываться, утверждая, что теперь каноны не запрещают представителям клира выступать в суде, поскольку адвокаты (οἱ συνηγοροῦντες) исполняют свое дело как некую свободную профессию (ἐλευθερίον τι σποῦδασμα) и не подлежат правилам того времени, когда адвокатура была светской должностью (ὀφφίκιον κοσμικόν),

Нам неизвестно ни одного закона, который был бы выпущен императорской властью и которым было бы юридически закреплено за церковниками право занятия нотариатом в империи. Феррари вообще склонен объяснять подмену светского нотариата церковью чисто практическими соображениями, тем фактом, что в эпоху широко распространенной неграмотности по необходимости приходилось обращаться к церковникам, которые были образованными и потому более пригодными для исполнения обязанностей табеллионов,¹³⁷ — довод, безусловно, идущий к делу, но вряд ли достаточный для того, чтобы объяснить причину явления во всей ее полноте. Последняя, может быть, станет яснее, если вспомнить о грамоте, приписываемой королю Сицилии Роджеру II (сейчас признается подделкой, вероятно, изготовленной после смерти Гильома I), которой якобы король в 1144 г. жаловал кафедральной церкви и архиепископу Палермо табуляриат (τὴν ταβουλαρίαν) города, т. е. право назначать в качестве пребенды на посты нотариев клириков по своему выбору, но тех из них, которые были этого достойны.¹³⁸ «Неизвестно, — говорит по этому поводу Фалькенхаузен, — благодаря ли этой подделке или независимо от нее табуляриат Палермо был передан церковной власти, но

получавшей от государства содержание. См.: *Wolska-Conus W.* L'école de droit et l'enseignement du droit à Byzance au XI-e siècle: Xiphilin et Psellos // TM. 1979. Т. 7. P. 7. N. 28.

¹³⁷ *Ferrari G.* I documenti greci... P. 80.

¹³⁸ *Cusa S.* I diplomi greci ed arabi di Sicilia. Palermo, 1869. Vol. 1. № 1. P. 20–21; *Kehr K. A.* Die Urkunden der normannisch-sicilischen Könige: Eine diplomatische Untersuchung. Innsbruck, 1902. S. 317–319; *Brühe C.* Urkunden und Kanzlei König Rogers II von Sizilien. Köln; Wien, 1978. S. 200–201; *Falkenhausen V. von, Amelotti M.* Notariato e documento... P. 34.

ясно, что архиепископская курия рассматривала табуляриат города как инструмент власти и источник дохода, достойные того, чтобы за них бороться, даже незаконными средствами». ¹³⁹ Думается, что это суждение справедливо для всей империи, где повсеместно в самых различных сферах общественной жизни наблюдается стремление церкви занять ключевые позиции, «прибрать к рукам» источники дохода. ¹⁴⁰ Данное явление не имеет смысла ставить в связь с франкским завоеванием 1204 г., как это делает Цахариз фон Лингенталь, ¹⁴¹ так как и в дофранкский период византийские частные акты демонстрируют нам почти исключительно церковный нотариат.

В документах название нотариа (номик, табулярий) почти всегда сопровождается определением его духовного чина — иерей, клирик, монах, диакон, иеромнимон, протэкдик, domestik и т. д. — еще одно (и, может быть, самое наглядное) проявление отмеченной уже Даррузесом тенденции к «совместительству» должностей и титулов в византийской церкви. ¹⁴² Считается, что чаще всего табулярием был архисвященник — «протопапас», на основании чего делается вывод о существовании особой связи между этими должностями. ¹⁴³ В отношении

---

¹³⁹ *Falkenhaisen V. von, Amelotti M.* Notariato e documento... P. 34.

¹⁴⁰ *Papayanni E. Sp.* Τὰ οἰκονομικὰ τοῦ ἑγγαμοῦ κλήρου στὸ Βυζάντιο. Ἀθήνα, 1986 (впрочем, в данном исследовании «нашему» источнику доходов совсем не уделено внимания).

¹⁴¹ *Zachariae von Lingenthal K. E.* Beiträge zur Geschichte des byzantinischen Urkundenwesens // *Idem.* Kleine Schriften zur römischen und byzantinischen Rechtsgeschichte. Leipzig, 1973. Bd. 2. S. 584.

¹⁴² *Darrouzès J.* Recherches sur les officia... P. 134.

¹⁴³ *Ferrari G.* I documenti greci... P. 9; *Falkenhaisen V. von, Amelotti M.* Notariato e documento... P. 27, 29, 31, 34.

южноитальянского греческого нотариата как будто так оно и есть. Но в собственно византийских областях дело обстоит иначе: из не полностью учтенных нами нотариев известны лишь два номика и один простой писец, которые были в то же время протопапасами, и ни одного табулярия. Что касается табуляриев, то 9 из них были иереями, 5 — чтецами-анагнстами, 8 — диаконами, 3 — протэкдиками, 5 — клириками, 1 — ипомниматографом, 1 — логофетом, 1 — сакеллиу, 1 — нотарием, 2 — протонотариями, 1 — иеромнимоном, 1 — референдарием, 1 — девтеревонном, 1 — экономом, 1 — великим скевофилаком, 1 — вторым скевофилаком, 1 — пресвитером, 2 — хартофилаками, 1 — судьей. Из номиков 6 были анагнстами, 1 — протонотарием, 1 — кувуклисием, 5 — диаконами, 1 — архидиаконом, 6 — клириками, 25 — иереями, 1 — ипомниматографом, 1 — скевофилаком, 1 — девтеревонном, 1 — сакеллиу. Простыми писцами актов (без обозначения нотариального титула) выступили 5 иереев, 6 монахов, 2 иеромонаха, 2 клирика, 2 пресвитера, 1 иеромнимон, 1 анагност, 1 протонотарий, 1 сакеллиу, 1 хартофилак, 3 диакона, 1 великий эконом, 1 девтеревон, 1 чиновник по прошениям (*ἐπί τῶν δεήσεων*).

Как видим, почти все высокопоставленные сановники церкви (в том числе самые высшие на митрополичьем уровне, от эконома до хартофилака) совмещали титул своей церковной должности со званием номика или табулярия; они не гнушались даже взять в руки перо, в качестве простых писцов подписываясь в этом случае в конце акта, после свидетелей (например, в 1238 г. великий эконом Никита Калоинарис, «написав, подписал» акт на продажу хорафия; в 1208 г. скевофилак Константин Ксанф «написал и подписал» акт на продажу угодий;¹⁴⁴ и т. д.). Но все же основная

---

¹⁴⁴ ММ. Vol. 4. № 104. P. 184.

масса нотариев — это представители рядового и низшего клира (священники, диаконы, чтецы), находившиеся в самом низу церковной иерархии.¹⁴⁵ Это подтверждается и табелью о церковных рангах, где нотариий фигурирует в самом конце списка, т. е. «отброшен слишком низко, чтобы рассматриваться в качестве принадлежащего к классу архонтов».¹⁴⁶ По мнению Даррузеса, в титулатуре церковников всякого ранга (иерей, диакон, анагност) название «клирик такой-то митрополии» означает прежде всего принадлежность к литургической службе в соборе; в случае же «совместительства» — исполнение должности сверх литургической службы, если только не напоминание о почетной принадлежности к митрополичьему клиру. «На практике клирик, связанный с богослужением, — говорит он, — может исполнять профессию табеллиона и законника (*homme de loi*) в городе, где он живет, и в близлежащих окрестных населенных пунктах, если служба в церкви обеспечена, как в Св. Софии, недельным циклом».¹⁴⁷ Что касается номенклатуры обозначений византийских практиков-нота-

---

¹⁴⁵ К аналогичному выводу приходит Арвейлер, проанализировавшая титулатуру церковных сановников Смирнской митрополии по актам картулярия монастыря Лемвиотиссы и выделившая три класса (высший, средний и низший), к последнему из которых, согласно ее классификации, относятся номик и табулярий, см.: *Ahrweiler H. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081–1317), particulièrement au XIIIe siècle // ТМ. 1965. 1. P. 103.*

¹⁴⁶ *Darrouzès J. Recherches sur les offikia... P. 269.* Списки табелей о рангах (список L) иногда смешивают примикирия «нотариев» с примикирием табуляриев или анагностов (*Ibid. P. 381, 564*).

¹⁴⁷ *Ibid. P. 121.*

риев, то, судя по данным актов, из всего набора терминов удержались почти повсеместно лишь два — *ταβουλάριος* и *νομικός*. В актах почти не фигурируют ни табеллионы (за единственным, если не ошибаюсь, исключением — в меновой 1117 г. из архива Дохиарского монастыря¹⁴⁸), ни *συμβολαιογράφοι* (этот термин, столь часто встречающийся в византийских законодательных источниках как техническое греческое выражение табеллиона и усвоенный современной греческой юридической практикой для обозначения нотариуса, лишь в нескольких ранних византийских актах зафиксирован в значении нотария¹⁴⁹), ни *σημειογράφοι*, ни *συναλλαγματογράφοι*, ни (за исключением южноитальянских актов) *νοτάριοι*,¹⁵⁰ ни хартофилаки и ни хартулярии,¹⁵¹ только табулярии и номики, реальные взаимоотношения которых с трудом поддаются

¹⁴⁸ Actes de Docheiariou. № 4. P. 86. l. 61, 64, 70.

¹⁴⁹ Actes de Lavra. Т. 1. № 1. P. 90. l. 30, 34; Actes d'Iviron. Т. 1. № 12. P. 178. l. 32.

¹⁵⁰ В Мессине нотариальные акты писались обычно нотариями, которые обозначались всегда словом *νοτάριος* и часто были клириками по поручению стратига (затем стратигов) Мессины, которые всегда сами подписывали свои акты. Только акты, касавшиеся греческих духовных учреждений, писались и подписывались по поручению протопапаса Мессины табулярием или одним писцом, которые всегда были и священниками (*Falkenhausen V. von, Amelotti M. Notariato e documento... P. 34–35*).

¹⁵¹ О неудачной попытке М. Я. Сюзюмова рассматривать хартофилаков и хартуляриев как близких нотариату лиц (хартулярий, в частности, у Сюзюмова трактуется чуть ли не как эквивалент табулярия), см.: *Медведев И. П.* 1) Был ли цех хартуляриев в Византии? С. 63–67; 2) Дипломатика частного византийского акта // Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья. Л., 1979. С. 137.

ся выяснению.¹⁵² Еще Цахариэ фон Лингенталь считал, что речь здесь идет не о синонимах, а о двух различных категориях должностных лиц, хотя иногда и облеченных аналогичными функциями. В то время как табулярии были объединены в самостоятельную корпорацию под начальством примикирия, у номиков такая организация нигде не упоминается, они, скорее, назначались непосредственно государственной властью и ей же были подчинены (во времена Юстиниана — магистру ценза); номики имели более высокий ранг, в более позднюю эпоху они даже принадлежали к официалам префекта города; табулярии же занимали более низкое положение, так как в Книге Эпарха, например, им угрожает наказание битьем. В отношении занятий письменными документами о юридических сделках частных лиц, где табулярии и номики в общем были конкурентами, также, по мнению Цахариэ, имело место достойное внимания различие: прерогативой номиков было главным образом составление дарственных.¹⁵³ Это мнение Цахариэ оспаривает Феррари, который на первый взгляд весьма убедительно доказывает абсолютную эквивалентность (*completa assimilazione*) табулярия и номика (часто слово *νομικός*, свидетельствует он, вообще было прилагательным, в том числе и к существительному *ταβουλάριος*).¹⁵⁴ Действительно, тот пример, на который он

¹⁵² См.: *Ahrweiler H.* L'histoire et la géographie... P. 115–121; *Darrouzès J.* Recherches sur les offikia... P. 120, n. 4.

¹⁵³ *Zachariae von Lingenthal K. E.* Beiträge... S. 583.

¹⁵⁴ *Ferrari G.* I documenti greci... P. 79 (со ссылкой на некоторые южноитальянские акты XIII в., в которых фигурирует *νομικός ταβουλάριος*, а также на § 13, 15, 16 главы 1 Книги Эпарха, где упоминаются знаменитые *παίδοδιδάσκαλοι νομικοί*). Однако определение здесь слова *νομικοί* в качестве

ссылается (дарственная 1257 г. из картулярия монастыря Лемвиотиссы), позволяет сделать такой вывод: в клаузуле корроборации сказано, что по поручению сторон «акт писан рукой диакона, номика Смирны и логофета Иоанна Аргиропула», который затем в эхатоколе подписался как «диакон, логофет и табулярий Смирнской митрополии». ¹⁵⁵ Беда только в том, что лемвийские документы вообще «грешат» смешением функций и названий служб, внося большую путаницу в наши представления об известной по другим источникам «глобальной» византийской табели о рангах. ¹⁵⁶

Оставив на время в стороне вопрос о порядках в нотариальной практике Смирнской митрополии, попытаемся суммировать наши наблюдения в этой области, основываясь на реальных фактах. Как и Цахаризэ, нам кажется, что речь здесь идет не о синонимах, но о двух различных категориях нотариев, хотя и близких, порой до смешения, но различных отнюдь не по прин-

---

прилагательного не бесспорно. Скорее, это существительное — приложение определения к другому существительному, и, может быть, права Вольска-Конюс, переводя выражение *παιδοδιδάσκαλος νομικός* словосочетанием «преподаватель — номик» (*Wolska-Conus W. Les termes νομή et παιδοδιδάσκαλος νομικός du «Livre de l'Eparque» // TM. 1981. T. 8. P. 537*).

¹⁵⁵ ММ. Vol. 4. № 21. P. 69–72. Кстати, Иоанн Аргиропул еще раз (дважды!) расписался под гарантийным актом 1257 г. — первым и последним, причем в первой подписи он назвался «логофетом, табулярием митрополии Смирны, ничтожнейшим среди диаконов и писцов текста», а во второй — просто логофетом митрополии (*Ibid.* № 32. P. 86–88). По-видимому, первая подпись заменяла собою отсутствующую клаузулу корроборации.

¹⁵⁶ Ср.: *Darrouzès J. Recherches sur les offikia... P. 119.*

ципу разделения компетенции. Ссылка на то, что в Книге Эпарха (1. 25) *δωρεαὶ* не упоминаются среди тех *συμβόλαια*, которыми должны были заниматься табулярии,¹⁵⁷ не представляется убедительной, так как у редактора Книги Эпарха и не было намерения дать исчерпывающую номенклатуру актов, находившихся в компетенции табуляриев. Что же касается реального актового материала, то он свидетельствует о том, что табулярии занимались составлением дарственных ничуть не меньше, чем номики, так же, впрочем, как последние — составлением дарственных, купчих и всех прочих типов документов (например, в табелях о рангах дополнительно фигурирует определение «номика» как писца брачных контрактов и актов купли-продажи: *ὁ νομικός + γράφων τὰ προικοσύμφωνα καὶ τὰς πρᾶσεις*).¹⁵⁸ Различие в другом: в то время как табулярии связаны прежде всего с митрополией, составляя корпорацию во главе с примикирием, образуя основное и официальное звено византийского церковного нотариата и обслуживая церковно-монастырскую и светскую клиентуру в сравнительно широких территориальных пределах, совпадавших с границами митрополии, номики, как кажется, были предназначены для какого-либо конкретного местечка — епископии, хоры или «энории» (т. е. церковного прихода), совмещающая обязанности и составителя (писца) актов, и нотариа, и мыслились вспомогательным по отношению к табуляриату митрополии звеном, обслуживающим ту же самую клиентуру, но на местах.

Лучше всего, пожалуй, этот «нотариат на епископальном уровне» засвидетельствован в епископии

---

¹⁵⁷ *Zachariae von Lingenthal K. E. Beiträge...* S. 584.

¹⁵⁸ *Darrouzès J. Recherches sur les offikia...* P. 569 (notice № 38 — см. критический аппарат).

Иериссос, суфрагане Фессалоникской митрополии, городке близ Афона, где мы не встречаем ни одного табулярия, только номиков.¹⁵⁹ Первым из них упомянут «архидиакон и номик Иериссоса» Константин, действовавший в этом качестве, если судить по дошедшим до нас нескольким купчим Ивирского монастыря на Афоне и одной дарственной из архива Лавры, с 1001 по 1014 г.;¹⁶⁰ гарантийный акт епископа Иериссоса Николая от 1032 г. писан «доместиком и номиком» епископства Феодосием;¹⁶¹ в 1042 г. в качестве «клирика и номика» засвидетельствован еще один Феодосий (тождественен первому?);¹⁶² с 1080 по 1085 г. зафиксирована актами деятельность «кувуклисия и номика» Георгия (им писан и «совершен» акт 1080 г. о разделе владений Лавры и Ксиропотамского монастыря;¹⁶³ среди других свидетелей он подписался в акте судьи Григория Ксероса от 1085 г.);¹⁶⁴ им писан и под-

---

¹⁵⁹ Об епископии Иериссос см.: *Papachryssanthou D. Histoire d'un évêché byzantin: Hiérisos en Chalcidique // TM. 1981. Т. 8. P. 373–396* (о нотариях, должность которых автор считает «скорее публичной профессией, чем церковной службой», см. p. 386–387).

¹⁶⁰ *Ibid.*; *Actes de Lavra. Т. 1. № 19. P. 151. l. 55; Actes d'Iviron. Т. № 12. P. 178. l. 32; P. 179. l. 43; № 13. P. 182. l. 32, 43; № 16. P. 192. l. 46, 47, 57* (интересно, что в клаузуле кэррборации документа № 12 Ивирского монастыря Константин упомянул о себе как «архидиаконе» и символеографе, а подписался после десяти свидетельских подписей своей обычной подписью «К., ничтожный архидиакон и номик, собственной рукой подписал»).

¹⁶¹ *Papachryssanthou D. Histoire d'un évêché.... P. 387, n. 138.*

¹⁶² *Actes de Xéropotamou. № 4. P. 52–53.*

¹⁶³ *Actes de Lavra. Т. 1. № 40. P. 226. l. 30, 37.*

¹⁶⁴ *Ibid. № 47. P. 254. l. 43–44.*

писан акт 1085 г. отвода земли под мельницу Ксиропотамскому монастырю¹⁶⁵); пять актов на продажу афонской Лавре земельных участков хорафиев, писанные рукой иерея Димитрия около 1290 г., удостоверены «иереем и номиком» Иоанном (его подпись, первая среди подписей еще трех свидетелей, срисована под каждым из пяти актов, скопированных на пергаменном свитке в сокращенном виде);¹⁶⁶ «иерей и номик епископства Иериссос» Димитрий был писцом купчей 1301 г., по которой парики Алексея Амнона продали Эсфигменскому монастырю на Афоне поле в 25 модиев (номик Димитрий плохо образован, часто коверкает формуляр, делая текст документа маловразумительным, невежествен в вопросах орфографии до такой степени, что издателю пришлось дать транскрипцию документа в соответствии с нормами научной орфографии);¹⁶⁷ «диакон и номик епископства Иериссос» Михаил подписал серию купчих 1329—1332 гг., которые были оформлены без упоминания писца (писал сам номик?);¹⁶⁸ и т. д.

Обращает на себя внимание обычай номиков Иериссоса указывать лишь свое личное имя, опуская патро-

---

¹⁶⁵ Actes de Xéropotamou. № 7. P. 66. l. 17; P. 67. l. 24.

¹⁶⁶ Actes de Lavra. Т. 2. № 83, 85–88. P. 60. l. 16. P. 63. l. 22; P. 65. l. 22; P. 67. l. 26; P. 68. l. 22 (возможно, что и акт № 84 был подписан номиком Иоанном, но при копировании документа подписи были опущены).

¹⁶⁷ Actes d'Esphigménou. № 10. P. 79–80.

¹⁶⁸ Actes de Chilandar. № 119. P. 250–252 (сборная купчая 1329 г. из трех актов, каждый из которых подписан номиком Михаилом; нет записи о писце документа); № 121. P. 253–254 (купчая 1332 г. также подписана Михаилом, без записи о писце; по всей вероятности, так же завершалась и другая купчая 1332 г., конец которой не сохранился (Ibid. № 122. P. 254–255)).

ним. Так же, впрочем, поступил «иерей и номик» архиепископии Лемноса Иоанн, который наряду с другими шестью свидетелями, членами клира Лемносской архиепископии, «свидетельствуя, подписал» грамоту архиепископа островов Лемноса и Имвроса от 1321 г.¹⁶⁹ Но это абсолютно не свойственно номикам других епископий и церковных приходов, которые всякий раз указывают как свое личное, так и родовое имя. Так, иерей и номик епископии Приены Георгий Перистериот был «писцом текста» купчей 1246 (или 1248) г.;¹⁷⁰ другой иерей и номик этой же епископии — Николай Анкириан, «сам свидетельствуя, написал и подписал» купчую 1251 г.;¹⁷¹ «писцом текста» купчей 1255/56 г. из того же картулярия монастыря Иеры-Ксерохоرافیон был «иерей и номик императорского домена» (τῶν βασιλικῶν χωρίων) Михаил Ампелит;¹⁷² картулярием монастыря Лемвиотиссы сохранены тексты двух документов (завещание монаха Геронтия от 1192 г. и купчая 1232 г.), которые, «присутствуя, свидетельствуя и написав, подписал» иерей и номик деревни Приноварис Феодор Гунгуликис,¹⁷³ а также тексты двух купчих 1283 г., которые, «написав, подписал» анагност — номик деревни Геникон Лев Капатос;¹⁷⁴ по данным этого же картулярия можно восстановить деятельность иерея и номика деревни Мурмунды Георгия Каронита

¹⁶⁹ Actes de Lavra. Т. 2. № 133. Р. 290–291.

¹⁷⁰ Darrouzès J., Wilson I. N. Restes du cartulaire de Hiéra-Xérochoraphion // REB. 1968. Т. 26. № 12. Р. 38.

¹⁷¹ Ibid. № 11. Р. 37.

¹⁷² Ibid. № 13. Р. 39.

¹⁷³ MM. Vol. 4. № 114, 117. Р. 198, 203.

¹⁷⁴ Ibid. № 173, 174. Р. 270, 271. Ср. также купчую 1276 г., которую, «написав и свидетельствуя, подписал» иерей и номик деревни Оксус прихода Кордолеонт Ксен Модинос (Ibid. № 96. Р. 173).

(он же Каринат, Коронит), который, «написав, подписал» пять документов (купчие, дарственную) с 1263 по 1276 г.,¹⁷⁵ а также деятельность Николая Филокинигита, который, начав свою карьеру иереем и номиком прихода Мантеи (в этом качестве он, «написав, подписал» купчую 1274 г. и дарственную 1278 г.¹⁷⁶), закончил ее примикирием табуляриев митрополии Смирны, оставив после себя в картулярии монастыря Лемвиотиссы 18 составленных, написанных и подписанных им всевозможных актов и судебных бумаг.¹⁷⁷ Благодаря

---

¹⁷⁵ MM. Vol. 4. № 86. P. 159; № 94. P. 171; № 95. P. 172; № 97. P. 174; № 98. P. 175.

¹⁷⁶ Ibid. № 29. P. 84; № 53. P. 117.

¹⁷⁷ Изданы крайне неудовлетворительно, некоторые с опущением подписи Николая Филокинигита: Ibid. № 38. P. 94 («присутствуя на суде в качестве писца, написал и, свидетельствуя, подписал» судебный акт, не датирован — 1281 г. ?); № 39. P. 94–96 (купчая 1274 г.); № 40. P. 97–98 (недатированная дарственная Михаила Тесаита); № 41. P. 98–99 (дарственная 1281 г.); № 42. P. 99–101 (купчая 1238 г.); № 51. P. 112–113 (завещание монахини Марфы Фракисины от 1281 г., которое Николай Филокинигит, «свидетельствуя и написав, подписал»; интересно, что среди свидетельских подписей есть подпись иерея и номика Константина Александра, который, «свидетельствуя со всеми и написав, подписал». Одно из двух: или кто-то из них автоматически поставил слово «написав», или же писали акт оба. Последнего проверить мы не можем, так как акт дошел до нас в копии картулярия); № 52. P. 115 (завещание Феодора Комнина Враны от 1285 г.); № 56. P. 123–124 (купчая с ошибочной датировкой 1181 г., правильно 1281 г. ?); № 60. P. 129 (недатированный судебный акт, 1280 г. ?); № 61. P. 130 (купчая 1282 г.); № 62. P. 131 (купчая 1283 г.); № 63. P. 132 (купчая 1283 г.); № 68. P. 137 (купчая 1279 г.); № 69. P. 138 (завещание 1285 г.); № 72. P. 141 (дарственная 1291 г.); № 101. P. 178 (дарственная 1280 г.).

картулярию Лемвиотиссы нам также известны клирик и номик Константин Стратиот (не указано, какого местечка), расписавшийся в числе свидетелей купчей 1208 г.;¹⁷⁸ номик деревни Силлиу Иоанн Пигин, который, «написав и свидетельствуя, подписал» дарственную 1265 г. (но после него под актом расписался еще зачем-то иерей и номик деревни Мурмунды Михаил Керамевс);¹⁷⁹ иерей и номик (без указания топонима) Георгий Гунаропул, который, «написав и свидетельствуя, подписал» три купчих — в 1280, 1286 и 1287 гг. (купчая 1286 г. подписана еще наряду с другими свидетелями номиком — иереем Мануилом Вестархом).¹⁸⁰

Патмосские документы сохранили имена номика г. Эфеса и анагноста Николая Калоидиса, который написал и подписал купчую 1216 г.;¹⁸¹ номика епископии о-ва Калигнос и анагноста Никиты Врамия, расписавшегося в числе свидетелей в одном недатированном завещании;¹⁸² номика и клирика епископства Иеру Иоанна Комиса;¹⁸³ номика и клирика этого же епископства Константина Карантина, подписавшего купчую 1236 г.;¹⁸⁴ номика (крепости) Палатиев и ипомниматографа митрополии Милета Никиты Карантина, написавшего и подписавшего купчую 1250 г.;¹⁸⁵ номика крепости Палатиев и девтеревона митрополии Милета Константи-

¹⁷⁸ ММ. Vol. 4. № 104. P. 184.

¹⁷⁹ Ibid. № 80. P. 152; Cf.: № 148. P. 238. Иоанн Пигин не указывает своего духовного чина, но эпитет *ταλεινός* свидетельствует о том, что он все же был церковником.

¹⁸⁰ Ibid. № 141. P. 227; № 142. P. 228; № 143. P. 228.

¹⁸¹ Ibid. Vol. 6. № 61. P. 176.

¹⁸² Ibid. № 67. P. 185.

¹⁸³ Ibid. № 57. P. 171; № 60. P. 174.

¹⁸⁴ Ibid. № 68. P. 188.

¹⁸⁵ Ibid. № 71. P. 193.

на Мирсиниота, которым составлены и подписаны пять купчих 1212–1213 гг.¹⁸⁶

В отличие от епископии и других мелких местечек, имевших, как правило, одного номика (нам известен лишь один акт жителей малоазийской деревни Неохорий от 1293 г., который был подписан двумя иереями и номиками «этой деревни» — Константином Манном и Иоанном Мармарой),¹⁸⁷ работавшего, однако, неограниченное время и, по-видимому, имевшего даже возможность передавать свое ремесло по наследству (например, представители семьи Мосхиносов — Михаил, Феодор и Георгий — в разное время занимали пост номика в приходе Левки и Кукули),¹⁸⁸ митрополии распола-

¹⁸⁶ ММ. Vol. 4. № 47–51. P. 156–165.

¹⁸⁷ Ibid. Vol. 4. № 145. P. 232. Неудивительно поэтому было бы, если бы оказался прав Цахариз фон Лингенталь, полагавший, что у номиков цеховая организация нигде не упоминается. Удивительно, что она все же упоминается: в клаузуле корроборации купчей 1097 г. из архива Лавры сказано, что акт писан «рукой иерея Михаила Казика, нотариа хартулярия Неи Стефана Аргира, клирика Св. Софии и примикирия номиков (πρῆκληρίου τῶν νομικῶν) в Фессалонике» (Actes de Lavra. T. 1. № 53. P. 278. l. 35–36); но апория тут же разрешается, ибо собственноручная подпись Стефана гласит: «Стефан, кувуклисий, клирик Великой Церкви в Фессалонике, хартулярий Неи, либелисий и примикирий табуляриев (πρῆκλήριος τῶν ταβουλαρίων) настоящую купчую, писанную нотарием, подтверждая, подписал» (Ibid. I. 42). Стало быть, мы имеем дело с непозволительным и произвольным смешением терминов, допущенным писцом документа; речь идет об обычной корпорации табуляриев Фессалоникской митрополии, и суждение Цахариз фон Лингенталья остается в силе.

¹⁸⁸ ММ. Vol. 4. № 76. P. 144 (акт о границах полей, не датирован, 1231 г.?); № 87. P. 160 (купчая 1266 г.); № 91. P. 167 (судебный акт, не датирован, 1285 г.?).

гали целым штатом табуляриев, организованных по цеховому признаку, во главе с примикирием (иногда — с экзархом). Впрочем, ни число табуляриев, ни условия их труда, ни принципы организации предполагаемой церковной «корпорации табуляриев» нам неизвестны, поэтому представляются несколько рискованными попытки ее реконструкции с помощью константинопольской светской корпорации табуляриев, известной по Книге Эпарха.¹⁸⁹ Может быть, правомочнее было бы сопоставить ее с одной из тех «схол», из которых, еще по свидетельству Иоанна Лиды,¹⁹⁰ состояли некогда канцелярии различных служб при префектурах и в которых писцы различных категорий (*exceptores = ταχυγράφοι*) также исполняли свои обязанности не как государственные служащие (*milites*), получавшие содержание от государства (аннона),¹⁹¹ а как лица, занимавшиеся свободным промыслом и вознаграждавшиеся теми, кто извлекал из их услуг непосредственную пользу? Но, с другой стороны, упоминание Димитрием Хоматианом (XIII в.) нотариальной конторы (*τῆς ταβουλαρικῆς στατίωνος*) в Янине (митрополичий город!), принадлежавшей некоему табулярию — диакону,¹⁹² показывает, что и в эту позднюю эпоху деятельность табуляриев протекала в стенах такого рода контор, а это как будто напоминает условия работы табуляриев, известные по Книге Эпар-

---

¹⁸⁹ См., например: *Falkenhausen V. von, Amelotti M. Notariato e documento...* P. 23–24; *Angold M. A byzantine government in exile: government and society under the Lascarids of Nicaea (1204–1261).* Oxford, 1975. P. 274.

¹⁹⁰ *Caimi J. Burocrazia e diritto nel «De magistratibus» di Giovanni Lido.* Milano, 1984. P. 44–46, 377, 418–419.

¹⁹¹ C. Th. 8.7.17: *Exceptores omnes iudicibus obsequentes, qui neque militiam sustinent, neque ullas a fisco consequuntur annonas.*

¹⁹² *Pitra J. B. Analecta sacra et classica...* № 87. Col. 389.

ха. Возможно, что обе эти формы организации труда табуляриев сосуществовали, и в этом случае оправданным оказывается мнение Дэльгера, который, говоря о должности *πρῆχῆριος τῶν ταβουλαρίων* как о «начальнике (Vorsteher) табуляриев», понимает под последними «писцов документов, частично работавших в публичных канцеляриях, а частично находившихся в распоряжении населения». ¹⁹³

Следует сразу оговориться, что от многих митрополий, как и от Константинополя, дошли лишь единичные акты. Так, благодаря тем актам из архива Патмосского монастыря нам известно, что корпорация табуляриев в XII в. существовала на Крите, членом которой в 1193–1206 гг. был иерей Михаил Лименит, а примикирием в 1197 г. — Андроник Папандроникопулос;¹⁹⁴ из одной-единственной купчей 1246 г. из Диррахия, хранящейся ныне в Отделе рукописей РНБ, мы узнаем, что подобного рода нотариальная служба существовала и в этой митрополии: акт писан рукой ттеца и примикирия ттецов-анагностов митрополии Диррахий и табулярия Николая Перегрини и, кроме него, подписан еще четырьмя представителями митрополии, два из которых тоже совмещают церковные должности с должностью табулярия (диакон и третий остиарий Иоанн Хил, анагност и протопсалт Феонас);¹⁹⁵ в митрополии Мельника действовал анагност и примикирий табуляриев Мануил, который, «написав, подписал» в 1355 г. купчую, хранящуюся в архиве Хиландарского монастыря

---

¹⁹³ *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948. S. 169.

¹⁹⁴ ММ. Vol. 6. № 34. P. 126; № 37. P. 136; № 44. P. 151.

¹⁹⁵ *Медведев И. П.* Очерки византийской дипломатики. С. 234, 235; *Морозов М. А.* Акт купли-продажи Эпирского города Диррахия (1246 г.) // Древнее право. М., 2000. Вып. 6. С. 173–180.

(по ней Феодор Калохерет продал земельный участок Василию Воронтрицасу);¹⁹⁶ в митрополии Филадельфии (Малая Азия) действовал иерей и табулярый Иоанн Селларис, который в 1231 г. заверил своей подписью дарственную монахини Ксении Ангелины, составленную и написанную иереем и иеромнимом митрополии Иоанном Конидисом;¹⁹⁷ табулярием Тивериуполя был (по совместительству) великий эконоом епископства Струмицы Иоанн Нин, писец и нотариус купчих сборной копии 1286 г., которую он же и заверил своей подписью;¹⁹⁸ в митрополии Янины в 1375 г. трудился анагност и номик (!) Николай, составивший и написавший дарственную, по которой деспот Эпира Фома Комнин Преалимп и его жена василисса Мария Ангелина Дукена Палеологина принесли в дар Лавре церковь Богородицы Габалиотиссы в Водене и ряд других владений (подписей нет никаких, хотя акт подлинный).¹⁹⁹

Известен ряд нотариусов, трудившихся в митрополии Серры. В конце XIII в. здесь действовал протонотариус, анагност и примикирий табуляриев Феодор, писавший и подписавший купчую 1287 г., по которой Мануил Комнин Пелиарг продал монастырю тоῦ Λατόμου землю около Серр;²⁰⁰ на рубеже XIII–XIV вв. — анагност и табулярый Иоанн Фалакр, который в 1301 г. писал и подписывал акт о продаже Мануилом Лигарасом иеромонаху Исааку Кидонису дома близ Опсаромеси (при этом Иоанн Фалакр работал «в паре» с примикирием табуляриев Феодором Калигопулом, взявшим на себя труд разъяснения контрагентам текста документа),²⁰¹

¹⁹⁶ Actes de Chilandar. № 144. P. 305.

¹⁹⁷ MM. Vol. 4. № 9. P. 48.

¹⁹⁸ Dölger F. Aus den Schatzkammern... № 110. S. 298–301.

¹⁹⁹ Actes de Lavra. T. 3. № 146. P. 104.

²⁰⁰ Actes de Kutlumus. № 4. P. 43.

²⁰¹ Actes d'Esphigménou. № 9. P. 75.

а в 1305 г. — купчую о продаже Петром Карасой и его дочерью Ириной Косьме Панкалосу виноградника близ Серр (в клаузуле корроборации сказано, что акт писан «одним из табуляриев» митрополии Серр анагностом Иоанном Фалакром).²⁰² Несколько позднее «в паре» работали диакон и табулярий Алексей Лизик, писавший купчую 1308/09 г. на продажу Феодосиной родового дома Акиндину Филоматису, и примикирий табуляриев Георгий Триволис, подписавший ее наряду с писцом и другими четырьмя сановниками Серрской митрополии.²⁰³ Примикирий табуляриев Феодор Калигопул, работавший совместно с Иоанном Фалакром (но, может быть, он тождествен еще и примикирию Феодору купчей 1287 г. из архива Кутлумушского монастыря?), обнаруживается продолжающим свою деятельность (если только речь идет об одном лице) еще в 1323 г., когда он — «почтеннейший (ἐντιμότατος) логофет и примикирий табуляриев» — по-прежнему выступает в роли «герменевта-объяснителя» контрагентам текста купчей, которую писал на сей раз анагност и табулярий Серрской митрополии Феодор Логариаст (интересно, что, «растолковав текст», Феодор Калигопул ни в случае с Иоанном Фалакром, ни в данном случае не расписался сам под актом).²⁰⁴ Далее эстафету принимает его помощник, анагност и табулярий Феодор Логариаст, который с 1323 по 1326 г. самостоятельно, без какого-либо сотрудничества с другими нотариями, составляет и пишет серию актов продажи.²⁰⁵ Завершает

²⁰² Actes de Kutlumus. № 7. P. 49.

²⁰³ Actes de Lavra. Т. 2. № 102. P. 158.

²⁰⁴ Actes de Chilandar. № 89. P. 189–191.

²⁰⁵ Ibid. № 93. P. 199–200 (крестьяне Загоры продают виноградник монахам Хиландарского монастыря); № 98. P. 206–207 (Анна Добренос продает сад и огород этому же

этот ряд известных нам табуляриев Серрской митрополии протэктик и табулярий, диакон Михаил Калоризос, подписавший дарственную 1336 г. (данных о писце нет) из архива Хиландарского монастыря.²⁰⁶

Но наиболее полно засвидетельствована деятельность табуляриев Фессалоникской и Смирнской митрополий. Первая из них обязана сохранностью выпущенных ею документов афонским монастырям, которые она обслуживала. Правда, вплоть до XIII в. нам неизвестны табулярии Фессалоникской митрополии. Неоднократно упоминавшуюся купчую 897 г. из архива Лавры писал и заверял «клирик, ливелисий и символеограф нашего богохранимого города» (т. е. Фессалоники) Николай;²⁰⁷ купчую, гарантийный акт и меновную 982 г., а также дарственную 984 г. из Ивирского монастыря писали и совершали соответственно монах Евфимий, кувуклисий и ливелисий Фессалоники Николай, пресвитер Авксентий, монах Иоанн;²⁰⁸ писцом одной мировой 942 г. между жителями Иерисоса и монахами Афона был кувуклисий и орфанотроф Фессалоники Димитрий (делка заключалась в Фессалонике, перед стратигом Катакалоном, но акт скрепил своей подписью не он, а митрополит);²⁰⁹ самый ранний акт из архива Зографского монастыря —

монастырю); № 99. Р. 207–208 (Михаил Пеларг из Серр продает дома Хиландару); № 107. Р. 220–221 (крестьяне Загоры продают Хиландару виноградник); № 108. Р. 222–223 (некая Стамматики из Серр продает дом Хиландару); № 109. Р. 223–227 (крестьяне из Серр продают земли Хиландару).

²⁰⁶ Actes de Chilandar. № 127. Р. 265.

²⁰⁷ Actes de Lavra. Т. 1. № 1. Р. 90. л. 29–30.

²⁰⁸ Actes d'Iviron. Т. 1. № 3. Р. 116; № 4. Р. 123–129; № 5. Р. 132–134; № 6. Р. 138–140.

²⁰⁹ Actes du Prôtaton. № 4. Р. 191–192.

купчая 980 г. — «писана рукой монаха и ὑλοκτίτου φιλοσόφου» Симеона;²¹⁰ дарственную 996 г., гарантийный акт 1007 г. и протокол свидетельских показаний 1008 г. из Ивирского монастыря написали и совершили соответственно монах и пресвитер Никон, монах Василий и пресвитер и девтеревон «кафолической церкви» (Св. Софии Фессалоникской?) Андрей, обнаруживший умение составить акт по обычному формуляру, но весьма низкую квалификацию писца (разговорные конструкции, анаколумы, дикая орфография);²¹¹ дарственная 1023 или 1038 г. из Зографского монастыря писана, как об этом говорит сам даритель монах Савва, «рукой монаха Игнатия, моего ученика»;²¹² в Пантелеймоновом монастыре хранятся акт продажи келлии от 1030 г. и акт продажи земельного участка от 1033/34 г., писанные рукой монаха и пресвитера Иакова, а также мировая 1048 г., писанная «рукой монаха монастыря Сисойи Афанасия»;²¹³ монах Дионисий Верийот был писцом купчей 1034 г. из Эсфигменского монастыря;²¹⁴ и т. д.

Лишь в 1056 г. мы впервые встречаем в качестве номика клирика Св. Софии Иоанна, который называет себя также «внуком маистора» и который написал и совершил в том году гарантийный акт, хранящийся ныне в архиве Дионисиевского монастыря.²¹⁵ Что касается табуляриев, то первым из них нам встречается

²¹⁰ Actes de Zographou. № 1. P 1–3.

²¹¹ Actes d'Iviron. Т. 1. № 11. P. 174–175; № 14. P. 184–185; № 15. P. 188–189.

²¹² Actes de Zographou. № 2. P. 4–7.

²¹³ Actes de Saint-Pantéléimôn. № 1. P. 30; № 2/ P. 34–35; № 4. P. 48–49.

²¹⁴ Actes d'Esphigménou. № 1. P. 41–42.

²¹⁵ Actes de Dionysiou. № 1. P. 41–42.

Мануил Лампудий (назван просто табулярием, без со-
вмещения с другими титулами, поэтому неясно, был
он мирянин или церковник), который, «подтверждая,
написал» в 1240 г. дарственную Матфея Пердикария,
составленную по его, Мануила Лампудия, поручению
диаконом и чиновником по прошениям Димитрием
Пирром.²¹⁶ Представители фессалоникской семьи Пир-
ров, чувствуется, вообще охотно подвизались в писании
частных актов. Так, дарственную 1265 г. из Хилан-
дарского монастыря писал по поручению протэкидика
и табулярия Никифора Маллеаса «архонт кондаков»
и представитель клира церкви Св. Димитрия («агио-
димитриат») Георгий Пирр,²¹⁷ а гораздо позднее, с 1310
по 1328 г., в качестве писца частных актов действо-
вал, работая в паре с табулярием Димитрием Диавасимером,
клирик Иоанн Пирр.²¹⁸ Но еще до них из-
вестны хартофилак Фессалоникской митрополии и
табулярий Иоанн Ставракий, который, «подтверждая,
подписал» в 1284 г. завещание экс-архиепископа Фес-
салоники Феодора Керамеаса, составленное по его,
Иоанна Ставракия, поручению писцом Львом Фови-
ном,²¹⁹ клирик и табулярий Димитрий Хинара, кото-
рый, «подтверждая, подписал» три акта (1303, 1304
и 1306 гг., из них два писаны им самим, а один по его
поручению рукой Георгия Хрисоверга),²²⁰ клирик (по-

²¹⁶ Actes de Lavra. Т. 2. № 71. Р. 3–4.

²¹⁷ Actes de Chilandar. № 6. Р. 15–17.

²¹⁸ Actes de Xénophon. № 9. Р. 108–110 (купчая 1310 г.); Actes de Chilandar. № 27. Р. 59–64 (завещание 1314 г.); № 29. Р. 70 (купчая 1314 г.); № 85. Р. 182–186 (мировая 1322 г.); № 112. Р. 230–235 (купчая 1327 г.); № 117. Р. 241–246 (мировая 1328 г.).

²¹⁹ Actes de Lavra. Т. 2. № 75. Р. 30–33.

²²⁰ Actes de Chilandar. № 21. Р. 46–49; Actes de Xénophon. № 6. Р. 97; № 7. Р. 100–101.

зднее второй скевофилак церкви Св. Димитрия) и табулярий Василий Веаск, который написал и, «подтверждая, подписал» акт о продаже 1295 г. из Ксиропотамского монастыря, а также купчую 1309 г. из Хиландарского монастыря, писанную по его, Василия Веаска, поручению рукой Феодора Пегалиса;²²¹ сначала сакеллиу, а затем великий скевофилак Фессалоникской митрополии, диакон и табулярий Иоанн Пердикарий, который в 1295 г. в числе других светских и церковных чиновников подписывает постановление светского суда в Фессалонике,²²² в 1296 г., «подтверждая, подписывает» купчую из Хиландарского монастыря, составленную по его поручению Иоанном Стримваком,²²³ а в 1304 г. то же самое делает в отношении дарственной, хранящейся ныне в архиве Лавры, писцом которой по его поручению был Димитрий Диавасимер.²²⁴

Показательно, что Иоанн Стримвак и Димитрий Диавасимер, пройдя школу Иоанна Пердикария в процессе совместной с ним нотариальной деятельности, сами превращаются в дальнейшем из простых писцов (в актах Иоанна Пердикария у них даже нет никаких определений и званий, просто писцы) в табуляриев и сановников церкви. Так, Иоанна Стримвака мы встречаем в 1324 г. уже в чине протонотария Фессалоникской митрополии, табулярия и диакона, когда он, «подтверждая, подписал» акт о расторжении ранее заключенного контракта, хранящийся в архиве Хиландарского монастыря и писанный по поручению Стримвака

---

²²¹ Actes de Xéropotamou. № 12. P. 100–102; Actes de Chilandar. № 25. P. 53–55.

²²² Dölger F. Aus den Schatzkammern... № 59/60. S. 168.

²²³ Actes de Chilandar. № 12. P. 29–31.

²²⁴ Actes de Lavra. T. 2. № 98. P. 141.

рукой Иоанна Вриенния;²²⁵ подписи хартофилака Фес-салоникской митрополии и диакона Иоанна Стримва-ка (без указания на его профессию табулярия) фигурируют среди других удостоверительных подписей на оборотной стороне купчей 1327 г. и мировой 1328 г. из Хиландарского монастыря, писанных клириком Иоанном Пирром и заверенных табулярием Димитрием Диавасимером.²²⁶ Что же касается последнего, то по его многочисленным актам, хранящимся в архивах Лавры,²²⁷ Хиландарского,²²⁸ Эсфигменского,²²⁹ Зографского,²³⁰ Дохиарского,²³¹ Ксенофонтова²³² мона-

²²⁵ Actes de Chilandar. № 97. P. 204–206.

²²⁶ Ibid. № 112. P. 230–235; № 117. P. 241–246.

²²⁷ Actes de Lavra. Т. 2. № 98. P. 138–141 (дарственная 1304 г.).

²²⁸ Actes de Chilandar. № 27. P. 59–64 (завещание Феодора Каравы от 1314 г.); № 28. P. 64–67 (купчая 1314 г.); № 29. P. 67–70 (купчая 1314 г.); № 84. P. 178–181 (купчая 1322 г.); № 85. P. 182–186 (мировая 1322 г.); № 94. P. 200–202 (дарственная); № 106. P. 218–220 (купчая 1326 г.); № 112. P. 230–235 (купчая 1327 г.); № 117. P. 241–246 (мировая 1328 г.); № 123. P. 256–258 (купчая 1333 г.); № 125. P. 260–262 (купчая 1335 г.); № 126. P. 126–127 (дарственная 1335 г.); № 129. P. 269–272 (постановление о тяжбе, которое наряду с другими подписал и Димитрий Диавасимер, причем со своей обычной формулой *μαρτυρῶν καὶ βεβαιῶν ὑλέγγραφα*, хотя в этом документе такая подпись была совсем неуместна).

²²⁹ Actes d'Eshigménou. № 13. P. 97–98 (меновная 1316 г.)

²³⁰ Actes de Zoographou. № 28. P. 64–68 (купчая 1330 г.).

²³¹ Actes de Docheiariou. № 13. P. 125–126 (дарственная 1313 г.); № 14. P. 127 (дарственная 1314 г.).

²³² Actes de Xénophon. № 8. P. 103–105 (купчая 1309 г.); № 9. P. 108–110 (купчая 1310 г.); № 10. P. 113–116 (акт дарения и продажи 1315 г.); № 20. P. 164–166 (дарственная 1324 г.); № 28. P. 206–207 (дарственная 1352 г.).

стырей на Афоне, можно проследить его карьеру по меньшей мере с 1304 по 1352 г.: начав свою деятельность, как уже отмечалось, в качестве простого писца и помощника табулярия Иоанна Пердикария, он затем сам становится табулярием, будучи в то же время клириком и ведя дело главным образом самостоятельно, без помощников (т. е. сам и пишет акты, и скрепляет их своей подписью), но иногда и в сотрудничестве с писцами-помощниками (например, со своим родственником Феодором Диавасимером, с уже упомянутым писцом клириком Иоанном Пирром, который в 1322 г. совмещает свое занятие с должностью чтеца-анагноста, с Феодором Докианом). С 1321 по 1327 г. Димитрий Диавасимер действует уже как скевофилак церкви Св. Димитрия («мегалонаит») и табулярий, а с 1328 г. — как эконом-«мегалонаит» и табулярий, заслужив эпитет «почтеннейшего» (παρεντιστότατος). Все эти долгие годы своей нотариальной деятельности Димитрий Диавасимер пользуется одним и тем же весьма квалифицированно составленным формуляром, приспособлявая его к различного рода сделкам и проявляя иной раз и правовую самостоятельность (как в случае с пожертвованием проний — об этом далее). Для его актов характерно то, что они начинаются чаще все с краткого изложения существа сделки («начальное резюме»), всегда весьма обстоятельны и развернуты, писаны грамотным, почти свободным от ошибок языком, почерком, который можно отнести к типичному Fettaugen-стилю.²³³

Из других нотарииев, действовавших в Фессалоникской митрополии, известны эконом церкви Св. Димит-

---

²³³ См., например: Actes de Lavra. Т. 2. № 28. Pl. CXX. О Димитрие Диавасимере см. также: Kaplaneres S. M. Δημήτριος Διαβασιμέρης ὁ μεγαλοναΐτης οἰκονόμος // ΒΥΖΑΝΤΙΑΚΑ. 1985. Т. 5. Σ. 79–86.

рия («мегалонаит») и табулярий Михаил Сарантин, который, «подтверждая, подписал» купчую 1326 г. из архива Ивирского монастыря, писанную по его поручению рукой клирика Иоанна Анастасопула,²³⁴ который сам спустя много лет (в 1341 г.), уже будучи ὁ ἐπί τῶν γυνάτων Фессалоникской митрополии, табулярием и диаконом, пишет и подписывает акт на продажу зевгилатия (формуляр акта почти буквально совпадает с формуляром документа, совершенного Михаилом Сарантином);²³⁵ Никита Сотириот, клирик и табулярий (в этом качестве он в 1349 г. пишет и подписывает купчую из Ксиропотамского монастыря²³⁶), сделавший карьеру при дворе императрицы Анны Савойской во время ее пребывания в Фессалонике и позднее — в годы правления в Фессалонике сначала деспота, а потом императора Мануила II Палеолога, при которых Никита становится протонотарием императорского дворца и вселенским судьей Фессалоники, сохраняя за собой и должность табулярия, т. е. право составлять и скреплять своей подписью частные акты,²³⁷ имея в качестве своего помощника писца клирика Иоанна Сгуропула (так, по его поручению Иоанн Сгуропул написал в 1373 г. купчую Дохиарского монастыря, проявив при этом немало умения и ловкости, чтобы облечь непростой правовой случай в соответствующую документальную форму, а также мировую 1374 г. из Лавры);²³⁸ канстрисий Великой церкви (т. е. Св. Софии

²³⁴ *Dölger F. Aus den Schatzkammern... № 112. S. 306–307.*

²³⁵ *Actes de Lavra. T. 3. App. XII. P. 208–209.*

²³⁶ *Actes de Xéropotamou. № 26. P. 193–195.*

²³⁷ *Actes de Docheiariou. P. 211.*

²³⁸ *Ibid. № 42. P. 237–240; Actes de Lavra. T. 3. № 145. P. 99.*

Фессалоникской), диакон и табулярный Иоанн Оловол, который, «написав, подписал» дарственную 1374 г. из Хиландарского монастыря (Константин Ласкарь дарит русскому монастырю Св. Пантелеймона деревню Врсницу близ Струмицы).²³⁹ Можно было бы подумать, что в XV в. табулярии Фессалоники куда-то исчезают (так, купчая 1402 г. из архива афонского монастыря Св. Павла составлена и подписана протопапасом и дикеем Андроником, а дарственная 1405 г. — отсюда же — скреплена подписью митрополита Фессалоники Гавриила и т. д.²⁴⁰), если бы дарственная 1471 г. из Лавры не была снова подписана сакеллиу, табулярием и пресвитером Михаилом (впрочем, составлен ли документ в Фессалонике, еще неизвестно).²⁴¹

Вернемся, однако, к Смирнской митрополии, которая, с одной стороны, дает благодаря картулярию Лемвиотиссы богатейший просопографический материал для истории византийского нотариата, с другой же — путает нам карты в наших попытках воссоздать систему этого нотариата (в митрополиях — табулярии, в епископиях и других мелких местечках — номики). Ведь именно здесь был писан акт, нотариий которого в клаузуле корроборации был обозначен как номик, а в эсхатоколе расписался как табулярый. Выше нашего понимания и купчая 1272 г., содержащая уникальную подпись нотариуса: «Я, ничтожный иерей, номик и примикирий примикириев табуляриев (πριμικηρίος τῶν πριμικηρίων τῶν ταβουλλαρίων) за пределами епархии святейшей митрополии Смирны, написав, как это явствует из текста, настоящий акт продажи и свидетельствуя,

²³⁹ Actes de Chilandar. № 155. P. 326–329.

²⁴⁰ *Chrysochoidi K.* Ἱερὰ μονὴ Ἀγίου Παύλου: Κατάλογος τοῦ Ἀρχείου // Σύμμεικτα, 1981. Т. 4. № 26–27. Σ. 276.

²⁴¹ Actes de Lavra. Т. 3. № 173. P. 167.

подписал» (при этом нотариий не указывает своего имени, оставаясь анонимным).²⁴² Логично было бы предположить на основании подписи, что сами примикирии корпораций табуляриев были собраны в особую корпорацию во главе с примикирием более высокого ранга.²⁴³ Но что сие означало в действительности? Что означает выражение «за пределами епархии» (τῆς πέρας ἐνορίας)? Может быть, имеется в виду особый экзарх при патриархате, в ведении которого был контроль за деятельностью примикириев нотариальных корпораций всех митрополий? Но причем в таком случае «пределы митрополии Смирны»? Непонятно²⁴⁴ — так же, впрочем, как существование наряду с табуляриями номиков крепости и митрополии Смирны. Так, известны «иерей и номик крепости Смирны» Феодор Полея, составивший и подписавший дарственную 1210 г.²⁴⁵ (среди трех свидетелей акт подписал также иерей, скевофилак и примикирий табуляриев Константин Ксанф, известный и по своим собственным актам²⁴⁶); иерей, номик, клирик и управляющий (архонт) монастырями митрополии Смирны Николай Сиропул, составивший и подписавший акт 1231 г., по которому Анна Комнина про-

²⁴² ММ. Vol. 4. № 90. P. 165.

²⁴³ Ср.: Ferrari G. I documenti greci... P. 82.

²⁴⁴ Арвейлер вообще считает, что выражение πριμικίριος τῶν πριμικηρίων — это ошибка писца, списывавшего текст документа в картулярий, и что читать следует πριμικίριος τῶν ταβουλλαρίων (Ahrweiler H. L'histoire et la géographie... P. 118. N. 185).

²⁴⁵ ММ. Vol. 4. № 55. P. 121.

²⁴⁶ В купчей 1207 г., которую Константин Ксанф, «написав, подписал», он называет себя «иерей, скевофилак и номик Смирны» (ММ. Vol. 4. № 106. P. 187), в купчей 1208 г. — просто скевофилак (Ibid. № 104. P. 184), а в 1210 г. он уже, как мы видели, стал примикирием табуляриев.

дала монастырю Лемвиотиссы поле;²⁴⁷ диакон и номик митрополии Смирны Георгий Каллист, составивший и подписавший недатированную купчую (1235?);²⁴⁸ иерей и номик митрополии Смирны и епархии Мантеи Феодор Каллист, деятельность которого прослеживается по составленным и подписанным им актам с 1213 (правда, здесь он фигурирует как номик и анагност) по 1251 г.;²⁴⁹ иерей и номик митрополии Смирны и епархии Мантеи Иоанн Лаодикин, который, «написав и свидетельствуя, подписал» купчую 1259 г.;²⁵⁰ диакон и номик «пат-

²⁴⁷ ММ. Vol. 4. № 11. P. 51–52.

²⁴⁸ Ibid. № 19. P. 64–65.

²⁴⁹ Ibid. № 7. P. 32–33 (дарственная 1234 г.); № 15. P. 56–57 (дарственная 1232 г.); № 16. P. 58–59 (завещание 1233 г.); № 17. P. 60–61 (купчая 1231 г.); № 24. P. 76–77 (недатированная дарственная, 1225 г.?); № 25. P. 77–79 (купчая 1232 г.); № 28. P. 80–84 (судебный приговор 1251 г., почему-то писанный и подписанный иереем и номиком митрополии Смирны и епархии Мантеи Феодором Каллистом; любопытно, что этот приговор, особенно в своей заключительной части, составлен по формуляру частного акта, в чем, по-видимому, сказался опыт нотариальной деятельности Феодора Каллиста); № 54. P. 119 (купчая 1213 г., которую «свидетельствуя, подписал» номик-анагност митрополии Смирны и епархии Мантеи Феодор Каллист); № 109. P. 191–192 (купчая 1225 г.); № 118. P. 204 (дарственная 1246 г.),

²⁵⁰ Ibid. № 64. P. 133. Возможно, что с ним идентичен иерей и номик митрополии Смирны и епархии Мантеи Лаодикин (без пренома), который, «написав, подписал» купчую в 1237 г. (Ibid. № 34. P. 89–91). Иоанн Лаодикин упоминается также среди свидетелей в одном судебном акте 1251 г., где среди свидетелей упомянут еще номик деревни, находившейся в пронии у рыцаря Сиргариса, иерей Николай Лаодикин, несомненно, родственник Иоанна (Ibid. № 28. P. 81–83).

риаршей епархии» Василий Цикапит, который также, «свидетельствуя и написав, подписал» купчую 1263 г.;²⁵¹ диакон и номик Михаил Лист, который не оставил нам собственных актов, но он то расписывается среди свидетелей на купчей 1274 г., составленной и подписанной примикирием табуляриев Николаем Филокинигитом, то ставит свой сигнон среди свидетельских сигнонов на дарственной 1274 г., то подписывает судебный акт (недатированный, 1280 г.);²⁵² анагност и номик митрополии Смирны и епархии Мантеи Иоанн Фока, который, «написав и свидетельствуя, подписал» купчую (не датирована, 1293 г.).²⁵³ Есть ряд смирнских документов со всеми признаками нотариальных документов, составленных и подписанных иереями (Лев Копадис, Лев Липарин, Стефан Левкатис, диакон и великий эконоом Никита Калоинарис), которые вообще не были ни номиками, ни табуляриями.²⁵⁴

Однако и в Смирнской митрополии табуляриат как будто лежал в основе нотариата.²⁵⁵ Так, помимо уже упоминавшихся табуляриев, известны иерей, номик, сакеллиу митрополии и примикирий табуляриев Иоанн Кампанис, написавший и подписавший дарственную 1230 г. (акт подписали еще три мирянина — севаст, великий эконоом митрополии Лев Лист и диакон, номик, протонотарий Феодор Астрагалин);²⁵⁶ Георгий

²⁵¹ ММ. Vol. 4. № 57. P. 125.

²⁵² Ibid. № 39. P. 96; № 49. P. 109; № 60. P. 129.

²⁵³ Ibid. № 65. P. 134.

²⁵⁴ Ibid. № 112. P. 196; № 113. P. 197; № 116. P. 201; № 119. P. 205; № 110. P. 194.

²⁵⁵ Ср.: *Ahrweiler H. L'histoire et la géographie...* P. 118–120; *Angold M. A byzantine government in exile.* P. 273–274.

²⁵⁶ ММ. Vol. 4. № 10. P. 48–51 (Феодор Астрагалин расписался также в числе свидетелей в купчей 1225 г.; Ibid. № 108. P. 190).

Алифин, который в качестве иерея и табулярия митрополии Смирны в 1242 г., «написав и свидетельствуя, подписал» дарственную,²⁵⁷ а в 1257 г., став к тому же еще и ипомниматографом, поставил свою подпись под другой дарственной наряду с другими свидетелями (среди них диакон, иеромнимон и табулярий митрополии Смирны Михаил Астрагал, уже упоминавшийся диакон, логофет и табулярий Иоанн Аргиропул, а также протэкдик и табулярий Иоанн Куналис).²⁵⁸ В 1239 г. последний, будучи еще просто domestиком митрополии, уже занимался составлением актов, в частности, «свидетельствуя и написав, подписал» купчую;²⁵⁹ в 1254 г. он действует аналогично, уже будучи протэкдиком и табулярием,²⁶⁰ а в одном недатированном (1258?) акте он упомянут среди свидетелей как клирик митрополии, протэкдик, референдарий и табулярий.²⁶¹ Известны также иерей, клирик и табулярий Роман Калоидас, подписавший купчую 1256 г., писавший и подписавший купчую 1263 г., расписавшийся в числе свидетелей в купчей 1266 г.;²⁶² девтеревон диаконов, клирик и табулярий Георгий Хрисоверг, подписавшийся в числе свидетелей в купчей 1256 г. и в купчей 1263 г.;²⁶³ анагност и табулярий Георгий Волондис — писец и нотариус дарственной 1267 г.;²⁶⁴ сакеллиу митрополии и табулярий Алексей Маруллис, писавший, подписавший и еще раз скрепивший

²⁵⁷ ММ. Vol. 4. № 20. P. 66–69.

²⁵⁸ Ibid. № 21. P. 72.

²⁵⁹ Ibid. № 85. P. 158.

²⁶⁰ Ibid. № 81. P. 153.

²⁶¹ Ibid. № 14. P. 55.

²⁶² Ibid. № 89. P. 164; № 84. P. 157; № 87. P. 160.

²⁶³ Ibid. № 89. P. 164; № 84. P. 157.

²⁶⁴ Ibid. № 93. P. 170.

документ на обороте, на месте склейки, дарственную 1274 г.;²⁶⁵ диакон и табулярий Поликарп, сын Дорофея, который, «свидетельствуя и написав, подписал» акт об обмене 1287 г.²⁶⁶ Как видим, многие табулярии Смирнской митрополии занимались нотариальной деятельностью долгие годы, порою десятилетия, посвящая этой профессии всю жизнь.

Аналогичную картину являет нам византийская и поствизантийская Южная Италия, где даже скромные местечки имели собственного табулярия.²⁶⁷ Так, в конце X в. подвизался в составлении документов «протопапас и табулярий крепости Таранто» Куртикис, по поручению которого неким Григорием был написан самый ранний греческий частный акт на южноитальянской почве — дарственная 981 г. и который подписался первым среди свидетелей, а также в 984 г. сам писал акт о разделе имущества.²⁶⁸ Правда, в XI в., т. е. во время, когда в Таранто существенно увеличивается количество документов, их составители, как кажется, не носили здесь никакого нотариального звания (нет упоминаний ни о табулярие, ни о номике; пять документов с 1029 по 1040 г. писаны рукой иерея Василия,²⁶⁹ один акт 1035 г. — рукой Николая,²⁷⁰ семь документов за 1043—1054 гг. — рукой Иоанна Кур-

²⁶⁵ MM. Vol. 4. № 49. P. 106–109.

²⁶⁶ Ibid. № 44. P. 103.

²⁶⁷ *Falkenhausen V. von, Amelotti M. Notariato e documenti...* P. 29. Весь очерк о южноитальянском нотариате написан нами на материалах обстоятельной статьи Веры фон Фалькенхаузен (Ibid. P. 9–39).

²⁶⁸ Syllabus. № 8. P. 6–7; № 9. P. 7–9; *Falkenhausen V. von, Amelotti M. Notariato e documenti...* Tav. I–II.

²⁶⁹ Syllabus. № 22. P. 23–24; № 24. P. 26–27; № 26. P. 29–31; № 31. P. 36–38; № 32. P. 38–39.

²⁷⁰ Ibid. № 30. P. 35–36.

куаса²⁷¹), акты по их формуляру, каллиграфии и грамматике демонстрируют редкую компетентность и высокий профессионализм. Дукт письма и некоторые нотариальные приемы (например, особый способ написания предлога *ἐν* в словах *ἐν ὀνόματι* инвокации) передавались от одного нотариуса к другому. Более того, само это занятие передавалось от одного члена семьи к другому; целую династию нотариусов основал уже упомянутый Иоанн Куркуас (несколько документов с 1084 по 1086 г. писаны его сыном Панкальо; в актах 1143–1145 гг. встречаем писца Куркуаса, сына Иоанна; акт 1182 г. писан также Куркуасом, сыном судьи Иоанна, которого не следует отождествлять с предыдущим).²⁷² Ни один из Куркуасов не определяется как табулярий, но несомненно то, что эта семья имела почти наследственное право на нотариальную деятельность, практикуя эту профессию свыше ста лет.²⁷³

Связь нотариальных функций с церковной должностью протопапаса, о которой говорилось выше, прослеживается по актам Калабрии (так, в епископстве Оппидо 13 документов 1051–1057 гг. подписаны «протопапасом Сицилии»;²⁷⁴ в Стило большая часть документов, составленных в норманнский период, писана или скреплена протопапасами,²⁷⁵ которые часто назы-

---

²⁷¹ Syllabus. № 27. P. 31–32; № 34. P. 41–42; № 35. P. 42–42; № 36. P. 44–45; № 39. P. 48–49; № 41. P. 51–52.

²⁷² Ibid. № 48. P. 62–63; № 135. P. 178–179; № 140. P. 186–187.

²⁷³ Ср.: *Falkenhausen V. von, Amelotti M.* Notariato e documento... P. 29.

²⁷⁴ *Guillou A.* La Théotokos de Hagia-Agathé (Oppido) (1050–1064/1065). Città del Vaticano. 1972. № 5, 7, 9–11, 14, 22–24, 26, 30, 39, 41.

²⁷⁵ *Mercati S. G., Giannelli C., Guillou A.* Saint-Jean-Théristès (1054–1264). Città del Vaticano. 1980. № 2. P. 46;

ваются номиками; аналогично — в Кротоне, где, однако, в конце XII — начале XIII в. функцию табулярия исполняют и другие высокопоставленные сановники епископской церкви, например, в 1199 г. девтеревон, т. е. заместитель протопапаса,²⁷⁶ а с 1219 по 1228 г. — один протопсалт²⁷⁷), Базиликаты (так, дарственная 1043/44 г. из Виджано писана протопапасом Урсолеоне по поручению иерея Николая, табулярия Виджано;²⁷⁸ два акта из Карбоне — 1055/56 и 1058/59 гг. — писаны протопапасом Николаем;²⁷⁹ дарственная 1053 г. писана протопапасом церкви Св. Кирика Феофилактом²⁸⁰) и т. д. Но в то же время акты Черсосимо (провинция Потенца) и Меркуриона (Южная Калабрия) писаны табуляриями, а протопапас не упомянут ни разу (интересен случай, когда иерей Хрисафий, написавший в 1057/58 г. дарственную по поручению табулярия Хрисоиоанна, становится затем преемником табулярия²⁸¹).

Таким образом, и в византийской Южной Италии нотариат находился в ведении церкви. Но в то же время (и особенно позднее) здесь весьма ощутима традиция светского нотариата. Так, в Стило сложный акт раздела имущества пишет в 1054 г. императорский спафарокандидат Иоанн;²⁸² другой спафарокандидат

№ 5. P. 68; № 8. P. 76; № 19. P. 125; № 22. P. 138; № 25. P. 149; № 30. P. 168; № 42, P. 219; № 45. P. 232.

²⁷⁶ Syllabus. № 247. P. 335–336.

²⁷⁷ Ibid. № 271. P. 372; № 278. P. 383–384.

²⁷⁸ *Robinson G. History and cartulary of the greek monastery of St. Elias and St. Anastasius of Carbone // Orientalia Christiana. 1930. 19 (1). P. 145–149.*

²⁷⁹ Ibid. P. 163–170.

²⁸⁰ Syllabus. № 40. P. 49–51.

²⁸¹ Ibid. № 43. P. 55–57; № 46. P. 60–61.

²⁸² *Mercati S. G., Gianelli C., Guillou A. Saint-Jean-Thérists. № 1. P. 41.*

написал в 1065/66 г. дарственную в калабрийской деревне Макерицы;²⁸³ в 1086 г. спафарий Андрей подписал в Россано дарственную в пользу монастыря Кавы.²⁸⁴ И если здесь не совсем ясно, исполняли ли эти должностные лица обязанности нотарииев «профессионально» или же «окказионально» (акты, впрочем, составлены ими вполне компетентно), то в других местах прямо указывается на их профессиональную принадлежность к нотариату: в Таранто в первое тридцатилетие XII в. все известные документы писаны мирянином Калосом, сыном Думнендо (лишь в акте 1131 г. он квалифицирован как протопапас, возможно, потому, что в конце своей долгой карьеры нотариа он возглавил еще и греческую религиозную общину в Таранто²⁸⁵); мирянами же были и преемники Калоса — табулярии Таранто Иоанн сын Льва (1155 г.),²⁸⁶ Урсо сын Анастасия (1157 г.),²⁸⁷ Стефаницес сын Петра (1171–1377 гг.),²⁸⁸ Константин сын Николая и Агапит сын Никифора (два последних вместе составили в 1193 г. дарственную в пользу греческого монастыря Св. Ильи ди Карбоне²⁸⁹); в Галлиполи, где в 1111/12 г. встречаем еще в качестве

---

²⁸³ Actes de S. Maria di Messina. № 22. P. 167–168. Издатель читает дату документа как 6774 г. от сотворения мира, но Фалькенхаузен предлагает, как ей кажется, более правильное чтение — 6574, т. е. 1065/66. См.: *Falkenhauzen V. von, Amelotti M.* Notariato e documento... P. 30. N. 76.

²⁸⁴ Syllabus. № 49. P. 64–65.

²⁸⁵ Ibid. № 109. P. 144.

²⁸⁶ *Robinson G.* History and cartulary... P. 65–67.

²⁸⁷ Taranto Archivio Capitolare — не издано.

²⁸⁸ *Robinson G.* History and cartulary... P. 81–83, 92–95; Syllabus. № 189. P. 248–249; Taranto Archivio Capitolare — не издано.

²⁸⁹ *Cotroneo R.* Pergamene greche del secolo XIII // *Rivista stor. calabrese.* 1902. 10. P. 40–42.

номика иерея и протосинкелла Григория, а в 1172 г. в качестве табулярия города — иерея Георгия, все прочие известные табулярии города с середины XII в. и вплоть до 1208 г. были миряне²⁹⁰ (но в 1227 г. «табулярием и номиком» был снова церковник — протопас Лев Унгрелис). Следует также отметить тесную связь, которая в этих местах существовала между профессией светского табулярия и профессией судьи (κριτής): хотя совмещение обеих служб в одном лице и крайне редко (например, в 1154/55 г. табулярий τῶν Μεσῶν Илья был в то же время ὁ τῆς περιχώρου Μεσῶν κριτής),²⁹¹ известно немало табуляриев — детей судей и судей — детей табуляриев. Так, табулярий Галлиполи в 1203 г. Пасхалий был сыном судьи Иоанна;²⁹² табулярий Таранто в начале XIII в. Георгий был сыном судьи Петра;²⁹³ в 1148 г. в Трикарико греческий судья был сыном табулярия Константина;²⁹⁴ в начале XIII в. в том же городе греческий судья Капуанос был сыном табулярия²⁹⁵ и т. д. — примеры, которые показывают, что в некоторых семьях профессии юристов были наследственными.

Что касается Сицилии, то здесь картина нотариата представляется более запутанной. В Палермо, например, контроль за нотариатом, как кажется, был

---

²⁹⁰ Syllabus. App. 1. № 1. P. 511–512; № 4–8. P. 515–521; № 10–13. P. 523–528.

²⁹¹ Cod. Vat. Lat. 8201. F. 204 (не издано).

²⁹² Syllabus. App. 1. № 10–12. P. 523–527.

²⁹³ Ibid. App. 1. № 14. P. 529.

²⁹⁴ *Guillou A., Holtzmann W.* Zwei Katepansurkunden aus Tricarico // *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken.* 1961. 41. P. 11.

²⁹⁵ Napoli, Archivio di Stato, Pergamene di Tricarico, I (не издано?).

поделен между церковными и гражданскими властями. Если два нотариальных греческих акта (1138, 1146 гг.) были писаны иереем Константином по поручению протопапаса Василия,²⁹⁶ то в то же время (вернее, с 1133 по 1177 г.) прочие акты писались табуляриями-мирянами по поручению судей Палермо, причем как те, так и другие нередко были несицилийского происхождения (так, судьи Петр Калуменос и Лев были из Реджо, калабрийцем был и табулярий Феодор).²⁹⁷ С 1177 г. (видимо, после смерти или отставки табулярия — мирянина Калокира, который занимался нотариальной деятельностью 22 года, с 1155 г.)²⁹⁸ акты снова пишутся по поручению протопапаса, а табулярии набираются среди диаконов и священников — иереев. В Мессине же нотариусы, которые, как уже отмечалось, обозначались всегда термином *votários* и которые чаще всего были клирики, писали частнопровольные акты по поручению стратига, позднее — стратигов Мессины, всегда самолично скреплявших документы подписями (местопребыванием последних был «преторион», где, по-видимому, находился необходимый штат греческих писцов — нотариусов).²⁹⁹ Только акты, касавшиеся греческих религиозных учреждений, писались и подписывались по поручению протопапаса Мессины табулярием или одним писцом, которые всегда

---

²⁹⁶ *Cusa S. I diplomi greci ed arabi di Sicilia. Vol. 1. № 1. P. 60, 73.*

²⁹⁷ *Ibid. № 1. P. 38, 108; № 2. P. 664, 666; Garufi C. A. I documenti inediti dell'epoca normanna in Sicilia. Palermo, 1899. Vol. 1. № 30. P. 75; № 36. P. 87.*

²⁹⁸ *Garufi C. A. I documenti... № 30. P. 75; Cusa S. I diplomi greci ed arabi di Sicilia. Vol. 1. № 1. P. 121.*

²⁹⁹ *Falkenhausen V. von, Amelotti M. Notariato e documenti... P. 34–35.*

были священниками. Налицо, таким образом, своеобразное «сращивание» светского нотариата с церковным.

Положение в Южной Италии меняется в 1231 г., когда Фридрих II, вознамерившийся создать публично-государственный институт нотариата, издал указ (так называемые «конституции Мельфи») о недопущении к функциям судей и нотариев клириков и их детей,³⁰⁰ после чего сразу же повсеместно (и в сельской местности, и в городах) распространилась сеть «публичных нотариев» — мирян (πούβλικοὶ νοτάριοι). Мы встречаем их, в частности, в Смирне,³⁰¹ Кротоне,³⁰² Сквиллаче,³⁰³ Умбриатико,³⁰⁴ Катанцаро.³⁰⁵ Только в Палермо традиция церковного нотариата не прервалась с промульгацией конституций Фридриха II: за иереем и табулярием Василием, действовавшим до декабря 1239 г., последовал в ноябре 1243 г. диакон и πούβλικος ταβουλάριος Николай.³⁰⁶ Лишь в 1259 г. мы обнаруживаем мирянина в лице «публичного табулярия города Палермо» Бенедикта, который, впрочем, составлял документы как на греческом, так и на латинском языке (*notarius Benedictus publicus tabellio grecus*

---

³⁰⁰ Конституции сохранились в латинской и греческой версиях: *Die Konstitutionen Friedrichs II von Hohenstaufen für sein Königreich Sizilien* / Hrsg. von H. Conrad, Th. von der Lieck-Buycken, W. Wagner, Köln; Wien, 1973; *Ergänzungsband, 1: Der griechische Text* / Hrsg. Th. von der Lieck-Buycken. Köln; Wien, 1978.

³⁰¹ *Syllabus*. № 284. P. 391–393; № 290–291. P. 402–406.

³⁰² *Ibid.* № 289. P. 400–402.

³⁰³ *Ibid.* № 292–294. P. 406–414.

³⁰⁴ *Ibid.* № 295. P. 415–416; № 305. P. 437–438.

³⁰⁵ *Ibid.* № 297–298. P. 418–423; № 301. P. 427–430.

³⁰⁶ *Cusa S. I diplomi greci ed arabi di Sicilia*. Vol. 1. № 1. P. 94–97.

et latinus).³⁰⁷ Подобного рода двуязычные нотариии существовали в это же время и в Мессине: Григорий из Гаррафало в 1265 г., Лев из Сан Маттео в 1267 г., Пагано Коллура в 1267 г. По мнению Фалькенхаузен, они были и в Калабрии, и в Терра д'Отранто, хотя документов и не сохранилось.³⁰⁸ Вообще с XIV в. подлинный византийский нотариальный формуляр практически исчезает с южноитальянской почвы, а писцы актов переводят с помощью словаря текст латинского формуляра на греческий язык.³⁰⁹

Возвращаясь в собственно Византию, отметим, наконец, еще две митрополии, которые (от них сохранились интересующие нас частные документы) блистательно демонстрируют всякое отсутствие нотариата как особой профессии, — это митрополии Зихны и Трапезунда. Правда, от первой до нас дошло лишь несколько поздних (XIV в.) актов: так, купчая 1321 г. писана по поручению продавца рукой диакона и хартофилака Георгия Каломена и скреплена на обороте подписью епископа Кесарополя Мелетия,³¹⁰ далее эстафету принимает другой представитель семьи Каломенов — анагност и протонотарий митрополии Иоанн Каломен, известный по нескольким актам из Хиландарского монастыря: купчей 1329 г., писанной и подписанной им, но на обороте опять же скрепленной подписью епископа Кесарополя Мелетия (среди свидетелей фигурирует и Георгий Каломен);³¹¹ купчей

---

³⁰⁷ *Garufi C. A. I dicumenti... P. 27–28; Cusa S. I diplomati greci ed arabi di Sicilia. Vol. 1. № 2. P. 678–681.*

³⁰⁸ *Falkenhausen V. von, Amelotti M. Notariato e documenti... P. 36.*

³⁰⁹ *Ibid. P. 47; Actes de S. Maria di Messina. P. 32.*

³¹⁰ *Actes de Chilandar. № 69. P. 155–158.*

³¹¹ *Ibid. № 118. P. 246–250.*

1353 г., которую Иоанн Каломен написал и подписал, будучи уже в чине сакеллиу митрополии Зихны;³¹² сборному подлинному документу из двух актов продажи 1355 г. крестьянами Зихны виноградника и других земель Хиландару («сакеллиу митрополии Зихны Иоанн Каломен, писец настоящего акта, подписал»);³¹³ другому такому же сборному — из двух купчих 1355 г. — документу.³¹⁴ Не исключено, конечно, что мы случайно имеем дело с актами, которые составлены непрофессионалами (есть в клаузулах некоторая путаница, как будто подтверждающая это), но в то же время кажется, что Каломены вряд ли случайно на протяжении десятилетий подвизались на поприще составления частноправовых актов, не нося, однако, звания табулярия, номика и т. д. Еще сложнее обстоит дело с Трапезундской митрополией. Ведь здесь мы имеем целый картулярый Вазелонского монастыря, в документах которого отразилась не только вся церковная табель о рангах, но и светская (скажем, очень важны сведения о распространении и в этой отдаленной митрополии института вселенских судей), и при этом ни одного упоминания табулярия, номика или какого-либо иного обозначения нотариария! Во многих трапезундских (вазелонских) актах вообще не указаны даже писцы. Из указавших все же себя известны «слуга императора Великого Комнина» (Ὁ δοῦλος τοῦ ἁγίου ἡμῶν αὐθέντου καὶ βασιλέως τοῦ Μεγάλου Κομνηνοῦ) Никита Пафлагон, который подписался под купчей 1264 г. (текст документа не сохранился), назвав себя к тому же «писец и свидетель»;³¹⁵ как писец он указан в клаузуле

³¹² Actes de Chilandar. № 141. P. 297–298.

³¹³ Ibid. № 142. P. 299–301.

³¹⁴ Ibid. № 143. P. 301–303.

³¹⁵ Вазелонские акты. № 40. С. 21.

корроборации еще одной купчей 1264 г., хотя подпись его отсутствует;³¹⁶ иеромонах Феоктист Маврон, написавший и подписавший несколько необычную по формуляру купчую в 1349 г.;³¹⁷ Константин Мурму, написавший и подписавший дарственную (XIII в.),³¹⁸ бывший, очевидно, мирянином; иеромонах Косьма Лалатцис, «писец текста» двух купчих (1273 и 1275 гг.), которые он, «свидетельствуя, подписал»;³¹⁹ иерей Константин Диплоит, написавший и подписавший дарственную (второй половины XIII в.) и купчую этого же времени;³²⁰ монах Лазарь, написавший и подписавший дарственную в 1397 г.,³²¹ — скудные сведения, на основании которых трудно сделать какое-либо заключение.

Таковы приблизительные «количественные» характеристики повседневного практического нотариата, которые прослеживаются в разное время и в разных районах и провинциях империи. В чем же конкретно заключалось совершение нотариальных действий и совпадало ли оно с теми предписаниями законов о нотариате, о которых говорилось выше? На основании рассмотренного актового материала можно сделать вывод, что правилом (из которого, впрочем, делались многочисленные исключения) считалось участие в удостоверении сделок двух нотариев — нотария-писца и полномочного нотария, причем инициатива в их приглашении для совершения нотариальных действий исходила от самих участников сделки, что чаще всего фиксировалось в клаузуле корроборации словами

---

³¹⁶ Вазелонские акты. № 39. С. 20.

³¹⁷ Там же. № 48. С. 25.

³¹⁸ Там же. № 55. С. 31.

³¹⁹ Там же. № 75. С. 44; № 92. С. 54.

³²⁰ Там же. № 77. С. 45; № 91. С. 53.

³²¹ Там же. № 81. С. 48.

«по нашему (ибо клаузула, как и весь документ, писана от лица автора. — *И. М.*) поручению» (τῆ προτροπῆ или ἐκ προτροπῆς ἡμῶν), «по нашей воле» (τῆ προσκλήσει), «по нашему требованию» (τῆ ἀξιώσει ἡμῶν), «по нашей просьбе» (τῆ παρακλήσει ἡμῶν) или «по нашему приглашению» (τῆ προσκλήσει ἡμῶν), т. е. греческим эквивалентом латинских *mandatu, iussu*. Нередко, правда, ангажированность нотариев участниками сделки подразумевалась, а в клаузуле корроборации оговаривалось, что «текст писан таким-то писцом по поручению такого-то нотариа». Это означало, что сторонами (или одной из сторон, которая выступала в качестве автора документа) конкретно был ангажирован один нотариус, который уже сам подбирал себе «напарника» — писца, как правило, того, с кем он уже привык работать. Иногда же в клаузуле корроборации подчеркивалось, что документ «писан по нашей (т. е. участников сделки) воле рукой такого-то и по поручению табулярия такого-то»,³²² а иногда и в своей подписи под документом писец или нотариус давал знать о том, кем именно он ангажирован. Например, писец дарственной, совершенной в 1231 г. в митрополии Филадельфии, подписался под актом так: «Иеромнимон святейшей митрополии Филадельфии Иоанн Конидис, приглашенный (προσκληθεὶς) той, которая выше собственноручно проставила крест (имеется в виду автор документа — монахиня Ксения Ангелина, по-

---

³²² Именно эта формула фигурирует в актах, писанных писцами Димитрием Пирром и Георгием Пирром, хотя табулярии, с которыми они работали, были разные, да и акты того и другого разделены промежутком в 25 лет. Очевидно, мы имеем здесь дело с семейным формуляром. См.: *Actes de Lavra*. Т. 2. № 71. Р. 3–4 (дарственная 1240 г.); *Actes de Chilandar*. № 6. Р. 15–17 (дарственная 1265 г.).

жертвовавшая обители великомученика Георгия Эксокастрита поле. — И. М.), написав текст настоящего акта и свидетельствуя, сам же и подписал». ³²³ Смысл концовки подписи в том, что писец берет на себя и функции нотариия, но часто бывало и наоборот: нотариий брал на себя функции писца, и это следует иметь в виду во всех тех немалочисленных случаях, когда и писец и нотариий выступают в одном и том же лице.

Но мы здесь рассматриваем тот случай, когда в совершении нотариальных действий принимали участие двое — писец и собственно нотариий, функции которых (это чувствуется) принципиально различались, отнюдь не ограничиваясь полномочиями, представленными им Исагогой (Eis. 13. 16), в которой говорится о том, что табулярии (речь идет об участии двух табуляриев) должны писать (Что именно? Сам акт, сигноны, подписи?) вместо неграмотного или малограмотного автора документа (*ἵνα οἱ μὲν γράφωσιν ὑπὲρ τοῦ ἀγραμμάτου ἢ ὀλιγογραμμάτου καθεστώτος*) и выступать в качестве свидетелей. И только продумывая этот неясный текст, можно прийти (вслед за Цахариз фон Лингенталем и Феррари) к выводу, что речь здесь идет о том, чтобы один из двух табуляриев действовал как *συμβολαιογράφος*, т. е. исполнял обязанности полномочного нотариия, а второй — как *χειρόχρηστος*, т. е. в качестве писца, и расписывался за безграмотного. ³²⁴ Конечно, *γραφεὺς τοῦ ὕφους*, который пишет акт от имени одной из сторон — участниц сделки, о самом себе сообщает в клаузуле корроборации в третьем лице (впрочем, некоторые все же сбивались на первое лицо, выдавая

³²³ MM. Vol. 4. № 9. P. 48.

³²⁴ *Zachariae von Lingental K. E.* // *Zeitschrift für Rechtsgeschichte der Savigny* — *Stiftung: Romanistische Abteilung.* 1892. Bd. 13. S. 19; *Ferrari G.* *I documenti greci...* P. 88.

тем самым себя и внося путаницу в формуляр акта)³²⁵ и лишь подписывает акт в личной форме, это отнюдь не «простой писец». Именно в его компетенцию входило решение не столь уж легкой задачи: ознакомившись с обстоятельствами дела, возможно, и с проектом сделки, с краткой записью ее, сделанной нотарием (уж не этими ли проектами — «схедами» — и являются те «начальные резюме», которыми предваряются некоторые акты и которые вкратце воспроизводят суть сделки и основные части акта,³²⁶ — своего рода минуты, подобные западноевропейским *notulae* или *imbreviaturae*), и выбрав соответствующий образец — формуляр, составить письменный акт как таковой, т. е. облечь документ в соответствующую форму. Для это-

---

³²⁵ Так, писец купчей 1263 г. из Смирны Роман Калоидас отмечает в клаузуле корроборации, что «текст писан моей рукой» (διὰ χειρὸς ἐμοῦ — *MM.* Vol. 4. № 84. P. 156). Аналогично — писец Иоанн Фалакр в купчей 1301 г. из Эсфигменского монастыря (τῆ ἐμῆ χειρὶ — *Actes d'Esphigmenou.* № 9. P. 75) и номик деревни Геникон и Неохорий — дарственная (не датирована) «писана и подписана мной» (λαρ' ἐμοῦ — *MM.* Vol. 4. № 169. P. 266). Особенно интересно, что выражение διὰ χειρὸς ἐμοῦ рекомендует и формуляр акта, изданный Зимоном, хотя тут же говорится, что акт (купчая) писан «по нашему (т. е. продавцов, авторов акта. — *И. М.*) поручению» (ἐξ ἐπιτροπῆς ἡμετέρας). Несовместимость этих двух выражений в одной клаузуле побудила Зимона дать ошибочный совет: вместо ἡμετέρας читать ὑμετέρας, т. е. «по вашему (чьему именно? — *И. М.*) поручению», что сделало бы текст еще более невразумительным (на самом же деле в подобном случае надо просто убрать ἐμοῦ). См.: *Simon. Kaufformular.* S. 159. Z. 42; S. 173.

³²⁶ См. о них подробнее: *Medvedev I. P. On the Origin of the Opening Summary of Byzantine Private Acts // XVIII th International Congress of Byzantine Studies: Summaries of Communication. Moscow, 1991. T. 2. P. 752.*

го мало было иметь под рукой все необходимые «инструменты работы» и владеть навыками пользования ими, нужно было еще хорошо знать действующее законодательство, чтобы не допустить ошибки и не вступить с ним в конфликт, не нарушить законность и правопорядок и тем самым не нанести ущерб своим клиентам, т. е. быть в полном смысле слова юристом. Γραφεὺς τοῦ ὕφους — это прежде всего составитель, редактор акта,³²⁷ которого справедливее было бы обозначать συντάκτης τοῦ ὕφους, и уже в последнюю очередь его писец. И хорошо, если подлежащая удостоверению сделка ясна по характеру нового, рождающегося правоотношения и укладывается в обычные, предусмотренные законом рамки, а если нет?

Такого рода «нестандартных», не предусмотренных законодательством случаев византийская действительность давала немало, ставя составителей актов в весьма сложное положение и заставляя их проявлять порой правовую самостоятельность, известное правотворчество. Так случалось при отчуждении имущества, принадлежавших несвободным, в частности парикам.³²⁸ Известно, что парикия представляла со-

---

³²⁷ Соответственно французские издатели актов афонских монастырей при передаче содержания документов с полным основанием обозначают писца такого акта словами *le redacteur de l'acte* (примеры бесчисленны).

³²⁸ Из огромной литературы о парикии укажу только следующие работы: *Хвостова К. В.* Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV–XV вв.). М., 1968. *Passim*; *Лутаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977. *Passim*; *Weiss G.* Die Entscheidung des Kosmas Magistros über das Parökenrecht // *Byz.* 1978. Т. 48. Р. 477–500; *Oikonomidès N.* Οι βυζαντινοὶ δουλοπαροϊκοὶ // *Σύμμεκτα*, 1983. Т. 5. Σ. 295–303; *Actes de Docheiariou.* Р. 116–118.

бой своеобразную византийскую форму квазифеодальной крестьянской зависимости, а парическое право формировалось как обычное, при котором господин имел известные права на частное имущество этого последнего и даже мог быть его наследником, а парик мог продать, дарить или отказать по завещанию свое имущество только с предварительного разрешения господина. Именно такой случай зафиксирован дарственной 1311 г. из архива Дохиарского монастыря на Афоне.³²⁹ Из нее явствует, что парики Георгий и Михаил Аретосы, принадлежавшие некоему Дукопулосу по наследству, совершили дар Дохиарскому монастырю в виде их доли (две трети половины) водяной мельницы в местечке Каприникия (вторая половина принадлежала Лавре). Одобрив сделку своих париков (ἀποδεχόμενος τὴν τοῦτων πρᾶξιν),³³⁰ Дукопулос в присутствии трех свидетелей также совершает дар в виде той трети половины мельницы, которая к нему перешла после смерти бездетного брата названных париков Иоанна и которой тот владел по наследству. Далее акт строится по обычному формуляру дарственной, причем Дукопулос обязуется сам и обязывает своих наследников никогда не возбуждать пересмотра не только своего настоящего дарения (ἀφιέρωσις), но и ранее совершенного дарения своих париков.

Таким образом, этот уникальный акт демонстрирует нам парикию в чистом виде; он показывает, до какой степени феодальный обычай возобладавал над

---

³²⁹ Actes de Docheiariou. № 11. P. 118–119; Album. Pl. XVII.

³³⁰ Был ли при этом составлен письменный документ, как думает Икономидис (Ibid. P. 116), неизвестно, скорее всего, нет, так как в противном случае документ был бы, мне кажется, обозначен соответствующим термином: πρᾶξις здесь не может означать документ.

официальным законодательством: ведь данный случай не опирается ни на какой законодательный текст, и речь здесь идет об имуществах, являвшихся, казалось бы, полной собственностью париков, на которые господин теоретически не имеет никаких законных прав. Соответственно и собственники — прониары, защищая свои права, были лишены возможности апеллировать к закону; они в таких случаях удовлетворяются тем, что указывают на отсутствие закона, который бы противоречил этому.³³¹ Осознавалась ли в нашем случае редактором акта или нотарием щекотливость ситуации? Не свидетельствует ли каким-то образом об их смущении то, что дарственная составлена не по форме (нет протаксиса или сигнона автора документа, клаузулы инвокации, не выдержан формуляр), что писец или нотариус, отредактировавший акт, пожелал остаться анонимным, не упоминать о себе (дарственную подписал сам даритель, на обороте — два свидетеля)?

Аналогичным образом обстоит дело, когда достоинству подлежал договор на отчуждение не полной частной, а условной, например прониарской, собственности, о чем можно судить хотя бы на основании двух дарственных из архива того же Дохиарского монастыря — от 1313 и 1314 гг., составленных уже известным нам табулярием Димитрием Диавасимером.³³² В них фиксируются факты дарений прониарами монастырю земельных угодий, которые они держали на правах пронии от императора, не в полную собственность, а на срок, на то время, пока они, прониары (в первом случае даритель и его дети), будут держателями пронии. Естественно, что нотарию пришлось отказаться от привычных формул и сочинять новые, прежде всего ключевую клаузулу, идущую вразрез с традицией —

³³¹ См., например: Actes de Docheiariou. № 40. P. 230. l. 15.

³³² Ibid. № 13. P. 125–126; № 14. P. 127.

μέχρις ἂν παρ' ἐμοῦ καὶ τῶν παίδων μου (во втором случае пар' ἡμῶν ἀμφοτέρων) ἢ πρόνοια κατέχηται. Интересна также дальнейшая судьба этих дарений, прослеженная Икономидисом: несмотря на их временный характер, Дохиар упорно и терпеливо добивался окончательного присвоения подаренных владений. Сначала монахи соглашались уплачивать налоги, которыми облагалась часть этих владений, и таким образом продолжают держать их непрерывно; затем, пользуясь расположением вестиярия Мануила, они добиваются их окончательного и безусловного присвоения, освобождения от налогов и, наконец, получения на них в мае 1343 г. подтверждающей жалованной грамоты императора Иоанна V Палеолога.³³³

Интереснейший случай демонстрирует нам еще один дохиарский документ — купчая 1112 г., писанная рукой иерея, клирика и номика Кириака Стравомита и удостоверяющая сделку на продажу Евдокией, дочерью патрикия Григория Вуриона и женой протоспафария Стефана Расополиса, проаствия монастырю.³³⁴ Необычность ситуации — в особом статусе отчуждаемого имущества, которое является приданым и, следовательно, по закону не может быть ни продано, ни заложено мужем, если даже имеется на то согласие жены.³³⁵ Трудно сказать, кто (уж не номик ли Кириак Стравомит?) подсказал выход из положения, указав на норму, разрешающую супруге продавать недвижимые имущества, входящие в состав приданого, в некоторых особых случаях, в частности из-за нужды и в целях прокормления детей и других членов семьи (обнищавших родителей, мужа).³³⁶ И вот, принадлежа к высшему и

³³³ Actes de Docheiariou. № 21. P. 161–162.

³³⁴ Ibid. № 3. P. 67–73.

³³⁵ В. 29.1.119. § 15; 29.64; 29.6.11–13; 29.7.

³³⁶ В. 28.8.20; Cf.: Proch. 9.1; Eis. 18.18.

привилегированному классу общества (титул прото-спафария гарантирует ранг сенатора) и явно располагая немалыми богатствами, супруги начинают эксплуатировать эту версию: жена обращается к севасту Андронику Дуке, претору и дуке Фессалоники, с прошением об издании, согласно закону, декрета, разрешающего продать пресловутое приданое с тем, чтобы она на вырученные деньги смогла накормить умирающих с голоду детей и себя; был опубликован *λύσις*, предписывавший проэдру и логариасту Хандреносу издать соответствующий декрет, что и было сделано на особом судебном заседании в присутствии многочисленных сановников, которые единодушно подтвердили, что муж просительницы — совершеннейший бедняк, у которого нет пропитания на каждый день и дети которого просят подавания; прошение Евдокии признается соответствующим законом (делается ссылка, несколько неточная, на указанное распоряжение Василик), и она получает разрешение продать владения. Вообще вся эта история выглядит как мистификация: с одной стороны, постоянные (и признаваемые властями!) жалобы на крайнюю бедность и отсутствие пропитания, с другой — достаточно высокий имущественный ценз продавцов и (опять же!) обладание высокими титулами. Впрочем, издатель документа (Н. Икономидис) также задается вопросом о правдивости заявлений Евдокии и полагает все же не лишними значения ссылки на «трудные времена», на «многие неурожайные годы», на заброшенность владений, подтвержденную описанием их, причем запустение проастия Исон он склонен объяснить удаленностью его от фессалоникской резиденции Расополиса и нехваткой рабочих рук в данном районе.³³⁷

---

³³⁷ Actes de Docheiariou. P. 65.

Здесь нас интересует прежде всего поведение составителя акта. Он находит выход в том, что в непомерно разросшейся *narratio* воспроизводит *in extenso* и в их временной последовательности тексты всех основных документов, предшествовавших совершаемой им купчей, а именно прошения Евдокии к претору и дуче Фессалоники Андронику Дуче; *λύσις* этого последнего; декрета логариаста Хандреноса, который по существу был протоколом судебного заседания. Купчая составлена от имени Евдокии, но завершается (перед клаузулой корроборации) сигноном и дополнением ее мужа Стефана Расополиса, который подтверждает факт сделки и со своей стороны дает гарантии против возможного ее пересмотра. Отмечается также, что с тем, чтобы не возникало никакого повода к опротестованию сделки, оба супруга пригласили табулярия Николая Кондопавла, кувуклисия и архидиакона церкви св. Димитрия, который и разъяснил им детально содержание акта; они, следовательно, не смогут ссылаться в будущем на то, что не поняли зачитанного им текста. Таким образом, и здесь работают два нотариуса, из которых один был «писцом» а другой — полномочным нотариусом.

Наконец, еще одной и весьма своеобразной формой «правотворчества» составителей актов были вводимые ими юридические новшества, проистекавшие от непонимания используемых образцов или соответствующих законов. Вот такой случай. В двух дарственных из картулярия Лемвиотиссы — от 1210 г. (иерей Иоанн Полея и его сын Фома дарят оливковые деревья Льву Музифре; акт писан и подписан иереем и номиком крепости Смирны Феодором Полеей) и от 1246 г. (монах Матфей Хиотис с сыновьями дарят пресвитеру Стефану поле; акт писан и подписан иереем и номиком митрополии Смирны и энории Мантеи

Феодором Каллистом) — в клаузуле отказа от эксцепций содержится следующая оговорка: «Если дарители и могут, передумав перед смертью (ἐκ μεταμελείας θανάτου), аннулировать (ἀνατρέλειν) дар, то мы ныне отказываемся от этого права и никогда не придем к пересмотру нашего настоящего дара». ³³⁸ Поскольку и в том и в другом актах речь шла о даре при жизни, т. е. о «простом даре», совершаемом без каких-либо условий и немедленно (ἀπεντεῦθεν ἀπλῆ δωρεά), то оказывается, что составители актов сознательно или, скорее всего, бессознательно (например, следуя за образцом, который был у них под руками) создают прецедент, новую концепцию, согласно которой сделанный при жизни дар мог быть отменен умирающим дарителем по его «главному слову», т. е. завещанию, в то время как по римско-византийскому праву свободно мог быть отмененным только дар, совершенный по случаю смерти (ἡ αἰτία θανάτου δωρεά = donatio causa mortis). ³³⁹ И мы были бы введены в весьма серьезное заблуждение, если бы не остроумная догадка греческого ученого Матцеса, показавшего (мне, кажется, бесспорно), что вышеизложенная клаузула возникла из-за ошибочного понимания одного места в Василиках. ³⁴⁰ Последнее выглядит так: Ὁ δωρησάμενος θανάτου αἰτία μεταμελόμενος ἔχει ἀγωγήν εἰς τὸ ἀπαιτῆσαι τὸ δωρηθέν. ³⁴¹ Поскольку два причастных оборота, входящих в состав предложения (δωρησάμενος и μεταμελόμενος), пунктуационно не обособлены (что представляется вполне допу-

³³⁸ MM. Vol. 4. № 55. P. 121; № 118. P. 204.

³³⁹ Bales G. Ἐγχειρίδιον κληρονομικοῦ δικαίου. Ἀθήναι, 1925. Σ. 655.

³⁴⁰ Matses N. P. Ζητήματα βυζαντινοῦ δικαίου. Ἐκδ. Β', Ἀθήναι, 1976. Σ. 39–42.

³⁴¹ В. 47.3.30.

стимым с точки зрения греческой грамматики), то создаются возможности для перевода фразы за счет отнесения слов *θανάτου αἰτία* или к первому причастному обороту (и тогда получается правильный и контролируемый соответствующим местом из Дигест³⁴² перевод: «Совершивший дар на случай смерти, передумав, имеет право иска на истребование подаренного»), или ко второму («Совершивший дар, передумав перед смертью, имеет право иска на истребование подаренного»). Этот-то второй (ошибочный) путь и избрали для себя составители актов, создав немыслимую норму. Благодаря Матцесу мы избежали заблуждения, но избежали ли его сами византийцы?

Вернемся к вопросу о разделении труда между писцом документа и нотарием как таковым. Как бы ни была важна роль, которую писец документа играл при совершении нотариальных действий, все же даруемое государством право или концессия (*αὐθεντία, auctoritas*) на удостоверение сделок, следовательно *fides publica*, т. е. ключ нотариата, принадлежало «другому» нотарию (он так иногда в актах и называется — *ἕτερος*), облеченному общественным доверием. В его обязанность входило, как мы видели, выяснить характер юридической сделки, составить проект акта (так называемую *scheda*), а после того как писцом составлен и переписан набело самый акт (*καταγραφή, mundum*), в присутствии свидетелей зачитать его контрагентам, разъяснить их права и обязанности, предупредить их о последствиях совершаемых нотариальных действий, чтобы юридическая неосведомленность и другие подобные обстоятельства не могли быть использованы во вред одной из сторон (как в современном нотариа-

---

³⁴² D. 39.6.30; Qui mortis causa donavit, ipse ex paenitentia conditionem vel utilem actionem habet.

tel), дать акт на подпись свидетелям, писцу (который в этом случае выступал также в качестве свидетеля) и, наконец, скрепить его собственноручной подписью. В отличие от подписи его западноевропейского коллеги, сложной и обычно перегруженной клаузулами, подпись византийского нотариуса проста: помимо данных о нем самом (имя, фамилия, чины и звания), в нее входит лишь глагол ὑπέγραψα (= subscripsi), которому, впрочем, часто предпосылаются причастия βεβαιῶν («утверждая» или «подтверждая»), μαρτυρῶν или συμπαρτυρῶν («вместе с тем свидетельствуя»), иногда παρῶν (аналог латинскому presens interfui) или же, если нотариус выступает и в качестве писца, γράψας («написав»), — примеры бесчисленны. Лишь единичные и наиболее ранние из дошедших до нас актов подписаны нотариусом с использованием формулы, содержащей completio (в форме γράψας ἐτελείωσα).³⁴³

Тем самым еще больше подчеркивается полное пренебрежение византийских нотариусов к предписаниям законов. Вполне возможно, что реальный смысл такого абстрактного понятия, как τελείωσις (а также его синонимов πλήρωσις, τέλεσμα, κομπλάτιον), ускользал от них (и еще больше от их клиентов!), и это понятие само собой вышло из употребления. Нотариус, таким образом, лишил себя единственной возможности придания авторитета своим действиям, так как никакого другого средства для этого, в том числе и своего личного нотариального знака (signum tabellionis), которым

---

³⁴³ Actes de Lavra. Т. 1. № 1. Р. 91; Actes d'Iviron. Т. 1. № 4. Р. 129. л. 79; № 5. Р. 134. л. 59; № 15. Р. 189. л. 54; № 26. Р. 243. л. 41. Поскольку completio практически означала подтверждающую подпись нотариуса, то, по мнению Зимона, следует принять, что позднее получившая распространение формула βεβαιῶν ὑπέγραψα и означала собой более позднюю completio. См.: *Simon. Kaufformular. S. 173.*

столь рано стал располагать его западноевропейский коллега, у него как будто не было.

Сказав это, мы тут же вспоминаем о том месте в Книге Эпарха, где говорится о церемонии назначения нового табулярия в секрете Эпарха соответствующим должностным лицом «посредством печати» (1, § 3: σφραγίδι τοῦτον προχειρίζεσθαι ἐν τῷ ἐπαρχικῷ σερκρέτῳ παρὰ τοῦ τὴν ἡγεμονίαν ἔχοντος). В латинском переводе Никола фразы передана так: *per sigillum (vel signum crucis), in tribunali praefecti a praeside tribunalis eligatur.*³⁴⁴ Но что сие значит? Чья печать и на каком документе она должна фигурировать? Должны ли мы предположить, что вновь избранный получал какой-то документ, скрепленный печатью эпарха? А если имелся в виду «знак креста» (слово σφραγίς вполне может означать и это), то кто его ставит и на каком документе? Может быть, прав М. Я. Сюзюмов, предположивший, что под словом σφραγίς могло пониматься вообще всякое утверждение в должности или звании, как, впрочем, и скреплена присяга крестным знаменем?³⁴⁵ Или, напротив, прав Даррузес, склонный видеть во σφραγίς печать табулярия, которую эпарх вручает кандидату, прошедшему испытания?³⁴⁶

³⁴⁴ Τὸ ἐπαρχικὸν βιβλίον: the Book of the Eparch, with an Introduction by J. Dujčev. London, 1970. P. 15. l. 15–17. Ср.: немецкий перевод И. Кодера: «durch Siegel soll er im Büro des Eparchen durch den Inhaber der Amtsführung bestellt werden» (Das Eparchenbuch Leons des Weisen / Hrsg. von J. Koder. Wien, 1991. S. 75. § 1.3).

³⁴⁵ Византийская Книга Эпарха. С. 114–115. Кстати, перевод данного отрывка М. Я. Сюзюмовым (С. 46: «После скрепления печатью клятвенных поручительств утверждение избранного производится в секрете эпарха» и т. д.) представляется весьма произвольным.

³⁴⁶ *Darrouzès J. Recherches sur les offikia...* P. 381.

Печати табуляриев (моливдовулы) действительно существовали в Византии.³⁴⁷ Так, известны печать императорского табулярия (βασιλικὸς ταβουλάριος) Феодора, датируемая 550–650 гг.;³⁴⁸ печать ипата и императорского табулярия Леонтия (VII в.);³⁴⁹ печать табулярия г. Авидоса Иоанна;³⁵⁰ печать табулярия Никифора (не датирована);³⁵¹ печать анфипата, патрикия постельничего, эконома Великой церкви и табулярия Василия (первая половина IX в.).³⁵² Особо отметим моливдовулы табуляриев, хранящиеся в составе богатейшей коллекции моливдовулов Государственного Эрмитажа: еще один экземпляр печати императорского табулярия Феодора (М 7657);³⁵³ печать императорского табулярия Григория (М 7404, датируется Шлюмберже VIII или IX в.);³⁵⁴ неизданные и неизученные печати «великого табулярия» (μέγας ταβουλάριος — М 7508) и просто табуляриев (М 7746, М 7769, М 7811), все без имени. Беда лишь в том, что в Византии (как и в Западной Европе, например в Италии) на частнопрововых

---

³⁴⁷ За помощь в их выявлении сердечно благодарю В. С. Шандровскую.

³⁴⁸ *Zacos G., Veglery A. Byzantine lead seals. Basel, 1972. Vol. 1. № 538. P. 468.*

³⁴⁹ *Ibid. № 914. P. 625.*

³⁵⁰ *Ibid. № 2805. P. 1611 (экземпляр «а»); экземпляр «в» издан: Konstantinopoulou K. M. Βυζαντιακά μολυβδόβουλα ἐν τῷ ἐθνικῷ νομισματικῷ μουσεῖῳ Ἀθηνῶν. Ἀθήνησιν, 1904. № 554. Σ. 255.*

³⁵¹ *Konstantinopoulou K. M. Βυζαντιακά μολυβδόβουλα... № 554а. Σ. 125.*

³⁵² *Laurent V. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin. Paris, 1963. T. V, 1 partie. № 53. P. 47.*

³⁵³ *Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. Paris, 1884. P. 598.*

³⁵⁴ *Ibid. P. 599.*

нотариальных актах никогда не бывает печатей, так что монотонная фраза «Следов печати не обнаружено», которая сопровождает все современные издания такого рода актов, представляется совершенно излишней и возбуждает желание задать издателям вопрос: «Разве вообще было возможно, чтобы к частному акту прикладывалась или подвешивалась печать?»³⁵⁵ Правда, дарственная 1023 (или 1038) г. из архива Зографского монастыря снабжена свинцовой печатью судьи Волерона, Стримона и Фессалоники, протоспафария Андроника,³⁵⁶ но, во-первых, ни об участии последнего в совершении акта, ни о его печати в тексте документа ничего не говорится и, стало быть, такая печать, по средневековым понятиям, не могла приниматься во внимание, являла собой *testis mutus*; во-вторых, сам протоспафарий и судья указанных фем Андроник — личность известная, его деятельность на этом посту датируется временем после 1044 г. и до 1049/50 г.,³⁵⁷ т. е. его печать не могла скреплять дарственную 1023 (или 1038) г. и была кем-то подвешена позднее.

---

³⁵⁵ В Древней Руси, впрочем, частные акты удостоверались печатями тех или иных представителей публичной власти, но, как кажется, не ранее конца XIII в., а в XIV в. появляется и упоминание о печатях в формулах корроборации частных актов. См.: *Каштанов С. М.* Древнерусские печати: Размышления по поводу книги В. Л. Янина // История СССР. 1974. № 3. С. 182, 183. То же самое наблюдалось и в средневековой Франции. См., например: *Мажуга В. И.* Грамоты XIII в. монастыря Бельруа: Архив ЛОИИ СССР АН СССР // Средние века. 1980. Вып. 43. С. 241, 242.

³⁵⁶ *Actes de Zographou*. P. 7. Cf.: *Saradi-Mendelovici H.* La ratification des actes privés byzantins par une autorité civile ou ecclésiastique // REB. 1988. T. 46. P. 169.

³⁵⁷ *Actes de Lavra*. T. 1. P. 221.

Не может изменить сложившегося у нас представления об отсутствии опечатания частных актов и то место из Пиры (14. 11), где содержится подробное описание процедуры распечатывания (ἀνασφραγιζομός) завещания, так как упоминаемые там σφραγίδες — это печати свидетелей, в то время как нет никакого упоминания о печати нотариев. «Продираясь» сквозь неясности текста,³⁵⁸ можно заключить, что у завещания различались внутренняя (ἔσωθεν τῆς διαθήκης) и внешняя (ἔξωθεν) стороны. Внутренняя сторона, содержавшая текст документа, оставалась скрытой в результате того, что документ, очевидно, был свернут в трубочку, ошнурован и скреплен печатями «первых» свидетелей, присутствовавших ранее при оформлении завещания и отсутствовавших сейчас при распечатании (имелись ли в подписях этих «первых» свидетелей необходимые упоминания об их печатях, не отмечено). Автор Пиры рассказывает, что магистр Евстафий призвал квестора, антиграфевсов, «нотариев» (τοὺς νοταρίους т. е., вероятно, секретарей канцелярии квестория, которых не следует путать с нашими нотариями — символеографами) и «других свидетелей» (специально подчеркнуто, что при процедуре не присутствовал ни один из свидетелей, подписавших завещание); «нотарии квестория» поместили (на чем именно, не указано) число, когда производилось распечатание, место, где это происходило, свидетелей, в присутствии которых они заседали, и свидетелей, сделавших пометы

---

³⁵⁸ Не удалось их преодолеть, мне кажется, и авторам имеющихся в литературе попыток интерпретации текста. См., например: *Липшиц Е. Э.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Л., 1981. С. 155; *Шандровская В. С.* Введение в византийскую сфрагистику // Романчук А. И., Шандровская В. С. Введение в византийскую археологию и сфрагистику. Екатеринбург, 1995. С. 56–57.

о своих печатях на (внешней стороне?) завещании (так мы интерпретируем слова *καὶ τοὺς μάρτυρας τοὺς γεγραμμένους σφραγίσιν ἐν τῇ διαθήκῃ*, ведь речь идет о действиях, которые предшествовали вскрытию документа, поэтому имена «первых» свидетелей, не будь они отмечены на внешней стороне, были бы еще неизвестны). Затем магистр разрезал шнур (*λίγανον*) вместе с печатями, зачитал весь текст документа (*ἢ πᾶσα ὑφ' ἧς γραφῆς*), после чего и была изготовлена копия — дубликат (*τὸ ἴσον*). Тогда же были сняты (букв.: сброшены) и печати «первых» свидетелей, скреплявших внутреннюю сторону завещания (так по смыслу мы интерпретируем слова *καὶ τότε ἐνεβλήθησαν καὶ πρῶται σφραγίδες ἔσωθεν ταύτης τῆς διαθήκης*), а с внешней стороны завещание перевязали другим шнуром вместе с низанными (на него?) печатями «первых» свидетелей. Документ скрепили печатями ныне приглашенные свидетели, причем каждый сделал помету о своей печати (так по смыслу интерпретируем слова *ἔγραψαν ἕκαστος ἐν τῇ σφραγίδι*), указав: «Печать моя, такого-то», чтобы было ясно, что он сам пометил свое имя. На внутренней же стороне документа они ничего не добавляли (*οὐχ ὑλείραν*, считаем предложенную Цахариэ конъектуру *ὕλεγραψαν* излишней). Наконец, завещание скрепил своей печатью (*ἐβούλλωσεν*) и квестор.

«Вещественным доказательством» действительности подобного способа оформления завещания является «открытое завещание» (*φανερὰ διατύπωσις*) Луки, игумена монастыря Св. Иоанна Продрома (Галеагра), от 1036 г. из архива Ивирского монастыря на Афоне. Это единственное завещание из всех, хранящихся в архивах афонских монастырей, которое было свернуто в трубку, ошнуровано и «опечатано»: на шнур были нанизаны печати четырех свидетелей, подписавшихся под текстом завещания, и еще трех, не оставивших своих подписей. Печати и шнуры в настоящее время

исчезли (по мнению издателей, они были сняты в момент вскрытия завещания), но на обороте документа писцом его были сделаны семь помет с упоминанием печатей и их владельцев. Пустоты в этих пометах указывают на те места, через которые проходили шнуры.³⁵⁹ Для нас в данном случае важно констатировать, что, как и в Пире, здесь также нет никакого упоминания о печати нотариуса, вернее, писца документа пресвитера Иакова, который один только и упомянут в клаузуле корроборации.

Более сложным на первый взгляд кажется случай с «мистическим» завещанием и дополняющим его «кодициллом» Христодула соответственно от 10 и 15 марта 1093 г. из архива Патмосского монастыря, составленными в Эврипе и сохранившимися в подлиннике.³⁶⁰ Дело в том, что они были подписаны и опечатаны не только свидетелями, но и тем лицом, которое писало тот и другой документы и которое в конце кодицилла, после подписей самого Христодула и свидетелей, подписалось следующим образом: «Георгий, ничтожный пресвитер и нотариус Эврипы (νοτάριος Εὐρίπου), писец, который сам, упрощенный (πρωταπεις) монахом кир Христодулом, подписал и скрепил печатью (ὁλέγραψα καὶ ἐσφράγισα), как писец и всего текста». Именно слово νοτάριος показывает, что писец документов не был профессиональным нотариусом (последний был бы назван или номиком, или табулярием, или символеографом, или табеллионом), что он, как многие свидетели, подписавшие завещание Христодула и скрепившие его своими печатями (они тоже называют себя

³⁵⁹ Actes d'Iviron. № 25. P. 239.

³⁶⁰ MM. Vol. 6. № 20 (1). P. 81–85 (Μυστική διαθήκη); № 20 (2). P. 85–90 (Κωδικέλλος); Βυζαντινά ἔγγραφα τῆς μονῆς Πάτμου: Α': Αὐτοκρατορικά / Ἔκδ. ὑπὸ Ε. Α. Βρανούση. Ἀθήνα, 1980. Σ. 5–8.

«нотариями»), относился к служащим канцелярии епископства Эврипа и в этом своем качестве, конечно же, располагал личной печатью (печати такого рода «нотариев» сохранились, как известно, в значительном количестве). За отсутствием по каким-то причинам на месте номика г. Эврипа к составлению завещания и кодицилла был привлечен «пресвитер и нотариус» Георгий, который, скрепляя кодицилл, воспользовался по примеру свидетелей своей печатью,³⁶¹ т. е. совершил действие, которое не допустил бы номик. Правда, он оговорился, что сделал это как «писец текста», а не как номик. Поэтому, если наша интерпретация верна, и этот случай не может рассматриваться как типичный. Да, но как быть с печатями табуляриев, о которых говорилось выше? Одно из двух: или эти печати не были инструментами нотариальной деятельности и использовались в других целях, или же речь шла о таких категориях табуляриев, которые не имели отношения к профессии нотариуса. Табуляриат как институт отличался, особенно на ранних стадиях развития, сложной и неоднородной структурой, допускал параллельное существование различных категорий лиц с совершенно различными функциями (например, табулярии как финансово-счетные чиновники при пресидях провинции, называемые также нумерариями (С. 12.49.2.4); чиновники, приставленные к канцелярским архивам с функциями, почти аналогичными функциям хартофилаков;³⁶² табулярии как *persona*

---

³⁶¹ Следует отметить, что и в этих дошедших до нас в подлинном виде документах следов самих печатей «нотариев» (в том числе и «нотария» Георгия) как будто не обнаружено (во всяком случае Эра Вранусси, описывая акты, ничего не говорит о самих печатях). Видимо, и они были сняты при распечатании документов.

³⁶² *Schlumberger G. Sigillographie... P. 598.*

publica, присутствие которой необходимо при некоторых юридических действиях, например при усыновлении, равно судебному акту и заменяет его³⁶³), но выступавших под одним названием. Это последнее предположение подтверждается как будто и тем, что в актах вообще не фигурирует такой встретившийся нам на печатях титул, как «великий табулярий» (μέγας ταβουλάριος), и лишь на одном из 1225 принятых нами во внимание актов (а именно на дарственной из архива Ватопедского монастыря, составленной в Фессалонике в 1405 г.) значится подпись «императорского табулярия» Димитрия Катавлаттаса, личности весьма загадочной и, как мы увидим далее, обвинявшейся в подделках.³⁶⁴

И еще одна констатация, что касается подписи нотариария: в ней, в отличие от западноевропейской нотариальной практики, самым решительным и последовательным образом отсутствует какая бы то ни было *absolutio* — ἀπόλυσις (ср. почти повсеместно в западноевропейских актах конечное *absolvi*). Как мы видели, считается (Амелотти, Зепос), что ἀπόλυσις в византийских актах перенесена в текст документа и встречается в конце «текста» или в разделе подписей контрагентов.

---

³⁶³ *Sachers E. Tabularius // PWRE. Stuttgart. 1932. Bd. 4. S. 1972.*

³⁶⁴ Документ с большим количеством ошибок был опубликован Аркадиосом Ватопединосом в журнале: *Gregorios Palamas. 1919. T. 3. P. 337–339. Cf.: Canivet P.—Oikonomides N. (Jean Argypoulos). La comédie de Katavlattas: Invective byzantine du XVe s. // Δίπτυχα, 1982–1983. T. 3. Σ. 12.* Отметим также, что титул βασιλικὸς ταβουλάριος появляется и в южноитальянских поствизантийских (савойского периода) актах (например, в Таранто): *Syllabus. № 269–270. P. 370–371; № 281. P. 387–388; Falkenhausen V. von, Amelotti M. Notariato e documento... P. 32.*

Следовало бы уточнить, во-первых, что подобная формула действительно появляется во многих византийских частноправовых актах, но в замещение клаузулы корроборации и на ее месте. Пожалуй, только один акт можно было бы указать, где эти две клаузулы соседствуют, возможно, по незнанию правил обе внесенные в текст писцом акта.³⁶⁵ Обычно же формуляр акта четко разграничивает: или клаузула корроборации с упоминанием писца и нотария, или же клаузула ἀπόλυσις, причем обе клаузулы появляются в актах примерно с одинаковой частотностью. Во-вторых, есть ли тут полное тождество с тем, что понимается под absolutio — ἀπόλυσις? Ведь глагол ἀπολύειν (= absolvere) в той клаузуле византийских актов, которую мы имеем в виду, отсутствует, он заменен на глагол ἐπιδίδομι, который лишь предположительно синонимизируется с первым,³⁶⁶ выступая в форме пассивного сказуемого (ἐπεδόθη) к подлежащему, которым является сам акт. Субъектом действия при этом подразумевается сторона, выпускающая акт, и поскольку глагол ἐπιδίδομι выступает здесь к тому же в паре с глаголом γίγνομαι,

---

³⁶⁵ Речь идет о купчей 1301 г. из архива Эсфигменского монастыря, составленной уже упоминавшимся иереем и номиком епископства Иериссу Димитрием и поражающей несовершенствами и искажениями не только языка и орфографии, но и формуляра. См.: Actes d'Esphigménou. № 10. P. 79–80).

³⁶⁶ Обычно указывают при этом на концовку «ипомнимы» патриарха Исаяи от 1324 г., где вместо обычной ἐπεδόθη употреблен глагол ἀπελύθη. См. издание «ипомнимы»: Das Register des Patriarchats von Konstantinopel / Hrsg. H. Hunger und O. Kresten. Wien, 1981. 1. Teil. № 80, S. 476. Z. 105. Cf: Dölger F. Zur mittelalterlichen Privaturkunde // Byzantinische Diplomatie. Ettal, 1956. S. 342. Anm. 5; Hunger H. Zwei Urkunden. S. 303, Anm. zur Z. 27.

то вся формула принимает следующий вид: «Акт (или заменяющие его слова и обозначения) совершен и передан (ἐγένετο καὶ ἐλεδόθη) тебе и твоей стороне (т. е. контрагенту, причем вместо дательного падежа может употребляться аккусатив с предлогом εἰς) для надежности (εἰς ἀσφάλειαν, могут добавляться еще слова καὶ δῆλωσιν или καὶ βεβαίωσιν)». ³⁶⁷ Смысл клаузулы, таким образом, предельно ясен: сторона, отчуждающая свою собственность и выпускающая по этому поводу соответствующий документ, заявляет о совершении последнего и о передаче («отпуске») его своему контрагенту-правопреемнику. Логически это последнее действие автора или авторов документа, а все последующие элементы эсхатокола (подписи свидетелей, писца и нотариуса) удостоверяют не только факт юридической сделки и совершения документа, но и факт «отпуска» последнего, чему не противоречит и то (в этом мы полностью согласны с Амелотти), что, будучи последним, кто подписывал акт, на практике именно нотариус вручал совершенный документ заинтересованной стороне. Насколько верно это соответствовало духу Юстинианова законодательства и кто адекватнее понял смысл распоряжения С. 4.21.17 с его пресловутым и двусмысленным *partibus* — византийцы ли, отдавшие инициативу *absolvere* стороне, выпускающей документ, или западноевропейцы, закрепившие ее за нотариусом, сказать трудно. Возможно, что конституция

---

³⁶⁷ Знание этой стандартной клаузулы делает весьма легкой задачу реконструкции испорченной и лишь частично и неверно прочитанной Шрайнером фразы из изданной им купчей 1388 г.: τοῦ παρόντος πατριῆου τοῦ γεγονότος ἐξ ἐπιτροπῆς ἡμετέρας καὶ ἐπιδοθέντος σοὶ κυρῶ Ἰωάννη Ἀγγέλω τῷ Ἐξωτρόχῳ καὶ παντὶ τῷ μέρει εἰς τὴν περὶ τούτου βεβαίωσιν καὶ ἀσφάλειαν (Ср.: *Schreiner P. Zwei Urkunden. № 1. S. 189. Z. 19–21*).

Юстиниана вообще имела в виду архаическую форму двустороннего римского документа с двойным текстом,³⁶⁸ вышедшую из употребления и вызвавшую непонимание относящегося к ней распоряжения, — непонимание, послужившее питательной средой для зарождения двух различных концепций «отпуска» документов — византийской и западноевропейской.

Вообще говоря, если исключить подпись нотариуса под актом, то круг его прав и обязанностей, связанных с совершением нотариальных действий, почти никак не отражен в самом акте, остается, так сказать, за кадром. Лишь иногда в клаузуле корроборации вскользь упоминается о том, что текст (ῥφος) был «зачитан»³⁶⁹ и «растолкован» нотариусом или другим должностным лицом, выступающим в роли такового (например, в купчей 1193 г. из архива Патмосского монастыря: «после зачитания нам его и разъяснения со стороны приглашенного нами табулярия мы поставили сверху честные кресты; текст же писан по нашему поручению рукой Михаила Лименита, иерея и табулярия о. Крит»).³⁷⁰ Последнее из указанных действий — «растолковать», «разъяснить» текст (т. е. опять же разъяснить содержание акта, права и обязанности контрагентов, юридические последствия сделки, оказать помощь юридически неосведомленным и т. д.) — выражалось всегда глаголом ἐρμηνεύειν или ἐφερμηνεύειν

---

³⁶⁸ Dölger F. Zur mittelalterlichen Privaturkunde. S. 344. О такого рода документах см.: *Talamanca M.* Documentazione e documento (Diritto romano)// *Enciclopedia di Diritto*. 1964. Т. 13. P. 548 segg.; *Amelotti M., Costamagna G.* Alle origini del notariato... P. 6–7.

³⁶⁹ ММ. Vol. 6. № 34. P. 126; Cf.: № 37. P. 136; Vol. 4. № 9. P. 312.

³⁷⁰ ММ. Vol. 4. № 20. P. 69; Actes de Chilandar. № 69. P. 158; № 89. P. 191.

в форме пассивного причастия к ὄφος или к другим словам, обозначающим самый документ.³⁷¹ Сколь важное значение придавалось этим действиям, мы почти случайно узнаем из тех актов, составители которых по каким-то соображениям решили все же не ограничиваться стандартным формуляром, а ввести в структуру акта раздел narratio и рассказать вкратце о перипетиях оформления сделки. Так, в уже упоминавшейся купчей 1112 г. из архива Дохиарского монастыря о продаже приданого говорится, что продавцы — супруги Расополы (Евдокия и ее муж протоспафарий Стефан), — чтобы не было никакого предлога к опротестованию сделки, пригласили (προσεκαλεσάμεθα) табулярия Николая Кондопавла, «который, — говорят продавцы, — детально растолковал (ἐφημήνευσεν) нам всю юридическую силу (πίσταν τὴν δύναμιν) настоящего акта. Так что если кто-либо из нас двоих когда-либо скажет, что документ был нам прочитан, но мы его не поняли, — пусть нас не слушают».³⁷²

Еще более показателен другой дохиарский документ — меновная 1117 г., согласно которой проэдр Никифор Вурцис и его жена Анна уступают Дохиарскому монастырю половину проастия Росеон в обмен на семь лавок со двором в Фессалонике.³⁷³ «По закону, — говорит Вурцис, явно имея в виду В. 22.4.8 и соответствующую схолию, § 3, — я должен был бы пригласить другого (в смысле «второго». — И. М.) табеллиона с тем, чтобы он разъяснил содержание настоящего письмен-

---

³⁷¹ Поэтому оставлять в издании купчей 1301 г. из архива Эсфигменского монастыря чтение τοῦ ὄφ(ου)ς ἐρμηνευθ(έν), как это сделал Лефор (причем без всяких пояснений в критическом аппарате), было нельзя, только ἐρμηνευθ(έντος)! См.: Actes d'Esphigménou. № 9. P. 75. l. 27.

³⁷² Actes de Docheiariou. № 3. P. 72. l. 69–70.

³⁷³ Ibid. № 4. P. 82–88.

ного акта, так как я малограмотен и неопытен в том, что касается письменных документов. Но я внимательно прочитал этот акт, хорошо понял все содержащиеся в нем клаузулы (τὰ ρητά) и, ни в чем из этого не сомневаясь и не нуждаясь в каком-либо разъяснении, признаю, что отныне у меня нет и не будет права раскаяться в отношении чего бы то ни было или поставить под сомнение под предлогом того, что это мне не было разъяснено другим табеллионом». ³⁷⁴ Думаю, можно не сомневаться, что Никифор Вурцис рассчитывал таким образом сэкономить на «другом табеллионом», однако это ему не удалось, как можно понять из заявления его жены Анны, тут же приведенного писцом акта, о том, что она как неграмотная (ἀγράμματος) подробно проконсультирована (ἐπιτηρείσα) о юридической силе настоящей меновой «другим табеллионом», а именно клириком Великой церкви табулярием Константином Влизимой. ³⁷⁵ И еще далее, уже в постскриптуме, она отказывается от права ссылаться на закон, который запрещает продажу владений из предбрачного дара во время брака, ибо настоящая сделка — это не продажа, а обмен, совершенный к тому же в интересах ее стороны; в конце Анна подчеркивает, что все это также было подробно разъяснено ей приглашенным и вышеназванным табулярием. ³⁷⁶ По-видимому, монахи Дохиара (одна из договаривающихся сторон), обеспокоенные решением самого Вурциса не приглашать табеллиона-«герменевта» и опасаясь, что из-за этого договор будет уязвимым, настояли на том, чтобы супруга была тоже привлечена к сделке, и поскольку она была полностью неграмотна, Вурцисам в конце концов пришлось прибегнуть к услугам второго табулярия.

---

³⁷⁴ Actes de Docheiariou. № 3. P. 86. l. 61–64.

³⁷⁵ Ibid. l. 70–71.

³⁷⁶ Ibid. P. 87. l. 86–91.

Акт, таким образом, самой своей структурой отражает различные этапы заключения и удостоверения сделки: между заявлением Вурциса и заявлением его жены должно было пройти какое-то более или менее продолжительное время, в течение которого предприняли свой демарш монахи Дохиара, был приглашен второй табулярий, выполнивший свои профессиональные обязанности, и даже сам Вурцис за это время повысился в чине (в начале акта, вернее, в протаксисе, он обозначен как магистр; в тексте же акта он уже проэдр, жена — проэдрисса³⁷⁷). Курьез в том, что составитель акта не зачеркнул начало документа, уже не соответствующее ходу дела, не выбросил его в корзину и не засел за новый акт, а продолжил старый с учетом происшедших за это время изменений.

И еще один, последний, пример на эту тему. По поручению уже упоминавшегося Никиты Сотирюта (οἰκείου императрицы Анны Савойской и протонотария) в 1373 г. рукой клирика Иоанна Сгуропула была написана интересная и сложная по содержанию купчая (хранится в архиве Дехиарского монастыря³⁷⁸), согласно которой великая domestikissa Анна Кантакузина Палеологина (с согласия своего мужа, великого domestika Димитрия Палеолога) продает Дохиару свое приданое — владение Марианну — за 600 иперпиров и гарантирует, что сделка не будет опротестована монахами соседнего Ватопедского монастыря со ссылкой на право предпочтения или «чего-либо иного». Для этого Анна прибегает даже к «юридическому шантажу», зафиксированному купчей. Дело в том,

---

³⁷⁷ По мнению Иконоmidиса, Вурцис написал свой протаксис тогда, когда он был еще магистром, а акт как таковой был оформлен позднее, когда он получил повышение в чине (Actes de Docheiariou. № 3. P. 77).

³⁷⁸ Ibid. № 42. P. 237–240.

что в составе проданного дохиаритам владения находилась мельница одного парика (μύλων παροικικός), собственником которой была Анна и ее семья. Незадолго до этого монахи Ватопедского монастыря добились от ее мужа, великого доместика, акта, делающего их собственниками этой мельницы (кстати, в нарушение закона). Анна, которая является ее подлинной собственницей (ἡ ἀληθῆς κυρία), не возражает против этого, но при условии, что и ватопедцы признают настоящий акт и никогда не станут беспокоить дохиаритов. Если же монахи Ватопедского монастыря попытаются причинить вред дохиаритам, то Анна заявляет, что акт о мельнице будет аннулирован, дохиариты получат ее в полную собственность, возместив ватопедцам сумму, которую те заплатили. «Ибо если я и расписалась в акте, — говорит Анна, явно имея в виду не дошедший до нас акт продажи мельницы Ватопеду, — то сделала это, будучи введена в заблуждение и застигнута врасплох, не получив соответствующего объяснения и не наученная никем, в отличие от того, что сейчас было сделано в отношении этой купчей».³⁷⁹

Из этих примеров мы видим, что юридическая помощь (βοηθία βουλή), оказывавшаяся «вторым» табулярием отдельным гражданам и целым учреждениям (монастыри) путем дачи квалифицированных консультаций по смыслу заключавшихся договоров и сделок, разъяснения юридической силы акта, его содержания, всех возможных правовых последствий, вытекавших из факта подписания акта, была одной из важнейших среди прочих его профессиональных действий. По существу, она рассматривалась в качестве предпосылки законности сделки и самого документа, а ее отсутствие могло послужить основанием для пересмотра сделки

³⁷⁹ Actes de Docheiariou. № 3. P. 239. l. 51–53.

и аннулирования акта. Нотариальное делопроизводство шло иногда извилистыми путями, порой на грани нарушения закона, редко укладываясь в рамки, предписанные законодательством. Византийские нотариусы, самый массовый отряд юристов-практиков, выполняли важную работу, удовлетворяя потребность общества, всего населения империи, в осуществлении его прав и законных интересов.

Табеллионатный документ представляется доминирующим типом частноправового акта уже в ранневизантийскую эпоху, а в период, от которого до нас дошла основная масса частных актов, т. е. от X–XV вв., ему по существу нет альтернативы. Действительно ли он «не имеет ничего общего с публичностью»?³⁸⁰ Конечно, если связывать *fides publica* с отправлением государственной и прежде всего судебной власти, носителей которой отличало обладание печатью (так было, по-видимому, в Европе вплоть до XII в.), то в этом смысле *fides publica* не была свойственна византийскому нотариату и тогда нужно было бы ставить вопрос об отсутствии нотариата в Византии вообще, ибо *fides publica* — ключ нотариата.³⁸¹ Но если под этим понятием иметь в виду достоверность документа, его удостоверительную силу (ибо, как и на Западе, византийский табеллионатный документ может быть определен как *instrumentum publice confectum*, не будучи, однако, публичным документом), то тогда придется признать, что и византийскому нотариату была присуща *fides publica*.

---

³⁸⁰ Dölger F. Zur mittelalterlichen Privaturkunden. S. 341. Anm. 4.

³⁸¹ Costamagna G. Il notaio a Genova tra prestigio e potere. Roma, 1970. P. 7–32; Cf.: Il notaio nella civiltà fiorentina (secoli XIII–XIV). Firenze, 1984; Il notariato nella civiltà toscana. Roma, 1985.

Вопреки Шереметису,³⁸² мы полагаем несомненным, что византийский нотариус не достиг того высокого положения в обществе, которое его, скажем, итальянскому коллеге обеспечивала *fides publica*, основанная прежде всего на том, что выданный им документ можно было сверить по книге имбревиатур. Византийский частноправовой акт, скорее, объединял черты как западноевропейской средневековой грамоты, подлинность и надежность которой гарантировались наличием подписей автора акта и свидетелей, а также процедурой *traditio cartae*, так и *instrumentum* итальянских городских коммун, юридическая действительность которого создавалась исключительно участием нотариуса, и, может быть, именно поэтому он отнюдь не был чужд публичности, обладая всеми свойствами полноправного средства доказательства в случае судебного разбирательства (см. ниже). Византия не родила своего Роландино Пассаджери, в ней не было детально разработанной теории нотариата, нотариального права, но ведь в конце концов у каждого общества свои представления о публичном доверии (на Руси, например, вообще не было никаких нотариусов),³⁸³ об удовлетворении потребностей в документах, оформлявших юридические сделки.

---

³⁸² *Seremetis D. G. The notarios in the byzantine society // The 17-th International Byzantine Congress: Abstracts of Shot Papers. Washington, 1986. P. 315–317.*

³⁸³ Лишь с середины XVI в. на Руси зародился весьма своеобразный институт площадных подъячих, выполнявший (до конца XVII в.) некоторые нотариальные функции в соответствовавших, конечно, тому времени формах. См.: *Злотников М. Ф. Подьячие Ивановской площади: К истории нотариата Московской Руси // Сб. статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С. 82–130.*

Институт свидетелей

Известная незрелость византийского нотариата по сравнению с западноевропейским явствует, помимо всего прочего, еще и из той огромной роли, которую при заключении сделок и их документальном оформлении играл институт свидетелей. Если в Западной Европе начиная с XII в. повышение статуса нотариия и авторитета нотариального акта как такового привело к упадку значения института свидетелей и к почти повсеместному исчезновению свидетельских подписей из акта³⁸⁴ (хотя в самом тексте акта присутствие свидетелей отмечается всегда), то в Византии частноправовой (и в том числе нотариальный) акт до самого конца получал силу не столько от участия нотариия, который составлял акт, сколько от присутствия свидетелей, которые акт подписывали и в случае спорности акта могли снова подтвердить его главнейшие части перед судьей. Большое внимание институту свидетелей уделяло, как мы видели, законодательство, определявшее как количественный, так и качественный состав свидетелей; не меньшее внимание уделялось ему и в практической деятельности византийских юристов, в частности нотариев.

Структурой акта предусматривалась специальная клаузула упоминания «подписавшихся ниже свидетелей», в присутствии которых (παρουσία, ἐνώπιον, реже — ἐπ' ὄψεσιν³⁸⁵) была совершена уплата цены. Эта древняя

---

³⁸⁴ Образцы латинских актов IX – начала XII в. со свидетельскими подписями см.: *Amelotti M., Costamagna G. Alle origini del notariato... Tav. IV–VI; Casamassima E. Scrittura documentaria dei «Notarii», e scrittura libraria nei secoli X–XIII: Note paleografiche // Il notariato nella civiltà toscana. Roma, 1985. Tav. I–VII.*

³⁸⁵ Именно это редкое словосочетание рекомендовано формуляром: *Simon D. Ein spätbyzantinisches Kaufformular //*

формула, фигурирующая еще в папирусах начиная с VI в. (например, папирусы С. Masp. 67126. 15; SB. 5175. 10),³⁸⁶ по своей функции относится к клаузуле корроборации, хотя чаще всего и оторвана от последней, помещаясь обычно после даты, непосредственно перед свидетельскими подписями, но иногда примыкая вплотную к клаузуле уплаты цены.³⁸⁷ Стандартная формулировка «в присутствии нижеподписавшихся свидетелей», наличествующая в подавляющем числе актов, иногда варьируется, и эти вариации — не без некоторого значения. Так, причастие *ὄλογραψάντων* заменяется на *καθ-*, *παρ-*, или просто *εὐρεθέντων*, и это отражает то обстоятельство, что упомянутые свидетели, по видимому, случайно оказались в то время и в том месте, когда и где составлялся акт³⁸⁸ (особенно ясно это значение видно по вазелонским актам, где оно подчеркнуто глаголом *τυχόντων*, например в купчей 1245 г.: *κατὰ μαρτυρίας τῶν ἐκεῖσε τυχόντων*³⁸⁹). Введение же клаузулы в купчей 897 г. из архива Лавры в форме *παρασκευάσαντες καὶ μάρτυρας ἐν αὐτῇ καθυποσημήνασθαι*³⁹⁰ или в калабрийском акте 1036 г. в форме *παρακαλέσαντος δέ μου καὶ*

Flores legum, H. J. Scheltema groningano oblati. Groningen, 1971. S. 158. Z. 20.

³⁸⁶ Ibid. S. 165.

³⁸⁷ См., например: Actes de Lavra. Т. 3. № 143. P. 92. l. 10–12.

³⁸⁸ Ibid. Т. 1. № 19. P. 154. l. 27; № 20. P. 160. l. 78; № 22. P. 167. l. 25; Actes d'Iviron. Т. 1. № 14. P. 185. l. 35; № 15. P. 189. l. 44; № 19. P. 207. l. 6; № 22. P. 224. l. 36; *Vranousi E. Δύο ανέκδοτα ἀφιερωτήρια ἔγγραφα ὑπὲρ τῆς μονῆς Θεοτόκου τῶν Κριβιτζῶν (Γ' – ΙΔ' αἰ.) // Σύμμεικτα*, 1981, Т. 4. Σ. 28–29.

³⁸⁹ Вазелонские акты. № 49. С. 27. Строка 32; Cf.: Syllabus. № 193 (а. 1179). № 178 (а. 1171): *ἐμπαρουσία, καὶ ἐπόψεσιν τῶν ἐντυχόντων ἀξιολίσιτων...*

³⁹⁰ Actes de Lavra. Т. 1. № 1. P. 90. l. 30–31.

ἀξιολογοῦς μάρτυρας³⁹¹ ясно показывает, на ком лежала обязанность обеспечения необходимых свидетелей, — на самих авторах (или авторе) акта. Иногда, помимо общего указания на присутствие свидетелей, в клаузулу вводятся и конкретные имена свидетелей, не обязательно всех (но в последнем случае может следовать приписка «и многих других»³⁹²).

Далее идут собственноручные подписи свидетелей, сформулированные в субъективной форме: «Я, такой-то, свидетельствуя, собственноручно подписал». Кроме этих обязательных элементов,³⁹³ свидетели часто считали нужным заявить, что они присутствовали при заключении сделки, путем введения в свою подпись причастия *παρών*, иногда с обозначением вида сделки или типа акта в дательном падеже, а в меновой 1117 г. из архива Дохиарского монастыря семь свидетелей (члены солунского клира) заявляют (все по одному шаблону, вероятно, каждый копировал подпись предыдущего коллеги), что они присутствуют при обмене недвижимостями и при уплате 50 иперперов цены.³⁹⁴

---

³⁹¹ Actes de Dannoso. № 2. P. 32. l. 25–26.

³⁹² Вазелонские акты. № 49. С. 27, строка 32; Actes de Zographou. № 19. P. 45. l. 51; Actes de Lavra. Т. 3. № 143. P. 92. l. 12.

³⁹³ Впрочем, есть немало подписей, в которых свидетели считали достаточным сообщить свое имя и положение: Actes d'Iviron. Т. 1. № 14. P. 185 (первые 3 свидетеля из 9); № 22. P. 224 (из 7 свидетелей лишь один отметил, что он «собственноручно подписал»); Actes de Docheiariou. № 47. P. 252 (свидетель Мануил Касандрин); и т. д.

³⁹⁴ Actes de Docheiariou. № 4. P. 88. Один из 7 свидетелей, подписавших купчую 1097 г. из архива Лавры, а именно Иоанн Арменис, также счел нужным отметить, что он присутствовал при даче 45 номисм цены, см.: Actes de Lavra. Т. 1. № 53. P. 278. l. 39.

В количественном отношении чаще всего встречаются 5 и 7 свидетелей, но немало и других чисел (6, 9), причем с тенденцией к увеличению. Создается впечатление, что считалось: чем больше свидетелей, тем лучше.³⁹⁵ Избыточное количество свидетельских подписей демонстрирует, например, дарственная 1274 г. из картулярия Лемвиотиссы, которую, помимо писца и табулярия Алексея Маруллы, подписали 10 высокопоставленных сановников Смирнской митрополии, 7 свидетелей поставили свои сигноны, да еще на обороте акта есть подпись митрополита Смирны и еще одна скрепа табулярия.³⁹⁶ Аналогичную «субскрипционную инфляцию» наблюдаем мы и в других актах, например в купчей 1030 г. из архива монастыря Св. Пантелеймона на Афоне, которую подписали 12 свидетелей (все монахи и игумены афонских монастырей, из которых только один употребил формулу — «свидетельствуя, собственноручно подписал»);³⁹⁷ в меновой 982 г. из архива Ивирского монастыря, подписанной 10 свидетелями (собственно говоря, подписей под актом 16, но из них 6 подписей принадлежат не свидетелям, а авторам акта, каждый из которых отмечает, что он, «прочитав написанный текст, собственноручно проέταξα και υπέταξα»),³⁹⁸

---

³⁹⁵ Меньшее число свидетелей (например, 3) обычно встречается в актах, сохранившихся в копиях или в картуляриях, поэтому всегда возникает подозрение, что их редакторы опускали подписи. См., например: Вазелонские акты. № 52. С. 29; № 64. С. 39 (в последнем акте — купчая 1259 г. — отмечено, что он составлялся вообще в присутствии одного свидетеля, подпись которого к тому же опущена. Но ведь *unus testis — nullus testis*, по средневековым представлениям!).

³⁹⁶ MM. Vol. 4. № 49. P. 106–109.

³⁹⁷ Actes de Saint-Pantéléemôn. № 1. P. 30.

³⁹⁸ Actes d'Iviron. T. 1. № 5. P. 134.

в дарственной 1101/02 г. из архива Лавры, подписанной 12 свидетельскими подписями;³⁹⁹ и т. д.

Чаще всего свидетелями выступают духовные лица, но также миряне, среди которых следует прежде всего отметить родственников и соседей: в тех случаях, когда право предпочтения не было ими использовано, они зачастую выступали в качестве свидетелей совершавшейся сделки, выражая свое согласие на отчуждение собственности.⁴⁰⁰ Среди свидетелей часто фигурируют высокопоставленные персоны, представители высшей гражданской и церковной администрации, и поскольку, расписываясь, они всякий раз тщательно указывают свои звания и должности, акты становятся ценнейшим источником по просопографии и администрации. Участие должностных лиц иногда особо оговаривается и в клаузуле, они как бы выделяются из общего числа свидетелей. Так, в дарственной 1101/02 г. из архива Лавры говорится, что она совершается «в присутствии святейшего прота и нижеподписавшихся свидетелей» (действительно, список 12 свидетельских подписей начинается подписью прота св. Горы Косьмы, который отметил только, что *ὁλέγραψα*, не употребив слова *μαρτυρῶν*, впрочем, из остальных 11 свидетелей только двое употребили слово *μαρτυρῶν* в своих подписях);⁴⁰¹ в дарственной 1291 г. монастыря Лемвиотиссы сказано, что сделка совершена «в присутствии достойных доверия местных архонтов» (поскольку редактор картулярия опустил свидетельские подписи, нам неизвестно, какие именно «архонты» имеются в виду);⁴⁰²

---

³⁹⁹ Actes de Lavra. Т. 1. № 54. Р. 281.

⁴⁰⁰ Вил Ю. Я. Право предпочтения в поздневизантийской деревне // ВВ. 1984. Т. 45. С. 226–227 (здесь же указание источников, прежде всего вазелонских актов).

⁴⁰¹ Actes de Lavra. Т. 1. № 5. Р. 281.

⁴⁰² ММ. Vol. 4. № 72. Р. 140.

дарственная 1381 г. из архива Дохиарского монастыря была совершена «в присутствии архонтов Мануила Девлицина, Георгия Ангела и Мануила Касандрина, которые и расписались как свидетели (других подписей нет);⁴⁰³ при совершении купчей на ветряную мельницу (1436 г.) сделка получает особый вес от присутствия «всесвятейшего митрополита Кизикского и экзарха всего Геллеспонта» Митрофана.⁴⁰⁴ В качестве таких «архонтов» часто присутствуют при изготовлении документов, оформляющих частные сделки, такие церковные чины, как проты Афона, игумены монастырей, скевофилаки, протэкдики, великие экономы, иеромнимоны, девтеревоны и т. д., а из светских — спарокаandidates (примеры бесчисленны). При этом, как уже заметила Арвейлер, порядок подписей и упоминания сановников в документах отражают иерархию церковных должностей и санов: как правило (которое, впрочем, не без исключений), они подписывались или упоминались в актах в соответствии с их иерархическим рангом; случалось, правда, что престарелые священнослужители подписывались раньше своих настоятелей, когда среди них не было большой разницы в ранге.⁴⁰⁵ Если же под актом подписывались и духовные лица и миряне, обычно (и это правило было не без исключений) сперва расписывались свидетели духовного состояния. Один только пример: мировую 982 г. из архива Ивирского монастыря подписали, не считая писца, 10 свидетелей в таком порядке: епископ Иерисоса Феодот (он, кстати, употребил не обычный глагол *ὠλέγῃσασα*, а более торжественный *ὠλεσημίναμεν!*), игумен

⁴⁰³ Actes de Docheiariou. № 47. P. 252.

⁴⁰⁴ *Hunger H.* Zwei byzantinische Urkunden. № 1. S. 300. Z. 19–20.

⁴⁰⁵ *Ahrweiler H.* L'histoire et la géographie... P. 103. N. 173.

Лавры Афанасий, игумен Даниил, монах Дорофей, игумен Петр Калиукас, «царский спафарокандидат, назначенный турмархом» Николай, некий Димитрий сын Ламари (по-видимому, мирянин), игумен Кирилл, спафарокандидат Кириак Катава, некий Павел сын Феофана (без сомнения, тоже мирянин).⁴⁰⁶

Известно, что именно участие (помимо писца и нотариария) должностных лиц, большей частью церковных «архонтов», а также и светских (например, судей и местных стратигов в южноитальянских актах),⁴⁰⁷ в совершении актов, когда они наряду с автором документа и официальными свидетелями тоже ставят свою подпись в эсхатоколе, побудило Феррари выступить с предположением о связи этого явления с практикой совершения *instrumentum publicum* по римскому праву, реализуемого путем его инсинуации в *gesta municipalia*.⁴⁰⁸ Однако, еще раз проанализировав доступный нам материал, мы склонны присоединиться к точке зрения Фалькенхаузен и Амелотти, что такого рода лица

---

⁴⁰⁶ *Actes d'Iviron*. Т. 1. № 4. Р. 128–129. Тут же укажем в качестве исключения гарантийный акт 1008 г. из архива Лавры, где список семи свидетелей начинается спафарокандидат, а продолжают пресвитер, диакон, анагност и др. (*Actes de Lavra*. Т. 1. № 14. Р. 138), а также дарственную 1016 г. из этого же архива, в которой также сначала подписались светские свидетели (спафарокандидаты), а за ними — клирики (*Ibid.* № 20. Р. 160–161).

⁴⁰⁷ В мельфитанских конституциях 1231 г. это санкционировано государством: Фридрих II создает институт судей, официально назначаемых центральной властью для участия в сделках (*iudices ad contractus* = κριταὶ ἐπὶ τῶν συναλλαγμάτων): *Falkenhausen V. von, Amelotti M. Notariato e documento...* Р. 59.

⁴⁰⁸ *Ferrari G. I documenti greci...* Р. 15 ss., 83 ss.

упоминаются в тексте актов и затем расписываются «как нормальные свидетели», хотя, может быть, и наиболее желанные, более «достойные доверия» и авторитетные, так как принадлежат к местной чиновной знати, гражданской и церковной.⁴⁰⁹ Именно поэтому им отдается предпочтение и оказывается особое уважение путем выделения из общего числа свидетелей. Но это уже имеет, скорее, моральное, нежели юридическое, значение. Что же касается *insinuatio* частных-правовых актов *ad gesta municipalia*, то этот институт, исчезнув в Византии еще в VI в. вместе с исчезновением городских архивов и других муниципальных институтов, отсутствовал в византийской юридической практике вплоть до самого конца империи.⁴¹⁰

И еще одно: выше мы имели возможность убедиться, что новелла Ирины, определяя различные категории свидетелей, «достойных доверия», исходила прежде всего из их социального статуса, а не из культурного уровня. Лев VI своей 43-й новеллой также прямо и недвусмысленно предписывал, что «как в сельской местности, так и в городах завещания (а значит, и все прочие частные акты. — *И. М.*) могут быть скреплены и неграмотными свидетелями, лишь бы их образ жизни свидетельствовал о том, что они достойны доверия».⁴¹¹ Надо сказать, что юридическая практика буквально следовала этим предписаниям: среди сви-

---

⁴⁰⁹ *Falkenhausen V. von, Amelotti M.* Notariato e documento... P. 60.

⁴¹⁰ *Saradi-Mendelovici H.* L'enregistrement des actes privés (*insinuatio*) et la disparition des institutions municipales au VIe siècle // *Cahiers des études anciennes*, 1988. T. 21. P. 117–130.

⁴¹¹ *Les nouvelles de Léon VI Sage* / Ed. P. Noailles et. A. Dain. Paris, 1944. P. 177.

детелей действительно встречается много и малограмотных, и просто неграмотных. Последние в таких случаях ограничивались собственноручной постановкой креста, а расписывался за них от их лица или писец акта, или один из грамотных свидетелей, что всякий раз оговаривалось следующей формулой: «Я, такой-то, присутствуя при такой-то сделке, свидетельствуя, подписал (честной) крест собственноручно, текст же (τὸ δὲ ὕφος) — рукой такого-то» или «...честной крест и имя мое собственноручно, остальное — рукой такого-то».⁴¹²

Особого внимания в этом смысле заслуживает всплывший в рамках круглого стола на конференции по греко-византийской палеографии (Париж, октябрь 1974 г.) спор о письме «олигограмматов» (малограмотных) на материалах их свидетельских подписей в актах XI–XV вв. Андре Гийу, в частности, оперируя актом из архива Ватопедского монастыря на Афоне, воспроизводит факсимильно и публикует 31 свидетельскую под ним подпись (все «монахи и игумены»), из которых 14 выполнены унциалом.⁴¹³ Был сделан общий вывод, что унциалом расписались «олигограмматы». Однако внимательное ознакомление с унциальными

---

⁴¹² См., например: Actes de Lavra. Т. 1. № 14. Р. 138. l. 36, 37; № 53. Р. 278. l. 39; Actes d'Iviron. Т. 1. № 4. Р. 129. l. 75, 77; № 5. Р. 134. l. 45; № 11. Р. 175. l. 38; № 13. Р. 182. l. 40, 41; etc. Наиболее разительным является случай с Филиппом Мессинским и Иоанном Сфамменосом из греческих местечек Рокка и Мавроианнис (район Рометты), которые сознаются в неумении писать и довольствуются тем, что ставят крест, прося священника Андрея поставить формулу, изобличающую их невежество (Actes de S. Maria di Messina. № 6. Р. 32).

⁴¹³ La paléographie grecque et byzantine. Paris, 1977. Р. 529–531.

свидетельскими подписями как этого акта, так и других, нам известных,⁴¹⁴ заставляет нас усомниться в общезначимости этого вывода; ведь их орфография, как правило, ничем не уступает орфографии минускульно-курсивных подписей. Не имеем ли мы здесь дело с элементарными попытками удовлетворить существовавшее в те времена (как, впрочем, и сейчас) требование «читабельности» подписи (ср. нередко встречающееся и ныне требование заполнять какой-либо бланк «печатными буквами»), что имело важное значение в случае судебного разбирательства, ибо позволяло апеллировать как к свидетелям, так и к автору документа, чтобы гарантировать его подлинность? В пользу этого говорит как будто и нарочитая читабельность минускульных подписей.

---

⁴¹⁴ Actes de Lavra. T. 1. Pl. IV. № 9; Pl. VIII. № 13; Pl. IX. № 14; Pl. XI. № 17/II; Pl. XIII. № 18/II; Pl. XIV. № 19; Pl. XVIII. № 22; Pl. XIX. № 24; Pl. XX. № 25/II; Pl. XXI. № 30; Pl. XXII. № 28; Pl. LV. № 53; Pl. LXV. № 59/II; T. 2. Pl. CXLVI. № 113B; T. 3. Pl. CLXVII. № 130; Actes de Prôtaton. Pl. XIX. № 7/IX; Actes d'Esphigménou. Pl. I. № 1/I; Pl. II. № 1/II; Pl. XXXIII. № 27/I; Actes de Saint-Pantélémon. Pl. II. № 2; Pl. X. № 5; Actes de Docheiariou. Pl. XII. № 7/A/II; Pl. XXX. № 24/A/II; Actes d'Iviron. T. 1. Pl. XIV. № 5; Pl. XVI. № 6; Pl. XVIII. № 7; Pl. XIX. № 7; Pl. XXVI. № 11; Pl. XXVII. № 12.

Часть IV

Из истории византийского судопроизводства

Акт как средство доказательства

Что бы мы ни говорили, исходя из самого частного-правового акта, из анализа его структуры и удостоверительных признаков и клаузул, о его «диспозитивном» или «апробативном» характере (на русский язык эти выработанные западноевропейской дипломатикой и трудные для перевода понятия попытался передать не очень, на наш взгляд, удачно еще А. С. Лаппо-Данилевский, введший в нашу науку соответственно термины «удостоверительный акт» и «осведомительный акт»¹), все же подлинная роль акта становится ясной только в ходе его реализации в судебном процессе, причем реализации как через суд гражданский, так и уголовный, функции которых в Византии не были столь строго отграничены друг от друга, как в позднейшем праве, могли осуществляться одним и тем же судьей и даже протекать в одном и том же судопроизвод-

---

¹ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатии частных актов. Пг., 1920. С. 15.

стве.² В сложившейся еще в ранней Византии системе судопроизводства (причем независимо от вида суда, от того, был ли суд светский или церковный) государственная регламентация охватывала и вопрос о характере и относительной ценности доказательств, приносимых сторонами. Доказательства оценивались как по характеру (письменным свидетельствам отдавалось как будто предпочтение перед устными), так и по социальной принадлежности лиц, приносивших доказательства, свидетельские показания. Судьи могли пользоваться консультацией юристов-адвокатов, присутствовавших в суде в качестве ассессоров, привлекать экспертов и вызывать в суд свидетелей для удостоверения подлинности документов; разрабатывается система клятв, приносимых сторонами, свидетелями и даже судьями.³

Хотя процесс судебного разбирательства носил бюрократический, отличавшийся обязательным требованием письменной документации на всех его эта-

---

² *Липшиц Е. Э.* Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., 1976. С. 172. Из литературы о римско-византийском судебном процессе следует указать труды Сп. Трояноса о церковном суде в Византии, компетенции которого, как известно, подлежали не только церковные правонарушения, но и гражданские дела, и Дафни Пападату о компромиссном разрешении судебных споров в Византии как одном из основополагающих принципов византийского судопроизводства. См.: *Troianos S. N.* 1) Ἡ ἐκκλησιαστικὴ δίκονομία μέχρι τοῦ θανάτου τοῦ Ἰουστινιανοῦ. Ἀθήναι; 1964, 170 σελ.; 2) Ἡ ἐκκλησιαστικὴ διαδικασία μεταξύ 565 καὶ 1204// ΕΚΕΙΕΔ, 1966 (ἐκδ. 1969). Τ. 13. Σ. 3–146; *Papadatou D. K.* Ἡ συμβιβαστικὴ ἐπίλυση ἰδιωτικῶν διαφορῶν κατὰ τὴ μέση καὶ ὕστερη βυζαντινὴ ἐποχὴ. Ἀθήνα; Κομοτηνῆ, 1995.

³ *Липшиц Е. Э.* Право и суд... С. 174, 186 и др.

пах характер, ни в законодательстве, ни в правовых документах нет точного описания порядка процесса. Мы не располагаем протоколами судебных процессов, и все наши познания о практике византийского суда (в частности, в поздней Византии, что для нас особенно важно), о том, как протекал тот или иной процесс и главное — как в нем реализовались привлеченные в качестве средств доказательства частные акты — мы получаем из дошедших до нас постановлений судов по тому или иному делу. Составленные нередко по формуляру, сходному с формуляром актов, эти документы содержат более или менее пространный нарративный раздел с изложением обстоятельств дела и хода его рассмотрения, а иногда и ценных сведений о фигурировавших при этом документах. Разумеется, постановления судов, отражающие преимущественно заключительный процедурный этап судебного процесса, не могут заменить подробных судебных протоколов, отсутствие которых весьма ограничивает возможности исследования действительной роли частного правового акта в судебном процессе и его полноценной интерпретации.

Те сведения, которыми мы располагаем, в своей совокупности заставляют нас думать, что при нормальных условиях аутентичный письменный, надлежащим образом оформленный и засвидетельствованный акт был в глазах любого суда вполне достаточным средством доказательства, которое могло быть положено в основу выводов по делу. Конечно, доказательственной силой обладали прежде всего документы публичного характера, т. е. выпущенные каким-либо должностным лицом, представителем власти (императорские жалованные грамоты и указы, патриаршие сиилли, составленные чиновниками финансового ведомства кадастры и описи — практико-

ны, судебные решения и т. д.), ибо «какое лицо, маленькое или большое, может осмелиться пренебречь императорским актом», — высокомерно говорится в грамоте Андроника II Палеолога от 1295 г. по поводу жалобы игумена Ватопедского монастыря на вымогательства налогов со стороны одного влиятельного чиновника Провонеагоса.⁴ Доказательственная и диспозитивная сила императорской грамоты ясно подчеркнута и в простагме Иоанна III Дуки Ватаца от 1237 г., адресованной дуке фемы Фракии Мануилу Контофресу по поводу освобождения от налогов париков монастыря Лемвиотиссы: «Передай настоящий орисмос моей царственности монастырю с тем, чтобы он мог его представить чиновникам, которые взимают налоги, и чтобы эти последние действовали согласно его содержанию».⁵

Действительно, если взять, например, постановление вселенских судей от 1334 г. по делу о тяжбе между монахами Эсфигменского монастыря и жителями крепости Рендины, то увидим, что права на оспариваемую землю доказываются исключительно наличием у тяжущихся сторон древних хрисовулов, простагм,

---

⁴ *Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. München, 1960. 4. Teil. S. 23. № 2180* (Дэльгер, впрочем, именно в этой части считает документ поддельным, полагая, что такой неуклюжей фразы не могли сочинить в императорской канцелярии, — подозрение, на мой взгляд, не очень-то обоснованное).

⁵ *Ibid. 1932. 3. Teil. № 175*. На оба эти примера было указано в сообщении А. Гийу во время коллоквиума по греко-византийской палеографии, на заседании, специально посвященном теме «Доказательственная сила (*valeur probatoire*) письменного акта», см.: *La paléographie grecque et byzantine. Paris, 1977. P. 532.*

актов описи — практиконов, но не упомянуто ни одного частного акта.⁶ В тяжбе между монастырями Лемвиотиссы и Стиллы (1281 г.) по поводу оливковых деревьев и хорафиев решающим оказалось обращение судей к писцовой книге — практикону (частные документы не фигурируют).⁷ Спор монастыря Лемвиотиссы с неким Михаилом Комнином Враной в 1286 г. (в издании Миклошича и Мюллера ошибочно — 1386 г.) решался судом на основе публичных документов, в частности хрисовула императора Иоанна Дуки Ватаца, которыми располагал монастырь и которым ничего не мог противопоставить Михаил Комнин Врана, кроме ссылок на старый обычай и долгое пользование (сомнений в подлинности представленных документов высказано не было, и монастырь подучил полное признание прав на свои земли).⁸

Чаще, однако, публичные документы фигурируют в суде совместно с частными, причем их рассмотрение ведется в комплексе с другими видами доказательств, в частности со свидетельскими показаниями, нередко с выездом к местоположению объекта спора или к месту проживания свидетелей, что, впрочем, мы не склонны, в отличие от А. Гийу,⁹ считать показателем «недостаточности» письменного документа (ведь целью этого было подтвердить подлинность документа). Так, в тяжбе 996 г. между монастырем Полигирос, выступившим в роли истца, и «турмархом болгар»

---

⁶ Actes d'Esphigménou. № 19. P. 133–134.

⁷ ММ. Vol. 4. № 38. P. 93–94. О дате этого недатированного документа см.: Васильевский В. Г. Материалы для внутренней истории византийского государства // ЖМНП. 1880. Т. 210. С. 154.

⁸ ММ. Vol. 4. № 177. P. 278–284.

⁹ La paléographie grecque et byzantine. P. 532.

Василием судьба спорного земельного участка решалась предоставлением монахами завещания ктитора монастыря протоспафария Димитрия Птелеота (частноправовой документ) и подтверждающей его выпиской из выпущенного гениконом регистра (ισοκώδικον ἐκ τοῦ γενικοῦ παρεκβλήθεν — публичный документ). Правда, письменные свидетельства были все же подкреплены устными показаниями свидетелей — местных жителей и сидящих на этих землях крестьян, а также клятвами присяжных заседателей. Кроме того, ведший этот процесс судья Николай, желая составить более четкое представление о существе дела, но будучи не в состоянии «из-за труднодоступности места» своими глазами увидеть указанные в документах границы участка, посылает с этой целью группу местных деревенских жителей, которые (в присутствии заседателей, другой высокопоставленной публики, монахов и самого ответчика — болгарина Василия) с крестами в руках определили границы участка в точном соответствии с периорисмосом, указанным в завещании ктитора и в исокодике, а также в соответствии с их собственными устными свидетельствами. Процедура установления границ явилась, таким образом, не столько подтверждением документальных данных, сколько реализацией ставшего очевидным постановления суда. Ответчику турмарху Василию не оставалось ничего другого, как дать монахам отступную грамоту.¹⁰

Точно так же в тяжбе между монастырем Лемвиотиссы и неким Фокой в 1280 г., который выступил в роли истца, пригласив местных стратиотов и «домохозяев» селения Мантея для разбирательства спора,

---

¹⁰ Actes d'Ivion. T. 1. № 10. P. 169–172.

судьи первым делом потребовали от монахов документов. Те сначала вообще не захотели иметь дела с Фокой, удалившись в монастырь, но затем вышли с документами в руках, а именно с хрисовулом императора («ктитора монастыря», имеется в виду Иоанн Дука Ватац), актом описи — практиконом и завещанием покойного иерея Алексея Тесаита. Присутствовавший при этом сын Алексея Михаил (тоже иерей) опознал документ своего отца. Судьи и свидетели, которые тоже осмотрели хрисовул, практикон и завещание Алексея, признали несправедливость притязаний Фоки.¹¹ В решении суда вообще не упоминается предмет спора, и создается все же впечатление, что частному акту (завещанию Алексея Тесаита) уделено здесь даже больше внимания, чем официальным документам.

Нечто аналогичное мы наблюдаем в уже упоминавшемся деле из Трапезунда, когда по случаю тяжбы в 1367 г. между монастырем и священником прихода Хортокопия Георгием о спорных участках пахотной земли на место прибыл судья области Мацуки, который осмотрел спорные участки, выслушал доводы той и другой стороны в присутствии «заслуживающих доверия старцев», исследовал «документы и кодик» монастыря (т. е. копиянную книгу — картулярий, в которой списаны в основном частные акты) и вынес приговор в пользу монастыря, которому и выдал соответствующую судебную грамоту (τὸ κρίσιμόγραφον), засвидетельствованную и другими лицами.¹² Доказательственное свойство частного акта *expressis verbis* признано и простатмой Иоанна VIII Палеолога от 1447 г., в которой,

---

¹¹ ММ. Vol. 4. № 60. P. 128–129. О дате этого недатированного документа см.: Васильевский В. Г. Материалы... С. 157.

¹² Вазелонские акты. № 120. С. 89.

подтверждая права Кутлумушского монастыря на различные участки в Лонге и в Рендине, которыми он владеет вот уже 30 лет, император делает существенную оговорку: «Если же найдется кто-либо, у кого есть письменный акт, дающий ему право владения одним из этих участков, то тогда не отдавать этот участок монахам, но пусть он будет за тем, у кого есть акт».¹³ Приговором церковного суда в Фессалонике в 1404 г. (синод под председательством митрополита Гавриила слушает дело о тяжбе между Димитрием Скампавлом и его сестрой Кали Фаласоиной) было отказано брату в иске на том основании, что он ошибочно интерпретировал слово «половина» спорного имущества (владение в местности св. Мария), значащееся в кадастре. Для этого суду потребовалось поднять все документы, относившиеся к владению, начиная с первоначальной покупки (зачитываются купчая, другие акты), провести их сопоставление, обнаружить ошибку истца (который, кстати, признал ее и попросил прощения за ту опасность, которой он подверг права сестры).¹⁴ И еще одно интересное с точки зрения доказательственной силы частноправовых документов дело, о котором мы узнаем из одного акта об отказе от эксцепций (1377 г.):¹⁵ авторы акта сестры Анна и Фомаида Ласкарины и их брат Константин Ласкаръ (императорский чиновник) рассказывают, что их покойная мать «великая папена» Анна много лет назад по купчей, составленной с согласия их зятя «великого архонта» Кавасилы (имеется в виду известный по другим источникам архонт Фессалоники Димитрий Дука Кавасила) и их дяди великого примикирия Факрасиса, в присутствии других

¹³ Actes de Kutlumus. № 47. P. 162.

¹⁴ Actes de Lavra. Т. 3. № 156. P. 139–140.

¹⁵ Ibid. № 148. P. 110–112.

архонтов царского и церковного ведомства, которыми и была совершена купчая, уступила Лавре наследственное владение, включавшее в себя дома близ ворот Форики г. Серры (один из них был пекарней), право на получение арендной платы (*ἀνακατακτικὸν τέλος*),¹⁶ сады близ крепости, причем сделала она это «двойным способом, как продажу и как благочестивое дарение»; лавриоты, получив эти владения добросовестно (*πίστει καλῆ*), осуществили в них усовершенствования и, как это у них принято, построили там церковь. По прошествии многих лет наследники Анны (авторы настоящего акта) сочли, что имеют законные права на эти владения, и обратились с прошением к императору «как якобы претерпевшие несправедливость»,¹⁷ и получили орисмос, предписывавший рассудить их с монахами; в свою очередь монахи, явившись в суд, предъявили имевшиеся у них грамоты (*δικαιώματα*). Состоялся большой процесс (*ὁ ἀγὼν πολύς*), в котором победу одержали монахи.

Документы, таким образом, сделали свое дело, и истцам во всех этих случаях, очевидно, даже не к чему было придраться, чтобы поставить под сомнение их подлинность. Не всегда, однако, все шло столь гладко. Вот один из примеров: решение суда в Калабрии от 1042 г. под председательством стратига Лукании Евстафия Скепидиса по делу о тяжбе между игуменом монастыря Св. Николая Климом Мулецисом и его племянниками монахом Фантином и священником

---

¹⁶ Об этом виде долгосрочной эмфитевтической аренды см.: *Medvedev I. P. Une espèce mal étudiée du bail à long terme byzantin // BYZANTIAKA. 1990. Т. 10. Σ. 103–113.*

¹⁷ Обращает на себя внимание то, что акт, составленный от лица наследников — истцов и подписанный ими, написан в тоне, осуждающем их самих.

Львом.¹⁸ Последние возбудили иск против своего дяди (по матери), обвиняя его в том, что он завладел виноградниками, которые были родовой собственностью. Ответчик оправдывался тем, что мать истцов была его сестрой; что их отец, выдавая ее замуж, разделил свое наследство и дал ей ее часть от виноградников и другого имущества; что спустя много лет трое братьев (т. е. сам Клим и два его брата) тоже получили свою долю наследства от отца. Истцы возразили, что у Клима есть 3000 футов виноградника сверх доли и что они требуют из этого свою долю. Клим ответил, что дело обстоит совсем не так, и уточнил, что участки, о которых говорят истцы, куплены им у Сильвестра, Хрилатоса и Никандра, что он их обработал и насадил на них на свои средства виноградники, что он потратил на это свое состояние и что отец со своим наследством тут ни при чем. Поскольку истцы настаивали на том, что речь идет об отцовском наследии, а не о купленных владениях, то игумен предъявил купчие (τοὺς ἀγοραίους χαρτόους), которые были осмотрены членами суда и признаны подлинными, имевшими силу и засвидетельствованными достойными доверия свидетелями. Истцов не убедили и купчие, поэтому стратиг принял решение направить на место нотарию Льва, чтобы все шло по закону, и обязал Клима представить свидетелей, которые клятвенно могли бы гарантировать истцам законность купчих. Клим представил четырех свидетелей, которые, приняв Евангелие из рук истцов, подтвердили под присягой границы вино-

---

¹⁸ Actes de Dannoso. № 3. P. 44–49. Этот случай как показательный рассматривал А. Гийу и на упоминавшемся заседании коллоквиума, посвященном проблеме доказательственного значения письменного акта (*La paléographie grecque et byzantine*. P. 532).

градников, купленных Климом, такими, какими они были зафиксированы в купчих, и поклялись, что они помогали игумену сажать эти виноградники, что он потратил на это свое состояние, что эти участки куплены у Хриматоса, Сильвестра и Никандра, а также у жены пресвитера 600 футов виноградника по ту сторону крепости Меркурий, в местечке «Мельницы», что от наследства ему досталось только 630 футов виноградника и в районе крепости еще 700 футов — владения, которые принадлежат нераздельно Климу и его двум братьям — Иоанну и Никите. Свидетели добавили, что сестра последних Евгения отделилась от своих братьев много лет назад, получив свою долю от отца, и что жалоба истцов безосновательна. В свою очередь и вся сторона Климана поклялась на Евангелии, что он купил эти участки под виноградники, засадил их, взрастил и что ни его отец Николай, ни сестра Евгения не помогали ему. Истцы, упорствуя, потребовали свидетельства священника Филиппа, который, как выясняется далее, был писцом документов. Тот, серьезно больной, подтвердил под присягой и письменно, что виноградники были куплены, что это именно он, Филипп, писал купчие, что раздел имущества был осуществлен много лет назад и только из стяжательства истцы затеяли этот спор.

Казалось бы, все выяснилось, иск был явно безосновательным. Тем неожиданнее постановление суда, согласно которому, правда, за Климом и его братьями подтверждалось владение спорными землями, «которые они держат по праву покупки или наследства», но тут же предписывалось часть наследства, эквивалентную доле Евгении, матери Фантина и священника Льва (т. е. 1000 футов виноградника), «отмерить и передать двум истцам». При этом их иск аннулировался, «так как владения Климана, им купленные или

унаследованные, были подтверждены стратигом». ¹⁹ Спрашивается, где тут логика? «Мне кажется ясным, — говорит по этому поводу издатель акта А. Гийу, — что расследование, проведенное представителем стратига, убедило этого последнего в обоснованности иска. Здесь остались верными общему принципу, сформулированному императором Константином в 317 г.: “В судебных процессах письменные документы имеют ту же ценность, что и показания свидетелей” (С. 4.21.15). Процедура исчерпана, юридические последствия процесса признаны, но справедливость не торжествует, а ее следует удовлетворить во что бы то ни стало. Социальное положение ответчика (игумен монастыря) может объяснить то, что он собрал свидетелей, более или менее введенных в заблуждение тем фактом, что он владел спорным имуществом уже давно. Но что поражает здесь, так это качество представленных документов, трех купчих, которые были признаны судом подлинными и которые были наверняка подделками, если не в дипломатическом отношении, то, по крайней мере в юридическом (*sinon diplomatiquement, du moins juridiquement*), поскольку спорные владения были проданы людьми, которые не были их собственниками. С привлечением свидетелей и принесением присяги письменный акт в глазах дипломатиста является последним доказательством, требуемым византийским судом. Зато историки, позволив себе увлечься этим, были бы неправы, так как он (письменный акт?) отражает лишь частичку формальной реальности. Этот последний пример имеет, может быть, то преимущество, что он в провоцирующей форме напоминает историкам, каковыми мы все тут являемся, что никакой источник не может быть объек-

---

¹⁹ Actes de Dannoso. P. 49. l. 40–45.

тивным и что он может быть понят только в контексте той среды, которая его породила». ²⁰

Все это верно, но именно поэтому предположение о том, что купчие, при помощи которых отстаивал свое право ответчик, были «навверняка подделками», кажется нам необоснованным (ведь недоказанным является и то, что люди, продавшие земли ответчику, не были их собственниками). Скорее всего, мы имеем и здесь дело с проявлением приверженности византийцев к принципу «экономии», т. е. компромиссному решению судебных споров. То, что при первой представлявшейся возможности византийские судьи предпочитали именно этот путь (отсюда обилие такого рода частных актов, как «мировые» — *διαλύσεις*), кажется нам бесспорным. ²¹ Так, в споре 1048 г. между игуменом монастыря Св. Апостолов Дометиу Григорием и игуменом монастыря Ксилургу Иоанникием (оба на Афоне) пострадавшая сторона обратилась с жалобой к императору Константину IX Мономаху. И хотя последний специальным рескриптом (*βασιλική γραφή*) предписал проту Афона произвести расследование и примерно наказать виновного, афонский суд, состоявшийся из игуменов (*καθολική σύναξις*), отдал предпочтение мировой сделке ²² — случай отнюдь не редкий как на Афоне, так и в других местах империи, когда в ответ на обращенные к ним жалобы (по существу, исковые заявления) византийские императоры повелевают

---

²⁰ Actes de Dannoso. P. 40; La paléographie grecque et byzantine. P. 533.

²¹ Подробно об этом явлении, характерном для византийского судопроизводства см. указанное выше монографическое исследование Дафни Пападату: *Papadatou D. K.* Η συμβιβαστική επίλυση.

²² Actes de Saint-Pantéléemôn. № 4. P. 48–50.

передать дело в суд, но все заканчивается компромиссом из соображений «экономии». ²³ Этим же руководствовался патриарх Филофей в 1375 г., рассматривая в синодальном суде иск монахов Акапнийского монастыря, опротестовавших продажу великим домостриком Димитрием Палеологом (на самом деле его женой Анной, но с его согласия) Дохиарскому монастырю владения Марианна со ссылкой на их право предпочтительной покупки. ²⁴ Синодальное постановление интересно тем, что в ходе разбирательства были нарушены все правовые принципы, чтобы решить дело не в пользу истцов, которые по существу были правы: бра-лось на веру объяснение этого дела могущественным ответчиком (помимо того, что Димитрий Палеолог занимал один из самых высоких чинов в придворной иерархии, он приходился еще и дядей императору), не был затребован даже сам документ, не были заслушаны ни составитель акта, ни нотариус, ни свидетели. По верному замечанию Икономидиса, во всей той аргументации, которая приводится в постановлении синодального суда, ощущается некоторая неловкость со стороны его составителя, которому пришлось облекать юридическими аргументами решение, принятое из принципа «экономии»: он предпочел «полуправду» Димитрия Палеолога стяжательству акапнитов. ²⁵

«Византийская Фемида», которая в принципе строила свою деятельность на основе признания равенства сторон перед законом и судом, утверждения законности в общественной жизни и в судопроизводстве, давала порою явные сбои. Показательно в этом смысле дело, по которому было вынесено даже два почти идентич-

²³ Actes de Saint-Pantéléemôn. № 4. P. 41.

²⁴ Actes de Docheiarou. № 43. P. 243.

²⁵ Ibid. P. 242.

ных, но подписанных разными судьями судебных решения, не датированных,²⁶ но сохраненных все тем же картулярием монастыря Лемвиотиссы:²⁷ некто Николай Критик продал свое пахотное поле некоему Кутулу, крестьянину (парику) монастыря Лемвиотиссы, и выдал надлежащий акт со своим собственноручным сигноном (ἐπιστήσατο τὰ τοῦ γράμματος ὁ Κρητικὸς δι' οἰκειοῦχειροῦ σιγνογράφου). Шесть лет Кутул владел купленным беспрепятственно, но потом случилось следующее: номику Кермарису, соседу, понравился хораций, и он, пользуясь авторитетом и властью тогдашнего великого друнгария Гавалы, «человеком» которого Кермарис был, насильственно вступил во владение полем и засеял его. Кутул, не имея возможности противоречить (μὴ ἰσχύων ἀντειλεῖν), ушел к куманам²⁸ и при

---

²⁶ В. Г. Васильевский датирует их временем «несколько ранее 1285 г.», что кажется несколько странным, так как он сам даже возобновление этого старого спора относит к 1270 г., см.: *Васильевский В. Г. Материалы...* С. 158–159. Но, безусловно, дело рассматривалось примерно в эти времена, так как сохранилась датированная 1272 г. купчая одного из действующих лиц процесса Николая Критика (ММ. Vol. 4. № 90. Р. 162–165).

²⁷ ММ. Vol. 4. № 91. Р. 165–166 (писано и подписано протопапасом Гуделисом Катакалоном); № 92. Р. 167–169 (подписано Георгием Скутариотом).

²⁸ Под «куманами» здесь выступают знаменитые и в русской истории половцы. В 1241 г. император Никеи Иоанн III Дука Ватац разрешил бегущим под натиском татар куманам поселиться на византийских территориях в Македонии, Фракии, но также и в Малой Азии, в частности во Фригии (на землях, орошаемых Меандром), к северо-востоку от Сард и Филадельфии: *Savvides A. G. K. Oi Κομάνοι (Κουμάνοι) καὶ τὸ Βυζάντιο*, 11 ος – 13 ος αἰ. μ. χ. // *Βυζαντινά*, 1985. Т. 13 [=Δώρημα στὸν I. Καραγιαννόπουλο]. Σ. 949.

их помощи со своей стороны прибег к насилию, захватил упряжку волов (*ζευγάριον*) Керамариса и увел с собою. Тот в свою очередь, очутившись в затруднительном положении, обратился к некоему Фариссею с просьбой о помощи, чтобы он отправился туда и постарался выручить упряжку, что тот и сделал. И так как не было возможности умиловить куманов каким-то иным способом, кроме вина (ибо «род этот был привержен к пьянству так, как никакой другой»), то он вместе с Кутулом стал торговаться с ними об угощении, в результате чего было пропито целых два иперпира. Упряжка, по-видимому, была выкуплена, и Керамарис стал считать себя владельцем присвоенной земли, и с того времени до «сегодняшнего» дня владел хорафием беспрепятственно (но без надлежащего письменного документа, скрепленного крестом Кутула). Но в 1270 г. (дата, указанная Васильевским) дело было поднято на крестьянском местном суде. Со стороны монастыря Лемвиотиссы, париком которого был Кутул, явился монах Марк, со стороны Керамариса — его сын и некий Михаил Фелогос. Керамарис предъявил поддельный документ, якобы выданный ему Критиком (*ἔγγραφον φάρσον δῆθεν παρὰ τοῦ Κρητικοῦ γεγονός*), о том, что тот продал этот хорафий Керамарису. В конце концов суд пришел к заключению, что имением должен владеть монастырь, так как Кутул был его париком, а Керамарису было объявлено, что он должен вернуть то, что было несправедливо захвачено его отцом. Справедливость, таким образом, как будто восторжествовала, но не для крестьянина Кутула: победой воспользовался монастырь.

В целом же создается впечатление, что письменный частноправовой акт (как и письменный акт вообще) выполнял свое назначение, был одним из важнейших средств доказательства в судебном процессе. Об этом

парадоксальным образом свидетельствует и такой весьма распространенный в Византии деликт, как подлог (*crimen falsi*), ибо именно признававшаяся процессуальным правом доказательственная сила документов толкала лиц, посягавших на чужие права (этих *falsadoti*, которых Данте обрекает на вечные муки, поместив в Аду — *Inferno*, XXIX, 56—57), или на подделку подлинных, или на изготовление с самого начала подложных актов. Конечно, это не специфически византийское явление: длинный ряд фальсификатов (а мы назовем только самые громкие подделки), начиная от позднеантичных симмахиевых подделок через так называемый Константинов дар, Псевдо-Исидоровы Декреталии, вплоть до бесчисленных подложных документов известных и неизвестных авторов позднего средневековья и поддельных «житий», т. е. подделок, совершенных с мошенническими намерениями, из политических соображений, генеалогических амбиций, «из страсти к подражанию или из желания указать подлинные или ложные реликвии, но также из благородных побуждений»,²⁹ расцветивает все средневековье.

---

²⁹ *Herde P.* Römisches und kanonisches Recht bei der Verfolgung des Fälschungsdelikts im Mittelalter // *Traditio*. 1965. Vol. 21. P. 291; Cf.: *Silvestre H.* Le problème des faux au moyen âge: A propos d'un livre récent de M. Saxer // *Le Moyen-Âge*, 1960. T. 66. P. 351 sq.; *Bagnani G.* On fakes and forgeries // *Phoenix*. 1960. T. 14; *Fuhrmann H.* Die Fälschungen im Mittelalter: Überlegungen zum mittelalterlichen Wahrheitsbegriff // *HZ*. 1963. Bd. 197. S. 529–554; *Brooke C. N. L.* Approaches to medieval forgery // *Brooke C. N. L.* *Medieval Church and Society: Collected Essays*. London, 1971; *Constable G.* Forgery and plagiarism in the Middle Ages // *Archiv für Diplomatik*. 1983. Bd. 29. S. 1–41; *Delle Donne R.* I falsi nel Medioevo // *Quaderni medievali*. 1987. T. 23. P. 159–200.

Поэтому *discrimen veri ac falsi* — это одна из важнейших задач, стоящая не только перед нынешней исторической наукой, прежде всего перед дипломатикой,³⁰ но и весьма остро беспокоившая самих современников, людей средневековья, в том числе и правоохранные органы Византийской империи. Прежде чем рассмотреть конкретный материал византийской судебной практики по обнаружению подлогов, представляется целесообразным выяснить, как трактовался вопрос о подлоге в византийском законодательстве.

Подлог по данным законодательства*

Само собой разумеется, что основу византийского, как, впрочем, и всего западноевропейского средневекового законодательства о подлоге, который с самого начала повсеместно имел тенденцию рассматриваться как *crimen publicum*, составляло римское законодательство об этом деликте, представление о котором в те отдаленные времена, оказывается, мало чем отличалось от наших нынешних представлений. В древнем римском праве наказанием подделывателю доку-

---

³⁰ *Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig, 1912. Bd. 1. S. 6 ff.

* Вопрос уже освещался в обстоятельных статьях Дэлгера и особенно Трояноса: *Dölger F.* Urkundenfälscher in Byzanz // *Byzantinische Diplomatie*. Ettal, 1956. S. 384–402; *Troianos S.* 1) *Περὶ τοῦ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας ἐν τῷ βυζαντινῷ δικαίῳ* // *ΕΕΒΣ*. 1972/73. Τ. 39–40. Σ. 181–200; 2) *Ἐγγράφα καὶ πλαστογραφία στὸ Βυζάντιο* // *Ἀρχαιολογία*, 1982. Τεύχ. 5. Σ. 48–51; См. также: *Pitsakis K.* Ἐγκλημα χωρὶς τιμωρία; Τὰ πλαστά στὴ βυζαντινὴ ἱστορία // *Ἐγκλημα καὶ τιμωρία στὸ Βυζάντιο*. Ἀθήνα, 1997. Σ. 337–381.

ментов угрожали *Lex Cornelia* и *Senatusconsultum Libonianum*.³¹ До Суллы не было еще точных определений подлога, в законах XII таблиц говорилось лишь о лжесвидетельстве (*falsum testimonium*), за которое уже тогда полагалась смертная казнь: виновного сбрасывали с Тарпейской скалы. Закон же Суллы (*lex Cornelia testamentaria nummaria*, позднее обозначаемый просто как *lex Cornelia de falsis*) был направлен, как явствует уже из названия, преимущественно против подделок завещаний и монет (среди них — незаконное устранение или подделка подлинного, а также изготовление и умышленная легализация фальшивого завещания, за что полагалось наказание ссылкой и конфискацией имущества для *honestiores*, ссылкой в рудники или смертной казнью для *humiliores* и исключительно смертной казнью через распятие для рабов). Завещательное право было, таким образом, исходным пунктом законодательства против документального *crimen falsi*, так как более поздние постановления сената и императорские конституции уравнивали с завещаниями и другие документы. Расширился и круг родственных документальному подлогу деликтов, попавших в поле зрения юристов (приговоры судей в нарушение недвусмысленных законов, подкуп судей с целью добиться вынесения несправедливого или неисполнения справедливого приговора, выдача документов доверителя противной стороне по процессу,

---

³¹ Будучи дополненными другими материалами, эти нормы содержатся главным образом в Феодосиевском кодексе (C. Th. 9.19), в Дигестах (D. 49.10) и Кодексе Юстиниана (C. 9.22–23). Ср.: *Mommsen Th. Römisches Strafrecht*. Graz, 1955. S. 668 ff.; *Kunkel W. Untersuchungen zur Entwicklung des römischen Kriminalverfahrens in vorsullarischer Zeit*. München, 1962. S. 64.

использование заведомо подложных административных указов и конституций, изготовление или использование подложных мер и весов, использование фальшивых имен, титулов или званий, двойная продажа одной и той же вещи и т. д.). При этом «строгое отграничение подделок от родственных уголовных деликтов римское право знало столь же мало, сколь и испытывавшая его влияние средневековая юридическая теория и практика».³²

Не существовало и единого, общего для всех разновидностей этого преступления определения понятия *falsum*. Только в 538 г. своей знаменитой 73-й новеллой Юстиниан вводит, казалось бы, совсем незамысловатое, но, как оказалось, очень живучее определение: «Подделка — это не что иное, как подражание истине» (*μηδὲν ἕτερόν ἐστὶ παραλοίησις εἰ μὴ τῶν ἀληθῶν μίμησις*)³³ — фраза, которая в латинском Автентикуме передана как «*nihil aliud est falsitas nisi imitatio veritatis*», а позднее в трудах западноевропейских легистов и канонистов (среди них Азо, Бернгард из Павии, Готфрид из Трани, Альберт Гандинский и другие, даже Данте) переосмыслена как «подделка — это искажение истины» (*Falsum est veritatis immutatio*).³⁴ Но если на Западе римское законодательство о подделках широко рецепировалось как в светском праве, так и в церковно-каноническом (почти все в них в трактовке *crimen falsi* через Кодекс Феодосия, Дигесты и Кодекс Юстиниана восходит к *Lex Cornelia de falsis*,

³² Herde P. *Römisches und kanonisches Recht...* S. 298.

³³ Nov. 73 pr.; Cf.: Schminck A. und Simon D. *Eine Synopsis der Novellen Justinians // FM. 1981. 4. P. 167.*

³⁴ Herde P. *Römisches und kanonisches Recht...* S. 299, 324 und Anm. 214.

как, впрочем, и к новелле 73 Юстиниана),³⁵ то в Византии оно почти не затронуло канонического права, но, будучи кодифицированным в Юстиниановом *Corpus Iuris Civilis*, через греческие обработки последнего полностью вошло в Василики (IX в.), обогатившись интересными схолиями,³⁶ а позднее (в середине X в.) будучи еще раз резюмированным в Синописисе Василик.³⁷

Это рецепированное византийское законодательство охватило в основном тот же круг, с одной стороны, довольно-таки разношерстных, с другой же — недостаточно дифференцированных деликтов, а именно:³⁸ изготовление какого-либо подложного акта; подделка любого подлинного акта (византийцы сознавали, что преступление может быть совершено и самим

---

³⁵ Именно в каноническом праве католической церкви римское законодательство о подделках получило наиболее оригинальное претворение; вспомним только декреталии Иннокентия III с их каталогом критериев, с помощью которых следовало отличать подложный документ от подлинного, — кульминация папского законодательства о подлоге. Немало изобретательности папские декреталисты проявили, чтобы согласовать предусмотренную римским правом смертную казнь для подделывателей с церковным принципом «*Ecclesia non sinit sanguinem*».

³⁶ В. 60, 41.1–64 cum scholiis.

³⁷ SMB, II 17, 1–7; Cf.: Νομικὸν Πρόχειρον συνταχθὲν ὑπὸ Μιχαὴλ Φωτεινοπούλου εἰς Βουκουρεστίον (1765–1777) / Ἐκδ. Π. Ι. Ζέπος, V. Α. Georgescu, Α. Σιφονίου-Καραπᾶς. Ἀθήναι, 1982. Σ. 252–254 (В 55, 1–17).

³⁸ Детальные ссылки на статьи Василик, так же как и на *loci paralleli* других памятников, мы считаем здесь излишними, отсылая к соответствующему разделу специального исследования Трояноса: *Troianos N. Perì tou èγκλήματος τῆς πλαστογραφίας...* Σ. 182–186.

должностным лицом, но понятия «должностного подлога» как будто *expressis verbis* не сформулировали); изготовление поддельной печати или поддельных государственных мер и весов; использование неподлинных документов (среди них — проезд на основании такого рода документов по государственным дорогам; представление на суде свидетельственных документов, подлинность которых предъявившая их сторона не смогла доказать; пользование всяким актом любого содержания, законодательным или административным, не скрепленным подписью издавшего его органа; использование подложного императорского документа; посягательство на чужую собственность, основанное на подложных документах); сокрытие судебного решения из корыстных побуждений; утаивание документов с целью замалчивания истины; ложное обвинение и лжесвидетельство; раскрытие содержания доказательственных правовых документов их хранителем стороне, тяжущейся с лицом, поместившим документы на хранение, и т. д.

Особое внимание по традиции уделено завещаниям, их хищению, утайке, распечатанию, уничтожению, внесению писцом завещания в его текст заведомо ложных сведений, с помощью которых он прямо или косвенно извлекает пользу (среди этих добавлений — завещание части имущества ему самому, его господину или лицу, подвластному им; распоряжение, благодаря которому наследник обязуется предоставить какое-либо имущество писцу; распоряжение, которым подтверждаются прежние кодициллы завещания в пользу писца; распоряжения об отпуске на свободу раба писца или другого лица). Документ может быть признан недействительным и в том случае, если писец опускает какие-то сведения с прямым умыслом, но в то же время оговариваются такие действия

писца, которые не ведут к признанию завещания подложным как не приносящие никакой дополнительной выгоды писцу (например, в таких случаях, когда в результате добавочной записи определяется наследником писец, являвшийся и так свободным сыном завещателя, и т. д.). Не подпадают под обвинение в подлоге и действия, совершаемые в какой-либо из вышеуказанных форм несовершеннолетним (у мужчин — до 14 лет, у женщин — до 12 лет), так как здесь действовало общее правило, согласно которому во всех уголовных делах учитывается возраст виновного и его юридическая неосведомленность.³⁹

Вообще же византийская юриспруденция делала различие между «подлогом» (πλαστόν)⁴⁰ и «квазиподлогом» (ὡσαυτεῖ πλαστόν = quasi falsum), хотя среди схолиастов подобных определений и не было единогласия в понимании их содержания. Так, согласно одной схолии, «подлог — это все совершенное рукой кого-либо: подражание почерку (τὸ μιμήσασθαι χεῖρα), выскабливание текста (τὸ ξέσαι), вырывание (τὸ διαρρήξαι), изменение в нем (τὸ μεταγράψαι), вымарывание (τὸ ἀπαλείψαι), удаление (τὸ ὑφέλεσθαι) каких-либо частей текста; квазиподлог же — это сообщение ложных сведений при вынесении приговора (τὸ ἐν συμψηφισμῶ ψεύσασθαι),

³⁹ В. 2.3.108 = D. 50.17.108; Cf.: Ecl. В. 129.15–28; 130.1–18.

⁴⁰ Помимо таких технических терминов для обозначения подлога, как πλαστόν, πλαστογραφία (и соответственно πλαστογράφος), а также заимствованного из латыни φάλσευμα или φάλσογραφία, в греческом языке византийского времени можно встретить еще немало обыденных слов, обозначавших подделку: παραποίησης, νόθευσις и т. д. Ср. такой «лингвистический бандерлог», как φευδοπλαστογραφία: Actes d'Espégnéou. № 27. P. 163. l. 25.

сокрытие какого-либо документа (τὸ ἀποκρύψαι δικάϊωμα), препятствование кому-либо составлять завещание (τὸ μὴ ἔδοσθαι τινα διαθέσθαι)». ⁴¹ Схолиаст, таким образом, включает в понятие подлога как изготовление фальшивого акта, так и искажение подлинного, а в понятие «квазиподлога» — все прочие действия обманного характера, совершаемые с прямым умыслом из корыстных или иных личных побуждений, что вполне отвечает и современным представлениям о такого рода преступлении (введя понятие «квазиподлога», византийские юристы даже в какой-то степени обнаружили способность к более тонкому пониманию правовой материи, нежели современные юристы). И наоборот, излишне ригористичным представляется определение, содержащееся еще в одной схолии к тому же самому распоряжению Василия, ⁴² согласно которому «подлог» — это изготовление фальшивого акта или чего-то такого, чего в принципе не было совсем; а «квазиподлог» — это подчистка в завещании или в других документах, вырывание, сожжение или уничтожение каким-либо иным способом, и когда в завещании записан какой-либо наследник, а другой вычеркнет его имя и впишет свое, чтобы быть наследником; и когда кто-либо сделавший дарение без свидетелей представит свидетелей как якобы присутствовавших при дарении; и когда кто-либо совершит при дарении оформление сделки задним числом; и когда кто-либо совершит письменное волеизъявление от лица кого-либо и представит свидетелей, якобы присутствовавших; и когда кто-либо будет пользоваться фальшивыми весами».

Такое противоречие могло бы быть существенным, если бы за подлог и квазиподлог полагались различ-

⁴¹ В. 60.41. 1 sch.; Cf.: Ecl. В. 493.12–13.

⁴² Ibid. Cf.: Νομικὸν Πρόχειρον... Σ. 254.

ные наказания. Но различие в наказании происходило совсем по другому принципу — в зависимости от социального статуса преступника⁴³ (и это при том, что официально краеугольным камнем всей концепции римско-византийского права был принцип *aequitas* = *ισότης*!). Использование подложных документов влекло за собой для любого свободного подделывателя или квазиподделывателя высылку с полной конфискацией имущества, а если он был рабом, то даже смерть ('Η τοῦ πλαστοῦ καὶ τοῦ ὠσανεὶ πλαστοῦ τιμωρία περιορισμὸς ἐστὶ καὶ τελεία δήμευσις· κατὰ δὲ δούλων ἐσχάτη).⁴⁴ То, что «высшая мера наказания» (*ἐσχάτη τιμωρία*) означает именно смертную казнь, указано в другом месте Василик (*μόνος ὁ θάνατός ἐστὶν ἐσχάτη τιμωρία*),⁴⁵ а еще в одном отрывке из этого свода конкретизируются и способы исполнения казни: «Высшая мера наказания — это повешение, сожжение, обезглавливание, но также ссылка в рудники и высылка (*τὸ περιορισθῆναι*), так как это сближается со смертью и имитирует ее». ⁴⁶ Действительно, в отличие от простой высылки за пределы города или провинции, или даже ссылки на острова, вечной или на срок, но без утраты гражданства и имущества, обозначавшейся термином *ἐξορία* (в латинском тексте Дигест ему соответствует *relegatio*),⁴⁷ *περιορισμὸς* (*deportatio*) —

⁴³ См. от этого: *Tourtoglou M.* Κοινωνικά τινες ἐπιδράσεις ἐπὶ τὸ βυζαντινὸν δίκαιον // *ΕΚΕΙΕΔ*, 1965. Т. 12. Σ. 169–198; *Bourdara K. A.* Τὸ δίκαιο στὰ ἀγιολογικὰ κείμενα. Ἀθήνα, 1987. Σ. 80 ἐπ.

⁴⁴ В. 60.41.1 = D. 48.10.1. § 13; SMB, П 17.1; SM, П 61.

⁴⁵ В. 60.51.20 = D. 48.19.21.

⁴⁶ В. 60.51.26; Cf.: В. 60.51.27 = D. 48.19.29.

⁴⁷ В. 60.54.5 = D. 48.22.5; Cf.: *Kukules Ph.* Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμὸς. Ἀθήνα, 1955. Т. 6. Σ. 57 ἐπ.; *Bourdara K. A.* Τὸ δίκαιο στὰ ἀγιολογικὰ κείμενα. Σ. 106–107.

это тоже ссылка, но ссылка совсем иного рода, сопровождавшаяся обычно заточением на каком-либо острове, утратой свободы, гражданства и имущества («молчаливая конфискация»!⁴⁸) и не без оснований уподоблявшаяся смерти или во всяком случае включавшаяся в понятие «высшей меры наказания». Тем не менее это все же не смерть и даже не лишение свободы,⁴⁹ не тюрьма, так что пластограф из свободных имел некоторое преимущество перед своим коллегой из несвободных. Впрочем, и более мягкая форма ссылки — *ἔξορία* — также применялась, но ограниченно, угрожая только виновнику двойной продажи вещи⁵⁰ и пользователю

⁴⁸ D. 48.22.6–14. Cf.: Bourdara K. A. 1) Καθοσίωσις καὶ τυραννὶς κατὰ τοὺς μέσους βυζαντινοὺς χρόνους: Μακεδονικὴ δυναστεία (867–1056). Ἀθήναι, 1981. Σ. 160–162; 2) Τὸ δίκαιο στὰ ἀγιολογικὰ κείμενα. Σ. 106. Не без оснований поэтому Троянос считает, что рассмотренное выше предписание Василика, упоминая в числе наказаний «полную конфискацию имущества», содержит явный плеоназм (*Troianos S. Περί τοῦ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας...* Σ. 187, σπμ. 6), хотя, может быть, этот «плеоназм» и не был столь уж лишним. Интересно, что Νομικὸν Πρόχειρον Михаила Фотинопулоса, воспроизводя вышеуказанное распоряжение Василика (B. 60.41.1 = Νομικὸν Πρόχειρον, B 55.1. Σ. 252), вместо слова *περιουσιῶδες* использует именно термин *ἔξορία*, вообще не упоминая о конфискации. Сделано ли это Михаилом Фотинопулосом с полным осознанием всей этой юридической проблемы, сказать трудно. О соотношении понятий *ἔξορία* и *περιουσιῶδες* см. также: *Pitsakis K. Ἐγκλημα χωρὶς τιμωρία*. Σ. 339; *Troianos S. N. Οἱ ποινὲς στὸ βυζαντινὸ δίκαιο // Ἐγκλημα καὶ τιμωρία στὸ Βυζάντιο*. Ἀθήνα, 1997. Σ. 38–41.

⁴⁹ D. 48.22.15: *Deportatus civitatem omittit, libertatem retinet et jure civili caret, gentium vero utitur* = B. 60.54.15 *cum scholiis*. Cf.: Bourdara K. A. Καθοσίωσις... Σ. 161.

⁵⁰ B. 60.41.21 = D. 48.10.21.

фальшивых мер и весов,⁵¹ которых, по-видимому, можно обоих зачислить в разряд квазиподдельвателей. Зато отягчающим вину обстоятельством для пластографа было использование подложного документа в уголовном суде и особенно для обоснования обвинения в «величайшем преступлении», когда независимо от его статуса и социального положения пластограф приговаривается к смертной казни.⁵² С целью упразднить всякую неясность в толковании этого предписания Лев VI издает свою 77-ю новеллу, разъяснившую, что высшая мера наказания налагается на пластографа, если она предусмотрена и для преступления, совершив которое, он сделал попытку обвинить другого, предъявив подложные письменные свидетельства. «Мы предписываем, — говорит Лев VI, — чтобы пластограф, подделавший такого рода документы, вследствие которых подделка обретает силу привести к смерти того, против кого она направлена, пусть сам, преданный каре, которую замыслил совершить против другого, будет подвергнут обезглавливанию».⁵³ Это ярчайший пример применения известного принципа «таутопафии» (ταυτοπαθεία) или «талионы» (talio), т. е. тождественности вида наказания характеру преступления.⁵⁴

⁵¹ В. 60.41.32 = D. 48.10.32. § 1; Cf.: Ecl. В. 73.2–3.

⁵² В. 60.41.56 = С. 9.22.22.

⁵³ *Noailles P., Dain A. Les nouvelles de Léon le Sage. P. 269.* Предписание Льва VI было включено в состав «Распространенной Эпанагоги» (Ер. А. 52.111).

⁵⁴ *Dölger F. Urkundenfälscher in Byzanz. S. 391; Troianos N. 1) Περί ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας... Σ. 188; 2) Ὁ «Ποινάλιος» τοῦ Ἐκλογαδίου: Συμβολὴ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς ἐξελίξεως τοῦ ποινικοῦ δικαίου ἀπὸ τοῦ Corpus Iuris Civilis μέχρι τῶν Βασιλικῶν. Frankfurt a/M., 1980. Σ. 104–107; Bourdara K. A. Τὸ δίκαιο στὰ ἀγιολογικὰ κείμενα. Σ. 97.*

Зато сплошной загадкой для нас (как и для других исследователей) является наличие в юридической компиляции, известной под названием Частной Распространенной Эклоги (далее — ЕРА) и возникшей, возможно, в период с 829 по 870 г.,⁵⁵ статьи о наказании пластографов отсечением руки (ЕРА, 17.45: *Οι πλαστογράφοι χειροκομείσθωσαν*). Е. Э. Липшиц, комментируя эту статью, высказала мнение, что ее автор использовал содержащиеся в Дигестах «высказывания Маркиана (14-я кн. Институций) о законе Корнелия Суллы о фальсификаторах (*de falsis*) и Ульпиана (7-я кн. *De officio proconsulis*)... Однако краткая формулировка принадлежит автору ЕРА».⁵⁶ Но, во-первых, в тех предписаниях Дигест, которые имеются в виду (а имеются в виду, безусловно, знаменитые D. 48.10.1 и 8), или ничего не говорится о пластографах и речь идет о фальшивомонетчиках, или же вообще ничего не говорится о наказании отсечением руки; во-вторых, исключалась сама возможность прямого обращения автора ЕРА к латинскому тексту Дигест. В науке последнего времени, на мой взгляд, вполне убедительно показано, что основой для создания этого сборника послужили Эклога и одна из ее первых переработок — Распространенная Эклога (*Ecloga Aucta*), известная также под названием Эклогадион (датируется предположительно самым началом IX в., временем царствования императора Никифора I, 802–811 гг.).⁵⁷ Пара-

---

⁵⁵ *Goria F.* Sulla data e l'origine dell'Ecloga privata aucta // *Studi Parmensi.* 1977. 20. P. 305–329.

⁵⁶ *Липшиц Е. Э.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Л., 1981. С. 40.

⁵⁷ *Simon D. und Troianos S.* Eclogadion und Ecloga privata aucta // *FM.*, 1977. II. P. 45–86. Авторы и публикаторы так объясняют происхождение ЕРА: некий компилятор,

докс, однако, в том, что и в них отсутствует какая бы то ни было статья о пластографах и об их наказании отсечением руки. Выказано даже сомнение, сохранился ли целиком в единственной венской рукописи Эклогадиона «пенальный» титул и не пропустил ли писец статью о пластографах, что психологически было бы вполне объяснимо из-за полного совпадения концовки этой статьи с концовкой предыдущей статьи о фальшивомонетчиках, которым также угрожает наказание отсечением руки (статья наличествует во всех трех компиляциях).⁵⁸ Но нельзя ли все же предположить, что здесь мы имеем дело не с простой ошибкой писца, а с влиянием, которое оказал на компилятора ЕРА такой памятник лангобардского права, как Эдикт Ротари (643 г.), в 243-й статье которого как раз и говорится о подделках документов и о наказании подделывателей отсечением руки (*De cartola falsa. Si quis cartolam falsam scripserit aut quodlibet membranum, manus ei incidatur*).⁵⁹ Ведь это был бы еще один и при-

---

вознамерившись соединить вместе Эклогу и Эклогадион, в свой экземпляр Эклогадиона выписал из Эклоги те разделы, которые были выпущены автором Эклогадиона, или же, что еще лучше, он в свой экземпляр Частной Эклоги внес те разделы Эклогадиона, которые в ней отсутствовали, в результате получилась ЕРА. Ср.: *Troianos S. N. Ἡ διαμόρφωση τοῦ ποινικοῦ δικαίου στὴ μεταβατικὴ περίοδο μεταξύ Ἰσαυρῶν καὶ Μακεδονῶν // Βυζαντιακά*, 1981. Т. 2. С. 87–93.

⁵⁸ *Troianos S. N. Ὁ «Ποινάλιος» τοῦ Ἐκλογαδίου*. С. 104 καὶ σμ. 15.

⁵⁹ *Beyerle F. Die Gesetze der Langobarden*. Weimar, 1947. С. 98; Ср.: *Osenbrüggen E. Das Strafrecht der Langobarden*. Schaffhausen, 1863. С. 156. Впрочем, наказание увечьем — типичная черта варварского германского права: именно отсечением руки (вместо смертной казни) карает подделыва-

том весьма важный аргумент в пользу уже высказанного в историографии мнения о южноитальянском происхождении ЕРА.⁶⁰ Неясно также, каких именно «пластографов» имела в виду ЕРА. Варварское западноевропейское право применяло наказание увечьем, если не ошибаемся, только или по преимуществу к виновным за подлог частных актов, за подлог же королевских документов (как и за обвинение королевского указа в подлоге!) полагалась смерть. Во всяком случае по закону Роджера II в «Ассизах Ариано» (1140 г.), *qui litteras regias aut mutat aut eas noto sigillo signat, capitali sententia feriatur*,⁶¹ — закон, который в 1231 г. был включен в *Liber constitutionum regni Sicilie* Фридриха II, причем даже с усилением наказания, так как угроза наказания смертной казнью распространялась с подделывателей королевских документов на всех нотариусов и судей, которые подделывали публичные документы (император подчеркнул, что прежние наказания увечьем уже недостаточны).⁶² В Византии же как будто не существовало предпочтительной защиты от подлога императорских документов — таково мнение, недвусмысленно высказанное Дэльге-

---

телей более низкого социального происхождения *Lex Visigothorum* (7.5.1); по франкскому праву писец поддельного частного акта терял большой палец правой руки (но мог и уплатить штраф в 50 солидов): *Lex Ribvaria*, 62.3; и т. д.

⁶⁰ *Goria F.* 1) *Sulla data e l'origine...* P. 312 ss., 320 ss.; 2) *Tradizione romana e innovazioni bizantine nel diritto privato dell'Ecloga privata Aucta.* Frankfurt a/M., 1980. P. 4.

⁶¹ *Liber August.* 3.61. Цит. по: *Herde P.* *Römisches und kanonisches Recht...* S. 311. Anm. 129.

⁶² *Huillard-Breholles J.-L.-A.* *Historia diplomatice Friderici secundi.* Parisiis, 1854. Vol. IV, 1. P. 188 (Nov. Const. 1. 95. P. 3).

ром,⁶³ но и вызвавшее в последнее время энергичный протест Трояноса. Согласно последнему, наказания, угрожавшие в Византии подделывателям любого рода документа, были настолько тяжки, «что в запасе по существу не оставалось никакой более серьезной уголовной санкции для этого особого случая».⁶⁴ Очень интересен в этом отношении отрывок из поэмы византийского писателя XII в. Михаила Глики о подделывателях царских документов, которые, «как подделавшие царственную руку и дерзко воспользовавшиеся пурпурными подписями, сами (находясь в тюрьме. — *И. М.*) имели руки, закованные в железо».⁶⁵

В отличие от Трояноса, считающего, что здесь имеется в виду предварительное заключение, содержание под стражей до начала судебного процесса,⁶⁶ мы вполне могли бы подумать, что у Глики речь идет о пластограффах императорских документов, лишенных свободы с содержанием в тюрьме в железных оковах.⁶⁷ В этой связи обращает на себя внимание то распоряжение

⁶³ *Dölger F. Urkundenfälscher in Byzanz. S. 391.*

⁶⁴ *Troianos S. Περί τοῦ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας... Σ. 189–190.*

⁶⁵ *Tsolakes E. Th. Μιχαὴλ Γλυκᾶ στίχοι οὗς ἐγράψε καθ' ὄν κατεσχέθη καιρόν. Θεσσαλονίκη, 1959. Σ. 20.*

⁶⁶ *Troianos S. Περί τοῦ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας... Σ. 190.*

⁶⁷ Против мнения некоторых исследователей о том, что тюремное заключение вплоть до XII в. было мерой предварительной и означало содержание обвиняемого под стражей до суда, справедливо, на наш взгляд, возражает Бурдара (*Bourdara K. A. Τὸ ἐγκλημα καθοσίωσης στὴν ἐποχὴ τῶν Κομνηνῶν (1081–1185) // Ἀφιέρωμα στὸν Νίκο Σβορώνο, τόμ. 1. Ῥεθύμνο, 1986. Σ. 227*). О тюрьмах в Византии см. также: *Bourdara K. A. 1) Τὸ δίκαιο στὰ ἀγιολογικὰ κείμενα. Σ. 111–124; 2) Οἱ βυζαντινὲς φυλακὲς // Ἐγκλημα καὶ τιμωρία στὸ Βυζάντιο. Ἀθήνα, 1997. Σ. 317–336.*

Василик, согласно которому «лицо, издавшее подложные грамоты от имени архонта (под “архонтом” можно понимать вообще государственную власть, в том числе и императора, хотя латинский подлинник Дигест имеет в виду претора. — *И. М.*) или выпустившее фальшивый, эдикт, подлежит уголовному наказанию по иску *in factum* и по иску о подлоге» (В. 60.41.25–D. 48.10.25). *In factum agere* — это, как известно, иск о фактических обстоятельствах данного дела, не имеющий строго определенной формулы.⁶⁸ Но что это означает в данном конкретном случае? Не то ли, что изготовление и использование фальшивых публично-правовых (а стало быть, и императорских) актов может квалифицироваться не только как подлог, но и в зависимости от «фактических обстоятельств данного дела» как *καδοσίωσις*, преступление против государственной власти, *crimen maiestatis*: впрочем, данное рассуждение может показаться излишним, так как в *Василиках* среди делинквантов, подпадавших под обвинение в *καδοσίωσις*, прямо упоминается «написавший или зачитавший нечто поддельное (*τι πλαστόν*) в публичном документе»,⁶⁹ а за *καδοσίωσις*, как показа-

---

⁶⁸ См., например: *Дыдынский Ф.* Латинско-русский словарь к источникам римского права. Варшава, 1890. С. 199; *Neumanns Handlexicon zu den Quellen des römischen Rechts* / 9. Aufl. neu bearb. von E. Seckel / Jena, 1926. S. 205–206.

⁶⁹ В. 60.36.2 = D. 48.4.2. Cf.: *Bourdara K. A.* *Καδοσίωσις καὶ τὸρανίς...* Σ. 143. В интересной схолии к указанному предписанию Василик в качестве примера приводится случай оглашения умышленно искаженного текста мирного договора, в результате чего вместо мира возникает еще более ожесточенная война. Схолиаст подчеркивает, что если бы документ был частный, то виновник подлежал бы

ли исследования Каллиопы Бурдары, в Византии полагались самые тяжкие кары, среди которых мы встречаем и смертную казнь в разных вариантах, и тюремное заключение, и увечье (излюбленным было, правда, ослепление).⁷⁰

Сказанное, возможно, поможет объяснить и тот «оксиморон» (выражение Трояноса), который наблюдается в одном весьма любопытном византийском памфлете XV в. Его автор Иоанн (издатели отождествляют его с известным деятелем византийской культуры XV в. Иоанном Аргиропулом), изобличая своего противника Димитрия Катавлаттаса в пластографии, отмечает, что тот рисковал быть осужденным на смерть (περί ψυχῆς ἔτρεχε) и в то же время подвергнуться отсечению правой руки (важное само по себе подтверждение и даже уточнение действительности нормы, зафиксированной в ЕРА — 17.45).⁷¹ Троянос при объяснении этого несколько необычного на первый взгляд сочетания двух контрастирующих видов наказания за одно и то же правонарушение исходит из того, что κεφαλικὴ ποινὴ отнюдь не всегда означала смертную

обвинению в подлоге, но поскольку речь идет о публичном документе, искажение которого наносит тяжкий ущерб государству, то возникает дело о καθοσίωσις.

⁷⁰ Bourdara K. A. 1) Καθοσίωσις καὶ τυραννίς κατὰ τοὺς μέσους βυζαντινοὺς χρόνους: Μακεδονικὴ δυναστεία. Σ. 164–165; 2) Καθοσίωσις καὶ τυραννίς κατὰ τοὺς μέσους βυζαντινοὺς χρόνους: 1056–1081. Ἀθήνα, 1984, passim; 3) Τὸ ἔγκλημα καθοσιώσεως... Σ. 211–229.

⁷¹ Canivet P.—Oikonomidès N. [Jean Argyropoulos], La comédie de Katablattas: invective byzantine du XVe s. // Δίπτυχα, 1982–1983. Τ. 3. Σ. 29, 28–31; Troianos S. Ἔργα καὶ ἡμέρες ἐνὸς δικαστῆ τοῦ 15 ου αἰῶνα ἢ ἡ τεχνικὴ τῆς λιβελλογραφίας // Βυζαντικά, 1985. Τ. 5. Σ. 64–66.

казнь, но также ослепление, увечье и т. д., и тем самым снимает контрастность, присущую свидетельству Иоанна Аргиропула. Но, может быть, стоит принять во внимание и характер деликта: ведь, судя по словам Иоанна Аргиропула (см. с. 75–77, строки 675–713), Димитрий Катавлаттас предъявлял какие-то подложные рекомендательные с похвалами ему и с назначением его попечителем школ г. Фессалоники письма императора (по предположению издателей, имеется в виду или Иоанн VII или Мануил II Палеолог) и митрополита Фессалоники. Если за подлог первых он действительно мог поплатиться жизнью, то подлог вторых, не подпадавший под квалификацию *crimen maiestatis*, мог стоить ему правой руки. Не это ли и имел в виду Иоанн Аргиропул?

Как бы то ни было, у византийских правоохранительных органов были еще в резерве меры, чтобы бороться против наиболее тяжкого вида подлога — фальсифицирования императорских грамот.

Выполнялись ли все эти законодательные предписания? Это будет яснее видно на том материале повседневной судебной практики, который мы намерены рассмотреть далее. Пока отметим, что, с одной стороны, в Византии как будто существовал принцип неотвратимости наказания. Во всяком случае добровольное возмещение убытков пострадавшему в результате подлога не давало основания для снятия подсудности с виновного в подлоге. «Совершивший однажды подделку не может избежать своего осуждения, утверждая, что он не воспользовался ею», — говорится в *Василиках*.⁷² Факт смерти виновного до начала уголовного преследования или перед вынесением судебного приговора не влиял на судебное разбирательство граж-

---

⁷² В. 60.41.43 = С. 9.22.8.

данских исков против наследников (хотя с самого виновника преступления наказуемость, естественно, снималась);⁷³ смерть в подобных обстоятельствах одного из соучастников преступления не влекла за собой благоприятного исхода судебного разбирательства для других;⁷⁴ и т. д. Даже положение о сроке давности отредактировано в весьма примечательных тонах: «Преступление в подлоге не подлежит сроку давности, разве что в 20 лет, как и все прочие преступления».⁷⁵ Но, с другой стороны, в Византии широко применялась практика «всеобщего помилования» (γενικής συγχωρήσεως) или «всеобщего прощения» (γενικής ἀφέσεως), которая вполне соответствует современному институту амнистии (кстати, и сам термин ἀμνηστία в его правовом значении тоже, кажется, византийского изобретения), т. е. частичного или полного освобождения от наказания и его правовых последствий тех или иных категорий осужденных, причем в Византии, как уже отмечалось выше, это было исключительным правом императора.⁷⁶ «Часто император из-за каких-

---

⁷³ В. 60.41.4 = D. 48.10.4; В. 60.41.12 = D. 48.10.12; В. 60.33.6 = D. 48.1.6.

⁷⁴ В. 60.41.34 = С. 9.6.2.

⁷⁵ В. 60.41.47 = С. 9.22.12. Процитированное место обладает особой ценностью, так как дает нам единственное указание на общий срок давности, имеющий силу при преступлениях. См.: *Troianos S.* Περί τοῦ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας... Σ. 190, σμ. 4.

⁷⁶ *Troianos S.* 1) Περί τοῦ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας... Σ. 191–192; 2) Συμβολή εἰς τὴν ἐρευναν τῶν ὑπὸ τῶν βυζαντινῶν αὐτοκρατόρων παρεχομένων ἐνορκῶν ἐγγυήσεων // *EKEIED*, 1965 (ἐκδ. 1968). Т. 12. Σ. 134–147; Cf.: *Waldstein W.* Untersuchungen zum römischen Begnadigungsrecht. Innsbruck, 1964. S. 198 ff.

либо успешно сложившихся у него дел дарует всем прощение преступлений», — говорится в Василиках.⁷⁷

Экспертиза подлинности документов в суде*

Расследование подлогов в Византии в принципе было делом претора. Однако в порядке применения общего правила, согласно которому занятый рассмотрением какого-либо гражданского дела судья имеет компетенцию расследования и наложения санкций на всякое родственное наказуемое действие (совмещение гражданского и уголовного процессов в одном и том же судопроизводстве, о котором говорилось ранее), было определено, что если во время процесса в присутствии «хамедикаста» (т. е. лица, которое, не будучи судьей и не получив этого права от императора, тем не менее облечено архонтом фемы правом вести судебное разбирательство) какой-либо письменный документ будет оспорен как подложный, то он, судья, берет на себя и рассмотрение преступления по подлогу. Как показывает практика, именно это-то как раз и имело место в жизни, в то время как о деятельности претора в этой сфере нам ничего неизвестно. Обстоятельством, весьма осложняющим наше исследование, является то, что нам приходится иметь дело с материалом из практики главным образом церковных (епис-

⁷⁷ В. 60.41.44 = С. 9.22.6.

* Помимо наших собственных наблюдений, в настоящем разделе использованы материалы статей Сп. Трояноса: *Troianos S. N.* 1) 'Ο έλεγχος τής γνησιότητος τών άποδεικτικών έγγραφων εν τή βυζαντινή δίκη // Ξένιον: Festschrift für Pan. I. Zepos. Athen, 1973. Bd. 1. S. 693–716; 2) ' Εγγραφα και πλαστογραφία. Σ. 51–52.

копских, митрополичьих, синодальных) судов, которые, с одной стороны, не располагают компетенцией применять санкции общего уголовного права,⁷⁸ а с другой — не имеют на этот счет никаких предписаний со стороны корпуса канонического права. Как мы увидим, выручали те процессуальные нормы, которые сложились в ходе обычной судебной практики. Кроме того, существовал разный с точки зрения процедурного принципа подход к документам публично-правового и частноправового характера. В то время как первый из них пользуется презумпцией подлинности и в отношении его в законах не предусматривается никакой процедуры подлинности (это не означает, однако, что сторона, противоположная по отношению к лицу, представившему во время какого-либо процесса для доказательства публичноправовой акт, лишена права заподозрить этот документ в подлоге, но она

---

⁷⁸ О том, что принцип «*Ecclesia non sitit sanguinem*» фактически применялся и в византийской церкви, *expressis verbis* засвидетельствовано патриархом Геннадием Схоларием в связи с делом «отступника от веры» Ювеналия. Согласно Схоларию, церковь не только сама воздерживается от «права меча», но и не может «открыто поручать светским властям карать еретиков смертью, так же как она, например, не может передать им для покаяния смертью фальшивомонетчика. Если какой-то архонт, изловив такого человека, пожелает узнать у церкви, что ему надлежит сделать с ним, то церковь не скажет, что человека нужно убить. Если же архонт посадит пойманного на кол и обрубит ему конечности в соответствии с установленными и действующими законами, то церковь не разгневается на этого архонта, а скорее похвалит его, а ушедшего из жизни осудит». См.: *Медведев И. П.* Дело вероотступника Ювеналия с юридической точки зрения // *The 17th intern. Byz. Congress: Major Papers*. N. Y., 1986. P. 37.

обязана доказать его, а лицо, представившее документ, освобождается от необходимости доказывать его подлинность), то второй, если исход судебного разбирательства неясен, подлежит предусмотренной законодательством процедуре *impositio fidei* (о ней — далее).⁷⁹ Другими словами, «бремя доказывания» подлинности или подложности документа перемещается в зависимости от характера документа. И хотя нас интересуют здесь прежде всего частноправовые акты, начнем мы с рассмотрения на судах вопросов о подлоге публичноправовых актов.

Так, хорошо известен из Пиры (64.6) довольно-таки курьезный случай, когда суду было предъявлено постановление судьи фемы Пелопоннеса и Эллады, подлинность которого оспаривалась на том основании, что в подписи судьи у буквы ϵ слова $\acute{\epsilon}\lambda\lambda\acute{\alpha}\delta\omicron\varsigma$ было тонкое придыхание вместо густого. Магистр Евстафий Ромей (1025 г.), однако, отклонил протест, сказав, что описка судьи возникла от рассеянности при подписывании документа и это обстоятельство не может причинить ущерба подлинности документа. «Впрочем, — добавляет магистр, — предъявившая документ сторона могла бы доказать его подлинность и другими средствами». Характерно заключительное замечание магистра: «Ибо рассудок видит и рассудок слышит», что, по всей вероятности, являлось обычным оборотом речи.⁸⁰ Из этого простого в общем-то случая Троянос тем не менее делает два важных вывода: 1) для выдвижения обвинения в неподлинности обратились к внешним признакам документа; 2) представившая акт сторона не несла бремени доказывания его подлинности, хотя и могла это сделать.⁸¹

⁷⁹ *Troianos S. N.* 'Ο ἔλεγχος... Σ. 694.

⁸⁰ *Dölger F.* Urkundenfälscher in Byzanz. S. 394.

⁸¹ *Troianos S. N.* 'Ο ἔλεγχος... Σ. 695.

Более сложным представляется дело, слушавшееся в императорском суде в Константинополе в 1216 г. по поводу спора монастыря Св. Павла на горе Латрос с жителями деревень Сампсон и Амазонокоракий об одном имении.⁸² В то время как агиопаулиты предъявили суду целый пакет документов, как публичных, так и частных, в обоснование своих прав на имение (кроме того, они представили и свидетелей), сампсониты предъявили документ, выпущенный дукой феми Миласси и Меланудий, который сразу же был изобличен как подложный, во-первых, из-за того, что в текст акта была вставлена императорская простагма, язык которой был к тому же неправильным и совершенно варварским, а письмо — неровным; во-вторых, из-за того, что все подписи якобы присутствовавших при этой процедуре архиереев, из которых ни одного уже не было в живых, явно были писаны одной и той же рукой. И в то время, как сампсониты еще упорствовали в отстаивании подлинности акта, жители Клисур и Амазонокоракия, зная человека, изготовившего подложный акт, и уговорив его, привели в суд и фактически изобличили махинацию. А человек этот, житель Клисур Феодосий, «глубокий старец, от возраста клонящийся к земле и уже призывающий как благодетеля смерть, выступив в суде, вывел на свет божий все свое деяние и попросил прощения за свой проступок, объяснив, что пошел па эту подлость из-за нужды, ибо, подделав акт, взял за это 14 иперпиров». Но даже это явное изобличение «не заткнуло рта» (οὐδέ... ἐλεστόμισεν) сампсонитам, и суду пришлось заставить стороны принести клятвы о клевете (ὄρκος συκοφαντικὸς καὶ τέλειος), которые приведены в приговоре полностью.

---

⁸² MM. Vol. № 1. P. 290–295. Документ не датирован, о хронологии см.: *Dölger F. Regesten...* № 1693. S. 396.

Постановление, естественно, было вынесено в пользу агиопавлитов, а что при этом пришлось на долю пластографа и подвигнувших его на подлог жителей указанных деревень, сказать трудно. Здесь важно отметить, что для отклонения доказательственного документа как подложного суд принял во внимание не только его внешние признаки (письмо, подписи), как в предыдущем случае, но и внутренние (вставной текст простагмы).⁸³ Как заметил Троянос,⁸⁴ различие между этими двумя случаями выявляется и на процедурном уровне: если в первом обвинение в подлоге было выдвинуто одной из сторон, то во втором — это инициатива самого суда.

Аналогичным образом обстояло дело с расследованием в 1193 г. катепаном Смирны жалобы игумена монастыря Лемвиотиссы Леонтия на жителя Мантеи Николая Казана, захватившего несколько масличных деревьев, принадлежавших монастырю.⁸⁵ Казан, вызванный для дачи показаний, представил суду документ (*ἀποκατάστασις*), выданный ему на владение деревьями неким Лангидой, которого уже не было в живых. Но в тексте этого «апокатастасиса» судьи нашли включенную в него докладную записку (*ὑπόμνημα*), которую раньше Леонтий отправил патриарху, и вынесенное на ее основании решение (*λύσις*) патриарха, предписывавшее стоявшим тогда у кормила митрополии Смирны и самому Лангиде произвести расследование и составить соответствующий документ. И поскольку дело было сделано одним Лангидой, да и сам

---

⁸³ Это обстоятельство подчеркнуто Дэльгером: *Dölger F. Regesten... № 1693. S. 396.*

⁸⁴ *Troianos S. N. Ὁ ἐλέγχος... Σ. 696.*

⁸⁵ *MM. Vol. 4. № 18. P. 62–63.* Документ не датирован, о хронологии см.: *Васильевский В. Г. Материалы... С. 153.*

документ был совершен им и «дикеем» митрополита по поручению последнего, то, хотя совершенные им (документы?) правильны и должны с полным основанием причисляться ему, «мы, — говорят судьи, — не приняли этого апокатастасиса из-за того еще, что он не содержит подписи митрополита, и поэтому признали право монастыря на владение этими масличными деревьями». Разумеется, многое остается «за кадром» этого краткого постановления, но важно отметить, что оно выносилось на основе констатации внутренних данных документов, их «текстологического» анализа.

Скандальную известность своими подделками императорских документов приобрели монах Лавры Феодул и пресвитер Андроник Василик. Первый из них отличился в ходе распри, вспыхнувшей в 1267 г. между монахами афонской Лавры и Зографского монастыря по поводу земельных угодий в местечке Проавлак. Из постановления по этому делу севастократора и правителя Фессалоники Константина Торника⁸⁶ мы узнаем, что Феодул, который назван «коварным и хитрым», изготовил фальшивый хрисовул (далее документ обозначен «орисмосом») от лица императора и представил его Константину Торнику, введя тем самым его в заблуждение и добившись от него грамоты (фальшивка, таким образом, была узаконена!), порицавшей сторону Зографского монастыря и оправдывавшей сторону Лавры. Позднее, когда выяснилось, что документ был фальшивым и не исходил от императора, когда Феодул сознался, что подделал его с тем, чтобы сокрушить монахов Зографского монастыря и уничтожить их права, судья (Константин Торник) объявил недействительным свой первый документ,

---

⁸⁶ Actes de Zographou. № 6. P. 16–18.

как «выданный лавриотам по обману коварного Феодула». В постановлении опущены все подробности о том, как обнаружился подлог, какой была процедура экспертизы подлинности и какие санкции за этим последовали. Вполне возможно, что и никаких, так как вслед за этим постановлением, датированным августом 1267 г., вскоре последовало второе (от сентября того же года) как результат расследования этой тяжбы по поручению Константина Торника Никифором Малеасом и Василием Эпархом. Было констатировано, что «монах Лавры Феодул, упорствуя, собственноручно изготовлял в Константинополе (!) фальшивые орисмосы (проскартерήσας όρισμοὺς ψευδεπιπλάστους αὐτοχειρὶ ἐνεχάραξε) и скреплял пурпурными подписями (καὶ δι' ἐρυθρῶν ὑπογραφῶν ἐβεβαίωσε)—орисмосы, якобы предписывающие севастократору все документы агиогеоргитов (т. е. монахов Зографского монастыря. —И. М.) порвать и сжечь (διαρρήξαι καὶ κατακαῦσαι), а лавриотов установить хозяевами спорных хорафиев... Позднее выяснилось, что ἐρυθροσήμαντα γράμματα поддельны, монах Феодул на допросе перед севастократором сознался, что они писаны и подписаны им, так что его обман был изобличен и заклеямен позором».⁸⁷

Только «заклеямен позором»? А как же «тяжкие наказания», предусмотренные законодательством? Ведь и состав суда был, как кажется, не церковным, но светским. Действительно, получается «преступление без наказания», как не без остроумия выразился К. Питцакис, вынеся даже эти слова в название своей статьи, посвященной рассматриваемому деликту.⁸⁸

⁸⁷ Actes de Zographou. № 17. P. 19–24.

⁸⁸ Pitsakis K. Ἐγκλημα χωρίς τιμωρία; Τὰ πλαστά στή βυζαντινὴ ἱστορία // Ἐγκλημα καὶ τιμωρία στὸ Βυζάντιο. Ἀθήνα, 1997. Σ. 337–381 (см. особенно: Σ. 349–350).

Всего только лишением сана поплатился за подобную деятельность второй из названных пластографов — пресвитер Андроник Василик, осужденный в 1392 г. синодальным судом за подлог императорской простагмы.⁸⁹ Остается, правда, неизвестным, каким образом использовалась фальшивая простагма, но сообщается, что подложность документа, который имел обычную, писаную красными буквами подпись, установлена, помимо прочего, и тем, что почерк пластографа был хорошо известен всем, так что Андронику Василику не оставалось ничего другого, как сознаться.⁹⁰ Вообще говоря, столь высокий «процент раскрываемости» пластографов не может не вызвать удивления. Так, еще один, не названный по имени подделыватель документов был выявлен в 1365 г. в ходе разбирательства в Серрах тяжбы Кастамонитского и Эсфигменского монастырей по поводу прав на церковь Св. Георгия с ее людьми, землями, зевгариями и т. д. судом смешанного состава: наряду с церковными деятелями (председатель суда — митрополит Савва, присутствуют другие клирики) в него входили и светские должностные лица (представитель чельника Родослава, зять деспины, правительницы Серр, Елены-Елизаветы, двоюродный брат деспины Алексей Асан, вселенские судьи Орест и Димитрий Комнин Эвдемоноиоанн, члены сената)⁹¹. В постановлении суда говорится, что кафигумен Кастамонитского монастыря выдвинул ложные

---

⁸⁹ MM. Vol. 2. № 433. P. 160–161.

⁹⁰ Важно отметить, что за шесть лет до этого процесса, т. е. в 1386 г., Андроник Василик уже давал письменное обещание воздерживаться от совершения каких-либо преступлений, в том числе и от подлогов (MM. Vol. 2. № 385. P. 89 sq.).

⁹¹ Actes d'Esphigménou. № 27. P. 162–164.

утверждения, преисполненные всяческого святотатства, согласно которым спорные земли принадлежали некоему Хаварону, и предъявил хрисовул, якобы исходящий от блаженной памяти василевса Стефана Душана и подтверждающий это. Акт был фальшивым и поддельным (*ψευδὲς καὶ ἐπίπλαστον*), также исполненным святотатства и хулиганства (как позднее и было признано самим кафигуменом). Предъявил он и какую-то другую грамотку (*ἕτερόν τι γράμματιον*), являющуюся якобы копией завещания того Хаварона, имеющую внизу подпись покойного митрополита Иериссу Иакова. «Взяв ее в руки и развернув, — говорят судьи, — мы увидели, что подпись на ней только что поставлена, так что и чернила еще не высохли, а изучив ее, мы определили и час, когда была поставлена подпись, и мужа, который ее написал и который был вынужден сознаться. Пристыженный и полностью проигравший, он с величайшей поспешностью бежал от нас». Дело было подробно изложено деспине, которая потребовала найти пластографа и судить за такую дерзость. Постановление завершается угрозой наказать всякого за подлог, но был ли наказан пластограф, осталось неизвестным. Во всяком случае в приказе деспины содержится намек на нечто новое — на попытку выделить дело о подлоге в особое производство с возбуждением против виновного уголовного преследования. Сомнительно, однако, чтобы этот план был реализован.

Спустя почти 10 лет после процесса над Андроником Василиком (в 1401 г.) тот же синодальный, проходивший под председательством патриарха суд снова столкнулся с подложным доказательственным документом:⁹² монахиня Каллона для отклонения иска

---

⁹² MM. Vol. 2. № 652. P. 502–505.

о приданом, возбужденного ее зятем Кондодукой, представила публичноправовой документ. Истец подверг его сомнению как поддельный и (явно за неимением всякой иной возможности доказать свое утверждение) выдвинул требование к суду, чтобы тот отправил подозрительный документ выпустившему его государственному чиновнику Вриеннию Леондарису с тем, чтобы тот подтвердил, подложный это документ или нет. Требование было удовлетворено, и документ отправлен с нарочным (с протонотарием Великой церкви диаконом Мануилом Вальсамоном) к Вриеннию Леондарису, который заявил, что не признает его. Поскольку подлог был изобличен, то документ не был принят во внимание судом в ходе дальнейшего слушания дела. Здесь показателен способ экспертизы подлинности доказательственного документа, а именно отправка его к должностному лицу, выпустившему его, что не было предусмотрено никаким предписанием римско-византийского права. Как уже верно заметил Троянос, этот способ напоминает по содержанию процедуру *impositio fidei* частноправовых актов, хотя и с весьма существенной оговоркой: он не обременяет доказательством подлинности сторону, представившую документ, а осуществляется, как мы видели, стараниями самого суда.⁹³

Несомненный интерес с точки зрения методов экспертизы подлинности доказательственных документов представляют два акта прота Исаака, хранящиеся в архиве Кастамонитского монастыря на Афоне. Согласно первому из них,⁹⁴ в 1317 г. протат был занят разрешением спора между Кутлумушским и Ксенофоновым монастырями по поводу оливковой рощи

⁹³ Troianos S. N. Ὁ ἐλεγχος... Σ. 696.

⁹⁴ Actes de Kastamonitou. № 3. P. 41–45.

метоха Скамандрену, в свое время отданного в запустелом состоянии кутлумушцам протом Косьмой, который выдал им по этому поводу дарственную, снабженную его собственноручной подписью и подписями других старцев и игуменов. В течение 50 лет монахи Кутлумушского монастыря беспрепятственно владели этим имением, построили здания, обработали и засадили заброшенную землю, взрастили прекрасную оливковую рощу у моря, приносившую большие доходы монастырю до тех пор, пока «изобретатель зла» не побудил монахов Ксенофонтова монастыря «возжелать» пресловутую оливковую рощу. Воспользовавшись тем, что она находилась по соседству с их владениями, ксенофонтовцы, «не боясь Бога и не стыдясь людей», попытались присоединить ее к ним, презрев документы протов (помимо акта прота Косьмы, кутлумушцы испросили позднее еще грамоту прота Иоанникия с подтверждением владения), подписанные игуменами, в том числе и игуменом Ксенофонтова монастыря, презрев даже давность владения. Не считаясь со всем этим, ксенофонтовцы представили в качестве документа грамоту (γράμμα ὡς δικάϊωμα) некоего афонского прота Павла, которая была, скорее, каким-то черновиком предписания (μᾶλλον ὑποτύπωσις τῆς ἥν καὶ παραγγελία) и к тому же обязывала их не причинять ущерб соседним монастырям, избличая в злокозности (тем не менее в грамоте оговаривалось, что ксенофонтовцы, хотя и не должны были изгонять монастырь Скамандрену из владения оливковой рощей, могли получить компенсацию — 15 литров масла за 15 деревьев). Монахи Ксенофонтова монастыря, не зная всего этого, представили документ в доказательство своих прав на рощу. «Мы, — говорится в постановлении суда, — внимательно рассмотрев документ, нашли его (видимо, по дате. — *И. М.*) даже несколь-

ко более древним, чем в 230 лет, в течение которых монастырю Скамандрену никто не докучал; мы приняли также во внимание время, когда кутлумушцы его приобрели (прошло уже 50 лет, к которым следует добавить время, в течение которого монастырь оставался заброшенным, в результате — более 100 лет), и поэтому решили отдать предпочтение кутлумушцам. Но чтобы избежать всяких неожиданностей, мы оставили аргумент о давности владения и прибегли к другой аргументации. Сначала мы затребовали подлинную грамоту прота Павла, ее оригинал (τὸ κύριον γράμμα... τὸ πρωτότυπον), так как тот, который мы держали в руках, вызывал нехорошие подозрения формой букв, четкостью чернил и нетронутостью пергамента (ἢ τε γὰρ τῶν γραμμάτων εἰκὼν καὶ ἡ τοῦτων ὑποπεμπμένη τοῦ μέλανος αὐγὴ καὶ αὐτὸ δὴ τὸ τῶν μεμβράνων μονονοῦχι).⁹⁵ Они ответили, что это оригинал (τὸ κύριον), но не смогли нас убедить: другие документы того же возраста и за подписью прота Павла изобличали ложь, ибо они ни и чем не походили на их документ. Но поскольку они настаивали, заявляя, что это и есть оригинал, мы подошли к делу с другой стороны: “Почему же, — спросили мы, — в течение стольких лет никто не предъявлял этого документа, хотя вы видели, что монастырь Скамандрену и все его владения, среди которых и роща, переходят в другие руки? Вы не можете сказать, что отсутствовали или были принуждены к этому, так как подпись вашего игумена подтверждает дарственную (прота Косьмы)”. На это они ответили: “Мы ведь тоже не знали, что роща принадлежала нам; мы узнали об этом из этого акта, который мы полагали утерянным и который был нам передан одним из наших добрых друзей, нашедшим

⁹⁵ Actes de Kastamonitou. № 3. P. 43, l. 55.

его". На вопрос о том, где именно хранился этот акт, так долго будучи спрятанным, они дали расходящиеся ответы. Один сказал, что документ находился в скевофилакие Фессалоникского монастыря Василикон; другой — что он был найден в келье монахини этого монастыря, сестры Ферентина, прежнего игумена императорского монастыря Хортиат, который был также настоятелем Ксенофонтова монастыря и очень хорошо знал его дела; он-то и доверил ей, жившей с ним, урегулировать его дела после его смерти; сейчас, когда она занялась актом, она узнала, кому он принадлежал и отдала его нам; третий утверждал, что он был найден за Вардарием. Раздраженные этими абсурдными расхождением, мы им сказали: "Как же так получилось, что никто никогда не занялся поисками этого акта, несмотря на тщательность, с которой хранятся акты и передаются со сменой хранителя? И если акт находился в келье, как он не передавался со сменой монахинь? И если он находился в другом месте, кто его принес и кто его получил? Впрочем, разве сам документ не изобличает вашу жадность, поскольку он предписывает вам не беспокоить больше Скамандрену по поводу его оливковой рощи, его, а не Ксенофонтова монастыря?" Они продолжали настаивать и потребовали расследования на месте; мы отправились туда в сопровождении нескольких лиц (список дается) и единодушно констатировали, что Ксенофонов монастырь был не прав, потому что не оставалось ни малейшего следа от тех 15 оливковых деревьев. Но поскольку они продолжали настаивать, мы передали дело всеобщей сходке, на которой присутствовали вышеуказанные старцы, исихасты, многие игумены императорских монастырей и др. После разбирательства мы все подтвердили акт прежних протов и старцев о том, чтобы Кутлумушский монас-

тырь всегда владел метохом Скамандрену со всем его имуществом, включая предмет спора, и чтобы ни один монах Ксенофонтова монастыря не осмеливался беспокоить монахов-кутлумуситов и нарушать мир общины. Кто будет поступать иначе, будет подвергнут епитимье».

Просим прощения за столь пространное изложение дела, но это представлялось нам необходимым в интересах исследования: перед нами случай, когда для установления подлинности доказательственного документа используются данные графологии (сличение подписи прота Павла), палеографии (форма букв, «образ письма» в целом), текстологии и дипломатики (определяется тип документа), кодикологии (материал и состояние документа, чернила), учитываются все обстоятельства, связанные с выпуском документа. Обращает на себя внимание тот факт, что хотя документ и отклоняется судом, но не по обвинению в его подложности, а в связи с тем, что он не был оригиналом. И действительно, мы знаем теперь, что речь шла о копии с подлинного акта 1083 г. из архива Ксенофонтова монастыря, о существовании которого почему-то не знали монахи этого монастыря, а представили копию, считая ее оригиналом.⁹⁶ Все это говорит о достаточно компетентном рассмотрении дела и даже об известной строгости в подходе к оценке средств доказательства. Неудивительно поэтому, что и много лет спустя (в 1333 г.) суд под председательством того же самого прота Исаака, рассматривая спор между монастырями Неакиту и Зографским, продемонстрировал тот же свой «почерк». Здесь, правда, говорится о том, как один из представленных зографитами публично-

---

⁹⁶ Actes de Kastamonitou. № 3. P. 41 (voir Actes mentionnés).

правовых документов был признан фальсификатом на том основании, что был написан двумя почерками.⁹⁷

Что же касается частноправовых, в том числе нотариально оформленных, актов, то, не будучи снабженными теми гарантиями подлинности, которыми обладал публичноправовой документ, следовательно, не располагая презумпцией подлинности, они по этой причине с известной долей настороженности встречались как римско-византийским законодательством, так и судебными правоохранительными органами. Сторона, представившая частный акт для доказательства своих прав, должна была (в случае оспариваний другой стороной его подлинности, причем для этого не требовалось даже какого-то особого заявления о подлоге, достаточно было просто усомниться в его подлинности) доказать его подлинность с помощью одного из предусмотренных законом средств доказательства, а именно свидетельских показаний, сличения почерка или принесения присяги — судебная процедура, которая как раз и называется в законодательных источниках *impositio fidei*.⁹⁸ Правда, Троянос и в отношении частноправовых актов констатирует если не презумпцию подлинности, то во всяком случае некую предпосылку (*προϋπόθεσις*), при соблюдении которой акт мог быть принят судом к производству: наличие у акта характерных особенностей, свойственных именно данному типу акта, причем выяснение соблюдения этого условия суд брал на себя.⁹⁹ Само собой разумеется, что при подобных обстоятельствах в бо-

⁹⁷ Actes de Kastamonitou. № 4. P. 49–52.

⁹⁸ *Simon D.* Untersuchungen zum justinianischen Zivilprozess. München, 1969. S. 289 und Anm. 71; *Troianos S. N.* Ὁ ἔλεγχος... Σ. 700.

⁹⁹ *Troianos S. N.* Ὁ ἔλεγχος... Σ. 700.

лее выгодном положении оказывался тот акт, который был оформлен по всем правилам и нотариально заверен.

Вполне типичен с точки зрения процедуры подтверждения подлинности нотариального акта изданный в 1251 г. сельским судом приговор, в котором говорится следующее:¹⁰⁰ много лет назад иерей Иоанн Полея из селения Мантея вместе с сыном Фомой подарил своему племяннику (тоже иерею) Льву Музифре из Смирны через посредство дарственной грамоты 30 масличных деревьев.¹⁰¹ Позднее упомянутый иерей Иоанн Полея по наущению сатаны выдвинул притязания на эти масличные деревья перед своим господином, ленным рыцарем (λίξιος καβαλλάριος) Сиргарисом, причем Полея в то время (1229 г. — И. М.) принял уже

---

¹⁰⁰ ММ. Vol. 4. № 28. P. 80–84.

¹⁰¹ Имеется в виду дарственная 1210 г., текст которой также сохранен картулярием Лемвиотиссы, см.: ММ. Vol. 4. № 55. P. 119–121. Не подозревая о существовании в картулярии этого документа, Троянос предполагает, что в приговоре суда имеется в виду частный, не скрепленный подписями свидетелей и нотариа акт, и поэтому помещает рассмотрение приговора в тот раздел своей статьи, где анализируются именно такого рода документы (*Troianos S. N. Ὁ ἐλεγχος...* Σ. 704–705). Между тем речь идет о составленном по всей форме акте, заверенном подписями трех весьма высокопоставленных свидетелей: великого эконома митрополии Смирны Михаила Манасси, скевофилака этой же митрополии и примикирия табуляриев Константина Ксанфа и номика крепости Смирна Феодора Полея, из которых последний, «свидетельствуя и написав, подписал» акт, выступив таким образом и в качестве нотариа. Этот недосмотр привел, как мы увидим далее, Трояноса к ошибочным положениям в отношении оценки процессуальных приемов, к которым прибегают суд.

монашескую схиму под именем Илариона, как и иерей Музифра — под именем Леонтия. Полея утверждал, что он подарил своему племяннику Музифре только 20 масличных деревьев, а десятую тот владеет, мол, несправедливо. Ленный рыцарь Сиргарис поручил «домохозевам своей пронии» (πρὸς τοὺς οἰκοδεσπότας τῆς προνοίας αὐτοῦ), чтобы они тщательно разобрали дело и примирили тяжущихся. Наиболее влиятельные люди пронии (οἱ κρείττονες τῆς προνοίας αὐτοῦ),¹⁰² а также номик этой деревни иерей Николай Лаодикин, собравшись и рассмотрев старинный документ (τὸ παλαιγενὲς ἔγγραφο), выпущенный в свое время Полеей и его сыном Фомой (имеется в виду все та же дарственная 1210 г.), решили, что Полея говорит несправедливо и не имеет права на них. Но Полея изъявил готовность присягнуть (ἤθελεν ὀμόσαι) из-за 10 масличных деревьев. Увидев эту его дерзость, его племянник иерей Музифра сказал судьям: «Пусть владеет 10 деревьями, но только не клянется», и настоял на этом. И вот теперь, когда прошло 23 года (все это время 20 деревьями владел зять Музифры Константин Воловонт, а 10 — сторона Полеи, а именно его сын Фома), по научению сатаны Фома, брат его иерей Георгий и их мать захотели аннулировать старинный документ их отца (т. е. дар-

---

¹⁰² Как мы видим, документ важен, помимо прочего, еще и тем, что в нем наглядно отразилась феодальная структура византийской деревни того времени. Как уже отметил Дэльгер, λίξιος — это западноевропейское *ligius*, вассал; καβαλλάριος = *eques*, *Ritter*; οἰκοδεσπόται = *Vögte* (все эти термины и понятия, полагает он, проникли на византийскую почву во времена крестовых походов, и даже сам Συργάρις — это не кто иной, как *Sire Henry*, под которым следует понимать одного из рыцарей IV крестового похода). См.: *Dölger F. Urkundenfälscher in Byzanz. S. 395. Anm. 41.*

ственную 1210 г.) и пересмотреть принятое во времена Сиргариса лучшими домохозяевами их деревни решение (т. е. они захотели вернуть себе и остальные 20 деревьев) и предъявили притязания на эти деревья своей госпоже благороднейшей Комнине Вранине. Последняя, услышав об этом «постыдном пробуждении памяти» и предприятии Фомы и его брата иерея Георгия, изъявила желание завладеть этими масличными деревьями, но к ней же обратилась и сторона Воловонта, и она, своими ушами выслушав обе стороны и своими глазами увидев старинные документы (τὰ παλαιγενῆ δικαιοῦματα) Воловонта, решила, чтобы снова Фома, его брат и их мать судились со стороной Воловонта, где хотят. И вот сегодня, т. е. 15 октября ныне текущего 10 индикта (1251 г.), явились Фома, его брат и их мать в деревню Панарет, обратившись к здешним и внизу документа по имени обозначенным домохозяевам. Явилась и «сторона Воловонта» судиться с ними. «Сторона Фомы» заявила, что письменные документы их отца не подлинны (μὴ εἶναι τὰ χαρτῶα δικαιοῦματα... ἀληθῆ), но ложны и бесполезны (ἀλλὰ ψευδῆ εἰσὶ τε καὶ μάταια). Домохозяйца же, рассмотрев документы стороны Воловонта, а также судебное решение жителей села Аврилий (прония Сиргариса), сказали, что Фома и его сторона говорят не дело (κακῶς λέγουσιν) и что судебное решение и старинный документ, выпущенный отцом Фомы, подлинны. После долгого спора предложено было Фоме Полею под страхом принятия отлучения (ἀφορισμός) от архиерея (поклониться), что документы не истинны, а лживы, и тогда он получит масличные деревья. Тот не захотел и тотчас скрылся. Сторона же Воловонта изъявила желание под страхом принятия отлучения (принести присягу) о том, что документы подлинны и что отец Фомы отдал их Музифре, его племяннику. В результате сельский суд решает

спор в пользу стороны Волоннта и отклоняет иск Фомы Полеи, причем судебный акт, «написав, подписал» не кто-нибудь, а уже известный нам иерей и номик митрополии Смирны и прихода Мантеи Феодор Каллист.

В отличие от Трояноса, который усматривает в процессуальных приемах, примененных судом, «не простое видоизменение законной судебной процедуры... а в высшей степени значительное отклонение от нее» и приписывает какую-то особую роль «отлучению от церкви», примененному здесь якобы вместо обычной клятвы сторон о клевете,¹⁰³ мы не видим здесь никакого существенного отхода от буквы и духа закона. Опрос свидетелей совершения первоначального дара и нотариия, совершившего его, исключался за давностью лет: ведь с тех пор минуло более 40 лет и их, возможно, не было уже в живых, как, например, самого дарителя Иоанна Полеи. По каким-то причинам (возможно, не желая усложнять это в общем-то простое дело), решили не проводить графологической экспертизы, а ограничились тоже вполне законным требованием принести клятву о клевете (*Calumnien — Eid*), предполагавшую отлучение от церкви в том случае, если клятва окажется ложной.¹⁰⁴ Почему-то писец и составитель судебного постановления Феодор Каллист сделал акцент именно на последствиях клятвopеступления, не упомянув самой клятвы, но весь кон-

---

¹⁰³ *Troianos S. N. Ὁ ἔλεγχος...* Σ. 704–705.

¹⁰⁴ Именно так понимает это место и Дэльгер, с которым полемизирует Троянос, см.: *Dölger F. Urkundenfälscher in Byzanz. S. 396 und Anm. 42.* О подобного рода практике см. также: *Zachariae von Lingenthal K. E. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. 3. Auflage. Aalen, 1955. S. 398.*

текст этой части приговора говорит, нам кажется, в пользу именно такого понимания: клятва о клевете подразумевается.

Показательно в этом отношении дело, которое в 1348 г. слушал синодальный суд Константинопольского патриархата,¹⁰⁵ — о тяжбе братьев Стронгилов с Каломисидом, вторым супругом их умершей сестры Марии, в связи с наследованием имущества последней (жилые постройки в Константинополе, половина виноградника в деревне Тракада). Братья Стронгилы выступили в этом деле истцами, представив какой-то частный акт (γράφια), не принятый во внимание судом на том основании, что он не был удостоверен, как полагалось по его природе, подписями нотариа и свидетелей (διὰ τὸ μὴ τὸ πιστὸν ἔχειν ἀπὸ εὐλόγου καὶ νομίμου τινὸς παρατάσεως). Зато было составлено по закону предъявленное другой стороной (Каломисидом) завещание (γράφια διαθηκῶν) умершей супруги, заверенное нотарием («табеллионом») и свидетелями. Тем не менее оно было подвергнуто процедуре *impositio fidei* с вызовом для дачи показаний записанных в нем свидетелей, которые, «будучи допрошенными в присутствии обеих сторон под страхом епитимьи», подтвердили, что своими ушами слышали слова, сказанные умиравшей на последнем дыхании (ἐν ταῖς τελευταῖς ἀναπνοαῖς) и действительно завещавшей Каломисиду спорное имущество (следует перечисление). Обращает на себя внимание то, что свидетели удостоверяют своими показаниями действительность самого юридического акта, последнего волеизъявления завещательницы, высказанного ею на смертном одре, а не подлин-

---

¹⁰⁵ MM. Vol. 1. № 126. P. 276–279; Darrouzès J. Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople. Paris, 1977. Vol. 1. Fasc. 5. № 23. P. 244–245.

ность акта. Возможно, что их показания в чем-то и расходились с содержанием письменного завещания, представленного Каломисидом, иначе откуда это странное и совершенно необычное решение суда: считать «гарантированное» показаниями свидетелей волеизъявление умершей «неписанным завещанием» (*ἄγραφος διαθήκη*),¹⁰⁶ в то время как существовал уже по всем правилам оформленный и нотариально заверенный акт, по содержанию совпадавший, если верить Трояносу, с устным волеизъявлением завещательницы.¹⁰⁷

Не менее поучительно и продолжение этого дела, известное нам из того же самого приговора суда. Оказывается, позднее братья Стронгилы возбудили новый иск против Каломисиды, ссылаясь на какой-то кадастр (*κατάστιχον*), сохраненный сестрой, и на письменную расписку (*ἀποληπτικὴν ἔγγραφον ἀλόδειξιν*), заверенную подписями свидетелей, из которых вытекало, что она дала из своего приданого 72 иперпира ее свояченице (сестре Каломисиды) в счет выкупа принадлежавшей ей части дома (по-видимому, попавшему в число жилых помещений, отошедших Каломисиду). Для отражения этих притязаний Каломисид предъявил документ (*τὸ γραμματίον*), в котором в качестве свидетелей значились два приближенных к императору (*οἰκεῖοι*) лица — Монастириот и Севастиан, которые, будучи приглашенными судом для дачи показаний, не явились, сославшись на занятость на императорской службе, однако подтвердили письмом, что никогда не расписывались в качестве свидетелей в подобного рода акте, оказавшемся, таким образом, подложным. Выявилось

¹⁰⁶ MM. Vol. 1. P. 277, l. 24–25. О завещаниях такого типа см.: В. 35.2.16 = С. 6.23.27. § 2; В. 35.9.1 = D. 28.5.1. § 5; Nov. 42 Leonis VI.

¹⁰⁷ Troianos S. N. Ὁ ἔλεγχος... Σ. 714.

также, что документ по поручению Каломисида был подделан неким Опсикианом, который в этом сам полностью признался, «приняв всю тяжесть епитимьи», определенную синодом и патриархом.¹⁰⁸

Трояноса поразило также, что суд не вспомнил ни о нотариии, который совершал документ, ни о его помощниках, ни о писце. Действительно, это странно, и единственное тому объяснение, которое я могу предложить, — это то, что ни его, ни их уже не было в живых, и вместо того чтобы воспользоваться той сложной процедурой, которая предусматривалась в этом случае соответствующими нормами византийского законодательства,¹⁰⁹ суд предпочел более простое решение. Кстати, с аналогичной проблемой еще раньше (1220 г.) сталкивался архиепископский суд Охрида (Юстиниана Прима) под председательством небезызвестного Димитрия Хоматиана, разбиравший иск выходцев с острова Керкиры братьев Сергия и Никифора против своего родственника Феодора Косея по делу о наследстве.¹¹⁰ В то время как истцы представили суду оригинал завещания, составленный по всем правилам и заверенный нотарием (ἡ πρωτότυπος διαθήκη<...>ἀμέμπτως οὐστῶσα καὶ κατὰ τὴν νομικὴν παρατήρησιν),¹¹¹ ответчик предъявил копию, снятую, по его утверждению, с оригинала завещания, но, как оказалось, не заверенную «каким-либо официальным лицом из тех, кто обычно

¹⁰⁸ MM. Vol. 1. № 126. P. 278, l. 1–4.

¹⁰⁹ См.: В. 22.4.6 = N. 73.7. § 2.

¹¹⁰ *Pitra J. B. Analecta sacra et classica spicilegio Solesmensi parata. Parisiis. 1891. Vol. VI. № 31. Col. 135–142.* О Хоматиане как юристе см.: *Matsis N. P. Νομικὰ ζητήματα ἐκ τῶν ἔργων Δημητρίου Χωματιανοῦ. Ἀθήναι, 1961.*

¹¹¹ *Pitra J. B. Analecta... Col. 137, l. 2–6.*

удостоверяет своими подписями копии, снятые с оригиналов, так как обычно требуется, чтобы суду представлялся если не оригинал, то по крайней мере завершенная копия» (δέον ἐν εἰ μὴ τὸ πρωτότυπον, ἴσον γούν πεπιστωμένον συνήθως ἐμφανισθῆναι).¹¹² Из-за разночтений, которые обнаружили оба документа, и вследствие обвинения в подлоге, которое выдвинул «упрямый Косей», утверждая, что предъявленная им копия была снята с другого оригинала,¹¹³ возникла проблема подтверждения подлинности завещания, т. е. проведения процедуры *impositio fidei*. При создавшихся обстоятельствах суд не стал пунктуально следовать той процедуре, которая предписана Василиками, но довольствовался присланным суду письмом некоего иеромонаха Варлаама, отца табулярия, составившего завещание. Варлаам, в частности, подтвердил подлинность акта («Не нахожу я в завещании ни умысла, ни подлога, ни интриги», — говорит он), который он подписал раньше как свидетель, хотя и не присутствовал при его изготовлении, «будучи прикован к постели из-за сквозняка». Сочтя это свидетельство достаточным для доказательства подлинности завещания,¹¹⁴ суд принял иск братьев как «законный и обоснованный», но с ого-

¹¹² *Pitra J. B. Analecta...* P. 136, l. 21–29.

¹¹³ *Ibid.* P. 138, l. 4–8.

¹¹⁴ *Ibid.* P. 140, l. 1–10. Любопытен аргумент, выдвинутый судом (скорее, самим Димитрием Хоматианом) в обоснование бесспорности свидетельства иеромонаха Варлаама: «Никогда имеющий ум не толкнет сам себя на преступление подлогом и не подвергнет законным карам, каковыми, по предписанию закона, являются ссылка и полная конфискация имущества» (*Ibid.*, l. 13–18). О том, что главным источником для Хоматиана были Василики, которые он здесь и цитирует (характерно, впрочем, и опущен-

воркой, что проигравший процесс Феодор Косей может, «когда и где захочет, в пределах определенного законами отрезка времени» опротестовать подлинность завещания, на котором основывается решение суда,¹¹⁵ т. е., очевидно, подать апелляцию в вышестоящую инстанцию.

В судебной практике Димитрия Хоматиана был еще один подобный случай,¹¹⁶ когда в ходе слушания тяжбы о винограднике предъявленный одной из сторон (истцом, жителем Веррии Корифином) для доказательства его утверждений нотариальный акт продажи был объявлен другой стороной (ответчиком Львом Каппадокисом) подложным на том основании, что купчая (ἐκμάρτυριον περὶ τῆς ἀγορασίας), как это явствовало из другого акта (мировой — διαλυτέον ἔγγραφο), совершенного тем же табулярием и между теми же контрагентами (продавцом спорного виноградника был медник Никифор, а покупателем — наш истец Корифин), что эта купчая была оформлена задним числом: она была датирована мартом 1213 г., а мировая — июнем того же года, в то время как примирение предшествовало продаже. Налицо явный прохρονισμός, т. е. оформление задним числом, столь «противный закону» и свидетельствующий о том, что и вся купчая «состоит из хитрости и обмана».¹¹⁷ Для отклонения этого обвинения представивший подозрительный акт Корифин предъявил два письменных свидетельства

ние концовки предписания В. 60.41.1, касавшейся смертной казни рабам) и которыми, очевидно, располагал как в виде полного экземпляра, так и в виде синопсиса, см.: *Matsis N. P.* Νομικὰ ζητήματα... Σ. 21.

¹¹⁵ *Pitra J. B.* Analecta... Col. 140. l. 31–39.

¹¹⁶ *Ibid.* № 89. Col. 393–396.

¹¹⁷ *Ibid.* Col. 394, l. 18–21.

(ἐκκαρτῦρια ἔγγραφα), содержащих клятвенные показания табулярия, составившего их в присутствии светских и церковных архонтов и подтвердившего, что оба акта, т. е. как обвиненная в подложности купчая, так и мировая, на которой это обвинение основывалось, подлинны («без всякого умысла и хитрости») и что оформление задним числом было кажущимся, а не настоящим, так как при их составлении не была соблюдена по уважительным причинам обычная хронологическая последовательность.¹¹⁸ Суд счел это объяснение достаточным и признал подлинность купчей, хотя, как считает Троянос, и здесь имело место известное несоблюдение предписанных законодательством процессуальных норм (требовать сначала доказательств от предъявившего документ, а после этого от утверждающего, что этот документ поддельный¹¹⁹), «так как, кажется, здесь не проводилось процедуры доказательства подлинности акта о продаже (т. е. купчей. — *И. М.*) посредством *impositio fidei* стороной, предъявившей его; вместо нее вследствие перемещения бремени доказывания развернулся спор о подлоге, при котором, возможно, присутствовавшие при изготовлении актов свидетели совсем не опрашивались (а ведь упоминания об их отсутствии не было), и суд удовлетворился вышеупомянутыми подтверждениями табулярия».¹²⁰

Думается все же, что не следует «ставить на одну доску» частноправовой, нотариально заверенный акт и частноправовой же, но составленный самим автором с привлечением свидетелей, без обращения к нотарию — профессионалу, облеченному государством «концес-

¹¹⁸ *Pitra J. B. Analecta...* Col. 395, l. 22–37.

¹¹⁹ В. 60.41.58 = С. 9.22.24.

¹²⁰ *Troianos S. N. Ὁ ἔλεγχος...* Σ. 713.

сией» составлять акты, даже если процедура *impositio fidei* требовалась в принципе и для первого, и для второго. Все-таки указание имени совершившего акт табулярия/табеллиона в клаузуле корроборации и наличие его собственноручной подписи не могли не внушать доверия и делали излишним проведение процедуры *impositio fidei* в полном объеме, иначе вообще не было бы смысла в существовании института нотариата: обычное право, как всегда, оказывалось более живучим, чем официальное писанное. Об этом, кстати, говорит и тот факт, что, хотя нотариальный акт был господствующим типом частноправового византийского акта, число судебных дел с оспариванием подлинности именно такого рода документов относительно невелико;¹²¹ пальму первенства здесь держат, бесспорно,

---

¹²¹ Разумеется, высокая репутация табеллионатного документа могла оказаться сильно «подмоченной» такими эксцессами, как, например, тот, о котором сообщается в постановлении синодального суда от 1315 г.: суд не признал за представленным одной из сторон письменным актом (дарственной) никакой доказательственной силы на том основании, что хотя вверху документа, «как это принято», и были написаны формулы протаги (протаγός) его авторами (отцом и остальными родственниками судящейся по имени Дукена Феодора Вальсамина), но внизу он «не был засвидетельствован подписями свидетелей, не был утвержден и удостоверен подписью какого-либо другого (должностного) лица, и даже сам табеллион не подписался, который, впрочем, неоднократно изобличался в подделках и фальсификациях совершаемых им договоров, будучи за это осужден на увольнение с должности табулярия (*ἀργίαν καταδικασθέντος τῆς τοιαύτης ταβουλλαρικῆς ὑπουργίας*). См.: *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel* / Hrsg. von H. Hunger und O. Kresten. Wien, 1981. 1. Teil. № 23. S. 234. Z. 36–44.

частные акты, составленные без участия нотарииев, хотя их «вес» в общей массе византийских актовых источников, как мы видели, был незначителен.

Но что конкретно имелось в виду под процессуальными действиями, из которых складывалась процедура *impositio fidei*? Возьмем, к примеру, доказательство подлинности поставленного под сомнение акта показаниями записанных в нем и подписавшихся под ним свидетелей. Оно регулировалось распоряжением Василия, которое в свою очередь буквально воспроизводит некоторые положения 73-й новеллы Юстиниана.¹²² Но, будучи выхваченными из контекста новеллы, эти положения приобретают первоначально не свойственную им жесткость и императивность, а местами даже и невразумительность. Например, как должен был понимать судья слово *ἐκατέρωθεν*, от которого «дело получает доверие» (*λαμβάνει τὸ πρᾶγμα τὴν πίστιν ἐκατέρωθεν*)? В новелле (мы это видели сами, приведя текст новеллы почти целиком в русском переводе) это совершенно ясно: дело получает доверие «и от того и от другого», т. е. и от сличений почерка, и от свидетельских показаний, так как о сравнительной силе этих способов доказательства подлинности документа как раз и идет здесь речь, причем именно документа, составленного без обращения к нотарию. При всей своей «регламентации» Юстиниан не навязывает окончательного решения; отдавая некоторое предпочтение при верификации «голых договоров» свидетельству «живого голоса», он, в целом скептически относясь к методу сличения почерков, тем не менее не призывает от него отказаться, так как, по его мнению,

---

¹²² В. 22.4.2 = Nov. 73.1–2; Cf.: В. 22.3.1; 22.4.1, где также воспроизводится Nov. 73 наряду с С. 4.21.20. § 1 и Nov. 49.2.

«и рассмотрение почерков не является полностью негодным, но лишь недостаточным, нуждающимся в подкреплении свидетелями». ¹²³ В конечном счете Юстиниан предоставляет судье, ведущему дело, решать, какой способ доказательства принять за основу и какой результат расследования считать за истину. ¹²⁴

Подобной гибкости мы не обнаруживаем в Василиках (ведь нельзя же назвать гибкостью противоречия, не столь уж редко встречающиеся в этом законодательном своде), которым склонны были слепо следовать некоторые догматически мыслящие судьи, прежде всего чересчур ученые и эрудированные юристы типа Евстафия Ромея. Из четырех зафиксированных в Пире случаев экспертизы подлинности доказательственных актов первый — это буквальное воспроизведение предписания Василик о проведении в ходе процедуры *impositio fidei* свидетельских опросов

---

¹²³ Nov. 73. 2. Возможность применения метода сравнения почерков признается Юстинианом и в других его законах (С. 4.21.20; Nov. 49.2. Ср.: *Wal van der N. Manuale novellarum Iustiniani*. Groningen; Amsterdam, 1964. P. 138. № 1119–1121), но именно благодаря его 73-й новелле этот метод (*comparatio litterarum*) получил широчайшее распространение на Западе, отразившись в лангобардском и франкском праве, найдя признание у легистов и канонистов, и т. д. (см.: *Herde P. Römisches und kanonisches Recht*. S. 306–308, 321).

¹²⁴ Этот вывод, завуалированный у Юстиниана риторикой и гипотетической интонацией, резюмирован в позднейшем синопсисе Юстиниановых новелл совершенно категорически и безапелляционно: «Если сличение (почерков) говорит одно, а свидетели — другое, то решение находится на усмотрении судьи» (ἡ διάκρισις ἔσται τῆς τοῦ δικάζοντος ἀρχινοίας): *Schminck A. und Simon D. Eine Synopsis der Novellen Iustinians // FM., 1981. 4. S. 168. Z. 1002–1003.*

с выездом на место проживания свидетелей;¹²⁵ второй и третий — более или менее верные цитаты из соответствующей статьи Василик об условиях выдвижения в суде обвинения в подложности акта, подлинность которого уже была доказана с помощью свидетелей или путем сличения (в этом случае разрешалось настаивать на подложности, только принеся присягу о клевете и не иначе как с обязательством представить доказательства подложности раньше вынесения обвинительного приговора или слушания дела в апелляционном суде).¹²⁶ Ценность этих трех приговоров из Пире, таким образом, тем и исчерпывается, что они свидетельствуют о применимости норм Василик в первой половине XI в., не давая ясного представления о том, как это претворялось в судебной практике (историческая часть этих приговоров в Пире полностью опущена).¹²⁷ Зато для нашего исследования представляет значительный интерес четвертый приговор, отмеченный в Пире, в котором регламентируется судебная процедура доказательства подлинности завещания, когда некоторых из свидетелей в момент проведения судебного расследования уже не было в живых: «Когда рассматривается завещание и оказывается, что свидетели умерли, то оно должно получить подтверждение, и если живы пять свидетелей, то они только и подтверждают его и не нужно сличения подписей умерших. Но если нет в живых пяти свидетелей, то тогда живущие сами подтверждают свои подписи, а за умерших сторона, представившая завещание, должна предъявить еще один акт с их подписями (ἀντιούγγ-

---

¹²⁵ Peira 47.6 = В. 22.1.77. = С. 4.21.18.

¹²⁶ Peira 56.1; 64.3; Cf.: В. 22.1.79 = С. 4.21.21.

¹²⁷ Ср.: Troianos S. N. Ὁ ἔλεγχος... Σ. 703.

рафов), и тогда они подтверждаются табеллионами и их примикирием путем сличения почерков. Для сличения каждой подписи нужно иметь (как минимум? — *И. М.*) две подписи одного и того же лица, которые он поставил на такого рода документах, где он, подписывая, говорит: “И, свидетельствуя, подписал собственноручно”». ¹²⁸ Как уже отметил Троянос, из текста этого приговора можно вывести по крайней мере три наблюдения: 1) он предполагает присутствие при составлении завещания большего числа свидетелей, чем пять, что соответствует требованиям Юстинианова права, воспринятым Василиками, ¹²⁹ но отходит от особого правила, более терпимого к завещаниям и введенного новеллами Ирины (для завещаний достаточно и трех свидетелей) и 41-й новеллой Льва VI (пять свидетелей в городе и три — вне его); 2) описанная в нем процедура подтверждения подписей умерших свидетелей значительно строже предусмотренной Юстиниановым законодательством; ¹³⁰ 3) в качестве экспертов для проведения графологической экспертизы использовались табеллионы (табулярии) и их примикирий, что обусловлено их привычкой и опытом работы с почерками. ¹³¹

В точном соответствии с предписаниями Василий и цитируя их, решает тяжбу между должником иереем Константином Калловелоном, выступившим в этом процессе в качестве истца, и кредитором Константином Костомиром (оба выходцы из г. Веррии) архиепископский суд Охрида (Юстиниана Прима) под

¹²⁸ Peira 14.3.

¹²⁹ С. 6.23.31 = В. 35.2.25; Cf.: Ecloga 5.2 (семь свидетелей); Proch. 21.12 et Eis. 29.8 (семь или пять свидетелей).

¹³⁰ Nov. 73.7 = В. 22.4.6.

¹³¹ Troianos S. N. Ὁ ἔλεγχος... Σ. 704.

председательством Димитрия Хоматиана.¹³² Им было постановлено, что возможно расторжение соглашения сторон, заключенного истцом под страхом насилия (*βίη καὶ φόβῳ*), оказанного на него, с одной стороны, кредитором, который, пользуясь тем, что должник не смог своевременно погасить долг (он должен был расплачиваться плодами со своего виноградника, но из-за неурожая не смог этого сделать), потребовал самый виноградник, предъявив в «практорский суд» документ, где это якобы было оговорено, а с другой стороны — самим этим «практорским судом», принявшим документ кредитора к производству, невзирая на то, что должник опротестовал его как подложный, и приговорившим должника к заключению в долговую тюрьму. В результате, уже находясь в тюрьме, должник Константин Калловелон вынужден был уступить и, хотя и против своей воли (*ἄκων*), выполнил все, что хотел кредитор Костомир, «начертав в начале бумаги честной крест со своим именем», отдав Костомиру виноградник и будучи выпущен из тюрьмы, но позднее обратился с этим делом в архиепископский суд, о содержании решения которого мы уже знаем. Важно, однако, отметить то, что суд сделал существенную оговорку: обратившийся к нему с вопросом иерей Константин Калловелон обязан будет перед судом, которому придется слушать его иск,¹³³ любым законным средством («голосами или клятвами достойных доверия свидетелей или каким-либо другим законным средством») доказать, во-первых, факт примененного к нему насилия, во-вторых, факт совершенного кре-

¹³² *Pitra J. B. Analecta...* № 92. Col. 403–408.

¹³³ Следует оговориться и нам, что настоящий приговор — это пока гипотетическое решение вопроса, ответ на вопрос, консультация в форме судебного постановления.

дитором подлога. Содержание приговора, таким образом, полностью соответствует нормам византийского законодательства как в том, что касается бремени доказывания, которое несет сторона, оспаривающая достоверность акта, поскольку тот не предъявляется больше с целью доказательства, так и в отношении того, что не существует какого-либо ограничения для возможности нового оспаривания того же самого акта как подложного, поскольку в ранее происшедшей между сторонами тяжбе это не было подтверждено с помощью процедуры *impositio fidei*.¹³⁴

Но здесь мы опять-таки имеем дело с ученой консультацией ученого юриста, с «Пирой XIII в.», с приверженцем Василик в XIII в., а нам небезынтересно проследить, какую именно картину рисует жизненная повседневная практика. В этом отношении обращает на себя внимание изданный в 1330 г. синодальным судом Константинопольского патриархата приговор по поводу тяжбы между монахиней Агафоники и «стороной» умершего «чернильничего» (ἐπί τοῦ κανικλείου) Никифора Хумна о монастыре Богородицы Крionеритиссы в Гераклее.¹³⁵ Приговор гласит следующее: пришла в синод монахиня Агафоники и сообщила, что ее дядя по матери, монах Феодосий, бежавший из Скамандры от нашествия вражеских варваров вместе с нею и с ее матерью, монахиней Анастасией, в Гераклею, где он и поселился, воздвигнул внутри ее своими трудами и на свои средства монастырек Богоматери Крionеритиссы, в который ввел обеих женщин и в котором они и жили. По прошествии нескольких лет Феодосий заболел и пожелал видеть епископа Δανείου,

¹³⁴ Troianos S. N. Ὁ ἔλεγχος... Σ. 706.

¹³⁵ Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. № 103. S. 586–588.

чтобы тот исповедал его и чтобы при его и его клириков свидетельстве было составлено завещание. Епископ Дания пришел к нему и исповедал его, а Феодосий сказал и о монастырьке, и о своем намерении владение им передать этим монахиням. Но вскоре после этого пришел Георгий Куналис, который всячески препятствовал и не разрешал составлять завещание, а после смерти монаха Куналис сам предъявил завещание, которое написал его собственный сын и которое он составил, как ему было угодно; посредством его он «передал и отпустил» этот монастырек (вопреки намерению и воле ктитора) «стороне» покойного чернильничего, шурина императора, которая с того времени владела им, не очень заботясь о нем, из-за чего он пришел в полнейшее запустение. Патриарх, сочтя себя должным рассмотреть дело и выслушать сторону чернильничего, имеет ли она что-либо сказать о монастырьке, потребовал, чтобы они явились в суд. Они же передали только завещание, не имея предъявить в свое оправдание ничего другого, кроме одного только его. И когда, как было сказано, монахиня сказала, что Куналис подделал его, сторона чернильничего заявила, что только эта монахиня Агафоники надоедает из-за монастырька, а ее мать, монахиня Анастасия, признала и одобрила завещание, поэтому она также должна прийти в суд; будучи, однако, вызванной и допрошенной в синоде, и Анастасия сказала, что завещание подделано (*πτελασμένην ὁμοίως καὶ αὐτὴ τὴν διαθήκην ἔλεγε*). Да и епископ Дания написал и засвидетельствовал, что дело обстояло так, как описала монахиня, т. е. что Феодосий передал монастырек монахиням и что позднее Куналис подделал завещание, подписав его сам так называемыми «подписями» епископа и других лиц. Все это было письменно засвидетельствовано, и суд, согласно воле основателя монастырька, присудил его мона-

хиням. Тем самым синодальный суд во главе с патриархом Исайей в известной мере отошел от предписанных законом процессуальных норм, но обеспечив явку в суд стороны ответчика, не обязав ее на *impositio fidei* и по собственной инициативе взяв на себя сбор показаний свидетелей, которые присутствовали при устном завещании, причем не вследствие их самоличной явки в суд, а посредством получения от них соответствующего письменного документа, вероятнее всего, составленного в форме письма.¹³⁶

Любопытным как в отношении способа экспертизы подлинности, так и с точки зрения приемов подделки документа представляется сложное и запутанное дело о тяжбе двоюродных сестер по поводу наследства (хозяйственные постройки, мастерские), которое в 1360 г. слушал все тот же синодальный суд Константинопольского патриархата:¹³⁷ во второй фазе слушания этого дела ответчица предъявила для доказательства своих утверждений акт соглашения (купчую), который уже представлялся в первой инстанции перед тем же самым судом. Однако неоднократное внесение на рассмотрение этого доказательственного документа закончилось для ответчицы плачевно: у судей создалось убеждение, что на сей раз ответчица «предъявила не тот акт соглашения (*σύμφωνον*), который она предъявляла раньше, но другой, измененный и неидентичный первому, так как первый документ был на постаревшей багдадской бумаге (*ἐκ χαρτίου βαγδαϊτικῆς πελαλαιωμένου*), а ныне представленный — на обычной новой бумаге, но закопченной и от этого кажущейся темной и древней (*ἐκ χαρτίου νέου συνήθους κεκαπνισμένου καὶ διὰ τοῦτο δοκοῦντος μέλανος καὶ παλαιοῦ*),

¹³⁶ Troianos S. N. Ὁ ἔλεγχος... Σ. 707.

¹³⁷ MM. Vol. 1. № 173. P. 391–397.

каковой документ не только наша умеренность, говорит патриарх, взяв в руки, признала совершенно иным в сравнении с прежним, так как видела и рассматривала его во время неоднократных предъявлений синоду, но и другие почтеннейшие церковники, возлюбленные во святом духе сыны моей умеренности, такие как великий сакелларий и дидаскал дидаскалов диакон Феодор Мелитениот и сакеллиу и дикеофилак диакон Георгий Пердикис, решительно утверждали и заверяли, что ныне предъявленный акт соглашения действительно иной, нежели прежний». ¹³⁸ Ответчица, стало быть, по каким-то своим соображениям (возможно, потому, что текст подлинного документа не способствовал благоприятному для нее исходу апелляционного суда) совершила подлог, представив документ, написанный на другом, новом, но искусственно состаренном материале, с заведомой целью ввести суд в заблуждение.

Шесть лет спустя (в 1366 г.) суд Серрской митрополии занимался выяснением подлинности завещания, на которое опирался великий примикирий Исарис в своей тяжбе с Хиландарским монастырем. ¹³⁹ Когда во время судебного процесса был зачитан акт, монахи поставили под сомнение денежную сумму, записанную в нем. «Поэтому, — говорят судьи, — каждый из нас, взяв представленный документ в руки и рассмотрев его поближе, констатировал, что знак, обозначающий сумму, выскоблен из завещания и что совершен явный подлог, так как одними чернилами писан весь текст и то, что было выскоблено, другими — то, что добавлено; одна рука писала весь текст, другая — добавление. И когда это обнаружилось, то было

¹³⁸ MM. Vol. 1. № 173. P. 394, l. 14–28.

¹³⁹ Actes de Chilandar. № 151. P. 316–321.

признано всеми, что завещание и в целом не имеет доверия как обманчивое и вероломное, а так как в соответствии с божественными и священными законами, предписывающими, что «лицо, скрывшее завещание, или вычеркнувшее что-либо из него, или подменившее, или распечатавшее, или подделавшее, или коварно подстроившее, чтобы это случилось, подлежит обвинению в подлоге»,¹⁴⁰ то мы вынесли решение уничтожить его как фальшивое. Поэтому, разрезав его на мелкие кусочки (λετὰ τερόντες) перед всем синодом, мы уничтожили его».¹⁴¹ Всегда ли имела место подобная процедура элиминации признанного подложным документа? Это важно было бы знать, но приходится констатировать уникальность данного свидетельства,¹⁴² как, впрочем, и уникальность факта дословного цитирования в XIV в. Василик.

Наконец, еще несколько случаев из практики синодального суда Константинопольского патриархата, представляющих интерес для нашего исследования: в 1400 г. сочетание графологической экспертизы и доказательства с помощью свидетельских показаний при разрешении одного брачного спора привело членов суда к отклонению предъявленного истцом акта соглашения как поддельного, в котором «то, что было написано вверху, не совпадало с тем, что было написано в конце его, к тому же написано другими чернилами и другой рукой, причем на акте не было вообще

---

¹⁴⁰ Цитата соответствующего отрывка из Василик, ср.: В. 60.41.2 = D. 48.10.2.

¹⁴¹ Actes de Chilandar. № 151. P. 319, l. 99–110.

¹⁴² Впрочем, как отмечает Троянос, сходным было принятое на 14-м заседании VI Вселенского собора решение о судьбе подложных актов V Вселенского собора (*Troianos S. N. Ὁ ἔλεγχος... Σ. 710*).

подписей свидетелей, хотя в начале его их имена были записаны»;¹⁴³ в этом же 1400 г. суд, разбирая другое дело по соответствующему протесту одной из сторон, вынес решение, что подпись женщины нельзя считать поддельной, если при написании ее рука поддерживалась третьим лицом, ибо таким образом подписывавшейся просто оказывалась помощь, а она сама сохраняла графические особенности своего почерка;¹⁴⁴ в 1401 г. отклонено притязание одной из сторон о том, чтобы предъявленное другой стороной завещание было подвергнуто процедуре подтверждения его свидетелями на том основании, что она не имела никакого права для требования пересмотра завещания;¹⁴⁵ без даты — по требованию одной из сторон ей был дан четырехмесячный срок для того, чтобы собрать необходимые данные для доказательства подложности акта, предъявленного противоположной стороной.¹⁴⁶

Из рассмотренного материала явствует, что как в гражданских, так и в церковных судах Византии использование письменных актов, в том числе и частноправовых, как средств доказательства было очень широко распространено, ему практически нет альтернативы.¹⁴⁷ Троянос прав, подчеркивая, что не в последнюю очередь это связано с тем, что акты свобод-

---

¹⁴³ ММ. Vol. 2. № 582. P. 401–404.

¹⁴⁴ Ibid. P. 361–366.

¹⁴⁵ Ibid. P. 509–510.

¹⁴⁶ Ibid. P. 416–417.

¹⁴⁷ Пожалуй, мы смогли бы назвать лишь один-два случая судебных разбирательств без упоминания письменных документов. Так, в картулярии Вазелонского монастыря сохранился текст судебного приговора (II половина XIV в.) по делу о хорафие, права на который доказывались тяжущимися сторонами не документами, а ссылкой на одного

ны от тех известных недостатков, которые были присущи устному свидетельствованию, но он, нам кажется, не прав, тут же умаляя доказательственную силу актов и утверждая, что за исключением случаев, когда закон прямо требует доказательства письменным актом (указывается канон 120-й Карфагенского собора), из источников не вытекает их большая доказательственная сила по сравнению с доказательством при помощи свидетельствования.¹⁴⁸ Нельзя забывать, что судебные постановления, с которыми мы имеем дело, фиксируют, как правило, конфликтные ситуации, при которых привлечение разного рода способов доказательства вполне естественно. В нормальных же условиях документы, в том числе частноправовые и нотариальные, достаточно надежно гарантировали владельческие права на собственность.¹⁴⁹ Конечно,

---

свидетеля, клятвенные показания которого и стали основой постановления (Вазелонские акты, № 132. С. 97–98. О подобном случае см. также. № 134. С. 100–101 (1415 г.)).

¹⁴⁸ *Troianos S. N.* Ἡ ἐκκλησιαστικὴ διαδίκασια μετὰ τὸ 565 καὶ 1204. Σ. 114.

¹⁴⁹ К тем примерам, которые уже были рассмотрены, нам хотелось бы «подключить» еще один, весьма, на наш взгляд, характерный — приговор церковного суда в г. Серры от 1360 г., который восстанавливал Хиландарский монастырь в правах на некоторые хорафии метоха Каменикия, захваченные соседями. Расследование производилось с выездом суда на спорные места, причем в отношении тех владельцев хорафиев, которые предъявили купчие (τὰ πρᾶτήρια), было решено, что в их собственности останется то количество земель, которое в этих актах записано, а «все лишнее», т. е. выходящее за пределы записанной в актах суммы имуществ, возвращается монахам метоха Каменикия; при этом вопроса о подлинности актов вообще не возбуждалось. См.: *Actes de Chilandar*. № 146. P. 307–310.

преступная деятельность пластографов наносила ущерб авторитету письменных актов в глазах судей, но она же — повторим эту мысль — парадоксальным образом свидетельствовала о наличии такого авторитета; в противном случае небезопасная деятельность пластографов (прежде всего небезопасная для них самих) была бы лишена смысла.

Создается впечатление, что в общем и целом суды справлялись со своими обязанностями, достаточно объективно и в соответствии с законами ведя разбирательство дел, проявляя компетентность в выявлении подлогов и в их классификации. Впрочем, это и не удивительно при том общем высоком уровне филологической и дипломатической культуры, которую мы наблюдаем в Византии во все времена ее существования и которую особенно наглядно продемонстрировали византийцы на VI Вселенском соборе (680 г.) в ходе экспертизы подлинности актов V Вселенского собора и на Флорентийском соборе (1438 г.) в ходе экспертизы подлинности некоторых патристических текстов.¹⁵⁰ Привлечение лучших научных сил для решения этих не столько теологических, сколько научных вопросов, сосредоточение для этого значительного рукописного и актового материала не могли не способствовать как развитию филологии вообще (и в Византии, и на Западе), так и судейской методики изобличения подлогов. Но в то же время на практике «византийская Фемида» была, кажется, весьма благосклонной к такого рода делинквантам: по крайней мере нам неизвестно ни одного случая, когда суд применил бы к плас-

---

¹⁵⁰ *Dölger F. Urkundenfälscher in Byzanz. S. 386–387; Troianos S. N. 'Ο ἑλεγχος... Σ. 698–700; Медведев И. П. Экспертиза подлинности патристических текстов на Флорентийском соборе // ВИД. 1976. 8. С. 274–285.*

тографу, казалось бы, иногда обязательную и предписанную законом «высшую меру наказания». Не в этом ли причина того, что, несмотря на борьбу с ними, подделки продолжали появляться все снова и снова, а многие из них (и это, как заметил Дэльгер, достойно удивления), несмотря порой на весьма грубую работу (аляповатая орфография, прочие ошибки), не привлекли к себе внимания византийских правоохранительных органов, обращаясь наряду с подлинными документами.¹⁵¹ Не может не вызвать удивления то, что в 1358 г. судьи — великий стратопедарх Алексей и великий примикирий Иоанн (несомненно, те самые, «моление» которых изображено на знаменитой эрмитажной иконе Пандократора — ГЭ № 1 — 515) — оказались в затруднительном положении перед двумя императорскими хрисовулами по одному и тому же делу, но противоположного содержания, и император специальной простагмой разъясняет им, какой хрисовул подлинный, а какой — недействительный, так как выпущен по ложному иску (ἐκ ψευδοῦς ἀναφορᾶς),¹⁵² что в 1570 г., разбирая тяжбу митрополита Монеμβα-

---

¹⁵¹ Dölger F. *Urkundenfälscher in Byzanz*. S. 392 f. Примеры подделок отмечены почти во всех публикациях монастырских актов, прежде всего, конечно, во французской серии «Архивы Афона», а также в капитальном издании регест императорских документов: Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453*. München und Berlin. 1924–1965. Bd. I–V. Образцы подделок см. также: Dölger F., Karayannopoulos J. *Byzantinische Urkundenlehre*. München, 1968. Taf. 83–85; Cf.: S. 26, 125–136; Troianos S. Ἐγγράφα καὶ πλαστογραφία στὸ Βυζάντιο... Σ. 48–49 (цветные фотоснимки подлинного и подложного хрисовулов Андроника II Палеолога).

¹⁵² Actes de Zographou. № 40. P. 94–95.

сии Макария Мелиссена с митрополитом Христианупо-
лиса Софронием по поводу нескольких епископств —
суффраганов, константинопольский синод принял к
рассмотрению целую серию хрисовулов византийских
императоров, подделанных и фальсифицированных
первым из указанных тяжущихся лиц.¹⁵³ Остается
надеяться, что эта тема, увлекательная для любого ис-
следователя, найдет еще свое освещение.

---

¹⁵³ *Dölger F.* Ein literarischer und diplomatischer Fälscher des 16. Jahrhunderts // *Byzantinische Diplomatie.* Ettal, 1956. S. 371–383; *Медведев И. П.* О подделке византийских документов в XVI в. // *ВИД*, 1969. 2. С. 277–286.

Часть V

Varia

Смертная казнь в толковании византийских юристов

Введение смертной казни на заре человеческой цивилизации в систему уголовного права в качестве одного из главных ее институтов имело поистине эпохальное значение. Ведь тем самым упразднялся архаический обычай кровной мести с его вакханалией непрерывной цепи убийств и взаимоистребления родов, снимался первобытный анимистический «комплекс Эринии». Отныне государство брало на себя эту роковую обязанность — давать самое полное удовлетворение чувству возмездия, в то же самое время «ставя точку» в эскалации убийств: так как искупительная казнь стала теперь делом государства, а не частным делом родственника-обвинителя, то и месть за нее не могла быть обращена против последнего; смерть осужденного убийцы не призывала к жизни новой мстительной Эринии, она была не продолжением, а завершением.¹

---

¹ Зелинский Ф. Идея возмездия в античной трагедии и жизни // Русская мысль. 1912. Кн. XI. С. 1-46.

Похоже, однако, что государство слишком быстро вошло во вкус, в полной мере оценив это крайнее средство уголовной репрессии, распространив его на весьма обширный круг правонарушений, порой весьма незначительных и даже не имевших никакой связи с кровной мстью, а также проявив необычайную изобретательность в отыскании все новых, поражающих воображение своей жестокостью способов приведения этой казни в исполнение. Классическим образцом государственного фазиса в развитии идеи возмездия, сопряженной с идеей устрашения, было римское уголовное право, для которого *roena carpitis* означала прежде всего смертную казнь во всем ее жутком разнообразии, о котором нам повествуется, например, в сентенциях римского юриста Павла². Даже в тех случаях, когда *roena carpitis* заменялась какими-то альтернативными видами наказаний, связанными с утратой свободы и гражданских прав, она трактовалась как условная, «политическая» смертная казнь³. Смертная казнь явно выдвигается на первый план и фактически становится *roena ordinaria* в буквальном смысле этого слова.

Ситуация не изменилась существенно и с наступлением христианства, так как церковь, отправляясь

---

² *Julii Paulli. Receptarum Sententiarum ad filium libri quinque* / Ed. G. Haenel. Bonnae, 1833 (см. особенно кн. V). О римском уголовном праве см.: *Mommsen Th. Römisches Strafrecht*. Leipzig, 1899 (Reed.: Graz, 1955). S. 907–916; *Brasiello U. La repressione penale in diritto romano*. Napoli, 1937; *Grodzynski D. Tortures mortelles et catégories sociales: Les summa supplicia dans le droit romain aux IIIe et IVe siècles // Du châtiment dans la cité: Supplices corporels et peine de mort dans le monde antique*. Rome, 1984. P. 361–403.

³ *Mommsen Th. Römisches Stafrecht*. S. 907 ff.

от известных библейских предписаний (Gen. 9, 6; Ех. 21.12–17; 22.18), а также от учения апостола Павла, который утверждал, что власть «не просто так носит меч» (Rom. 13.4), отнюдь не оспаривала законности смертной казни. Воздерживаясь сама по себе от *effusio sanguinis*, от права *exercere gladium*, так как это право противоречит ее природе и ее целям, церковь тем не менее считала, что она *potest alteri gladii tribuere potestatem*, и этим «другим», которому и принадлежит *potestas gladii*, является именно государство, в соответствии с теократической идеей осуществляющее эту власть в качестве *minister Dei*⁴. От св. Киприана до Августина сохранилась целая серия текстов, подкрепленных соборными постановлениями, для авторов которых нет сомнения, что светская власть не только может, но и должна пользоваться правом карать смертью, хотя нет недостатка и в советах соблюдать умеренность в осуществлении «власти меча»⁵.

Не умножая здесь известных по специальной литературе примеров, иллюстрирующих позицию церкви в вопросе о культивировании смертной казни, хотел бы привести только один случай из нашей отечественной истории. Рассказывая о проведении Владимиром Святым судебной реформы, которая должна была стать ответом государства на увеличение числа разбоев, летописец в «Повести временных лет» сообщает: «И умножишася зело разбоеве, и реша епископы (а они, между прочим, были из греков. — И. М.) Володимеру: Се умножишася разбоиници; почто не казниши их? Он же рече им: Боюся греха. Они же реша ему: Ты поставленъ еси от бога на казнь злым,

---

⁴ *Biondi B.* Il diritto romano cristiano. Milano, 1954. Vol. 3. P. 447.

⁵ *Ibid.* P. 447–448.

а добрым на милованье. Достоить ти казнити разбойника, но со испытном»⁶. Поскольку этот случай датируется христианским периодом правления Владимира (после введения христианства как официальной государственной религии в 988 г.), исследователи видели в нем попытку греческого духовенства ввести на Руси действие византийского уголовного права, «привить к русской жизни казнь разбойников, определяемую Кормчей книгой»⁷. И хотя недавно предпринята попытка оспорить подобную точку зрения и объяснить введение на Руси смертной казни «ростом классовых противоречий», стремлением «казнями прекратить разбои или сократить их количество»⁸, думается, что одно другому не противоречит: греческое духовенство могло воспользоваться усилением разбойничества как предлогом с целью распространить на ставшую христианской Русь действие «византийского закона». Имели ли «епископы» в виду конкретную норму, зафиксированную в Кормчей книге и предусматривавшую за разбой повешение на дереве, как предполагал проф. Загоскин, сказать трудно⁹. Для нас важнее констатировать, что и в этом случае как в капле воды отразилась позиция церкви по отношению к смертной казни, и остается лишь удивляться чутью русского летописца, который эту позицию не исказил.

Важно также отметить, что и при «преступлениях» против религии церковь предпочитала придержи-

---

⁶ Повесть временных лет: Текст и перевод // Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 86–87.

⁷ См., например: *Загоскин Н. П.* Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892. С. 17, 23.

⁸ *Свердлов М. Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 80.

⁹ *Загоскин Н. П.* Очерк... С. 23.

живаться той же тактики. В «еретическом процессе», например, обвиняемый «уступается» (*relinquitur*) церковью «светской руке» (*brachium saeculare*) для исполнения приговора, и опять же не без настоятельных просьб проявлять к осужденному снисхождение и щадить его жизнь, что, впрочем, не исключало возможности для светского судьи, проявившему такого рода снисхождение, самому быть заподозренным в ереси и стать добычей инквизиции¹⁰. Правда, с затуханием последних больших гонений на христиан¹¹ со смертной казнью в делах религии стали обращаться осторожнее, зарезервировав ее фактически только по отношению к вероотступникам и манихеям, так как апостасия и манихейство относились к разряду *crimen publicum*¹². Но ведь при желании, а также при теологической и исторической неопределенности статуса этих «делинквантов» (ни апостаты, ни манихеи не были еретиками в прямом смысле слова) под эти категории можно было подвести какую угодно ересь, что, впрочем (как показало замечательное исследование

---

¹⁰ *Beck H.-G. Actus Fidei: Wege zum Autodafé. München, 1987. S. 5.*

¹¹ О карательно-правовом аспекте гонений на христиан по данным агиографии существует замечательное исследование Каллиопы Бурдары: *Bourdara K. A. Το δίκαιο στὰ ἀγιολογικὰ κείμενα. Ἀθήνα, 1987.*

¹² *Beck H.-G. Actus Fidei. P. 21; Giandomenici A. Considerazioni sulle Costituzioni contenute nella rubrica De Apostatis nei Codici Giustiniano o Teodosiano // Apolinaris. 1979. Vol. 52. P. 600–617; Maria Pia Baccari. Gli apostati nel Codice Teodosiano // Ibid. 1981. Vol. 54. P. 538–581; Troianos S. N. Ὁ «Ποινάλιος» τοῦ Ἐκλογαδίου. Συμβολή εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς ἐξελίξεως τοῦ ποινικοῦ δικαίου ἀπὸ τοῦ Corpus Iuris Civilis μέχρι τῶν Βασιλικῶν. Frankfurt a/M., 1980. S. 45–48.*

проф. Х.-Г. Бека), постоянно и делалось¹³. А все усиливавшееся на Западе партнерство в церковном судебном процессе государства и церкви привело к вызреванию классической формы «аутодафе», и от искры, вызванной такого рода «актом веры», запылали костры, дымом которых застлало на многие века все государства германо-романского мира.

Но это в католической Западной Европе. В отличие от нее на христианском Востоке церковь предпочитала оставаться в рамках древнехристианской покаянной дисциплины, а иногда и декларировала свой отказ от возможности «умывать руки» посредством выдачи еретика государственной юстиции. Феодор Студит, например, напоминая о том, что ни один церковный канон никогда ни для кого не предусматривал наказания смертью или даже бичеванием (и это сущая правда!)¹⁴, высказывает фундаментальный аргумент в пользу неприменения смертной казни к еретикам: ведь в этом случае у них отнимается всякая возможность однажды раскаяться¹⁵ — этаким конфессиональный вариант юридической проблемы необратимости наказания смертью. Государству, таким образом, не при-

---

¹³ *Beck H.-G. Actus Fidei. Passim.* Троянос считает, что за двумя наиболее важными группами еретиков — манихеи и монтанисты — скрывается «вся совокупность» ересей. См.: *Troianos S. N. Ο «Ποινάλιος» τοῦ Ἐκλογαδίου.* S. 117.

¹⁴ Каталог традиционных церковных епитимий, полагавшихся за «обыкновенное», совершенное неумышленно убийство, демонстрирует нам, например, приговор митрополита Иоанна Апокавка от 1228 г. См.: *Fögen M. Th. Ein ganz gewöhnlicher Mord // Rechtshistorisches Journal.* 1984. Bd. 3. S. 71–81.

¹⁵ *Nova Patrum Bibliotheca / Ed. J. Cozza-Luzi. Roma, 1888. Vol. IX, 1. P. 21.*

ходилось особенно рассчитывать на помощь церкви, оно вынуждено было бороться с ересями (с теми же павликианами или богомилами) своими средствами, без необходимого идеологического, а порой и юридического обоснования. По мнению Х.-Г. Бека, лишь один-единственный раз за весь период с середины IX и по XV в. включительно в Византии имел место «еретический процесс», который можно подвести под категорию «аутодафе» и жертвой которого стал сожженный на костре богомил Василий¹⁶.

Впрочем, и в отношении «гражданских» преступлений византийское уголовное законодательство не оставалось неизменным в своей свирепости. Конечно, оно унаследовало от Рима всю «обойму» уголовных кар, запечатлев их в Дигестах и в юстиниановом кодексе, но уже вскоре стало адаптировать их в духе большего ограничения и смягчения или, как сказано в Эклоге, «в духе большего человеколюбия» или «милосердия» (ἐπιδιόρθωσις εἰς τὸ φιλανθρωπότερον)¹⁷. Нам здесь не столь важно углубляться в феноменологию самого понятия «филантропия»: возможно, что и прав Т. Грегори,

---

¹⁶ Beck H.-G. Actus Fidei. P. 64. На мой взгляд, Х.-Г. Бек мог бы присовокупить сюда, по крайней мере, еще один случай — осуждение на смерть вероотступника Ювеналия в середине XV в. и особенно юридическое и идеологическое обоснование Геннадием Схоларием этого процесса. См. о нем: *Медведев И. П.* Дело вероотступника Ювеналия с юридической точки зрения // The 17th Intern. Byz. Congress: Major Papers. N. Y., 1986. P. 31–43. См. также более полный греческий вариант статьи: Ἡ ὑπόθεσις τοῦ ἀποστάτη Ἰουβενάλιου ἀπὸ τὴν ἄποψη τοῦ δικαίου // Βυζαντινὰ Μελέται, 1991. Τ. 3. Σ. 152–173.

¹⁷ Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos V. / Hrsg. von L. Burgmann. Frankfurt a/M., 1983. S. 160. Z. 6.

настаивая на том, что «наряду с влиянием христианской нравственности в законодательной деятельности Льва III сильно влияние древней классической идеи «филантропии», сплав всех основных элементов византийской цивилизации, из которых эллинистическое начало ничуть не меньше, чем римское и восточное»¹⁸. Важнее отметить общую «гуманизацию» уголовного византийского права. Конечно, немного странно звучит слово «гуманизация» по отношению к «пенальному» титулу Эклоги, характерная черта которого — широта масштабов телесных и членовредительных наказаний (скорее всего, в уголовном праве исаврийцев отразилось обычное народное право, согласно которому преступник должен был наказываться потерей той части тела, при помощи которой он вершил преступление)¹⁹. Но, несмотря на всю свою варварскую жестокость, подобные наказания вполне могли рассматриваться законодателями в качестве провозглашенных «исправлений в духе большего человеколюбия»: ведь они, как правило, были заменой смертной казни, и даже в тех случаях, когда за те или иные правонарушения в Эклоге сохраняется смертная казнь (например, за инцест между близкими родственниками, гомосексуализм, умышленный поджог, отравление с летальным исходом, волшебство, убийство, разбой), мы наблюдаем тенденцию к отказу от особо жестоких способов казни (повешения, сожжения и т. д.)²⁰. В этом смысле именно к уголовно-правовой

¹⁸ *Gregory T. E. The Ekloga of Leo III and the Concept of Philanthropia // Βυζαντινά. 1975. Т. 7. Р. 278–287.*

¹⁹ *Troianos S. Bemerkungen zum Strafrecht der Ecloga // 'Αφιέρωμα στὸν Νίκο Σβόρωνο. Ῥεθύμνο, 1986. Т. 1. Σ. 106.*

²⁰ *Ibid. P. 105.*

части Эклоги (к знаменитому 17-му «пенальному» титулу, который, будучи лишь одним из восемнадцати, из которых состоит сборник, тем не менее занимает 1/5 часть всего объема и 1/3 часть общего количества глав)²¹ только и относится понятие «филантропии», хотя и поднятые в преамбуле вопросы стоят и по сегодняшнему пониманию в центре проблематики о цели и эффективности наказаний. В целом же Эклога, по мнению проф. Трояноса, представляет собою первый законодательный памятник, пенитенциарная система которого ясно и недвусмысленно предусматривала обе основные цели наказания — служить средством справедливого наказания за причиненный вред (искупление вины) и средством устрашения (превентивная функция наказания)²².

Несмотря на попытки отказа от введенной в Эклоге системы наказаний и попытки реабилитации смертной казни (правда, с ограничением свободы судьи в выборе способа совершения казни: предусматривается исключительно «смерть от меча», т. е. обезглавливание), предпринимавшиеся позднее (в Приложении к Эклоге, в Эклогадие, в Частной Распространенной Эклоге)²³, этот новый дух имперского уголовного права продолжал сохраняться и приносить свои плоды. Так, византийское законодательство стало запрещать пытку как противоречащий «филантропии» институт²⁴,

²¹ Troianos S. Ἡ διαμόρφωση τοῦ ποινικοῦ δικαίου στὴ μεταβατικὴ περίοδο μεταξύ Ἰσαυρῶν καὶ Μακεδονῶν // Βυζαντικά, 1982. Τ. 2. Σ. 87.

²² Troianos S. Bemerkungen... S. 100.

²³ Troianos S. Ν. Ὁ «Ποινάλιος» τοῦ Ἐκλογαδίου. Passim.

²⁴ Ius graeco-romanum / Ed. I. Zepos, P. Zepos. Aalen, 1962. Vol. 6. P. 355–356. Ср.: Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'empire byzantin. P., 1975. P. 53. Not. 2.

частично были элиминированы наказания смертью и в законодательстве императоров македонской династии, например в Василиках Льва VI. К сожалению, уголовное право Исагоги, Прохирона и Василик еще плохо изучено (возможно, только что опубликованный 8-й том Василик, где как раз и содержится уголовное право, даст импульс такому изучению), но в какой-то мере это было сделано самими византийцами, в частности знаменитым канонистом XII в. Феодором Вальсамоном.

По достоинству оцененный уже своими современниками, этот (по словам Никиты Хониата) «совершенный законоискусник» и «светило юриспруденции» не забыт и современной наукой, о чем свидетельствуют хотя бы программы двух последних коллоквиумов по истории канонического права XII в.²⁵ Тем не менее не все его творческое наследие достаточно хорошо изучено. От внимания исследователей ускользнуло, например, толкование им понятия уголовного наказания²⁶, в то время как высказанные им при этом идеи знаменуют собою качественный сдвиг в вопросе о применимости смертной казни и, как мне кажется, предвосхищают в какой-то мере аболиционистское движение нового времени.

Дело в том, что осуществленная императорами Македонской династии грандиозная программа «очищения древних законов», заключавшаяся в пересмотре и классификации всего писаного правового наследия, прежде всего содержащегося в *Corpus Iuris Civilis*,

---

²⁵ Τὸ Βυζάντιο κατὰ τὸν 12 ο αἰῶνα: Κανονικὸ Δίκαιο, κράτος καὶ κοινὼνία / 'Εκδ.: Ν. Οἰκονομίδης. Ἀθήνα, 1991.

²⁶ Единственное, пожалуй, исключение см.: *Beck H.-G. Actus Fidei. P. 52–53.*

с точки зрения его применимости в новых исторических условиях, отмены устарелых законов и адаптации законов, остающихся в силе, «эллинизации» юстиниановых законов, т. е. их перевода в греческую языковую систему, и окончательного упразднения всех остатков латинской юридической терминологии²⁷, осталась незавершенной. Она осталась незавершенной прежде всего потому, что вне внимания юристов, практически осуществлявших реформу, оказался один из основных правовых сборников — Номоканон в XIV титулов, известный в науке под названием «Номоканон Фотия»²⁸, в каждой главе которого, помимо церковных правил, содержались соответствующие им гражданские постановления — извлечения из Юстинианова законодательства (Кодекса, Дигест, Институций и Новелл). И хотя возможно, что Фотием была сделана какая-то попытка адаптировать эти законы в духе реформы, в целом эти кείμενα контрастировали своим анахронизмом на фоне все более входившего в силу, а к XII в. ставшего единственно действующим нового свода законов — Василик. Это все и заставило пересмотреть гражданскую часть Номоканона и исправить ее согласно действующему законодательству — задача, которая была поручена Вальсамону императором

---

²⁷ В последнее время картина законодательной реформы императоров Македонской династии кардинальным образом пересмотрена. См. выше, с. 176–187.

²⁸ О памятнике и о спорной роли Фотия в его редактировании см.: *Troianos S. N.* *Oi πηγές του βυζαντινού δικαίου.* Ἀθήνα; Κομοτίνη, 1986. Σ. 88–89; *Stelte B. H.* *A Note on the un-Photian Revision of the Nomocanon XIV Titulorum // Analecta Atheniensi ad Ius Byzantium spectantia.* Athen, Komotini, 1997. T. 1. P. 115–130.

Мануилом Комниным и патриархом Михаилом Анхиа-лом и с блеском им выполнена²⁹.

Теперь об интересующем нас отрывке из коммента-рия Вальсамона. Речь идет о главе 25 Номоканона — «О клириках-отступниках, жрецах, волшебниках, обя-телях, астрологах, числогадателях, прорицаниях, от-равах и амулетах». После указания относящихся к этому церковных канонов (62-й апостолов, 1 и 2-й ан-кирского собора, 36-й Лаодикийского собора, 73-й св. Василия) Номоканон содержит «текст» (1), в кото-ром приводится подборка цитат из древних римских законов, заимствованных автором Номоканона пре-имущественно из девятой книги 18-го титула кодек-са Юстиниана и трактующих вопросы разрешенных и неразрешенных видов магии, а также санкций за последние, среди которых фигурируют сожжение, конфискация имущества, ссылка, обезглавливание³⁰. «Наткнувшись» на этот «пакет законов» и сличив их

---

²⁹ *Troianos S. N.* Οι πηγές. Σ. 148–151; *Stevens G. P.* De Theodoro Balsamone: Analysis operum ac mentis iuridicae. Roma, 1969. Не следует забывать и работы старых русских авторов, прежде всего важное исследование о Вальсамоне и комментированный перевод Номоканона с его схолиями, принадлежащие В. Нарбекову: *Нарбеков В.* Толкование Вальсамона на Номоканон Фотия. Казань, 1899; Номоканон Константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона / Изд. В. Нарбекова. Казань, 1899. Ч. 1: Историко-каноническое исслед.; Ч. 2: Русс. пер. с пред. и примеч.

³⁰ *Rhalls G. A., Potles M.* Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων. Ἀθήνησι, 1852 (ἀνατύλ. Ἀθήναι, 1966). Τ. 1. Σ. 188–200. Все эти, касающиеся «магии» юридические тексты, обстоятельно изучены в работе: *Troianos S. N.* Ἡ μαγεία στὰ βυζαντινὰ νομικὰ κείμενα // Ἡ καθημερινὴ ζωὴ στὸ Βυζάντιο. Ἀθήνα, 1989. Σ. 549–572.

с соответствующими статьями Василик (В. 60.39.22–25)³¹, Вальсамон выявляет расхождения в тексте двух памятников, обращая особое внимание на те изменения, которые можно было бы, с его точки зрения, трактовать в духе «большого человеколюбия». Так, даже замену сожжения нарушителей запрета прорицать посредством жертвоприношений наказанием «мечом» и более сурового вида ссылки (*τὸ δελορτατεύεσθαι*) для подстрекателей к этому менее суровым (*ἐξορία*) Вальсамон склонен трактовать в том смысле, что «древние законы изменились в более человеколюбивую форму и уже не в такой силе изложены в ревизии (имеются в виду Василики. — И. М.), как прежде». И хотя такого рода «прогресс» с современной точки зрения выглядит весьма сомнительным (Нарбеков, например, вообще не видит «большой разницы между изложением кодекса и Василик»³²), именно он дал повод Вальсамону выступить с собственной концепцией уголовного наказания и с собственной позицией в вопросе о смертной казни. Приводим текст этого отрывка целиком (в переводе В. Нарбекова с некоторыми нашими поправками):

---

³¹ По-видимому, в том экземпляре Василик, которым располагал Вальсамон, нумерация глав не совпадала с той, которую демонстрирует новое groningenское издание: *Basilicorum Libri LX, Series A / Ed. H. J. Scheltema, D. Holwerda, N. van der Wal. Groningen, 1988. Vol. VIII. P. 3009.*

³² Номоканон. Ч. 2. С. 310. Примеч. 3. Нарбеков полагает, что *exilium* (=ἐξορία) юридически почти равнялось *deportatio* (=περιουσιός), «так как и то и другое есть такое изгнание из отечества, которое влекло за собою потерю прав римского гражданства и конфискацию имущества» (Там же). Разница тем не менее существует. См. об этом выше, с. 428.

«Заметь на основании помещенных в толковании настоящей главы постановлений, что если по Дигестам и Кодексам, имевшим силу до реформы по очищению, под уголовное наказание подводилось и сожжение, и обезглавление, и повешение, то автор очищения царских законов и составитель Василик не принял этого и в изложенных в Василиках постановлениях Кодекса не поместил этих трех наказаний. Так что не обращай внимания на содержащиеся в I титуле VII книги (как замечает Нарбеков, здесь нужно читать — 60-я книга Василик. — *И. М.*) законы, которые суть Дигесты и говорят, что уголовное наказание есть и сожжение, и обезглавление, и повешение³³. Ибо если позднейшие постановления (имеется в виду, несомненно, Юстинианов Кодекс. — *И. М.*), говорящие об этом, не приняты, то тем более Дигесты. Так что обращай внимание на позднейшие законы содержащиеся в главе 39 (читай: в титуле 39 книги 60 Василик. — *И. М.*), а не на Дигесты, как более древние и утратившие свое значение.

Заметь также на основании настоящей главы, что как не принял император того, чтобы кто-нибудь подвергался сожжению, как мы сказали в толковании настоящей главы, так не принял он усекновения и обезглавления халдеев и магов, а вместо этого положено наказание содержанием в оковах³⁴. Итак, при-

---

³³ Имеется, вероятно, в виду D. 48.19.28–B. 60.51.26. Из этого отождествления вытекает еще одно тождество — понятий *ἡ κεφαλικὴ ποινὴ* у Вальсамона и *ἡ ἐσχάτη τιμωρία*, ибо именно о последней идет речь в указанной статье Василик.

³⁴ В. Нарбеков переводит словосочетание *ἡ διὰ σιδήρου τιμωρία* словами «наказание мечом» (Номоканон. С. 312), что, конечно же, было бы предпочтительнее. Но ведь это

няв во внимание как многое другое, так равным образом и то, что обезглавление, сожжение, отравление ядом, побиение камнями, низвержение в пропасть есть *не уголовное наказание, а бесчеловечное убийство* (курсив мой. — И. М.), уголовное же наказание — это изгнание, ослепление, отсечение руки и прочее, что дает наказываемому время для раскаяния (в результате) удаления виновного и по причине продолжительности наказания, скажи, что если какие законы из содержащихся в Василиках противны настоящему учению, так это Дигесты, и они не должны иметь силы. Узаконено ведь, что постановления (Василик) предпочтительнее Дигест, когда они узаконивают что-либо относительно одного и того же предмета, и что по законам и всем новеллам мы должны толковать законы в духе большего человеколюбия и сообразно с этим выносить приговоры. Так что не удивляйся, что собор в Константинополе во дни святейшего патриарха кир Михаила (II Куркуаса) Оксита (1143–1146) постановил и поручил предать огню богомилов³⁵.

противоречит как всему контексту мысли Вальсамона, так и смыслу фразы, так как «наказание мечом» — это лишь описательное обозначение обезглавливания. В то же время *διὰ σιδήρου* вполне может означать «оковы», «кандалы», что и засвидетельствовано Михаилом Гликой (XII в.); он пишет о содержащихся в столичной тюрьме преступниках, которые *τὰς χεῖρας ἔφεραν σιδήρῳ δεδεμέναις*. См.: *Tsolakes E. Th. Michail Gliká Stíχοι οὐς ἔγραψε καθ' ὄν κατεσχέθη καιρόν*. Θεσσαλονίκη, 1959. Σ. 20.

³⁵ Поразительное свидетельство! Оно тем более поразительно, что является уникальным: ни в одном другом источнике оно не упоминается. По мнению Бека, Вальсамон, возможно, нашел в архиве проект (Ein Konzept) такого постановления, которое, однако, не получило одобрения

Ибо о законах тогда, естественно, не было и речи, тем более что богомилы, неуклонно держась своей ереси, заранее принимали сожжение как мученичество³⁶. Я же, зная, что никакой церковный канон никогда не допускал казни, что церковный закон вообще не ведет телесных наказаний, а (ведает это) закон гражданский, до сих пор еще удивляюсь, каким образом собор вынес тогда такое постановление; ибо отсекал еретиков от тела христиан мы научены, а наказывать их не учились; но упорствующих следует предавать гражданскому закону, и приговоры против них должны выноситься (светскими) властями»³⁷.

Итак, несмотря на всю лапидарность приведенного здесь текста, можно, мне кажется, констатировать, что мы имеем перед собой достаточно развитую систему представлений об основных принципах уголовного права. Во-первых, налицо принципиальный отказ от отождествления уголовного наказания, и в частности высшей меры уголовного наказания, со смертной казнью,

---

в синоде или после составления решения под чьим-то давлением было немедленно отменено, как в свое время решение синода при патриархе Никифоре I. Может быть, именно с этим решением, предполагает Бек, связана отставка патриарха Михаила в 1146 г. См.: *Beck H.-G. Actus Fidei. S. 53*. Как бы то ни было, не доверять Вальсамону мы не имеем оснований: ведь многие тексты императорских новелл, соборных и патриарших постановлений, приведенные в комментарии Вальсамона, только здесь и сохранились (ср.: *Нарбеков В. Толкование... С. 240*).

³⁶ Не думаю, что в этих словах содержится намек на случаи самосожжения богомилов, «подобно некоторым из наших раскольнических толков», как предполагает В. Нарбеков (*Нарбеков В. Толкование... С. 312. Примеч. 3*).

³⁷ *Rhalles G. A., Potles M. Σύνταγμα... Т. 1. Σ. 189–191.*

замена последней целой шкалой альтернативных видов наказания. Тем самым удовлетворялось требование, которое выдвигалось новейшей прогрессивной криминалистикой: высшую ступень в «лестнице наказаний» не должны занимать излишне жестокие наказания, так как в этом случае невозможно сохранить соразмерность между преступлениями и наказаниями (если будет совершено особо «вредное и ужасное преступление», а высшая ступень наказаний уже использована для менее тяжких преступлений)³⁸.

Во-вторых, налицо фактический отказ от смертной казни вообще как вида уголовной кары, как не отвечающей ни религиозным, ни теоретическим, ни практическим целям наказания. Вальсамон, конечно, отдает необходимую историческую дань той позиции, которую, как мы видели, занимала церковь в данном вопросе: он за передачу преступников для наказания светским властям в соответствии с «гражданским законом». Но ведь сам этот «гражданский закон» отождествлялся им с Василиками, в которых, как было уже отмечено, предписанные законодательством прежних веков наказания смертью были частично (а Вальсамон, по-видимому, считал, явно выдавая желаемое за действительное, что полностью) элиминированы. Во всяком случае, как с полным основанием полагает проф. Бек, Вальсамон явно не связывает с уступкой церкви еретика государству для наказания никакого права церкви требовать совершенно определенного вида наказания, как на это претендовали западные церковные инквизиционные суды³⁹. И уж тем более он не мог под этим «определенным видом наказания» иметь

³⁸ Ср.: Решетников Ф. М. Беккариа. М., 1987. С. 62.

³⁹ Beck H.-G. Actus Fidei. S. 53.

в виду смертную казнь, ибо, назвав ее «бесчеловечным убийством, а не уголовным наказанием», он тем самым определил и свою позицию по отношению к той проблеме, которую ныне известная правозащитная организация «Международная амнистия» определяет словами: «Когда убивает государство».

Конечно, в арсенале аргументов Вальсамона против смертной казни превалируют традиционные, и прежде всего ссылка на то, что церковное каноническое право не знает телесных наказаний. Традиционна и мысль о невозможности для казненного раскаяться, чреватая уже идеей необратимости смертной казни, хотя представления о судебной ошибке и невозможности ее исправить в случае казни (один из основных аргументов нынешних сторонников отмены смертной казни) у Вальсамона, по-видимому, еще не сложилось. Зато «свежей» представляется мысль о преимуществах изоляции преступника от общества (*ἡ ἐπιτασιμῆνους ἀπόστασις*) и «длительности наказания» (*τὸ ἐπὶ πολὺ τιμωρεῖσθαι*), о чем ратуют и современные аболиционисты, полагая, что в этом случае обеспечивается достаточная и повторяющаяся наглядность наказания. Наконец, уникальным кажется соображение Вальсамона, высказанное им по поводу дела с сожжением богомилов, — соображение о недейственности, а стало быть, и о неправомерности и нецелесообразности смертной казни⁴⁰.

---

⁴⁰ Следует также отметить, что Вальсамон создавал свой комментарий по поручению императора Мануила Комнина, при котором смертная казнь, как кажется, вообще не применялась. По свидетельству Евстафия Солунского, Мануил смягчал судебные приговоры, предписывавшие смертную казнь, меняя ее на увечья. В то же время он добивался более строгого и неукоснительного выполнения

Жаль, конечно, что Вальсамон не развил полнее своих взглядов по этим вопросам, но общая направленность его мысли просматривается достаточно четко. Она характеризует его как предшественника такого апостола новейшего аболиционизма, как итальянский юрист XVIII в. Чезаре Беккария, своей бессмертной книгой *Dei delitti e delle pene* (1764 г.) совершивший переворот во взглядах цивилизованного человечества на проблему смертной казни: и смертная казнь и жестокие устрашительные наказания признаны быть безусловно исключенными из уголовных кодексов всего мира. И когда говорят, что в 28-й главе трактата Баккарии («О смертной казни») «впервые разум и чувство сошлись в безусловном осуждении смертной казни»⁴¹, то допускают неточность: это уже было, и было в Византии. Жаль, что и сам Беккария ничего не знал о Вальсамоне, а отмечал лишь те заполненные предписаниями смертной казни «обрывки законов древнего народа-завоевателя, собранные повелением государя, царствовавшего

всех прочих наказаний, в частности для убийц, указывая на неприемлемость снисходительного отношения к ним, даже воспользовавшимся правом убежища («те, кто убивает намеренно, не заслуживают милосердия и не нуждаются в нем»), и фактически выдвигая принцип неотвратимости наказания. В его новелле обращает также на себя внимание ссылка на народы, у которых нет священного закона, действовавшего как средство устрашения, и у которых тем не менее совершается мало преступлений, связанных с убийствами, — еще одна констатация неправомерности смертной казни. См.: *Macrides R. Justice under Manuel I Komnenos: Four Novels on Court Business and Murder* // FM. 1984. Vol. VI. P. 99–204.

⁴¹ *Venturi F. Cesare Beccaria* // *Dizionario biografico degli Italiani*, 1965. Vol. VII. P. 8.

в Константинополе двенадцать веков назад (имеется в виду, конечно, Юстиниан и его *Corpus Iuris Civilis*. — *И. М.*), перемешанные впоследствии с обычаями лангобардов и скрытые в гряде фолиантов, наполненных запутанными толкованиями частных лиц», которые «составляют собрание преданий, в значительной части Европы именуемых, однако, законами»⁴².

Жаль, наконец, и нам (русским), что Номоканон в 14 титулах пришел на Русь без смягчающих комментариев Вальсамона⁴³, и тем самым вся содержавшаяся в его гражданской части «лествица уголовных кар», на верхних ступенях которой непременно фигурировала смертная казнь, а также богатый набор членовредительских и телесных наказаний, через посредство Кормчей широко отразилась в древнерусском (и вообще русском) праве, достигнув кульминации в знаменитом Соборном уложении 1649 г.⁴⁴ Таким образом, «византизм (скорее “римский правовой элемент” византизма. — *И. М.*) оказывает решительную победу над русским светским уголовным правом, которое в течение целых шести столетий упорно ему противодействовало, начиная со времен Владимира, отказывавшегося от совета греческих епископов казнить разбойников, и Владимира Мономаха, оставившего своим сыновьям завет не казнить смертью ни правого, ни виновного»⁴⁵.

---

⁴² *Cesare Beccaria. Dei delitti e delle pene / A cura di Franco Venturi. Torino, 1978.*

⁴³ См. об этом: *Щанов Я. Н. Византийское и южно-славянское правовое наследие на Руси в IX–XIII вв. М., 1978. С. 119–120.*

⁴⁴ См. академическое издание этого памятника: *Соборное уложение 1649 года / Под ред. А. Г. Манькова. Л., 1987.*

⁴⁵ *Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892. С. 44–45.*

О двух греческих юридических рукописях в Санкт-Петербурге

1. РНБ, греч. 701. Эта происходящая из собрания Антониана Капустина и хранящаяся ныне в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки греческая рукопись на бумаге подробно описана, датирована серединой XIV в. и обозначена как «Сборник новелл» в известном «Каталоге греческих рукописей ленинградских хранилищ» Е. Э. Гранстрем⁴⁶. Филигранные бумаги сохранились плохо, поэтому определены автором каталога предположительно («человек» № 4808–4813 по альбому В. Мошина и С. Тралича и «колонна» № 3103, 3105 по тому же альбому). Писана курсивом, заголовки и инициалы — киноварные. 34 листа размером 22,0×14,5 и 15,5×10,0, содержат по 24 строки. В картонном переплете XIX в. Тексты императорских новелл отождествлены по 3-му тому «Ius graeco-romanum» Цахаризэ фон Лингенталя (Lipsiae, 1857), но два текста остались неотожествленными: *Περὶ τῶν κινουόντων τὸν εἰς τὸ διπλοῦν ὑπερθεματισμὸν* на л. 33 об. — 34 и *Τῶν πραττομένων ἢ βιβλίων τῶν Δ(ι)γ(έστων)* на л. 34 об.

Изучение рукописи позволяет нам сделать два существенных добавления к описанию, имеющемуся в каталоге:

1. По своему содержанию рукопись представляет не просто «Сборник новелл», но часть единого и известного в науке юридического памятника, а именно Приложения к Большому Синописису Василик (*Synopsis Major Basilicorum* — памятник X в.). Анализ расположения материала показывает, что мы имеем здесь

---

⁴⁶ Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 6: Рукописи XIV в. // ВВ. 1967. Т. 27. С. 286–287. № 551.

дело с неизвестным и неучтенным в классификации Н. Звороноса списком приложения из группы В I (В I 1–8, 10–16, 9), с добавлением нескольких текстов приложения из группы А (А I 4, А II 2, 3, 5), согласно указанной классификации⁴⁷. Соответственно решается вопрос с идентификацией неотожествленных текстов. Важный текст на л. 33 об.–34 (Περὶ τῶν κινουμένων τὸν εἰς τὸ διπλοῦν ὑπερθεματισμὸν) относится к кругу источников по истории такого юридического института, как *laesio enormis*, т. е. запрета нанесения чрезмерного ущерба при продаже собственности и аннулирования сделки в случае нарушения этого запрета⁴⁸. Текст обозначен Звороносом как «*De rescindenda venditione*»⁴⁹, опубликован впервые Леунклавием⁵⁰, воспроизведен, переведен на немецкий и исследован Цахариз фон Лингенталем, который считает его судебным постановлением (ψήφος) или выдержкой из такового, принадлежащим знаменитому магистру Евстафию Ромео⁵¹.

Что же касается второго неотожествленного текста, писанного киноварью на л. 34 об. (заключительный абзац рукописи), то он представляет собой перечисление частей Дигест (так и назван Звороносом —

---

⁴⁷ *Svoronos N. G. La Synopsis Major des Basiliques et ses appendices.* P., 1964. P. 91–97.

⁴⁸ Об этом институте см.: *Медведев И. П. Очерки византийской дипломатики: Частноправовой акт.* Л., 1988. С. 78, 93, 94.

⁴⁹ *Svoronos N. G. La Synopsis Major...* P. 24.

⁵⁰ *Juris graeco-romani tam canonici quam civilis tomi duo, Ioannis Leunclavii Amelburni... nunc primum editi cura Marquardi Freheri.* Francoforti, 1596. Т. 2. P. 165–166.

⁵¹ *Zachariae von Lingenthal E. Zur Lehre von der laesio enormis // ZSS.* 1883. Bd. 4. S. 49–60.

*De partibus librorum Digestorum*⁵²), издан сперва Цахариз фон Лингенталем, а недавно (с привлечением нашей рукописи) — М. Т. Фэген⁵³.

В целом же содержание рукописи выглядит следующим образом: л. 1–5 об. — Новелла Романа I *De potentibus* = В I 1; 5 об.–7 об. — Новелла Константина VII *De potentibus* = В I 2; л. 7 об.–10 об. — Новелла Константина VII *De fundis militaribus* = В I 3; л. 10 об.–12 — Новелла Никифора Фоки *De fundis militum armenicorum et homicidarum* = В I 4; л. 12–13 — Новелла Константина VII *De homicidiis et jure asyli* = В I 5; л. 13–14 об. — Новелла Константина VII *De homicidiis et jure asyli secunda* = В I 6; л. 14 об.–16 об. — Новелла Константина VII *De sportulis et de testamentis aperiendis et ut consuetudinum modus in omni judicio definitus sit* = В I 7; л. 16 об.–18 — Новелла Константина VII *De sportulis secunda* = В I 8; л. 18–20 — Рескрипт Романа II *De restitutione pretii praediorum a potentibus evictorum* = В I 10; л. 20–21 об. — Новелла Романа II *De pœnae stipulationibus* = В I 11; л. 21 об.–22 об. — Новелла Никифора Фоки *Ut potentes a potentibus... emanant* = В I 12; л. 22 об. — Новелла Иоанна Цимисхия *De vectigali captorum mancipium* = В I 13 (только заглавие, текста нет); л. 23–28 — Новелла Василия II *Ne locum quadraginta annorum praescripto in praedis a potentibus acquisitis* = В I 14 (начало утрачено); л. 28–30 — Новелла Никифора Фоки *De monasteriis* = В I 15; л. 30 об. — Новелла Василия II *Quae legem Nicephori de monasteriis tollit* = В I 16; л. 30 об.–32 об. — Новелла Романа I *De retractu et ut potentes a pauperibus praedia non acqui-*

⁵² *Svoronos N. G. La Synopsis Major... P. 26.*

⁵³ 'Ο Πρόχειρος Νόμος / Ed. Zachariae C. E. Heidelbergae, 1837. P. 284, 285; *Fögen M. Th. Zur Einteilung der Digesten: Drei byzantinische Traktate // FM. 1982. Vol. V. P. 6.*

rant = В I 9; л. 32 об.–32 об. — Эдикт Романа II De fundis militaribus = А I 4; л. 33 об.–34 — Постановление магистра Евстафия Ромея (?) De rescindenda venditione = А II 2; л. 34–34 об. — Постановление Косьмы магистра De parocis = А II 3; л. 34 об. — De partibus librorum Digestorum = А II 5.

2. О палеографии рукописи. Писана она одной рукой, неровным, беглым, не отмеченным особо изысканной каллиграфией минускулом. И хотя имя писца остается нам неизвестным, мы, кажется, в состоянии указать еще одну рукопись, принадлежащую (частично?) его руке. Это знаменитая рукопись Genovensis 23, датирующаяся палеографически XIV в. и содержащая текст двух уникальных памятников — Книги Эпарха (сборник уставов константинопольских ремесленных цехов) и трактата Юлиана Аскалонита «О законе и об обычаях Палестины» (т. е. о градостроительстве, о правилах строительства, применявшихся в византийской провинции Палестина). Мы, правда, не имели возможности ознакомиться с женеvской рукописью de visu, а также не располагали микрофильмом рукописи, но доступные нам воспроизведения образцов почерка писца⁵⁴ позволяют отождествить его с писцом петербургской рукописи. По-видимому, речь идет не о писце-профессионале, а о каком-либо юристе, копировавшем тексты для собственных нужд. Эти наблю-

---

⁵⁴ См., например: Византийская Книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962. С. 92–93 (фото л. 373 и 379); Сюзюмов М. Я. О трактате Юлиана Аскалонита: Ввод. ст. и пер. // АДСВ. Свердловск, 1960. Вып. 38. Ч. 1. С. 16–17 (фото л. 381 и 385, причем на фото л. 385 видна смена писцов). Ср. также: Amelotti M., Costamagna G. Alle origini del notariato italiano. Roma, 1975 (обложка, вклейка после р. XIV и tav. IV).

дения сообщены мной автору нового издания Книги Епарха И. Кодеру (Вена), представлен и образец почерка петербургской рукописи⁵⁵. Как сообщил мне проф. И. Кодер (письмо от 24 марта 1990 г.), мое отождествление писца подтверждено такими опытными палеографами, как Л. Бургман (Франкфурт) и Э. Гамильшег (Вена). Стоит также отметить, что и филигрань бумаги женеvской рукописи тождественна нашей: «человек» № 4811–13 по альбому В. Мошина и С. Тралича. а. 1340.

II. БАН (РАИК) № 140. Рукопись, купленная РАИК в 1901 г. и хранящаяся ныне в Отделе рукописей Библиотеки Российской Академии наук, подробно описана в каталоге И. Н. Лебедевой как «Постановления и правила апостольские в переводе на новогреческий язык Георгия из Трапезунда»⁵⁶. Рукопись бумажная, датирована 1730 г., 382 л. размером 20,3×15,0; 15,0×9,5, писана скорописью. На л. 381 об.–382 содержится запись писца, изданная в каталоге, которая в переводе на русский выглядит следующим образом: «Эти предписания божественных и святых апостолов, вместе с этими церковными канонами, были переведены на простой (т. е. димотический. — И. М.) язык по распоряжению благочестивейшего, высочайшего и мудрейшего господина и правителя всей Унговлахии господина воеводы Иоанна Николая Александра мной (лар' ёроб), ничтожнейшим среди важных, Георгием Трапезундцем, преподавателем Бухарестского правительственного училища... В лето 1730, мая 23». Таким

---

⁵⁵ Снимки опубликованы: *Das Eparchenbuch Leons des Weisen* / Hrsg. von J. Koder. Wien, 1991. Abb. 3–4.

⁵⁶ Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 5: Греческие рукописи / Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1973. С. 152–153.

образом, рукопись является автографом самого переводчика Георгия Трапезундца. Но что мы знаем о нем?

Целью заметки как раз и является сообщить некоторые дополнительные сведения о памятнике и об авторе (т. е. скорее переводчике), обнаружившиеся в связи с недавним изданием памятника греческим ученым Хараламбосом Папастатисом на базе греческой рукописи № 696 (297) из собрания Румынской Академии Бухареста (не зная о существовании аналогичного списка в собрании БАН, издатель ошибочно считает румынскую рукопись «*ἐν καὶ μόνον χεῖρόγραφον*», в которой сохранился текст памятника)⁵⁷.

Что касается самого памятника, известного в историографии и изданного Папастатисом под названием «Номоканон Георгия Трапезундского», то в его основе находятся так называемые *Διαταγαὶ τῶν Ἁγίων Ἀποστόλων* (*Constitutiones Apostolorum*) — собрание обычного права церкви первых четырех веков ее существования, обычаев пасторской практики. Кодификация эта приписывается папе Римскому Клименту, но на самом деле осуществлена, вероятнее всего, в Сирии (Антиохия) в конце IV — начале V в. на базе всей предшествовавшей традиции церковной письменности. Текст памятника делится на восемь книг, из которых шесть первых основываются на так называемом «Учении Апостолов» (*Διδασκαλία τῶν Ἀποστόλων*), сочиненном, вероятнее всего, в Сирии в III в. и сохранившемся на сирийском языке и частично в латинском переводе; седьмая — на так называемом «Наставлении (*Διδαχή*) Господа народам че-

---

⁵⁷ *Papastathis Ch. C. Νομοκάνων Γεωργίου Τραπεζουντίου: Ἡ εἰς τὴν νεοελληνικὴν μεταγλώττισις τῶν «Διαταγῶν τῶν Ἁγίων Ἀποστόλων» κατὰ τὸ Ms. GR. 696 (297) τῆς Ῥουμανικῆς Ἀκαδημίας // ΕΚΕΙΕΔ, 1980–1981. Τ. 27–28. Σ. 362–631 (есть и отдельный оттиск: Ἐν Ἀθήναις, 1985).*

рез 12 Апостолов», составленном в Сирии или в Палестине в конце I – начале II в.; наконец, восьмая книга основана на «Апостольском Предании» Ипполита Римского, сочинившего его около 220 г., причем последняя, 47-я глава восьмой книги содержит 85 так называемых апостольских канонов. Стоит также отметить, что, за исключением этой последней главы с апостольскими канонами, текст всего памятника был объявлен Трулльским Вселенским собором (692 г.) подделкой еретиков, отчего, впрочем, «он не перестает быть ценнейшим источником для изучения действовавшего в древней церкви права»⁵⁸.

Переводчик текста на новогреческий язык Георгий, скрывающийся за обозначением «Трапезундец» (отсюда часто встречающееся смешение его с другими Георгиями Трапезундцами, также действовавшими в фанариотский период в придунайских княжествах, например с Георгием Ипоменасом), — это Γεώργιος Τραπεζούντιος ὁ Χρυσόφωνος — профессор Правительственной Академии в Бухаресте (1715–1739), замечательный знаток древне- и новогреческого языка, автор различных трудов по риторике и логике, сочинитель эпиграмм и издатель церковных аколуфий. Был, по-видимому, лично связан с правителем придунайского княжества Валахии Николаем Маврокордатом, по заказу которого и адаптировал на новогреческий язык текст нашего памятника, используя для этого издание И. Б. Котелериуса (*Patres Apostolici*, t. 1), но в перепечатке Клерика (Amstelodami, 1724). Умер в Бухаресте 28 июля 1739 г. и похоронен в монастыре Св. Саввы⁵⁹.

⁵⁸ *Papastathis Ch. C. Νομοκάνων...* P. 371.

⁵⁹ *Papastathis Ch. C. Νομοκάνων...* P. 373. См. также p. 369, примеч. 11, где указана литература об этом деятеле,

Естественно, возникает вопрос о соотношении румынского и петербургского (который, впрочем, также происходит из Бухареста) списков памятника. На вопрос Х. Папастатиса — является ли румынская рукопись автографом Георгия Хрисогона или списком с него⁶⁰ — мы можем ответить теперь определенно: автографом она не является. Сличение почерка петербургской рукописи с опубликованными Папастатисом образцами почерка румынской рукописи⁶¹ показывает, что они писаны разными писцами, и поскольку петербургский список действительно принадлежит руке Георгия Хрисогона (вспомним запись писца на л. 381 об.—382 со словами *παρ' ἐμοῦ*), то, следовательно, румынский — нет. Доказывается это и тем, что помета писца на л. 241 румынской рукописи, в точности воспроизводящая помету писца петербургской, опускает все же слова *παρ' ἐμοῦ*.

Не является румынская рукопись и списком с петербургской. Обе рукописи датированы: румынская — 20 мая 1730 г., петербургская — 23 мая 1730 г. Важно отметить, что на л. 361 петербургской рукописи, как раз перед последней, 47-й главой восьмой книги, т. е. главой с апостольскими канонами, есть еще одна датировка — 21 мая 1730 г. со словами *καὶ τῷ Θεῷ δοξα*. Текст памятника, стало быть, мыслился переписанным полностью и завершенным, но после этого Георгий Хрисогон решил списать и последнюю главу, что заняло у него еще два дня. Можно только гадать о том,

---

в том числе специальная работа о нем: *Russo D. Gheorghe Hristogon și Gheorge Hypomenas din Trebizonda // Russo D. Studii istorice greco-române: Opera postume. București, 1939. T. 1.*

⁶⁰ *Papastathis Ch. C. Νομοκάνων. Σ. 370.*

⁶¹ *Ibid. P. 615–617.*

почему же все-таки Георгий Хрисогон сначала хотел обойтись без главы с апостольскими канонами? Осознавал их гетерогенность по отношению ко всему остальному корпусу? Но ведь в своей другой, неизвестной нам рукописи, которая была, очевидно, архетипом для всех остальных списков (в том числе и для известных нам петербургского и бухарестского), он уже включил в состав памятника данную главу, о чем красноречиво свидетельствует бухарестский список, независимый от петербургского. К тому же, присоединив 47-ю главу к тексту памятника, Георгий Хрисогон завершил текст не так, как анонимный писец бухарестской рукописи (Τέλος. Τρισυποστάτω δε Θεῷ χάρις, καὶ δόξα), а по-своему: Τέλος τῶν διαταγῶν τῶν ἁγίων ἀποστόλων τῶν διὰ τοῦ Κλήμεντος πάπῃ τῆς Ρώμης.

О том, что бухарестский список независим от петербургского (как, впрочем, и наоборот), свидетельствует не только более ранняя (на 3 дня!) его датировка, но и другие особенности: текст его более полный (укажу только на отсутствие в петербургском списке конечной фразы Δὲν ἀγαλῆς κτλ. в гл. 1 кн. I, слов καὶ ἐκεῖ в первой строке гл. 4 кн. I, и т. д.), характер разночтений, наконец, структура самой рукописи: если наша рукопись содержит только текст «Номоканона Георгия Трапезундского» и ничего больше, то в бухарестской, в которой «Номоканон» содежится на л. 69–241, имеется еще такой памятник, как «История Иисуса сына Сераха» (л. 1–61 об.), притом остальные листы рукописи (62–68, 242–257) остались чистыми от каких-либо текстов. Все заставляет думать, что этими двумя рукописями не должна была бы исчерпываться рукописная традиция памятника. Над копированием его, может быть, трудился целый скрипториум, в составе которого работал и сам создатель его — Георгий Хрисогон.

Софийский список Шестикнижия Константина Арменопула

Речь идет о бумажной греческой рукописи № 54, хранящейся в Народной библиотеке «Кирилл и Мефодий», с которой автору этих строк удалось ознакомиться во время краткого пребывания в Софии в декабре 1980 г. В каталоге Маньо Стоянова рукопись обозначена (и суммарно описана) как «номоканон» XIV в.⁶² На самом же деле даже беглый просмотр (в моем распоряжении было 2 дня для работы с рукописью) показал, что мы имеем здесь дело с еще неизвестным одним из наиболее древних и интересных списков Шестикнижия Константина Арменопула.⁶³ К сожалению, рукопись находится в катастрофическом состоянии: она побывала в огне, начало и конец рукописи сгорели полностью, рукопись сильно обгорела сверху и по краям, бумага во многих местах потемнела и обуглилась, ломается от малейшего прикосновения. В результате невозможно указать размеры рукописи (в четвертку?), число строк, наличие древней пагинации (когда сохранилась буквенная нумерация тетрадей). Современная (карандашная) пагинация начинается лишь с 16-го листа и насчитывает 141 лист; первые 15 листов (фактически фрагментов, так как большая

---

⁶² Опис на гръцкитe и други чуждоезични ръкописи в народна библиотека «Кирилл и Методий». Съставил Маньо Стоянов. София, 1973. С. 63.

⁶³ См. последнее издание труда: Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Πρόχειρον Νόμων ἢ Ἐξάβιβλος, ἐπιμέλεια Κ. Γ. Πιτσάκης. Ἀθήνα, 1971. См. также: *Pitsakes K. G. Κριτικὲς παρατηρήσεις στὸ κείμενο τῆς Ἐξαβιβλίου (Ἀνάτυπον)*. Ἐν Ἀθήναις, 1973; *Fögen M. Th. Die Scholien zur Hexabiblos im Codex vetustissimus Vaticanus Ottobonianus gr. 440 // Fontes Minores*. 1981. Bd. IV. S. 256–345.

верхняя часть их полностью сгорела) не нумерованы, как и 29 последних. Таким образом, первоначально рукопись имела по крайней мере 185 листов. Сохранились фрагменты деревянного переплета. Текст писан черными чернилами, изысканным беглым минускулом (писец был, несомненно, высокообразованным человеком), с применением сокращений (подписная йота отсутствует); заглавия, титулы, рубрики, инициалы, указания на источники — ярко-красным, на полях много схолий, которые почти не читаются. Бумага итальянского происхождения, содержит филиграны трех типов, как раз на сгибах тетрадей: 1) Безмен⁶⁴ [л. 19, 20, 22, 33:34, 32:35, 41:42, 97:100] типа Брике № 12404 [Генуя, 1351 г.], о котором автор указанного альбома филиграней пишет, что это «исключительно итальянский знак, который, хотя и был широко распространен, находился в употреблении только на протяжении четверти века»;⁶⁵ 2) два круга, пересеченные чертой, которая завершается сверху латинским крестом [л. 7:8, 3:12, 47:50, 54:55, 61:62, 60:63, 74:75, 81:84], типа Брике № 3166 (Пиза, 1341 г. — ср. Мошин № 2034 от 1349 г.); 3) колокол, вид снизу (л. 90:91), полных соответствий найти не удалось (ближайшая аналогия № 3009 от 1363 г. Мошина). Так что рукопись скорее всего следует датировать если не серединой XIV в., то самое позднее — третьей четвертью XIV в. Очевидно, это «прижизненный» список, и было бы крайне важно отождествить почерк писца, чего мне сделать, к сожалению, не удалось.

Текст Шестикнижия начинается (на первом из нумерованных листов-фрагментов) с книги I, титула II,

---

⁶⁴ Peson ou Poids de romaine: *Briquet C. M. Les filigranes.* Paris, 1907. T. IV.

⁶⁵ Ibid. P. 621.

главы 3 (со слов $\text{Εἰ δὲ ἐντὸς τοῦ εἰρημένου ἐνιαυτοῦ}$), в дальнейшем изобилует обширными лакунами из-за сожженных мест. Поэтому мы не знаем, каким было заглавие сочинения, имелся ли в наличии пинакс всего Шестикнижия, присутствовали ли оба введения и т. д. А ведь неожиданностей от этого списка можно было бы ждать каких угодно, судя по тем «сюрпризам», которые преподносит сохранившаяся часть. Так, каждой из 6 книг предпослано свое собственное полное оглавление, причем первая и вторая книги объединены в одну [первую] книгу с единой нумерацией титулов, которых, таким образом, в ней насчитывается 29; третья книга становится второй, четвертая — третьей, пятая — четвертой, шестая — пятой (в ней насчитывается не 15 титулов, но 19, так как 4 дополнительных титула — $\text{\u03b5\u03c4\u03b5\u03c1\u03bf\u03b9 \u03c4\u03b9\u03c4\u03bb\u03bf\u03b9 \u03b4\u03b9\u03ac\u03c6\u03bf\u03c1\u03bf\u03b9 \u03b1\u03bd\u03b1\u03b3\u03ba\u03b9\u03bf\u03b9}$ — включены в состав книги и продолжают нумерацию ее титулов), а роль шестой книги выполняет не что иное, как Земледельческий закон в его известной арменопуловской редакции⁶⁶ (л. 133–137). Правда, заглавие Земледельческого закона сгорело (от него сохранились лишь слова $\text{\u03bb\u03b7\u03c7\u03b5\u03c9\u03c3 \u0399\u03bf\u03c5\u03c3\u03c4\u03b9\u03bd\u03b9\u03b1\u03bd\u03bf\u03c5}$), и мы не знаем, присутствовали ли в заглавии слова $\text{\u03b2\u03b9\u03b2\u03bb\u03b9\u03bf\u03bd \u03b5\u03ba\u03c4\u03bf\u03bd}$. Думается, что дело обстояло именно так, поскольку (как и в предыдущих пяти книгах) Земледельческому закону на л. 133 предпослано полное его оглавление (пинакс в 14 титулах), а завершается Земледельческий закон на л. 137 внизу словами (красным) $\text{+\u039c\u03b5\u03bb\u03bf\u03c3 \u03c3\u03c5\u03bd[...]}$

---

⁶⁶ Проблема авторства Константина Арменопула в отношении этой позднейшей редакции Земледельческого закона рассмотрена нами в специальной работе: *Медведев И. П.* Был ли Константин Арменопул автором «арменопуловской» версии Земледельческого закона? // Византийские очерки. Вып. 4. М., 1982. С. 216–234.

ἐξαβιβλου+++ . И еще ниже +Δο [...] στατ' καί μόνω θεῶ+. ⁶⁷ Далее (л. 137 об.—138 об.) следуют как будто ἐπίμετρα, хотя сейчас, не имея под рукой рукописи и не располагая ни микрофильмом, ни фотокопией этой части рукописи, я не могу это утверждать с уверенностью. Наконец, на л. 139 помещено полное оглавление (λίναξ) арменопуловской «Эпитомы божественных и священных канонов», а за ним идет сама «эпитома», ⁶⁸ от которой почти ничего не осталось.

Представляется необходимым более подробно коснуться вопроса о Земледельческом законе, тем более что только эту часть рукописи мне удалось сличить с печатным (Хаймбаховским) текстом. ⁶⁹ Как уже было отмечено, памятнику предпослан λίναξ, состоящий из 14 титулов и отсутствующий в прочих рукописях и в печатных изданиях Земледельческого закона. Пинакс (л. 133) расположен в 2 столбца (самый текст памятника — в один столбец) и имеет следующий вид:

Τίτλος ᾱ περί γεωργῶν	Τίτλος β̄ περί μορτῆς
Τίτλος γ̄ περί ἐφημισείας	Τίτλος δ̄ περί κλοπῆς
Τίτλος ε̄ περί ἀγελλαρίων	Τίτλος ζ̄ περί πραίδας ζῶων
Τίτλος ζ̄ περί ζημίας	Τίτλος η̄ περί φόνων ζῶων
Τίτλος θ̄ περί δένδρων	Τίτλος ῑ περί ἐμπρησμοῦ
Τίτλος τὰ περί δούλων	Τίτλος ιβ̄ περί καινοτομίων
Τίτλος ιγ̄ περί μυλώνων	Τίτλος ιδ̄ περί ὑδάτων

⁶⁷ Низ данного листа рукописи очень поврежден, бумага осыпается, и я боюсь, что если не будут приняты меры, эта важная запись скоро исчезнет.

⁶⁸ Об этом юридическом труде Арменопула см.: *Pitsakes K. G. Γύρω ἀπό τις πηγές τῆς «Επιτομῆς Κανόνων» τοῦ Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου: τὰ σχόλια* (Ἀνάτυπον). Ἐν Ἀθήναις, 1978, а также настоящее издание, с. 244–246.

⁶⁹ Constantini Harmenopuli Manuale legum sive Hexabiblos cum appendicibus et legibus agrariis / Illustravit G. E. Heimbach. Lipsiae, 1851. P. 828–851.

Как видим, разбивка на титулы и число этих титулов несколько иные, нежели в других рукописях и в хаймбаховском печатном тексте: главы 20 и 21 титула I выделены в особый (второй) титул, остальные главы этого же титула (начиная с гл. 22) составили третий титул; соответственно обычный второй титул стал четвертым, третий — пятым, четвертый — шестым, пятый — седьмым, шестой — восьмым, седьмой — девятым, восьмой — десятым, девятый — одиннадцатым, десятый — двенадцатым, причем главы 6 и 7 его были выделены в особый — тринадцатый — титул, наконец, главы 8 и 9 (главы 10 и 11 отсутствуют вообще) — в четырнадцатый. Проόσιον отсутствует, в тексте много лакун из-за сожженных мест (отметим лишь самые значительные, следуя делению текста в издании Хаймбаха: I 3 со слов $\mu\eta$ διαστρέψωσιν — 116 до слова $\gamma\omega\mu\eta\eta$; I 13 со слова $\tau\rho\upsilon\epsilon\acute{\iota}\omega\sigma\alpha\nu$ — I 16; I 24—II 2 до слова $\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\upsilon$; III 1—III 3 до слова $\lambda\acute{\alpha}\sigma\alpha\nu$; IV 4 — IV 8 до слова $\lambda\acute{\alpha}\lambda\omega$; VI 6—VI 10; VII 5—VIII 1; X 1—X 4).

Что касается самого текста памятника, то он последовательно воспроизводит те разночтения, которые в аппарате издания Хаймбаха отмечены как характерные для рукописи Haenelianus (бумажный кодекс конца XV в., в котором, однако, Шестикнижие имеет традиционное членение текста, а Земледельческий закон на своем обычном месте, после $\acute{\epsilon}\lambda\iota\mu\epsilon\tau\rho\alpha$, не являясь, таким образом, составной частью Шестикнижия). Но софийский список имеет и некоторые свои особенности: в нем отсутствует гл. 6 титула VIII, но зато присутствует гл. 4 титула VII; несколько иначе отредактирована гл. 12 титула II (в редакции, которую дают также такие списки арменопуловской версии Земледельческого закона, как оксфордский Bodl. 149

и московские ГИМ № 323, 330, 331, — все XV в.)⁷⁰ и т. д. Вообще наиболее близким софийскому списку из известных мне списков арменопуловской версии памятника является Bodl. 149, повторяющий все текстуальные и структурные особенности софийского списка, хотя в нем рубрики *περὶ μортῆς*, *περὶ ἐφημισείας*, *περὶ μιλῶνων* и не образуют особых титулов, да и сам Земледельческий закон не составляет части Шестикнижия, будучи отделен от него Эпитомой канонов.⁷¹

Итак, перечень известных нам ныне рукописей Шестикнижия, насчитывающий 68 рукописей,⁷² должен быть пополнен еще одной — софийской № 54.

«Русский Арменопул» и его критика в записке бессарабского юриста Ивана Танского

Византийское право и, в частности, Шестикнижие Константина Арменопула оставалось вплоть до самых новейших времен одним из основных источников права стран Юго-Восточной Европы, особенно в княжествах Валашском и Молдавском, будучи навязываемо здесь населению греко-фанариотскими чиновниками и отнюдь не всегда соответствуя его правовому

⁷⁰ См.: *Медведев И. П.* Был ли Константин Арменопул автором «арменопуловской» версии Земледельческого закона? С. 230–233.

⁷¹ Там же. С. 226–230.

⁷² *Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Πρόχειρον Νόμων ἢ Ἐξάβιβλος*. Σ. γγ'–ξά. Существенные дополнения и уточнения к рукописной традиции Шестикнижия сделаны в работе: *Fögen M. Th.* Die Scholien zur Hexabiblos. S. 356–357.

сознанию⁷³. Сказанное относится и к той части молдаво-валашского региона (территория между Днестром и Прутом), которая называлась Бессарабией и которая по Бухарестскому договору 26 мая 1812 г. отошла к Российской империи⁷⁴. Все попытки провести здесь правовую реформу и ввести в действие в качестве местного юридического кодекса разработанное специальной комиссией под руководством Петра Манеги особое Гражданское уложение, основанное преимущественно на заимствованиях из французского кодекса Наполеона, закончились неудачей; до издания кодекса дело не дошло⁷⁵. Тем не менее острая потреб-

---

⁷³ Обширную библиографию по данному вопросу см. в изд.: *Nomicon Prochiron élaboré par Michel Photeinopoulos à Bucarest (1763–1777) / Ed. par P. I. Zepos, V. A. Georgescu et A. Sifoniou-Karapas. Athènes, 1982. P. 609–622. См. также: Georgescu V. A. L'originalité du droit national des peuples du Sud-Est européen dans le contexte de la réception du droit romano-byzantin jusqu'au XIXe et la réception du droit occidental au XIXe siècle // IIIe Congrès International d'Études du Sud-Est européen. S. d. 66 p.; Mihut E., Georgescu V. A. La réception du droit romano-byzantin dans les principautés roumaines au XVIIIe siècle et au début du XIXe siècle: continuité roumaine et innovations de l'époque phanariote // VIIe Congrès International d'Études du Sud-Est Européen. Athènes, 1994. P. 641–670.*

⁷⁴ *Кассо Л. А.* Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 1913; *Он же.* Византийское право в Бессарабии. М., 1907.

⁷⁵ Подробно об этом кодификационном опыте кишиневских правоведов (малоизученная и забытая страничка в правовой жизни России), представляющем исключительной интерес по своей идеологии, методам, уровню специальных знаний, см.: *Кассо Л. А.* Петр Манега, забытый кодификатор бессарабского права. СПб., 1914; *Медве-*

ность русской администрации и русских судей в каком-то правовом сборнике сохранялась, и взоры законодателей снова обратились к Шестикнижию Арменопула и к «Юридическому пособию» молдавского логофета Андронаки Донича (1814).

В личном фонде известного ученого и переводчика греческих текстов на русский язык Спиридона Дестуниса (1782–1848), хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург), содержится относящийся к этому делу первичный документ, который мы считаем уместным опубликовать здесь (РНБ. Ф. 250. Ед. хр. 34):

16 августа 1828

№ 3917

В Правительственный Сенат
из Государственной Коллегии
Иностранных дел
Донесение.

В исполнение указа Правительствующего Сената от 8 августа под № 1477. Коллегия имеет честь донести оному, что присланные в 1826 году при Указе 2 Департамента Правительствующего Сената книги Арменопула и Донича на греческом и молдавском языках, препровождены были из Коллегии для перевода на Российский язык в Азиатский Департамент Министерства Иностранных Дел, которому ныне сообщено и о предписании Правительствующего Сената, доста-

---

дев И. П. Проект Гражданского уложения для Бессарабии (1824–1825) // ВИД. 2000. Вып. 27. С. 200–210; *Medvedev I.* La crise de la tradition juridique byzantine dans la Bessarabie du 19e siècle // VIIe Congrès International d'Études du Sud-Est Européen. Athènes, 1994. P. 671–698.

вить в Межевый онаго Департамент один экземпляр помянутых книг на Российском языке вместе с экземпляром Устава образования Бессарабской области, буде сей последний был переведен и напечатан от Азиатского Департамента, ибо таковой Устав в Коллегии переводим и печатан не был. Причем Коллегия предоставила Азиатскому Департаменту донести о последующем прямо от себя Межевому Правительствующего Сената Департаменту.

Павел Дивов
(указан еще секретарь Юкин
с непонятной датой
«Августа 14 дня 1828 года»).

На сей раз дело было доведено до конца, в 1831 г. в Сенатской типографии были отпечатаны русские переводы (без указания переводчиков) как Шестикнижия (в 2 частях), так и «Краткого собрания законов» Андронаки Доница, переплетенные, как кажется, в одном томе⁷⁶ и в количестве 30 экземпляров «выслан-

---

⁷⁶ «Перевод Ручной книги законов, или так называемого Шестикнижия, собранного отовсюду и сокращенного достопочтенным номофилактом и судьбою в Фессалонике Константином Арменопулом при чем прилагается и ручная книга о браках, сочиненная Алексеем Спаном. Ч. I. С. 264; Ч. II. С. 273. С издания, печатанного в Венеции в 1766 году. Печатано при Сенатской Типографии в 1831 году» + (в том же томе) «Краткое собрание законов, извлеченных из царских книг для руководства обучающихся оным, с указанием на книгу, титул, главу и параграфы Царских законов. В первый раз напечатанное, с дозволения Его Светлости Господаря и Владетеля Молдавии, Скарлата Александровича Калимахи Воеводы, с благословения Высокопреосвященнейшего Митрополита Молдавии, гос-

ные из Петербурга для нужд присутственных мест Бессарабии»⁷⁷. Кто был переводчиком сборника Донича, сказать трудно; что же касается Шестикнижия, то переводил его, по-видимому, все тот же Спиридон Дестунис, о чем сообщается в его некрологе, подписанном Д. Палеологом⁷⁸, но действительным автором которого является сын Спиридона Дестуниса — Гавриил (1818–1895)⁷⁹. На титульном листе обозначено,

---

подина Вениамина, трудами и усердием Молдавского Боярина Андронакия Донича изданное. Яссы 1814 года. Печатано при Сенатской Типографии в 1831 году».

⁷⁷ *Слуту К. Я.* Перевод на русский язык, издание и распространение юридических книг Молдавии // 3-я Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX века»: Тез. докл. Л., 1985. С. 96. Собственно говоря, автор имеет в виду лишь сочинение Донича, но поскольку Арменопул и Донич оказались волею судеб объединенными в одном томе, то эти сведения, по-видимому, относятся и к Шестикнижию. Неизвестно, каким был совокупный тираж этого сборника, наверняка ничтожный. Один экземпляр его мне удалось найти лишь в Российской национальной библиотеке (шифр: 18.101. 1.123).

⁷⁸ Записки Одесского Общества истории и древностей. 1850. Т. 2. С. 798–804. Ср.: *Papastathis Ch. K.* Zur Verbreitung der «Hexabiblos» des Harmenopoulos im slawischen Raum // *Balkan Studies*. 1976. Т. 17 (1). P. 75 (здесь же указ. греч. лит. о Дестунисе).

⁷⁹ Рукопись некролога (автограф Г. С. Дестуниса) хранится в Российской национальной библиотеке (Ф. 250. Ед. хр. 240). Именно констатация этого факта, а также сообщение А. Шукуровой о том, что ею найден в Москве в Архиве Министерства иностранных дел фрагмент рукописи русского перевода Шестикнижия, которая по почерку может быть атрибутирована Спиридону Дестунису (см.: Архивы

что перевод сделан «с издания, печатанного в Венеции в 1766 году», но в переиздании 1854 г. (также в Санкт-Петербурге) на с. XI содержится важное примечание о том, что «о переводе сей книги на российский язык Государственная Коллегия Иностранных дел (в лице переводчика Дестуниса? — *И. М.*) сличала оный с вытребованным из ИПБ экземпляром на древне-греческом языке. Вследствие сего сличения в некоторых местах оказалось несогласие между подлинником и новогреческим переводом». Автором примечания был, скорее всего, Гавриил Дестунис⁸⁰. Куда при этом делась таинственная рукопись Шестикнижия, «вытребованная» из Императорской публичной библиотеки, остается до сих пор загадкой; в Отдел рукописей этой библиотеки (ныне Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург) она, во всяком случае, не возвращалась⁸¹.

русских византинистов в С.-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 34–35), заставили меня отбросить появившиеся было у меня сомнения в принадлежности русского перевода Шестикнижия Спиридону Дестунису.

⁸⁰ Среди бумаг фонда Дестунисов Российской национальной библиотеки (Ф. 250. Ед. хр. 34) хранится листок с собственноручным наброском указанного примечания (ср. также упоминание этого факта колляции с греческой рукописью в вышеназванном некрологе (Ф. 250. Ед. хр. 240. Л. 20). Очевидно, переиздание 1854 г. осуществлялось под редакцией Гавриила Дестуниса, хотя это нигде не отмечено.

⁸¹ Проблемой исчезновения рукописи Шестикнижия занимался В. Н. Бенешевич (1874–1938), который в своем машинописном «Предисловии к каталогу греческих рукописей ГПБ» (Греч. 893) высказал предположение, что Шестикнижие «застряло где-то в министерстве иностранных дел» (Л. 13). Но пока все наши поиски не дали результата.

Оправдало ли возлагавшиеся на него надежды издание «Русского Арменопула»? Судя по неоднократным переизданиям (кроме указанных изданий 1831 и 1854 гг., следует упомянуть еще перепечатки в 1850 г. в Кишиневе у Акима Попова, в 1904 г. в «Местных законах Бессарабии» у Гроссмана, в 1908 г. в «Местных законах Бессарабии» у С. Р. Буковского и Л. В. Стамерова, г. Одесса), дело обстояло как будто именно так. Есть, однако, архивный документ, происходящий из Бессарабии тех времен, который отражает, по-видимому, сугубо негативную реакцию местных практиков-юристов на введение в Бессарабии «Русского Арменопула» в качестве юридического руководства.

Речь идет о докладной записке коллежского ассесора Ивана Танского от 4 февраля 1850 г. (г. Кишинев) о необходимости пересмотра местных законов, действующих в Бессарабии, Председателю Департамента законов Государственного Совета, Главноуправляющему II Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии, статс-секретарю, графу Дмитрию Николаевичу Блудову (хранится в Российском государственном историческом архиве в Петербурге)⁸². По мнению автора, поводом частых тяжб в Бессарабии служат «некоторые несообразности и противоречия в местных законах», убедительным доказательством чему «многие места из книг собрания законов Арменопула и Доница». «В этих-то законах, — говорит Иван Танский, — тяжущиеся извлекают для себя обильный источник неосновательных и несообразных с Русскими законами

---

⁸² РГИА. Ф. 1261. Оп. 1, 1840. Ед. хр. № 156. Л. 4–26. По-видимому, именно Иван Танский упомянут как выпускник Ришельевского лицея в 1841 г., см.: *Егоров А. Д.* Лицеи России: опыт исторической хронологии. Кн. I: Иваново, 1993. Ришельевский лицей. С. 166.

споров, споров для них же самих разорительных», и, «что всего неприятнее, эти споры часто бывают направлены против актов, освященных формами, обрядами и самим временем, с намерением придать часто ничтожным своим домашним бумагам силу и важность актов достоверных» (л. 4 об.).

Обильно цитируя русский перевод Шестикнижия именно в издании 1831 г. (редко указываются книги и титулы, чаще всего — просто страницы), Иван Танский подчеркивает устарелость многих положений, содержащихся в этой, как он считает, плохой компиляции, непонятность для русских должностных лиц и ненужную сложность некоторых разделов гражданского права. Особо выделено три уровня несообразностей: во-первых, в вопросах права на получение и возврат приданого, когда выходит, что «по одному только голословному показанию жены о принесении ею мужу своему приданого, собственность последнего должна подвергаться ответственности за оное, предпочтительно перед всеми законными кредиторами, не взирая даже на сомнительность прав, выставляемых женою» (л. 8); во-вторых, в вопросах нравственной стороны законов Арменопула, когда «древние постановления, в них содержащиеся (касающиеся, например, конкубината. — *И. М.*), несообразны ни с духом настоящего времени, ни с степенью нашего образования», и когда «не принося собою никакой пользы, а иногда существенный вред для нравственности, многие примеры или правила, содержащиеся в законах Арменопула, не соответствуют также и духу Нашей Православной Церкви» (л. 19 об.); в-третьих, в вопросах залогового права, когда «законодатель сначала предоставляет займодателям получить в уплату долга из имущества должника такую часть, которая более

нравится, потом дает четырехмесячный срок на выплату долга, а наконец устанавливает, что этим сроком могут воспользоваться только богатые, но не бедные, между тем как всякий произвол заимодавца, какой бы он ни был в имуществе должника, не может почитаться действием справедливым и безобидным, и как покровительством закона равно должны пользоваться богатые и бедные» (л. 23). Именно поэтому Иван Танский умоляет графа Блудова, «остановив просвященное внимание хотя на несколько часов на законах Арменопула, Донича, Спано и соборной грамоты Маврокордато, действующих в Бессарабии... испросить у Государя Императора разрешение о пересмотре всех этих законов во II Отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии и о сведении всего из них полезного и необходимого или в отдельный местный свод, подобно тому, как это сделано для остзейского края или в общий свод Российской Империи, как этим уже воспользовалась Малороссия» (л. 24 об.).

Во всем этом еще надо разобраться, и, в частности, в том, насколько эта критика относится не к «русскому», а к подлинному византийскому Арменопулу. Но и сейчас мы вправе, как мне кажется, сделать вывод о том, что и в этом уголке Юго-Восточной Европы в XIX в. в области права происходили процессы, характерные для всего этого региона и для этой эпохи: наблюдается ярко выраженный кризис византийской правовой традиции, осознается непригодность того же Шестикнижия для решения актуальных проблем в области гражданского права, его историческое несоответствие духу эпохи и народа — аргументы, которые в это же время и почти в тех же самых выражениях высказываются правоведами и интеллектуалами других стран Юго-Восточной Европы (например, возро-

дившейся Греции)⁸³, но которые именно в записке Ивана Танского получают наиболее адекватную и профессионально выраженную формулировку. Разумеется, вытеснение средневекового византийского права современным западноевропейским не означало окончательного изгнания его со сцены истории хотя бы потому, что, как это справедливо отмечает проф. Джорджеско, «одной из исторических составляющих западной рецепции византийская рецепция являлась через посредство латиноязычного римского права, что и позволило ей выжить и внести свой вклад в строительство оригинального национального права народов Юго-Восточной Европы».⁸⁴

Приводим текст записки Ивана Танского полностью (РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. 1840. Ед. хр. № 156. Л. 4–26).⁸⁵

---

⁸³ См., например: *Argyriadis Ch. Armenopoulos und der Zeitgeist des 19. Jahrhunderts // Rechtshistorisches Journal. 1984. Bd. 3. P. 243–251; Troianos Sp. N. Von der Hexabiblos zu den Basiliken // Subseciva Groningana. 1989. T. 3. P. 127–141; Pitsakis K. G. «'Από τοῦ Ἀρμενοπούλου εἰς τὸν Μοντεχρίστον»: Ὁ Κωνσταντῖνος Ἀρμενόπουλος στὴ νεοελληνικὴ παιδεία // Νεοελληνικὴ παιδεία καὶ κοινωνία: Πρακτικὰ Διεθνoῦς Συνεδρίου στὴ μνήμη τοῦ Κ. Θ. Δημαρά. Ἀθήνα, 1995. Σ. 333–362.*

⁸⁴ *Georgesco V. A. L'originalité... P. 49.*

⁸⁵ Записка писана каллиграфическим канцелярским почерком на одной (правой) половине каждого из листов. На л. 4 внизу карандашом помета: «Записка эта возвращена от А. М. Плавского по упразднении Кодификационной Комиссии Цар. Польского». Старинную орфографию меняем в публикации на современную.

л. 4   Записка о необходимости пересмотра местных законов, действующих в Бессарабии Его Сиятельству Председателю Департамента законов Государственного Совета, главноуправляющему II Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии, Статс-Секретарю Его Императорского Величества, господину Действительному Тайному Советнику и кавалеру Графу Димитрию Николаевичу Блудову. 4 февраля 1850-го г. Кишинев.

л. 4 об.   Поводом частых тяжб в Бессарабии служат некоторые несообразности и противоречия в местных законах. Убедительным тому доказательством могут служить многие места из книг собрания законов Арменопула и Доница. В этих-то // законах тяжущиеся извлекают для себя обильный источник неосновательных и несообразных с Русскими законами споров, споров для них же самих разорительных. Что всего неприятнее, эти споры часто бывают направлены против актов, освященных формами, обрядами и самим временем, с намерением придать часто ничтожным своим домашним бумагам силу и важность актов достоверных. Такие многочисленные споры о предметах вполне разрешаемых Русскими законами, часто бывают или следствием неправильных понятий, или влекут за собою // своекорыстные толкования. Из этих понятий и толкований родилось общее мнение, что обязательства, заключаемые в Бессарабии, не могут почитаться ни твердыми, ни самостоятельными, по крайней мере

- в применении к ним молдавских законов, не могущих сделать их ни теми, ни другими. Такое вредное направление понятий о тяжбах, возникающих в Бессарабии, вполне порождено местными законами. Для примера представлю Вашему Сиятельству некоторые из этих законов как более способствующие к разрушению общественного доверия, от // времени до времени, ощутительно упадающего в Бессарабии, по мере возникновения тяжб с каждым годом, все в больших и больших размерах. Между этими тяжбами, которые более всего поддерживаются местными законами, первое место занимают тяжбы и споры о праве на получение в возврат приданого, не только предпочтительно перед частными лицами, отыскивающими удовлетворения на законных актах, но и пред самую казною. Эти споры и тяжбы большею частью сопровождаются ссылкой на приданные регистры, составленные частным образом, на лоскутках // бумаги, а также и на записи, никаким присутственным местом не утвержденные. Этого мало — нередко случается, что в спорах и тяжбах о приданом вместо письменных доказательств за невозможностью их представить ссылаются на свидетельства лиц, от коих возвращение приданого отыскивается, или от коих оно получено; ссылаются также на родственников или свойственников. Все эти свои ссылки тяжущиеся подтверждают местными законами, которые в одном и том же предмете, крайне разнообразны и не положительны, как // этому вполне
- л. 5 об.
- л. 6
- л. 6 об.

- можно убедиться из V кни<ги> VIII титула на страницах 94 и 95 Арменопула⁸⁶. В этих постановлениях (Арм. кн. I. тит. XV ст. 94)⁸⁷ законодатель имеет великое попечение о безопасности приданого. Во многих случаях закон защищает приданое даже против самой точности правосудия. В законе именно говорится: «что если приданое будет обеспечено, то и браки будут заключаться, а от браков размножается род человеческий, а этого хочет и законодатель». Таким образом под словами «в сомнительных случаях отвечаем за приданое» законодатель понимает сле//дующее⁸⁸: если возникнет сомнение касательно приданого и чего-либо другого, то приданое предпочитается всему. Следующий пример объясняет это обстоятельство. Женщина, имеющая более или менее 12 лет от роду, вышла замуж и принесла супругу приданое; потом сей обеднел и задолжал. Жена искала быть удовлетворенною, в предпочтении другим заимодавцам, ибо требовала своего приданого, а заимодавцы оспаривали ее права требовать приданое, представляя, что брак не существовал; ибо она не достигла совершенного возраста, определенного законом, то есть 12 лет. // Так как дело было сомнительно и ни та ни другая сторона не могли пред-
- л. 7
- л. 7 об.

---

⁸⁶ Имеется в виду II часть русского издания Шестикнижия.

⁸⁷ Имеется в виду I часть.

⁸⁸ Следующая цитата не отличается точностью: ср. с. 96 I части русского издания.

ставить свидетелей в доказательство, закон определил, чтобы жена получила приданое, преимущественно пред другими заимодавцами; ибо в случае сомнения о том, было ли приданое или нет и недостатка свидетелей для доказательства, должно полагать, что приданое было». Далее следует: «сомнительную купчую должно толковать против продающего вещь, а сомнительный иск о вещи не вредит истцу».

- л. 8 Из этого следует, что по одному только голосовно//му показанию жены о принесении ею мужу своему приданого собственность последнего должна подвергаться ответственности за оное предпочтительно перед всеми законными кредиторами, невзирая даже на сомнительность прав, выставляемых женою. Этого мало — одно безосновательное притязание жены часто уничтожает формальные долговые акты мужа, совершенные при соблюдении всех узаконенных обрядов. Это тем более существует так на самом деле, что даже бездоказательность иска жены о приданом не только // ей не вредит, но еще и помогает.
- л. 8 об. Все то, о чем сейчас было говорено, никак не согласуется с справедливостью, долженствующею всегда и во всех находить себе защиту, особенно в законах. И что же? Сии самые законы, вместо того чтобы покровительствовать справедливости, охотно склоняются на сторону сомнительную, а истина, которую сопровождают акты, признаваемые Правительством за действительные, не находит себе никакого покровительства в этих законах,

- л. 9 одобряющих, без всякого законного права, посягательство на чужую собственность. Это тем более // неприятно, что тяжущиеся в Бессарабии освобождены от всякого штрафа за неправильность затеваемых ими тяжб. Таким образом, пользуясь этими законами, неблагонамеренные супруги, обременив долги имение, принадлежащее мужу, во избежание справедливой за это ответственности могут сговориться между собою и действовать заодно в обиду законных своих кредиторов под предлогом иска жены к имению мужа, обремененному долгами, о ее приданом. Для того чтобы сохранить это имение в целости,
- л. 9 об. не дав из него ничего кредито//рам, муж всегда будет утверждать, что обеспечивает им приданое жены. Когда же это показание мужа сверх того подкрепится подговоренною им женою и ее родственниками или только одною женою (хотя бы с ее стороны не было представлено никаких доказательств в справедливости своего показания), тогда по смыслу вышеприведенного закона самый даже несправедливый иск о приданом получает силу законного права — права, которое подвергает законных кредиторов разорению и отклоняет в пользу их удовлетворение по заемным обязательствам, если не совершенно, то по крайней мере // на неопределенное время.
- л. 10

Подобных постановлений о приданом, несообразных с Русскими законами еще много находится в законах Арменопула, а именно во II части Армен<опула> Титул<a> VIII (книги IV. — И. М.) на странице 41 говорит

- ся: оцененное приданое лежит на ответственности мужа, то есть: ежели в приданом, состоящем из животных, платьев или других вещей и оцененном в деньги, впоследствии убыток, как-то: ежели животные пропадут, или платья изнасятся женою, таковой убыток относится к мужу, который платит (sic!) цену потраченного. На 43: муж, получая приданое, не дает поручительства // в целости оно: ибо никогда не дается порука в женином приданом. На 44: если кто на словах только или по условию обещал приданое, то не менее обязан выдать оно. Отец, хотя бы он только на словах обещал приданое дочери своей, обязан выдать оно. На 46: если во время существующего брака муж займет у кого денег для покупки домов и в купчей и в обязательстве напишет, что на его деньги купит те дома, после же расторжения брака жена востребует приданое, то жена предпочитается заимодавцу и берет себе дома: ибо хотя в купчей и написано, что дома куплены на деньги, занятые у такого-то, од//нако закон не принимает сего во уважение, взирая на злоумышление мужчин противу прав и преимуществ женщин. На 48: жена имеет право собственности не только на имение, которое муж имел прежде брака по наследству, например, или по отказу. На 49: жена и во время существующего брака, ежели заметит, что муж ее приходит в бедность, может удержать его имущество в обеспечение приданого, как равно предбрачных даров и других вещей, приобретенных ею кроме приданого, дабы он
- л. 10 об.
- л. 11

- л. 11 об. их не истратил: в таком // случае, если муж принесет жалобу на нее, он теряет, если она будет просить на мужа, то выиграет, несмотря на продолжение брака. Таким образом она берет немедленно все следующее ей, как будто бы она взыскивала приданое по разводе с мужем, а взаимодавцы, ежели имеют какое-либо требование, должны судиться с ним и ежели найдут имение после того им приобретенное, берут оное. Жена в сем случае не может // отчуждать недвижимого имения; но из движимого, в случае необходимости, может продавать и отчуждать вещи для доставления потребного себе и детям своим. Если же жена отчуждает недвижимое имение, то муж имеет право просить на покупателя, а после смерти мужа жена не может уничтожить продажи. На 50-й: если муж отдал свое имение заимодавцам в залог, то приданое, хотя бы вещи жены были истрачены и она не имела бы детей, предпочитается прежним займам, невзирая на закладную, разве
- л. 12 об. когда есть прежнее приданое от // первой жены. Тогда оно предпочитается. Все сие относить должно к приданому, а не к предбрачному дару, ибо женщинам помогаем для отращения от них убытка, а не для доставления им прибыли. На 53-й: когда дочь умрет, приданое возвращается отцу, давшему оное и если те, коим было более 25 лет, при даче приданого были обмануты, то закон помогает им; ибо справедливость требует, чтобы никто не пользовался во вред другому, или понес убыток для чужой прибыли. На 55-й:

- л. 13 муж имеет право и по смерти жены в течение десяти годов требовать назначенное ему приданое. Одна жена, во // время существующего супружества, учинила розыск о приданом своем, и нашед, что муж ее продал имение принадлежащее приданому, принесла жалобу, судья отдал ей проданное имение, а покупщика осудил не только лишиться цены онога, но еще и заплатить то, что в оном убавилось. На 57: приданое можно вечно взыскивать и давность времени не прекращает иска. Вещей, принадлежащих предбрачному дару или приданому, нельзя ни отчуждать, ни закладывать даже с согласия жены, разве когда она о сем вторично условится и объявит свое согласие по прошествии двух лет и
- л. 13 об. то, еже//ли она может из других вещей получить ей принадлежащее; по сей причине, кто, не приняв означенной нами предосторожности, купит таковые вещи, к тому относится убыток, и жене никакого вреда не последует. На странице 58: если муж истратит вещи, данные женою сверх приданого, то ежели жена подарила ему оные, наследники его отвечают только в той мере, как он обогатился от них, а ежели он истратит те вещи без согласия жены, то обязан заплатить за них сполна, ибо жена имеет на оные право закладное, как и на приданое — жена имеет // полную волю распоряжать (sic!) как хочет отказанными ей вещами и другими данными сверх приданого, дарить их и отказывать. Выше было сказано, что муж осуждается возратить из приданого сколько состояние по-
- л. 14

зволяет ему: ибо закон не допускает до нищеты того, кто прежде был Господином жены; но вещи, данные жене сверх приданого, муж обязан выплатить сполна. Вещи, данные жене сверх приданого, не служат для надобностей мужа, и мать не отвечает за оные.

- Содержание сих постановлений служит
- л. 14 об. достаточным доказательством их несооб//разностей ни с духом настоящего времени, ни с общепринятыми правилами предосторожности при укреплении чьих бы то ни было прав собственности на имущество. Как же эти постановления довольно противоречивы, сбивчивы и более склоняются на сторону сомнительную, то оне только полезны для людей неблагонамеренных: ибо ни один благонамеренный, справедливый закон не может допустить по одному предмету столько противоречащих и неудобнопонятных суждений, сколько их находится в законах Арменопула. Уже это одно имеет в Бессарабии заметно вредное влияние на тяжу//щихся, что в собрании законов Арменопула для их прихотливых и затейливых исков представляется верная приманка. Все неблагонамеренные тяжущиеся льстят себя надеждою (которые впрочем редко их обманывают), что все их извороты и вымыслы (каким бы косвенным образом не были изобретены) в законах Арменопула непременно найдут для себя покровительствующее применение. Вот доказательства: А) Эти законы, с одной стороны, относят к ответственности мужа все принесенное ему женою приданое, не только цен-
- л. 15

- ное, но и самое незначительное, состоящее из
- л. 15 об. вещей и платьев, подвержен//ных тлению самым временем, с другой стороны, они же освобождают мужа от всякого обеспечения целостности приданого, предоставляя ему таким образом все средства для сокрытия, лежащего на имении обеспечения по предмету приданого и для вступления в долговые с посторонними лицами обязательства. Что из этого следует? Что мужу предоставляется возможность по всем его долговым обязательствам — не отвечать вовсе, под предлогом отыскания женою мнимого ее приданого, на пополнение коего она имеет преимущество пред всеми кредиторами. Б) Давая полное вероятие од//ному только словесному обещанию приданого, а также показание жены о действительности ее приданого, Арменопул вместе с тем лишает публичные акты надлежащей достоверности, акты, доказывающие приобретение мужем какого-либо имущества на деньги им позаимствованные, или другими законными способами. Все это для того, чтобы и отдельное от жены имение мужа обратиться на удовлетворение приданого: поводом сего постановления, какое-то предупреждение законодателя в злоумышлениях мужчин, противу прав и преимуществ жен//ского пола. В) Предоставляя женам требовать от мужей в возврат приданое, даже во время существующего брака, законодатель неизбежно поселяет между ними раздор в супружеской жизни, сверх того унижает мужа и в глазах жены и в глазах общества, лишая его
- л. 16
- л. 16 об.

- доверия, каким он должен пользоваться как глава семейства. Г) Воспреещающая отчуждать и закладывать кому бы то ни было вещи, составляющие приданое и по предбрачному дару принадлежащие жене, даже с ее согласия, законодатель вслед за тем (стр. 58, час<ть> II) дает жене полную волю распоряжаться (sic!) всем, что ей дано сверх при//даного, как то: дарить и отказывать; наконец осуждает мужа платить жене за все полученное ею сверх приданого. Этим самым Арменопул поставляет мужа в такое положение пред женою, что он со всем принадлежащим ему имуществом представляет собою лице бесприкословного (sic!) ответчика. Муж обязан всегдашнею ответственностью пред женою и в том случае, когда приданое и все что только ею принесено (по собственному ее показанию) при выходе замуж потерпит изменение или уменьшение, даже по действиям, собственно предпринятым женою. Несмотря на то, что // самый закон предоставляет жене полное право расточать свое имущество по своему произволу, не испрашивая на это согласия от мужа, невзирая и на то обстоятельство, что жена уже неоднократно, по своему произволу, расточала имение, законодатель обязывает мужа всегда дополнять оное, как бы не подлежащее от времени и обстоятельств ни тлению, ни уменьшению, ни изменению и дает совершенную свободу мужу и жене в совокупности, скрыв лежащее на имени сего последнего обеспечение приданого, действовать заодно во вред законных
- л. 17
- л. 17 об.

- л. 18 кредиторов мужа или жены. Д) Законодатель предо//ставляет жене, совершившей с мужем какое-либо условие, оспорить и уничтожить все то, что он в продолжение двух лет на основании такового условия сделает. Этим самым постановления противоречат общегосударственным законам, по силе коих всякое лице (sic!) может иметь, приобретать и сохранять отдельное свое имущество, а также входить в обязательства и непременно ответственать по оным собственным достоянием, — законам, по коим жена по всяком положении мужа, обязана разделять и носить наравне с ним все его тягости, как неразрывный член одного священного с мужем союза и Е) Прис-
л. 18 об. воя без // молвное закладное право на имение мужем для обеспечения приданого жены и другого ее имущества, законодатель сам предоставляет полную возможность скрывать от всеобщего сведения существующее на этом имени тайное запрещение и ввергать таким образом без всякой вины в потерю собственности множества невинных людей, которые с мужем как с действительным владельцем своего имущества входили или входят в разные законами дозволенные обязательства. Этот безмолвный залог, означающий, при всем уважении к неприкосновенности приданого, одно лишь хитрое и тайное посягательство на чужое // достояние, не может быть обязательным даже для частных лиц, тем более для присутственных мест, которым известны одне только публичные по закладам запрещения, совершенные в установленном
- л. 19

порядке и которым на основании 602 и последующих статей X тома св. зак. гражд. (sic!) не предоставляется никакого права входить при совершении крепостных актов в какие-либо розыскания о том, не состоит ли перекрепляемое имущество в безмолвном закладе у жены или другого кого либо.

- л. 19 об. Не исчерпав и сотой доли противоречий, замечаемых в законах Арменопула, // не исчерпав всех противоречий и по одному только приданому, я с полным глубокого благоговения к величию Вашего Сиятельства, приемлю смелость доложить о нравственной стороне законов Арменопула. Древние постановления, в них содержащиеся, несообразны ни с духом настоящего времени, ни с степенью нашего образования. Не принося собою никакой пользы, а иногда существенный вред для нравственности, многие примеры или правила, содержащиеся в законах Арменопула, не соответствуют также и духу Нашей Православной Церкви. Этому доказательству следующие выдержки из II част<и>
- л. 20 Арменопула // на странице 15: если кто обыкновенно ходит к вольной женщине, которая не блудница, и обходится с нею плотски, то она не почитается наложницею, но женою его. Сына, подвластного отцу и ведущего распутную жизнь, принуждают вступить в брак и поневоле. На стр. 27: кто похитит девицу или вдову или невесту, тот не может жениться на ней, хотя бы отец ее простил и согласился на брак их; похититель наказывался вместе с своими помощниками. Если

- же увезенная девица захочет сочетаться с ним, приживет с ним детей, а потом он умрет, // то хотя бы он в завещании назначил ее своею наследницею, она не может ему наследовать. Если же она не сочеталась с ним, то берет его имущество. На 39-й: закон, запрещающий вступающей во 2-й брак жене брать что-либо из вещей подаренных ей мужем, не запретил того прелюбодейке. На 61-й: Дар между супругами не имеет законной силы 1-е ради супружской любви, 2-е чтобы не думали разводиться за то, что один не делает другому подарков, 3-е чтобы богатый супруг не сделался чрез сие бедным, а бедный богатым. Не только в законных, но и в запрещенных браках, дары между супругами // не позволены. Мужу запрещено давать подарки жене, но он может дарить своей наложнице. На странице 109: Жена сенатора или другой особы важного достоинства не может ничего подарить побочным своим детям ни при жизни, ни при смерти, ниже учредить их наследниками по завещанию вместе с законорожденными своими детьми. Вольная же и благородная, имеющая побочного сына, может учредить его наследником, ибо и сама наследует ему, разве когда он ею прижит от запрещенного брака (или нефария). Побочные дети, родившиеся от разных налож//ниц, не наследуют отцу, когда он имеет законорожденных, или жену, или других наследников, но только получают сколько-нибудь на пропитание от наследующих отцу, когда он умер без завещания. Побочному не наследуют род-
- л. 20 об.
- л. 21
- л. 21 об.

ственники его по отцу, ибо отец его не известен, только мать и братья матери наследуют ему. На странице 110: Рожденные от блудниц наследуют и бабке своей по матери, если она умрет без завещания. Если кто умрет без завещания и оставит после себя побочных и усыновленных детей, то он все вместе наравне наследует.⁸⁹

л. 22 Из вышедоложенного усма//тривается: а) что наложница предпочитается законной жене, ибо она может пользоваться подарками от мужчины, к ней привязанного, а жена лишена этого права, то есть пользоваться подарками от своего мужа, в) девица, увезенная тайным образом мужчиною и соединившаяся с ним браком, даже и после прощения такового поступка родителями, не может ему наследовать. Но это право наследования предоставляется ей только в таком разе, когда она с мужчиною, ее уведшим, будет вести блудную жизнь и с) дети, рожденные от блудной или прелюбодейной жизни, признаются

л. 22 об. за//конными наследниками в имуществе их родителей; тогда как и отечественные законы, и церковные постановления предоставляют эти права только законным детям и притом рожденным в законном браке, преследуя в то же время нарушителей брачного союза.

Кроме несообразностей, противоречий и отсутствия нравственного характера в законах Арменопула, многие постановления, содержащиеся в них, даже стеснительны как

---

⁸⁹ В издании: «то оне все вместе наравне наследуют».

- л. 23 для присутственных мест, так равно и для тяжущихся. Вот тому доказательства: в I части собрания законов (на стран. 237 и 47, 236) // законодатель сначала предоставляет займодателям получить в уплату долга из имущества должника такую часть, которая лучше, и которая более нравится, потом он дает четырехмесячный срок на выплату долга, а наконец устанавливает, что этим сроком могут воспользоваться только богатые, но не бедные; между тем, как всякий произвол займодателя, какой бы он ни был в имуществе должника, не может почитаться действием справедливым и безобидным, и как покровительством закона равно должны пользоваться
- л. 23 об. богатые и бедные. В одном месте // (стр. 55 1-й части) законодатель отвергает показания свидетелей, не достигших 25-летнего возраста; в другом же месте (стр. 60) таковое свидетельство допускает и признает действительною присягу людей всякого пола и возраста, даже малолетних; приписывает вероятие договорам неписанным, словесным (стр. 63–70), а лишает достоверности договоров письменных (стр. 44 II части). Это противоречие формально заключенным актам посредством явного им предпочтения частных бумаг порождает недоверчивость к публичным актам и расстраивает благосостояние //
- л. 24 людей, вверяющих свое достояние покровительству такого рода законов, которые, не сообразуясь с общепринятыми Русскими законами, противоречат между собою, запечатлены характером безнравственности и стеснитель-

ны своим применением как для присутственных мест, так равно и для тяжущихся. По этим одним только доводам, я решился докладывать Вашему Сиятельству о местных законах, действующих в Бессарабии.

- л. 24 об. Быть может, несообразности, противоречия и неудобства, встречаемые при применении законов, обратят на себя внимание Вашего Сиятельства. Быть может, // остановив просвященное внимание хотя на несколько часов на законах Арменопула, Доница, Спано и соборной грамоты Маврокордато, действующих в Бессарабии, Ваше Сиятельство из любви к справедливости испросит у Государя Императора разрешение о пересмотре всех этих законов во II Отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии и о сведении всего из них полезного и необходимого или в отдельный местный свод, подобно тому, как это сделано для Остзейского края или в общий свод Российской Империи, как этим уже воспользовалась Малороссия.
- л. 25 Чудная, дивная судьба, двух дивных мужей России, призванных ее // Великим Самодержцем на славу Русского законодательства! На долю незабвенного Графа Михаила Михайловича Сперанского выпало издание полного собрания и свода законов Российской Империи. Не менее завидная доля и Вашего Сиятельства быть составителем местных сводов, общих для Империи и отдельных для Царства Польского уложений. Блестящее начало, ознаменованное изданием уложения о наказаниях, неразлучного с именем Вашего Сиятельства,

- л. 25 об. вполне ручается, что и будущие уложения Русские также займут первое место между всеми доселе изданными, как Россия беспорочно заняла и занимает первое место в кругу Держав Европейских. Да продлит Небо драгоценные дни обожаемого нами Монарха и Его достойного сподвижника в деле великом, на многие и многие лета!.. Русское сердце преисполнено святых упований на благодать провидения. Бог любит Царя, Бог любит Россию, Россия любит своего возлюбленного Царя, Царь любит возлюбленную Им Россию; и православный Царь и Святая Россия, равно любят Бога. В этом тройственном, Священном союзе любви, мы смело глядим в будущее: оно кажется нам и светлым, и отрадным, и прекрасным, и великим! Только на этот // раз я позволю себе быть пророком, и пророком верным своему слову.
- л. 26

*Коллежский Ассесор
Иван Танский*

Список сокращений

- АДСВ — Античная древность и средние века (Екатеринбург).
АЕ — Археографический ежегодник (Москва).
БАН — Библиотека Российской Академии наук (С.-Петербург).
Вазелонские акты — *Успенский Ф. И. и Бенешевич В. В.* Вазелонские акты: Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII–XV веков. Л., 1927. 124. СЛ р. 11 табл.
ВВ — Византийский временник (Москва).
ВИ — Вопросы истории (Москва).
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины (С.-Петербург).
ВО — Византийские очерки (Москва).
ГЭ — Государственный Эрмитаж (С.-Петербург).
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения (С.-Петербург).
ЗРВИ — Сборник радова Византолошког института (Белград).
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе.
ПС — Палестинский сборник (С.-Петербург).
РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).
РНБ — Российская национальная Библиотека (С.-Петербург).
СВ — Средние века (Москва).
AAASH — *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* (Budapest).
Actes de Chilandar — *Actes de Chilandar* (= *Actes de l'Athos*, V) / Ed. L. Petit et B. Korablev. СПб., 1911 (Приложение № 1 к XVII тому ВВ). 368 с.
Actes de Dannoso — *Guillou A.* *Saint-Nicolas de Dannoso* (= *Corpus des actes grecs d'Italie du Sud et de Sicile*, 1). Città del Vaticano, 1967.

- Actes de Dionysiou — Actes de Dionysiou (= Archives de l'Athos, IV) / Ed. dipl. N. Oikonomidès. Paris, 1968. 250 p. + album de XLV pl.
- Actes de Docheiariou — Actes de Docheiariou (= Archives de l'Athos, XIII) / Ed. dipl. N. Oikonomidès. Paris, 1984. 397 p. + album de LXXVII pl.
- Actes d'Esphigménou — Actes d'Esphigménou (= Archives de l'Athos, VI) / Ed. dipl. J. Lefort. Paris, 1973. 250 p. + album de XL pl.
- Actes d'Iviron — Actes d'Iviron (= Archives de l'Athos, XIV) / Ed. dipl. J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou, avec la collaboration d'H. Métrévéli. Paris, 1985. T. 1. 318 p. + album de LXIV pl.
- Actes de Kastamonitou — Actes de Kastamonitou (= Archives de l'Athos, IX) / Ed. dipl. N. Oikonomidès. Paris, 1978. 128 p. + album de XVI pl.
- Actes de Kutlumus — Actes de Kutlumus (= Archives de l'Athos, II²) / Ed. dipl. P. Lemerle. Paris, 1988². 478 p. + album de LXXVI pl.
- Actes de Lavra — Actes de Lavra (= Archives de l'Athos, V, VIII, X, XI) / Ed. dipl. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssanthou. Paris, 1970. T. 1. 447 p. + album de LXXX pl.; 1977. T. 2. 316 p. + album de LXXII pl.; 1979. T. 3. 230 p. + album de LXII pl.; 1982. T. 4 (avec la collaboration de S. Ćircović). 413 p. + XVI pl.;
- Actes du Pantocrator — Actes du Pantocrator (= Actes de l'Athos, II) / Ed. L. Petit // BB. 1903 (Приложение № 2). 77 с.
- Actes de Philothéou — Actes de Philothée (= Actes de l'Athos, VI) / Ed. W. Regel, E. Kurtz, B. Korablev // BB. 1913. T. 20. (Приложение № 1); *Kravari V*. Nouveaux documents du monastère de Philothéou // TM. 1987. 10. P. 261–356+XIII pl.
- Actes du Prôtaton — Actes du Prôtaton (= Archives de l'Athos, VII) / Ed. dipl. D. Papachryssanthou. Paris, 1975. 320 p. + album de XL pl.
- Actes de Saint-Pantéléèmôn — Actes de Saint-Pantéléèmôn (= Archives de l'Athos, XII) / Ed. dipl. P. Lemerle, G. Dagron et S. Ćircović. Paris, 1982. 238 p. + album de LVI pl.
- Actes de S. Maria di Messina — A. Guillou. Actes de S. Maria di Messina: Enquête sur les populations grecques d'Italie du Sud et de Sicile (XIe–XIVe ss.). Palermo, 1963.
- Actes de Xénophon — Actes de Xénophon (= Archives de l'Athos, XV) / Ed. dipl. D. Papachryssanthou. Paris, 1986. 298 p. + album de LX pl.
- Actes de Xéropotamou — Actes de Xéropotamou (= Archives de l'Athos, III) / Ed. dipl. J. Bompaire. Paris, 1964. 293 p. + album de LIV pl.

- Actes de Zographou — Actes de Zographou (= Actes de l'Athos, IV) / Ed. W. Regel, E. Kurtz, B. Korablev // BB. 1907. Т. 13 (Приложение № 1). 213 с.
- B. — Basilicorum libri LX. Ser. A. Textus / Ed. H. J. Scheltema, N. van der Wal, D. Holwerda. Groningen, 1953 sq. (lib. 1–60).
- BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique.
- BNJb — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher.
- B. S. — Basilicorum libri LX. Ser. B. Scholia / Ed. H. J. Scheltema, D. Holwerda. Groningen, 1953 sq.
- Byz. — Byzantion (Bruxelles).
- BZ — Byzantinische Zeitschrift (München).
- C. — Codex Iustinianus (= C. I. C., vol. 2) / Ed. P. Krüger. Berolini, 1959.
- C. I. C. — Coprus Iuris Civilis / Ed. Th. Mommsen, P. Krüger, R. Schöll, G. Kroll. Berolini, 1954–1959. Vol. 1–3.
- C. Th. — Codex Theodosianus / Ed. Th. Mommsen, P. M. Meyer. Berolini, 1954.
- D. — Digesta (= C. I. C., vol. 1) / Ed. Th. Mommsen. Berolini, 1954.
- E. — Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V. / Hrsg. von L. Burgmann. Frankfurt-am Main, 1983.
- Ecl. B. — Ecloga Basilicorum / Hrsg. von L. Burgmann. Frankfurt am Main, 1988.
- EEBS — 'Επετηρίς 'Εταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν.
- Eis. — Epanagoge (corrigendum: Eisagoge) Basillii, Leonis et Alexandri / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1892.
- EKEIEΔ — 'Επετηρίς τοῦ Κέντρου ἐρευνῆς τῆς ἱστορίας τοῦ ἐλληνικοῦ δικαίου τῆς 'Ακαδημίας 'Αθηνῶν.
- Ep. A. — Epanagoge aucta / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal.
- EPA — Ecloga privata aucta.
- Epit. — Epitome legum / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Berolini, 1884.
- Ferrari. Formulari — Ferrari G. Formulari notarili inediti dell' età bizantina. Roma, 1912. 88 p.
- FM — Fontes Minores (Frankfurt am Main).
- Hexabiblos — Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Πρόχειρον Νόμων ἢ Ἐξάβιβλος / Ἐπ. Κ. Γ. Πιτσάκης Ἀθήνα, 1971.
- Hunger. Zwei Urkunden — Hunger H. Zwei byzantinische Urkunden des späten Palaiologenzeit aus der Österreichischen Nationalbibliothek // Hunger H. Byzantinische Grundlagenforschung. London, 1973. Art. VI.
- HZ — Historische Zeitschrift.

- IGR (Zach.) — Ius graeco-romanum, I–VII / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856–1884.
- IGR (Zep.) — Ius graeco-romanum, I–VIII / Ed. J. Zepos, P. Zepos. Aalen, 1962
- JÖB — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik (Wien).
- L. V. — Lex Visigothorum / Ed. K. Zeumer. Hannover; Leipzig, 1902.
- MM — *Moklosich F., Müller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860–1890. Vol. 1–6.
- N. — Nivelles (= C. I. C., vol. 3) / Ed. R. Schöll, G. Kroll. Berolini, 1959.
- NDI — Novissimo digesto italiano.
- OChA — Orientalia Christiana Analecta.
- Peira — Peira / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856.
- Proch. — Prochiron imperatorum Basilii, Constantini et Leonis / Ed. C. E. Zachariae. Heidelbergae, 1837.
- PWRE — Paylis Realenzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft, neue Bearb. von G. Wissowa.
- REB — Revue des Études byzantines (Paris).
- RESEE — Revue des études sub-est européennes (Bucharest).
- RH — Revue Historique (Paris).
- RHDFE — Revue historique du droit français et étranger (Paris).
- RJ — Rechtshistorisches Journal (Frankfurt am Main).
- RSBS — Rivista di studi bizantini e slavi (Bologna).
- Sathas.* Τύποι — *Sathas C. H.* Τύποι βυζαντινῶν συμβολαίων // *Sathas C. H.* Bibliotheca graeca. 1877. Vol. 6. P. 607–640.
- SBNE — Studi bizantini e neoellenici.
- Schreiner.* Zwei Urkunden — *Schreiner P.* Zwei Urkunden aus der Feder des Theodoros Meliteniotes (1387–1388) // OChA. 1977. Vol. 204. P. 187–199.
- Simon.* Kaufformular — *Simon D.* Ein spätbyzantinisches Kaufformular // Flores legum, H. J. Scheltema antecessori groningenano oblata. Groningen, 1971. P. 155–181.
- Simon, Troianos.* Geschäftsformulare — *Simon D.* und *Troianos S.* Dreizehn Geschäftsformulare // FM, 1977. Vol. 2. P. 262–295.
- SM — Synopsis Minor / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856.
- SMB — Synopsis Maior Basilicorum / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1869.
- Syllabus — *Trincherer Fr.* Syllabus graecarum membranarum. Neapoli, 1865.
- TM — Travaux et mémoires du Centre de recherches d'histoire et civilisation de Byzance (Paris).

Weiss. Dialysisformulare — *Weiss G. Kitantza*: Zwei spätbyzantinische Dialysisformulare // *FM*, 1976. Vol. 1. P. 175–186.
ZSSRA — Zeitschrift des Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung.

Указатель предметно-терминологический*

- авсонийские или итальянские законы 105
агнат 55
адвокатура, адвокаты 118, 121, 122, 130, 135, 256, 284, 323, 404
акт 260–280, 294–299, 303, 304, 308, 310, 374, 403–420
амнистия 71, 437
анафема 56
антецессоры 7, 109, 111, 112, 119, 134, 135, 145, 174, 186
аренда, арендный договор 285
- безвозмездность суда 140
брак и расторжение брака 137, 140, 143, 144, 160, 161, 165, 166,
173, 177, 181–183, 205, 211–217, 242, 388
брачный договор 5, 291, 388
бремя доказывания 441, 447, 452, 457, 460, 462–465, 469
- вероотступничество 141, 146, 156, 483, 485
взятки 95, 223
власть
    императора 61–65
    патриарха 63
    публичная 11, 14
воздержание церкви от применения смертной казни 480–482
волшебство 142, 486
вселенские судьи ромеев 95, 221–228, 232–235, 304, 369, 406, 445
- герои (юристы) 108, 111
глоссирование правового материала 186, 254
голые договора 464

---

* Указатели составлены Л. А. Герд.

- гомосексуализм 142, 486
государственная измена 157
государственный интерес 14
гражданские права 34
гражданство римское 19–21
- дар, дарение 140, 144, 177, 199, 259, 284, 312–315, 318, 329, 331, 368, 372, 373, 411
дарственные 368, 369, 372, 373, 378, 396
диплом об окончании училища 130
дистрибутивная интерпретация закона 6, 58, 98
дихотомический правовой мир 33, 58
добросовестное приобретение 209
доказательственная сила 299
    публичных актов 406
    частных актов 406–410, 412, 419
документы 216, 298–301 и др.
доместикация государственных служб 11
- Евангелие как атрибут присяги 225, 287, 412, 413
епитимья 451, 457, 459, 484
ереси 142, 146, 147, 159, 439, 483–485, 494
- завещания 5, 203–211, 291, 379, 380, 424–426, 457–461, 466, 467, 470–474
задаток 198, 203, 259
заемные обязательства 140
заимодавец 162, 521, 525, 526, 529, 538
займ 140, 162, 163, 284
заклад 140
законнорожденные дети 538
законодательство 302
законы
    неписанные 31, 32
    позитивные 32
залог 284, 520
злоупотребление должностное 209
- инвеститура 13, 202
инквизиция 483, 495
инсинуация 275, 399, 400
институт давности 144
инцест 142, 157, 486
ипотека 162, 163

иски 5, 187, 477

искупление вины 487

исповедание веры 68

квазиподлог 425–429

клевета 156, 441, 456, 457, 466

клятва 164, 165, 211, 272, 466

императоров 67, 224, 232

свидетелей 271, 286, 287, 404, 412, 468, 475

сторон 300, 301, 404, 413, 414, 441, 454–457

судей 95, 222, 223, 225, 404

табулярия 413, 462

клятвопреступление 141, 456

коммуникативная интерпретация закона 58, 98

компромисс (см. экономии принцип)

конкубинат 211, 212, 520

конституция 29–43, 84, 190–193

конфискация 490, 491

концессия 374, 461, 463

креста знак (сигнон) 186, 286, 376, 401, 468

купля-продажа 140, 284 и др.

легист 14

лжесвидетельство 287, 421, 424

магистраты 15

магия 137, 146, 490

манихеи 146–148, 483, 484

мировые 141, 415

монтанисты 146–148, 484

найм 140

необратимость наказания смертью 484

неотвратимость наказания смертью 436, 437, 497

номики 289, 290, 302, 325–336, 349–358, 362, 370, 381, 382

номофилак 127–132, 306, 316

нотариат 5, 255–402 и др.

нотариальные конторы 257, 263–265, 278, 293, 317, 321, 338

нотариальный знак 375, 376

нравственная сторона законов 535–539

обещание 141

обратная сила закона 136

обручение 141, 143, 159, 173

- общественный договор 40–43, 47
олигограмматы 276, 400, 401
опека 140, 144, 182, 218, 242
опечатывание документов 289
ослепление 71, 493
осквернение могил 141, 156
оскорбление
    величества 156, 434, 435
    действием 156
отравление со смертельным исходом 486
оформление сделки задним числом 461, 462
очищение древних законов 73–81, 109, 488, 489, 492
- павликиане 147
парики 367–390, 406, 418
парикия 367, 368
пенитенциарная система 141, 143
пентархия 78, 137
писцы актов 296 и др.
площадные подьячие (на Руси) 392
побочные дети 536, 537
повешение 486
повторное крещение 137
подделки 267, 270, 272, 292, 297, 383, 414, 415, 418, 419, 421, 422, 477
поддельватели 419
поджог умышленный 142, 156, 486
подлог 292, 303, 418, 420–442
помолвка 177, 284
попечительство 140, 144, 182
похищение 156
почерков сличение 269, 270, 273–276, 300, 311, 314, 441, 445, 446, 449, 451, 452, 456, 446–464, 472, 473, 476
- право
    варварское 210, 213, 432
    вещное 141
    гражданское 6, 216, 244
    исковое 141, 172
    каноническое (церковное) 6, 7, 23, 79, 80, 138, 172, 183, 184, 203, 206–208, 216, 244–253, 422, 423, 439, 484, 496
    квазифеодальное 8, 368, 369
    лангобардское 465, 498
    морейское 199–204
    наследования 140, 144, 177, 181, 184, 199, 202, 209, 211, 212,

- 216, 217, 242
- обычное 8, 11, 62, 72, 106, 142, 184, 198, 211, 215, 368, 369, 463, 486
- официальное 7, 184, 302
- позитивное 32
- «право на сопротивление» 16, 57–72
- публичное 11, 15
- рентное 106
- римское 11, 158, 186, 188, 480
- семейное 7, 198
- славянское 210, 215
- суппликации 227
- уголовное 7, 173, 177, 197, 242
- фискальное 186
- франкское 190–197, 465
- частное 6, 7, 11, 172, 177, 197
- эллинистическое 6, 282, 302
- правовое образование 102–133
- правопреемник 282
- правотворчество нотариусов 367–375
- превентивная функция наказания 143, 487
- предпочтения право 198, 209, 218, 389, 397
- презумпция подлинности публично-правового акта 439, 452
- прелюбодеяние 141, 156, 212
- престолонаследие 11, 43–57
- преступление
  - против веры 145–147, 482–484
  - против нравственности 156
- приданое 159, 177, 199, 284, 285, 370, 371, 387, 389, 447, 520, 524–535
- проект акта 278, 279, 294, 366, 374
- прониары 369
- прония 201, 202, 370, 455
- пытка 71, 487
- пьянство 249, 418

- рабское законодательство 184
- равенство перед законом 58, 85–102, 140, 223, 416, 427
- разбой 142, 156, 481, 482, 486
- разделение властей 68, 73
- регистры 275, 298
- ростовщичество 161, 162, 249

- свидетели 5, 71, 96, 140, 177, 203, 211, 218, 262, 269–280, 284–

- 288, 300, 301, 310, 318, 375, 379–381, 393–402, 404, 413, 414,
452, 457, 458, 460, 463–467, 471–473
- сводничество 156
- сделка торговая 5, 259, 299
- сигнон 417
- символеограф *см.* табеллион
- симфония 229, 250, 251
- сличение копии с оригиналом 460
- смертная казнь 71, 142, 146, 156, 157, 421, 423, 427–429, 431,
432, 435, 461, 479–498
- совершение документа 263, 282
- сожжение 486, 490–494, 496
- срок давности 437, 449, 456, 531
- ссылка и изгнание 71, 428, 460, 490, 491, 493
- стипуляция 281
- суверенитет государственный 12, 15
- суд 5, 6, 177, 404, 405
- архиепископский 7, 467, 468
- гражданский 284, 403, 474
- «практорский» 468
- синодальный 446, 457, 463, 469–473
- уголовный 403
- церковный 438, 439, 474, 475
- судебная реформа 34, 65, 95, 221–229, 233, 237, 250, 254
- схоластики 119, 134, 140, 144, 145
- схолирование 186, 245
-
- табеллионы 256–274, 278–281, 284, 289, 290, 295, 297, 309, 324,
327, 328, 381, 387, 388, 457, 463, 467
- табеллионатный документ 257, 260, 266, 271, 289, 317, 391, 463
- табуляриат 308, 324, 325, 352, 382
- табулярии 119, 123, 130, 262, 276, 285, 286, 289–297, 302–307,
316, 317, 321, 322, 325–332, 337–353, 356, 358, 362, 364,
365, 372, 376, 381–383, 388–390, 462, 463, 467
- талиона 142, 429
- тюрьмы 433, 435
-
- убийство 142, 146, 157, 158, 486
- уплата долга 123, 124
- устаревшие законы 182, 183
- усыновление 184
- учителя права 123, 124
-
- фальшивомонетничество 156

феодализм 187–189, 192–200, 204, 215, 228

хирограф 261, 285, 300

царский закон 59, 64

цензивы 201

церковное убежище 141, 156

целибат 137

членовредительство (увечье) 71, 141, 156, 431, 432, 435, 486,
496, 498

чрезмерный ущерб при продаже 500

шпионаж 156

штраф 203, 286

эгалитаристские идеи 6, 89

экономии принцип 214–216

экспертиза подлинности 438–478

эллинизация законов 168

эмфитевтическая аренда 284

эмфитевсис 140

эпитомирование 186, 245

этатизм 10–13, 17

юридическая помощь нотарию 390

юридический

    плюрализм 8, 215

    формализм 7

юридическое образование 102–135

Указатель именной

- Авгерий Бузбекский 218
Августин Блаженный 481
Агапит 34, 36, 37, 41, 87, 99, 100, 102
Агапит, сын Никифора, табулярий, Таранто (1193) 357
Азо, легист 422
Александр, император 177
Александр I, молдавский князь 220
Алексей I Комнин 35, 36, 50, 210, 219, 240, 253, 297
Алексей II Комнин 53, 54, 56
Алексей Дзизик, табулярий, Серры (1308–1309) 341
Алексей Макремволит 93, 94, 99
Алексей Маруллис, табулярий, Смирна (1274) 353
Альберт Гандинский 422
Амвросий, св. 76
Анастасий, император 36, 46, 68, 259
Анатолий, комментатор 171
Андрей, писец, Фессалоники (1008) 343
Анна Комнина 26, 51
Анна Савойская 348, 389
Андроник, дикей 349
Андроник I Комнин 57, 66, 67
Андроник II Палеолог 65, 95, 133, 217, 221–224, 407, 477
Андроник III Палеолог 95, 221, 224, 225, 228, 233
Андроник Папандроникопулос, примикирий табуляриев, Крит (1197) 339
Антонин, император 20
Аристакес Ластивертци 44
Аристотель 16, 32, 33, 38, 41, 58, 85
Арсений Авториан 206, 252
Арсений, монах Филофеева монастыря 206, 207
Афанасий, эпитоматор 171, 276
Афанасий, писец, Фессалоники (1048) 343

Афанасий Александрийский 82
Афанасий I, патриарх Константинопольский 79, 217, 219, 240, 252
Афанасий Эмесский 139

Балдуин 190
Беккария Чезаре 497, 498
Бенедикт, «публичный табулярий», Палермо (1259) 360
Бернгард из Павии 422
Блудов Д. Н., граф 519, 521, 523
Боккаччо 16
Бонифаций Монферратский 189, 190, 192
Борис Годунов 45
Брут 16

Валентиниан, император 80
Варда Скляр 91, 115, 168
Василий I 37, 45, 50, 176, 177, 179, 181, 183, 238
Василий II 60, 91, 115, 240, 501
Василий, писец, Фессалоники (1007) 343
Василий, писец, Таранто (1029–1040) 354
Василий, табулярий, Палермо (1239) 360
Василий Веаск, табулярий, Фессалоники (1295, 1309) 345
Василий Великий 252, 253
Василий Скамандрин 73
Василий Цикапит, номик (1263) 352
Вениамин, митрополит Молдавии 517
Владимир Святой 481, 482, 498
Владимир Мономах 498

Гарида, схолиаст 178, 283
Георгий, сын Петра, табулярий, Таранто (нач. 13 в.) 358
Георгий, номик, Йериссос (1080, 1085) 332
Георгий, табулярий, Галлиполи (1072) 357
Георгий Акрополит 133
Георгий Алифин, табулярий, Смирна (1242, 1257) 352, 353
Георгий Амартол 100, 101
Георгий Воловондис, табулярий, Смирна (1267) 353
Георгий Гемист Плифон 311
Георгий Гунаропул, номик, Смирна (1280–1287) 336
Георгий Каллист, номик, Смирна (1235?) 351
Георгий Каломев, писец, Зихна (1321, 1329) 361
Георгий Каронит (Каринит, Коронит), номик, дер. Мурмунды (1263–1276) 334
Георгий Комиан, табулярий 317

- Георгий Мосхинос, номик, дер. Левка и Кукули (1285?) 337
Георгий Пахимер 221, 222, 224
Георгий Перистериот, номик, Приена (1246–1248) 334
Георгий Пирр, писец, Фессалоники (1265) 334, 364
Георгий Трапезундский (Хрисогон) 503–507
Георгий Триволис, примикирий табуляриев, Серры (1308, 1309)
341
Георгий Хрисоверг, табулярий, Смирна (1256, 1263) 353
Георгий Хрисоверг, писец, Фесалоники (1306) 344
Герман II, патриарх Никайский 206
Глава, вселенский судья 227
Готфрид из Трани 422
Григорий Акиндин 437
Григорий I, архиепископ Охридский 219
Григорий Богослов 253
Григорий да Гарафало, табулярий, Мессина (1265) 361
Григорий Доксопатр 174
Григорий, номик, Галлиполи (1111, 1112) 358
Григорий II, папа Римский 76
- Давид 44
Даниил пророк 44
Данте 419, 422
Димитрий, писец, Фессалоники 342
Димитрий, писец, Иериссос (1290) 333
Димитрий, номик, Иериссос (1301) 333, 384
Димитрий Гемист, писец, Константинополь (1394) 311
Димитрий Диавасимер, писец, затем табулярий, Фессалоники
(1304–1352) 344–347, 369
Димитрий Кантемир 220
Димитрий Катавлаттас, «императорский табулярий»,
Фессалоники (1405) 383, 435, 436
Димитрий Кидонис 93, 237
Димитрий Палеолог, великий domestik 416
Димитрий Пирр, писец, Фессалоники (1204) 344, 364
Димитрий Хинара, табулярий, Фессалоники (1303–1306) 344
Димитрий Хоматиан 32, 33, 58–60, 98, 207–214, 232, 321, 338,
458, 460, 461, 468
Димитрий Хрисолора 35
Диоклетиан 11, 256
Дион Кассий 39
Дион Хрисостом 85
Дионисий Александрийский 253
Дионисий Ареопагит 252, 253

Дионисий Верий, писец, Фессалоники (1034) 343
Донич Андронаки 515–517, 519, 521, 523, 539
Дорофей авва 253
Дорофей, комментатор Дигест 171

Евламгий Агиоиринит, табулярий, Константинополь (1094) 310
Евсевий 74
Евстафий, схоласт 174
Евстафий Ромей 174, 210, 241, 440, 465, 500, 502
Евфимий, писец, Фессалоники (982) 342
Епифаний Кипрский 253

Жан д Ибелин 195, 197, 200

Иаков, писец, Фессалоники (1030–1034) 343
Иван III, русский царь 18
Илия, митрополит Критский 232, 246
Илья, табулярий (1154–55) 358
Иннокентий III 423
Иоанн, писец, Сило (1054) 357
Иоанн, номик, Фессалоники (1056) 343
Иоанн, сын Льва, табулярий, Таранто (1155) 357
Иоанн, номик, Иериссос (1290) 333
Иоанн, табулярий, Перам 310
Иоанн, номик, Лемнос (1321) 334
Иоанн Аргиропул, табулярий, Смирна (1257) 330, 353
Иоанн Анастасопул 348
Иоанн Апокавк 207, 208, 211–214, 484
Иоанн Афиат, табулярий, Константинополь (1357) 317
Иоанн Вриенний, писец, Фессалоники (1324) 346
Иоанн III Дука Ватац 406, 407, 409, 417
Иоанн Дамаскин 77, 78, 253
Иоанн Златоуст 253
Иоанн Зонара 35, 100, 101, 118, 210, 253
Иоанн Каломен, писец, Зихна (1329–1355) 361, 362
Иоанн Каматир 208
Иоанн VI Кантакузин 56, 228, 235
Иоанн Китрский 232
Иоанн Комис, номик, Иеру 336
Иоанн II Комнин 50, 51
Иоанн Конидис, писец, Филадельфия (1231) 340, 364
Иоанн Ксифилин 115, 121, 124–127, 130, 132, 174, 240, 252
Иоанн Куналис, табулярий, Смирна (1239–1258) 353
Иоанн Куркуас, писец, Таранто (1043–1054) 354, 355

- Иоанн Лаодикий, номик, Смирна (1237–1259) 351
Иоанн Лид 338
Иоанн Мавропод 115, 127
Иоанн Мармара, номик, Неохорий (1293) 337
Иоанн Навпактский *см.* Иоанн Апокавк
Иоанн Ния, табулярий, Тивериуполь (1286) 340
Иоанн Николай Александр Маврокордат, правитель Угровлахии
503, 505
Иоанн Оловол, табулярий Фессалоники (1374) 349
Иоанн V Палеолог 45, 235, 370
Иоанн VII Палеолог 436
Иоанн VIII Палеолог 409
Иоанн VIII, папа Римский 25
Иоанн Пелиот, табулярий, Константинополь (1357) 317
Иоанн Пердикарий, табулярий, Фессалоники (1295–1304) 345,
347
Иоанн Пигин, номик, дер. Силлиу (1265) 336
Иоанн Пирр, писец, Фессалоники (1310–1328) 344, 346, 347
Иоанн Пунк, табулярий, Константинополь (1357) 317
Иоанн Сгуропул, писец, Фессалоники (1373, 1374) 348, 389
Иоанн Селларис, табулярий, Филадельфия (1231) 340
Иоанн Солсберийский 15, 16
Иоанн Ставракий, табулярий, Фессалоники (1284) 344
Иоанн Старас, табулярий, Константинополь (1357) 317
Иоанн Стримвак, писец, позднее табулярий, Фессалоники
(1296–1328) 345, 346
Иоанн Схоластик, патриарх Константинопольский 207
Иоанн Фалакр, табулярий, Серры (1301, 1305) 340, 341, 366
Иоанн Филопон 41
Иоанн Фока, номик, Смирна (1293) 352
Иоанн Хил, табулярий, Диррахий (1246) 339
Иоанн Цимисхий 72, 73, 115, 501
Иоасаф, митрополит Эфесский 248
Иосиф, митрополит Апроса 227
Ипполит Римский 505
Ираклеон, император 49, 68
Иракий, император 49, 75, 135, 253
Ирина, императрица 164, 165, 284, 400, 467
Исаак Ангел 253
Исаак Комнин 253
Исидор Пелусиот 61, 253
Исократ 34, 98
Каллист I, патриарх Константинопольский 247, 303

- Калокир, табулярий, Палермо (1155–1177) 359
Калокир Секст 174
Калос, сын Думнендо, писец, Таранто (12 в.) 357
Карл Великий 12, 27
Кедрин 100
Кекавмен 19, 35, 39, 60, 90–93, 98
Киприан, св. 481
Кириак Стравомит, номик, Фессалоники (1112) 370
Кирилл, комментатор Дигест 171
Кирилл Александрийский 252, 253
Константа 49
Константин Дука 38
Константин II, патриарх 79
Константин III, император 49
Константин IV Погонат 75
Константин V 50, 166
Константин VI 50, 166
Константин VII Багрянородный 50, 117, 174, 219, 238, 240, 253, 501
Константин VIII 89
Константин IX Мономах 115, 125–127, 415
Константин X 89
Константин, номик, Иериссос (1001–1014) 332
Константин, писец, Палермо (1138, 1146) 359
Константин, табулярий, Трикарико (1148) 358
Константин, сын Николая, табулярий, Таранто (1193) 357
Константин Арменопул 43, 56, 107, 133, 219, 220, 233–245, 249, 253, 290, 298, 508–541
Константин Асканис, номик 323
Константин Великий 21, 45, 253, 414
Константин Влизима, табелион, Фессалоники (1117) 388
Константин Диплоит, писец, Вазелон (2-я пол. XIII в.) 363
Константин Кавасила 232
Константин Карантин, номик, Иеру (1236) 336
Константин Ксанф, номик, позднее примикирий табуляриев, Смирна (1207–1210) 326, 350, 453
Константин Лихуд 119, 121
Константин Мани, номик, Неохорий (1293) 337
Константин Мирсиниот, номик, крепость Палатиев (1212, 1213) 336, 337
Константин Мурму, писец, Вазелон (XIII в.) 363
Константин Рангаве, табулярий 322
Константин Стратиот, номик (1208) 336
Константин Философ 24–26, 44

- Константин Хлиорен 252
Констанций II, император 81, 82, 104
Косьма Лалатцис, писец, Вазелон (1273, 1275) 363
Косьма Магистр 502
Куркуас, сын Иоанна, писец, Таранто (981, 984) 335
- Ладислав Ягеллон 15
Лазарь, писец, Вазелон (1394) 363
Лев III 50, 68, 76, 77, 114, 115, 135, 160, 164, 166, 186
Лев IV 50, 166
Лев V Армянин 166
Лев VI Мудрый 50, 75, 89, 169, 177–185, 210, 212, 219, 221, 238, 240, 253, 259, 286, 290, 295, 400, 429, 467
Лев, судья, Палермо (XII в.) 359
Лев Атрапес, писец, Константинополь (1447) 312–315
Лев Грамматик 100, 101
Лев да Сан Маттео, табулярий, Мессина (1267) 361
Лев Капатос, номик, дер. Геникон (1283) 334
Лев Копадис, писец, Смирна (1240) 352
Лев Липарин, писец, Смирна (1246) 352
Лев Лист, великий эконоом 352
Лев Математик 115
Лев Стипиот 252
Лев Унгрелис, «табулярий и номик», Галлиполи (1227) 357
Лев Фовин, писец, Фессалоники (1284) 344
Леонтий, табулярий (VII в.) 377
Лука Хрисовегр, патриарх Константинопольский 191, 252
Лиутпранд 66
Людовик XIV 14
- Маврикий 49
Манега Петр 514
Мануил, примикирий табуляриев, Мельник (1355) 339
Мануил Вестарх, номик (1286) 336
Мануил I Комнин 52, 55, 57, 65, 90, 240, 253, 490, 496,
Мануил Лампудий, табулярий, Фессалоники (1240) 344
Мануил Контофрес, дука Фракии 406
Мануил Мосхопул 40
Мануил II Палеолог 35, 304, 305, 308, 348, 436
Марино Зено 190, 193
Мария Аланская 38
Маркиан, св. нотариус 123
Маркиан, император 80
Мартина, императрица 49

- Матфей Властарь 133, 249–253
Матфей, патриарх Константинопольский 323
Маркиан 45
Мартирий, св. нотариус 123
Мелетий, епископ Кесарополя 361
Мефодий, патриарх Константинопольский 137
Михаил III Анхиал 52, 252, 490
Михаил IV Авториан 206
Михаил VII Дука 38, 120, 187
Михаил VIII Палеолог 306
Михаил Ампелит, номик, Иеру (1255–1256) 334
Михаил Астрагал, табулярий, Смирна (1257) 353
Михаил Атталиата 19, 90, 120, 127, 187, 219, 231, 241, 251
Михаил Вальсамон, табулярий, Константинополь (1357) 317
Михаил Глика 433, 493
Михаил Италик 50
Михаил Казик, писец (1097) 337
Михаил Калорризос, табулярий, Серры (1336) 342
Михаил Керамевс, номик, дер. Мурмунды (1265) 336
Михаил II Куркуас, патриарх Константинопольский 493, 494
Михаил Кутариот, табулярий, Константинополь (1357) 317
Михаил Лименит, табулярий (1193–1200) 339, 386
Михаил Лист, номик (1274) 352
Михаил Мосхинос, номик, дер. Левка и Кукули (1231?) 337
Михаил, номик, Иериссос (1329–1332) 333
Михаил Панарет, писец, Димитриада (1271) 322
Михаил Панарет, табулярий, Константинополь (1357) 317
Михаил Пселл 19, 26, 60, 72, 89, 92, 104, 105, 115, 118–121,
124–127, 187, 319
Михаил Рангаве 45
Михаил Ритор 90
Михаил Сарантин, табулярий, Фессалоники (1326) 348
Михаил, табулярий, Фессалоники (1471) 349
Михаил Энгон, экзарх табуляриев, Константинополь (987) 309
Михаил Эфесский 32, 33
Мовсес Хоренаци 27
- Наполеон Бонапарт 14, 514
Никита Врамий, номик, Калимнос 336
Никита Калоинарис, писец, Смирна (1236) 326, 352
Никита Карантин, номик, крепость Палатиев (1250) 336
Никита, магистр раторов 115
Никита Пафлагон, писец, Вазелон (1264) 362
Никита Сотариот, табулярий, Фессалоники (1349–1374) 348, 389

- Никифор I, император 155, 430
Никифор I, патриарх 78, 494
Никифор Влеммид 35, 204
Никифор Вотаниат 253
Никифор Вриенний 51
Никифор Григора 19, 26, 224–226
Никифор Маллеас, табулярий, Фессалоники (1265) 344
Никифор Мосхопул 104
Никифор II Фока 66, 115, 240, 501
Никоклес 34
Николай, «символеограф», Фессалоники (897) 342
Николай, писец, Таранто (1035) 354
Николай, табулярий, Виджано (1043–1044) 356
Николай, «публичный табулярий», Палермо (1243) 360
Николай, номик, Янина 340
Николай Анкириан, номик, Приена (1251) 334
Николай Гликис 107
Николай Грамматик 252
Николай Кавасила 93
Николай Калоидис, номик, Эфес (1216) 336
Николай Комнин Пападопулос 234, 235
Николай Кондопавл, табулярий, Фессалоники (1112) 372, 387
Николай Лаодикин, номик, Мантея (1251) 454
Николай Матаранг 227
Николай Мистик 70, 252
Николай I, папа Римский 25
Николай Перегрин, табулярий, Диррахий (1246) 339
Николай Сиропул, номик, Смирна (1231) 350
Николай Филокинигит, номик, позднее примикирий табуляриев, Смирна (1277–1285) 335, 352
Никон, писец, Фессалоники (996) 343
Никулица Дельфин 39, 91
Нил Диасоренос, митрополит Родосский (Никита Мирсиниот) 347, 248
Орозий 12
- Пагано Коллура, табулярий, Мессина (1267) 361
Павел, апостол 481
Павел, римский юрист 297, 480
Павел III, патриарх 79, 137
Панкальо Куркуас, писец, Таранто (1084–1086) 355
Пасхалий, сын Иоанна, табулярий, Галлиполи (1203) 358
Патриот, табулярий, Константинополь (1357) 317
Патдис, судья 174

- Петр I, русский царь 18
Петр Александрийский 252
Петр, апостол 76
Петр Вальсамон 245
Петр Калуменос, судья, Палермо (XII в.) 352
Петрарка 29
Платон 31, 40, 42, 85, 98
Платон Студит 120, 135
Полиевкт 73
Поликарп, сын Дорофея, Смирна (1287) 354
Прокопий Газский 36, 46
Псевдо-Василий I 35
Псевдо-Иоанн Постник 252
Псевдо-Кодин 68, 307
- Роджер II, король Сицилии 324, 432
Роландино Пассаджери 392
Роман I Лакапин, император 210, 501
Роман II, император 240, 501, 502
Роман IV Диоген 35
Роман Калоидас, табулярий, Смирна (1256–1266) 353, 366
- Саул 44
Сенека 16
Сергий, патриарх 252
Сильвестр, папа Римский 252
Симеон, писец, Фессалоники (980) 343
Симеон Фессалоникийский 225
Синесий Киренский 34
Сисиний, патриарх Константинопольский 240, 252
Сократ 38
Спанос А. 516, 521, 539
Сперанский М. М. 540
Стефан, антецессор 145
Стефан I, патриарх Константинопольский 75
Стефан, комментатор Дигест 170
Стефан, король Сербский 208, 446
Стефан Аргир, примикирий табуляриев, Фессалоники (1097) 337
Стефан Левкатис, писец, Смирна (1250) 352
Стефанидес, сын Петра, табулярий, Таранто (1171–1177) 357
Сулла Корнелий 421
- Танский Иван, коллежский асессор 519–522

- Тертуллиан 12
Тиверий II 49, 86, 87, 99
Тимофей Александрийский 252
Трибониан 108
- Ульпиан 14, 59, 85, 256, 257
Урсо, сын Анастасия, табулярий, Таранто (1157) 357
Урсолеоне, писец, Виджано (1043–1044) 356
- Фалелей 171, 210, 283
Феодор, табулярий, Палермо (XII в.) 359
Феодор, примикирий табуляриев, Серры (1287) 340
Федор, эпитоматор 171, 276, 283
Феодор Астрагалин, номик, Смирна (1230) 352
Феодор Вальсамон 83, 102, 210, 231, 253, 488–498
Феодор Гермиупольский 162, 219
Феодор Гунгуликис, номик, Приноварис (1192–1232) 334
Феодор Диавасимер, писец, Фессалоники 347
Феодор Калигопул, примикирий табуляриев, Серры (1301, 1323)
340, 341
Феодор Каллист, номик, Смирна (1212–1251) 351, 373, 456
Феодор II Ласкарис 35
Феодор Логариаст, табулярий, Серры (1323–1326) 341
Феодор Мелитениот, писец, Константинополь 310, 472
Феодор Москинос, номик, дер. Левка и Кукули (1266) 337
Феодор Пегалис, писец, Фессалоники (1309) 345
Феодор Полея, номик, Смирна (1210) 350, 372, 453
Феодор Студит 77, 78, 253
Феодосий, номик, Иериссос (1032, 1042) 332
Феодосий III 68
Феодосий Великий 45, 75, 76, 108, 115
Феоктист, основатель университета 168
Феоктист Маврон, писец, Вазелон (1349) 363
Феофан, хронист 100
Феофил, парафраст 64, 105, 112, 135, 171, 260
Феофил, император 115
Феонас, табулярий, Диррахий (1246) 339
Феофилакт, писец, Базиликата (1055–1059) 356
Феофилакт Охридский 35, 37
Феофилакт Симокатта 99, 100
Филипп, писец, Калабрия (1042) 413
Филипп Август 13
Филипп Новаррский 195
Филофей, псковский монах 18

- Филофей Коккин 56, 236, 244, 245, 416
Фома Магистр 35, 93
Фотий, патриарх Константинопольский 37, 42, 61–64, 78, 168,
176, 178, 180, 207, 231, 253, 489
Фридрих II, король Сицилии 360, 399, 432
- Хрисафий, писец, табулярий, Калабрия (1057–1058) 356
Хрисоверг, табулярий, Константинополь (1357) 317
Хрисооанн, табулярий, Калабрия (1057–1058) 356
Христодул, табулярий, Константинополь (1357) 317
Христофор Митиленский 123
- Цицерон 12, 16, 85
- Черноризец Храбр 25
- Энантиофан 171
Энрико Дандоло 189, 190, 192, 193
- Юлиан Аскалонит 241, 502
Юлиан, схоласт 276
Юстин II 75, 87, 99–101
Юстиниан I 6, 7, 20, 21, 37, 47, 58, 73, 74, 80, 81, 86, 87, 103,
106–113, 139, 140, 144, 149, 156, 158, 159, 162, 168–172,
216, 219, 241, 253, 258, 262, 268, 269, 277, 280, 281, 288,
295–303, 308, 386, 422, 423, 464–467, 498
Юстиниан II 75, 136
- Ядвига 15

Указатель ИМЕН ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Адрианова-Перетц В. П. 482
Азаревич Д. 171
Алмазов А. И. 247–249
Арутюнова-Фиданян В. А. 27
Афиногенов Д. Е. 27, 137

Бенешевич В. Н. 205, 206, 518

Вальденберг В. Е. 31, 37, 39, 41, 46–48, 60, 88, 90, 91, 98–102
Васильевский В. Г. 407, 409, 417, 418, 442
Вин Ю. Я. 397
Виноградов П. Г. 110

Гранстрем Е. Э. 499
Гукова С. Н. 114

Дестунис Г. С. 517, 518
Дестунис С. Ю. 515, 517, 518
Дмитриев Г. 196, 197
Добиаш-Рождественская О. А. 194
Досталова Р. 38
Дыдынский Ф. 434

Загоскин Н. П. 482, 498
Зелинский Ф. Ф. 479

Кассо Л. А. 220, 514
Каштанов С. М. 378
Козлов А. С. 69
Кононенко А. М. 307

- Крылова С. Е. 15
Кучма В. В. 150
- Лаппо-Данилевский А. С. 403
Лебедева И. Н. 503
Левченко М. В. 292, 294
Липшиц Е. Э. 59, 96, 112, 113, 138, 139, 144, 147, 149, 150, 157,
159, 160, 163, 166, 168, 172–174, 184, 379, 404, 430
Литаврин Г. Г. 25, 28, 39, 73, 90–92, 188, 367
Ломоносов М. В. 29
Лучицкая С. И. 194, 195
Любарский Я. Н. 26, 50, 89, 90
Люблинская А. Д. 16
Ляпидевский Н. 255, 256, 266, 278, 289
- Мажуга В. И. 307, 378
Маньков А. Г. 498
Медведев И. П. 42, 45, 106, 139, 149–151, 170, 206, 215, 229,
236, 249, 288, 290, 305, 309, 313, 328, 339, 366, 411, 439,
476, 478, 485, 500, 510, 513–515
Морозов М. А. 339
- Нарбеков В. 490–492, 494
Наследова Р. А. 106
Павлов А. С. 51, 232
Палеолог Д. 517
Пиотровская Е. К. 149
Поляковская М. А. 93, 94
- Решетников Ф. М. 495
Ронин В. К. 28
Рутенбург В. И. 307
- Самодурова З. Г. 114
Свердлов М. Б. 482
Скабаланович Н. А. 114–116, 224
Скржинская Е. Ч. 307, 320
Слуту К. Я. 517
Соколов И. И. 221, 225–227, 229
Сокурова Н. И. 120
Стоянов М. 508
Сухарев А. Я. 30
Сюзюмов М. Я. 122, 150, 173, 185, 290–296, 328, 376, 502
- Удальцова З. В. 99

Флоря Б. Н. 24, 44

Хвостова К. В. 367

Чичуров И. С. 36, 37, 100

Шандровская В. С. 377, 379

Шукурова А. Э. 517

Щапов Я. Н. 498

Юзбашян К. Н. 44

Adler A. 290

Ahrweiler H. 75, 76, 79, 327, 329, 350, 352, 398, 487

Amelotti M. 255–257, 262, 267, 274, 279–283, 310, 321, 324, 325,
328, 338, 354, 355, 357, 359, 361, 383, 385, 386, 393, 399,
400, 502

Anastasi R. 116

Angold M. 338, 352

Archi G. 259

Archontones B. Ch. 244

Argyriades Ch. 522

Ashburner W. 150

Bagnani G. 419

Bales G. 373

Beck H. G. 19, 21, 29, 30, 34–36, 41, 43, 48, 63, 68, 75, 80, 82, 84,
138, 483–485, 488, 493–495

Beyerle F. 431

Beugnot A. 195

Biondi B. 481

Boissonade J. F. 127

Boor C. de 99, 100

Bosch U. V. 225, 228

Bourdara K. A. 57, 67, 70–72, 97, 157, 427–429, 433–435, 483

Brasiello U. 480

Bréhier L. 116

Bresslau H. 420

Briquet C. M. 509

Brooke C. N. L. 419

Browning R. 116

Brunner H. 261, 280–282, 287

Brühe C. 324

- Burgmann L. 76, 82, 83, 89, 107, 138–140, 145, 151, 154, 159,
164, 165, 170, 176, 219, 240, 284, 288, 289, 485, 503
- Caimi J. 338
- Canivet P. 133, 383, 435
- Carile A. 19, 190
- Casamassima E. 393
- Catalano P. 17, 18
- Cavallo G. 104
- Cheyne J.-Cl. 69
- Chrystochoidi K. 349
- Collinet P. 111
- Constable G. 419
- Costamagna G. 255–257, 262, 267, 269, 274, 276, 279–281, 283,
386, 391, 393, 502
- Cotroneo R. 357
- Cront G. 249
- Cusa S. 324, 359, 361
- Dagron G. 6, 75, 76, 183
- Dain A. 429
- Darrouzès J. 65, 205, 232, 236, 303, 311, 316, 325, 327, 329–331, 376
- Delle Donne R. 419
- Diehl Ch. 43, 45
- Dieten van A. 67
- Dölger F. 96, 165, 176, 223, 260, 261, 298, 339, 345, 348, 381,
386, 406, 420, 429, 432, 433, 440
- Drexl F. 120
- Dujcev I. 376
- Dumas Au. 269
- Dunham B. 97
- Durando E. 256
- Elbern S. 69
- Emminger K. 37
- Falkenhausen V. von 310, 321, 324, 325, 328, 338, 354, 355, 357,
359, 361, 399, 400
- Fédou R. 11, 55
- Ferrari G. 321, 324, 325, 329, 350, 365, 399
- Ferrini C. 176, 260
- Fögen M. Th. 113, 155, 170, 183–186, 210, 213, 219, 221, 235,
484, 501, 508, 513
- Follieri E. 128
- Francès E. 319

- Franklin S. 28
Frohne R. 37, 87
Fuchs F. 116
Fuhrmann H. 419
Fusco J. 50
- Gollo F. 258
Gallo-Orsi G. 259
Garufi C. A. 359, 361
Georgesco V. A. 423, 514, 522
Giandomenici A. 483
Gianelli C. 355, 356
Goetz W. 13
Goria F. 20, 21, 159, 160, 430, 432
Grandclaude M. 195
Graus F. 12
Gregory T. E. 485, 486
Grino G. 256
Grodzynski D. 480
Guarino A. 109
Guenée B. 12, 13, 15, 16, 48, 55
Guilland R. 69, 255
Guillou A. 204, 355, 356, 358, 401, 406, 412, 414
- Haenel G. 480
Harlfinger D. 313
Heimbach G. E. 511, 512
Heisenberg A. 204
Herde P. 419, 422, 432, 465
Hendrickx B. 189, 190
Herm G. 97
Hoermann S. 176
Holt J. C. 193
Holtzmann W. 358
Holwerda D. 122, 169, 491
Honoré A. 109
Huillard-Breholles J.-L.-A. 432
Hunger H. 35, 86, 136, 168, 216, 217, 219, 229, 311, 384, 398
- Immisch O. 32
Impellizzeri S. 116
Irmscher J. 19
- Jacoby D. 188, 199–203
Janin R. 310

Joannou P. 79, 136

Kaplaneres S. M. 347

Karayannopoulos I. E. 43, 73, 74, 77–79, 84, 86, 222, 227, 235, 477

Kaser M. 269

Kehr K. A. 324

Koder J. 122, 290, 292–294, 376, 503

Konidares I. M. 323

Konstantinopoulou K. M. 377

Köpstein H. 86

Kresten O. 66, 139, 166, 216, 219, 384

Kroll G. 103

Kukules Ph. 427

Kunkel W. 421

Kurtz E. 120, 123

Kyriakis M. J. 116

Laiou A. E. 63, 212–214

Lambropoulos K. 207

La Monte J. L. 195

Laiou A. E. 63

Lauffer S. 256

Laurent V. 217, 377

Lefort J. 115, 227, 387

Lemerle P. 116, 126, 127, 129–131, 221

Leone P. A. M. 26

Letsios D. G. 35, 150

Levi L. 41

Lokin J. H. A. 112, 170, 185

Lounghis T. C. 19

Macrides R. 497

Mai A. 88

Malafosse J. 30

Manaphes K. A. 323

Marcopoulos A. 69

Maridakis G. S. 243

Maruhn J. 218

Masai F. 311

Matschke K.-P. 303

Matses N. P. 160, 162, 210, 217, 240, 252, 373, 459, 461

Mazzucchi C. 38, 88

Mauromatis L. 49, 93

Marcati G. 176

- Mercati S. G. 355, 356
Meyer P. M. 108
Michaélidès-Nouaros G. 89, 185, 215
Michel E. 84
Mihut E. 514
Minniti Colonna M. 37
Mioni E. 313
Mitteis L. 258
Mommsen Th. 108, 158, 421, 480
Monferratos A. 145
Mortreuil J.-A.-B. 145, 207, 231–233
- Nakos G. 217
Nicol D. M. 21
Nicole J. 292, 294
Noailles P. 429
- Ohme N. 136
Oikonomides N. 133, 190, 206, 306, 307, 367, 368, 371, 383, 389,
416, 435, 488
Osenbrüggen E. 431
- Pantazopoulos N. J. 152, 153, 242, 243
Paoli C. 289
Papachryssanthou D. 332
Papadatou D. K. 404, 415
Papastathes Ch. K. 167, 234, 504–506, 517
Papayanni E. 75, 183, 325
Paris G. 195
Paschos P. B. 250
Patlagean E. 69
Perentidis St. 175, 204, 217, 221, 239, 245
Pertusi A. 24, 25, 32, 37, 38, 48–51, 56, 60, 61, 67, 70, 73, 74, 77–
79, 93, 98
Petropoulos G. A. 283
Pfaff J. 295
Pia Baccari M. 483
Pieler P. E. 23, 30, 31, 118, 136, 143, 152, 168, 172–174, 182, 217
Pitra J. B. 33, 59, 208–213, 263, 321, 338, 459, 461, 468
Pitsakis K. G. 43, 56, 216, 234–237, 240–246, 420, 428, 444, 508,
522
Post G. 13, 14
Potles M. 81, 84, 102, 122, 249, 251, 490, 494
Prevenier W. 190
Prinzing G. 208

- Recura G. 189
Reichardt G. 41
Regel W. 90
Renauld E. 51, 90
Rhalles G. A. 81, 84, 102, 122, 249, 251, 490, 494
Robinson G. 356, 357
Rodopoulos P. 249
Romano A. 35
Rösch G. 86
Russo D. 506
- Sachers E. 257, 383
Salač A. 128, 306
Saradi H. 165, 255, 256, 275, 291, 293, 378, 400
Sathas C. N. 119–121, 125, 126, 196, 198, 304
Savvides A. G. 417
Scheltema H. J. 113, 120, 122, 136, 169, 491
Schilbach E. 221, 304–306
Schminck A. 42, 63, 155, 170, 176, 179–183, 206, 219, 263, 276,
290, 291, 301, 422, 465
Schöll R. 103
Schmitt J. 189, 201
Schlumberger G. 377, 382
Schreiner P. 310, 385
Schulz F. 112
Schwartz E. 79
Seidl E. 118, 165, 176
Seremetis D. G. 392
Sevcenko I. 35, 93, 221
Silvestre H. 419
Simon D. 33, 43, 63, 64, 66, 86, 98, 114, 140, 155, 166, 185, 218,
219, 263, 269, 271, 272, 274–276, 292, 366, 375, 393, 422,
430, 452, 465
Siphoniou- Karapas A. 423, 514
Soloviev A. 250
Speck P. 116, 117, 122
Stöckle A. 295, 296
Stolte B. H. 112, 147, 170, 489
Strayer J. R. 11
Svoronos N. G. 135, 139, 141, 144, 168, 171–175, 220, 243, 500
- Tafel G. L. F. 193
Talamanca M. 386
Tardy M. 256

- Theocharides G. J. 249, 250
Thomas G. M. 193
Tiftixoglu V. 205
Tourtoglou M. 96, 206, 427
Troianos S. N. 67, 68, 71, 73, 75, 81, 114, 136, 140–147, 151, 155–158, 177, 183, 184, 186, 206, 207, 231, 252, 299–301, 404, 420, 423, 428–431, 433, 435, 437, 438, 440, 442, 447, 452, 453, 456, 458, 459, 466, 467, 469, 471, 473–477, 483, 484, 486–490, 522
Tsolakes E. Th. 433, 493
- Vatopedinos A. 383
Veglery A. 377
Venturi F. 497, 499
Verpeaux J. 68
Vogt A. 68
Vranusi E. L. 381, 382, 394
Vranoussis L. 107
Vryonis S. 122
- Wal van der N. 163, 169–171, 263, 264, 268, 275, 276, 465, 491
Waldstein W. 437
Weiss G. 105, 114, 116, 117, 119, 120, 124, 293, 319, 367
Wenger L. 109
Wolska-Conus W. 106, 111, 117, 118, 120, 122–124, 127, 132, 135, 292, 324, 330
- Zachariae von Lingenthal C. E. 87, 145, 154, 155, 159, 160, 166, 175, 177, 220, 225, 230, 231, 288, 325, 329, 331, 365, 456, 499–501
Zacos G. 377
Zakythinos D. 22
Zepos J. 42, 65, 96, 223, 225, 227, 230, 487
Zepos P. I. 42, 65, 96, 196–201, 223, 225, 227, 230, 260, 261, 281, 282, 302, 383, 423, 487, 514
Zilletti U. 269
Zingale L. M. 266

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Часть I. НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	
Из истории этатизма в средневековой Европе:	
точка отсчета	10
Можно ли Византию называть Византией?	17
Была ли в Византии конституция?	29
Был ли в Византии закон о престолонаследии?	43
Власть, закон и право на сопротивление	57
Номос и канон	72
Равенство перед законом:	
миф или реальность?	85
Из истории юридического образования в Византии	102
Часть II. ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	
Эпоха правового новаторства	134
Программа «очищения древних законов»	167
Право в эпоху латинского владычества	187
Юриспруденция накануне падения империи	215
Часть III. ВИЗАНТИЙСКИЙ НОТАРИАТ	
Законодательство о нотариате	255
Нотариат по данным частных актов	307
Институт свидетелей	393

**Часть IV. ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Акт как средство доказательства	403
Подлог по данным законодательства	420
Экспертиза подлинности документов в суде	438

Часть V. VARIA

Смертная казнь в толковании византийских юристов	479
О двух греческих юридических рукописях в Санкт-Петербурге	499
Софийский список Шестикнижия Константина Арменопула	508
«Русский Арменопул» и его критика в записке бессарабского юриста Ивана Танского	513

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	541

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНО- ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ	546

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ	553

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	565

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Художественный редактор:

В. С. Кучукбаев

Корректор:

Н. П. Дралова

Редактор:

Л. А. Абышко

Оригинал-макет:

Е. И. Шиленкова

ИД № 04372 от 26. 03 2001 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 13

Телефон издательства: (812) 567--2239

Факс: (812) 567--2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 12.06.2000. Подписано в печать 15.07.2001.

Формат 70×100/32. Объем 18 п.л. Тираж 1200 экз. Заказ № 4101

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии

«Наука» РАН: 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia